

ФЕНИМОР
КУПЕР

ФЕНИМОР

КУПЕР

«ТЕРРА»

ДЖЕЙМС ФЕНИМОР

КУЛЕР

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
В ДЕВЯТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1993

ДЖЕЙМС ФЕНИМОР

КУЛЕР

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ТОМ 8

**НА СУШЕ
И НА МОРЕ**

**КОЛОНИЯ
НА КРАТЕРЕ**

**МОРСКИЕ
ЛЬВЫ**

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1993

**ББК 84.7 (США)
К 92**

**Оформление художника
*В. Мирошниченко***

**Иллюстрации художника
*Е. Селезневой***

**Оригинал-макет подготовлен
частным агентством «А3»**

Составитель *О. Азарьев*

Купер Дж. Ф.
К 92 Избранные сочинения: В 9 т. Т. 8: На суше и на море;
Колония на кратере; Морские львы.— М.: ТЕРРА,
1993. — 688 с.
ISBN 5-85255-297-6 (т. 8)
ISBN 5-85255-116-3

К 4703040100-052 Подписное
А30(03)-93

ББК 84.7 (США)

**ISBN 5-85255-297-6 (т. 8)
ISBN 5-85255-116-3**

©Издательский центр «ТЕРРА», 1993

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Перевод с английского

А. А. Энквиста

Г л а в а   I

А я! Радость моей жизни ушла вместе с силой моего ума и огнем моего сердца. Немного снега заменило черные локоны, вившиеся на моем челе, и эти милые деревья, под которыми протекало мое шаловливое детство, бросают сегодня тень на мою могилу.

М и с с и с   Г и м е н с

родился в долине, прилегающей к морю. Мой отец в молодости был моряком, и мои первые воспоминания связаны с историей его приключений, которые возбуждали во мне живой интерес.

Он служил во время революционной войны и, между прочим, участвовал в сражении между Трумбуллем и Уаттом, сражении, считавшимся одним из самых блестящих морских эпизодов этой войны, о событиях которой он очень любил рассказывать.

Вследствие ранения, полученного им на войне, на его лице остался шрам; не будь этого знака, отец был бы очень красив. Мать, уже после его смерти, находила, что этот шрам придавал ее мужу особенную прелесть. Но, насколько я помню, это было не совсем верно: шрам этот скорее искажал лицо отца, делая его неприятным, в особенности, когда он был в дурном расположении духа.

Отец скончался на той самой ферме, на которой родился. Она досталась ему в наследство от деда, анг-

лийского эмигранта, купившего ее у голландского колониста, который при расчистке лесов успел только заложить ее фундамент.

Место это называлось Клаубонни.

Относительно происхождения этого названия мнения расходились: одни находили, что «Клаубонни» голландское слово, другие с этим не соглашались, предполагая, что оно скорее индейского происхождения. Во всяком случае, не случайно в этом наименовании было слово «bonny» (красивый), так как трудно было найти более красивую и в то же время более доходную ферму. В ней было триста семьдесят два акра прекрасно возделанной земли и лугов и более ста акров лесистых холмов.

В 1707 году наш дед построил на этом месте одноэтажный каменный дом. Затем родственники, жившие в Клаубонни, делали там всевозможные пристройки, по своему усмотрению, так что в общем образовалась масса хижин, разбросанных как попало, без всякого плана и симметрии. Но в главном доме сохранился вестибюль и подъезд, перед которым была лужайка, состоящая из шести акров прекрасной земли, на которой росло несколько вязов, как бы случайно попавших сюда.

При виде Клаубонни невольно приходила в голову мысль, что собственником его должен быть зажиточный земледелец; но это не потому, чтобы там отмечалась какая-либо претензия, рассчитанная, чтобы произвести эффект, столь свойственная нашему времени.

Внешний вид вполне соответствовал внутреннему комфорту дома. Правда, потолки были низкие и комнаты маловаты, но зато в этих уютных комнатках бывало так тепло в зимнее время, летом же здесь ощущалась приятная свежесть; при этом поддерживались постоянная чистота и порядок. Гостиная, коридоры и спальни были покрыты коврами. В «главной гостиной» (о слове «зала», насколько я помню, в нашем краю не имели понятия до 1796 года) стояла софа, покрытая ситцем, с хорошо набитыми подушками; занавеси были также из ситца.

Мы были окружены виноградниками, лугами и долинами. Амбары, риги, все надворные строения были

выстроены из прочного камня, подобно главному зданию.

Кроме доходов с фермы, у моего отца было еще четырнадцать-пятнадцать тысяч долларов, которые он привез с собой из морского плавания и поместил под залог недвижимого имущества. Затем мать принесла за собой в приданое семьсот фунтов стерлингов, помещенных также выгодно; таким образом, не считая двух-трех крупных землевладельцев, да нескольких негоциантов, приехавших сюда из Йорка, капитан Веллингфорд слыл за самого зажиточного из всех жителей Ульстера. Не знаю, насколько правильно было подобное мнение, знаю только то, что лишь под отеческой кровлей я видел такое полное изобилие, помню также и то, что никогда ни один бедняк не уходил от нас с пустыми руками.

Правда, наше вино приготавливалось из смородины, но его вкус ничего не терял от этого, и в наших погребах его было припасено так много, что мы всегда могли пользоваться хорошим старым вином, простоявшим уже три-четыре года. Кроме того, у отца имелась про запас его собственная коллекция вин, к которой он прибегал в торжественных случаях.

Я помню, когда, бывало, к нам заезжал губернатор из Ульстера Джордж Клинтон, сделавшийся впоследствии вице-президентом, то отец угощал его прекрасной вест-индской мадерой. Что же касается прочих вин, таких как бордо, бургундское и шампанское, их в то время в Америке не употребляли; они появлялись лишь за столом богатых негоциантов, которым приходилось много путешествовать.

О посещениях губернатора Клинтона я упомянул не из хвастовства. Мои родители, как родовые зажиточные помещики, пользовались известным преимуществом и считались выше простых фермеров.

Отец познакомился с матерью в Клаубонни, когда он там лечился от ран; это время осталось для нее дорогим воспоминанием, в силу которого она находила, что шрам, изборождавший левую щеку отца, так шел к нему. Сражение между Трумбуллем и Уаттом произошло в июне

1780 года; а осенью того же года состоялась и свадьба родителей.

Отец более не служил на море до моего рождения, которое совпало с тем днем, когда Корнваллис сдался в Йорктауне. Эти последние события произвели сильное впечатление на молодого моряка; он чувствовал, что ему надо содержать семью, и в то же время ему захотелось в свою очередь разукрасить неприятеля такими же рубцами, которыми так гордилась мать моя, видя их на лице своего мужа.

Он опять поступил на службу и совершил на капере несколько удачных крейсировок; потом обзавелся бригом, которым самостоятельно управлял до 1790 года.

Внезапная смерть моего деда заставила его вернуться на родину. Капитан (моего отца все называли так), как единственный сын, получил после деда все недвижимое имущество; что же касается шести тысяч фунтов стерлингов, они достались моим двум теткам, вышедшим замуж за людей равных им по положению и проживавших по соседству с нами.

С тех пор отец навсегда распрощался с морем и жил постоянно на ферме, за исключением одной зимы, которую он провел в Альбани в качестве депутата; в то время это было большой честью: депутат считался особой. Теперь взгляды изменились.

Нас было пять человек детей, из которых остались в живых моя сестра Грация и я. Нам с ней выпало на долю утешать нашу мать в глубоком несчастье, неожиданно поразившем ее. Эта счастливейшая из женщин лишилась своего обожаемого, незаменимого мужа. В то время мне было тринадцать лет, а Грации — одиннадцать. Отец умер в 1794 году, причиной его смерти был несчастный случай.

В нашей долине находилась мельница на том месте, где протекает ручеек, образующий речку, впадающую в реку Гудзон. Для отца было большим удовольствием проводить время у этого ручейка и мельницы. Устройство ее на нашей земле было для него очень выгодно. Отсюда развозилась мука по окрестностям за несколько миль, а

хлебными отбросами отец пользовался для откармливания свиней и быков. Это местечко служило, так сказать, центром торговли, ибо сюда свозилось все произведенное на ферме и отправлялось в город на маленькой шлюпке каждую неделю. Целыми днями отец оставался у мельницы или на берегу реки, наблюдая за работами и делая распоряжения относительно оснастки судна и поправок мельницы. Иной раз ему приходили в голову действительно гениальные мысли, но при всей своей изобретательности он не был хорошим механиком, хотя и не сознавался в этом. Однажды он придумал новый способ останавливать колесо мельницы и приводить его в действие по собственному желанию. В чем именно состояло это изобретение, так я и не узнал; в Клаубонни никогда никем не упоминалось о нем после несчастного случая. Отец начал развивать перед работниками свою новую мысль и способы применения ее на практике. Чтобы доказать, до какой степени он был в себе уверен, он остановил колесо и лег на него, посмеиваясь над своим слушателем, который неодобрительно покачивал головой, видя такую неосторожность своего господина. В это самое время вдруг сорвалась одна из пружин, сдерживающих колесо, вода хлынула, и колесо начало вертеться, унося за собой бедного отца. Я был свидетелем этой ужасной сцены.

Как сейчас вижу перед собой его лицо в тот момент, когда он взлетел с радостным выражением одержанной победы. Колесо успело обернуться всего один раз — работнику удалось остановить его. Я вскрикнул от радости: отец стоял передо мной во весь рост, как будто бы ничего не произошло. В самом деле, он мог отделаться легким головокружением, не случись одного обстоятельства. Сознавая, что он мог упасть с высоты ста футов, он ухватился за колесо со всей силой, свойственной моряку; он прошел благополучно то место, где между полом и колесом было всего несколько дюймов, но при поднятии колеса его голова со всего размаху ударилась о бревно, которое размозило ему висок. Казалось же, что он стоит как ни в чем не бывало, потому что его одежда, за-

цепившись за гвоздь колеса, удерживала его в горизонтальном положении.

Это было первое серьезное несчастье в моей жизни; я никогда не мог себе даже представить, что подобная вещь может случиться. Кажется, новая революция и британское владычество над нашей страной не произвели бы на меня такого потрясающего впечатления.

Несколько месяцев это зрелище не переставало стоять передо мной.

Мы с Грацией целыми днями, с глазами полными слез, смотрели друг на друга, не будучи в состоянии произнести ни слова.

Такое молчание красноречивее всяких фраз. До сих пор я не могу хладнокровно вспомнить об отчаянии, овладевшем матерью.

За ней тотчас же послали, но, прибыв на место катастрофы, она не знала, как велико было постигшее ее несчастье.

Увидев труп, она вскрикнула и упала без чувств; несколько часов она находилась в обмороке, пока ее горе не вылилось в слова, обращенных к безжизненному телу, в которых слышалась вся нежность любящей жены...

Она обращалась к нему, как к живому существу. — «Милс, дорогой мой, незабвенный Милс! Отец, о незаменимый из всех отцов, открой же глаза твои, посмотри на детей своих, неужели не хочешь, чтоб они видели тебя!»...

Но все было напрасно. Перед нами оставался безгласный труп, которого никакие мольбы и воззвания не могли привести к жизни.

Напрасно она, не переставая, целовала этот дорогой для нее шрам, оставшийся как раз на той части головы, которая особенно пострадала; ласки ее не помогли горю.

В тот же вечер тело было перенесено в наш дом, а затем на кладбище и погребено рядом с тремя поколениями наших предков, в маленькой каменной церкви незатейливой постройки.

Заупокойную обедню совершил наш добрый пастор,

мистер Гардинг, человек праведной жизни. В этой церкви его родной отец крестил Милса Веллингфорда и венчал дедушку с бабушкой. Здоровье ее все ухудшалось, и спустя три года после катастрофы на мельнице мистер Гардинг похоронил ее рядом с отцом.

За месяц до ее смерти мы с Грацией уже знали, что нам грозит новое несчастье.

Незадолго до ее кончины пастор подвел нас по очереди к изголовью умирающей, чтобы из уст ее услышать ее последнюю волю.

— Добрый мой Гардинг, — сказала она ослабевшим голосом, — вы своими руками крестили эти двух детей, вы же неоднократно благословляли их Крестом Спасителя, пострадавшего за них, а потому обращаюсь к вам с просьбой, не покидайте их в трудные минуты их жизни, и особенно теперь, когда все так сильно запечатлевается в их молодой душе. Господь вознаградит вас за заботы о сиротах ваших друзей.

Добрый пастор, живший больше для других, чем для себя, обещал матери не оставлять нас, и ее душа спокойно отошла в иной мир.

Но эта потеря не была для нас настолько тяжела, как первая. При всей своей доброте и кротости, наша мать была глубоко верующей христианкой; мы не сомневались, что ее смерть являлась лишь переходом к более счастливому существованию, и утешали себя тем, что пришел конец ее страданиям и настало для нее вечное успокоение.

Но некоторое время спустя мы с сестрой почувствовали всю горечь этой утраты.

После смерти отца мне еще не приходилось осведомляться, в каком состоянии находилось его имущество. Мне говорили о завещании и о формальностях, которые надо было исполнить.

Наконец мистер Гардинг сообщил нам о положении дел и о своих намерениях относительно нас обоих.

Отец оставлял мне ферму, мельницу, шлюпку и все недвижимое имущество с тем, чтобы пользование ими было предоставлено матери до моего совершеннолетия.

По достижении его я должен был отдать ей флигель и выдавать часть всех доходов, затем выплачивать ей ежегодно до трехсот фунтов стерлингов.

Грации было завещано четыре тысячи фунтов стерлингов, помещенных под проценты. Все остальное, ценностью в пятьсот долларов, было мое. Так как общий доход составлял более тысячи долларов, то я мог считать себя прекрасно обеспеченным в материальном отношении, тем более, если принять во внимание мое скромное воспитание.

Отец назначил нашими опекунами и душеприказчиками Гардинга и мою мать; после смерти последней исполнителем воли покойного являлся один мистер Гардинг. Таким образом мы с Грацией оказались под опекой нашего пастора, чему мы были очень рады, искренно уважая его и любя его детей, приходившихся нам почти ровесниками.

Руперт Гардинг был старше меня на один год, а его сестра Люси на шесть месяцев моложе Грации. С самого детства нас соединяла тесная дружба, к тому же мистер Гардинг уже давно руководил моим воспитанием и образованием.

Но, надо сознаться, что, несмотря на все данные, Руперт Гардинг далеко не удовлетворял успехами своего родителя. Я был гораздо сильнее его, и еще за год до смерти матери уже был готов поступить в школу, но она хотела немного подождать, чтобы послать меня в Йель, где находилось заведение, намеченное для меня отцом, и Руперт мог бы сопровождать меня туда. Мать намеревалась доставить ему возможность получить полное образование, что было мечтой нашего пастора, предназначавшего своего сына в служители церкви.

Этот промежуток времени, данный мне вследствие таких добрых побуждений, послужил причиной тому, что мое дальнейшее существование приняло совершенно иной оборот.

Отец, кажется, хотел сделать из меня адвоката, конечно, из желания видеть меня в один прекрасный день занимающим почетное правительственное место. Но вся-

кая умственная работа отталкивала меня; а потому я был в восторге, что мое поступление в училище было отложено на год.

Правда, учение давалось мне легко, я увлекался чтением книг, но преимущественно легкого содержания. Что же касается Руперта, то неспособным его нельзя было назвать, но он чувствовал положительное отвращение к науке, и к тому же был ленив и упрям.

Его отец, как человек глубоко религиозный, слишком высоко ставил свое призвание, чтобы принуждать сына сделаться священником; но все его надежды сводились к тому, что само Провидение внушит его Руперту мысль посвятить себя духовной карьере. Он не любил говорить о своей заветной мечте, но я знал о ней из разговоров с его детьми. Люси ждала с нетерпением того дня, когда ее брат получит кафедру, с которой ее отец и дед руководили божественной службой в течение полувека, что для нас, детей, казалось целой вечностью. Конечно, она желала этого для Руперта не из-за корыстных целей, а скорее в смысле нравственного удовлетворения. Их приход давал не более полутора ста фунтов стерлингов дохода, кроме того, пастор пользовался маленьким домиком и двадцатью пятью акрами земли, которая возделывалась двумя невольниками и двумя невольницами, перешедшими к Гардингу после его матери.

У меня тоже было двенадцать невольников. Это были негры, которые постоянно находились при нас. Мы их всех кормили и одевали. Но только половина из них были хорошими работниками; остальные же проводили время в полном бездействии: целыми днями валялись на траве, летом поедали фрукты сколько душе угодно, а зимой просиживали у камина. Назывались они все родовыми фамильными именами: Гектор Клаубонни, Венера Клаубонни, Цезарь Клаубонни, Роза Клаубонни (эта была черна, как галка), Ромео Клаубонни и Джульетта, попросту Жюли Клаубонни, затем Фараон, Потифар, Самсон и Навуходоносор — и все Клаубонни.

Неб, как сокращенно называли тезку вавилонского царя, был почти одних лет со мной и долгое время —

моим товарищем в играх. Даже тогда, когда его стали заставлять серьезно работать, я все-таки брал его с собой на рыбную ловлю, на охоту, на прогулки в лодке по реке Гудзон.

Неб любил меня, как родного брата. Он гордился тем, что был собственностью мистера Милса; в то же время он был большой охотник до бродячей жизни. Они вместе с Рупертом то и дело сманивали меня бросить книги, побегать с ними, поискать орехов, которые, по мнению Неба, стоили больше, чем все книги, взятые вместе.

Под руководством Неба я прекрасно изучил ботанику, но зато сколько золотого времени ушло даром, безвозвратно!

Я забыл сказать, что со смертью матери в нашем хозяйстве произошла полная перемена. Мы с сестрой были слишком молоды и неопытны, а потому мистер Гардинг, исполняя волю матери, решил расстаться со своим пасторским домиком и поселиться у нас, в Клаубонни, вместе с детьми.

Мать знала, что его присутствие среди нас принесет нам громадную пользу. Кроме того, совместная жизнь с нами давала ему возможность сделать некоторые сбережения, отложить на приданое Люси сотни две фунтов стерлингов.

Мы с Грацией были в восторге, что обстоятельства сложились именно так, как нам хотелось. Мы все были счастливы. Каждый из нас имел свою комнату; мы весело расставались по вечерам, зная, что на следующий день будем опять все вместе.

Об учении не было речи целых два месяца; мы бегали по полям, рвали фрукты, орехи, смотрели на жатву, все время находились в движении, что, конечно, отозвалось очень благоприятно на нашем здоровье.

Могу сказать без хвастовства, что в 1797 году наши лица сияли такой миловидностью и свежестью, что невозможно было наглядеться на нас.

Руперт походил на свою мать: он обладал необычайной красотой и грацией. В манере держать себя в нем не было никакой натянутости, речь его лилась свободно,

увлекая слушателей. Что касается меня, то, хотя я и не был так красив, но зато я был силен, энергичен, деятелен; в этом отношении я имел перевес не только над моим юным другом, но и над всеми моими товарищами. У меня были густые темно-русые волосы, которые спускались на шею локонами. Только они и были хороши у меня, да и сейчас еще прекрасны, несмотря на то, что совсем поседели. Но кто был очарователен — это Грация. В выражении ее лица было что-то ангельское, неземное; глаза — темно-синие, щеки, покрытые нежным румянцем, и при всем этом — чарующая улыбка. Жаль только, что она была хрупким созданием, хотя вполне могла служить моделью для кисти художника.

Люси была прекрасно сложена. Ее красота была не столь броской; но в выражении ее лица была неизъяснимая прелесть. Ее волосы, черные как смоль, синие глаза и густой румянец делали ее внешность пикантной. Особенно хороши были ее зубы; смеясь, она так мило показывала их. В веселые минуты от всего ее существа веяло счастьем.

Утверждают, что нет человека, который относился бы вполне равнодушно к впечатлению, производимому на окружающих своей наружностью. Однако никого из нас, исключая Руперта, не занимали в то время подобные мысли. Я видел и сознавал, что моя сестра выделялась красотой из всех своих сверстниц, и радовался за нее. Я знал, что я сам далеко не так красив, но мое самолюбие ничуть не страдало от подобного сравнения. Не завидовал я и Руперту; такая внешность, как его, вполне подходила для будущего пастора; мне же, готовящемуся объездить весь свет, нужны были хорошие мускулы, здоровье, мужество, энергия; все эти качества у меня были, и я гордился ими.

Относительно Люси я никогда не задавал себе вопроса, хороша она или нет. Для меня она была прелестна, и я любил смотреть на ее открытое, веселое личико. Когда наши глаза встречались, то в них, как в зеркале, отражалась ее честная, прямая душа, которой нечего было скрывать.

Перестань удерживать меня, мой дорогой Протеус; молодые люди, которые вечно сидят дома, имеют ограниченный ум. — Лучше иди со мной любоваться чудесами вселенной.

Шекспир

Ввиду несостоявшейся моей поездки в Йель, отложенной на неопределенное время, мистер Гардинг принялся серьезно за мое учение. Сначала он засадил меня за элементарные науки, которые под его руководством я изучил основательно. В короткое время я уже знал наизусть всю грамматику и безошибочно решал всевозможные арифметические задачи; мы уже начали проходить геометрию, тригонометрию и даже стихосложение.

Но в мои соображения отнюдь не входило сделаться ученым. Решение мое было принято. Только одно беспокоило меня: не высказывала ли мать своего определенно-го желания относительно моей карьеры.

По этому поводу я поговорил с Рупертом. Его ответ несколько покорибл меня.

— Какое теперь дело твоим родителям — будешь ли ты адвокатом, доктором или негоциантом, или же фермером, подобно твоему отцу?

— Мой отец был моряком! — воскликнул я.

— Да, вот прекрасная, благородная профессия. Я отдал бы все на свете, чтобы сделаться моряком, на которого я не могу смотреть без зависти.

— Ты, Руперт?! Но ведь твой отец хочет, чтобы ты был пастором.

— Хорош я буду на пасторской кафедре! Нет, нет, Милс. Ты знаешь, мой прадед был морским капитаном, а из своего сына он сделал священника. Повернем же теперь медаль обратной стороной: пусть сын священника сделается в свою очередь капитаном. Я люблю море, оно манит меня к себе. Ты же сам себе хозяин, — продолжал он, — и вправе располагать собой, как тебе угодно. Кто

тебе мешает испробовать жизнь на море? Если она не понравится, ты всегда успеешь возвратиться на родину и здесь преспокойно косить сено и откармливать свиней.

— Однако, так же, как и ты, без разрешения твоего отца я ничего не могу предпринять.

Руперт рассмеялся и стал убеждать меня, что раз я твердо решил не ехать в Йель и не быть адвокатом, то я могу уехать тайком; таким поступком я снял бы с его отца всякую ответственность. И нечего было терять время, ибо самое лучшее — поступить на морскую службу от шестнадцати до двадцати лет.

Признаюсь, что эти ловкие доводы Руперта вскружили мне голову.

Вскоре мне представился случай позондировать почву. Я спросил у мистера Гардинга, упоминалось ли в завещании отца о том, что я должен ехать в Йель и готовиться к адвокатуре. Ничего подобного не было сказано. Мать же говорила неоднократно, что ей желательно было бы, чтобы я сделался адвокатом, но что выбор деятельности она все-таки вполне предоставляет мне.

Я вздохнул с облегчением и объявил мистеру Гардингу, что я решил быть моряком. Это сообщение смутило доброго пастора, и я заметил по его лицу, что он рассердился, потому, вероятно, что в жизни моряка он предвидел для меня много соблазнов. Наше объяснение кончилось тем, что он мне сказал, что с моей стороны непростительно глупо бросать науку ради фантазии — обездить свет в качестве простого матроса.

Обо всем этом я рассказал Руперту. Он обвинил отца в преувеличенном пуританизме во взглядах. По его мнению, каждый человек — сам себе судья. И на море можно оставаться таким же святым, как на суше.

— Возьмем адвокатов, для примера, — сказал он. — Интересно было бы знать, в чем проявляются их религиозные принципы? Они постоянно торгуют своей совестью, защищая правое и дурное дело с одинаковым красноречием и усердием.

— Клянусь святым Георгием, ты прав, Руперт! Сколько раз рассказывали мистеру Гардингу про старика Да-

вида Доккетта: он зачастую исполняет две роли — адвоката и свидетеля, только бы гонорар был побольше. Он в состоянии часами разглагольствовать о каком-нибудь небывалом факте, придуманном его клиентами, и все это с видом знатока, убежденного в правоте своего дела.

Руперт много смеялся над наивностью своего отца, предполагавшего, что в адвокатуре можно обрести спасение души.

Наконец, после наших долгих рассуждений, он прямо предложил мне вместе с ним убежать в Нью-Йорк и поступить юнгами на какое-нибудь судно, отправляющееся в Индию.

Мне этот план очень улыбался, но меня испугало желание Руперта сопутствовать мне.

У меня был капитал, которым я мог располагать. Наконец, в случае неудачи в моем предприятии я всегда мог вернуться в Клаубонни и найти там средства к существованию. О предстоящих нравственных соблазнах я, конечно, не задумывался, считая себя неуязвимым.

Руперт же находился совсем в иных условиях. Несомненно, я заранее был готов всегда поддержать его в материальном отношении, о чем я и сказал ему. Моя мысль очень понравилась ему, и он решил заручиться моим согласием пожертвовать впоследствии часть моего состояния на его судно, которым он надеялся командовать.

— Конечно, все это прекрасно, Милс, — присовокупил опасный софист, — иметь деньги, помещенные под проценты, ферму, мельницу и прочее; но имей в виду то, что, обладая кораблем, из одного путешествия ты можешь привезти больше денег, чем получить от продажи всего твоего имущества. А ведь недаром люди говорят, что начинать дело ни с чем — значит иметь больше всего шансов на успех; а так как мы с тобой ничего не берем, кроме носильного платья, наш успех обеспечен. Мне нравится такое начало, это совсем по-американски. Не правда ли?

Действительно, в Соединенных Штатах существует

поверье, что люди, начинающие свою карьеру без всяких средств, непременно добьются хороших результатов.

Целый месяц мы с Рупертом обсуждали наш проект до мельчайших подробностей. Чего мы с ним только не придумывали! Наконец, я решил посвятить в тайну наших юных подружек, взяв с них предварительно обет молчания. Мой друг был против этого, но я слишком любил Грацию и ценил мнение Люси, а потому настоял на своем.

Сорок лет прошло со времени этого торжественного совещания, но мое воображение рисует мне его так живо, как будто бы все произошло только вчера.

Мы все вчетвером сидели на скамейке под тенью развесистого дуба. Перед нами открывался живописный вид на Гудзон. В воздухе была такая тишина, что лист не шелохнулся. Вдали белели паруса. Грация начала восторгаться.

Я воспользовался благоприятной минутой и заговорил.

— Я очень рад, что ты так любишь корабли; значит, тебе доставит удовольствие мое решение сделаться моряком.

Воцарилось молчание, длившееся две минуты. Я устремил глаза вдаль, как бы рассматривая лодки. Грация смотрела на меня в упор, я чувствовал на себе ее взгляд, и мне делалось неловко. Тогда я обернулся и встретился взорами с Люси; она пристально глядела на меня и, казалось, не верила своим ушам.

— Моряком, Милс? — медленно проговорила сестра. — А я думала, что уже вопрос решен, что ты должен изучать право.

— Какой вздор! Я столько же думаю о праве, как о судьбах Англии; я хочу видеть свет, и вот Руперт...

— Как, Руперт? — спросила Грация, вся изменившись в лице. — Но ведь его предназначают для служения церкви; теперь он должен быть помощником отца, впоследствии же — его преемником.

Руперт посвистывал с равнодушным видом, хотя на самом деле серьезный и взволнованный тон Грации произвел на нас свое действие.

— Ну, милые девушки, — сказал я, вооружившись мужеством, — нам больше нечего скрываться от вас; но то, что вы узнаете, должно быть тайной для всех.

— Кроме одного мистера Гардинга. Он должен знать о твоём решении; не забывай, что он заменяет тебе отца в настоящее время.

— Но согласишься с тем, что Руперту он родной отец.

— Опять Руперт! Что у него может быть общего с твоей затеей?

— Я до тех пор ничего не скажу вам, пока вы обе не дадите нам слово молчать.

— Я обещаю молчать, — произнесла Грация таким торжественным тоном, что я невольно вздрогнул.

— И я тоже, Милс, — добавила Люси так тихо, что я еле расслышал ее слова.

— Ну, вот это прекрасно. Я вижу, что вы благоразумные девицы и даже можете помочь нам. Руперт и я, мы оба решили быть моряками.

Они разом вскрикнули; затем воцарилось вторичное долгое молчание.

— А что касается права, к черту эту науку! — сказал я. — Разве был кто-нибудь из Веллингфордов законоведом?

— Но зато были Гардинги — пасторы! — произнесла Грация, стараясь улыбнуться.

— И моряки тоже! — воскликнул Руперт. — Мой прадед был морским офицером.

— Положим, всякая честная профессия достойна уважения, я это знаю, Милс, — сказала сестра, — но вопрос в том, объявили ли вы мистеру Гардингу о вашем намерении?

— Собственно говоря, мы ему ничего не говорили, да нам и не для чего спрашивать его согласия, — мы уезжаем на будущей неделе, не сказав ему ни слова.

— Но ведь это жестоко, Милс! — проговорила Грация, тихо плача.

Люси закрыла лицо передником.

— Напротив, если мистер Гардинг будет заранее знать обо всем, то каждый вправе будет сказать, что он мог

удержать нас, если же все совершится без его ведома, то он не ответствен за наши поступки. Итак, мы отправляемся на той неделе, как только будут готовы наши матросские костюмы. Мы поедем в лодке с парусами; возьмем с собой Неба, чтобы он потом мог вернуть лодку обратно. Теперь, раз вам все известно, нам нечего оставлять письмо мистеру Гардингу; вы обо всем расскажете ему дня через три после нашего отъезда. Наше отсутствие продолжится не более года, по прошествии которого мы возвратимся домой. И как нам будет весело встретиться после разлуки! Мы с Рупертом будем тогда уже взрослыми людьми, а теперь вы считаете нас мальчишками.

Представление последней картины несколько утешило наших подружек. Когда же Руперт, все время упорно молчавший, пустил в ход свое красноречие, то они и совсем успокоились.

Через два дня разговор возобновился. Наши сестры употребили все старания, чтобы склонить нас посоветоваться с Гардингом. Но видя, что все их увещевания были напрасны, они принялись деятельно снаряжать нас в путь. Сшили нам полотняные мешки для хранения платья, приготовили нам по праздничному и по будничному костюму. К концу недели все было уложено.

Небу было дано распоряжение приготовить лодку к отплытию к следующему вторнику. Нам необходимо было выехать вечером, чтобы не наткнуться на кого-либо.

Да, этот вторник был невеселым днем для всех нас, исключая мистера Гардинга, который, ничего не подозревая, оставался совершенно спокоен. Руперт ходил, опустив голову, точно его прибили, а наши дорогие девочки еле сдерживались, чтобы не разрыдаться.

В девять часов, по обыкновению, вся семья соединилась для общей молитвы. Затем мы все отправились спать, кроме мистера Гардинга; он остался работать до двенадцати часов ночи, вследствие чего нам надо было принять все меры предосторожности.

В одиннадцать часов мы уже скрылись из дома, поцеловавшись наскоро с сестрами, как будто расставались с ними только на ночь.

Мы боялись, что они на прощание устроят нам сцену, но мы ошиблись: обе прекрасно владели собой до последней минуты.

Мы удалились из дома с тяжелым сердцем, не говоря ни слова. За каких-нибудь полчаса мы прошли почти две мили и были уже на месте. Я только было обратился к Небу, как заметил в нескольких шагах от себя две женские фигуры. Это были Грация и Люси, обе в слезах; они пришли сюда проводить нас.

Меня сильно встревожило, что эти хрупкие создания так далеко от дома одни в такое позднее время. Я непременно хотел проводить их, прежде чем сесть в лодку, но они воспротивились; все мои мольбы были напрасны, пришлось покориться.

Не знаю, как это произошло, но в эти последние минуты свидания мы разделились попарно, и каждый из нас очутился подле сестры своего друга.

О чем говорили Грация и Руперт — мне неизвестно. Между Люси и мной все было честно и открыто; она настояла, чтобы я взял от нее шесть золотых монет, все ее состояние, доставшееся ей от матери. Она знала, что у меня было с собой всего пять долларов, а у Руперта — совсем ничего. Отказать ей не было возможности.

— Я буду спокойнее, — сказала она, улыбаясь сквозь слезы, — если эти деньги будут у вас. К тому же, вы богаты и можете впоследствии возратить мне их, тогда как Руперту пришлось бы их подарить.

Я согласился, будучи заранее уверен, что возвращу ей мой долг с избытком. Тогда я обнял ее и крепко расцеловал.

Это было в первый раз за все время нашего знакомства.

— Пишите нам, Милс, пишите, Руперт! — говорили они рыдая, когда мы стали отчаливать.

Несмотря на темноту ночи, мы еще долго различали их фигуры, пока не сделали крутого поворота и пока громадная скала не заслонила от нас дорожных существ.

Итак, мы расстались с Клаубонни, волнуемые самыми разнообразными чувствами.

Есть в городе один молодой человек; какое горе было бы для наших дочерей, если бы он уехал! Он так прекрасен со своими красивыми вьющимися волосами.

Б ё р н с

Мы очень удачно выбрали время для отплытия. Начинался отлив, и наша лодка без всякого труда вышла из бухты, несмотря на то, что ветер не доставал до нас из-за высоты берегов. Неб греб изо всех сил, я не отставал от него, тем более что находился в возбужденном состоянии, боясь погони.

Через каких-нибудь двадцать минут «Грация и Люси» — так называлась наша лодка — уже вступала в русло Гудзона.

Неб вскрикнул от радости в тот момент, когда мы почувствовали ветер. В несколько минут кливер и большой парус были водворены на место, руль был наставлен, шкот ослаблен, и мы быстро понеслись, делая по пяти миль в час.

По мере того как мы удалялись от дома, сердце мое сжималось от невыразимой боли; я вспомнил отца, его честные взгляды, его наставления об уважении и послушании старших. Затем мне представилась мать со всей своей любовью и страданиями, со своими мольбами, чтобы я оставался всегда честным. А я попираля ногами все свои обязанности. Казалось, что они оба смотрят на меня грустными, укоризненными глазами.

Грация и Люси, просящие меня, рыдая, сначала — отказаться от моего проекта, потом — писать им, неотступно стояли передо мной.

А мистер Гардинг? Какое страдание он должен был испытывать, узнав, что его бессовестно покинули его воспитанник и единственный сын! Наконец, мне стало жаль Клаубонни, сада, лугов, мельницы и прочего...

Спокойствие Руперта меня поражало, я еще не знал

его таким. Казалось, он чувствовал себя совершенно счастливым.

Что же касается Неба, то его глаза были устремлены вдаль; что бродило в его голове? Не думаю, чтобы он упрекал себя за совершаемый им поступок; ведь он только исполнял волю своего господина, собственностью которого был.

Ни Руперту, ни мне не говорилось. Он, по правде сказать, плотно поужинал, и голова его начинала тяжелесть, мне же доставляло удовольствие молчать, уходя в свои мысли. Была полночь. Я вызвался дежурить первую четверть ночи, а моим спутникам предложил лечь спать, на что они с удовольствием согласились. Руперт расположился под палубой, а Неб растянулся на открытом воздухе.

Начало свежеть; я принужден был взять рифы, хотя ветер был попутный. В четыре часа я разбудил Руперта, он взялся за руль, а я лег на его место и заснул совсем спокойно, так как погода благоприятствовала нам. Неб позвал меня только в десять часов. Оказалось, что Руперт правил рулем всего один час, посадив вместо себя негра, который и продежурил от пяти до десяти часов. Неб разбудил меня главным образом для того, чтобы предложить закусить. Кажется, если бы он бедный умирал с голоду, то и тогда не решился бы поесть раньше своего господина. Руперт все спал.

Перед нами открывались новые места. День выдался прекрасный. Мы невольно предались радостному чувству; все восхищало нас. Я захватил с собой маленькую географическую карту, которой я весьма гордился, хотя в ней были некоторые неточности. Развернув ее, я принялся объяснять своим спутникам, указывая на скалистый восточный берег, что это не что иное, как целый штат Нью-Джерси. Даже Руперт был поражен столь великим открытием. А Неб пришел в настоящий восторг; он заворачочал своими большими черными глазами и выставил зубы ослепительной белизны. В то время путешествия еще не были так распространены, как в настоящее время, и для трех молодых американцев, из которых

старшему не было еще девятнадцати лет, было очень приятно, что они могли похвастаться, что видели еще другой штат, кроме своего собственного.

Несмотря на быстроту езды, нам предстояло еще немало пути. К полудню подул с юга легкий ветер. Мы почувствовали прилив — пришлось бросить якорь. Это нам было не по вкусу, для людей, пустившихся в бегство, не особенно-то приятно быть вынужденными засесть на одном месте! Но вот начался отлив, и мы опять поплыли. Солнце уже клонилось к закату, когда мы увидели две-три колокольни, служащие для иностранцев указанием дороги к Нью-Йорку.

Первое, что нам бросилось в глаза по прибытии в город, это огромная тюрьма, которая показалась мне мрачным зданием — я не мог смотреть на нее без содрогания. Неб, с видом глубокомысленного моралиста, сказал, что ему очень не нравится это сооружение. На Руперта тюрьма не произвела никакого впечатления; он вообще не отличался особенной чувствительностью.

В то время Нью-Йорк был небольшим городом; дома там отличались незатейливой постройкой. Церкви святого Иоанна еще не было. Окрестности состояли большей частью из болот.

Проезжая вдоль набережных, мы увидели большой рынок, носивший название «Медведь», так как там начали торговать мясом этого животного.

Мы въехали в бассейн Альбани, находящийся в центре города; здесь мы издали узнали мачту нашей шлюпки «Веллингфорд», на что я обратил внимание Неба, так как он должен был обратно отправить лодку вместе со шлюпкой.

У меня имелся с собой адрес трактира для матросов в Уайт-Холле. Мы туда и отправились, взвалив мешки себе на плечи. Так как было уже поздно, то я заказал ужин. А Небу было приказано отправить лодку, а затем явиться к нам; мы ему строго запретили говорить о месте нашего нахождения.

На следующий день я забыл и думать о сестрах, о Клаубонни и мистере Гардинге. Нужно было действовать.

Позавтракав наскоро, мы пошли отыскивать подходящее для нас судно.

Я так торопился, что мне было не до достопримечательностей города; Руперт был бы не прочь все осмотреть, но спорить со мной не стал, и мы избрали кратчайший путь к рынку Флай-Маркету, около которого стояло несколько судов.

Я пожирал глазами корабли, перед которыми мы очутились; мне в первый раз приходилось видеть суда с квадратными парусами. Еще отец научил меня названиям главных частей корабля и парусов по модели, оставшейся в Клаубонни. Теперь мне эти познания оченьгодились, хотя сначала у меня разбежались глаза среди этого лабиринта снастей и парусов. Брасы, ванты, штаги — все это ясно вырисовывалось передо мной; что же касается такелажей, мне надо было по нескольку раз разглядывать их, чтобы дать себе отчет, для чего они предназначены.

Насилу я оторвался от этого дивного для меня зрелища. Наконец мы нашли то судно, которое искали. Оно называлось «Джон» и было вместимостью в четыреста тонн, на нем планшир был совсем незначительный.

Когда мы поднялись на борт, все офицеры находились в сборе на палубе. Главного лейтенанта звали Мрамор — его лицо действительно было точно из мрамора с бесконечными жилками. Заметив нас, он переглянулся с капитаном, не говоря ни слова.

— Пожалуйте, господа, пожалуйста сюда, — сказал Мрамор одобряющим тоном. — Когда вы покинули вашу родину?

Этот вопрос заставил всех рассмеяться. Я чувствовал, что настал решительный момент: теперь или никогда. В то же время я был слишком правдив, чтобы выдавать себя за того, кем я не был на самом деле.

— Мы выехали вчера ночью в надежде поступить на службу на какое-нибудь из судов, отплывающих в Индию на этой неделе.

— Не на этой неделе, мой мальчик, а на будущей, — сказал Мрамор шутя, — а именно в воскресенье. Мы

всегда выбираем этот день. Пословица гласит: «хороший выбор влечет за собой удачу». Итак, когда же это мы решились расстаться с папашей и мамашей?

— У меня больше нет ни того, ни другой, — ответил я, глотая слезы. — Моя мать умерла несколько месяцев тому назад; и отец мой, капитан Веллингфорд, тоже скончался уже давно.

Капитан «Джона», имевший на вид около пятидесяти лет и отличавшийся суровой наружностью, весь так и просиял, услышав имя моего отца.

— Как, вы сын капитана Милса Веллингфорда, того самого, который жил при истоке реки?

— Да, капитан, его единственный сын. Нас осталось только двое: моя сестра и я. И мое пламенное желание — сделаться таким же хорошим моряком или хотя бы таким же честным человеком, каким всегда был мой отец.

Эти слова, произнесенные с уверенностью, произвели на всех прекрасное впечатление. Капитан пожал мне руку и пригласил нас с Рупертом отобедать. Оказалось, что капитан «Джона», Роббинс, совершил свое первое морское плавание вместе с отцом, у которого он был помощником и которого глубоко уважал. Он не стал меня много расспрашивать, находя вполне естественным, что сын капитана Веллингфорда пожелал сделаться моряком.

За обедом было решено, что мы с Рупертом примемся за исполнение обязанностей с завтрашнего же утра. Мне назначили жалованье в восемнадцать долларов в месяц, а Руперту — тринадцать. Капитан Роббинс заметил, смеясь, что сын пастора не может быть в претензии, что ему назначена меньшая плата, чем сыну известного моряка.

На самом же деле Роббинс, будучи хорошим наблюдателем, по одному взгляду на Руперта заключил, что из него никогда не выйдет настоящего моряка. Мы возвратились в трактир и, переночевав там, распрощались с Небом, который вместе со шлюпкой отправлялся домой и мог сообщить там, как обстоит наше дело.

Рано утром мы нагрузили маленькую тележку на-

шими вещами и через полчаса были уже на борту «Джона» и поселены в одну из боковых кают его.

Пока Руперт рассказывал по палубе, покуривая сигару, я полез на мачты, рассмотрел рей, потрогал клотики, вант-клоты, ракс-клоты и только тогда слез вниз.

Капитан, офицеры и прочие моряки посмеивались, глядя на меня. Как я был счастлив, когда вдруг раздалось приказание Мрамора:

— Слушайте, Милс, выдерните снасти из брам-стенги и сбросьте нам конец, чтобы мы могли заменить их новыми.

Голова моя пылала, я боялся осрамиться, однако тотчас же вскарабкался наверх и исполнил все как следует. Тогда Мрамор начал командовать мною снизу, и вскоре новая снасть была водворена на место с блестящим успехом. Это было начало моей карьеры, которое очень льстило моему самолюбию. Настала очередь Руперта. Капитан велел ему спуститься в каюту и посадил за писание. Почерк у него был прекрасный и скорый. В тот же вечер я узнал, что Руперт будет исполнять должность секретаря у капитана.

— Да, меня несколько не удивит, — сказал Мрамор, — если старик оставит его в этой должности на все время плавания, так как сам он пишет такими каракулями, что не в состоянии бывает ничего разобрать, не зная, с какого конца начать читать.

Накануне нашего отплытия Руперт отпросился пойти погулять по городу; по этому случаю он принарядился.

Я тоже побежал на почту, но, не зная дороги, очутился на Бродвее. Я уже собрался вернуться, как вдруг увидел Руперта с письмом в руках. Я прямо пошел к нему.

— Из Клаубонни? — спросил я с замиранием сердца. — От Люси?

— Из Клаубонни, но от Грации, — ответил он покраснев. — Я просил бедную девочку сообщить мне, что там без нас делается. Что же касается Люси, я даже не знаю, как она пишет, и мне до нее нет решительно никакого дела.

Меня покорило, что моя сестра была в переписке с

молодым человеком. Но я находил естественным, чтобы Люси писала мне, и в надежде получить от нее несколько дорогих строк, узнав адрес почтового отделения, я отправился туда. Через несколько минут я уже выходил оттуда с торжествующим видом, держа в руках ее послание.

Руперт предложил мне прочесть письмо моей сестры. Вот приблизительно его содержание:

Дорогой Руперт!

Сегодня утром в девять часов Клаубонни было в большом волнении. Когда беспокойство вашего отца достигло высших пределов, я ему сказала всю правду и передала ваши письма. Мне тяжело говорить: он заплакал. Слезы двух дур, как я и Люси, ничто в сравнении со слезами почтенного старика, пастора, глядя на которого разрывается сердце! Он не стал упрекать нас и ни о чем не расспрашивал.

Ведь еще не поздно? Вы можете возвратиться. Доставьте нам всем эту радость! Но, что бы там ни было, друзья мои, я пишу вам обоим, хотя и адресовала письмо Руперту, не забывайте наставлений, полученных в детстве, и помните, что наше счастье зависит от вашего честного поведения и вашей удачи.

Преданная вам Грация Веллингфорд.

Люси писала более сдержанно, но в то же время более откровенно:

Дорогой Милс!

Я проплакала целый час после вашего отъезда, а теперь зла на себя, что пролила слезы из-за таких сорванцов. Грация сказала вам, как был огорчен отец. Никогда в жизни я не испытывала такого страдания.

Вы должны возвратиться. Я чувствую, что готовится что-то ужасное. Отец все молчит; значит, он что-то придумал. Мы обе думаем о вас не переставая. В случае, если вы все-таки уедете в плавание, не забывайте писать нам. Прощайте!

Люси Гардинг.

Р. S. Мать Неба объявила, что если он не возвратится к субботе, то она отправится разыскивать его. Какой срам! Невольница — убегающая из дома! Но я надеюсь, что Неб-то вернется и привезет с собой ваши письма.

Но мы, прощаясь с Небом, ничего не послали с ним. Меня это очень мучило, но уже было поздно. Я отстал от Руперта, чтобы не скомпрометировать его своим простым матросским костюмом, и направился к «Джону»; при повороте с одной из улиц на набережную я вдруг столкнулся лицом к лицу с моим опекуном. Он шел медленными шагами, понутив голову, с глазами устремленными на корабли. Но, вследствие рассеянности и благодаря моему костюму, он не узнал меня, и я благополучно добрался до своего судна.

В тот же вечер наш корабль был вполне оснащен. Воспользовавшись попутным ветром и отливом, «Джон» отплыл под кливером и стакселем и, выйдя в другой канал, бросил якорь. Теперь я находился на полмили от всякой суши и не мог дожидаться, когда увижу океан.

Мрамор, окинув пытливым взором свой экипаж, сказал капитану, что он очень доволен его составом. Это меня крайне удивило, так как я находил, что мы окружены были всяким сбродом.

Вскоре половина служащих отправилась спать. Нам с Рупертом дали прекрасный гамак, и мы были очень довольны. За ужином нам пришлось есть из общей чаши со всеми матросами, что нам было очень неприятно. В воображении рисовались маленькие белые ручки Грации и Люси, расстилающие скатерть, расставляющие стаканы, посуду, серебряные ложки. В то время в Америке еще не употреблялось ни салфеток, ни вилок, разве только у очень знатных особ.

На мою долю выпало стоять на вахте на протяжении четверти рейда вместе со шведом, хмурым стариком. Так как мы стояли на якоре при незначительном ветре, то мой товарищ выбрал себе дощечку, примостился на ней и захрапел, предупредив меня, чтобы я его разбудил в случае чего-либо. Я же стал расхаживать по палубе с такой важностью, как будто на моих плечах лежала охрана отечества.

На следующий день, в воскресенье, около десяти часов мы все принимали участие в поднятии якоря. Затем паруса надулись, и мы двинулись в путь. Сердце мое

забилось от восторга при мысли, что я еду в Кантон, который называли тогда Индией. Вдруг Руперт окликнул меня, указывая на какой-то предмет, видневшийся из лодки как раз против нашего корабля. Я взгляделся в него и ахнул: это был мистер Гардинг, который в эту минуту узнал нас; он простирал по направлению к нам обе руки, как бы моля нас о возвращении. Но «Джон» стал быстро прибавлять ходу, и через несколько секунд мы потеряли мистера Гардинга из виду.

Спустившись, я нашел там Руперта с растерянным и испуганным видом. Я же облокотился на мачту и зарыдал. Это продолжалось несколько минут, пока не раздалось приказание лейтенанта, зовущего нас на палубу. Мы уже находились на таком большом расстоянии от лодки, что мистер Гардинг должен был потерять всякую надежду догнать нас. Не могу теперь с уверенностью сказать, обрадовало ли меня это, или огорчило.

Г л а в а I V

*Есть течение в человеческих делах,
которое надо уметь найти. Когда его
встречают и умеют ему следовать,
оно прямо приводит к счастью. Иначе
весь жизненный путь протекает сре-
ди невзгод.*

Шекспир

Четыре часа спустя после того момента, как я видел мистера Гардинга в последний раз, наше судно было уже в открытом море и летело на всех парусах под северо-западным ветром. Понемногу земля совершенно исчезла из виду. Мои взоры долгое время были устремлены на вершины Навезинка, но и они стали принимать туманное очертание и тоже скрылись из глаз. Только теперь я понял, что такое океан. Но матросу некогда предаваться своим чувствам. Надо было расставлять якоря по местам, отвязывать и скручивать канаты и прочее. Затем до самого вечера мы занялись распределением вахт. Я был

назначен к Мрамору четвертым. Руперт же зачислен в четвертую вахту последним.

— Это потому, Милс, — сказал мне Мрамор, — что мы друг другу подходим. А вашему другу придется больше расходовать чернил на бумаге, чем дегтя на такелаж.

На борту все было приведено в порядок. Мы уже находились в двухстах милях от берега. Вдруг из трюма раздался громовой голос повара.

— Кричат два негра! — закричал Мрамор, разобрав, в чем дело. — Посмотрите, Милс, что там такое.

Я только собрался исполнить приказание, как появился Катон, повар, таща за собой негра. Каково было мое изумление, когда я в этом последнем узнал Навуходоносора Клаубонни!

Неб успел незаметно проскользнуть на борт еще до поднятия якоря и спрятаться среди бочонков; не накрой его Катон, он просидел бы так очень долго. Когда он очутился на палубе, он первым долгом огляделся и, удостоверившись, что земли совсем не было видно, стал кривляться от радости. Мрамор нашел это дерзостью и так сильно ударил его кулаком, что белый человек упал бы на месте, но Неб остался неподвижен.

— А, так ты негр? — вскричал лейтенант, пнув его ногой. — Так на ж тебе!

От этого толчка у бедного Неба посыпались искры из глаз. Упав на колени, он начал молить о прощении, объясняя, что Мрамор ошибается, думая, что он убежал от своего господина.

Я вмешался в дело и объяснил Мрамору, кто такой Неб. Это открытие обошлось мне дорого: на меня посыпались насмешки, состоящие в прозвище «Джек», которыми меня окрестили. Но я слишком любил Неба, чтобы сердиться на него за его поступок, тем более, что им руководил слепой инстинкт — следовать за своим господином.

Когда капитану стала известна история Неба и он сообразил, что такой сильный и здоровый негр может ему быть полезен, ничего не стоя, он нашел ему подходящее

дело — работу у снастей и вахту по правому борту. Я был очень рад такому распоряжению.

Неб рассказал мне, что он свез лодку, куда было приказано, видел, как ее прицепили к «Веллингфорду», затем скрылся, и благодаря двум долларам, которые были ему даны на прощанье, он поместился пока в трактире, а когда наш корабль был готов к отплытию, он незаметно пробрался на него и спрятался среди бочонков.

Вскоре все примирились с появлением Неба в нашей компании; он даже сделался общим любимцем всего экипажа, благодаря своей ловкости, живости и привычке работать.

Я совсем освоился со своим положением. Мы еще не доехали до острова Св. Елены, как я получил разрешение управлять рулем, и с этих пор я уже исполнял все обязанности матроса за малыми исключениями.

Обыкновенно путешествие из Америки в Китай проходит благополучно. Из всего нашего экипажа эконома да повар были единственные, которым пришлось огибать мыс Доброй Надежды во второй раз. Однако, когда мы пришли в Кантон, ни на кого из нас не произвели особенного впечатления бритые головы и странная одежда туземцев. Я все ждал необыкновенных чудес, но должен сознаться, что это путешествие было одним из самых монотонных, исключая последней его части.

Мы простояли в реке четыре месяца, сделали большой запас чая, нанки, шелков и всего прочего, что требовалось нашему суперкарго. Я ездил неоднократно в фактории вместе с капитаном на его катере. А Руперт помогал суперкарго на суше или же писал в каюте капитана.

Мрамор, при всей своей неприветливости, был очень добр ко мне и не переставал просвещать меня; да и всем офицерам доставляло удовольствие посодействовать тому, чтобы из сына капитана Веллингфорда вышел дельный моряк.

Мы отправились в дальнейшее плавание весной 1798 года. Проехав через Китайское море, мы шли под всеми парусами по Индийскому океану; в это время произошло

первое происшествие, которое заслуживает некоторого внимания.

Мы вышли на рассвете из пролива Зондских островов при густом тумане. К вечеру, когда день прояснился, мы заметили два судна, направляющиеся к Суматре.

Судя по их внешнему виду, это были пироги. Но так как они шли от нас на очень далеком расстоянии, к тому же надвигались ночные сумерки, мы не обратили на них особенного внимания.

Мрамору приходилась вторая ночная вахта, а, следовательно, и я был на палубе от двенадцати до четырех утра. Целый час моросил дождь. Так как ночь ожидалась спокойная, все стоящие на вахте легли спать. Только я бодрствовал, сам не знаю отчего. Вспомнилось мне Клаубонни, Грация, Люси... последнюю я не забывал ни на минуту. Мрамор храпел изо всех сил, поместившись на курятник. Вдруг послышался легкий шум весла, затем показался небольшой парус — и я ясно различил, что это были пироги.

Я тотчас же закричал:

— Лодка совсем близко от борта.

Мрамор вскочил в одну секунду. Как опытный моряк, он сразу сообразил в чем дело.

— Все сюда! — скомандовал он рулевому. — Все — наверх! Капитан Роббинс, господин Кайт, идите скорей, эти проклятые пироги сейчас столкнутся с нами.

Все были уже на ногах. Мрамор уверял, что должны быть две лодки, что это те самые негодяи, которых мы вчера видели.

Немедленно был отдан приказ направить все шкоты, и мы стали поворачивать через фордевинд, благодаря чему удалились от берега и вздохнули спокойно.

В это время капитан с несколькими старыми моряками стали раскреплять четыре пушки правого борта.

В проливе Банка мы их зарядили картечью и направили в сторону неприятеля; оставалось только выстрелить, что мы и сделали. Последовало торжественное молчание. Пироги продолжали наступать. Тогда капитан направил на них свою подзорную трубу и сказал Кайту

вполголоса, что пироги полны народу. Тотчас же был отдан приказ приготовить все пушки без исключения и вынуть из сундука ружья и пистолеты.

Все эти приготовления не предвещали ничего доброго; я уже начал думать, что будет отчаянный бой и нам всем перережут горло.

Я ждал, что вот-вот начнется пальба, но мы держались наготове не стреляя.

Кайт взял четыре ружья и столько же пик и раздал их. С обеих сторон последовало мертвое молчание. Они находились от нас довольно далеко, и видно было, что они старались повернуть бушприт к попутному ветру, чтобы не идти рядом с нами.

Капитан решил повернуть на другой галс; «Джон» перевернулся вокруг себя подобно волчку.

Пироги, видя, что нельзя терять времени, пустились догонять нас. Но капитан тоже не дремал: живо распустились все паруса, и мы двинулись вперед. Казалось, они сию секунду забросят на нас дреки; если это случится — мы погибли, надо было более чем когда-либо сохранить присутствие духа. В эту критическую минуту капитан показал себя на высоте своего призвания. Он поддерживал тишину и держал всех наготове.

А Неб встал передо мной, чтобы в случае опасности защитить меня своей грудью. Но едва я пустился в размышления об этом новом доказательстве привязанности ко мне негра, как вдруг со стороны пирог раздался страшный крик, и затем над нашими ушами засвистела масса пуль. К счастью, они никого не задели.

Мы в долгу не остались и выстрелили из четырех пушек. Весь заряд попал во вторую пирогу. Послышались отчаянные крики. Первая пирога стала быстро наступать на нас. Пираты забросили на нас дрек, но, к счастью, он зацепился только за выбленки. Неб с быстротой молнии бросился к ним и перерезал выбленки ножом. В эту минуту пираты, бросив свои паруса и весла, лезли на борт нашего судна. Толчок был так силен, что человек двадцать из них попадали в воду. «Джон», распустив паруса, стал подвигаться.

— По местам, к повороту! — раздалась команда. На прощание мы пустили вдогонку пиратам весь остаток заряда. Обе пироги соединились и затем быстро поплыли к островам. Мы сделали вид, что преследуем их, на самом же деле были очень рады, что отделались от пиратов. Не думайте, чтобы мы после этого приключения спешили на покой. Только один Неб тотчас же залег спать.

Капитан, поздравив нас всех со счастливым окончанием дела, пошел осматривать судно, не потерпело ли оно аварии; пришлось кое-что исправить.

Нечего и говорить о том, что все мы, конечно, воображали, что совершили великий подвиг. Каждого из нас похвалили за храброе поведение, исключая бедного Неба: это ведь был негр!

В жизни всегда так бывает: самые геройские и благородные поступки подневольных людей остаются всегда в тени; они служат лишь для возвеличения славы особ уже известных. В данном случае решительность и находчивость Неба спасли «Джона».

Но когда я стал говорить об этом Мрамору, вот что он мне ответил:

— Да, с неграми случается иногда, что им вдруг придет в голову блестящая мысль, хотя, по правде сказать, это с ними бывает редко. Про Неба я могу сказать, что он — исключительное явление из представителей своей расы. Главное его достоинство в том, что в нем совсем нет самодовольства. В белом человеке самодовольство отталкивает, а в негре оно отвратительно.

На следующий день погода благоприятствовала нам; мы уже дошли до 52-го градуса восточной долготы. Но тут погода переменилась, подул юго-западный ветер. Мы направились к Мадагаскару. Целую неделю мы держались этого направления, пока не увидели землю; это были высокие горы, которые казались издали находящимися далеко от берега. Всю ночь мы следовали к северо-западу. Я был на утренней вахте и встретил на палубе Мрамора, который вступил со мной в разговор. Иногда он забывал разницу нашего положения на судне и говорил со мной, как с равным, но, спохватившись,

резко прерывал свою фразу и тотчас давал мне приказания тоном начальника.

— Не правда ли, какая спокойная ночь, господин Милс, — начал он, — и какое прекрасное течение на западе, Роббинс пришел бы от него в восторг, я же — враг течений.

— Да, кажется, капитан расходится с вами во мнении по этому поводу.

— А мне думается, что он и сам-то наверное не знает, каково его мнение. Если он увидит течение, он непременно будет следовать за ним на край света, будучи уверен что оно приведет его к желанной цели. Что же касается меня, то главным руководителем мне служит мой нос.

— Как, ваш нос, господин Мрамор?

— Да, именно мой нос, мистер Милс. Разве вы не обратили внимания, на каком расстоянии я разнюхал землю, когда мы проезжали мимо островов?

— Да, действительно, у Молуккских островов вы первый почувствовали приятный запах.

— Это что такое? — вдруг закричал Мрамор, вздрогнув всем телом.

— Как будто это вода, ударяющаяся о скалы.

— По местам, к повороту! — скомандовал он изо всех сил. — Бегите вниз, позовите капитана, Милс! Держи круче, все на ноги!

Последовало общее замешательство. Капитан, помощник лейтенанта и большая часть экипажа были уже на палубе.

Капитан приказал переменить галс, и когда судно медленно повернуло, он спросил у Мрамора, что это все значило? Мрамор на этот раз, оставив свой нос в покое, предложил капитану и нам всем прислушаться.

Если мы не ошибались, мы попали в самую середину бурунов.

— Мы можем повернуть обратно, господин Мрамор? — спросил с беспокойством капитан.

— Да, командир, если только нет проклятого течения; теперь такая темень, что ничего не видно.

— Бросьте якорь и следите! — скомандовал капитан.

Кайт объявил, что глубина была в шесть сажен.

Мы принялись за развертывание каната; через несколько минут мы стали на якорь. Мрамор успокоился, только слышалась его бормотание: «Чертов мыс, проклятое течение».

Г л а в а V

Они бросили нас на палубу судна и отвезли нас на несколько миль в море; там они приготовили гнилой остов лодки, без снастей, без парусов, без мачт, весь в дырах, проеденных крысами.

Шекспир

Нет ничего тягостнее выжидания. Наше судно должно было стоять на якоре. Нам нечего было делать. Мертвая тишина царила на судне. Все наши чувства как бы превратились в один слух. Вне всякого сомнения, мы попали в такое место, где волны разбивались о скалы, со всех сторон нас окружали буруны. Хорошо еще, что ветер был слабый и лот продолжал показывать шесть сажен глубины. Капитан, потеряв терпение, непременно хотел сесть в лодку и объехать вокруг судна; но замечание Мрамора, что при такой темноте лодка могла наскочить на подводный риф, убедило его подождать еще.

Показалась, наконец, заря. Мы с возрастающим ужасом стали оглядываться вокруг. Мы стояли рядом с землей, но это были лишь голые отвесные скалы, вышиной по несколько сот футов. Перед нами, сзади, кругом торчали подводные камни, рифы и шумели буруны. Остается загадкой, как мы не погибли в такую темную ночь. Конечно, это Провидение спасло нас.

Таково было мое первое вступление на Мадагаскар.

Когда солнце засияло во всем своем блеске, и море казалось спокойным, капитан вздохнул с облегчением. Наскоро позавтракав, капитан вскочил в лодку с четырь-

мя хорошими гребцами в надежде найти выход из этого лабиринта рифов.

Мрамор позвал меня на бак. По его таинственному виду и сжатым губам видно было, что он собирался говорить со мной по секрету.

— Слушайте, Милс, — сказал он, — положение нашего судна критическое: мы окружены лишь водой да подводными скалами. Не мешает приготовиться к худшему. Возьмите с собой Неба и «джентльмена» — это прозвище дали у нас Руперту — и вытащите из баркаса все ненужные вещи, затем положите туда бочонки и ждите новых распоряжений. А главное — ни гу-гу. Если вас будут спрашивать, можете ответить, что вы исполняете приказание.

Через несколько минут все было готово. Во время наших приготовлений явился Кайт.

— Это зачем? — спросил он.

Мрамор объяснил за меня.

— Видите ли, баркас может всегда пригодиться, так как я не думаю, чтобы на маленькой лодке можно было уйти слишком далеко.

Это объяснение показалось всем таким естественным, что никому и в голову не пришло подозревать опасность, а потому никто и не удивился, когда Мрамор стал давать уже громко дальнейшие распоряжения. — «Милс, положите на борт мешок с сухарями и запас говядины». Повару велено было приготовить несколько котлов со свиной, которой я взял еще и сырьем, так как это любимое кушанье матросов; они находят, что солонина напоминает вкусом орехи.

Капитан, возвратившийся через два часа, вообразил, что он сделал важное открытие.

— Вся беда, — сказал он, — произошла от водоворота, который следует за течением, и оттого, что мы слишком далеко от земли.

Во всяком случае, капитан надеялся вывести судно из беды. Заметив нагруженный баркас, спущенный на воду, он прикусил губу. Свиная продолжала вариться в котлах.

Принялись поднимать якорь. Вскоре все было готово. Наступил критический момент. Как нам миновать целый ряд подводных скал, о которые с яростью разбивались волны даже в тихую погоду? При виде поверхности океана, то вздымающейся, то опускающейся, можно было подумать, что это грудь морского чудовища, тяжело дышащего во сне. Сам капитан не мог решиться тронуться с места. Меня с несколькими матросами послали в лодке к берегу, чтобы удостовериться, где именно находился водоворот. Оказалось, что он был как раз в том течении, в направлении которого стояло наше судно. Благодаря маленькой бухточке между скалами и другому обратному течению наш корабль мог маневрировать. Это известие всех нас обрадовало. Мы двинулись, затаив дыхание. «Джон» прекрасно слушался руля; нос его благополучно миновал водоворот, но здесь мы почувствовали неимоверную силу течения, которое влекло нас прямо на рифы.

Пришлось поворачивать на другой галс. Противоположное течение оказало нам большую услугу. Капитан осторожно направил в него судно. Мы обошли первый риф, только слегка задев его; толчок был незначительный. Капитан в восторге схватил руку Мрамора, пожимая ее изо всей силы от полноты чувств.

Вдруг наше судно со всего размаху ударилось о подводный камень. Это произошло так неожиданно, что половина экипажа свалилась, в это же время слетели три стеньги под напором ветра.

Трудно себе вообразить смятение, овладевшее нами. Судно разом остановилось; при столь сильном толчке можно было подумать, что оно сейчас распадется.

Первый вал, встретив на пути своем такое препятствие, вырос перед нами в целую гору и обрушился на судно. Корабль накренился на бок и подался вперед, врезавшись еще больше в рифы.

Капитан был поражен. Отчаяние появилось на его лице, но только на одну секунду. Послышалась его команда. Он приказал опустить дагликс на баркас, а верп — в лодку. Мрамор заявил, что судно пробито. В трюме набра-

лось воды на семь футов, и это в каких-нибудь десять минут! Но капитан не мог бросить своего «Джона» на произвол судьбы. Он велел побросать в воду весь чай, все лишние вещи. Тогда один из моряков, успевший в этой время нырнуть, доложил, что наружная обшивка пробита громадным куском скалы.

Капитан созвал весь экипаж для совещания.

По закону торговое судно лишается права пользоваться услугами своего экипажа с того момента, как оно потерпело крушение. Значит, мы теперь все были свободны, не исключая даже и Неба. На военном судне дело другое. Там республика продолжает выдавать плату, и моряк обязан окончить срок своей службы.

Капитан сказал, что в четырехстах милях от нас находится остров Бурбон; он надеялся найти там небольшое судно, на котором мы могли бы возвратиться к месту крушения, чтобы спасти часть груза, паруса и якоря.

Пристать к Мадагаскару было невозможно: туземцы его слыли в то время за дикарей.

Надо было снаряжаться в путь. Наши заблаговременные приготовления пришлось как нельзя более кстати.

Капитан принял управление баркасом, а Мрамор, Руперт, Неб, повар и я посланы в лодку с приказанием держаться поближе к баркасу.

Был полдень, когда мы покинули наш корабль. Благодаря попутному ветру мы плыли довольно быстро.

Несмотря на то, что мы и теперь находились среди безбрежного океана, так сказать, в простой ореховой скорлупе, я чувствовал глубокую благодарность Создателю при мысли о том, скольких опасностей мы избежали.

Надо отдать справедливость Мрамору: он вел себя, как настоящий философ; для него путешествие в четырехста миль в простой лодочке казалось самой обыкновенной вещью. Каждый из нас ненадолго заснул, невзирая на неудобства.

К утру подул холодный ветер; море начало слегка волноваться. Мы решили поднять парус, чтобы не отставать от баркаса. Ежеминутно приходилось освобождать лодку от наполнявшей ее воды.

К ночи ветер усилился.

Мы убрали парус и взялись за весла, всячески стараясь противостоять волнам, которые могли затопить нас.

Мы и не заметили, что постепенно удалялись от баркаса, и к утру при восходе солнца мы убедились, что наших спутников и след простыл. День прошел благополучно; по расчетам, мы проехали более половины всего пути. На следующий день подул попутный ветер, продолжавшийся тридцать часов, за это время мы сделали более полутораста миль.

У всех глаза были устремлены на восток, каждому хотелось первому увидеть землю. Вдруг мне показалось, что вдали виднеется черная точка. Мрамор согласился следовать по направлению ее в течение часа.

— Но только одного часа, слышите, — сказал он, посмотрев на часы. — Это, чтобы вы замолчали и не кружили бы мне голову понапрасну.

Мы принялись грести изо всех сил. Каждая минута была дорога для меня. Наконец Мрамор велел приостановиться — час прошел.

Мое сердце сильно билось, когда я влезал на скамейку; моя черная точка была все там же. — Земля! Земля! — закричал я. Тогда сам Мрамор вскочил на скамейку и на этот раз сдался.

Без сомнения, перед нами был остров Бурбон. Мы с новой энергией приналегли на весла. К десяти часам нам оставалась всего миля до берега, но мы не могли выбрать места, к которому можно было бы пристать.

Как назло поднялся сильный ветер, и только к утру мы нашли удобную бухточку.

Никогда в жизни я не испытывал такой благодарности к Провидению, как в ту минуту, когда после всех тревожных ступил, наконец, на твердую землю.

На острове мы пробыли неделю в надежде дожидаться баркаса с нашими товарищами. Но они не появлялись.

Тогда мы направились к Иль-де-Франсу. В то время там еще не было американского консула, и Мрамор, не имея кредита, не мог достать судна, чтобы возвратиться к «Джону», потерпевшему крушение. У нас тоже ни у

кого не было денег. Одно из судов, отправлявшееся в Филадельфию, согласилось принять нас к себе на борт.

Так как нам нечем было заплатить за проезд, Мрамор взялся исполнять обязанности офицера, а мы должны были работать на баке. Этот корабль назывался «Тигрис» и считался одним из лучших американских судов. Капитан его слыл человеком дельным и знающим. Он был небольшого роста, лет тридцати не более, звали его Диггс. Он сказал нам, что хотя его экипаж и в полном составе, но он берет нас только потому, что мы его соотечественники. На самом же деле ему нужны были многие люди; он взял к себе сверх комплекта пять человек из Калькутты для борьбы с пиратами, которые начинали тогда грабить американские суда.

Это было своего рода начало той quasi войны, которая разразилась с Францией спустя несколько недель.

Все это меня мало интересовало. Я думал об одном — возвратиться восвояси и совсем не беспокоился о новых опасностях, предстоящих нам.

Мы двинулись в путь и прошли приблизительно сто миль. Мы с Рупертом стояли на вахте. Я уже собирался идти на покой, как вдруг увидел в океане белый парус; приглядевшись, я распознал, что это был баркас «Джона». Меня это так поразило, что, ухватившись за фардун, я в один миг очутился на палубе и начал неистово махать. Мрамор, командовавший в это время вахтой, несколько раз дернул меня, чтобы заставить сказать, в чем дело.

Когда я, наконец, сказал ему, что это были наши, он немедленно доложил о том капитану. Диггс был человек добрый, он отнесся с большим участием к нашей истории. Из баркаса нас тоже увидели, и через каких-нибудь два часа он совсем приблизился к нам.

Вид баркаса произвел на нас всех удручающее впечатление. На дне его лежал почти мертвый негр. Капитан Роббинс и Кайт, эти два колосса, походили теперь на призраки: глаза их, казалось, выступили из орбит; когда мы заговорили с ними, они не в состоянии были вымолвить ни слова. Более семидесяти часов у них во рту

не было ни капли воды, а что может быть мучительнее неутоленной жажды?

Во время урагана они вынуждены были для облегчения баркаса вылить почти всю воду из бочонков.

Капитан Роббинс, думая, что находится около острова Бурбон, надеялся пополнить там запас воды. Но они напрасно пробуждали десять дней и вконец выбились из сил.

Когда я помогал Роббину взобраться на борт, в его глазах промелькнуло сознание. Почувствовав себя в безопасности, он пошел, шатаясь, тяжело опершись на мою руку. Он направился к резервуару с пресной водой и молча указал мне на стоявший тут же стакан. Я дал ему напиться, тогда он оказался в состоянии сделать еще несколько шагов.

Капитан Диггс счел нужным дать подобающие предписания относительно больных: им дозволялось пить воду в маленьком количестве и не иначе глотать, как подержав ее сначала во рту, что значительно облегчило их страдания; затем, когда был готов завтрак, им дали немного кофе и по морскому сухарю, смоченному вином. Благодаря этим предосторожностям все были спасены. Роббинс и Кайт настолько оправились к концу недели, что могли приступить к исполнению служебных обязанностей. Но хотя с них ничего не спрашивалось, они всячески старались быть полезными.

Г л а в а VI

*Как пенящиеся волны мешают и
затрудняют плавание!*

«Макбет»

Бедный капитан Роббинс! Окрепнув от физических страданий, он стал испытывать нравственные: мысль о покинутом судне не давала ему покоя. Мрамор говорил мне, что Роббинс пробовал уговорить капитана Диггса отправиться на место крушения, но капитан и слышать

об этом не хотел. Итак, «Джон» остался брошенным на произвол судьбы.

«Тигрис» было прекрасно устроенное судно; хотя оно незначительно превышало «Джона» своей величиной, но зато помещало двенадцать новых пушек. Экипаж его состоял из пятидесяти человек. Диггс, будучи воинственным и опытным в борьбе с пиратами, заставлял нас для практики ежедневно упражняться в стрельбе. К тому же он получил новые сведения касательно отношений между Францией и Соединенными Штатами; и когда мы приехали на остров Св. Елены, его судно было вполне готово для военных действий.

На острове капитан сделал запас продовольствия, но новостей никаких не узнал.

Жители острова Св. Елены были люди невежественные. Все, что они знали, — это названия судов, побывавших в Индии, да цены на мясо и овощи. Семьдесят лет спустя Наполеон просветил их.

Отчалив от острова Св. Елены, мы шли долгое время совершенно спокойно. Проезжая мимо французского острова Гваделупа, капитан Диггс приблизился к нему более, чем это было необходимо.

Заметив бриг подозрительного вида, капитан направил на него подозрную трубу и объявил, что это французский крейсер, даже может быть капер.

По-видимому, бриг старался догнать нас. После долгих совещаний решено было убавить ходу и выжидать неприятеля.

— Эти негодяи идут иногда прямо на abordage, не дав нам даже времени сообразить, в чем дело. Но меня-то они не застигнут врасплох. Милс, подойдите-ка к повару и скажите ему, чтобы он наполнил водой все котлы и скорее кипятил бы ее, а ко мне пошлите Мрамора.

Вслед затем я увидел, что Неб вытаскивал из шлюпки пожарную трубу, которую он поставил около кухни. Мрамор приказал матросам наполнить трубу водой. Неб хлопотал изо всех сил.

— Ну-ка, черномазый, — сказал Диггс, — прицелься-

ка в юферс, в самую середину. Пойдемте, господа, к трубе, пусть нам Неб покажет свою ловкость.

Капитан пришел в восторг: Неб попал фонтаном воды прямо в намеченную точку. Ему велено было не отходить от трубы ни на шаг. Вскоре последовал сигнал — опустить койки вниз.

Так как мы убавили ходу, то бриг удержался от стрельбы в нас. Казалось, он платил нам вежливостью.

— По местам! — раздалась команда. Я встал на грот-марсель, а Руперт — на фор-марсель. Мы должны были делать вид, будто работаем над починкой судна. Затем капитан раздал нам ружья.

Как только все было готово, велено было молчать.

Уже совсем маленькое расстояние отделяло нас от брига. На нем было десять пушек меньшего калибра, чем наши.

Но следующее обстоятельство показалось мне подозрительным: люди, наполнявшие бак, старались скрыть свое присутствие за бордажными сетями. Я так и порывался вскочить на бакштаг, чтобы хорошенько разглядеть все, но не смел тронуться со своего поста. К счастью, у меня в кармане была газета и карандаш. Я умудрился наскоро написать несколько слов: «Бриг полон вооруженных людей, спрятанных за бордажной сетью». Обернув этим клочком бумаги медную монету, я пустил ее на бак. Услышав шум, капитан посмотрел наверх. Я молча указал ему пальцем на бумажку и был награжден одобрительным жестом с его стороны. Прочитав мое послание, капитан велел Небу и повару наполнить трубу горячей водой.

С брига нас окликнули в рупор:

— Какое это судно?

— «Тигрис», возвращающийся в Филадельфию из Калькутты. А ваш бриг?

— «Безумие», французский капер.

— Откуда вы?

— Из Калькутты. А вы?

— Из Гваделупы. Куда вы идете?

— В Филадельфию. Смотрите, не подъезжайте к нам так близко, с вами может приключиться несчастье.

— Что вы сказали? Несчастье? Мы что-то плохо слышим, а потому подъедем поближе.

— Говорят вам, отваливайте.

— Отваливайте! Это еще что значит? Ну, ребята, начинайте!

Эти слова были произнесены по-французски.

— Неб, за дело, — скомандовал капитан, — спрысника их хорошенько, мой мальчик.

В ту же минуту пожарная труба была приведена в действие.

Французы бросились на свой бушприт, и тут весь заряд кипятка ошпарил большую часть из них с головы до ног. Некоторые бросились в воду, предпочитая холодную ванну горячему душу.

С «Тигрису» раздавались громкие раскаты смеха, и наше судно, ведомое рулевым, легко перевернулось на месте, как волчок, как будто его самого только что окатили водой¹.

Мы напрасно ожидали пальбы со стороны брига: французы удержались от нее, зная, что мы вооружены лучше их. Они поворотили на другой галс, так что оба судна оказались спиной к спине.

Капитан Диггс приказал поставить пушки на порт, предполагая, что наши «друзья» начнут изъявлять нам свое неудовольствие.

Действительно, едва мы были на расстоянии трех кабельтовых друг от друга, как раздался выстрел. Пушечное ядро, пробив крьюсель, пролетело между марсом и верхушкой мачты, пробило марсель и, наконец, ударилось обо что-то твердое. Я испугался за Руперта, который стоял там.

— Ого! Фор-марс, — закричал капитан. — Во что оно ударилось?

---

¹ Это исторический факт, происшедший во время войны 1798 г.

— В топ мачты; аварии нет, капитан, — ответил Руперт уверенным тоном.

— За вами теперь черед, капитан Роббинс, пусть они это попомнят!

Мы разом выпалили из двух пушек. С нашего борта послышались радостные восклицания — мачта французов была разнесена.

Таким образом битва окончилась. Главным ее героем был Неб. Его лицо так и сияло от радости, рот растянулся до ушей от удовольствия, несмотря на то, что он более всех рисковал своей жизнью.

Да, бедняги порядком-таки пострадали от нас.

Я всегда считал, что именно это столкновение между «Безумием» и «Тигрисом» и послужило началом той враждебности, которая выказалась во время войны 1798, 1799 и 1800 годов. Целых девять дней в газетах только и говорилось об этом событии.

После этого происшествия с нами ничего особенного не случилось.

Недалеко от мыса Виргинии, когда мы направлялись к земле, мы заметили корабль, идущий на нас. Лейтенант капитана Диггса сказал ему, что это, должно быть, судно из Филадельфии, торгующее с Индией, что его имя «Ганг»; капитан же сомневался, говоря, что если это действительно «Ганг», то он изменился до неузнаваемости. Приблизившись к нам, незнакомец выстрелил из пушки и поднял американский флаг. По всем признакам это было американское военное судно.

— Не правда ли, это «Тигрис»? — спросили оттуда в рупор.

— Да. А ваше судно?

— «Ганг», корабль Соединенных Штатов, капитан Даль, с мыса Делавара. Приветствую вас, капитан Диггс. Ваши услуги могут быть нам полезны.

Диггс засвистел в ответ. Теперь все стало ясно. Это действительно был «Ганг», первое военное судно, посланное от правительства. Французские каперы вынудили нашу республику держать наготове несколько вооруженных судов вроде «Ганга».

Капитан Диггс отправился на «Ганг» в шлюпке, а я управлял ею, что дало мне возможность хорошо рассмотреть судно и его капитана. Даль, плотно сложенный, в своем морском мундире имел вид настоящего моряка. Он дружески потряс руку нашего командира и от души хохотал, узнав историю абордажа и кипятка.

Доброе, открытое и в то же время самоуверенное лицо капитана так понравилось мне, что я еле удержался, чтобы не попроситься к нему на службу. Быть может, моя карьера и выиграла бы от этого.

Но Провидение решило иначе.

Предоставляю читателю судить, прав ли я был или нет.

После того как Диггс выпил со своим старым знакомым стакан-два вина, мы возвратились на борт «Тигриса».

Оба судна отправились в путь; «Ганг» поплыл на северо-восток, к Делавару. А мы в тот же вечер были около мыса Мей на расстоянии пяти миль. Ночью с мыса подъехал лоцман в лодке. Капитану Роббинсу хотелось во что бы ни стало высадиться на берег. Для него было важно объявить о крушении его судна. Решили, что мы с Рупертом будем ему сопутствовать, невзирая на позднее время. Мы собрались в одну минуту, увозя с собой лишь по паре белья да необходимые документы.

Не успели мы отчалить, как подул такой сильный юго-западный ветер, что лоцман предложил нам вернуться. Но это легко было сказать. «Тигрис» делал шесть-семь узлов; как же добраться до него, не имея возможности дать сигнала? Мы все работали не покладая рук, но маяк был от нас еще за целую милю. Руперт в изнеможении свалился на скамейку. Роббинс занял его место, а его посадил к рулю.

Мы находились в положении человека, который, цепляясь руками и ногами, чтобы добраться до вершины отвесной скалы, чувствует, что в последний момент его окончательно покинут силы.

Позади нас простирался громадный рассвирепевший Атлантический океан, и ни единого клочка земли между

нами и обоими материками. Ничего съестного мы с собой не взяли, в надежде закусить на берегу; воды был всего один маленький бочонок. Матросы, бывшие с нами в лодке, не теряли надежды добраться до земли. К полночи после трех часов нечеловеческих усилий я так ослабел, что весло выпало из моих рук. Капитан тоже изнемогал от усталости. Только матросы старались поддержать равновесие лодки, но и им силы начали изменять.

Оставался единственный путь спасения. Наше судно могло поворотить через фордевинд; в таком случае у нас являлась возможность встретить его у бухты. Мы напрягли последние усилия. Каждую минуту мне казалось, что я вижу «Тигрис», но тотчас же его образ терялся в пространстве. К счастью, ветер дул по направлению бухты. Вдруг Руперт вскрикнул — он увидел «Тигрис».

В самом деле, это был он, обращенный носом к северо-востоку. Видно было, как он боролся с разыгравшейся стихией, но он шел перед нами с большой скоростью. Мы с яростью взялись вновь за весла. Капитан Роббинс принялся кричать в рупор. Но что значит человеческий голос среди этого ужасного концерта свистящего ветра и рева бушующих волн! Господи! Какое отчаяние овладело нами при мысли, что нас так и не услышат с судна! Мы все разом начали кричать. Какая-то неестественная сила еще поддерживала нас. Но тут набежала волна, залив нас водой. Мы уже более не сомневались в неминуемой гибели, но все же стали освобождать лодку от воды! Один из матросов начал вслух читать молитву, упоминая в ней имя своей жены. Вдруг нам всем послышался крик, точно из трубы: «Лодка!», и вслед затем со стороны маяка показалась шхуна, направлявшаяся к нам на помощь. Мы не успели опомниться, как она своим водорезом ударилась в нашу лодку, которая сразу пошла ко дну.

В такие минуты некогда рассуждать — надо действовать. Я ухватился за ватерштаг, но он выскользнул из моих рук.

Падая в воду, я уцепился рукой за какой-то предмет, и в тот же момент один из людей экипажа удержал меня

за волосы. Оказалось, что я ухватился за ногу нашего бедного матроса. Освободившись от тяжести, он же и помог спасти меня. Когда мы были на борту и стали считать друг друга, мы все были налицо, исключая капитана Роббинса. Шхуна повернула на другой галс и прошла еще раз по тому месту, где затонула лодка. Но о нашем старом командире не было больше ни слуху, ни духу!

Г л а в а   V I I

О, не забывай того часа, когда мы, переходя леса и долины, возвращались с нашим вождем в жилище его предков. Ни малейший ветерок не колыхал листья в горных лесах; луна сияла на утесах бледными лучами, и природа тихо и молчаливо отдыхала вокруг дома, который возвышался перед нами.

М и с с и с   Г и м е н с

Судно, на котором мы очутились, называлось «Марта Валлис»; оно направлялось в Бостон из Джемс-Ривера. Нам был оказан самый радушный прием. Капитан обещал нам отправить нас в Нью-Йорк с первым каботажным судном, идущим туда.

Но прошло более недели, прежде чем он мог сдержать свое слово. Наконец, в проливе Вайнъярд мы встретили судно, на котором нас приняли так же хорошо, как на «Марте Валлис». Здесь мы отдохнули и поели в свое удовольствие трески, мяса, свинины, хлеба с патокой и прочего. Узнали последние новости о войне против Франции и о событиях в Соединенных Штатах.

Через четыре дня мы уже подходили к Нью-Йорку. У нас с Рупертом не было с собой положительно ничего, кроме платья, в которое мы были одеты.

Но я не тужил об этом. Дома меня ожидала полная чаша. Да и Руперту нечего было беспокоиться, пока его отец и я оставались в живых.

И, несмотря на это, я не расставался с золотыми монетами, данными мне на прощанье Люси, они были для меня священны.

Узнав, где пребывают владельцы «Джона», я отправился туда.

Я начал рассказывать историю своего путешествия, но оказалось, что Кайт уже предупредил меня.

Спустя три дня после урагана «Тигрис», благодаря попутному ветру, благополучно прибыл в самую Филладельфию, откуда большая часть экипажа «Джона» не медля отправилась в Нью-Йорк. Так как наша лодка не возвращалась, то нас считали погибшими.

Хотя газеты и не были еще так распространены, как в настоящее время, все же у меня защемило сердце при мысли, что это печальное известие дойдет до Клаубонни ранее нашего появления там.

Владельцы «Джона» засыпали меня вопросами, каким образом наше судно погибло. Казалось, мои ответы вполне удовлетворили их. Тогда, вынув монеты, я попросил взять их в залог, а мне вместо них выдать маленькую сумму. Но мой залог отвергли; меня снабдили чеком в сто долларов, сказав, что я могу возратить их, когда мне заблагорассудится. Я спокойно согласился принять их, зная, что являясь владельцем Клаубонни, я всегда имел возможность вернуть долг.

Итак, мы с Рупертом могли приобрести все необходимое.

Мы отправились в бассейн Альбани в надежде застать там «Веллингфорд», но нам сообщили, что он только что отплыл, взяв к себе на борт негра с вещами его молодого хозяина; несчастный ездил в Кантон с молодым Веллингфордом, а теперь возвращался один на родину с печальным известием о гибели мистера Милса.

Нельзя было терять времени: надо было во что бы то ни стало опередить «Веллингфорд». Уложив наш багаж на пакетбот, мы поплыли на всех парусах.

Мое волнение было так велико, что я не мог решиться сойти с палубы до тех пор, пока не был брошен якорь вследствие прилива. С наступлением ночи Руперт преспо-

койно лег спать. Я последовал его примеру. На другой день около полудня я увидел «Веллингфорд», входящий в бухточку, но тут деревья скрыли его от наших глаз.

Едва мы очутились на берегу, как бросились бежать изо всех сил; даже Руперт не переводил дыхания; он, наконец, понял, сколько горя он причинил своему дорогому отцу и сестре!

Никогда еще Клаубонни не казалось для меня настолько привлекательным, как в эту минуту. Дом, утопающий в густой зелени аллеи, виноградники, прекрасные зеленые пастбища, бархатистая травка, слегка колеблющаяся под дуновением южного ветра, стада, расположенные группами под тенью деревьев, — все это навевало приятное спокойствие и довольство. И ради чего я расстался со всей этой прелестью? Для борьбы с пиратами, для крушения у берегов Мадагаскара!.. Я рисковал своей жизнью в маленькой лодочке среди бушующих волн и непроглядной тьмы! Да, это чудо вырвало меня из когтей смерти и возвратило меня на родную землю.

Мы уже были недалеко от леса, когда увидели, что наши сестры вошли туда, направляясь к нашей любимой беседке. В тот же момент показался Неб, шедший по другой дороге. Бедняга подвигался черепашьими шагами — ему нечего было торопиться с грустными вестями; мы, думая опередить негра, избрали кратчайший путь, но, застряв в кустарниках, опоздали. Неб уже стоял перед своими господами бледный как мертвец, не будучи в состоянии произнести ни слова, несмотря на то, что Люси трясла его изо всех сил, чтобы добиться от него объяснений. Вдруг он повалился на землю и начал рыдать.

— В чем дело? — вскричала Люси. — Стыдно тебе, что ты убежал, или же с братьями приключилось несчастье?

— Это из-за меня, дорогая моя! — сказал я из-за кустов. — Но вот мы оба здесь, слава Богу, здоровы и невредимы!

Обе вскрикнули от радостной неожиданности, и в одно мгновение мы очутились в объятиях — я у Люси,

а Руперт — у Грации. Как это произошло, трудно объяснить, потом каждый из нас поцеловал свою сестру. Они плакали от радости, говоря, что это первая минута счастья после целого года страданий.

Неб же не двигался с места, устремив на нас удивленный взор; он не верил своим глазам, сомневаясь, мы ли это. Удостоверившись, что это так, он опять повалился на землю, начал кататься во все стороны и мычать от радости. Затем, как стрела, пустился к дому, крича изо всей мочи: — Мистер Милс возвратился! Мистер Милс возвратился!

Понемногу мы пришли в себя. Пошли бесконечные вопросы и ответы. Никто еще не знал о нашей мнимой гибели. Гардинг был здоров и служил обедню. Он сообщил Грации и Люси имя нашего судна, но умолчал о том, что видел нас перед отплытием.

Грация торжественно потребовала подробного рассказа о наших приключениях. Руперт, как старший из нас, начал ораторствовать, пустив в ход все свое красноречие. Особенно он распространился насчет ядра, просвистевшего над его головой, чем произвел сильное впечатление на Грацию. Люси же, зная страсть своего брата все преувеличивать, чтобы выставить себя героем, осталась равнодушной к его рассказам, даже прервала его: — «Ну, довольно о ядре, будем говорить о другом».

Скажу правду, я в Руперте сильно разочаровался. Во время путешествия он выказал весь свой эгоизм, незаметно сваливая на бедного Неба всю тяжелую работу, которую должен был исполнять сам. В душе он не чувствовал в себе призвания быть моряком, хотя язык его говорил совсем другое. Да и вообще он так изолгался, что верить ему стало невозможно.

Если я его еще любил, то это по привычке, а может быть, потому, что он был сын моего опекуна и брат Люси.

В своем рассказе о наших приключениях он искажил все факты, подтасовав их с таким умением, что я даже не нашелся, чем срезать его.

Наговорившись всласть, мы стали вглядываться друг в друга; год разлуки должен бы изменить нас. Руперт

остался таким же, как был, только несколько возмужал. Он отпустил маленькие усики, которые очень шли ему. Что касается меня, то я прибавил в длину и в ширину. Грация сказала, что я потерял всю свою миловидность, а Люси, краснея, уверяла, что я стал походить на огромного медведя. Но я не обижался. Люси заметила мне вполголоса:

— Вот что значит уехать, Милс; сидели бы дома, так никто и не заметил бы происшедшей в вас перемены, а теперь вас называют медведем.

Я быстро взглянул на нее, она вся вспыхнула, тихо прибавив: — Но ведь я шучу.

Теперь была очередь Грации. Она очень похорошела, хотя совершенно утратила свое детское выражение.

Люси спокойно выдержала экзамен.

В ней не было той идеальной красоты, которая восхищает поэтов; это была просто очаровательная женщина во всех отношениях. Честная, открытая душа ее не знала сомнений; взгляды ее были положительные, и в привязанностях своих она отличалась постоянством. Даже Грация подпадала под ее влияние. Счастливые часов не наблюдают. Мы и не заметили, что проболтали целый час. Люси напомнила Руперту, что он еще не поздоровался с отцом, которому, конечно, успели возвестить о возвращении заблудших сынов. Надо было вымолить его прощение.

Гардинг несколько не удивился нашему приезду, так как по его расчетам мы именно теперь и должны были вернуться. Об упреках не было и речи. Он торжественно благословил нас, прощая от всего сердца. И я, не краснея, вспоминаю, что я, стоя перед ним на коленях, плакал искренними слезами раскакаяния.

Когда мы все успокоились и подкрепились едой, Гардинг обратился ко мне, чтобы я ему рассказал обо всем случившемся. Мой рассказ был не долг и без прикрас. Совершенно забыв о себе, я старался быть справедливым к Небу, к его находчивости и энергии.

Мистер Гардинг не скрывал, что был счастлив, что мы опять с ним, а между прочим спросил нас, не надоела

ли нам жизнь на море. Я ответил откровенно, что, напротив, не только не надоела, но что я мечтаю поступить на судно, имеющее каперское свидетельство Соединенных Штатов, и побывать в Европе. Руперт же поразил меня своим ответом. Он сказал, что ошибся, избрав себе неверную дорогу, но что теперь он готов сделаться юристом.

По-видимому, мистер Гардинг был удовлетворен ответом сына, но распространяться по этому поводу не стал, предоставив нам наслаждаться возвращением в Клаубонни. И мы прекрасно провели тот вечер. Руперт, изображая нашу жизнь на корабле в комическом виде, смешил всех до слез; это уже было по его части.

Сам Гардинг развешился, как дитя, когда Неб после ужина стал описывать китайские костюмы, косы и башмаки.

Навряд ли с самого основания Клаубонни в нем так веселились, как в этот памятный вечер.

На следующий день мой опекун дал мне, так сказать, полный отчет за истекший год. Дела мои были в блестящем положении, капитал значительно увеличился. Я тотчас же про себя подумал, что по достижении совершеннолетия у меня будет на что приобрести себе судно, которым я буду командовать.

Но мой опекун не заглядывал в будущее. Он мне только заметил, что надеется, что я подумаю, прежде чем окончательно решиться на выбор моей карьеры; я ответил почтительным наклоном головы.

Настали радостные дни в Клаубонни. Мистер Гардинг предложил нам совершить далекую экскурсию, но никто на нее не согласился — нам было слишком хорошо у себя дома.

Руперт под руководством отца читал барышням книжки, а я большую часть времени упражнялся в гимнастике.

Я сделал две-три крейсировки по реке на «Грации и Люси»; наконец, мне в голову пришла мысль — свезти всю компанию на «Веллингфорде» в Нью-Йорк. До сих пор кроме шхун да шлюпок они ничего не видели, а с той

поры, как я стал моряком, им непременно хотелось посмотреть на трехмачтовое судно с полной оснасткой.

Мистер Гардинг думал, что я шучу, но Грация сгорала от нетерпения побывать в большом городе; Люси же принимала сосредоточенный вид каждый раз, как я заговаривал о поездке, предполагая, что она обойдется дорого ее отцу. Но все устроилось как нельзя лучше. Несмотря на свою крайнюю щепетильность, мистер Гардинг согласился, что за проезд нечего платить, раз «Веллингфорд» всех с нашей фермы всегда возил даром. Потом в Нью-Йорке жила его кузина, миссис Бадфорт, зажиточная вдова, у которой он всегда останавливался, когда ему приходилось присутствовать на съезде членов епископально-протестантской церкви.

У нее был большой и вместительный дом на Уолл-стрит, и она не раз звала к себе погостить Грацию и Люси.

— Вот как мы сделаем, — сказал Гардинг. — Я остановлюсь вместе с девочками у кузины, а молодые люди устроятся в гостинице. Сегодня же вечером я напишу ей, чтобы не застичнуть врасплох.

Миссис Бадфорт ответила немедленно. На другой же день после получения письма весь дом, не исключая и Неба, двинулся в путь на «Веллингфорде». Какая разница между этим путешествием и предыдущим! Наши девицы всем восхищались, восторгам их не было конца.

Мы благополучно прибыли в Нью-Йорк, где я показал моим спутницам тюрьму, Бэр-Маркет (рынок Медведь) и колокольни святого Павла и Троицы. Уолл-стрит, на которой жила миссис Бадфорт, в 1799 году был совсем не такой, как в настоящее время. На том месте, где теперь столько дворцов богачей, тогда стояли скромные провинциальные домики, на мой взгляд куда симпатичнее, чем эти каменные замысловатые постройки.

Миссис Бадфорт встретила нас с распростертыми объятиями. Для нас с Рупертом у нее уже была приготовлена комната; не было никакой возможности избежать ее гостеприимства. В какой-нибудь час она нас всех разместила, и мы почувствовали себя как дома.

Я не буду распространяться о том, как мы все были

счастливы. Так как наши лета не позволяли нам выезжать в свет, то мы отправились осматривать достопримечательности. Меня теперь разбирает смех, когда вспомнишь, в чем они тогда состояли. Был там музей, от которого не отказался бы любой город на западе; цирк, управляемый каким-то Риккетсом; театр Джон-Стрита, очень скромное здание; и лев — настоящий живой лев, посаженный в клетку за городом, чтобы его рычание не смущало народ. Когда мы осмотрели все эти чудеса, Гардинг разрешил нам пойти в театр вместе с миссис Бадфорт. Это нам всем доставило большое удовольствие. Хотя мы с Рупертом побывали даже в Китае, но на спектакле нам еще не приходилось присутствовать ни разу в жизни.

Г л а в а V I I I

*Ты всегда все то же, вечное море.
Земля имеет свои различные формы
долин и холмов, деревьев и цветов;
полей, которые согревают жгучие лучи
солнца, которые сковывает ледяное
дыхание зимы, которые осень покрывает
золотым руном; ты же, ясно
ли твоё чело илиотягчено бурей, неизменно
выбрасываешь свою рдеющую пену на берега.*

Л ё н т

Несколько дней спустя после нашего приезда в Нью-Йорк я имел серьезный разговор с опекуном относительно моих новых планов.

Испробовав жизнь на море, я в душе считал себя уж опытным моряком, и, решив продолжать начатое дело, — идти по следам моего отца, — я объявил мистеру Гардингу, что не возвращусь в Клаубонни, но воспользуюсь пребыванием в Нью-Йорке, чтобы подыскать себе подходящее судно.

В этом я мог вполне положиться на Неба, а потому и приказал ему походить по набережным и присмотреться

к приставшим судам: из него выработался уже очень порядочный матрос, и морская профессия была ему по душе. Вообще в Небе было много достоинств, и мало-помалу я стал любить его почти как брата.

Однажды, когда я сам разгуливал по набережной, я услышал позади себя громкий голос:

«Ей-богу, капитан Вильямс, чего вам раздумывать, возьмите его третьим офицером, лучшего вам не найти во всей Америке». У меня было точно предчувствие, что речь шла обо мне, хотя я не сразу узнал голос. Повернувшись, я увидел Мрамора с человеком средних лет; они оба смотрели на меня сквозь abordажные сети торгового судна. Я раскланялся с Мрамором, который дал мне знак подняться на борт и представил меня капитану по всем правилам приличия.

Судно это называлось «Кризис». Оно было невелико, но прекрасно устроено, имело водоизмещение в 400 тонн и десять новых пушек. Будучи уже нагруженным, оно было готово к отплытию, но задержка состояла в том, что не могли найти третьего лейтенанта. Офицеры встречались редко: все молодые люди поступали в военный флот. Вот Мрамор и отрекомендовал меня. Я не надеялся на такое быстрое повышение, хотя сознавал, что эта должность мне по силам.

Капитан Вильямс проэкзаменовал меня в течение пятнадцати-двадцати минут, поговорил наедине с Мрамором и затем, не колеблясь, предложил мне занять это место. Нам предстояло совершить кругосветное плавание; уже одна эта мысль восхищала меня. В Англии наше судно должно было выгрузить муку и нагрузиться сандалом, затем направиться к западным берегам Америки, а потом в Кантон; здесь — променять товары на чай и так далее и возвратиться в Соединенные Штаты.

Жалование мне назначили тридцать долларов в месяц.

Подумав несколько минут, я решил принять предлагаемое мне место, тем более, что согласились взять и Неба в качестве простого матроса. Я отправился к нотариусу подписать условие. На этот раз все совершалось

по правилам. Самого мистера Гардинга вызвали для дачи согласия. Он был в очень хорошем расположении духа, так как он, в свою очередь, только что заключил условие, в силу которого один из его друзей-адвокатов обязывался руководить обучением Руперта.

Миссис Брандфорт предложила полный пансион своему молодому родственнику; отцу оставалось только одевать его и снабжать карманными деньгами.

Но, зная характер Руперта, я сомневался, чтобы он довольствовался несколькими долларами, которые мистер Гардинг мог ежемесячно выделять ему. Я в деньгах не нуждался, а потому устроил Руперту кредит в двадцать долларов ежемесячно. Как собственник Клаубонни, я пользовался доверием, меня даже считали богаче, чем я был на самом деле.

Я делал это от всего сердца. Но мне было грустно, что Руперт без всякого стеснения соглашался принимать от меня эту маленькую жертву.

В три дня «Кризис» совсем приготовился к отплытию. Капитан Вильямс рассчитывал отправиться в четверг, но что-то задержало его; о пятнице не могло быть и речи, — в этот день в 1798 году никто ничего не предпринимал. У меня оказался лишний свободный день, и я отправился погулять.

Руперт, Грация, Люси и я задумали сделать маленькую экскурсию по окрестностям Нью-Йорка. Нам с Люси было очень тяжело расставаться надолго. Мое путешествие могло продолжиться три года; я уже тогда буду совершеннолетним, а Люси — совсем взрослая девушка, девятнадцати лет. Сколько перемен произойдет за это время!

— Руперт будет адвокатом, когда я возвращусь, — сказал я.

— Да, — ответила Люси, — и знаете, Милс, я теперь начинаю жалеть, что Руперт больше не будет с вами. Вы так давно знаете и любите друг друга! И потом вы вместе подвергались таким ужасным испытаниям!

— Ничего, я спокоен, Неб остается со мной, а Руперту приятнее быть на суше. Его призвание — адвокатура.

— Однако, Милс, Неб — не Руперт, — заметила Грация с упреком.

Люси промолчала, и я не нашелся ничего сказать в ответ на это.

— Но вы будете иногда думать о нас, Милс, — проговорила Люси с глазами, полными слез.

— О, еще бы! Смею надеяться, что и вы не забудете меня. Да, кстати, я еще не возвратил вам своего долга. Вот вам обратно ваши золотые монеты, посмотрите: это те самые, которые вы мне дали на прощанье; я скорее согласился бы лишиться своего пальца, чем израсходовать хотя одну из них.

— А я думала, что они пригодятся вам. Но вы отняли у меня эту иллюзию.

— Разве вам неприятно знать, что у меня не было крайности прибегнуть к ним? Зато теперь, когда я уезжаю с разрешения мистера Гардинга и ни в чем нуждаться не буду, я возвращаю вам ваше золото с процентами.

С этими словами я хотел вложить ей в руку маленькую вещицу, но Люси так стиснула свои пальцы, что я не мог ничего поделаться.

— Нет, нет, Милс, я ведь не Руперт. Можете сделать иное употребление вашим деньгам.

— Как деньгам! Но ведь это маленький медальон на память о нашей дружбе.

Пальчики Люси раскрылись так же свободно, как у ребенка, и я беспрепятственно вложил в ее руку мой подарок, который ее очень обрадовал.

На нем были вырезаны наши четыре вензеля, перемешанные с волосами. Как я был счастлив, увидев, что она прижала медальон к своему сердцу! Но тогда я этому не придавал особенного значения.

Я не буду распространяться о нашем прощании. Когда мы возвратились с прогулки, мистер Гардинг позвал меня к себе в кабинет, благословил и обещал не забывать в своих молитвах. Люси ждала меня в коридоре. Она была бледнее обыкновенного, но казалась спокойной. Передавая мне маленький томик Библии, она сказала, подавляя свое волнение:

— Это вам на память обо мне, Милс, читайте ее и думайте о Боге!

Затем, наскоро поцеловав меня, она скрылась в свою комнату и заперлась. Грация была внизу. Она припала к груди и зарыдала, как дитя. Я насилу вырвался из ее объятий.

Руперт проводил меня до судна, на котором пробыл час-два. Выходя из дома, я обернулся: окно раскрылось, из него выглянула головка Люси. «Пишите нам, Милс, пишите почаще», — были ее последние слова.

Мы тронулись с восходом солнца при попутном ветре и благоприятном течении. Проезжая мимо Баттерей, я увидел на берегу Руперта и с ним двух женщин, машущих платками; это последнее доказательство их привязанности и обрадовало, и опечалило меня на весь день.

«Кризис» было судно очень легкое на ходу, легче даже «Тигрису». Здесь я мог пользоваться полным комфортом: нам подавались скатерти, тарелки, кувшины и прочее; одним словом, на «Кризисе» имелись все сладости жизни, какие только можно себе представить на борту торгового судна.

С нами вместе вышло около дюжины разных судов; между ними — два военных корабля от республики, перед нами — несколько торговых судов, которые, казалось, намеревались соперничать с нами в скорости хода. Мы все прошли мель на расстоянии одного кабельтова друг от друга, но скоро мы обогнали их на целую милю, что нас всех привело в настоящий восторг. Мрамор стал доказывать, что наше судно превосходит все не в одной скорости, но также и в других отношениях. Что ж, не мешает быть о себе хорошего мнения, а тем более о корабле, к которому принадлежишь!

Я должен сказать правду, что в первые минуты я не совсем хорошо чувствовал себя в своей новой должности, будучи еще очень молодым, чтобы командовать людьми, годящимися мне в отцы и опытными в морском искусстве. Но достаточно было нескольких дней, чтобы я приобрел уверенность в себе и заставлял бы исполнять свои приказания так же поспешно, как это сделал бы главный

лейтенант. Приблизительно недели через две, когда я находился на вахте, наше судно было застигнуто сильным ветром. Мне удалось с большим успехом взять на гитовы все паруса. Капитан Вильямс остался очень доволен моими распоряжениями и, главное, тем хладнокровием, которое не покидало меня. Впоследствии я узнал, что во все время ветра он стоял на борту люка, запретив другим лейтенантам показываться. Я был предоставлен самому себе и прекрасно со всем справился. Раньше капитан Вильямс имел обыкновение заходить на палубу во время моей вахты: посмотреть на небо и все ли в порядке. Но теперь он прекратил эти визиты, доверяя мне, как самому Мрамору. Похвалы капитана, а еще более доверие его ко мне доставили мне большое удовольствие.

Наш переход затянулся в ожидании благоприятной погоды. Наконец, подул попутный ветер, и мы пошли как следует.

На другой день, когда я был на утренней вахте, на самом рассвете показался парус на траверсе. Это было судно, несколько больше нашего и со скорым ходом. Когда взошло солнце, капитан и главный лейтенант взошли на палубу. Сначала они оба думали, что это английское судно, возвращающееся из Западной Индии. Но, присмотревшись внимательно, Мрамор стал уверять, что судно — французское. Капитан Вильямс решил идти прямо на него, чтобы рассмотреть его вблизи. На нем было двенадцать пушек. Этого было достаточно, чтобы мы держались настороже. Как только мы приблизились к нему, капитан объявил, что, вне всякого сомнения, это французское судно, имеющее так же, как и мы, каперские свидетельства. Не успел он произнести последних слов, как неприятель принялся стягивать лисели, брать на гитовы брамсели, одним словом, готовиться к битве.

Мы подняли свой флаг с раннего утра. Французы же сохраняли свое инкогнито до тех пор, пока все легкие паруса не были уложены. Тогда с их стороны послышался выстрел из пушки, и взвилось на воздух трехцветное знамя, столь симпатичное, как эмблема христианства, но менее счастливое в океане, чем на суше. Несмотря на то,

что между французами бывали прекрасные моряки, результаты их действий оказывались большей частью плачевными. Многие полагают, что это следствие неправильной системы, предшествовавшей революции: назначать на ответственные места не по достоинству, а по знатности происхождения. И на практике оказывалось, что изнеженные аристократы не в состоянии бывали выполнить тех трудных обязанностей, которые требовались от каждого хорошего моряка.

Английское или американское судно при встрече с французским уже заранее было уверено в своей победе, хотя иной раз случалось и разочаровываться. Но надо отдать справедливость французам. В сражении они выказывали большое мужество, а подчас — и умение. Так было и на сей раз. Наш капитан сразу почувствовал, что ему придется иметь дело с опытным и неустрашимым противником. Но отступать уже было поздно, и мы также начали готовиться к бою. Мрамор был как рыба в воде. С каким хладнокровием и поспешностью он командовал! В десять минут все было готово.

Действительно, трудно встретить два торговых судна, обнаруживавших в своих приготовлениях столько искусства и знания дела, как это выказалось со стороны «Кризиса» и «Дамы Нанта», — так назывался наш неприятель. В тот момент, как мы выстроились рядом с «Леди» (прозвище, данное французскому судну нашими матросами), оба судна выпустили заряды одновременно.

Меня поставили на бак с приказанием следить за снастями и стрелять из ружья лишь в критические минуты.

Началось с того, что упали два блока от шкотов и кливера. Пока мы перестреливались с «Дамой Нанта» в течение двух часов, у меня дела было по горло, я даже не мог оглядеться вокруг себя, сообразить, кто одерживает победу. Многие из нашего экипажа были убиты и ранены, снасти сильно повреждены.

Очевидно, французы были вдвое многочисленнее нас. Вдруг над моей головой раздался страшный треск, и, подняв глаза, я с ужасом увидел, что повалилась главная

фор-стенгга с реями и парусами на брасы фоков. Тотчас же капитан приказал всему экипажу оставить пушки и приступить к исправлению аварии. В тот же момент и неприятель прекратил стрельбу. С обеих сторон сообщили, что это безумие для торговых судов продолжать наносить друг другу вред, вместо того, чтобы позаботиться о необходимом — починить повреждения.

Правящие рулем действовали с большой осторожностью. «Кризис» поворотил к ветру, а «Дама Нанта» удалилась от нас на целую милю.

За работой мы и не заметили, как наступила ночь.

В этом сражении из нашего экипажа два человека было убито на месте, а семеро — ранены; из них двое умерло, а остальные выздоровели, за исключением одного лейтенанта, который не мог поправиться во всю жизнь, так как человек, находящийся на нашем корабле в качестве хирурга, не сумел извлечь пули из его раны. В ту эпоху хорошие врачи были редки, и те практиковали лишь на суше. Среди моряков вошло в обыкновение выражаться так: «Если вам нужно сделать ампутацию ноги, пошлите за плотником; он, по крайней мере, умеет владеть пилой, а доктор и того не знает».

Г л а в а I X

Если мы не знаем, как защитить наши двери от нападения собаки, позволим ей войти в комнату; и не будем больше считать себя нацией храброй и просвещенной.

«Генрих V»

Сражение между «Кризисом» и «Дамой Нанта» произошло на 42° 37' 12" северной широты и 34° 16' 43" западной долготы, считая от Гринвича.

Северо-восточный ветер принудил нас остановиться в Бискайской бухте, так как мы направлялись в Лондон. Время было туманное.

Однажды я был разбужен сильным толчком. Мрамор, стоящий на вахте, потребовал меня целым часом раньше.

— Вставайте скорей, господин Веллингфорд, вы мне нужны на палубе.

В одну минуту я очутился в присутствии главного лейтенанта, протирая глаза, как будто бы они от этого могли лучше открыться.

— Посмотрите-ка, Милс, по направлению этой точки. Ведь это наш друг, француз, всего в полмиле от нас.

— Почему вы так думаете, господин Мрамор? — в изумлении спросил я.

— Потому что я его сейчас видел своими собственными глазами. Этот туман рассеивается, подобно занавеси театра, и мне достаточно было одного момента, чтобы узнать врага.

— Что же вы теперь думаете делать, господин Мрамор? Мы уж теперь убедились, что француз не из трусливых: в ясную погоду мы не могли одолеть его, а теперь туман.

— Положитесь на старого командира, — он не может забыть недавних повреждений своего судна, а потому я полагаю, что, для очистки совести, он настоит на вторичном сражении. Да, Милс, на борту этого судна будет чем поживиться тому, кто завладеет им.

Затем он приказал мне спуститься вниз и тихонько позвать всех наверх.

Мрамор предложил выпалить во французское судно и, воспользовавшись туманом, взять его на абордаж. Если мы незаметно приблизимся к нему и застигнем его врасплох, наш успех несомненен.

— Во всяком случае не мешает приготовиться, господин Мрамор, — сказал капитан, — тогда будет видно, что делать.

Не успел он произнести этих слов, как у нас закипела работа. В каких-нибудь десять минут все пушки были выставлены в батарею и заряжены картечью. Мы в лихорадочном нетерпении ждали первого сигнала. Нам казалось, что перед нами множество кораблей, но все они

один за другим исчезали из глаз, заволакиваемые густым туманом. Было строго запрещено разговаривать, но тот, кто увидит неприятеля, должен немедленно пойти на корму и донести о том. Более двенадцати человек совершили эту прогулку, но напрасно, ибо все ошибались. Между тем мы продолжали наступать медленным ходом. Прошло двадцать минут томительного ожидания, — судно не показывалось. Мрамор не терял хладнокровия и уверенности в себе, но капитан и его помощник посмеивались; а матросы покачивали головами, пожевывая табак. Наконец, думая, что Мрамор ошибся, решили бросить преследование и плыть в прежнем направлении. Капитан уже собирался дать приказ убрать пушки, как вдруг я заметил судно не более как в трехстах шагах от нас. Я молча вытянул руку по направлению кормы, и мои глаза тотчас же встретились со взглядом капитана; в один миг он уже очутился на баке.

Теперь легко было разглядеть неприятельское судно: сквозь туман оно казалось волшебным видением, подвигаясь медленно вперед и раскачиваясь из стороны в сторону. Сомнений больше не оставалось — мы решили действовать. Стексели поставили по ветру. Тем временем второй лейтенант, знающий французский язык, стал на бак, чтобы быть наготове отвечать, когда с нами заговорят в рупор.

Французы заметили нас в первый раз лишь тогда, когда мы были от них всего в ста шагах. Нас увидел, кажется, вахтенный офицер. Вместо того, чтобы тотчас же созвать всех наверх, он взялся сначала за рупор. Мистер Форбанк, наш лейтенант, говорил не ясно, глотая половину слов. Однако он совсем понятно выговорил: «Случай Бордо». Этого было достаточно, чтобы ошеломить француза на несколько секунд. Мы же, не теряя времени, подвигались с такой быстротой, что не дали неприятелю времени на размышления. Однако голос офицера слышали внизу; французы поспешно и в беспорядке поднялись наверх, рассеявшись по корме и носу. Мы выстрелили из пяти пушек разом. Минуту спустя раздался треск судов, которые столкнулись.

Мрамор закричал «Вперед, ребята!» и вслед за тем он, Неб, я и весь экипаж налетели на французское судно, подобно урагану. Я ждал, что вот начнется бой не на жизнь, а на смерть, но мы нашли палубу пустой и завладели судном без всякого сопротивления со стороны французов. Капитан их был разорван надвое нашей картечью, и два офицера серьезно ранены. Вследствие этого они разом сдались нам. Из наших людей никто не получил даже царапины.

Я уже говорил, что взятое нами судно имело каперские свидетельства и направлялось из Гваделупы в Нант.

Убедившись в одержанной победе, мы отделились от «Дамы Нанта». Абордаж причинил ей мало вреда, она легко могла добраться до пристани.

После долгих совещаний решено было отправить «Даму Нанта» в Нью-Йорк под командой нашего раненого лейтенанта, который на родине мог приняться за серьезное лечение. Капитан и другой лейтенант предложили ему свое содействие для переправы через океан на «Ле-ди».

Наступила ночь, все приготовления были окончены. «Дама Нанта», повернув на другой галс, направилась к Соединенным Штатам. Наш капитан воспользовался этим случаем, чтобы послать официальный рапорт, а я написал Грании коротенькое письмо, в котором в то же время обращался ко всем нашим. Я знал, как ее обрадуют несколько строк от меня, а также мне доставляло большое удовольствие возвестить о том, что я был назначен старшим лейтенантом.

Проводы «Дамы Нанта» среди открытого моря ночью имели торжественный и в то же время грустный характер. Благополучно ли доберется это судно до места своего назначения? Все шансы были на его стороне: французские крейсера редко попадались у берегов Америки.

За мое участие во взятии судна я получил в награду тысячу сто семьдесят три доллара; я после скажу, на что употребил эти деньги.

Мрамор закричал: «Вперед, ребята!»

На следующий день с западной стороны показался парус. Чтобы хорошенько рассмотреть его, мы взяли на гитовы грот. По всем признакам это было американское судно. Несмотря на то, что мы подняли свой флаг, бриг не обнаруживал ни малейшего желания вступать с нами в разговор.

Капитан Вильямс решил отправиться за ним вдогонку, тем более что нам не нужно было сворачивать с пути. К четырем часам пополудни мы значительно приблизились к нему и дали залп. Тогда бриг приостановился и допустил взять себя на abordаж. Это было судно, захваченное «Дамой Нанта». Мы тотчас же завладели им, так как оно было нагружено мукой и направлялось в Лондон; его поручили мне, дав в помощники молодого человека, Роджера Талькотта, и шесть человек из нашего экипажа.

Само собой разумеется, все французы, за исключением повара, перешли на «Кризис».

Неб упрощил капитана отпустить его со мной, хотя Мрамору трудно было обойтись без его услуг.

Это была моя первая команда, которой я очень гордился, хотя в душе боялся сделать какую-нибудь глупость. Я должен был направляться к берегам Англии. Так как «Кризис» шел скорее «Аманды» — так назывался мой бриг, — то еще до заката солнца мы потеряли из виду наше старое судно.

Я взял на себя утреннюю вахту. Ответственность на мне лежала большая. Я находился в обширном океане, в местах, где нас ежеминутно мог настигнуть неприятель, и экипаж мой состоял из людей неопытных, совершающих путешествие первый раз в жизни.

Что же касается Неба, то он блаженствовал. Как бы сильно ни свистел ветер, океан, бриг и он сам, все должно было беспрекословно подчиняться мистеру Милсу. Талькотт, несмотря на свою молодость, был толковый малый, почему мне и дали его в помощники. Капитан Вильямс рассчитал, что две головы всегда лучше одной. Я предложил Талькотту поместиться в моей каюте не только ввиду того, чтобы иметь компанию, но

и для того, чтобы его поставить с собой на равную доску в глазах экипажа.

Первую ночь нам не пришлось спать. День прошел довольно спокойно. К вечеру я взобрался наверх, чтобы посмотреть, не видно ли земли, но безуспешно. Вдруг послышался голос Неба с реи фор-марсея:

— Огонь перед нами!

Было около десяти часов. Я знал, что этот огонь должен был быть с маяка мыса Лезарда, по направлению его я и стал держать путь.

На следующее утро мы уже въехали в Ла-Манш, стараясь придерживаться берегов, насколько это было возможно. Мы прошли на расстоянии целой мили от Эддистона, до такой степени я боялся французских крейсеров. Через день мы уже были у острова Уайта, но тут переменялся ветер, и мы должны были пойти на булинях. До Англии оставалось недалеко.

Все время кто-нибудь из экипажа смотрел вперед, стоя на часовой мачте, из страха натолкнуться на неприятеля. Всевозможные паруса попадались нам навстречу, в особенности около Дувра. Но море стало постепенно суживаться. Я употреблял все усилия, чтобы проходить незамеченным, избежать abordage. Понемногу я приобретал в себе уверенность. Мне казалось, что я команду «Амандой» не хуже самого Мрамора; и если бы пришла необходимость перевернуть на другой галс и направиться в Нью-Йорк, то и тут я бы не потерялся.

Огни, видневшиеся с берегов Англии, продолжали руководить нами. Мы приближались к Дунгенессу. Около трех часов утра Талькотт, стоявший на вахте, прибежал ко мне, весь запыхавшись, сказать, что какое-то судно, по-видимому, люгер, идет прямо на нас. Я думаю, было от чего перетрусить.

Я решил лететь к земле на всех парусах, надеясь, что люгер не успеет напасть на нас. Мы живо обогнули стрелку ближайшего мыса. Люгер, бывший от нас на расстоянии одного кабельтова, на минуту скрылся с глаз. Заметив какое-то судно, стоящее здесь на якоре, мы стали

около него. Я надеялся, что люгер переменит галс, но не тут-то было: минуто спустя он уже подходил к нам, точно его тянуло магнитом.

Во все это время ничто не нарушало тишины ночи. На судне, стоявшем около нас, господствовало полное спокойствие. Мы находились между этим судном и люгером на расстоянии одного кабельтова друг от друга. Я закричал в рупор:

— Эй, корабли!

— Какой это бриг?

— Американец, с французским люгером, трогайтесь-ка!

На мои слова раздалось восклицание: — Этакый черт! — А потом: — Проклятые янки!¹

Наконец, все были позваны наверх.

— Это английское судно, снаряженное в Вест-Индию, господин Веллингфорд, — сказал один из наших стариков матросов, — только оно сейчас без конвоя.

— Что это за люгер? — спросил оттуда офицер резким тоном.

— Мне ничего неизвестно. Он преследует меня двадцать минут.

В это время люгер незаметно проскользнул между нами. Английское судно показалось ему более привлекательным, а потому он и пошел прямо к нему на abordаж. Выстрелов не было ни с той, ни с другой стороны. До нас доносились крики раненых, брань, проклятия, команда.

Хотя застигнутый врасплох Джон Буль храбро защищался, но нам видно было, что он начинал проигрывать сражение. Туман, надвигавшийся с берега, заслонил от нас оба судна.

На рассвете мы опять увидели их вдаль, направляющимися к Франции. В 1799 году такое дерзкое предприятие могло удалиться; французы не раз приводили добычу в свои гавани; но три-четыре года спустя это было

---

¹ Так называют американцев.

бы немыслимо. «Аманда» осталась цела. Кажется, Нельсон, после своего великого подвига, не был так счастлив, как я в эту минуту. Талькотт поздравил меня от всего сердца.

Все мы были убеждены, что счастливый исход дела являлся следствием нашего искусства и умения держать себя: никто и не думал, что это была простая случайность.

Поравнявшись с Дувром, мы взяли лоцмана, который сообщил мне, что плененное судно называлось «Доротей», что оно только что возвратилось из Вест-Индии. Оно бросило якорь около Дунгенесса, думая провести спокойную ночь в этом уединенном местечке. И люгер никогда не напал бы на «Доротей», если бы мы случайно не натолкнули его на добычу.

Но, к счастью, мне уже больше нечего было бояться люгера. В тот же день мы вошли в гавань и бросили якорь. В первый раз мне пришлось видеть целый флот на стоянке. Наша история наделала много шума на борту военных судов. К нам подъехало, по крайней мере, двадцать лодок расспросить, как было дело. Между прочим, мне стал задавать вопросы один пожилой господин в городском костюме; я полагаю, что это был адмирал; но все лодочники на все расспросы никому ничего не отвечали, хотя высказывали необыкновенное почтение этому господину. Он пожелал узнать от меня все подробности дела; я откровенно рассказал ему всю правду. Он слушал меня с большим вниманием. Уходя, он дружески пожал мне руку, сказав:

— Молодой человек, вы хорошо сделали, поступив так осторожно; пусть ворчат наши старые моряки, — они думают лишь о себе. Ваша прямая обязанность была — спасать свое судно; и раз вы это могли сделать, не запятнав своей чести, ваше поведение заслуживает похвалы. Но для нас срам, что эти проклятые французы греют себе руки на наших же глазах.

Как сладок и печален в одно и то же время ход человеческой жизни, когда детство и юность бок о бок начинают спускаться в долину лет! Невинность сопровождает их некоторое время, шаг их легок, хотя в чертах уже имеется некоторая серьезность; они слишком молоды для страдания, но не для слез.

А л ь с т о н

С каким интересом и уважением относились к Англии образованные американцы в 1799 году. Они изучали ее историю, законы и устройство. Только небольшое число ярых политиков были врагами Англии. Мы же с Талькоттом не составляли исключения из общего правила и смотрели на нашу «мать отечества» сквозь радужные стекла.

По мере того как мы приближались к Лондону, все, что нам показывал издадека лоцман, восхищало нас.

Темза не представляет собой ничего особенного, но трудно вообразить себе то множество всевозможных судов, которыми она была заполнена. Наш лоцман очень ловко провез нас среди этого лабиринта, его можно было сравнить с кучером, который прочищает путь своему экипажу среди сплошной массы народа.

Капитан Вильямс поручил мне возратить бриг его первоначальному собственнику, сохранив за собой право на вознаграждение. Это был американский негодант, поселившийся в новом Вавилоне. Он приказал отправить за судом, а с меня сложил всякую дальнейшую ответственность.

Так как в своем письме капитан по ошибке написал про меня: Мистер Веллингфорд, мой «младший офицер», негодант не счел нужным пригласить меня к обеду, а между тем в газетах уже было напечатано о происшествии у Дунгенесса под рубрикой: «Проделка янки». Эта фраза много вредила американцам во мнении иностранцев.

Во время моего пребывания в Лондоне я воочию убедился, что в стране наших предков, кроме епископов и добродетелей, можно встретить и нечто другое. В Гревизенде мы взяли к себе на службу двух офицеров из таможни. В Англии существует финансовая система назначать на места двух мошенников, чтобы один мог контролировать действия другого. А потому один из моих новых сослуживцев, видя во мне мальчика восемнадцати лет, которому уже было поручено захваченное судно, вообразил, что со мной ему будет очень удобно проделывать всякого рода делишки. Звали его Свиной. Узнав, что я сгорал от нетерпения осмотреть Лондон, он вызвался быть моим проводником, предложив для начала показать мне собор святого Павла, а затем достопримечательности Вест-Инда. Мы с ним пространствовали целую неделю.

Удостоверившись, что я имел возможность расплачиваться, он предался своей природной склонности к грязным вещам, пригласил меня посетить Уэппинг, центр разврата. Но я слишком много читал и наслушался об этом ужасном месте, а потому и был все время настороже, оставаясь простым зрителем всего, что происходило перед моими глазами. Наставления доброго мистера Гардинга тоже не забывались мной ни на минуту.

Те безобразия, которые мне пришлось видеть в доме Черной Лошади, находящемся на улице святой Екатерины, произвели на меня самое отталкивающее впечатление.

Не стану распространяться о том, какого рода женщины посещали этот дом; большинство из них были молоды, некоторые еще не утратили красоты, но все они были презреннейшими созданиями.

— Что же касается мужчин, которых вы видите здесь, — сказал мне Свиной, сидя за кружкой пива, — более половины из них бандиты или негодяи, приходящие сюда вечером повеселиться среди прекрасных господ вроде вас, моряков. А вот эти две физиономии я видел в Ольд-Белее; и как это им удалось избежать ссылки? Но вы видите, что они прекрасно чувствуют

себя, точно они у себя дома, и хозяин оказывает им прием как вполне честным людям.

— Не понимаю, — сказал я ему на ухо, — как это осмеливаются принимать открыто известных мошенников?

— Однако же какое вы дитя! Разве вы не знаете, что закон покровительствует плутам наравне с честными людьми? Да у этих мазуриков всегда есть про запас «alibi». Alibi — это...

— Прекрасно знаю, господин Свиной, это юридическая увертка.

— Как! Черт побери! Такой юнец, как вы, только что приехавший из девственной еще страны — Соединенных Штатов, — и уже знакомы с такими вещами!

— Да, — сказал я, смеясь. — Америка-то и есть страна «alibi», там все — везде и в то же время — нигде. Народ пребывает в постоянном движении, а это своего рода вечное «alibi».

Чтобы закончить день, Свиной повел меня на бал, который, по его словам, охотно посещался американскими офицерами. Это был зал собрания Уэппинга.

Войдя туда, я увидел человек пятьдесят поваров и метрдотелей, черных как уголь, под руку с молодыми англичанками. Хотя у меня нет особенных предубеждений к черной расе, но, признаюсь, это зрелище вызвало во мне чувство отвращения. В Англии же смотрели проще на вещи, там казалось вполне естественным, что англичанки выходят замуж за людей всевозможных цветов кожи.

После этого бала, который Свиной показал мне, как верх прелести, он, наконец, проговорился о главном мотиве всех своих любезностей. Опорожнив вторую кружку пива, разбавленную можжевелькой, он предложил мне свои услуги, чтобы провести беспошлинно все, что находилось на борту «Аманды»; раз мне было поручено судно, то, по его мнению, я имел возможность присвоить себе все содержимое «Аманды». Я с негодованием отвергнул это предложение, дав Свиному почувствовать, что считал его слова для себя оскорблением и что с этого

момента наши отношения с ним не могли более продолжаться. Он, по-видимому, сконфузился. По его понятиям, всякий товар был годен лишь для того, чтобы воспользоваться им; а потом грабеж — «проделки янки» — вещь самая обыкновенная.

К счастью, вскоре я увидел наш «Кризис», который, подобно «Аманде», прочищал себе дорогу среди лабиринта парусов. Не успел он еще пристать, как Талькотт, Неб и я были на борту. Капитан Вильямс уже прочел в газетах про «проделку янки» и догадался, как именно произошло дело. Он встретил нас очень радушно. Мы все были счастливы видеть друг друга.

Я был единственный из офицеров, который успел осмотреть Лондон; это мне придавало некоторое значение в глазах экипажа.

Мрамор, который, в свою очередь, жаждал ознакомиться со столицей Англии, уговорил меня быть его проводником и показать ему все, что видел сам. Две недели мы употребили на то, чтобы выгрузить наше судно и взять балласт. Затем нужно было пополнить наш экипаж. Конечно, мы предпочли взять американцев. Наш выбор оказался очень удачным: несколько прекрасных матросов с английского крейсера, попавших туда с американского судна, с радостью согласились поступить на «Кризис».

История «Дамы Нанта», слегка приукрашенная, появилась во всех газетах и наделала много шума.

Ничто не могло привести англичан в лучшее настроение, как известие о вреде, нанесенном французам. Со времени 1775 года американцы пользовались в Англии особенно хорошей репутацией: каким-то чудом обе нации действовали заодно против общего врага. Кажется, отчего бы английскому и американскому флотам не соединиться навсегда вместе? Да, никому не известно, что нам готовит будущее, никто не может предсказать, какие народы останутся нам дружественными и какие сделаются нашими врагами.

Я с большим удовольствием принялся показывать Мрамору достопримечательности Лондона. Мы начали с

хищных зверей и Башни, но наш лейтенант остался к ним равнодушен. Церковь святого Павла понравилась ему, хотя он чистосердечно признался, что находит Кенне-бункскую церковь куда лучше и что, пожалуй, «Троицу» из Нью-Йорка можно было бы поместить рядом с церковью святого Павла.

— То есть как рядом? — повторил я, смеясь. — Вы, должно быть, хотите сказать, что она легко вместе со своей колокольной поместилась бы внутри, да и тогда еще осталось бы больше места, чем во всех наших церквях вместе взятых?

Долго Мрамор не мог мне простить этой шутки, сказав, что мое замечание «не патриотично», слово, которое в 1799 году употреблялось не так часто, как в настоящее время.

Выйдя из церкви, мы благополучно прошли через Флит-стрит, Темпл-Бар и Странд; наконец, мы очутились в Гайд-Парке, месте, куда стекались представители моды и высшей аристократии. Здесь мы выбрали себе скромный уголок для наблюдений.

Этот парк представлял дивное зрелище при хорошей погоде и массе блестящих экипажей, снующих во все стороны. Не будучи в состоянии раскритиковать разом все виденное, Мрамор излил свою желчь на лакеев.

— Это возмутительно, — говорил он, — заставлять наемного человека носить трехцветную шляпу; такое отличие должно быть предоставлено исключительно представителям церкви, государства или военным офицерам.

Пока мы с Мрамором обсуждали этот вопрос, произошло маленькое приключение, имевшее важные последствия.

Обыкновенные экипажи для публики в английские парки не допускаются, за исключением наемных карет. Одна из таких карет и очутилась в затруднительном положении как раз в то время, когда мы проходили мимо нее. Лошади испугались тачки, стоящей на дороге, и начали пятиться. Кучер не сумел справиться с ними, и задние колеса попали в воду канала; не случись тут

Мрамора и меня, карета и сидящие в ней непременно бы утонули. Схватив тачку, я бросил ее под передние колеса, Мрамор же удержал заднее колесо своей железной рукой; таким образом катастрофа была предупреждена. Лакея не было. Я бросился к дверце и помог выйти пожилому господину с дамой и молодой особой. Все трое сошли благополучно, даже не замочив себе ног. Но Мрамор не так-то легко отделался; бедный стоял по плечо в воде и делал нечеловеческие усилия, чтобы поддержать равновесие экипажа, но в ту минуту, как все вышли, он выпустил из рук колесо, тачка поддалась напору, и карета и лошади в беспорядке попадали в воду. Одну из лошадей удалось спасти, другая же утонула. Вокруг нас собралась толпа. Но участь экипажа мало беспокоила меня. Я был рад, что мы спасли его пассажиров.

Пожилой господин от всего сердца благодарил нас, прося не оставлять его, что ему еще понадобятся мои услуги, на что я без труда согласился. Пока мы направлялись к выходу из парка, я мог внимательно рассмотреть моих спутников. Все они, по-видимому, принадлежали к порядочному обществу, так называемому в Англии «среднему классу».

Господин должен был быть военным, барышня, одних лет со мной, казалась очень красивой. Да ведь это настоящее приключение. Я, точно герой романа, являюсь спасителем восемнадцатилетней девицы. Теперь мне остается только влюбиться в нее!

У ворот парка пожилой господин нанял карету; усадив в нее своих дам, он пригласил меня сопровождать их. Но мы с Мрамором промокли до костей. Тогда незнакомец дал нам свой адрес на Норфолк-стрит, и мы обещали зайти к нему, что мы и сделали, предварительно пообедав и высушив свои костюмы.

— Милостивые государи, — сказал нам майор, оказав нам самый радушный прием, — ваше поведение достойно английских моряков, всегда готовых оказать вежливость и услугу. — Затем, вынув из портфеля несколько банковых билетов, он нам сказал: — Я бы с радостью предложил вам больше этого, что я, быть

может, и сделаю со временем, чтобы доказать вам всю мою благодарность.

При этих словах майор протянул Мрамору два билета по десяти фунтов стерлингов.

Судя по сложившемуся мнению во всем христианском мире, Соединенные Штаты считались самой корыстной страной; там литература, искусство, слово занимали второстепенное место, доллар же царил на первом плане, — он был главным двигателем во всем.

Однако странная вещь: мне достоверно известно, что двадцать человек европейцев несравненно легче купить за двадцать фунтов стерлингов, чем соблазнить этими деньгами двух американцев. Не берусь объяснять подобное явление, но факт налицо.

Мрамор выслушал майора с подобающим почтением, теребя свою табакерку, которую он раскрыл в ту минуту, как майор кончил говорить. Затем с полнейшим равнодушием, взяв щепотку табаку, Мрамор захлопнул табакерку и только тогда ответил.

— Это очень великодушно с вашей стороны, майор, — сказал он, — но спрячьте-ка ваши деньги обратно; мы будем вам столь же благодарны за них, как будто мы их прикарманили. Затем позвольте вам доложить во избежание недоразумений, что мы оба уроженцы Соединенных Штатов.

— Соединенных Штатов! — повторил майор, выпрямляясь во весь рост. — В таком случае я убежден, что вы, молодой человек, не откажетесь принять от меня это доказательство моей признательности.

— Ни в коем случае, милостивый государь, — вежливо ответил я. — Мы совсем не то, что вы предполагаете. Наружность бывает обманчива. Мы оба — морские офицеры с судна, имеющего каперское свидетельство.

При этих словах майор извинился перед нами, теперь только поняв, что мы никогда не согласимся принять вознаграждение за услугу. Он пригласил нас присесть, и разговор продолжался.

— Мистер Милс, — начал Мрамор, — владелец имения, называемого Клаубонни; он мог бы жить у себя в

полном довольстве. Но когда петух поет, и цыпленок тянется за ним. Его отец был моряк, так вот и сын пошел по его следам.

Это известие о моем положении несколько не повредило мне, напротив: в обращении со мной всего семейства Мертон тотчас же произошла приятная перемена. Меня просили навещать их до моего отъезда из Англии, чем я воспользовался более двенадцати раз.

Одевшись заново с головы до ног, я неоднократно сопровождал их в театр. Эмилия впервые улыбнулась мне, увидев меня в новом костюме. Эта девушка была прелестным созданием: скромная и застенчивая с виду, она была полна жизни, судя по выражению ее больших голубых глаз; кроме того, она получила хорошее воспитание и, при моем незнании жизни, казалась мне самой образованной из всех барышень ее лет. Я считал Эмилию Мертон чудом из чудес; сидя около нее и слушая ее, я краснел за свое невежество.

Г л а в а X I

Внимание, боцман, или мы сядем на мель, внимание, говорю тебе!

«Буря»

Капитан Вильямс, желая выразить мне чем-либо одобрение за мои заботы о бригае, позволил мне проводить времени на суше сколько угодно. Мне могло более не представиться возможности еще побывать в Лондоне и быть в такой милой компании.

Из предосторожности капитан послал одного из своих чиновников в консульство справиться, что за люди были Мертоны.

Оказалось, что они занимали прекрасное положение и пользовались всеобщим уважением. У них имелись родственники в Соединенных Штатах, так как отец Мертон женился в Бостоне.

Я же был в восторге от этого знакомства и благо-

словлял судьбу, натолкнувшую меня на них. Благодаря Мертонам, я узнал свет. Меня у них всегда ожидал самый радушный прием. Сам Мертон, джентльмен в полном значении этого слова, ни на минуту не забывал, что он обязан мне спасением жизни. Эмилия с удовольствием разговаривала со мной; и как я бывал счастлив, слушая милые мысли, произнесенные хорошеньким ротиком.

Я заметил, что она смотрела на меня, как на провинциала. Но я не даром совершил путешествие в Кантон, чтобы стесняться перед ребенком.

В общем, я думаю, что произвел прекрасное впечатление на все семейство. Быть может, Клаубонни тут играло не малую роль. Но, во всяком случае, во время моего последнего визита Эмилия казалась грустной, а мать ее уверяла меня, что все они искренне жалеют меня. Майор взял с меня обещание навестить их на Ямайке или в Бомбее, куда он собирался с женой и дочерью через несколько месяцев в надежде упрочить там окончательно свое положение.

Неделю спустя «Кризис», покинув дюны, выехал в открытое море, сопровождаемый благоприятным ветром.

Мы остановились у Мадеры, где высадили одно английское семейство, отправляющееся туда для поправления здоровья. Затем мы запаслись фруктами, овощами и свежим мясом.

Следующая наша остановка была в Рио; я ошибся в расчете, думая, что меня здесь ждет письмо от наших.

Затем мы направили наш путь к острову Штатов, намереваясь пройти пролив Ле-Мер и обойти мыс Горн.

Мы подъезжали к Фолклендским островам рано утром. Ветер дул с востока, время было туманное; при таких условиях проход через узкий пролив являлся рискованным. Мы с Мрамором держались того мнения, что лучше всего было бы обогнуть остров с восточной стороны, но никто из нас не решился предложить свой проект: я — по молодости, а Мрамор — вследствие упрямства «старика», как он называл капитана.

— Он любит, — сказал Мрамор, — идти очертя голову, и никогда не бывает так счастлив, как в океане среди незнакомых островов.

К полудню ветер, перейдя к югу, подул сильнее и к полночи превратился в вихрь. Это предвещало начало бури, которую мне приходилось видеть на море в первый раз.

По обыкновению уменьшили количество парусов, оставив только грот-марсель, кливер и фок.

Наше положение было не из веселых. В этих местах течения действуют с такой силой, что мы стали теряться в догадках, делая всевозможные предположения, конечно, далекие от истины. Но капитан был убежден, что мы совсем близко от Огненной Земли. Мы же все потеряли надежду пройти через пролив.

Вдруг раздалась команда Мрамора:

— Руль и брасы по ветру! Кливер взять на гитовы!

В одну минуту весь экипаж был на палубе. Судно уклонилось от прежнего направления и под попутным ветром полетело с неимоверной быстротой, получая сильные толчки, вследствие которых дрожали болты и блоки. Однако все удалось; «Кризис» наверняка стал удаляться от Огненной Земли, но куда он неся теперь? На этот вопрос никто не мог ответить. Я был уверен, что мы обошли Фолклендские острова, но и от них нас отделяло большое пространство.

Как только судно пошло своим обыкновенным ходом, капитан Вильямс обратился к Мрамору за разъяснением подобной команды.

Мрамор уверял, что ему показалась земля перед самым судном, а так как время терять нельзя, то он и велел поворотить на другой галс, чтобы не наткнуться на берег.

Мне показалось странным такое объяснение. Капитан же поверил ему или, по крайней мере, сделал вид, что верит.

Потом Мрамор сказал мне правду:

— Будет с меня Мадагаскара, с какой стати я стал бы лезть на верную гибель, поддавшись чертовым течениям, которые натолкнули бы нас на этот скалистый берег!

После захода солнца поднявшийся ветер со страшным шумом сорвал стаксель, который исчез в тумане, подобно туче, затерявшейся среди массы облаков.

Разразилась настоящая буря.

На этот раз ураган так свирепствовал, что обыкновенные порывы ветра казались сравнительно с ним легким ветерком. Волны вырастали перед нами в целые горы, которые вдребезги разбивались о наше судно.

Целую ночь мы боролись с разыгравшейся стихией.

День наступил серый, мрачный, казалось, все слилось в одну массу, насилию можно было отличить океан от судна.

Воздух был наполнен водяными парами.

Мрамор опасался, чтобы нас не отнесло обратно к скалистым берегам.

Я ничего не ответил ему, мы все четверо, капитан и его трое офицеров, с напряженным вниманием смотрели на туман, как будто за ним скрывалось наше отечество. Вдруг, точно по волшебству, туман рассеялся, и мне показался вдали отлогий морской берег. Наше судно быстро подвигалось к нему. Земля стала виднеться параллельно тому направлению, которого мы держались, и перед нами, и сзади нас.

«Что за странная иллюзия», — подумал я про себя, вопросительно посмотрев на своих товарищей.

— Странно, — проговорил спокойно капитан Вильямс, — ведь это земля, господа!

— Совершенно верно, как Евангелие, — с уверенностью сказал Мрамор. — Что же вы теперь прикажете делать, командир?

— Что же можно сделать, господин Мрамор! Пространство не позволяет нам переменить направление, а перед нами — море.

Действительно, видневшаяся земля казалась низкой, мрачной, пристать было невозможно.

Вся наша надежда была — найти удобное место, чтобы бросить якорь. Но что нас особенно тревожило, — это сильное течение.

В таком беспокойстве мы провели всю ночь. К полдню

все еще нельзя было остановиться — нас влекло вперед неестественными толчками. К счастью, погода прояснилась, и даже ветер приутих к двум часам. Мы продолжали путь, сняв почти все паруса. Но ночь представляла для нас большую опасность.

Мы предполагали, что нас занесло в один из проливов между островами Огненной Земли. До четырех часов мы проехали, по крайней мере, семнадцать островков. Наконец, один из них показался нам удобным для пристанища; этот остров имел около мили в окружности, и мы медленным ходом направились к нему; течение нам помогало. Мы забросили один якорь, держа другой наготове. Затем всему экипажу разрешили пойти поужинать, исключая нас, офицеров. Мы с капитаном сели в лодку; надо было объехать вокруг судна, чтобы удостовериться, все ли обстоит благополучно. Глубина оказалась не удовлетворительной. Нам велено было не доверяться ни ветру, ни течению.

Распределив вахту, все отправились на покой.

Рано утром, приблизительно минут за десять до начала моей вахты, капитан позвал нас на палубу: судно тронулось, гонимое ветром. Мы тотчас же взялись за якорный канат. Несчастье произошло вследствие подводных камней: канат оказался протертым на две трети своей толщины. Как только нас опять толкнуло вперед течением, канат порвался. Якорь так и остался на месте; возвращаться за ним назад было невысказимо. Капитан благословлял судьбу, что нам удалось миновать опасность. Мы, ради безопасности, продолжали придерживаться юга, стараясь идти по ветру.

Ночью луна светила не переставая, и утро обещало нам ясный день. В самом деле, солнечные лучи стали понемногу пробиваться сквозь тучи; теперь мы хорошо видели землю, окружавшую нас со всех сторон. Пролив, из которого выходил «Кризис», был шириной в несколько миль и был ограничен с севера высокими крутыми горами, покрытыми снегом. Перед нами не видно было никаких препятствий, мы с легким сердцем продолжали путь. Вскоре капитан объявил нам, что мы входим в океан

с запада залива Леме́ра и были совсем близко от мыса. Мы распустили почти все паруса, так как капитан придерживался правила «ковать железо, пока оно горячо». В течение нескольких часов мы делали до пятнадцати узлов, и все вдоль берега.

Еще не успело стемнеть, как мы опять увидели перед собой землю. Мрамор предполагал, что это конец глубокой бухты, по которой мы шли. Капитан же думал, что это мыс Горн. К несчастью, день был пасмурный, неудобный для наблюдений. Попад в узкий канал, мы несколько часов держались юго-запада.

Но вдруг нас понесло к северу по узкому рукаву канала, делающего изгиб. В результате получилось то, что мы опять удалились от океана и теперь наверное шли не по направлению мыса Горн. Вновь стали попадаться островки со скалистыми берегами и бесконечные бухты.

Пробовали мы бросить якорь, но неудачно. Да и рискованно было жертвовать вторым канатом. В надежде найти проход с южной стороны, который вывел бы нас в открытое море, мы не хотели возвращаться назад. Наконец, после целой ночи, проведенной в непрестанном страхе натолкнуться на подводный камень среди массы островков, отделяющихся друг от друга узкими каналами, мы увидели с западной стороны проход, ведущий в океан, и наше судно торжественно вступило в открытое море.

Необходимо было определить, где именно мы находились. Мрамор, выслушав все наши предположения по сделанным наблюдениям, покачал головой и пошел сам посмотреть на карту.

— Это, господа, Тихий океан, клянусь святым Кеннебунком! — это была его излюбленная клятва в минуту сильного волнения. Мы прошли через Магелланов пролив, сами того не подозревая.

*Звучите, трубы! Подымайте якорь;
распускайте паруса! Нетерпеливые
знамена развеваются уже над морем.
Кажется, само небо послало нам этот
благоприятный ветер, наш легкий челн
точно почерпнул жизнь в его божест-
венном дыхании, — так быстро он
бежит.*

П и н к н е й

«Кризис», благодаря слепой случайности, совершил великий подвиг; случись это не в 1800 году, а в 1519, пролив, из которого мы только что вышли, получил бы название «пролива Кризиса».

Как сейчас помню то приятное ощущение, овладевшее мной, когда «Кризис» вошел в открытый океан. Громадные волны его мощно ударялись о берег, освещенный заходящим солнцем. Сердца всех нас были переполнены радостью. Ни одна команда не звучала еще так весело в моих ушах, как настоящее приказание капитана поднять все паруса, что было тотчас же исполнено, и мы торжественно поплыли по середине моря, счастливые тем, что благополучно миновали Огненную Землю и ее бурные воды.

Я не стану входить в подробности торговых операций, производимых «Кризисом» в течение пяти месяцев после его выхода из Магелланова пролива. Ограничусь тем, что скажу, что мы останавливались в различных местах, выгружали товары и нагружались новыми.

Несколько раз таможенные крейсера пускались за нами в погоню, но мы отделялись от них благополучно.

Отчалив от испанских территорий, мы направились к северу в расчете произвести обмен стеклянных изделий, ножей, печей и прочей домашней утвари — на меха. Мы употребили еще несколько месяцев на торговлю, всегда извлекая для себя немалую выгоду.

Приблизительно на пятьдесят третьем градусе северной широты мы забросили якорь в одной из бухт ма-

терика. К нам подъехал местный лоцман, предложивший подвезти нас к такому месту, где мы могли найти громадное количество мехов выдры. И он не обманул нас, хотя имел самую подозрительную наружность. Первым делом он указал нам очень удобную бухточку достаточной глубины, где мы и остановились.

В эту эпоху мореплаватели, пристающие к северо-западному берегу, должны были всегда остерегаться нападений со стороны туземцев. А потому, невзирая на то, что место для стоянки было удобное, нам все же следовало быть готовыми к борьбе с дикарями. Но так как предполагалось пробыть здесь недолго, только запастись мехами, то мы не особенно беспокоились.

Я никогда не мог запомнить варварских имен дикарей. Конечно, и у нашего лоцмана было свое имя, но христианский язык не поддавался на произношение его; а потому мы ему дали свое прозвище — «Водолаз», по той причине, что он сразу нырнул в море, как только Мрамор попробовал выстрелить в воздух, просто чтобы разрядить оружие.

Убедившись, что мы остановились в указанной бухте, Водолаз исчез; через час он уже подъезжал к нам в лодке, доверху нагруженной прекрасными мехами; его сопровождали три дикаря свирепой наружности. Тотчас же мы им дали прозвища, ради шуток: «Спичка», «Оловянный Горшок» и «Широкий Нос». Трудно определить, к какой расе принадлежали эти субъекты. Капитан сам не мог сообщить мне ничего определенного по этому поводу; все, что ему было известно относительно них, это что они очень ценили одеяла, бусы, порох, печки и старые кольца и охотно обменивали меха на эти вещи.

Мрамор на мой вопрос резко ответил мне, что, не будучи натуралистом, он ничего не знал об этих тварях, а также и о диких зверях.

Однако подобное приравнивание этих людей к животным отнюдь не мешало нам вести с ними торговлю, которая, подобно нищете, не различает людей.

Мне часто приходилось видеть наших индейцев, имеющих сношение с белыми людьми и знакомых с употреб-

лением рома, но дикарей, стоящих на такой низкой ступени развития, я встречал первый раз в жизни. Их можно было принять за готтентотов, поселившихся в Америке.

Водолаз и его спутники продали нам в тот же день сто тридцать шкур. Обе стороны остались довольны сделкой. Дикари дали нам понять, что, продолжив здесь наше пребывание, мы могли рассчитывать получить еще шесть раз такое же количество шкур. Капитан был в восторге и решил пробыть в этих краях еще день-другой. Лишь только это решение объявлено было дикарям, они выразили большую радость. Оловянный Горшок и Широкий Нос отправились на берег сообщить своим собратьям приятное известие, а Водолаз и Спичка остались с нами.

Мы с Мрамором заметили, что лодка вошла в заливчик, образуемый бухтой. Так как нам нечего было делать на судне, мы попросили у капитана разрешения пойти осмотреть эту местность и в то же время ознакомиться с берегом. Сойдя в лодку с четырьмя людьми, хорошо вооруженными, мы отправились. Спичка, стоявший на палубе, внимательно следил за нашими движениями, и как только мы разместились в лодке, он одним прыжком очутился около нас и уселся на корме с таким спокойствием и достоинством, как будто он был капитаном.

— Как вы думаете, Милс, — спросил меня Мрамор, — брать нам с собой этого костлявого орангутанга или столкнуть его в воду? Авось побелеет после холодной ванны?

— Оставьте его, прошу вас, господин Мрамор! Я уверен, что он хочет быть нам полезен, только не умеет высказать этого.

— Полезен?! Да он весь-то выеденного яйца не стоит!

Мрамору показалось очень забавным его собственное сравнение. Он повеселел и позволил дикарю остаться с нами.

Спичка имел вид настоящего идиота. При обмене товаров он не проронил ни звука, предоставляя переговоры Водолазу; все время лицо его оставалось неподвижным. А между тем этот человек обладал душой, искрой

того неугасимого пламени, которое отличает людей от животной твари!

Бассейн, в котором остановился «Кризис», был окружен лесом со всех сторон. Но нигде не виднелось признаков человеческого жилья. Мрамор заметил, что очень возможно, что дикари нарочно заманили нас сюда под предлогом торговли, чтобы напасть на нас.

— Нет, не может быть, — сказал один из офицеров, — тут даже нет ни одного вигвама. Это просто фактория и, к счастью для нас, без таможенных чиновников.

— Но зато здесь, наверное, промышляют контрабандисты, если назвать контрабандой похищение чужой собственности.

Мы продвигались медленно. Берега бухты, поросшие густым кустарником и массой деревьев, не позволяли рассмотреть землю. Мрамор предложил пристать в разных местах, чтобы лучше ознакомиться с местностью. Он сам с одним из матросов высадился на одном берегу, а я и Неб — на другом. Мы все были вооружены. Остальным приказали следовать за нами в лодке.

— Оставьте там Спичку, Милс! — крикнул мне Мрамор.

Я сделал знак дикарю не трогаться, но не успел я взобраться на берег, как он уже очутился подле меня. Неб предложил схватить старого негодяя и стащить в лодку. Но я счел благоразумнее избегать всякого рода насилия.

Мы вошли в густой лес. С той стороны бухты, по которой я шел, мне не встретилось ни одного человеческого следа. Мрамор тоже ни на что не набрел. Наконец, нас позвали из лодки, которая не могла более двигаться из-за мелководья. Спичка опять прыгнул на свое старое место.

— Я вам говорил не брать этого орангутанга. Я бы скорее согласился иметь дело с гремучей змеей, чем с подобным чудовищем.

— Это легче сказать, чем сделать: Спичка пристал ко мне, как пиявка.

— Дурак, кажется, очень доволен своей прогулкой. У него еще ни разу не было такого радостного выражения лица.

— Я думаю, — сказал я, — что он сначала вообразил, что ему не удастся поест. Теперь же он видит, что мы возвращаемся к судну, и очень доволен, рассчитывая, что не ляжет спать с голодным желудком.

Мрамор нашел мое предположение правильным, и разговор наш принял иной оборот.

Как только мы пристали, Неб, шедший впереди, вскрикнул. Мы схватились за оружие, но тревога была напрасна. Негр просто напал на человеческие следы: он нашел массу обгорелых деревьев. Тогда мы все принялись осматривать место. Мрамору первому посчастливилось; он натолкнулся на верхушку руля, который, по всем признакам, принадлежал судну в двести пятьдесят-триста тонн. Затем мы нашли много досок и различных частей от корабля, более или менее обгорелых и ободранных от металла. Ото всюду гвозди были повытасканы. Деревянные обломки состояли из дуба, кедра и акации; это доказывало, что погибшее судно имело известную ценность.

Продолжая осматривать окрестности покинутого лагеря, мы увидели тропинку, ведущую к морю, но с противоположной стороны от того места, через которое нас провел Водолаз. С «Кризиса» невозможно было видеть этот лагерь. Мы нашли еще болты, кильсоны и прочее. Очевидно, катастрофа произошла именно здесь; но по нашим находкам мы еще не могли ничего уяснить себе. Наконец, я присел на камень, торчащий из-за кустов. Так как мне было неловко сидеть, я начал устанавливать камень; он упирался обо что-то твердое; оказалось, что это была дока корабельного стола, на которой что-то было написано. В одну минуту мои спутники очутились подле меня, сгорая от нетерпения узнать в чем дело. Грустная надпись гласила следующее:

«Американский бриг, «Морской Бобр», капитан Джон Сквайр, завлеченный обманом в эту бухту 9 июня 1777 года и застигнутый дикарями утром 11. Капитан, первый лейтенант и семь человек матросов убиты наповал».

«Бриг был сначала ограблен, потом доставлен сюда и

сожжен дотла, дабы можно было извлечь из него железо. Шестеро из нас остались в живых, но одному Богу известно, какая нам предстоит участь. Пишу эти слова в надежде, что моим друзьям попадетсЯ на глаза этот камень и они узнают, что с нами случилось».

Мы с изумлением смотрели друг на друга. Капитан и Мрамор вспомнили, что они действительно слышали о гибели без вести в этих краях брига «Морской Бобр».

— Завлеченный обманом! — повторил капитан. — Да, теперь я начинаю понимать, как было дело. Будь у нас, господА, попутный ветер, я бы выехал отсюда в эту же ночь.

— Нам теперь нечего бояться, капитан, — ответил лейтенант, — раз мы можем принять меры предосторожности. И потом, я убежден, что в настоящее время здесь нет дикарей. А Водолаз и его друзья добросовестно ведут с нами дела. Наконец, Спичка слишком спокоен относительно наших открытий следов «Морского Бобра», значит, тогда разбойничала другая шайка дикарей.

Все эти доводы подействовали на нас успокоительно.

Мы возвратились на судно, захватив с собой испанскую доску. Решено было усилить вахту и держаться настороже.

Признаюсь, я провел неприятную ночь. Неизвестный враг всегда страшен. Я предпочел бы открытый бой тому положению, в котором мы находились: среди небольшой бухты, окруженной со всех сторон густыми непроходимыми лесами.

Но пока все было мирно и тихо; Водолаз и Спичка, поужинав с аппетитом, заснули мертвым сном. К рассвету мы почти все поддались усталости, однако ничего не случилось. Выглянуло солнце, позолотив верхушки деревьев, бухточка наша заблестела, озаренная его сиянием, и мало-помалу радость при виде такого зрелища рассеяла все наши тревоги. Мы пробудились в бодром настроении духа, почти равнодушные к судьбе, постигшей «Морского Бобра».

Этот деспотический ум, эту железную волю, эту почти божественную мощь, это искусство Наполеона привлекать, очаровывать сердца миллионов людей так, чтобы они поступали как один, — ты его имеешь более, чем кто-либо.

Г а л л е к

Спичка и Водолаз вели себя весь день как нельзя лучше.

Казалось, все их мысли сосредоточились на мясе, свинине и хлебе, свободное же от еды время они проводили в непрерывном сне. Нам в конце концов надоело следить за этими животными. Капитан Вильямс, окончательно успокоившись, решил еще подождать двое суток, пока привезут новую партию мехов. С девяти часов все принялись за работу, и к полудню судно совсем разоблачилось — все снасти были сложены.

На ночь «Кризис» предоставили охране капитана и трех лейтенантов.

Моя вахта начиналась с двенадцати часов ночи, далее следовала очередь Мрамора с двух до четырех часов, а затем все должны были быть на ногах для поднятия мачт.

Когда я взошел на палубу, я нашел лейтенанта разговаривающим с Водолазом, который, выспавшись, намеревался, по-видимому, провести всю ночь в курении.

— Давно эти индейцы на палубе? — спросил я у лейтенанта.

— Все время, как я на вахте.

Будучи вооруженным, я бы покраснел со стыда, если бы выказал трусость перед безоружными дикарями. К тому же Водолаз покуривал трубочку с важным видом философа. Как он в эту минуту походил на обезьяну! А у Спички, казалось, не хватало ума даже для курения. Он слонялся по палубе с бессмысленным видом.

Я начал вахту в волнении. Спокойствие, царившее на борту, казалось мне неестественным; однако ничто не

давало повода к тревоге. Правда, два дикаря могли наброситься на меня, задушить и выбросить в море, но какая для них могла быть выгода в одной моей гибели, раз они безнаказанно не могли бы отделаться от всего экипажа?

Звезды на небе светили ярко, это обстоятельство значительно умаляло опасность; ни одна лодка не могла пристать к судну, не будучи мной замечена. Эти рассуждения успокоили меня, и мои мысли приняли иной оборот.

Воображение перенесло меня в Клаубонни... Я стал припоминать все события своей жизни, мечтать о будущем, строя воздушные замки...

У Люси был такой приятный голос, бывало, целыми часами она напевала чувствительные мелодии, ласкающие слух.

Облокотясь на перила судна, я тихонько запел, стараясь припомнить один из ее любимых мотивов, и так живо она представилась мне в эту минуту. В Клаубонни она часто закрывала мне рот своими маленькими ручками, говоря: «Милс, не искажайте этой хорошенькой арии. Вы в музыканты не годитесь; с песнями забудете, пожалуй, свою латынь». Иногда она незаметно подкрадывалась ко мне. И теперь, стоя у перил, я чувствовал, будто она подошла ко мне и положила тихонько свою руку на мои губы, мешая мне продолжать пение. Ощущение было так осязательно, что я хотел взять эту ручку, чтобы поцеловать, но вдруг я почувствовал что-то твердое, оказавшееся у меня между губами и стиснувшее меня так сильно, что я не в состоянии был произнести ни звука. В ту же секунду мои руки были схвачены сзади и сжаты как в тисках. Повернувшись, насколько я смог, я почувствовал дыхание Спички, который затягивал на мне кляп, а сзади орудовал Водолаз. С необыкновенной ловкостью и проворством они сделали меня своим пленником.

Защищаться и позвать на помощь не было никакой возможности. Связав мне руки и ноги, меня бережно посадили в сторонку, на шкафуте. По всей вероятности,

С необыкновенной ловкостью и проворством они сделали меня своим пленником.

я был обязан жизнью Спичке, желавшему сохранить меня как невольника. С этого момента Спичка преобразился, не осталось и следа его обычного тупоумия. Он сделался главным распорядителем и душой всех действий своих сообщников. Будучи безмолвным свидетелем всего, что происходило передо мной, я почувствовал, в каком ужасном положении мы оказались. Меня мучил стыд, что все произошло во время моей вахты, по моей собственной вине.

Первым делом меня обезоружили. Затем Водолаз, взяв фонарь, зажег его и приподнял. Получив немедленно ответ на данный сигнал, он потушил фонарь и стал в ожидании рассказывать по палубе.

Через несколько минут начали вскарабкаться на судно зловещие лица, которых я насчитал до тридцати человек. Приступ велся с такой осторожностью, что я их заметил лишь тогда, когда они очутились около меня. Все они были вооружены, только у немногих имелись ружья; большая же часть из них запаслась топорами и луками со стрелами. У каждого был нож, а у некоторых томагавки. К моему отчаянию, я увидел, как четверо дикарей бросились к лестницам, ведущим вниз, и захлопнули выходы, единственные, через которые наш экипаж мог подняться на палубу.

Я невыразимо страдал от кляпа и веревок, стягивавших все мои члены. Но я забывал о своей боли, думая о том, что произойдет.

Как только все дикари взобрались на борт, Спичка принялся командовать ими. Этот идиот выказал в своих распоряжениях удивительную ловкость и сообразительность.

Сначала он их попрятал по углам, так чтобы вошедший случайно на палубу не мог бы догадаться ни о чем. Затем воцарилась мертвая тишина. Я даже закрыл глаза от страха, пробуя молиться.

— Эй, кто там на баке? — раздался голос капитана.

Я отдал бы все на свете, чтобы предупредить его об опасности, но был не в силах сделать этого. Я только простонал, и, кажется, капитан услышал меня, так как,

выйдя из своей каюты, он обратился ко мне: — «Господин Веллингфорд, да где же вы?» — Без шляпы и не совсем одетый, он просто вышел посмотреть, все ли благополучно. И сейчас я не могу вспомнить без содрогания о том ударе, который обрушился на его обнаженную голову.

Бык, и тот от такого удара свалился бы; конечно, капитан не выдержал. Дикари придержали его, чтобы падающее тело не наделало шуму, затем бросили в воду, которая тут же поглотила его.

Так погиб капитан Вильямс, добрый и честный человек, и в то же время прекрасный моряк!

Покончив с капитаном, дикари принялись за закупорку выходов; таким образом, весь экипаж был у них в плену.

Тогда они подошли ко мне, развязали все веревки, стягивающие меня, и сняли кляп, затем повели меня к задней лестнице и знаками дали понять, что я мог разговаривать с товарищами, сидящими внизу. Спичка продолжал всем руководить. Я сообразил, что получил пощаду благодаря ему; но по каким мотивам? — это для меня оставалось загадкой.

— Господин Мрамор! — закричал я громким голосом.

— Да, да. А это вы, мистер Милс?

— Да, я. Будьте осторожны, господин Мрамор. Дикари хозяйничают у нас на палубе, я их пленник. Они все здесь, стерегут выходы.

Внизу послышался свист, который объяснялся беспокойством, овладевшим командой.

Я решил говорить правду, несмотря на то, что рисковал быть понятым дикарями. Я не сомневался в том, что многим из них был знаком английский язык.

— Капитана Вильямса нет с нами, — начал Мрамор. — Не знаете ли, где он?

— Увы! Он уже более не в силах оказать услуги никому из нас.

— Да что с ним? — вне себя от волнения вскричал Мрамор. — Говорите скорее.

— Ему размозжили голову дубиной и выбросили за борт.

За моими словами последовало тяжелое молчание, длившееся с минуту.

— Значит, теперь я должен решать, что предпринять. Милс, вы свободны? Можете ли вы сказать, что вы думаете?

— Меня теперь держат два дикаря. Но они дают мне разговаривать, хотя я боюсь, что некоторые из них понимают нас.

Опять настало молчание; должно быть, внизу советовались, как быть.

— Слушайте, Милс; мы друг друга знаем хорошо; будем говорить обиняками, авось дикари не поймут нас. Сколько вам лет там наверху, на палубе?

— Около тридцати, господин Мрамор. И лета все здоровые.

— Снабжены ли они серой и пилюлями, или же у них только детские игрушки, которыми забавляются наши дети?

— Первого сорта, пожалуй, наберется с полдюжины, порядочно второго сорта, но зато много острого железа.

Водолаз выказывал нетерпение, знаками заставляя меня выражаться яснее. За мной следили. Надо было удвоить осторожность.

— Я понимаю вас, — медленно проговорил Мрамор, — нам следует принять свои меры. Как вы думаете, не хотят ли они спуститься к нам?

— Ничто не предвещает этого в настоящую минуту, но понимание всеобщее, и нельзя говорить ничего, что приходится скрывать. Мой девиз таков: «миллионы для защиты и ни одного доллара в виде дани».

Так как эта последняя фраза вошла в поговорку у американцев, будучи употреблена по случаю войны с Францией, я был уверен, что Мрамор меня понял. Мне позволили отойти от лестницы и сесть на курятнике. Несмотря на ночь, звезды так сияли, что я ясно различал загорелые лица дикарей, которые шныряли по палубе там и сям, время от времени останавливаясь перед самым моим носом, чтобы посмотреть на меня в упор.

До самого восхода солнца я оставался все в том же

положении. Спичка не хотел ничего начинать до рассвета. Он ожидал подкрепления; и действительно, едва успели показаться первые лучи солнца, как с нашего судна дикари начали испускать рычания, на которые как эхо ответили из лесу, казавшегося наполненным дикарями. Затем из заливчика выехали лодки. Я насчитал теперь до ста семи человек этих разбойников; вероятно, они тут были все, так как более их уже не показывалось. Сообщаться с нашими я пока не мог и терялся в догадках относительно их образа действий.

Меня поражало обращение со мной дикарей. Мне позволили как бы для моциона погулять по баку, затем допустили вылить ведро воды на то место, где оставалась лужа крови и клоч волос несчастного капитана Вильямса. Что касается моих чувств, то после нравственных мучений мной овладело странное равнодушие к участи, предстоящей мне. Но даже в ожидании смерти я не столько думал о раскаянии в грехах своих, сколько о мщении.

По мере того как день надвигался, дикари, предводимые Спичкой и Водолазом, принялись за грабеж. Водолаз, приблизившись ко мне, громовым голосом сказал:

— Считай! — Я сосчитал. Всего было сто шесть дикарей, не считая их вождей.

— Скажи им, туда вниз, — сказал Водолаз, указывая на нижние этажи.

Я позвал Мрамора, и когда он взошел на лестницу, то между нами произошел следующий разговор.

— Что нового, мой милый Милс? — спросил он.

— Мне приказано сообщить вам, господин Мрамор, что индейцев всего сто восемь человек, меня сейчас нарочно заставили сосчитать их.

— Пусть бы лучше их была целая тысяча, мы сейчас взорвем палубу, и они все взлетят на воздух. Как вы думаете, в состоянии ли они понять мои слова?

— Водолаз понимает, когда вы говорите медленно и отчетливо, но, судя по его выражению, сейчас он понимает вас наполовину.

— Что, этот негодяй теперь слышит меня? Где он?
— На левом борту.
— Милс, — нерешительно позвал он меня.
— Ну, я вас слушаю, господин Мрамор.
— Если я выстрелю в верхушку лестницы, что тогда будет с вами?

— Обо мне-то нечего беспокоиться, все равно они убьют меня; но, вообще, от вашего выстрела нельзя ожидать хороших последствий, не пришлось бы нам раскаяться. Все-таки, если хотите, я сообщу им ваше намерение взорвать их; быть может, это заставит их призадуматься.

Мрамор согласился, и я исполнил поручение как мог. Мне пришлось прибегнуть ко всевозможным знакам. В конце концов Водолаз понял меня и сообщил о наших планах Спичке; старик выслушал его с большим вниманием и полнейшим равнодушием. Страх для этих людей — неведанное чувство; влача столь жалкое существование, они привыкли пренебрегать жизнью. А между тем самоубийство у них — неслыханная вещь. Оно привилось у людей, пресыщенных удовольствиями: из десяти человек девять эпикурейцев скорей покончат с собой, чем один бедняк, доведенный до этого крайней нищетой.

Меня просто поразило выражение обезьяньего лица Спички, когда он слушал своего друга. Его взгляд выражал недоверие, ни один мускул не дрогнул от беспокойства.

Очевидно, угроза не произвела на дикарей никакого впечатления. Спичка с Водолазом, не теряя более времени, начали действовать.

Первым делом стали бросать в шлюпку большое количество веревок и горденей от лиселей. Затем посредством двух-трех канатов шлюпку потянули к берегу. Индейцы устроили так называемый моряками буксир, привязав один конец веревки к дереву, а другой прикрепив к судну. Расчет их оказался верным: шлюпка могла таким образом двигаться взад и вперед.

Затем они отправились в камбуз искать топор, кото-

рым хотели разрубить якорные канаты. Я решился известить об этом Мрамора, даже рискуя жизнью.

— Индейцы привязали к острову веревки, они хотят отрезать нас от якорей и притянуть к берегу на то место, где погиб «Морской Бобр».

— А ну их! Пусть делают, что хотят, мы будем тоже готовы! — Это было все, что мне ответили.

Между тем дикари, найдя топор на дне шлюпки, принялись рубить канаты.

— Милс, — закричал Мрамор, — эти удары отдаются мне в самое сердце. Неужели негодяи так-таки отрывают нас от якорей?

— Да, уж левый якорь оторван, они теперь рубят канат правого... Ну, вот теперь все кончено!.. Судно держится только на буксире.

— Есть ли ветер, мой мальчик?

— В бухте — ни капли, хотя поверхность воды немного колыхнется.

— А течение прибывает или убывает?

— Отлив кончается, они не смогут дотащить судна до той скалы, куда завлекли «Морского Бобра» до тех пор, пока вода не поднимется по крайней мере на десять-одиннадцать футов.

— Слава тебе, Господи!

— Точно нам это не все равно, господин Мрамор! Разве у нас может быть теперь какая-нибудь надежда одолеть их, раз их так много и мы лишены свободы действия?

— Что же делать, Милс, надо попытаться спасти экипаж во что бы то ни стало! Если бы я не боялся за вас, я бы полчасу тому назад сыграл бы с ними злую шутку.

— Прошу вас, забудьте обо мне. Все произошло вследствие моей оплошности, за которую я должен ответить. Делайте все, что вам велят долг и осторожность.

Несколько минут спустя послышался шум, заставивший меня предположить, что пробовали взорвать палубу. Затем раздались крики и стоны. Выстрелы были пущены из иллюминаторов каюты и попали в две лодки,

подъезжавшие к нам. Трех убили на месте, остальные были смертельно ранены. Тотчас же на меня набросились. Но вмешательство Спички спасло мне жизнь. Вне всякого сомнения, он имел на меня особенные виды.

Большая часть дикарей бросилась в лодки и наш ялик, чтобы подобрать тела умерших и раненых. На борту осталась только половина неприятелей и при этом ни одной лодки. Чтобы как-нибудь выместить свою злобу, они принялись тащить «Кризис» к земле, но вследствие сильного напряжения при большом расстоянии судна от берега кончилось тем, что веревка, привязанная к дереву, разорвалась.

Я в это время стоял у руля, а Спичка — рядом со мной. Отлив все еще продолжался. Естественно, судно следовало своему прежнему направлению, по веревке к дереву. Я тотчас же повернул руль из опасения, что «Кризис» мог разбиться о скалы. Дикари были заняты своими ранеными; никто не обращал на меня внимания, и на пять минут движение судна зависело исключительно от меня. Пройдя вход в бухту, оно вступало в открытое море.

Дело приняло неожиданный оборот. Во мне мелькнул слабый луч надежды. Дикари не могли сообразить, от чего зависел ход корабля, хотя они понимали действие отлива. Ими овладела паника. Около половины из них бросились в море и пустились вплавь к острову. Я уж обрадовался, думая, что и все последуют примеру товарищей. Но человек двадцать пять не двинулись с места по той простой причине, что не умели плавать. В числе их остался и Спичка. Воспользовавшись всеобщим смятением, я подошел к лестнице и уже собирался снять баррикаду. Но тут Спичка грозно сверкнул на меня глазами и схватился за нож, блестевший в его руках. Волей-неволей пришлось сдаться. Наше дело еще не было выиграно, а Спичка оказался не так-то прост, как я раньше предполагал. При всей его невзрачной внешности в нем скрывался недюжинный ум, который при иных обстоятельствах сделал бы из него героя. Этот Спичка дал мне урок никогда не судить о людях по их наружности.

*Брат Джонс Бэтс, не правда ли
начинает светать? — Мне кажется,
день наступает, но мы не можем же-
лать его увидеть. — Мы видим начало
дня; но, наверно, не увидим его конца.*

«Генрих V»

Судно вело себя молодцом. Как только мы обошли остров, подул легкий ветер с юга. Я направил руль к открытому морю. Расстояние между нами и бухтой увеличивалось, главным образом тут помогал еще отлив; мы делали по два узла в час; лодка находилась от нас на расстоянии полчаса пути.

Спичка видел, что дело плохо, но не знал тому причины, ибо не имел представления о значении руля. Наш руль действовал снизу; можно было не трогать колеса.

Когда же движение судна значительно усилилось, дикарь подошел ко мне с ножом и, приставив его к моей груди, сделал знак, чтобы я пристал к берегу. Я подумал, что настал мой последний час; указав ему на пустые мачты, я постарался объяснить, что судно поневоле лишено возможности правильного хода. Кажется, он меня понял, так как указал мне тотчас же на лежавшие паруса, прикрепленные к реям, заставляя меня водворить их, куда следует. Потом, схватив бригантину, попавшуюся ему на глаза, он велел распустить ее.

Само собой разумеется, я исполнил эти приказания со скрытой радостью. Натравив все снасти, я вложил в руки дюжины дикарей по шкоту, которые мы все вместе принялись натягивать.

В одну минуту мы подняли парус; затем я их повел к носу, где мы проделали ту же операцию с кливером и стакселем.

Этих парусов было достаточно, чтобы ускорить наш ход на целый узел; скоро мы отъехали от земли на милю. Ветер помогал нам.

Спичка не спускал с меня своего хищного взора. Он

не мог придаться ко мне, ибо я исполнил его приказание, но результат получился противный его расчетам. Догнать нас теперь было трудно. Однако Водолаз малый не из трусливых и знающий толк в судах, а потому я поспешил предупредить Мрамора, чтобы он постарался не промахнуться, когда заметит его из окна.

В ту минуту, когда я привязывал последний талреп, показались лодки, которые уже обогнули остров, минут через двадцать они могли догнать нас. Надо было принять меры. Я поднял главный стаксель и, как ни в чем не бывало, спустился на палубу. Сезени были также подняты и прикреплены. Спичка изъяснял нетерпение, что мы не пристаем. Со мной уже давно покончили бы, если бы дикари умели сами управлять кораблем. Но я был необходим им, что я и сознавал не хуже их, а потому еще больше набрался храбрости.

Я посмотрел на лодки в подзорную трубу. Дикари были от нас на расстоянии полумили; они бросили свои весла и сплотились в кучу, как будто совещались о чем-то. Я подумал, что поднятые на судне паруса смущали их; предполагая, что мы вновь завладели «Кризисом», они боялись приблизиться к нам. Под предлогом вывесить еще парусов и заставить этим судно повернуть я поставил дикарей к брам-горденю грот-марса, заставив их натягивать веревки изо всех сил. Глаза их были обращены к носу, а я делал вид, что занят на корме. Чтобы развеселить Спичку, я дал ему в зубы сигару и сам тоже закурил.

Наши пушки были заряжены; оставалось лишь отнять сзади дощечку, чтобы они готовы были к выстрелу. Повернув руль так, чтобы заряд попал прямо в лодки, я приставил сигару к затравочному пороху, а сам бросился к рулю. Раздался выстрел, за которым последовали страшные крики дикарей, повскакавших на руслени и готовых броситься в море. Между тем Спичка схватил меня.

Насилу я отбилсЯ от него, указав ему знаками, что ветер стал подгонять нас к берегу. Он, кажется, вообразил, что это — следствие выстрела из пушки. Что же

касается лодок, то просвистевшая над их ушами картечь заставила их удалиться, они теперь более не сомневались, что судно в наших руках.

До сих пор удача превзошла все мои ожидания. Я возмечтал спасти жизнь не только себе, но и всего экипажа и отнять судно у варваров. Теперь, если земля исчезнет совсем из виду, наша победа — одержана. К счастью, ветер благоприятствовал; мы уже делали четыре узла в час. Еще бы пройти миль двадцать — и дело в шляпе. Но пора было сообщить Мрамору о ходе вещей. Для предосторожности я подозвал Спичку к лестнице, чтобы он мог слышать, о чем мы говорим, хотя я прекрасно знал, что при отсутствии Водолаза ни одна душа из них не понимала по-английски. При звуке моего голоса Мрамор тотчас же подошел к двери.

— Что такое, Милс? Откуда этот выстрел и почему?

— Все обстоит превосходно, господин Мрамор. Выстрелил я с целью прогнать лодки, и результат получился блестящий.

— Прекрасно. А я уже пришел в отчаяние, думая, что мы идем обратно к пристани. Но, черт побери, ведь мы теперь далеко от земли! Долго ли еще протерпит Спичка?

Я тогда все объяснил ему.

Неизвестно, кто слушал меня с большим вниманием, Мрамор или Спичка. Последний то и дело показывал мне знаками, что я должен повернуть корабль к земле. Необходимо было успокоить его хоть временно, тем более, что началась мертвая зыбь, а снасти были закреплены неважно. Главная мачта закачалась в эзергофте.

Хотя серьезной опасности еще не представлялось, но все же следовало принять надлежащие меры. В это время к моему великому удовольствию я заметил, что пять-шесть дикарей, в том числе и Спичка, почувствовали приступы морской болезни.

Я тогда принялся убеждать Спичку, что нам нужна помощь снизу, чтобы как следует закрепить мачты. Старый хрыч, приняв на себя важный вид, потряс головой. Значит, он был еще не настолько болен, чтобы остаться равнодушным к жизни. Однако, подумав, он назвал Неба

и Йо; последний был поваром. Ему нечего было опасаться двух безоружных людей против двадцати пяти человек. К тому же он, конечно, воображал, что в крайнем случае негры перейдут на их сторону. Но как он ошибался в своих расчетах! Преданность негров уже была испытана.

Я объяснил Спичке, каким способом они могли подняться к нам только вдвоем. Он меня понял и одобрил, а я сообщил поручение Мрамору.

С кормы спустили вниз веревку вплоть до иллюминатора каюты; Неб обвязался ею, а затем дикари вытянули его на борт.

С Йо проделали ту же историю. Прежде чем пустить негров вскарабкаться на снасти, Спичка произнес короткую речь, сопровождаемую многозначительными знаками, долженствовавшими внушить им, что их ожидало, если бы они вздумали дурно вести себя; после чего я их послал к грот-марселю, на который они с поспешностью полезли.

С их помощью главная мачта была основательно укреплена в несколько минут. Неб получил приказание водворить снасти, и через час, начиная от стеньги до самой палубы, все было на месте.

Мы удалились на две мили от острова, который уже стал принимать туманные очертания.

Волнение Спички возрастало, тем более, что четверо индейцев лежали пластом от морской болезни. Он сам еле стоял на ногах, но мужество и предстоящая опасность поддерживали его. Чтобы усыпить его подозрительность, я нарочно придумывал ненужные работы.

Вскоре земля совсем исчезла из виду. Когда подул сильнее ветер, индейцы не могли более противиться качке. Они один за другим попадали, как мухи.

Чувствуя, как силы оставляют его, Спичка пристал ко мне с угрозами. На этот раз необходимо было удовлетворить его. Я повернул слегка к земле к великому восторгу дикарей. Спичка чуть не расцеловал меня. Однако я был себе на уме. Сделав им эту уступку, мне нечего было бояться последствий, мы находились слишком далеко от земли; лодки при всем старании уже не могли догнать

нас; да наконец, при таком ветре, я каждую минуту мог свернуть на прежний путь.

Успокоившись, Спичка и его товарищи перестали противиться физическим страданиям.

Поставив Неба к рулю, я перегнулся через борт, незаметно вызвал Мрамора к окошку и сказал, чтобы он собрал всех наших к выходу. К счастью, у самой лестницы валялся дикарь в сильных мучениях, платя свою дань морю. Воспользовавшись тем, что никто из дикарей не обращал на меня внимания, я отдернул крючок, с помощью которого и железной полосы был заперт трап, и наши, во главе с Мрамором, бросились на палубу.

Тут было не до объяснений.

Я сразу заметил, что мои товарищи ожесточились до последних пределов.

Я же, проведя с дикарями несколько часов и будучи пощажен ими вследствие их доверия ко мне, склонен был к известному снисхождению. Но Мрамор и остальной экипаж, помучившись в своей засаде, были вне себя от бешенства, а главное, им хотелось отомстить за смерть бедного капитана Вильямса. Дикарь, поставленный сторожить выход, невзирая на свою слабость, взялся за пистолеты, но я не дал ему времени выстрелить, схватив его в охапку.

Во время этой борьбы я слышал возгласы Мрамора и матросов, кричавших изо всех сил: «Отомстить за нашего капитана!» Вскоре я одолел дикаря и связал его по рукам и ногам. В моих ушах раздавались удары, расточаемые с яростью со всех сторон.

Пока я дошел до кормы, все было кончено: наши завладели судном. Более половины дикарей было убито, остальные сами побросались в море: трупы кидали туда же.

Только один Спичка оставался еще в живых. Неб сжал его в своих крепких руках в ожидании приказа.

— В море негодяя! — кричал Мрамор. — В море, Неб, эту поганую падаля!

— Остановитесь! — вскричал я. — Пощадите его, господин Мрамор, он сам все время щадил меня.

Одно слово мое заставило Неба остановиться, несмот-

ря на приказание самого капитана. Мрамор при всем своем возбуждении сжалился над беззащитным врагом. Радуюсь, что мне удалось спасти хотя бы одну жертву, я повел нашего пленника в трюм.

Когда все были перебиты, победители с облегчением посмотрели друг на друга. Я же бросился к борту взглянуть на поверхность моря. Какое ужасное зрелище! В ста саженьях от нас всплывали головы и руки, делавшие нечеловеческие усилия, чтобы спастись. Мрамор, Спичка, Неб — все они устремили взоры по тому же направлению. Я осмелился замолвить словечко, прося подвинуться задним ходом, чтобы подобрать этих страдальцев.

— Пусть их тонут и убираются к черту! — резко и коротко ответил Мрамор.

— Нет, нет, мистер Милс, — заявил Неб, покачивая головой. — Помилование здесь — напрасно, от индейца нельзя ждать ничего хорошего; если вы его не потопите, то он сам сделает это с вами.

Я видел, что мое заступничество не приведет ни к чему; и по мере того, как мы углублялись в океан, наши жертвы понемногу терялись из виду. Спичка, не переставая, наблюдал за своими несчастными собратьями; он видел их отчаянную борьбу со смертью. Быть может, между ними находился кто-либо из его родных, очень возможно, даже его собственный сын; в таком случае, он удивительно владел собой и вздрогнул только тогда, когда в морских волнах исчезла последняя голова.

В это время Мрамор, заменивший покойного капитана, наводил на корабле порядок по своему усмотрению и направил «Кризис» обратно в бухту. Для спокойствия мы выстрелили в деревья и кусты.

В ответ раздалось несколько криков, что доказывало, что наша картечь попала куда следует.

Войдя в бухту, мы соорудили камнеметную мортиру, из которой выстрелили несколько раз, а также и из ружей. У берега мы нашли лодки, наш ялик и около шестисот мехов. Я без всякого угрызения совести конфисковал эти шкуры, которые тотчас же перенесли на судно.

Отправившись на остров, я нашел мертвого дикаря;

очевидно, мы разогнали целый бивуак; заслышав наши выстрелы, оставшиеся дикари спаслись бегством. Преследовать их не стоило. На обратном пути я увидел, что «Кризис» поворачивал к выходу из бухты; Мрамор боялся провести еще ночь в этом месте. Захват мехов значительно умиротворил нового капитана, но он объявил, что только тогда совсем успокоится, когда повесит Спичку напротив острова.

На следующее утро Мрамор приказал сделать подъемный гордень на верхушке реи фока.

Я находился в это время на палубе, но не осмелился и заикнуться, так как Мрамор в решительную минуту шутить не любил.

Матросы молча ожидали новых приказаний.

— Схватите этого мерзавца, свяжите ему руки и посадите его на третью пушку, а потом ждите! — сказал он тоном, не допускавшим возражений.

Никто не проронил ни слова, хотя видно было, что подобное распоряжение пришлось не по вкусу многим.

— Нет, в самом деле, — проговорил я вполголоса, — вы шутите, господин Мрамор.

— Прошу вас называть меня капитаном, господин Веллингфорд; теперь я начальник этого корабля, а вы — его главный лейтенант. Я намерен повесить вашего друга, Спичку, в назидание всем дикарям; эти мерзавцы попрятались в лесу, и все их глаза устремлены теперь в нашу сторону; поверьте, что то зрелище, которое им сейчас представится, произведет на них сильнейшее впечатление, чем многолетние проповеди сорока миссионеров.

— Матросы, поставьте негодяя стоймя на пушку!

Минуту спустя бедняга принял означенное положение. Он с беспокойством оглядывался вокруг себя, не понимая еще, какого рода казнь ждет его. Подойдя к нему, я пожал ему руку и указал на небо, стараясь дать понять, что только один Бог может спасти его. Индеец понял меня; с этого момента он казался спокойным, покоровившись своей участи.

— Пусть два негра набросят ему конец веревки на шею, — сказал Мрамор, слишком высоко ставивший

себя, чтобы проделать эту операцию самому, и не желавший заставлять матросов, так как в его глазах повешение оставляло на человеке пятно на всю жизнь.

Спичка, чувствуя, что ему готовится, устремил сверху на Мрамора пристальный взгляд. Мрамор видел этот взгляд, и я подумал, что совесть заговорит в нем и он освободит дикаря. Но я ошибся. Мрамор вообразил, что он совершает великий подвиг морского правосудия, а сам того не замечал, что главным образом им руководило чувство мести.

— Поднимайте! — вскричал он, и минуту спустя Спичка повис на конце рей.

Через четверть часа негр вскарабкался на мачту и разрезал веревку; труп полетел и исчез в морской пучине.

Впоследствии подробности этого происшествия появились в журналах Соединенных Штатов. Многие моралисты порицали такое самоуправство, находя его варварским, бесчеловечным. Но интересы торговли и безопасность судов вдали от отечества требовали в иных случаях решительных мер. Мне кажется, что Мрамор раскаивался в своем поступке, но было уже поздно. Да, трудно заглушить угрызения совести, которую сам Бог вложил в наши сердца; чем бы мы ни оправдывали себя, но зло всегда останется злом.

Г л а в а X V

— О, выкуп, выкуп! Не завязывайте мне глаз!

— Боскос Тромульдо Боскос. — Неужели приходится лишиться жизни только из-за того, что не можешь говорить на их языке!

Шекспир

«Кризис» тронулся в путь, как только рея освободилась от тела Спички. Пока мы медленно выходили из бухты, весь экипаж упорно молчал.

Мрамор говорил потом, что он хотел дожидаться, когда

всплывет тело покойного капитана, но страх быть вынужденным убить еще многих дикарей заставил его поскорей покинуть эти мрачные места.

Был полдень, когда наше судно вновь пустилось в воды Тихого океана. Когда мой помощник пошел на вахту, меня вызвали в каюту для секретных совещаний относительно наших предстоящих действий. Мрамор сидел перед выдвинутым ящиком письменного стола капитана Вильямса, перед ним лежали бумаги.

— Садитесь, господин Веллингфорд, — сказал новый капитан торжественным тоном. — Я сейчас просмотрел инструкции, данные «старому» судовладельцами; мы прекрасно поступили, бросив этих чертовых разбойников и направившись к месту назначения. Здесь всего шестьдесят семь тысяч триста семьдесят долларов, и это после обмена товара, оцененного в двадцать шесть тысяч двести сорок долларов; если принять в расчет, что нам удастся избежать уплаты пошлинных сборов и других расходов, можно сказать, что мы в барыше, превзошедшем ожидания и дающем нам возможность располагать целым месяцем для наших собственных дел. Теперь прочтите инструкции судовладельцев; вы увидите, что их желания до сих пор вполне согласовались с нашим образом действий.

На будущее время в инструкциях говорилось, что мы хорошо бы сделали, если бы, остановившись у Сандвичевых островов, взяли бы там водолазов, а затем отправились бы к другим островам, у которых предполагалось обилие жемчужных раковин. Я сказал Мрамору, что, по моему мнению, при объеме нашего корабля это предприятие рискованно, что лучше избежать его, тем более, что в инструкциях этот план предоставляется нашему усмотрению. Но ловля жемчужных устриц была заветной мечтой Мрамора; он приписывал ей большое значение, надеясь разбогатеть, при счастливых обстоятельствах.

Мрамор был прекрасный человек во всех отношениях. Как капитан судна он был незаменим, но он не умел соблюдать интересов своих судовладельцев, не имея ни малейшего понятия о торговле.

Наш долгий путь к Сандвичевым островам прошел

благополучно. В 1800 году эта группа островов была совсем не тем, чем представляется в настоящее время; хотя жители сделали некоторые успехи со времен Кука. Говорят, там теперь воздвигли церкви, каменные дома, гостиницы с бильярдами, жители понемногу переходят в христианскую веру, а также привыкают к комфорту и научились всякого рода мошенничествам — все это признаки так называемой цивилизации.

Мы же тогда нашли одних дикарей; правда, между ними оказался капитан брига из Бостона; его судно разбилось о подводные скалы. Думая остаться еще около погибшего брига, он хотел сбыть большую часть сандала, находившегося на борту, так как первые сильные порывы ветра могли все снести. Он рассчитывал дожидаться судна тех же владельцев, которое приняло бы его к себе, а пока он мог запастись новым товаром, Мрамор, устроив торговую сделку, потирал руки от удовольствия.

— Мы теперь в полосе счастья, мистер Милс, — сказал он. — На следующей неделе мы отправимся на ловлю жемчужных устриц. Сегодня же вечером мы приступим к нагрузке «Кризиса», только приблизимся сажень на сто к берегу.

Все было исполнено по желанию Мрамора. Наняв четырех прекрасных водолазов, мы поплыли по направлению к Китаю.

Прошло более месяца, как мы вышли из Гавайи — название острова, на котором убили Кука. Мрамор при свете луны подошел ко мне во время моей ночной вахты. Он был в отличнейшем расположении духа.

— Знаете что, Милс! — воскликнул он. — Положительно само Провидение заботится о нас, предназначая нам славное будущее. Вспомните все наши происшествия: сначала крушение у Мадагаскара, потом встреча с пирогами у острова Бурбон, далее приключение с французским крейсером около Гваделупы. Затем проклятый проход в Магеллановом проливе, несчастная кончина капитана Вильямса и, наконец, выгодная сделка с продавцом сандала; последнее обстоятельство меня особенно радует.

— Но надеюсь, что смерть капитана вы не причисляете к счастливым событиям.

— Нисколько, но, видите ли, одна мысль рождает другую: я верю в то, что за нами следует счастье, и убежден, что мы непременно сделаем открытие нового острова.

— А какая нам от этого была бы выгода? Судно — не наше, его владельцы присвоили бы себе открытие.

— Пусть себе присваивают. Но зато мы дали бы свои названия: земля Мрамора, залив Веллингфорд, мыс Кризис. Как замечательно, если эти имена будут значиться на карте, не правда ли, Милс?

— Конечно, капитан.

— Земля! — закричал с бака вахтенный.

— Вот она! — в свою очередь воскликнул Мрамор.

А я час тому назад смотрел на карту, на которой ничего не значится, по крайней мере, на протяжении шестисот миль вокруг нас.

Ночь была лунная, и воздух был пропитан благоуханием; мы ясно видели землю совсем близко от нас, слышали отчетливо, как волны ударяли о скалистый ее берег. Позондировав глубину, мы не достали до дна.

— Да, это коралловый риф, — проговорил Мрамор. — Надо держаться подальше от берега, а то мы, чего доброго, натолкнемся на подводный камень. Если же предположить, что мы найдем дно и бросим здесь якорь, то наш канат окажется в положении человека, покоящегося в гамаке и окруженного со всех сторон лезвиями бритв.

Это была сушая правда. Но через несколько секунд мы убедились, что при столь слабом ветре, дующем к берегу, нам невозможно удалиться. Нас влекло к скалам, которые виднелись среди бурунов при свете луны. Мы приготовились к катастрофе.

Но в такие критические минуты Мрамор бывал незаменим. С полным самообладанием он давал удивительно точные и правильные распоряжения. Но дна все не находили.

Я предложил тогда сесть в ялик и поискать место, где бы мы могли пристать.

— Ладно, господин Веллингфорд, — вскричал Мрамор, — это хорошая мысль, она вам делает честь!

Через пять минут я отправился. Стоя на корме с зондом, я, не переставая, измерял глубину. Морская пена поднимала наши весла. Я слышал, как вокруг меня громадные волны, встречая на своем пути препятствия, разбивались о них. Наконец я заметил одно местечко, где море оставалось сравнительно спокойным. Я тотчас же отправился туда, прося гребцов посильнее приналечь на весла. В одну минуту мы очутились в спокойной полосе воды; я успел позондировать всего один раз: дно было в шести саженях!

Я закричал в рупор изо всей мочи.

— Ну что, господин Веллингфорд? — откликнулся Мрамор.

— Видно ли вам наш ялик?

— Прекрасно. Вы ведь недалеко от нас.

— Слушается ли «Кризис» руля?

— Довольно сносно.

— В таком случае направляйтесь сюда; это единственное порядочное место.

Мне ничего не ответили, но я увидел, что «Кризис» подходит ко мне. Приступив вновь к измерению глубины, я напал на место в десять сажень.

— Якорь! Капитан, сюда, скорее!

Тотчас же были взяты на гитовы нижние паруса и брамсели, и затем я с удовольствием услышал, как один из якорей тяжело погрузился в воду. Судно остановилось, и минуту спустя я был на борту.

— Можно сказать, что вы вытащили из моей ноги громадную занозу, господин Веллингфорд, — сказал Мрамор. — Вы оказались таким прекрасным проводником. Посмотрите-ка, Милс, на западе, ведь это тоже земля?

— Да, капитан, без сомнения, а на берегу как будто деревья.

— Друг мой, да ведь мы сделали открытие, мы здесь увековечим свое имя. Проход этот я называю «Милс», а скалу — «Яликом»!

Но мне было не до шуток. Следовало сначала поза-

ботиться о безопасности судна. Канат мог ежеминутно перетереться о подводный камень. Я предложил приблизиться к земле для необходимых наблюдений.

Капитан согласился отпустить меня, посоветовав взять с собой воды и съестных припасов на тот случай, если мне нельзя будет вернуться до завтрашнего дня.

Бухта между скалой и островом имела около мили, глубина в ней почти везде равнялась десяти саженьям.

Наружные скалы, о которые разбивалось море, казались выдвинутым вперед валом, сооруженным бесчисленным количеством коралловых полипов, поднимающихся целыми веками из глубины морской. Эти гигантские постройки, нарождающиеся постепенно, дают нам представление, почему так изменяется поверхность земного шара.

Пристав без всякого затруднения, я пошел обозревать остров, на котором не отмечалось никакого признака жилья. Ночь была дивная; я решился исследовать местность. Пройдя около мили сквозь кокосовые и банановые деревья, я добрался до бассейна, встречающегося обыкновенно в середине коралловых островов. Проход был близко, и я велел одному из матросов провести туда ялик. Наступила ночь; я намеревался провести всю ночь на острове, но вдруг увидел, что «Кризис» подвигается по направлению к земле.

Я не ошибся в предположении: канат перетерся, и Мрамор ждал от меня утешительных сведений. Узнав про внутренний бассейн, он поручил мне провести туда «Кризис».

Для предосторожности я послал впереди себя Талькотта в шлюпке, и несколько минут спустя наше судно благополучно вошло в новую гавань. Лучшего пристанища нам бы никогда не найти. Довольно было одного якоря, чтобы противостоять порывам ветра и даже бурям.

Убедившись в безопасности, мы спокойно разошлись к своим гамакам, поставив на вахту только одного человека.

Никогда я еще не ложился спать в более приятном расположении духа. Я, признаться, был очень доволен собой.

Не найди я, благодаря своей решительности и отваге, этого бассейна, быть может, «Кризис» уже разбился бы давно о скалы. Я начал засыпать, когда Мрамор приотворил дверь моей каюты, завязав со мной разговор.

— Итак, — начал он, — я люблю обобщать факты и делать выводы. Посмотрите-ка, вот уж мы открыли землю Мрамора, бухту Веллингфорд, скалу Ялик, якорное место Милс — и, в скобках, очень плохое, мой мальчик; но, что вы хотите, на всем свете надо мириться со всем.

— Вы правы, капитан, — ответил я почти сквозь сон. — Что же касается места для стоянки, я в другой раз не возьму на себя обязательства отыскивать его, за это уж вам отвечаю.

— Ну, ведь я шучу; хорошо, оставим в стороне этот вопрос. Эге, Талькотт, Милс, никак они уже спят?

— Да, капитан, и очень крепко, и я, кажется, сейчас последую его примеру.

— Этакий соня! Знаете, Милс, что подобное открытие может обогатить человека! Милс... Да вы меня не слушаете?

— Все сюда!

— Ну вот, он уж бредит! Еще одно словечко, пока вы еще не окончательно забылись. Как вы думаете, не лучше ли в наши названия пустить немного патриотизма?! Как приятно звучало бы в ушах: «скала Конгресса», «банка Вашингтона», надо и ему уделить кусочек.

— Благодарю, капитан, я не голоден.

— Ну, он спит совсем. Мне, собственнo говоря, тоже не мешает пойти на покой, хотя трудно будет заснуть после такого открытия. Спокойной ночи, Милс!

Никогда мы еще не спали таким сладким сном, как в эту ночь. На судне было так же тихо, как в церкви в будний день. Я спал как убитый; даже во сне ничего не видел. Вдруг я почувствовал, что кто-то тянет меня за плечо изо всех сил. Думая, что настала очередь моей вахты, я вскочил в одну секунду. Ослепленный лучами солнца, падающими мне в глаза через окно, я в первый момент не разглядел, что передо мной стоял сам капитан.

— Милс, — сказал он, — на нашем борту бунт. Слышите ли, самый возмутительный бунт!

— Не может быть, капитан! Я ничего не понимаю; наши матросы казались мне довольными.

— Видите ли, когда бросаешь в воздух монету, неизвестно, какой стороной она упадет на землю. Еще вчера я пошел спать совершенно спокойный, а сегодня нахожу мятеж.

— Но, капитан, я не слышу никакого шума; судно стоит на том же месте, не ошибаетесь ли вы?

— Нет. Я проснулся несколько минут тому назад и хотел подняться на палубу посмотреть при свете на ваш бассейн и подышать свежим воздухом. И что же? Нахожу верхушку лестницы заделанной на манер Спички. Согласитесь, что экипаж не посмел бы запереть своих офицеров, не будь у него намерения завладеть судном.

— Удивительно! Быть может, что-нибудь случилось с дверями? Подали ли вы голос, капитан?

— Я стучал, стучал, но никакого ответа. Пробовал продавить дверь, но тут слышались с палубы раскаты смеха, и тогда я все понял. Когда матросы смеются в лицо своим командирам, предварительно заперев их, это пахнет бунтом.

— Конечно, капитан. Не вооружиться ли нам теперь?

— Я уже все приготовил. Вы найдете в главной каюте заряженные пистолеты.

Через две минуты явились другие два офицера, вооружившись, подобно нам; Мрамор хотел попытаться выйти, но я заметил, что не может же быть, чтобы Неб с метрдотелем были бы в разговоре, что прежде не мешало бы посмотреть, где они.

Талькотт немедленно отправился и тотчас же вернулся, сообщив, что они спят мертвым сном.

Тогда мы тихонько двинулись к той части корабля, в которой должны были находиться матросы, все время прислушиваясь. К нашему великому изумлению, со всех сторон раздавался храп на все лады и тоны.

Мрамор раскрыл дверь, и мы с пистолетами вошли в помещение матросов. Все гамаки были заняты спящими.

Однако дверь лестницы вопреки жаре оставалась закрытой и загроможденной с наружной стороны.

— Милс, — вскричал Мрамор, — мы опять в засаде у дикарей!

— Похоже на то, капитан. Странно, однако, остров показался мне совершенно пустынным. Как вы думаете, не созвать ли нам весь экипаж, чтобы посмотреть, все ли налицо.

— Прекрасно, пусть все идут в кают-компанию, там виднее будет.

Все было тотчас исполнено; все были тут, не хватало только одного вахтенного.

— Не мог же Гаррис позволить себе подобную штуку! — сказал Талькотт.

— Вы уверены, что Земля Мрамора необитаема? — спросил капитан.

— Я полагаю так, капитан, судя по тому, что я на ней не встретил ни одной живой души.

— Какая досада! Все оружие на палубе, в сундуке, или развешено со всех сторон. Однако с одним человеком нечего церемониться. Я сейчас дам знать ему о себе.

При этом Мрамор так сильно хватил в дверь, что я подумал, что он ее сразу вышиб.

— Потише, потише, — слышался голос с палубы. — Зачем так шуметь?

— Кто там, черт вас побери? — спросил Мрамор, удваивая удары. — Сейчас же откройте или я вас вышвырну за борт.

— Милостивый государь, вы в плену, слышите, в плену!

— Это французы, капитан, — вскричал я, — и мы в их власти!

Мы просто не верили своим ушам. После нескольких минут переговоров мне разрешили сверху подняться на палубу, чтобы узнать настоящее положение дела, а Мрамору было велено оставаться внизу. Дверь передо мной раскрылась, дав мне возможность выйти.

Когда я осмотрелся, ужас сковал все мои члены, я сразу не мог выговорить ни слова. Меня окружили пять-

десять человек вооруженных французов. Среди них находился Гаррис, который подошел ко мне с грустным и виноватым видом.

— Я знаю, что заслуживаю смерть, господин Веллингфорд. После усталости и при царившем спокойствии я не мог противиться сну, а когда я проснулся, эти люди уже хозяйничали у нас.

— Но откуда они взялись? Разве у острова есть какое-нибудь французское судно?

— По всем признакам это экипаж с погибшего судна с каперскими свидетельствами. Конечно, они обрадовались возможности завладеть «Кризисом». Да спасет его Господь! Он теперь под французским флагом!

Подняв глаза, я действительно увидел трехцветный французский флаг, развевавшийся в воздушном пространстве.

Г л а в а   X V I

Свежий утренний воздух шевелит его волосы; волны весело танцуют перед его взором; морские птицы перекликаются, кружатся и рассекают воду; встает лучезарная заря, но он не слышит этого веселого пения, он не видит волн, не чувствует ветерка.

Д а н к с

В жизни случаются иной раз такие неожиданности, которые не грезятся и во сне. Ну кто из нас мог предвидеть, что мы при данных обстоятельствах попадем в руки неприятелей?

«Полина», французское судно, не подозревая опасности, наткнулось на подводный камень, который чуть не погубил нас, и потерпело крушение. Его капитан, Ле Конт, перевез на остров в лодках весь груз, имевший ценность, и, взяв с «Полины» необходимый материал, принялся за постройку нового небольшого судна, которое могло бы доставить его с экипажем в какую-нибудь

культурную страну. Так как инструментов было много, а людей человек шестьдесят, то работа новой шхуны подвигалась так скоро, что уже можно было назначить день, в который ее собирались спустить в море. Таково было положение их дел, когда в одну прекрасную ночь подъехали мы; я уже рассказал, каким именно способом. Французы, державшиеся все время настороже, заметили нас еще тогда, когда мы показались на горизонте, в виде маленькой точки. С помощью подзорной трубы они следили за всеми нашими движениями, и был момент, когда капитан Ле Конт хотел послать нам навстречу лодку, чтобы предупредить нас об опасности разбиться о подводные камни, но, подумав, он рассудил, что мы могли быть неприятелями, а потому он предпочел спрятаться и выжидать результата. Как только мы бросили якорь в бассейне и у нас воцарилась полнейшая тишина, он сел с вооруженными людьми в лодку и, стараясь грести без шума, приблизился к нам. Видя, что спокойствие у нас не нарушалось, он расхрабрился и влез сначала на руслени, а потом и на палубу в сопровождении трех матросов. Здесь он нашел Гарриса, спящего сном праведника, облокотившись на пушку. Оставалось лишь захлопнуть выход из лестницы и все двери кают, — таким образом, мы сделались его пленниками. Затем он послал лодку за подкреплением, и, пока мы спали, наше судно переменило своих хозяев.

Все эти подробности я узнал из разговоров с французами. Остров этот служил для них прекрасным убежищем. Тут было много источников с пресной водой, роскошная растительность. Французы, известные гастрономы, уже успели посадить тут овощи. Они раскинули несколько палаток в тени деревьев.

Рассудительный и вечно веселый, Ле Конт был философом в полном значении этого слова. Принимая жизнь такой, какая она есть в действительности, он старался и другим облегчить участь, насколько это позволяли обстоятельства. По его настоянию, я пригласил Мрамора наверх, и мы оба стали выслушивать условия, предложенные нашим победителем. Ле Конт, все его офицеры и

многие из экипажа были пленниками англичан, а потому мы могли объясняться друг с другом без затруднений на английском языке.

— Само собой разумеется, ваше судно со всем грузом и оснащением переходит к нам, — начал Ле Конт, употребляя то французские, то английские слова, — итак, этот вопрос решен. Но, если вы в состоянии отнять его у нас, — пожалуйста, всяк за себя и за свой народ. Смотрите: вот французское знамя, и оно будет развеиваться здесь до тех пор, пока у нас хватит сил защищать его, и даю вам честное слово, что хотя «Кризис» достался нам слишком легко, но продадим мы его дорого. Слышите? Теперь, милостивый государь, я предоставляю в ваше распоряжение остров, на котором вы можете занять наше место, тогда как мы устроимся на вашем. Оружие останется временно у нас; но, уезжая, мы оставим вам ружья, порох и прочее.

Вот слово в слово программа условий, предложенных капитаном Ле Контом. Мрамору, при его характере, трудно было безропотно покориться, но что же нам было делать? Мне удалось доказать ему, что сопротивление с нашей стороны было совершенно бесполезно.

Наш экипаж высадился на остров. Ящики и все личное имущество было бережно перевезено в лодках «Полины». Мрамор посвистывал, но я заметил, что он фальшивил: по правде сказать, ему было не по себе; я же не особенно мучился, считая это происшествие исправимым.

— Вот, господа! — вскричал Ле Конт, подняв руки вверх в знак высшего великодушия. — Вы тут останетесь полными хозяевами, как только мы уедем, а мы вам кое-что оставим из своего небольшого скарба.

— Удивительное великодушие, — проворчал Мрамор мне на ухо. — Он нам оставит остров, скалы, кокосовые орехи, а сам отправится на нашем судне со всем его грузом! Я готов держать пари, что даже свою чертову шхуну он утащит с собой.

— К чему унывать, капитан? Я уверен, что мы еще можем облегчить свою участь, поддерживая пока с французами хорошие отношения.

Оказалось, что я был прав. Ле Конт пригласил нас позавтракать в палатку французских офицеров.

— Это, господа, просто несчастное военное приключение, — заметил Ле Конт, сбивая шоколад с видом настоящего гастронома. — Прелесть, Антуан, превосходно.

Появившийся Антуан, юнга, имевший кожу медного цвета, получил от капитана приказание снести чашку шоколада «Мадемуазель», передать ей поклон и затем сообщить, что она уедет с острова через несколько дней, а через три-четыре месяца она увидит прекрасную Францию; последние слова были произнесены очень скоро и на французском языке, но я достаточно знал язык, чтобы понять их смысл.

— Он, верно, злорадствует над нашим несчастьем, — проворчал Мрамор. — Но пусть не больно-то хорохорится, он еще не у себя, ему еще предстоит несколько тысяч миль.

Я стал объяснять Мрамору, что говорилось, но он не хотел меня и слушать.

После завтрака Ле Конт отвел меня в сторону, чтобы объяснить свои намерения. Он выбрал меня, а не Мрамора, так как заметил строптивное настроение последнего, к тому же я понимал французский язык. Он объявил мне, что французы в тот же вечер спустят шхуну в море, что мачты, снасти, паруса, все уже готово, что мы можем через две недели двинуться в путь. Нам перевезут большую часть наших съестных припасов. Одним словом, нам останется только водворить мачты на шхуне, оснастить ее, наполнить трюм и отправиться в ближайший дружественный нам порт.

— По-моему, вам лучше всего направиться в Кантон; он отсюда не дальше, чем Южная Америка; там вы найдете много своих соотечественников. А оттуда вам будет легко добраться восвояси. Да, такой план великолепен.

— А! Да, вот и палатка «Мадемуазель»! — вскричал Ле Конт. — Пойдемте узнать, как она себя чувствует сегодня.

В пятидесяти шагах от нас я увидел две маленькие палатки, утопавшие в зелени; тут же струился и ручеек. Ле Конт, который был действительно красивым мужчиной, не более сорока лет, так и просиял, приближаясь к палатке; около двери ее он кашлянул раза два, чтобы возвестить о своем присутствии. Тотчас же вышла прислуга принять его. Черты лица этой женщины показались мне знакомыми, но я не мог припомнить, где и когда я встречал ее. Пока я решал этот вопрос, входя в палатку, я вдруг очутился перед Эмилией Мертон и ее отцом!

Мы сразу узнали друг друга; и, к изумлению Ле Конта, мне оказали самый радушный прием, как старому знакомому. Хотя Эмилия утратила здоровый цвет своего лица, все же она была еще свежа и красива. Она и ее отец носили траур. Заметив, что ее мать отсутствовала, я догадался о причине.

Мне показалось, что Ле Конту не понравилось, что меня встретили так любезно; но, будучи хорошо воспитанным, он не захотел стеснять нашего разговора и вскоре удалился под предлогом, что ему необходимо пойти сделать некоторые распоряжения. Уходя, он почтительно поцеловал руку Эмилии, от чего меня покорило. В его манере держать себя с ней сразу проглядывали его намерения. Эмилия покраснела, прощаясь с ним. Когда я посмотрел на нее, то, несмотря на свою невольную досаду, не мог не улыбнуться ей.

— Никогда, господин Веллингфорд, никогда, — с ударением повторила Эмилия, лишь только капитана не стало в палатке, отвечая, конечно, на ту мысль, которую она прочла в моих глазах. — Мы в его власти, мы вынуждены быть с ним любезны, но никогда я не выйду замуж за иностранца.

— Берегись, Эмилия, ты этим можешь обескуражить Веллингфорда, если бы ему пришла фантазия подумать о тебе.

Эмилия покраснела, но ее смущение продолжалось недолго. Она ответила с очаровательной поспешностью:

— Мистер Веллингфорд знает, что я не так плохо воспитана, чтобы заподозрить меня в желании оскорбить

кого бы то ни было, но, во всяком случае, я уверена, что он никогда не позволил бы себе так приставать ко мне, как этот беспокойный француз, который походит скорее на турецкого султана, чем на почтительного поклонника. А потом...

— А потом что, мисс Мертон? — осмелился я спросить, видя, что она колеблется.

— А потом американцы — не иностранцы для нас, — сказала она, смеясь. — Вы сами знаете, папа, что у нас есть родственники в Соединенных Штатах.

— Совершенно верно, моя милая, и если бы мой отец остался жить там, где он женился, то мы сами были бы американцами.

Затем, по настоянию Эмилии, я рассказал обо всем, что произошло со мной за это время, стараясь не распространяться о подробностях последнего события.

— Когда мы покинули Лондон, — сказал мне мистер Мертон, — я намеревался отправиться в Вест-Индию, но так как мне предложили очень выгодное место на Востоке, то я поехал в Бомбей. Нам оставалось три-четыре дня до места нашего назначения, как мы повстречались с «Полиной», и наше судно, не имея достаточно сил для борьбы, было забрано французами. Сначала капитан Ле Конт охотно выпустил бы меня с оказией, но таковой не представилось, и «Полина» привезла нас в Манилью. Здесь нас постигло большое горе, о котором вы, конечно, догадались, видя наш траур. Но тогда Ле Конт стал открыто ухаживать за моей дочерью, и теперь, прощай надежда на освобождение; он все будет придумывать предлоги, чтобы отложить его.

— Но я надеюсь, что он не злоупотреблял своей властью?

Эмилия взглядом поблагодарила меня за ту горячность, с которой я выражался.

— О, нет, напротив, — возразил майор. — Он вызывает относительно нас изысканную любезность и заботливость. Навряд ли пассажиры пользовались где-либо большим комфортом и вниманием. В наше распоряжение предоставлена была на «Полине» целая каюта. В Манилье

моя свобода ничем не стеснялась, с меня только взяли обещание возвратиться. Но вот беда: Эмилия еще слишком молода, чтобы связать свою жизнь с человеком сорока лет, слишком англичанка, чтобы полюбить иностранца, и слишком хорошего рода, чтобы взять себе в мужа человека, находящегося на службе торгового судна, я хочу этим сказать — человека, который сам по себе ничего не представляет.

— Я вполне понимаю, что мисс Мертон может желать лучшей партии.

— Но вы не знаете французов, мистер Веллингфорд, — сказала Эмилия. — Попробуйте-ка уверить хоть одного из них, что он не обворожителен.

— Но я не думаю, чтобы эта слабость распространялась бы и на моряков, — ответил я, смеясь. — Во всяком случае, вы будете свободны, лишь только приедете во Францию.

— И еще раньше, надеюсь, — возразил майор. — Эти французы могут творить, что им угодно, здесь, в широтах Тихого океана, но в Атлантическом нам будет легко встретить английский крейсер, который возьмет нас к себе прежде, чем мы пристанем к Франции.

Расчеты мистера Мертон были правильны. Поговорив еще на эту тему, я стал раскланиваться. Майор проводил меня до того места острова, с которого я мог видеть погибшее судно. Оставшись один, я пошел вдоль берега, размышляя обо всем случившемся.

Подойдя совсем близко к погибшему судну, я увидел Мрамора. Бедняга сидел на выступе скалы с скрещенными на груди руками и опустив голову. Он даже не расслышал, что я подошел к нему. Наконец, одно из моих движений вывело его из оцепенения, и он повернул голову в мою сторону; казалось, он был рад увидеть меня одного.

— Я раздумывал о нашем положении, Милс; я его нахожу таким безвыходным, что даже руки опускаются. Я любил это судно более, чем можно любить своих родителей. У меня не было ни жены, ни детей, и сознание, что «Кризис» в руках французов, для меня невыносимо.

— Припомните все обстоятельства, капитан, и вы тогда утешитесь. Судно было взято врасплох, подобно тому, как мы захватили «Даму Нанта».

— Именно так. Но это-то меня и сокрушает. Те, которые настигают, сами должны уметь избежать ловушки. Будь у нас усиленная вахта, ничего бы подобного не случилось.

Мрамор более не мог владеть собой. Он закрыл свое лицо руками, и я видел, как сквозь пальцы текли слезы.

— Счастье на море изменчиво, капитан, — ответил я, тронутый до глубины души его удрученным видом.

— Но, в сущности, разве все потеряно? Почти все, как мне кажется.

— А если похитителей застигнуть в свою очередь и отнять у них присвоенную добычу?

— Что вы этим хотите сказать, Милс? — сказал Мрамор, подняв голову. — Говорите ли вы вообще, или же у вас есть какой-нибудь план?

— И то, и другое, если хотите, капитан.

— Посмотрим, что вам пришло в голову, милый мой мальчик, ведь вы рождены не заурядным человеком, — говорите же.

— Скажите мне сначала, капитан, не было у вас особого разговора с Ле Контом? Не сообщил ли он вам о своих планах?

— Я только сейчас ушел от этого ломаки. Его милые улыбки, Милс, вонзаются в меня, подобно иглам; видно, что он в упоении от своей победы. Если только мне когда-либо удастся возвратиться в Соединенные Штаты, не я буду, если я не вооружу крейсер и не пущусь в преследование за ним. Я согласен сделаться пиратом, чтобы только изловить этого негодяя.

— Но нет никакой крайности ехать в Соединенные Штаты ради крейсера, раз французы настолько вежливы, что уступают нам здесь, на месте, свою шхуну.

— Теперь я начинаю понимать вас, Милс; эта идея заманчива. Но у французов в руках мое полномочие; без этой бумаги наше нападение на них является разбоем.

— Позвольте вам заметить, капитан, что мы лишились полномочия вследствие несчастного случая. Мы всегда можем доказать это.

— Да, на «Кризисе», но не на этой маленькой «Полине». Полномочие имеет силу только на том судне, которое там значится.

— Я с вами не согласен, капитан. Предположите, что наше судно погибло во время захвата неприятеля, разве мы не имели бы права продолжать путешествие на взятом судне и затем бороться со всем, что оказалось бы поперек нашей дороги?

— Клянусь святым Георгием, вы правы! Я только что собирался сделаться пиратом, а теперь выходит проще, я могу надеяться отнять свою собственность.

— Как, разве можно назвать пиратами экипажи, восстающие против своих победителей и отнимающие от них свои суда?

— Милс, вы хороший моряк, хотя рождены, чтобы быть выдающимся адвокатом. Дайте мне руку, мой мальчик; благодаря вам, у меня появился луч надежды; этого достаточно, чтобы я мог продолжать жить.

Затем Мрамор передал мне свой разговор с Ле Контом со всеми подробностями; француз вдруг стал очень спешить с отъездом. Я сразу догадался о причине: ему хотелось как можно скорее увезти Эмилию. Я рассказал Мрамору о моей неожиданной встрече и повел его к палатке, где представил его Мертону, как старого знакомого. Пока Мрамор прогуливался под руку с майором, я остался с глазу на глаз с Эмилией.

Ле Конт не замедлил появиться, но, несмотря на свою очевидную ревность, он держал себя с большим тактом и любезностью, пригласив нас всех отобедать с ним. Обед был поистине царский: суп а ля тортю, шампанское, кушанья самые изысканные.

В пять часов мы все были приглашены присутствовать при спуске шхуны. Шампанское и бордо развеселили и Мрамора, и меня.

Французские матросы отличились в построшке «маленькой Полины», из нее вышло не только большое и

комфортабельное судно, но главное, по всем признакам, оно должно было иметь скорый ход.

Ле Конт сам руководил постройкой «Полины», желая блеснуть своим искусством перед своими марсельскими друзьями и имея в виду, главным образом, прелестную Эмилию Мертон.

Как только все были в сборе, Ле Конт, войдя на шхуну, дал знак тронуться. Тотчас сняли все подпоры, и судно легко понеслось по воде. Ле Конт, подняв вверх бутылку, воскликнул громким голосом: «За успех прекрасной Эмилии!»

Повернувшись в сторону мисс Мертон, я заметил, что она закусила свою хорошенькую губку: комплимент пришелся ей не по вкусу.

Затем Ле Конт, причалив к берегу, ввел нас во владение шхуною, произнося заранее подготовленную речь. По его словам, мы не должны были считать себя пленниками, и он вовсе не гордился одержанной над нами победой.

— Мы расстаемся добрыми друзьями, — прибавил он, — но если нам придется встретиться и наши обе республики будут еще враждовать, то каждый будет воевать за свое знамя.

Этой фразой он закончил торжественную церемонию. Вскоре затем Мертоны сели в лодку со своими слугами.

Я простился с ними на берегу, и мне показалось, — быть может это иллюзия, — что Эмилии было тяжело расставаться.

— Господа, — сказал майор, — наша встреча здесь слишком необычайна; я уверен, что мы вновь увидимся в один прекрасный день. А пока прощайте!

Когда французы окончили свои последние приготовления, капитан Ле Конт простился с нами. Я не мог удержаться, чтобы не поблагодарить его за все любезности.

Надо отдать ему справедливость: относительно нас он выказал большое великодушие.

На следующий день, рано утром, явился Неб в палатку офицеров возвестить, что «Кризис» снимается с якоря.

Я вскочил и оделся в одну секунду. Когда я подошел к берегу, судно уже тронулось. Эмилия с отцом стояли на корме. Мне их было прекрасно видно. Эмилия бросила на меня взгляд, полный нежности.

— Прощайте, мой милый Веллингфорд, — закричал майор в тот момент, когда они проходили мимо меня. Минуту спустя «Кризис» входил в открытое море на всех парусах.

Г л а в а X V I I

Я снес бы более легко потерю жизни, чем потерю чести, которую ты у меня отнял; вот раны, которые управляют мою душу более, чем те, которые нанесла твоя шпага.

Ш е к с п и р

На полдороге между проливом и верфью я нашел Мрамора, стоявшего со скрещенными руками и смотревшего по направлению удалявшегося судна. Он показал кулак французскому флагу.

— Да, да, ломайся, фанфарон, как фатишки твоего народа, с голубиными крылышками, но посмотрим, что от тебя останется через два месяца!

— Наши люди принялись уже за работу, капитан, — сказал я, чтобы обратить его внимание на что-либо другое.

— Да, Талькотт получил уже от меня инструкции; я надеюсь, что и вы не будете сидеть сложа руки. Этот француз воображает, что нам потребуются целых две недели, чтобы приготовиться к отплытию. Так я же докажу ему, что для чистокровных янки достаточно трех дней на полную экипировку шхуны.

Говоря это, Мрамор не ограничился одними словами. Он всем дал дело, правильно распределив работу между умелыми и опытными людьми.

Пока устанавливали главную мачту, я принялся за оснащение стакселя, за водворение блиндзеля и прочее.

После обеда приступили к переноске груза, воды, провизии, одним словом, всего, что мы хотели увезти с собой.

Вечер мы с Мрамором провели в разговорах. Ле Конт оставил нам незначительное количество оружия, боясь дать нам возможность нападать на его соотечественников.

На другой день, проснувшись чуть свет, я пошел купаться. В том месте, которое я себе выбрал, вода была совсем прозрачная. Нырять, я увидел целую группу больших устриц, прилипших к скале; мне удалось достать их с дюжину. Продолжая нырять в течение четверти часа, я понемногу вытащил все, что там было — от шестидесяти до восьмидесяти штук. Устрицы оказались жемчужными; я велел Небу спрятать их хорошенько в корзину. Это обстоятельство было сообщено Мрамору; так как спешные работы кончились, то он послал в лодке водолазов. Они оказались менее счастливы, чем я, однако нашли устриц порядочно. Но что нас обрадовало, это — что они напали на дне бассейна, на месте стоянки «Кризиса», на наш сундук с оружием, которым пренебрегли французы, предпочитая свое собственное. Они лучше сделали бы, если бы увезли его с собой, подальше, и бросили бы в открытое море на неизмеримую глубину.

Не прошло и тридцати шести часов с тех пор, как отплыл «Кризис», как мы уже полетели в погоню за ним. Ветер благоприятствовал нам. Шхуна поражала легкостью своего хода; руля она слушалась прекрасно.

Ле Конт хотел направиться к западным берегам Южной Америки, но мы видели, что «Кризис» исчез на востоке, держа путь на северо-восток. А потому мы старались следовать за ним. Ночью в продолжение двенадцати часов мы прошли сто шесть миль, несмотря на волнение моря; действительно, Ле Конт оказался искусным судостроителем. «Кризис» при данных условиях прошел бы в десять-пятнадцать раз менее.

На следующее утро Мрамор пришел в восторг от такого результата. По этому поводу он приказал откупорить бутылку рома и созвать весь экипаж. Встав во главе его, он произнес следующую речь:

— Товарищи, — вскричал он, — в этом путешествии

мы испытали все превратности судьбы. Но в общем, хорошего было больше, чем дурного. Дикари со своим прохвостом Спичкой во главе убили бедного капитана Вильямса, бросили его в море и захватили наше судно; это плохо, но зато потом мы имели счастье отнять его. Затем новая напасть: французы подвели нас, но вот они любезно оставляют нам шхуну; мне нечего говорить вам, что из этого выйдет. — На этом месте речи экипаж закричал «ура!» — Теперь, господа, я вовсе не намерен плыть и сражаться на судне с французским названием. Ле Конт окрестил шхуну именем... как его, мистер Веллингфорд?

— «Прекрасная Эмилия».

— Не хочу я никаких «прекрасных»; итак, три новых «ура!» за «Полли», так как раньше оно должно было так называться и впредь будет носить это имя до тех пор, пока им командует Моисей Мрамор.

Дней через пять после нашего отъезда Неб пришел сказать мне: «Мистер Милс, ваши устрицы сделались какие-то странные и сильно пахнут; матросы кланутся, что выкинут их в море, если я не съем их». Но я для этого не настолько голоден.

Это были жемчужные устрицы, которые, не имея доступа воздуха, стали разлагаться. Капитан велел притащить на палубу мешки и бочонки, наполненные ими. Да и пора было приняться за них, а то у нас могла распространиться болезнь.

Мрамор с двумя лейтенантами взялись за бочонок, принадлежавший капитану. Мы же с Небом начали работать над своим добром. Это была сушая пытка, мы просто задыхались от невыносимой вони. Но чего только человек не вытерпит ради жажды наживы? В первых семи раковинах я нашел совсем мелкие жемчужинки. Потом Неб открывал, а я смотрел. Я уже хотел все бросить, так мне было тошно. Но вдруг в одной из устриц я нашел семь жемчужин, величиной с горошину, замечательно чистой воды. Меня тотчас же все обступили; у Мрамора во рту была табачная жвачка, с целую картофелину.

— Вот так находка, Милс, воскликнул он, принима-

ясь с новым рвением за работу. Как вы полагаете, что могут стоять эти безделушки?

— Пожалуй, пятьдесят долларов. Жемчуг такой величины — редкость.

Моя девятая устрица дала одиннадцать жемчужин такого же качества, как первые. В несколько минут у меня всего набралось семьдесят три штуки. Потом последовала дюжина пустых раковин, после которых три — с тридцатью тремя жемчужинами; и, наконец, четыре штуки с целую вишню. Всего я насчитал у себя сто семьдесят семь штук на сумму около тысячи восьмисот долларов.

Мрамору не так везло. Ему удалось собрать только тридцать шесть жемчужин; он разочаровался и вспоминать больше не хотел об устрицах.

Между тем «Полли» все летела да летела по Тихому океану.

Утром одиннадцатого дня матрос, стоявший на рее фор-марселя, закричал: «Парус!» Так как с палубы ничего не было видно, мы взобрались на рей. В пятнадцати-двадцати милях от нас белели брамселя какого-то судна. Мрамор уверял, что это «Кризис». Но он ошибался. Через час мы увидели, что это была лодка, отнесенная ветром от китоловного судна, американской конструкции, с веслами и всеми необходимыми принадлежностями.

У Мрамора тотчас же созрел план. Он велел перейти в лодку четверем водолазам, взятым с Сандвичевых островов, приказал взять рому и съестных припасов, дал мне свои инструкции и затем поместился в лодке сам, решив делать по пяти узлов в час, тогда как шхуна должна была следовать за ним, делая по два узла. Солнце в это время клонилось к закату и вскоре совсем исчезло за горизонтом.

Поручения, данные мне, были не трудны. Я должен был следовать за Мрамором до тех пор, пока с его стороны не покажется свет, затем переменить галс и ехать параллельно с лодкой. Около девяти часов показался условный знак, шхуна ответила тем же, после чего я переменял направление судна.

В десять часов разразилась страшная буря. Первый

порыв ветра так рванул шхуну, что она совсем накренилась на бок: разыгравшиеся стихии шутить не любят.

Я провел ночь в невыразимых нравственных мучениях. Я был сердечно привязан к Мрамору, которого справедливо считал своим искренним другом, а жизнь его подвергалась такой опасности.

Буря свирепствовала всю ночь, завывания ветра казались панихидой по умершим. Наконец, к утру стало стихать, и шхуна могла распустить паруса. Но лодки нигде не было видно.

Через две недели после потери лодки я увидел вершины Анд, в нескольких градусах на юг от экватора.

На двадцать девятый день после отплытия с острова мы вошли в открытый рейд, где восемь месяцев тому назад совершили выгодные торговые операции. Едва мы бросили якорь, как к нам подъехал дон Педро, и так далее — имена тут нескончаемые, — осведомиться, кто мы и что нам нужно. Я сразу узнал этого субъекта, так как раньше продавал ему товар. Обменявшись с ним несколькими словами, наполовину английскими, наполовину испанскими, мы признали друг друга. Я объяснил ему, что ищу свое судно, с которым будто бы временно разлучен, вследствие служебных обязанностей. Тогда он сообщил мне, что видел судно, укрывавшееся теперь за небольшим островом в десяти милях от нас, что он сначала подумал, что это «Кризис», но, заметив на нем французский флаг, решил, что он ошибся.

Этих сведений для меня было достаточно, чтобы попытаться достать лоцмана. Один из лодочников предложил мне свои услуги. Я боялся, чтобы на «Кризисе» не разузнали о моем присутствии таким же способом, как я узнал о них, а потому, не теряя времени, в десять часов вечера мы тронулись. В полночь я въезжал в пролив, отделяющий остров от материка. Сев в лодку, я отправился обозревать место. «Кризис» стоял на якоре за мысом. На нем все казалось спокойным. Но я хорошо знал, что судно, вся безопасность которого зависит от быстроты его движений, должно было иметь хороших сторожей. Я тщательно осмотрел положение «Кризиса»,

взобравшись на возвышенную часть мыса, и к двум часам утра возвратился на шхуну.

Нетерпение моего экипажа напасть на французов было так велико, что я насилу сдерживал его пыл. Приближаясь к мысу, мы все стояли на палубе, вооруженные с головы до ног, и хранили глубокое молчание. Только один мыс отделял нас от «Кризиса». Я решил напасть на судно с правого борта, стараясь не шуметь.

Когда все было готово, я стал на корму подле рулевого и велел повернуть руль к ветру.

Неб встал сзади меня. Так как вода была достаточно глубока, мы, держась берега, обогнули мыс. «Кризис» виднелся как на ладони, саженьх в ста от нас. Приказав взять на гитовы фок, я устремился к носу шхуны. Мы уже были так близко от неприятеля, что французы услышали шум от ударяющего по мачтам полотна; нас окликнули в рупор. Дав ничего не значащий ответ, мы столкнулись с «Кризисом». «Ура! За наше старое судно!» — закричали матросы, бросаясь на абордаж. Готовился бой не на живот, а на смерть.

Последовало всеобщее смятение и беспорядок. Раздались выстрелы из пистолетов.

Неожиданность нападения обеспечивала нашу победу. Через три минуты Талькотт провозгласил, что мы хозяева судна и что французы просят пощады. Они сначала подумали, что застигнуты таможенным крейсером, будучи уверены, что мы направились к Кантону. Каково же было их удивление, когда они поняли истину! Какие только проклятия не посыпались на нашу голову. Но я считая бесполезным повторять их.

Гаррис, тот самый матрос, из-за которого мы попали в руки французов, был убит наповал; он дрался отчаянно, думая своей смертью искупить вину; девять человек из нас, в том числе и я, были ранены.

Французам же пришлось плохо. Шестнадцать человек из них умерло, исходя кровью. Наши дрались с таким остервенением, которое трудно себе представить. Ле Конта нашли мертвым у двери его каюты, пуля попала ему прямо в лоб. В начале битвы я узнал его громовой голос и сразу не мог сообразить, почему он вдруг замолк...

Первая ведьма: — *Привет!*
Вторая ведьма: — *Привет.*
Третья ведьма: — *Привет!*
Первая ведьма: — *Меньше,
чем Макбет, и более великий.*
Вторая ведьма: — *Не та-
кой счастливый и однако гораздо более
счастливый.*

«Макбет»

Будь Мрамор вместе с нами во время взятия «Кризиса», счастье мое не имело бы границ, но неопределенность его судьбы отравляла торжество победы. В тот же вечер я улучил минутку поговорить с майором Мертоном и успокоить его; Эмилия, заслышав стрельбу, сильно встревожилась, но, узнав обо всем, обрадовалась обретенной свободе.

Я немедленно снялся с якоря и пустился в дорогу. Необходимо было избежать затруднительных вопросов, которые могли быть предложены испанскими властями относительно нашего нападения в нейтральных водах. На рассвете шхуна и «Кризис» отъехали на четыре мили от земли и держались «большой международной дороги», на которой, кстати сказать, встречалось столько же грабителей, как и на всякой другой дороге.

На восходе солнца мы похоронили умерших. Эта процессия совершалась с подобающей торжественностью. Радость победы не могла заглушить грустных размышлений, перед которыми стихает самый пламенный энтузиазм. Я от души жалел бедного Ле Конта, вспоминая его великодушные к нам, его любовь к Эмили...

Поразмыслив, что нам теперь предпринять, я решил, что благоразумнее всего, ради интересов владельцев «Кризиса», было бы вернуться на остров, где французы оставили много ценных вещей, как, например, свинец в большом количестве, затем тюки с товарами, взятые ими из Бомбея, и прочее; во всяком случае это было бы выгоднее незаконной торговли на берегах Америки.

Пока мы рассуждали на эту тему с Талькоттом, вдруг раздался крик: «Парус!» Сквозь утренний туман перед нами вырисовалось большое судно на расстоянии одной мили. Это были испанцы, весьма встревоженные встречей с нами, ибо в то время шла война испанцев с англичанами. Увидев американский флаг, они пожелали поговорить с нами. Я предложил сделать визит их командиру. Он принял меня по всем правилам приличия и, после нескольких фраз, не имеющих значения, передал мне американские газеты, в которых говорилось о мирном договоре, только что заключенном между Соединенными Штатами и Францией. Пробегая их, я порадовался, что успел вовремя отобрать «Кризис», в противном случае с двенадцати часов сегодняшнего дня мой поступок считался бы противозаконным.

Я узнал от испанского капитана, что многие из его экипажа погибли от оспы, что он рассчитывал пополнить его, остановившись в Вальпараисо.

Я ухватился за эту мысль и предложил ему взять на судно наших французов; а так как Франция и Испания были заодно против общего неприятеля, капитан с удовольствием согласился; в ту же минуту условие было заключено.

Возвратясь к себе, я собрал пленников и объяснил им намерения капитана, указав, что для них представлялся удобный случай возвратиться на родину, чему они несказанно обрадовались, предпочитая плену все что угодно.

Я поручил командование «Полли» второму лейтенанту, сделавшемуся старшим вследствие моего собственного повышения. Таким образом Талькотт получил место старшего лейтенанта на «Кризисе», что мне было очень приятно, так как он вполне заслуживал этого.

При закате солнца я, наконец, увидел Эмилию в первый раз после того, как мы расстались с ней на земле Мрамора.

Бедное дитя, как она побледнела, как она жалела несчастного Ле Конта, несмотря на полученную свободу и прекращение его преследований. Сердце женщины уж так устроено: оно всегда испытывает скрытую симпатию

к человеку, поддавшемуся ее обаянию. К тому же бедный Ле Конт не был лишен достоинств; единственная его вина состояла в том, что он слишком любил, но это преступление из таких, которые легко прощаются.

— В сущности, — сказала Эмилия, глядя с нежностью на своего отца, — мы точно могила Магомета, висящая между небом и землей, как мы между Индией и Америкой; неизвестно, где мы сойдем на землю. Воздух Тихого океана сделался для нас родным, до сих пор мы только и дышим им.

— Ты права, дитя мое. Но, Веллингфорд, скажите, что сделалось с капитаном Мрамором, где он теперь?

Я рассказал ему, при каких условиях Мрамор покинул нас, затем спросил, не слышал ли он чего-нибудь о шхуне и китоловном судне.

— Нет, ничего, — ответил майор, — я никогда не предполагал встретиться так скоро с «Прекрасной Эмилией», думая, что вы идете в Кантон; сам Ле Конт так говорил мне.

В тот же вечер я предоставил в распоряжение Мертонов две каюты и, не желая отставать от Ле Конта, приказал подавать им кушанье отдельно, хотя большей частью они приглашали меня к себе завтракать и обедать. Майор, знающий толк в хирургии, принялся лечить мою рану в плече, а Эмилия ухаживала за мной с такой нежностью, на которую способны лишь одни женщины, так что через две недели рана окончательно зажила.

Дальнейшее наше путешествие по Тихому океану при пассатных ветрах шло благополучно. Мы делали регулярно от ста двадцати до двухсот узлов в сутки. Так как вахта была возложена на лейтенантов, я мог на свободе предаваться разговорам с майором и его дочерью в прелестной гостиной, устроенной Ле Контом для Эмилии, слушать игру ее на рояле или же читать вместе с Мертонами что-либо из ее собственной библиотеки.

В таком милом обществе время летело незаметно. Я не могу сказать, что влюбился в Эмилию, хотя ее образ преследовал меня иногда даже во сне.

Я часто ловил себя на сравнениях, которые невольно делались мной между ею и Люси.

По красоте я отдавал предпочтение Эмилиии, но когда я вспоминал Клаубонни и особенно мое последнее пребывание там, Люси казалась дороже моему сердцу.

Но я теперь не стану распространяться о моих сравнениях и о характере обеих девушек ничего не скажу.

Молодой человек в двадцать лет не достаточно компетентный судья в подобных вопросах; последующие события сами собой пополнят мое молчание.

Через две недели нашего плавания, когда мы заговорили о ловле жемчужных устриц, я вспомнил о своем сокровище.

У нас в экипаже находился золотых дел мастер, который взялся просверлить мои жемчужины и нанизать их на нитку, поместив самую крупную в середину, а остальные — по величине. Получилось прелестное ожерелье.

Когда я показал эту драгоценность, Эмилия ахнула от восхищения, а майор взял ожерелье в руки и, внимательно осмотрев его, сказал:

— В Лондоне за него дали бы тысячу фунтов стерлингов.

— Но я его никогда не продам, разве уж если буду к тому вынужден.

— Никогда! — повторил майор, а Эмилия устремила на меня вопросительный взгляд, который я не знал, как объяснить. — Но к чему вам такое украшение?

— Я сохранию его, так как вытащил его собственными руками из морской глубины и освободил жемчужины от первоначальной их оболочки, а потому эта вещь в моих глазах ценнее всякой драгоценности, купленной за деньги, и если я с ней расстанусь, то только для того, чтобы подарить ее или сестре, или, если женюсь, моей жене.

Я заметил по углам губ майора едва уловимую улыбку, но я был еще очень молод и слишком американец, чтобы понять ее. Эмилия все любовалась ожерельем, держа его в своей холеной ручке, которая по близине гармонировала вполне с жемчугом и казалась еще пре-

краснее от этого сравнения. Я осмелился попросить ее надеть ожерелье на шею, на что она с удовольствием согласилась, слегка покраснев.

— Как тебе идет это украшение, Эмилия! — вскричал восхищенный отец.

Действительно, трудно себе представить что-либо очаровательнее мисс Мертон в этом ожерелье. Ее белоснежная кожа, роскошные плечи, сияющее лицо выступили при этом украшении еще рельефнее.

Я не мог оторвать глаз от этой дивной картины и, чтобы продлить удовольствие, упросил Эмилию остаться в ожерелье до вечера. Не знаю, кто из нас больше радовался; приятно любоваться, но, кажется, не менее приятно служить предметом восторга.

На следующее утро, когда я одевался, ко мне влетел Неб, весь запыхавшись.

— О, мистер Милс! Лодка! Лодка!

— Какая лодка? Уж не упал ли кто-нибудь в море?

— Лодка от китоловного судна! Бедный капитан Мрамор! Лодка!

— Не может быть! Неб, беги скорей к вахтенному офицеру, пусть он убавит ходу; я сейчас буду сам наверху.

Это было китоловное судно с лодкой; недалеко от него виднелся убитый кит.

— Кажется, они хотят говорить с нами! — сказал я Талькотту. — Это должно быть американское судно. Капитан — в лодке, он, вероятно, хочет передать нам письма или какое-нибудь поручение.

Вдруг Талькотт закричал во весь голос.

— Урра, трижды урра, господа! Я вижу капитана Мрамора в лодке!

Тут посыпались радостные восклицания, которые должны были отозваться в сердце бедного Мрамора. Через три минуты он уже стоял на палубе. Я не мог выговорить ни слова, Мрамор тоже был очень взволнован.

— Я узнал вас, — выговорил он, наконец, со слезами на глазах, — узнал также эту проклятую «Полли», как только рассеялся туман. Прекрасно, мой мальчик! Я счастлив, как будто я сам — победитель.

Вытерев глаза, он постарался придать твердость своему голосу:

— Вам известно, друзья мои, при каких обстоятельствах я расстался с вами, и затем мы потеряли из виду друг друга, я убежден, что вы беспокоились обо мне во время бури.

— Мы целый день придерживались того места, где вы покинули нас! — вскричал я.

— Да, да, командир! — заговорили в один голос все матросы. — Мы сделали все, что от нас зависело, чтобы разыскать вас.

— Знаю, знаю! Вам нечего и говорить об этом. Ну, а мне пришлось выбирать одно из двух: оставаться на китоловном судне или бросаться в море, и я доволен своим выбором: вот мы опять все вместе, хотя и на сто миль от того места, где расстались.

— И вот ваше старое судно, капитан. Примите его в том же виде, каким вы его покинули, — проговорил я. — Как я счастлив, имея возможность собственноручно возвратить его в ваши руки.

— Чтобы я отнял командование судном у человека, который завоевал его! Да за кого вы меня принимаете! Будь я проклят, если я соглашусь на это!

— Вы удивляете меня, капитан. Вы теперь взволнованы, а потому рассуждаете неправильно. Да, наконец, ваш долг, ввиду интересов ваших судовладельцев, продолжать начатое вами дело.

— Вы заблуждаетесь, Милс Веллингфорд, — торжественно провозгласил он. — Лишь только я узнал «Кризис», мое решение было принято. При вашем командовании их интересы выиграют гораздо более, чем при моем.

— Мне не хватает слов возразить вам, как вы меня огорчаете, капитан; мы провели вместе столько времени...

— Но, мой милый мальчик, меня не было с вами, когда отбирали судно.

— Я исполнил только то, что вы сделали бы сами, не случись несчастья.

— Не знаю. Я много думал об этом вопросе, и мне

кажется, что французы непременно разбили бы нас, если бы мы на них напали в открытом море. Ваш же образ действий оказался куда правильнее. Нет, слушайте, Милс: вот все, что я могу сказать вам. Отправляйтесь теперь на остров, забирайте все, что вы там оставили, а оттуда вы ведь едете в Кантон.

— Да, это было мое намерение, и я рад, что, по-видимому, вы одобряете его.

— Приехав туда, нагрузите шхуну всем, что вам не понадобится в Кантоне, например: медью и другими английскими товарами, которые я повезу в Нью-Йорк, пока вы будете продолжать плавание на «Кризисе», так как это право принадлежит исключительно вам одному.

Напрасно я приводил все возможные доводы, чтобы уговорить Мрамора; его решение было непоколебимо. В тот же вечер он перешел на «Полли», приняв его под свою команду.

Г л а в а   X I X

*Ищи песчаный берег, составляющий
границу очарованной земли, и наблю-
дай пенящуюся волну до того мгно-
вения, когда осетр выплывает на повер-
хность танцевать при свете луны.*

Д р э к

Мне остается сообщить в двух словах об участии китоловного судна. Обменявшись с ним несколькими фразами, мы возвратили ему лодку, после чего оно предалось своему обычному занятию, а мы направились к острову.

Через десять дней после встречи с Мрамором мы прибыли благополучно к месту нашего назначения.

И «Кризис», и шхуна вошли беспрепятственно в гавань.

Как только мы совсем остановились, всему экипажу разрешили на день пользоваться свободой, и мы рассыпались по берегу в разные стороны. Нам нечего было

опасаться неприятеля, и каждый наслаждался свободой по-своему.

Одни занялись рыбной ловлей, другие стали собирать кокосовые орехи, искать раковины на берегу, которых тут было очень много. Я поручил некоторым матросам набрать их для коллекции в Клаубонни, и до сих пор они хранятся у меня как память о первых приключениях моей жизни.

Эмилия с прислугой поместились в своей старой палатке, куда я приказал перенести все нужные для них вещи и приставил к ним Неба для наблюдений, чтобы они ни в чем не терпели лишений. В восемь часов Неб явился к нам от имени майора пригласить на завтрак капитана Веллингфорда и капитана Мрамора.

— Вот видите, Милс, как я хорошо все устроил; теперь мы оба — капитаны. Дай Бог, чтобы так продолжалось долгое время, хотя мне не суждено было сохранить эту должность.

— Но когда соединяются два капитана, то командует старший из них. Мы будем звать вас: командор Мрамор!

— Отложите шутки в сторону, Милс, я говорю с вами серьезно. Ведь только благодаря вам я имею возможность управлять этой шхуной, наполовину французской, наполовину американской. Это моя вторая и последняя команда. Вот уже десять дней, как я раздумываю о своей жизни, и теперь я пришел к заключению, что Творец создал меня, чтобы быть вашим помощником, но не начальником.

— Я не понимаю вас, господин Мрамор. Если бы я знал вашу жизнь, может быть, для меня все стало бы яснее.

— Милс, хотите доставить мне удовольствие? Вам это не трудно будет.

— Говорите, я с радостью все исполню.

— Так вот: между нами не должно упоминаться слово «господин»; называйте меня попросту Мрамор или Мои-сей так же, как я буду звать вас Милс.

— Хорошо, дорогой мой Мрамор, но теперь рас-

скажите мне свою историю, вот уже два года, как она мне обещана.

— Моя история не долга, но назидательна. Вы, конечно, знаете, кто дал мне имя?

— Полагаю, что ваши крестные родители.

— Вы близки к правде более, чем вы думаете. Мне рассказали, что меня нашли в мастерской мраморщика, когда мне было не более недели от роду; положили меня на камень, который обтачивался для могилы, рассчитывая, что так я наверное попадусь на глаза работникам. Это было на берегу речки, в городе Йорке.

— Неужели вам больше ничего не известно о вашем происхождении?

— Да мне и не нужно никаких сведений. С какой стати я стану разузнавать о родителях, бросивших меня на произвол судьбы? Вы, Милс, знали свою мать и любили ее?

— Любил ли я мать! Да я боготворил ее!

— Я вполне понимаю это чувство, — сказал Мрамор, глубоко вздохнув. — Любовь и уважение к матери должны быть великим утешением в жизни. Но при моем рождении даже не позаботились начертать мое имя на клочке бумаги; меня бросили на этот камень, как скотину!

— И каменотес нашел вас на следующее утро?

— Вы отгадали, точно оракул. Увидев корзину, в которой ему накануне принесли обед и которую он забыл захватить с собой, он, прежде чем передать мальчику, пришедшему за ней, стал вытряхивать из нее крошки; в это время я выпал на холодный камень.

— Бедное дитя! Ну, что же потом?

— Меня отослали в Дом Милосердия: у каменотесов сердце жестокое. По всей вероятности, и отец мой принадлежал к этой профессии, судя по его поступку со мной. Меня сначала занесли в реестр под № 19, а через неделю дали имя Моисея Мрамора.

— Какой странный выбор сделали ваши крестные!

— Как же иначе было назвать меня? Имя Моисей взято из Священной Истории, его так же, как и меня, нашли в корзине.

— Вы долго оставались в этом доме? А когда же вы начали морскую карьеру?

— Мне было восемь лет, когда я распрощался со своим приютом. В то время наша земля была во власти англичан, хотя знающие люди говорили, что, собственно говоря, англичане никогда не владели нами, но что мы только обязались признавать английского короля, как своего собственного. Но, как бы там ни было, я родился английским подданным; теперь мне ровно сорок лет, а потому вы поймете, что я начал плавать задолго до революции.

— Прекрасно. Но в таком случае вы принимали участие в этой войне с той или другой стороны?

— Говорите с обеих сторон, и вы не ошибетесь. В 1775 году я служил матросом на корабле «Ромени», потом на «Коннектикуте».

— Как? Разве у англичан имелось военное судно «Коннектикут»?

— Да, что-то в этом роде.

— Вы верно путаете название. Не «Карнатик» ли это был?

— Ну его к черту, может быть, вы и правы, Милс! Во всяком случае, я был очень рад бросить это судно и перейти на сторону американцев, хотя мне за это чуть было не снесли голову, уверяя, что я был англичанин. «Докажите мне, — сказал я им, — где именно я родился, а тогда делайте со мной все что угодно». Я сам был готов повеситься, чтобы узнать, откуда я.

— Вы — американец, Мрамор, это вне всякого сомнения, — отвечал я.

— Пожалуй, что оно и так. Но что бы там ни было, после войны, отбыв тюремное заключение, я стал служить в качестве флотского офицера на торговых судах.

— И все это время вы, мой друг, оставались один, без родных?

— Совсем одинешенек. Сколько раз, расхаживая по улицам Нью-Йорка, я говорил сам себе: «Вся эта толпа — для меня чужие люди, между ними всеми нет ни одного человека, в жилах которого текла бы хоть капля моей крови!»

Последние слова он произнес с горечью. Мне обидно было за него. Еще раз приходилось убедиться, сколь обманчива бывает наружность, как много глубокого чувства может скрыться под видимым равнодушием! Какая вопиющая несправедливость случается на этом свете!

— Но, в сущности, мы все составляем одну семью, мой друг, только ведь обстоятельства разделяют нас.

— О какой семье для меня может быть речь? Моя семья — это я один.

— Однако признайтесь, вы сами отчасти виноваты. Отчего вы не женитесь?

— Потому что мои родители не подали мне такого примера, — резко ответил он. Затем, хлопнув меня слегка по плечу, он сказал мне, переменив тон: — Однако, Милс, майор с дочерью ждут нас завтракать, пойдемте-ка. А что касается супружества, то вот для вас будущая жена, мой милый мальчик.

— Вы в этом так уверены, Мрамор? Но, может быть, майор против брака своей дочери с «янки».

— Да, с таким «янки», как я, но вы — дело другое. Сколько поколений вы насчитываете в Клаубонни?

— Четыре, от отца к сыну.

— Отлично! Вы знаете испанскую поговорку: «Довольно трех поколений, чтобы образовать дворянина», а у вас еще и излишек.

— Но каково бы ни было мнение ее отца о четвертом поколении, сама мисс Мертон может не разделять его.

— В таком случае вы сами были бы виноваты. Как?! Они здесь, среди океана, в ваших руках, да вы можете сказать ей все, что вам придет в голову. Да если вы не добьетесь, чего вам хочется, то вы — не Милс Веллингфорд, которого я знаю.

Я не ответил ему на это ни да, ни нет, тем более, что мы были уже совсем близко от палатки.

Как и следовало ожидать, нам оказали самый радушный прием.

— Мы с Эмилией считаем себя давнишними обитателями этого острова, — сказал майор, с удовольствием

оглядываясь вокруг себя (стол был накрыт на свежем воздухе, под тенью благоухающих деревьев), и я с наслаждением провел бы здесь остаток дней, если бы меня не останавливала дочь моя, для которой жизнь со стариком отцом, при ее молодости, может показаться слишком однообразной.

— За чем же стало дело, майор? — заговорил Мрамор. — Любой из наших офицеров с радостью согласится составить компанию вашей дочери; во-первых, Талькотт, это прелестный малый и прекрасно воспитанный; во-вторых, капитан Веллингфорд; за последнего уж я вам отвечаю; он бросит свое Клаубонни со всеми принадлежащими ему землями, чтобы сделаться владельцем этого острова в таком очаровательном обществе.

— Конечно, конечно, молодые люди любят все романтическое. Но, знаете, господа, я говорю серьезно, мне очень улыбается перспектива поселиться здесь.

— Я очень рада, дорогой папа, что ваше желание еще не настолько сильно, чтобы вы решились исполнить его на деле.

— Да вот только ты и задерживаешь меня: что я буду здесь делать с молодой томящейся девицей, вздыхающей по балам и театрам?

— Да вы сами, майор, помрете здесь с тоски без товарищей, без книг, без занятий.

— Я найду себе дело, Милс; во-первых, буду размышлять о прошедшем, затем библиотека Эмили заменит всякое общество. А занятий у меня найдется масса. Подумайте, сколько тут надо всего устраивать. А как приятно наслаждаться потом результатом своих собственных трудов! О! Да я буду чувствовать себя принцем, и притом еще владетельным принцем.

— Да, майор, но я уверен, что вам надоест подобное владение и вы сами от него отречетесь.

— Все может быть, Милс, но эта идея для меня очень заманчива. У меня никогда не было своего клочка земли.

— У меня тоже! — с жаром перебил Мрамор.

— Здесь же, как видите, земли сколько угодно. Как

вы думаете, господа, сколько тут акров, не считая скал и песчаников, не годных для возделывания!

— Сто тысяч! — вскричал Мрамор с таким азартом, что мы все так и покатались со смеху.

— Ну, нет, — ответил я. — По-моему, не более шести-или восьмисот.

— И этого достаточно. Но я вижу, что Эмилия испугалась и уже дрожит при мысли сделаться наследницей такого обширного имения. А потому оставим этот разговор.

После завтрака майор отправился с Мрамором к месту крушения французского судна, мы же с Эмилией пошли в другую сторону.

— Странная мысль преследует моего отца, — сказала она после минутного раздумья. — И вы знаете, что он не в первый раз говорит о ней!

— Это хорошо было бы для влюбленных, — ответил я, смеясь, — но для отца с дочерью не особенно-то занимательно. Я понимаю, что двое молодых людей, любящие друг друга, могут найти прелесть в уединении, но пройдет год, другой, и их потянет отсюда к иной жизни, к людям.

— Но, как я вижу, вы не поэт, Милс, — заметила Эмилия тоном упрека. — А я могла бы чувствовать себя счастливой везде, и здесь так же, как в Лондоне, при условии, чтобы со мной были близкие друзья.

— А, это разница. Устроим здесь маленькую колонию из вашего отца, вас, Мрамора, доброго нашего пастора мистера Гардинга, моих дорогих Грации и Люси, и я к вашим услугам!

— Кто же эти дорогие вам особы, мистер Веллингфорд, присутствие которых усладило бы ваше пребывание на пустынном острове?

— Во-первых, майор Мертон, человек достойный во всех отношениях, затем его дочь, которая...

— Оставим ее, ее недостатки мне известны лучше, чем вам. Но кто эта дорогая Грация?

— Грация — моя единственная сестра. Гардинг — мой опекун, а Руперт и Люси его дети. Так как Гардинг —

пастор, то он играл бы у нас немаловажную роль: заставлял бы посещать церковь, соблюдать воскресные дни, он же мог бы и венчать.

Это шутка, над которой моя Люси посмеялась бы от души, заставила Эмилию призадуматься, и она резко переменяла тему разговора.

Расставшись с Эмилией, я отыскал Мрамора. Он разгуливал один по аллее, расчищенной покойным Ле Контом.

— Этот майор человек не глупый, — сказал он мне, когда мы с ним поравнялись. — Я люблю таких философов.

— Что же он вам сказал такое особенное?

— Да все та же его чертова мысль и мне засела в голову, и я почти уже решил остаться здесь, когда провожу вас.

Я посмотрел на Мрамора с удивлением. Но он не шутил, намереваясь выполнить на деле воздушные замки Мертона.

— Но ведь это еще не решено, мой друг, — ответил я, зная, что с ним шутить бесполезно в такие минуты. — Подождите до завтрашнего дня; может быть, вы еще и передумаете.

— Навряд ли, Милс. Здесь можно найти все необходимое для существования.

— Я беспокоюсь не о пище, в этом-то отношении вы обеспечены; но ведь вы можете захворать, умереть. Человек создан не для того, чтобы прозябать в одиночестве, ему нужно общество и...

— Я обо всем подумал, и мне нравится жизнь отшельника. Я не говорю, что не был бы рад, если бы со мной остались такие люди, как Талькотт, майор или даже Неб; но раз этого нельзя, я останусь один. Когда вы возвратитесь к себе, вы, конечно, расскажете об этом острове, и кто знает, быть может, время от времени сюда будут приставать корабли из любопытства взглянуть на отшельника, так что я буду иметь о вас новости каждые четыре-пять лет.

— Покорно благодарю, Мрамор, но ведь это безумие.

— Войдите в мое положение, Милс, и тогда решайте сами. У меня на всем свете нет ни одного близкого человека, — я говорю о родственных связях, — так как в вашей дружбе я не сомневаюсь, и расстаться с вами для меня самое тяжкое испытание; но кроме вас, у меня нет ни одной родной души. А этот остров все же отчасти моя собственность, так как я открыл его.

— А что я отвечу тем морякам, которые будут осведомляться о вас?

— Скажите им, что человек, который был найден, теперь — потерян.

— Но имейте в виду, что вам здесь придется, пожалуй, терпеть недостатки. Я даже не знаю, всегда ли полезны для здоровья кокосовые орехи, да и на других деревьях навряд ли имеются фрукты во всякое время года.

— Не беспокойтесь. У меня есть ружье, да и вы мне оставите еще оружия; кроме того, будут приставать сюда суда, так что у меня всегда будет возможность сделать новый запас провизии. А рыбная ловля? Потом я могу насадить овощей, на этой почве урожай должен быть обильный. Да, наконец, у меня целый ящик инструментов; я знаю и плотничные, и слесарные работы. Тысячи бедняков, спящих по улицам больших городов, с радостью променяли бы свое жалкое существование на мое одиночество и благосостояние.

Я не стал более уговаривать Мрамора, подумав, что он теперь не нормален. На следующий день закипела работа. Мед, английские товары и многое из французского груза перевезли на остров. Мрамор оставался непоколебим в своем решении, начав с того, что он отказался от командования «Полли», которое я передал одному из наших офицеров, весьма способному молодому человеку.

Через неделю, потеряв всякую надежду добиться чего-либо от Мрамора, я отдал приказ отправляться в путь, предупредив офицера, чтобы он объехал мыс Горн и всячески постарался бы миновать Магелланов пролив.

Я написал судовладельцам обо всем случившемся, сообщил им свои проекты относительно дальнейших оборотов; что же касается Мрамора, то ограничился тем, что

объяснил его самовольную отставку чувством деликатности, заставившим его сложить свои обязанности с момента отнятия у французов судна, но что на будущее я принимаю на себя ответственность за их интересы. Итак, шхуна ушла с этими депешами.

«Кризис» уже давно был готов к отплытию, но я все медлил из-за Мрамора. Я попросил майора Мертона повлиять на него, но майор сам слишком сочувствовал проекту Мрамора, чтобы отговаривать его. Увещания Эмилии тоже ни к чему не привели. Нечего делать: волей-неволей пришлось покориться.

Г л а в а   X X

Иди своей дорогой, неумолимый свет; я не жалею ни одного из тех благ, которые ты у меня отнял! Проходи, во имя Неба, — оставь мне только то, чего ты никогда мне не давал.

Л е н т

Истощив весь запас красноречия, нам оставалось употребить все меры для улучшения положения Мрамора.

Собрав, по возможности, строительный материал, мы ему живо соорудили хижину, в которой он мог укрываться в непогоду, в двенадцать футов в ширину и в восемнадцать в длину, затем сделали в ней окна и дверь. Хотя климат здесь был жаркий и камина не требовалось, все же мы поставили около хижины печку, сделанную французами; она легко передвигалась с места на место даже одним человеком. Мы даже вспахали часть земли и обнесли ее изгородью, чтобы предохранить от домашней птицы. Так как нас работало около сорока человек, на острове скоро установился порядок; я принимал во всем такое деятельное участие, как мать, готовящая приданое своей дочери.

Мрамора почти не было с нами во все это время, он жаловался, что ему ничего не останется делать после нас,

а на самом деле был счастлив, видя с какой заботливостью мы относились к его благоустройству.

Предполагая, что Мрамору в конце концов одиночество наскучит и ему захочется направиться в другие места, я принялся за устройство для него шлюпки, в которой приказал сделать всевозможные приспособления для борьбы с бурей.

Мрамор следил с любопытством за нашей работой. Однажды вечером, когда уже все было кончено и я объявил, что мы выезжаем на следующий день, он отвел меня в сторону с таинственным видом, как будто собирался сообщить нечто важное. Он был сильно взволнован, рука его дрожала.

— Да благословит вас Бог, Милс! Единственно, что у меня есть дорогого на всем свете, это вы, мой друг. Вы еще молоды, неопытны, а потому не отговаривайте меня от моего решения. Все, о чем я вас прошу в настоящую минуту, — это прекратить, наконец, приготовления для меня, а то, право, мне ничего не останется делать. А потом имейте в виду, что я и сам сумею оснастить эту шлюпку, без посторонней помощи.

— Да я в этом не сомневаюсь, друг мой, но я боюсь, что вы сами не захотите этого сделать. Я все еще не теряю надежды, что вы нас догоните и займете на «Кризисе» свое прежнее место.

Мрамор отрицательно покачал головой. Мы сделали несколько шагов в молчании. Вдруг он обратился ко мне дрогнувшим голосом:

— Милс, ведь вы будете сообщать мне о себе?

— Каким же образом? Вы сами знаете, что между этим островом и Нью-Йорком не существует еще почтовых путей.

— Да, я говорю глупости. Совсем потерял память. Конечно, когда вы уедете, для меня настанет конец всяких сношений с миром. Но что же делать? Может быть, мне уж немного осталось жить.

— Ну, полно, Мрамор; еще не поздно, поезжайте с нами, хотя из дружбы ко мне.

Целый час я уговаривал его — и все напрасно. Нако-

нец я решительно объявил, что «Кризис» более ждать не может.

— Я это знаю, Милс, а потому кончим все эти разговоры. Да вот, кстати, и Неб идет за вами. Спокойной ночи, дорогое мое дитя. Господь над вами!

Я оставил Мрамора, все еще надеясь, что тишина ночи подействует на него благотворно и он образумится. У себя на «Кризисе» я сделал распоряжение, чтобы на следующий день, с восходом солнца, весь экипаж был бы в сборе для снятия якоря.

В назначенный час Талькотт явился сообщить мне, что все готово. Я назначил его старшим лейтенантом, а в помощники дал ему юного филадельфийца. Этот молодой человек обладал всеми качествами для морской службы, даже с излишком: любил выпить. Но пьяницы не вредят на судне, где господствует порядок и дисциплина.

Итак, Талькотту велено было отчаливать. Я же отправился в лодке на остров сделать последнюю попытку увезти с собой Мрамора. Но ни его, ни шлюпки нигде не было видно; по всей вероятности, он спрятался за погибшим французским судном.

Нечего было делать: пришлось поднять паруса и выехать из бассейна. Положительно, Мрамор пустился в море совсем один. Несколько часов мы еще прождали у скалы. Я все колебался. Но, наконец, «Кризис» стал быстро удаляться от земли и исчезать в волнах.

Я потерял последнюю надежду увидеть когда-либо Моисея Мрамора, это сознание наполнило мое сердце невыразимой горечью.

За обедом мы сошлись с майором и его дочерью. Понятно, разговор зашел об исчезновении нашего старого товарища.

— Как жаль, — сказал Мертон, — что из ложного самолюбия Мрамор отказался отправиться с нами в Кантон; там он всегда мог бы перейти на другое судно, если бы захотел.

— Но зато мы это сделаем, милый папа, не правда ли? — сказала Эмилия, подчеркивая свои слова. — Пора освободить мистера Веллингфорда от наших особ.

— Так по-вашему выходит, мисс Мертон, что такое милое общество для меня в тягость? — с живостью возразил я. — Но я уверен, что вы думаете не то, что говорите. Для меня же тем приятнее, чем дольше мы останемся вместе и чем дольше я буду пользоваться вашим обществом.

По-видимому, Эмилия осталась довольна моим ответом; отец же ее после минутного молчания сказал:

— Но для меня крайне стеснительно, что мы столько времени сидим на шее мистера Веллингфорда, который отказывается, забывая даже выгоду своих судовладельцев, принять от нас плату за проезд, чтобы покрыть хотя свои расходы. И как только мы приедем в Кантон, то перейдем на первое английское судно, которое согласится принять нас.

Я стал горячо протестовать против подобного решения, однако не нашел сказать ничего достаточно убедительного.

Несколько недель плыли мы по Тихому океану. Благодаря обществу Мертонов, для нас с Талькоттом время шло незаметно.

Наконец мы въехали в Китайское море; я собрался в Кантон, предварительно высадив своих пассажиров в Вампоа, где мы расстались, обещаясь повидать друг друга перед отъездом. Дел у меня оказалось по горло. Надо было сбыть сандал, меха, приобрести партию чая, нанки, фарфора, одним словом, всего того, что значилось в инструкториях, данных капитану Вильямсу. Я воспользовался случаем для покупки для себя лично некоторых вещей, которые бы доставили удовольствие будущей хозяйке Клаубонни. Это лучшее употребление, которое я мог сделать своим сбережениям.

Одним словом, те несколько недель, которые мы провели в Кантоне, дали возможность совершить очень выгодные обороты для владельцев «Кризиса».

Довольный собой, я вздохнул с облегчением, когда мы приготовились к отплытию.

Долг вежливости требовал сделать прощальный визит Мертонам, которых я видел всего два раза со времени

нашей остановки. Я застал одну Эмилию. Известие о моём отъезде очень расстроило ее; я тоже был взволнован, но не так сдержан, как она.

— Одному Богу известно, мисс Мертон, когда мы теперь увидимся!

Эмилия вздрогнула, и ее лицо покрылось мертвенной бледностью, игла задрожала в ее руке, но она, по обыкновению, овладела собой. Теперь я понимаю, отчего я тогда не бросился к ее ногам умолять ее, чтобы она сопровождала меня в Соединенные Штаты. Неожиданный приход майора помешал объяснению, которое непременно бы произошло между нами. Больной и расстроенный вид Мертон поразил меня.

— Я боюсь, Милс, что мы никогда больше не увидимся. Мой доктор сейчас откровенно сказал мне, что если я не возвращусь в холодный климат, то не проживу более шести месяцев.

— Так едемте со мной! — вскричал я с поспешностью. — У вас еще есть время собраться до завтрашнего дня.

— Мне запрещен Бомбей, — сказал майор, боязливо взглянув на дочь, — и я вынужден отказаться от места на долгое время.

— Тем лучше, майор. Через четыре месяца я могу доставить вас в Нью-Йорк, где климат для вас благоприятен. Вы поедете со мной, как близкие друзья, а не как пассажиры. Я буду пользоваться вашим столом, ибо моя каюта так загромождена всевозможными покупками, что в ней негде повернуться.

— Ваша деликатность, Милс, равняется вашему великодушию, но что скажут судовладельцы?

— Они не имеют никакого права жаловаться. Мы условились, что я могу принимать пассажиров по своему усмотрению. Но уж если вы так настаиваете на плате, то для этого сотни долларов достаточно за глаза.

— На этих условиях я с благодарностью воспользуюсь вашим предложением. Позвольте мне теперь попросить вас ответить на один вопрос: можете вы остановиться у острова Св. Елены?

— Ну да, конечно, если вы желаете. Я даже нахожу эту остановку полезной для экипажа.

— Прекрасно, там я с вами и расстанусь, если мы найдем корабль, идущий в Англию. Итак, мой дорогой Милс, значит, решено; завтра я буду готов.

На следующий день я с восторгом принял к себе на судно своих друзей. Талькотт радовался не меньше моего, — общество Эмилии доставляло ему особенное удовольствие.

Талькотт был хороший музыкант, я тоже недурно играл на скрипке. Аккомпанируя Эмилии, мы составляли очень недурное трио; и не будь время так прозаично, сами наяды вышли бы из своих укрытий послушать нас.

Проезжая мимо Зондских островов, я рассказал своим собеседникам о борьбе «Джона» с пирогами и о его крушении у берегов Мадагаскара. Естественно, мы опять вспомнили Мрамора.

— Я убеждена, — сказала Эмилия, — что Мрамор нарочно скрылся с острова, чтобы избежать ваших представлений, и как только судно скрылось из вида, он, наверное, возвратился обратно и теперь наслаждается жизнью отшельника.

Быть может, она была права; во всяком случае такое предположение было самое утешительное. Так как мое намерение было провести на море еще не один год, то я в душе дал себе обещание при первой же возможности разузнать все о Мраморе...

Между тем, «Кризис» находился в таком месте океана, где капитану судна нельзя было предаваться мечтаниям. Надо было усилить стражу, ибо каждую минуту нас мог застигнуть неприятель.

На другой день рано утром Талькотт прибежал разбудить меня.

— Вставайте скорей, капитан. Пираты налетели на нас, точно вороны на труп. К несчастью, почти нет ветра.

Через несколько минут я уже был на палубе, куда собрались все матросы; многие из них не успели даже накинуть на себя куртку. Море казалось усеянным неприятелями. Майор насчитал около тридцати пирог; в

некоторых виднелась артиллерия; они действовали дружно и образовали вокруг нас род блокады.

Пираты начали с того, что выстрелили в нас залпом из двенадцати пушек. Ядра со свистом пробили наши мачты и снасти почти во всех направлениях. Мы ответили выстрелом с правого борта; но расстояние, отделявшее нас от неприятеля, было так велико, что вся картечь разлетелась в стороны, не достигнув цели. Тогда мы начали стрелять направо и налево и, таким образом, расчистили себе проход, и скоро все пироги остались за нами, на западе. Но шестеро из них, наиболее отважных, старались пересечь нам дорогу. Но вдруг «Кризис», круто повернув, устремился в самую середину флотилии, безостановочно стреляя куда попало. Пользуясь дымом, три-четыре пироги попробовали было взять нас на абордаж, но, верно, нашли, что сделалось слишком жарко, так как прекратили преследование; мы минут через пять были уже вне опасности, оставив их далеко за собой. Судя по всеобщему смятению пиратов, можно было заключить, что им порядком таки досталось от нас. Одна из их лодок пошла ко дну; другие собрались в одно место, чтобы спасти экипаж; у многих пострадали мачты. Впоследствии я узнал, что они потеряли в сражении сорок семь человек.

Переменив галс, мы спокойно продолжали путь. Наши повреждения оказались незначительными; ранены были только один матрос да Неб. Матрос умер до нашего прибытия к мысу. Что же касается Неба, то он вскоре оправился настолько, что вновь принялся за свои обязанности. Во все время битвы он оставался с разинутым ртом и своей обычной гримасой.

Я пристал у острова Св. Елены, исполняя данное обещание, но так как мои пассажиры не нашли желаемого судна, то решились сопровождать меня в Нью-Йорк. Эмилия премило вела себя во время сражения. Она даже оставалась среди экипажа, который уверял, что ее присутствие приносит счастье.

Плавание наше от острова Св. Елены до Нью-Йорка прошло благополучно. Хотя оно продолжалось долго, но

никто из нас не скучал. Наконец, по нашим соображениям, земля была уже совсем близко. Майор с Эмилией поднялись наверх для наблюдений, и вот послышался ожидаемый радостный возглас. Потом показалась туманная точка, которая постепенно вырастала, обозначая контуры и выступы горы. Стрелка Гука, земли, возвышающиеся сзади нее амфитеатром, вырисовывались все яснее и яснее. Мы скоро прошли мимо маяка и, обогнув Спит, вошли в верхнюю бухту ровно за час до заката солнца. Это было в один из чудных дней конца июня 1802 года.

Г л а в а   X X I

*Пит! Пит! За кого будем мы пить?
За друга или за хозяйку? — Посмотрим, подумаем нежного — об отсутствующих или о тех, кто здесь? — О мертвецах, которых мы любим, или о живых, которые еще дороги нам? — Увы! Я долго искал и не нашел этих последних. В настоящем только одиночество; будем пить за прошлое.*

П а у л ь д и н г

Несмотря на то, что я — манхэттенец до мозга костей, все же я не могу воспевать прелести внешней и внутренней бухт нашего острова. Надо уж быть слишком ослепленным патриотизмом, чтобы посметь сравнивать нашу гавань с бухтой Неаполя; трудно себе представить более резкую противоположность. Гавань Нью-Йорка недурна, но и только. Между тем неаполитанскую бухту ее жители справедливо называют кусочком неба, упавшим на землю. С другой стороны, Неаполь в торговом отношении стоит куда ниже нашей бухты, с которой мог бы соперничать разве только Константинополь.

Наше судно было уже около Бедлоу, как вдруг какая-то шхуна пересекла нам дорогу. В ту же минуту надо мной послышались крики. Это Неб, убравший один из бомбарселей, испускал рычания, свойственные лишь его расе.

— Это еще что там за шум?! — закричал я в гневе, так как терпеть не мог беспорядка у себя. — Замолчите ли вы, а не то я вас проучу.

— Посмотрите, мистер Милс, — сказал негр. — Разве вы не узнаете «Полли»?

Действительно, это была она, и я ее тотчас же окликнул в рупор:

— Эй, «Полли», куда вы идете и когда вернулись из Тихого океана?

— Мы отправляемся на Мартинику. Вот уже шесть месяцев, как «Полли» возвратилась из южных морей. С тех пор мы совершаем третье плавание в Вест-Индию.

Теперь я убедился, что груз и мои письма дошли до своего назначения. Меня должны были ожидать, и лишь только «Кризис» вошел в Гудзон, как нам навстречу выехала лодка, везя главных компаньонов нашего торгового дома. Нельсон после своей нильской победы навряд ли получил более лестный прием, чем я. Мне так и расточали похвалы, перемешанные с вопросами о стоимости груза; я просто не знал, кому отвечать. Меня пригласили к обеду на завтра, от которого я было отговаривался недостатком времени, но обед для меня откладывался со дня на день. Тот, кто привозит с собой золото, всегда является желанным гостем.

Вскоре мы пристали и все привели в порядок на судне. Матросам было разрешено провести ночь на суше.

Я спешил окончить свой туалет и Небу велел сделать то же. Один из судовладельцев любезно предложил Мертону с Эмилией приличное помещение. В то время влияние англичан было очень распространено в Соединенных Штатах, а особенно в Нью-Йорке; английский майор был своего рода вельможа в глазах манхэттенцев того времени. Для них английский офицер, хотя бы даже враг нашего отечества, был предпочтительнее того, кто защищал его. Конечно, я говорю о мнении «общества»; народ же думал иначе. Наши провинциалы доходили до обожания англичан.

А потому нет ничего удивительного в том приеме, который оказали Мертону с дочерью. Я был за них

спокоен, и мне доставляло удовольствие, что в моем отечестве их совсем не считают иностранцами.

Когда Неб явился ко мне, я приказал ему следовать за собой, намереваясь зайти сначала в контору судовладельцев, взять там ожидающие меня письма, ответить на них и послать затем негра в Клаубонни известить о моем возвращении.

В 1802 году «Батарей» была центром собрания нашего бомонда. Каждый раз меня поражали в Нью-Йорке две вещи: провинциальный вид города вообще и выдающаяся красота нашей молодежи. Я подразумеваю здесь чистокровных американцев и американок. Так как тут было много детей с няньками-негритянками, то и Неб мог насладиться приятным для него зрелищем, и каждый раз как он проходил мимо какой-нибудь из этих бронзовых Венер, он прищелкивал пальцами от восторга, который сообщался и предмету его внимания, так как слышно было его хихиканье при приближении Неба.

Передо мной мелькало столько хорошеньких лиц, что я совсем забыл о своих делах. Нам с Небом некуда было спешить, и мы преспокойно себе расхаживали, поглядывая направо и налево. Передо мной шла пара молодых людей; барышня была одета просто, но со вкусом. Она, казалось, с большим интересом слушала своего собеседника. Сам не знаю почему, но меня так и влекло к ней; ее легкая и грациозная поступь, изящество ее фигуры, все в ней было очаровательно. В моей голове тотчас созрел роман; это должны были быть жених и невеста. Я чувствовал себя точно загипнотизированным этой молодой особой. Желая непременно уловить выражение ее лица, я ускорил шаг и вдруг услышал возглас, от которого весь задрожал:

— Милс!

Передо мной стояла Люси Гардинг, бледная от волнения, готовая броситься ко мне в объятия...

— Люси Гардинг? Вы ли это? Вы сделали столь прекрасной, что я насилу узнал вас!

Тут было не до приличий. Несмотря на толпу и

любопытные взгляды, устремленные на нас, я крепко расцеловал ее; бьюсь об заклад, что такого поцелуя ей не приходилось получать еще никогда в жизни. Моряки не любят ничего делать наполовину. Но такое нападение здорового ребенка с парой солидных усов при всем честном народе вызвало на лице молодой девицы густую краску.

— Будет, довольно, Милс, — сказала она, освобождаясь из моих объятий. — Разве вы не видите отца, Руперта?

Действительно, все семейство было в сборе. Все они вышли на прогулку с Эндрю Дреуэттом, товарищем Руперта, и в то же время открытым ухаживателем за его сестрой.

Грация лишь только узнала меня, как бросилась целовать от всего сердца, затем припала ко мне и зарыдала от радости. Прохожие из вежливости не останавливались, не желая смущать семейных излиятий; между тем подошел и сам Гардинг. Добрый пастор забыл, что перед ним верзила-моряк, который мог бы поднять его, как перышко. Он начал целовать меня и крестить как малого ребенка и тоже не удержался от слез. Затем мы довольно сдержанно обменялись рукопожатиями с Рупертом.

Что же касается мистера Дреуэтта, то ему пришлось долго ждать ответа от Люси, кто я такой.

— Это верно ваш хороший друг или близкий родственник, мисс Гардинг?

— И то, и другое, — смеясь и вместе с тем плача, ответила Люси.

— Можно мне узнать его имя?

— Его имя, мистер Дреуэтт? Да ведь это наш Милс, наш дорогой Милс. Разве вы ничего не слышали о Милсе? Ах да! Я совсем забыла, что вы никогда не были у нас в Клаубонни. Но какой приятный сюрприз, Грация?

Мистер Дреуэтт терпеливо выждал, когда окончатся пожимания руки Грации и когда Люси снова заговорит.

— Вы еще что-то хотели сказать, мисс Гардинг?

— Я? Да, правда, я теперь ничего не помню. Не-

ожиданность, радость, простите, мистер Дреуэтт. Да, я хотела сказать, что мистер Милс Веллингфорд — воспитанник моего отца, который также и его опекун, — вы знаете, брат Грации.

— Но позвольте спросить, в каком родстве он находится с мистером Гардингом?

— О! В очень близком. Нет, постойте, я говорю глупости! Ни в каком.

Мистер Дреуэтт был настолько воспитан, что счел нужным удалиться. Он это сделал с таким тактом и достоинством, что я пожалел, что мне было не до того, чтобы хорошенько полюбоваться на него. Мы все впятером уселись на скамейку в одной из наиболее уединенных аллей.

— Мы все время ждали вас, так что вы не врасплох застигли нас! — вскричал мистер Гардинг, хлопая меня по плечу. — Я оттого и согласился приехать в Нью-Йорк, что последнее судно из Кантона известило, что «Кризис» отправляется вслед за ним через десять дней.

— И представьте себе наше удивление, — добавил Руперт, — когда мы прочли: «Кризис», капитан Веллингфорд!»

— Мои письма должны были еще раньше подготовить вас к этому.

— Но вы в них говорили о Мраморе, и мы были уверены, что он примет команду, когда догонит вас.

— Но он, вероятно, рассудил, — несколько самоуверенно сказал я, — что судно не в очень плохих руках.

— Конечно, так, — добродушно ответил Гардинг. — Как же, со всех сторон говорят, что вы делали просто чудеса; одно отнятие у французов «Кризиса» это подвиг, достойный самого Трукстона.

В то время Трукстон был морским идиолом в Соединенных Штатах; он пользовался у нас такой же славой, как Нельсон в Англии.

— Я только исполнял свой долг, — ответил я, опустив глаза и стараясь не смотреть на Люси; но умолчал о том, что французы завладели нашим судном, пока мы спали.

— Однако вы все-таки сумели отнять «Кризис» у французов и сохранить его! — послышался дорогой для меня голос, прозвучавший в моих ушах, как дивная мелодия.

— Да, — возразил я, — мы оказались счастливее своих неприятелей, но надо быть справедливым: мы этим обязаны капитану Ле Конту, любезность которого дошла до того, что он оставил в наше распоряжение шхуну.

— Мне этот факт казался всегда очень странным, — сказал Гардинг. — Тут что-нибудь да кроется под видом великодушия этого француза.

— Вы несправедливы к бедному Ле Конту; то был храбрый моряк с рыцарскими идеями. Может быть, не имея своих пассажиров, он поступил бы иначе; я всегда думал, что он сгорал нетерпением остаться один в обществе мисс Мертон, а потому и постарался как можно скорее отделаться от нас. Он, кажется, безумно любил ее и ревновал ко всем.

— Мисс Мертон?! — воскликнула Грация.

— Мисс Мертон! — повторил Руперт, устремляя на меня любопытный взор.

— Мисс Мертон! Отделаться от нас! Кто же это такие мисс Мертон и мы, от которых хотели отделяться? — спросил мистер Гардинг. Только Люси не проронила ни звука.

— Да разве я вам не говорил в своих письмах, каким образом мы встретились в Лондоне с Мертонами, как я их потом нашел в плену у Ле Конта, наконец, о путешествии их в Кантон на «Кризисе»?

— Да, вы упоминали про одного только майора, но я в первый раз слышу о мисс Мертон.

— Странно, что я забыл рассказать о ней, — вскричал я, стараясь все обернуть в шутку. — Обыкновенно, у молодых людей бывает больше памяти, когда идет речь о барышнях.

— Эта мисс молода, брат?

— Твоих лет приблизительно, Грация.

— И хорошенькая?

— Похожа на тебя.

— А вы нам ничего не сказали о ней до сих пор, — сказал, смеясь, мистер Гардинг.

— Да вы ее завтра увидите, потому что она здесь вместе со своим отцом.

— Здесь! — воскликнули все разом, и голос Люси раздался громче всех.

— Да, разумеется, с отцом и слугами. Не забыл ли я в своих письмах рассказать вам и о последних? Но что вы хотите: у меня всегда было дел по горло, некогда было припоминать все мелочи. У майора Мертонна начинается болезнь печени; в жарком климате ему оставаться запрещено, и вот, не найдя возможности вернуться к себе на родину, он приехал в Соединенные Штаты.

— А долго ли они пробыли на твоём судне, Милс? — с важностью осведомилась Грация.

— У меня на судне? Около девяти месяцев; но если принять в расчет пребывание в Лондоне, Кантоне и земле Мрамора, то наше знакомство длится приблизительно год.

— Однако, братец, долго тебе изменяла память.

Затем наступило невольное молчание, прерываемое расспросами Гардинга о путешествии в Кантон. Так как становилось прохладно, мы встали и отправились к миссис Бадфорт; я сразу заметил, что та дама была очень привязана к Люси. Под ее руководством Люси вращалась в высшем свете, куда мы с Грацией, по своему общественному положению, не могли бы проникнуть; но Грация везде была принята в качестве подруги Люси. Надо сознаться, что обе девушки много выиграли от этого общения.

Дома на меня опять посыпались бесконечные вопросы. Я должен был начать с Адама и долго говорил без умолка.

Между тем о Небе все забыли. Оказывается, что он не отставал от нас и преспокойно сидел себе в кухне у миссис Бадфорт. Когда его позвали к нам, его радости не было границ. Переминаясь с ноги на ногу, он теребил свою

шляпу в замешательстве, что находится перед лицом людей выше себя.

Вечером мы все сели за ужин, который прошел очень весело. В то время было принято говорить за столом тосты, и миссис Бадфорт предложила мистеру Гардингу начать.

— Милая моя миссис Бадфорт, — весело ответил пастор, — если бы не было против всех правил называть присутствующих, то я, конечно, предложил бы тост за ваше здоровье. Но кого я выберу? Позволяете выпить за нового епископа, доктора Мура?

Но тут раздался общий крик: «Не надо епископов!» Тогда, устремив глаза кверху, как бы ища вдохновения в потолке, мистер Гардинг решительно произнес, поднимая свой бокал:

— За здоровье Пегги Перотт!

Это была старая дева, которая ухаживала за больными в окрестностях Клаубонни и была безобразна, как смертный грех. А потому мы все расхохотались.

— Вы хотели, чтобы я предложил тост, а сами теперь смеетесь! — сказал Гардинг полушутя-полусерьезно. — Пегги — прекрасная женщина и одна из самых полезных.

Затем провозгласила тост миссис Бадфорт.

— Пью за моего старого друга, доброго доктора Вильсона! — И этот тост не мог вызвать никакой двусмысленной остроты, так как «добрый друг Вильсон» был достойнейшим пастором, не могущим возбудить иного чувства, кроме уважения и дружбы.

Настала очередь Руперта.

— За здоровье очаровательной мисс Винтроп! — уверенно произнес он, потрясая бокалом, как бы спрашивая нашего мнения.

Винтропы были уважаемая семья из старинной местной аристократии.

— Ты знаешь эту мисс? — тихо спросил я у Грации.

— Не имею никакого понятия. Руперт и Люси знают массу людей, которые мне неизвестны.

Между тем Руперт напомнил Грации, что теперь за

ней речь. Моя сестра нисколько не сконфузилась и после минуты нерешительности сказала:

— За мистера Эдуарда Марстона.

Это было новое имя для всех нас; Марстон бывал иногда у миссис Брандфорт, которая относилась к нему с большой предупредительностью. Я посмотрел на Руперта, какое у него выражение лица, но он оставался так же спокоен, как Грация, когда он называл мисс Винтроп.

— Тебе теперь говорить, Милс! — сказала с улыбкой Грация.

— Мне?! Да я тут ни души не знаю.

— Как! А мы-то! Ну, так вспомни имя какой-нибудь молодой особы!

— Прекрасно! В самом деле, не бесследно же прошли девять месяцев, проведенные на корабле с мисс Мертон, чтобы не упомянуть о ней в эту минуту. Итак, за здоровье мисс Мертон!

Мистер Гардинг задумался при этом. Грация сделалась серьезной. А на Люси я не смел и взглянуть. Но вскоре болтовня возобновилась, и миссис Брандфорт обратилась к Люси, напомнив, что последний тост за ней.

Подумав немного, она произнесла:

— За мистера Эндрю Дреузетта!

Это был тот самый молодой человек, которого я встретил с ней на гулянье. Если бы я знал лучше свет и людей, то прекрасно понял бы, что никто при всех не называл бы любимого человека. Но я был молод, и тост Люси расстроил меня на весь вечер.

А потому я очень обрадовался, когда Руперт напомнил, что уже одиннадцать часов и пора прощаться.

Весь следующий день я употребил на окончание своих служебных дел. Всюду, где бы я ни появлялся, меня встречали, как героя; сознаюсь в своей слабости: лестное мнение обо мне сильно льстило моему самолюбию.

Корабли не более, как доски; моряки не более, как люди; есть земляные крысы и крысы водяные, морские вору также, как вору на суше, — я хочу сказать пираты; затем есть опасность от воды, ветров и рифов. Этот человек по крайней мере предлагает достаточную гарантию. Три тысячи дукатов, — да, мне кажется, я могу принять его предложение.

Шекспир

С Грацией, мистером Гардингом и его детьми мы виделись ежедневно. К Мертонам же я собрался лишь в конце недели. Они, по-видимому, обрадовались мне, и, кажется, мое отсутствие несколько не помешало им устроить свои дела.

Полковник Берклей — таково было имя английского консула — взял их под свое покровительство, затем они стали бывать в высшем обществе.

Итак, моя сестра и молодые особы вращались в кругу, двери которого для меня лично остались закрыты, что для меня было очень прискорбно. Мое неприятное чувство усилилось еще вот почему.

Когда я объявил Эмили, что Грация и Люси в Нью-Йорке и собираются сделать ей визит, она, казалось, не особенно этому обрадовалась.

— Мисс Гардинг — родственница Руперту Гардингу, которого я вчера видела на одном обеде?

Не зная второго Руперта Гардинга, я ответил ей утвердительно.

— Ведь это — сын уважаемого пастора, который пользуется в свете большим почетом?

Этого для меня было достаточно, чтобы удостовериться, что мисс Мертон считает теперь капитана «Кризиса» последней спицей в колеснице.

Раздался звонок, возвестивший о прибытии молодых особ. Сверх моего ожидания, Эмилия приняла их очень

радушно. Она в самых искренних выражениях говорила им об ее признательности ко мне за то, что я спас им жизнь и затем оказал им столько услуг; похвалы, расточаемые мне, доставляли большое удовольствие обоим друзьям. Затем заговорили о Нью-Йорке, о его увеселениях и обществе.

Я заметил, что Люси и Грация были просто поражены, когда узнали, в каком кругу вращалась мисс Мертон, даже они не могли туда проникнуть. Мне же пришлось только слушать молча, так как все, о ком шла речь, были мне незнакомы; я воспользовался этим моментом для сравнения молодых девиц.

Грация и Люси были гораздо грациознее, элегантнее молодой англичанки; но зато у этой — дивный бюст и выдающийся по своей свежести цвет лица. В общем, Люси показалась мне красивее всех; ее красота, более утонченная, выигрывала при дневном свете, тогда как Эмилия была бы очень эффектной при блеске вечерних огней.

Визит продолжался довольно долго, и новые подруги, расставаясь, обещали скоро увидиться вновь. Пожав по-английски руку Эмили, я простился с ней.

— Действительно, дорогой Милс, — сказала Грация, лишь только мы вышли на улицу, — молодая особа, которая тебе столь обязана, просто обворожительна. Она мне очень нравится. А ты, Люси, тоже моего мнения?

— Да, — сказала Люси несколько более сдержанным тоном. — Я редко встречала более красивое лицо и не удивлялась...

— Чему? — спросила Грация, видя, что ее подруга замялась.

— О, я чуть было не сказала глупость, лучше не продолжать. Но какие прелестные манеры у мисс Мертон. Не правда ли, Грация?

— Если сказать правду, то мне именно это не нравится, что ее манеры слишком уж хороши. Все, что не естественно, меня отталкивает.

— Может быть, это нам так кажется; для тех же, кто

привык к таким манерам, было бы неприятно встретить отсутствие таких.

Я знал, в чей огород бросался камешек, и мне трудно было сдержаться, а потому под благовидным предлогом я поспешил уйти от них. На набережной я наткнулся на мистера Гардинга, который меня искал.

— Идите скорей, Милс, — сказал он мне, — я давно вас тут поджидаю, мне необходимо серьезно переговорить с вами. Со всех сторон я слышу о вас только одно хорошее, и я теперь убежден, что вы прекрасный моряк. Это много значит, что вы, в ваши годы, управляли целый год судном, ходящим в Индию. Я только что разговаривал с моим хорошим другом Джоном Мурреем, одним из первых неготиантов Соединенных Штатов, и вот что он мне сказал про вас: «Раз это такой способный малый, надо дать ему ходу: купите ему судно; когда ему придется заботиться о своих собственных интересах, тогда из него выработается дельный человек». Я уже давно подумывал об этом и еще месяц тому назад наметил для вас подходящее судно; если вам улыбается эта идея, то я его куплю для вас.

— Но хватит ли у меня денег на покупку судна, дорогой мой Гардинг?

— Об этом не беспокойтесь; наши акции повысились. Да, кроме того, наверное, и вы сделали еще какие-нибудь сбережения?

— У меня в настоящее время около трех тысяч долларов, не считая тех денег, которые я должен получить в награду. Даже Неб со своим жалованьем и частью наград приносит мне около девятисот долларов в год. Кстати, если бы вы разрешили, я с удовольствием бы дал свободу нашему доброму Небу.

— Подождите своего совершеннолетия, Милс, а тогда поступайте, как вздумаете. Итак, если принять в расчет все наши ресурсы, то мы в данный момент располагаем двадцатью тысячами долларов, а стоимость судна в его настоящем виде пятнадцать тысяч. Пойдите посмотреть его; если оно вам понравится, значит, дело решено.

— Но, мистер Гардинг, разве вы полагаетесь на себя настолько, чтобы оценить судно по достоинству.

— Однако вы плохого обо мне мнения. Неужели же вы могли подумать, что я положился бы на одного себя? Нет, я уже посоветовался со сведущими людьми, знатоками дела, и все они в восторге от моего выбора.

— В таком случае, идемте; я сам посмотрю корабль и скажу вам свое мнение. Мне необыкновенно улыбалась мысль быть хозяином самому себе.

В то время за пятнадцать тысяч долларов можно было приобрести прекрасное судно. То, которое я осмотрел для себя, было все обито и скреплено медью и вмещало пятьсот тонн. Оно имело скорый ход и ко всему этому было построено в Филадельфии, что в 1802 году придавало ему особенную цену. Оно уже совершило плавание в Китай, называлось «Авророй»; на носу его красовалось изображение богини.

Результатом моего осмотра «Авроры» и тех сведений, которые я собрал о ней, было то, что мы в конце недели купили судно.

И в тот же день, как я вступил во владение «Авророй», ко мне явились уже с различными предложениями в разные места. Мне пришлось выбирать между Голландией, Францией, Англией и Китаем. Посоветовавшись с опекуном, я остановился на Франции. Там я мог скорее всего выиграть в денежном отношении и заодно ознакомиться со страной. В качестве лейтенантов я пригласил к себе Талькотта и еще одного филадельфийца, Вальтона, и мы приступили к погрузке.

А пока я намеревался посетить Клаубонни и поселиться там по этому случаю. Все наши обрадовались моему предложению, исключая Руперта.

Я также предложил Мертонам погостить у нас на ферме. Эмилия, которая чувствовала себя в блестящем обществе как рыба в воде, с удовольствием согласилась приехать к нам, что меня очень удивило.

Когда все приготовления были окончены, я попросил Руперта не расстраивать нашей компании, зная, что его будет недоставать Грации и Люси.

— Милый друг, Милс, — ответил мне, зевая, молодой юрист. — Бесспорно, Клаубонни прелестное местечко, но после Нью-Йорка оно невыносимо. Мы здесь ни в чем не нуждаемся. Миссис Брандфорт так любит нас и заботится о нас. Вот уже два года, как она дает мне по шестьсот долларов, Люси она делает поистине царские подарки.

Это открытие крайне поразило меня, так как Руперт, оказывается, не стесняясь, пользовался в то же время тем кредитом, который я ему устроил перед отъездом у моих судовладельцев.

— Очень жаль, что вы не едете с нами, — сказал я, — так как я рассчитывал, что и Мертонам будет веселее в вашем обществе.

— Мертонам! Но неужели они поедут на лето в Клаубонни?

— Они едут с нами завтра. Но что же тут удивительного?

— Но, Милс, вы ведь знаете, что англичане помешаны на этикете, на приличиях.

— Правда, Клаубонни не княжеская резиденция, однако там жить можно. У нас есть ферма, мельница, старинный прочный и удобный дом.

— Верно, верно, любезнейший, и я все это сам люблю, но вы знаете, молодые люди предпочитают произведения фермы пребыванию на ней, а в особенности англичанки. Но видите ли, майор Мертон заслуженный офицер, это ему дает вес в обществе; даже король определяет своих сыновей в морские и сухопутные армии, чем профессия возвышается. Понимаете ли вы это?

— Да мне какое дело до того, что вздумается королю делать из своих сыновей!

— Дело в том, милейший, что мы с вами слишком долго оставались детьми. И теперь мы отстали от света.

— Зло, напротив того, в том, что настоящие дети слишком рано воображают себя взрослыми людьми.

— Вы не понимаете меня. Я хочу сказать, что мы поспешили выбрать себе карьеру. Я еще вовремя сознал свою ошибку, вы же упорствуете, и это ваша вина.

— Я согласен, что вы были правы одуматься, так как из вас вышел бы прежалкий моряк.

Я думал задеть его за живое, но Руперт ни капли не обиделся.

— Да я сумел выбрать себе приличное занятие. И вы сделали бы лучше, если бы вместо катанья по морям стали изучать право; теперь вы добились бы известного положения в свете.

— Я в восторге, что ничего для этого не сделал. Какая мне была бы от того выгода?

— Какая выгода, милейший? Да ведь здесь не Европа. В нашей стране армия и флот ровно ничего не значат. У нас играют роль три профессии: богословие, право и медицина. Но про последнюю мисс Мертон сказала совершенно правильно: «Бросьте медицину на съедение псам».

— Как, мисс Мертон? Да ведь это слова Шекспира.

— Да, но также и мисс Мертон. Кстати, Милс, единственно, что вы извлекли хорошего из всех ваших путешествий, это знакомство с таким милым созданием, как мисс Мертон. Ее взгляды удивительно правильны.

— Разве мисс Мертон говорила с вами о моей профессии?

— Как же, не один раз, и всегда с сожалением. Вы сами отлично знаете, что моряк, не состоящий в военном флоте, не важная шишка.

Я так и покатился со смеху. Моя честная, благородная профессия, которой я так гордился, казалась Руперту недостойной. Я насилу овладел собой, чтоб ему ответить:

— Послушайте, Руперт, во всяком случае я надеюсь, что мисс Мертон не обвиняет меня в намерении рисовать-ся в ее глазах.

— Мисс Мертон — англичанка, и она ценит вас главным образом за ваши земли, о которых составила себе превратное понятие, но я объяснил ей все.

— А, вот что! Но мне бы хотелось знать, как вы ей объяснили?

Руперт вынул изо рта сигару, выпустил несколько клубков дыма, задрал нос кверху, как бы наблюдая за

ходом небесных светил, и, наконец, соблаговолил ответить мне:

— Очень просто, милейший. Я ей сказал, что Клаубонни не поместье, а ферма. Затем я выяснил, как у нас смотрят на фермеров. Эмилия умная девушка и поняла меня с полуслова.

— Показала ли чем-нибудь мисс Мертон, что эти объяснения унизили меня в ее глазах?

— Нисколько. Она вас очень уважает и считает удивительным моряком, вторым Нельсоном, Трукстоном.

— Ну, а Люси Руперт?! Неужели ей хотелось бы видеть меня адвокатом?

— Без всякого сомнения; разве вы забыли, как она плакала вместе с Грацией при вашем отъезде. Это оттого, что вы выбрали себе такую жалкую карьеру.

— Ваше последнее слово, Руперт, — резко спросил я, — едете вы в Клаубонни или нет?

— Раз вы говорите, что там будет мисс Мертон, то я должен ехать.

Предупредив Руперта, что мы отправляемся рано утром, я оставил его с чувством отвращения и досады.

В назначенный час все собрались, и мы поплыли по Гудзону на «Веллингфорде» с необыкновенной быстротой. Мертонны восхищались представлявшимися пейзажами. К двенадцати часам мы уже подъезжали к мельнице. Я, по долгу гостеприимства, предложил Эмилию руку; Руперт пошел один. Люси же я был очень недоволен, чтобы быть любезным с ней. Вскоре перед нами показалось все Клаубонни.

— Ах, какая прелесть это Клаубонни! — воскликнула Эмилия. — Гораздо красивее, чем вы его мне описывали, мистер Руперт.

— О, я всегда справедлив ко всему, что принадлежит мистеру Веллингфорду; мы ведь с ним были всегда так дружны.

Что же касается мистера Гардинга и Люси, они так сияли от радости, что мы все вместе в Клаубонни. Мой опекун, не стесняясь присутствия мисс Мертон, начал говорить мне о делах, о результатах его хлопот.

— Я надеюсь, Милс, — сказал он, — что вы не разрушите этого дорогого старого дома с целью выстроить новый?

— Сохрани меня Бог, дорогой мой друг. Такая безумная мысль могла прийти мне в голову, когда я был ребенком; теперь же я рассудительнее. А что думает Люси по этому поводу? Нравится ли ей дом в настоящем виде?

— Этот вопрос решит когда-нибудь миссис Веллингфорд! — ответила она, уклоняясь от вопроса.

Мне так хотелось поймать взгляд Люси; я нагнулся вперед, но она отвернула голову. Мистер Гардинг подхватил ее слово на лету.

— Нет, серьезно, Милс, ведь уж теперь пора подумать о вашей женитьбе. Но не советую вам выбирать себе в жены женщину, которая заставит вас бросить Клаубонни; значит, она будет без сердца. Подумайте, ведь здесь все напоминает вам жизнь ваших незабвенных родителей, радости их и огорчения!

Затем последовали наши общие воспоминания всего, что произошло здесь в течение сорока лет, и пастор торжественно закончил: «Так смотрите же, Милс, не женитесь на такой женщине!»

Г л а в а   X X I I I

*Если тебя ценят за то почтение,
которым ты пользуешься, то этого до-
статочно; но это достаточно
может и не простирается на даму.*

«Венецианский купец»

На следующий день рано утром я уже был на ногах и вместе с Грацией отправился в сад, где мы нашли Люси. Наша ранняя встреча воскресила в памяти прежние веселые дни, не хватало только Руперта для пополнения картины.

— Я никак не ожидала найти тебя здесь, мисс Люси,

за истреблением недоспелой смородины, — сказала Грация. — Еще не прошло двадцати минут, как ты была у себя в комнате, совсем еще не одета.

— Зеленые фрукты Клаубонни для меня вкуснее зрелых, купленных на противных рынках Нью-Йорка! — вскричала Люси с жаром.

Грация ответила:

— Как жаль, что Милс не разделяет наших вкусов, предпочитая море мирному пребыванию в этом месте, где так долго жили наши отцы. Ведь правда, Люси?

— Мужчины созданы не так, как мы, женщины; когда мы любим что-нибудь, то уж мы любим от всего сердца. Нет, мужчинам приятнее искать приключения, терпеть крушения, быть брошенными на пустынном острове, чем жить спокойно у себя дома.

— Да, мне нисколько не удивительно, что брата прельщают необитаемые острова, на которых он находит попутчиц вроде мисс Мертон.

— Имейте в виду, милая сестрица, что, во-первых, земля Мрамора — не пустынный остров, а во-вторых, я с ней познакомился в Лондоне, в Гайд-Парке.

— Странно, Люси, что Милс и тогда нам ничего не сообщил. А кажется, чего же проще рассказать своим друзьям о такой вещи, как спасение жизни молодой особы?!

Грация говорила без задней мысли, но, несмотря на это, нам стало не по себе. Люси не сказала ни слова. Я сделался задумчив и мрачен; разговор не клеился, и мы поспешили воротиться домой.

Мистер Гардинг, поговорив со мной о хозяйстве, которое он привел в блестящее состояние, завел снова речь о моей женитьбе.

— А разве у вас есть кто-нибудь в виду для меня? — спросил я его, смеясь; ответ его очень интересовал меня.

— А что вы скажете о мисс Мертон? Она хороша собой, умна и прекрасно воспитана; к тому же она, как мне кажется, милая.

— Что вы подразумеваете под «милой» женщиной?

— Вы мне задаете очень щекотливый вопрос, требу-

ющий обдуманного ответа. Эта женщина, в которой нет эгоизма, которая думает о себе меньше, чем о других, или, вернее, счастье которой состоит в счастье любимого человека. Доброе сердце, твердые правила, вот качества милой женщины, хотя и характер играет тут не последнюю роль.

— Но не знаете ли вы хоть одну такую?

— Да ваша сестра, например; этот ребенок и мухи-то, кажется, никогда не обидит.

— Но согласитесь, дорогой опекун мой, что на Грации не могу же я жениться.

— Очень жаль, что она ваша сестра, лучшей жены для вас я бы не мог найти.

— Подумайте хорошенько, может быть, ваш выбор еще на ком-либо остановится.

— Я говорил вам сейчас о мисс Мертон, хотя я ее не настолько знаю, чтобы обвенчать вас с ней с закрытыми глазами. Вчера еще мы говорили об этом с Люси... Но посмотрите-ка на эти дивные колосья! Жатва будет обильная! И все это по совету старика Гирама, дяди Неба, что я согласился посеять пшеницу на этой равнине и посадить картофель на холме. Удивительно, что такая идея пришла негру!

— Но ведь вы не dokonчили, о чем вы начали говорить с Люси?

— Да, правда; конечно, вам приятнее, чтобы я говорил о мисс Мертон, чем о картофеле. Я непременно скажу это Люси.

— Надеюсь, что вы этого не сделаете! — вскричал я в тревоге.

— Отчего же нет, скажите, пожалуйста? Разве есть преступление в добродетельной любви? Напротив, я все это поясню ей, так как, знаете ли, Милс, Люси любит вас наравне со мной. А, молодой человек, вы изволите краснеть!

— Умоляю вас, оставьте мою красноту, продолжайте, что же вы сказали Люси?

— Я ей говорил... я ей говорил... одним словом, я ей сказал, что весьма естественно, что, проведя столько

времени наедине с мисс Мертон на пустынном острове и у вас на судне, вы полюбили друг друга. Хотя есть разница в происхождении.

— И в положении тоже.

— Как в положении? Но я в этом отношении не вижу никакого препятствия к вашему союзу.

— Она дочь офицера английской армии, я же просто владелец судна.

— Однако! За вами Клаубонни, «Аврора» и капитал.

— Я полагаю, что этого недостаточно; чтобы иметь вес в обществе, мне нужно было изучить право.

— И между юристами найдется немало дураков, Милс. И я вовсе не с этой целью хотел заставить вас избрать адвокатуру, когда вы оба были молоды.

— Руперту нечего было заботиться создавать себе положение: он уже имел его, как сын уважаемого пастора. Я — дело другое.

— Милс, что за мысль вам пришла в голову?! Да уж если на то пошло, так Руперт скорей может завидовать вам, чем вы ему.

— Я убежден, что Руперт и Люси прекрасно сознают свое превосходство надо мной.

— Ну, полно, друг мой, что попусту терять слова; из Руперта, к сожалению, вышло не то, что я хотел, а Люси любит вас, как родного брата.

Мы переменили тему разговора; мне было неприятно, что добрый пастор невольно поселил недоразумение между своей дочерью и мной.

За обедом я с удовольствием заметил, что Грация сделала большие успехи в хозяйстве. Наш стол был накрыт на славу; ничто не могло шокировать Мертонов. Грация с достоинством и спокойствием угощала гостей.

Эмилия казалась вполне удовлетворенной вниманием, с которым к ней относились; Люси повеселела.

После обеда мистер Гардинг и майор остались за столом поболтать и распить бутылку мадеры. Молодежь же отправилась в сад. Лишь только наша группа расположилась, я исчез на минутку и тотчас же вернулся.

— Грация, — сказал я, — я еще не успел вам ничего сказать о жемчужном ожерелье, которое...

— О, да, мы с Люси знаем все, — ответила Грация с необычайным спокойствием. — Если мы не просили показать нам его, то это потому, чтобы ты не обвинил нас в любопытстве.

— Как, вы знаете, но от кого?

— А, это другой вопрос. Пожалуй, мы и ответим на него, когда увидим ожерелье.

— Нам сказала мисс Мертон, Милс, — ответила моя дорогая Люси, видя, что меня мучила неизвестность.

— Мисс Мертон! Значит, мой секрет выдан! Прощай приятный сюрприз.

Хотя я старался все обернуть в шутку, но все заметили, что я обиделся. Эмилия закусил губу. Грация стала за нее заступаться.

— И прекрасно сделала мисс Мертон. Довольно с нас этих сюрпризов. Однако где же ожерелье, Милс?

— Да вот оно! Теперь сознайтесь, что вы еще никогда не видели ничего подобного.

Лишь только я раскрыл футляр, все пришли в восторг. Решено было, что во всем Нью-Йорке не сыскать такой прелести. Я тогда заметил, что я сам вытащил эти жемчужины из глубины моря.

— Как они дороги вследствие этого! — тихо и просто проговорила Люси.

— Однако дешево же они вам достались, не правда ли, мисс Веллингфорд? — добавила Эмилия тоном, который мне не понравился.

— Конечно, но, как говорит Люси, для нас оно тем ценнее.

— Если мисс Мертон согласится забыть мое обвинение в измене и померить ожерелье, то вы тогда можете судить, до какой степени оно красиво на прекрасной шее.

Грация присоединилась к моей просьбе, и Эмилия согласилась померить. Мы просто не знали, чем любоваться — жемчугом или белизной кожи Эмилии.

— О, как они теперь хороши! — воскликнула Люси в

полном восторге. — О, мисс Мертон, вы бы всегда носили жемчуг!

— Ты хочешь сказать, этот жемчуг, — заметил Руперт, всегда очень щедрый на чужой карман. — Ожерелье как раз на своем месте, его никогда не следовало бы снимать отсюда.

— Мисс Мертон знает его предназначение, — весело сказал я, — а также и условия собственника.

Эмилия расстегнула ожерелье, не торопясь положила его перед собой и долго смотрела на него молча.

— Какое же это назначение и каковы твои условия, Милс? — спросила Грация.

— Чего ты спрашиваешь? — сказала Люси. — Конечно, оно приготовлено для тебя. Разве можно для него найти лучшее назначение?

— Вы ошибаетесь, мисс Гардинг. Грация простит мне на этот раз эгоизм. Это ожерелье будет принадлежать не мисс Веллингфорд, а миссис Веллингфорд, если таковая будет существовать. Но у меня, *mesdames*, есть про запас еще целая коробка жемчуга, вы меня очень осчастливите, если позволите разделить его между вами.

— Что ж, мы не так горды, — смеясь, сказала Грация, — чтобы пренебречь щедростью вашей милости. Мы сделаем три билетика и вытащим на счастье. Тут некоторые замечательно хороши!

— Тебе, а может быть, и Люси обладание ими может доставить удовольствие, так как я их сам доставал. А для мисс Мертон они будут иметь другое значение.

— Какое же?

— Как воспоминание об избегнутых опасностях, о пребывании на земле Мрамора и о многих сценах, которые спустя несколько лет покажутся ей сном.

— В таком случае, я возьму себе только одну жемчужину, если мисс Веллингфорд выберет за меня.

— Ну, нет, — сказала Грация своим милым голоском, — возьмите одну на память о Милсе, а пять на память обо мне, а то у вас и кольца не выйдет.

— С удовольствием; но поверьте, что незачем иметь

сувенир, чтобы помнить, чем мы с отцом обязаны капитану Веллингфорду.

— Руперт, — обратилась к нему Грация, — у тебя хороший вкус, помоги-ка нам выбрать.

Руперт не заставил себя упрашивать. Он любил вмешиваться в подобные вещи.

— Посмотрите, мисс Мертон. Разве мой выбор плох? Завидую тем, кого вы будете вспоминать, глядя на это кольцо.

— Вы будете в числе их, господин Гардинг, так как вы немало постарались для меня и при этом выказали столько вкуса, я этого не забуду.

Я хорошо не понял, что она этим хотела сказать, но Руперт покотился со смеху.

— Видите, дорогой Милс, что значит не принадлежать к сословию адвокатов. Дамы не ценят достоинства дегтя.

— Я это заметил, — сухо ответил я, — но может быть, мисс Мертон уж чересчур насмотрелась на нашу профессию.

Эмилия промолчала. Все ее внимание было устремлено на жемчуг, и мои слова пролетели мимо ее ушей. Я окончил дележ.

— Но что мы теперь сделаем? Будем тащить жребий или вы положитесь на меня?

— Решай за нас, — сказала Грация. — Обе части равные.

— Ну, хорошо, вот ваша часть, Люси, а вот твоя, Грация.

Грация вскочила со своего места, обвила мою шею руками и крепко начала целовать, как она всегда благодарила меня, будучи ребенком, за малейший пустяк, Люси же, пробормотав несколько слов, не тронулась с места. Эмилию утомила эта сцена. Сказав, что вечер дивно хорош, она предложила пройтись, на что Руперт и Грация с радостью согласились. Люси ждала, пока ей принесут шляпу; я же отказался от прогулки под предлогом, что мне необходимо написать несколько писем.

— Милс, — позвала меня Люси, протягивая мне коробочку с жемчугом.

— Вы хотите, чтобы я спрятал их, Люси?

— Нет, Милс, не для меня, но для вас самих, для Грации, для миссис Милс Веллингфорд, если хотите.

В голосе ее в эту минуту не слышалось совершенно никакой иронии; она просто обращалась ко мне с этой просьбой.

— Я, быть может, невольно огорчил вас чем-нибудь, Люси? — сказал я, смутившись.

— Рассудите, Милс; мы более не дети, а в наши годы надо быть осмотрительнее. Этот жемчуг — слишком ценный подарок, и, наверное, отец не одобрил бы меня, если бы я приняла его от вас.

— И это вы так говорите со мной, Люси?

— Да, дорогой Милс, — ответила бедная девочка, стараясь улыбнуться сквозь слезы. — Берите же скорей ваш жемчуг, и мы останемся такими же добрыми друзьями, как прежде.

— Если я вам предложу один вопрос, Люси, ответите ли вы мне на него откровенно?

Люси побледнела и задумалась.

— Чтобы я ответила, надо же сперва предложить его.

— Так как вы пренебрегаете моими подарками, то, наверное, у вас больше нет того медальона, который я вам дал на память перед отъездом?

— Извините, Милс, я сохранила его и не расстанусь с ним всю жизнь; это воспоминание о счастливых днях нашего детства, а потому он для меня навсегда будет дорог.

— Покажите мне этот медальон.

Люси сразу сделала быстрый жест, как бы намереваясь достать его, но вдруг остановилась, сильно покраснев.

— Я понимаю, — сказал я, — у вас его больше нет и вам тяжело в этом сознаться.

Медальон тогда находился у самого ее сердца, а потому она и сконфузилась, но я ничего не знал. Если бы я настоял, то она показала бы мне его, но уязвленное

самолюбие удержало меня. Я взял коробку, которую она протягивала мне, с трагическим жестом. Она пристально посмотрела на меня. Видно было, как она была взволнована.

— Вы не сердитесь на меня, Милс? — сказала она.

— Вы меня очень обидели, Люси. Вы видели, что даже Эмилия Мертон не отказалась принять от меня подарок.

— Она долго отказывалась от него, и если она уступила, то только потому, что провела с вами много времени при таких тяжелых обстоятельствах...

Люси так и не решилась окончить фразу.

— Люси, — сказал я, — когда я уезжал с Рупертом в первый раз, вы отдали мне свое маленькое сокровище, все ваше достояние.

— Да, Милс, и от всего сердца; мы тогда были молоды, и вы всегда выказывали относительно меня столько доброты, что с моей стороны было бы неблагодарностью поступить иначе; но теперь мы больше не нуждаемся во взаимной помощи.

— Очень может быть, но я никогда не забуду эти дорогие для меня золотые монеты.

— А я — своего медальона. И вам нечего обижаться, я исполняю просьбу нашей доброй родственницы, миссис Брандфорт: никогда не принимать ни от кого подарков, кроме нее.

Как бы мне было приятно, если бы Руперт позависовал у своей сестры хоть частицу ее щепетильности. Ведь он, невзирая на неудовольствие своих родных, черпал деньги одновременно из двух источников!

Лишь только жемчуг оказался в моих руках, Люси тотчас же исчезла.

Я решил в тот же вечер поговорить с Грацией откровенно и выяснить для себя то, что меня интересовало более всего на свете, а именно намерения Эндрю Дреузетта. Как я жалел, что, благодаря влиянию миссис Брандфорт, Люси стала такой самостоятельной личностью; мне казалось, что вследствие этого между нами вырастала пропасть.

Ваше имя, упомянутое внезапно, несколько похвал, высказанных вашим дядей о вашем поведении, известие о вашем возвращении — вызвали краску на ее похудевшие щеки и возвратили на мгновение весь блеск ее глазам.

Г и л ь г а у з

Мне не трудно было исполнить свое желание. В Клаубонни имелся зал, которым пользовались хозяева дома в исключительных случаях. Чтобы предупредить Грацию, я сунул ей в руку записочку со словами: «Ровно в шесть, в семейном зале».

Надо было обдумать то, что я предполагал сказать ей и как начать столь щекотливый разговор. До сих пор мы с Грацией никогда не говорили о серьезных вещах.

Войдя в зал, я увидел, что Грация уже ждала меня. Она сидела на диване спиной к окну; в ее глазах выражалось любопытство. Я сел рядом с ней, обняв ее за талию, и привлек к себе. Опустив голову ко мне на грудь, она заплакала как ребенок. Я сам не мог овладеть собой от волнения, и так прошло несколько минут в глубоком молчании. Всякое объяснение было бы тут излишне; я видел насквозь мысли моей сестры, да и она понимала, какие чувства волновали меня. Наконец Грация подняла голову.

— Ты с «тех пор» никогда не был в этом зале? — спросила она.

— Нет, не был. И сколько лет прошло после того, особенно для нас!

— Милс, но ведь ты не бросишь Клаубонни? И мы никогда не разрушим эту священную комнату.

— Не беспокойся, Грация. Для меня Клаубонни теперь дороже еще, чем когда-либо, так как самые мои лучшие воспоминания связаны с ним.

Грация высвободилась из моих рук и в то же время пристально и испуганно посмотрела на меня. Затем сказала, пожав мою руку:

— Милый брат, ты еще слишком молод, чтобы так рассуждать, — при этом я в первый раз заметил в ней такое грустное выражение лица, — слишком молод для мужчины; женщины — дело другое. Мне кажется, что нам всем суждено одно страдание.

У меня не хватило духу ответить, так как я подумал, что Грация сейчас станет говорить о Руперте. Несмотря на нашу нежную дружбу, мы никогда ни одним намеком не затрагивали наших отношений к Руперту и Люси. Итак, нам теперь предстояло заглянуть в самые сокровенные уголки наших сердец; но когда пришла решительная минута, мы заговорили о другом.

— О! Ты не знаешь жизни, Грация, — сказал я с напускным равнодушием. — Сегодня — всюду свет, а завтра — мгла. Я, вероятно, никогда не женюсь; а потому Клаубонни перейдет к тебе и твоим будущим детям. Тогда делайте с домом, что хотите.

— Но я надеюсь, что ты не стыдишься своего Клаубонни. А что касается твоей женитьбы, это вопрос еще не решенный. Мы не можем знать будущего.

Видя мое волнение, она добавила:

— Станем лучше говорить о чем-нибудь другом. Скажи же, Милс, зачем собственно ты позвал меня сюда?

— Зачем? Ты ведь знаешь, что я уезжаю на будущей неделе, и мне надо кое-что сообщить тебе, чего я не могу сделать, когда ты вечно окружена посторонними людьми, как Мертонами и Гардингами.

— Посторонними, Милс! С каких это пор Гардинги стали для тебя чужими?

— Я хочу сказать, что я их не считаю принадлежащими к нашей семье.

— А нашу дружбу с ними с самого детства ты считаешь ни за что? Да я не помню того времени, когда бы я не любила Люси, как родную сестру.

— Я вполне разделяю твои чувства; Люси прекрасная девушка. Но теперь положение Гардингов изменилось с того момента, как миссис Бадфорд вдруг вспыхнула к ним страстью!

— Вдруг, Милс? Но ты забыл, что она их близкая

родственница, что мистер Гардинг законный наследник миссис Бадфорт и что вполне естественно, что эта женщина оказывает внимание тем людям, которые имеют равные с ней права на ее средства.

— И Руперт тоже — в числе ее наследников?

— Мне кажется, и я боюсь, что сам Руперт слишком рассчитывает на это. Конечно, и Люси не будет забыта. Она — любимица миссис Бадфорт, которая мечтала даже удочерить ее, чтобы никогда с ней не расставаться. Ты сам знаешь, какая Люси добрая и преданная, ее невозможно не полюбить! Только мистер Гардинг не согласился отпустить от себя дочь, и миссис Бадфорт уступила с тем, чтобы Люси проводила у нее в Нью-Йорке каждую зиму. Руперт кончил изучение права, и теперь устраивается там в ожидании вступления в адвокатуру.

— И, конечно, как только стало известно, что Люси — наследница богатой тетки, ее шансы на приискание женихов возвысились?

— У Люси и без того слишком много достоинств, и хотя она не откровенничала со мной, но я догадываюсь, что она уже отказалась от одной партии два года тому назад и от трех — нынешнюю зиму.

— В том числе и Дреуэтту? — спросил я с такой поспешностью, что Грация удивилась и грустно улыбнулась.

— Думаю, что нет. Иначе он не считался бы ее женихом. Люси слишком правдива, чтобы поселять в душе человека сомнения. А ухаживания мистера Дреуэтта начались совсем недавно, так что она еще не имела времени ему отказать. Кстати, тебе, конечно, известно, что мистер Гардинг пригласил его сюда?

— Сюда? Эндрю Дреуэтта? Зачем это?

— Я слышала, как он сам просил у мистера Гардинга позволения приехать. А ведь наш опекун — сама доброта и кротость; конечно, он не мог отказать; тем более, что он очень любит мистера Дреуэтта; и, по правде сказать, это действительно достойный и талантливый молодой человек. Одна из его сестер, выходя замуж, породнилась с лучшими семьями, живущими на той стороне Гудзона; каждое лето он навещает ее и теперь, без сомнения, воспользуется соседством, чтобы приехать в Клаубонни.

Я негодовал в душе; но вскоре рассудок взял верх. В самом деле, мистер Гардинг имел полное право приглашать к нам кого угодно до моего совершеннолетия.

— Знала ли ты тех господ, которым отказала Люси? — спросил я спокойным тоном, помахивая тросточкой и даже посвистывая.

— Да ведь я тебе сказала, что Люси не поверяла мне своих тайн. Миссис Бадфорт шутила иногда со мной насчет претендентов Люси, но и она тоже не знала ничего положительного.

— А, вы смеялись! Прекрасно. Хороша шутка над несчастным человеком, который мучается.

— Твое замечание справедливо, Милс, — сказала Грация, переменяя тон. — Но все-таки мне кажется, что мужчины в этом отношении менее чувствительны, чем женщины.

— Миссис Бадфорт помешана на свете, а мы не привыкли к этому обществу.

— Ты прав, Милс. Но наш добрый мистер Гардинг, как мог, подготовил нас для вступления в свет, а потом я удостоверилась, что чем выше стоят люди в общественном положении, тем они менее требовательны и менее склонны к осуждению.

— А претенденты Люси и она сама?

— Что, «она сама»?

— Да, как ее принимали? Ухаживали ли за ней? Обращались ли с ней, как с равной? А тебя лично?

— Люси была всюду принята, как бы родная дочь миссис Бадфорт; а обо мне, кажется, наверное, не знали, кто я такая.

— Дочь и сестра капитанов торговых судов! — сказал я с горечью.

— Да, и я этим очень горжусь, — с чувством ответила Грация.

— Грация, я хочу предложить тебе один вопрос, даже считаю это своей обязанностью.

— Если это так, то будь уверен, что получишь немедленный ответ.

— Не было ли между этими прекрасными господами

и слащавыми дамскими ухаживателями таких, которые предлагали тебе руку и сердце?

Грация рассмеялась и вся покраснелась. О! Как она была хороша в эту минуту; я не сомневался, что и она отказалась не от одной партии. Я торжествовал при мысли, что она показала этому «бомонду», что недостаточно попросить руки девушки из Клаубонни, чтобы тотчас же и добиться ее. Замешательство Грации говорило красноречивее слов.

— Ну, хорошо, я не стану приставать к тебе, раз тебе так трудно ответить, я сам догадываюсь. Но вот ты мне что скажи; каковы состояние и положение этого мистера Дреуэтта?

— И то, и другое порядочные, судя по тому, как рассказывают. Он даже слышит за богача.

— Слава тебе, Господи! По крайней мере, хоть этот-то добивается руки Люси не из корыстных целей.

— Да, это так естественно полюбить Люси ради нее самой. Даже искатели приданого не устояли бы против ее обаяния. Но мистер Дреуэтт — выше подобных расчетов.

— Но ты мне ничего не сказала, Грация, благосклонно ли относится Люси к ухаживаниям этого господина?

— Но что я могу тебе ответить, Милс? — сказала она. — Который раз я тебе повторяю, что я действительно ничего не знаю об ее сердечных делах.

Наступило молчание, тягостное для нас обоих.

— Грация, — сказал я, наконец. — Я вовсе не завидую Гардингам, что им предстоит богатство. Но мне кажется, что не будь этого, наши отношения с ними были бы гораздо сердечнее и мы все чувствовали бы себя счастливее.

Моя сестра вся задрожала и побледнела.

— Отчасти ты прав, Милс, — сказала она после маленькой паузы, — но надо быть справедливым. Зачем нам желать, чтобы наши старые друзья, те, которые так близки нам, дети нашего бесценного опекуна, были бы менее богаты, чем мы? Ведь им только не хватало одних денег, чтобы занимать в стране первенствующее место. Неужели же мы такие эгоисты, чтобы завидовать их

счастью? Да в каком бы положении Люси ни была, она всегда останется той же Люси, а Руперту, столь щедро одаренному природой, явится возможность выдвинуться из толпы!

В Грации было столько веры и нравственной чистоты, что я не решился разочаровывать ее. Она начинала сомневаться в своем кумире, это было очевидно; но ее чистая и правдивая душа не допускала, чтобы ее мог обманывать тот, кого она любила так долго.

Обменявшись еще несколькими фразами, мы с Грацией расстались еще большими друзьями, чем прежде.

Никогда еще сестра моя не казалась мне столь дорогим существом, достойным самой искренней привязанности.

Настала вторая половина недели. Я целыми днями пропадал в полях, чувствуя себя неловко в обществе Люси. Мистер Гардинг взялся занимать майора; оба старика сразу понравились друг другу. Они почти во всем сходились во взглядах. Оба любили святую епископальную церковь, оба не любили Бонапарта, — майор ненавидел его, но мой опекун никого не мог ненавидеть, он только не одобрял действий Бонапарта. И тот, и другой высоко ставили Питта и верили, что французская революция произошла вследствие пророчеств и вмешательства дьявола.

Однажды, возвращаясь с Небом от мельницы, я спросил его, намеревается ли он отправиться со мной на «Веллингфорде», а затем идти в плавание на «Авроре».

— Конечно, хозяин. Как же это вы могли думать отправляться в море, а негра оставлять дома?

— Ладно, Неб, я согласен, но это в последний раз. Сделавшись же совершеннолетним, я тебе вручу акт, дающий вам свободу.

— Какой акт?

— Акт, который даст вам право быть самому хозяином, свободным человеком. Разве ты ничего не слышал о свободных неграх?

— Да, несчастные люди они. Когда вы захотите сделать Неба свободным негром, скажите мне об этом.

— Странно, Неб. А я полагал, что все невольники жаждут свободы.

— Может быть, да, может быть, и нет. Какая же выгода, хозяин, в свободе, когда и сердце, и тело довольны так, как они есть? Сколько лет род Веллингфордов живет здесь?

— Сколько? Сто лет, приблизительно; для большей точности, ровно сто семь лет.

— А род Клаубонни с каких пор?

— На этот вопрос мне труднее ответить. Пожалуй, лет восемьдесят, а может быть, и все сто.

— И что же? Разве за все это время нашелся хоть один из Клаубонни, который захотел бы свободы? Ну, представьте меня свободным, что вам из этого? Нет, нет, хозяин Милс, я принадлежу вам, а вы — мне, и мы оба принадлежим друг другу.

Вопрос этот пока был решен, и я больше ничего не сказал. Отдав Небу приказание приготовить все к завтрашнему дню, я пришел проститься с моими друзьями. Уже третий раз покидал я кровлю своих предков. Майор с Эмилией предполагали пробыть здесь до июня, а затем отправиться на воды. С мистером Гардингом я провел целый час; на прощанье он, по обыкновению, благословил меня, пожелав всех благ земных. Я не решился подойти к Люси и поцеловать ее, как прежде; в первый раз мы расставались так холодно. Все же она протянула мне руку, которую я крепко пожал. Грация же разрыдалась у меня на груди; с майором и его дочерью мы обменялись дружеским рукопожатием, обещаясь встретиться в Нью-Йорке по моем возвращении. Руперт проводил меня до шлюпки.

— Пишите, Милс! — сказал мне друг детства. — Меня крайне интересует Франция и французы, очень возможно, что скоро я и сам побываю там.

— Вы сами! Если вас так интересует Франция, поедете со мной? У вас там дела?

— Нет, я поеду ради удовольствия. Моя прелестная кухня находит, что путешествие придает некоторый вес в обществе, и, кажется, она хочет сделать из меня атташе посольства...

Руперт Гардинг, не имевший когда-то ни одного су за душой, говорил теперь о путешествии, о видном месте! У меня даже закружилась голова. К счастью, он скоро ушел, и я тотчас же распустил паруса. Плывая вдоль берегов нашей бухты, я посматривал на кусты, не увижу ли среди них хотя Грацию. Надежда не обманула меня. Она пришла вместе с Люси на стрелку, которую мы должны были объехать. Как только они увидели шлюпку, то замахали платками, я же посылал им воздушные поцелуи; на большом расстоянии делаешься более смелым.

В это время мимо нас прошла лодка на парусах, в ней стоял господин, который тоже махал платком, пока я целовал свои пальцы. Я сразу узнал в нем Эндрю Дреуэтта; он направил лодку прямо на стрелку, и минуту спустя я видел, как он вышел на землю и затем раскланивался с Грацией и Люси. Лодка его поехала дальше, по всей вероятности, с багажом своего хозяина, и когда я их потерял из вида, Дреуэтт со своими спутниками направлялся в Клаубонни.

Г л а в а   Х Х V

По мере того, как усиливается буря, твое сердце вооружается тройной броней, и ты бежишь на берег, чтобы посмотреть на благородный военный корабль, бросающийся с волны на волну на океане, как дикая коза скачет с холма на холм, пока не исчезнет в долине.

А л ь с т о н

Роджер Талькотт не дремал в мое отсутствие. На «Авроре» все было готово, и весь экипаж — в сборе; оставалось только поднять паруса, что я и сделал в тот же день.

Это было третье июля. «Аврора» снялась с якоря и направилась к Бордо. Воспользовавшись попутным вет-

ром и отливом, мы прошли через целый флот, состоявший из сорока парусных судов. Прекрасная погода, красота пейзажа и благоприятные для меня обстоятельства, при которых началось мое плавание, в торговом отношении, все это заставило меня на минуту забыть мое личное горе и наслаждаться зрелищем, открывающимся перед моими глазами.

Хотя мне вовсе не улыбалось брать пассажиров, но я не мог отказать моим прежним судовладельцам принять к себе мистера Бригама, Валласа Мортимера Бригама, который хотел ехать во Францию с женой и свояченицей, а оттуда — в Италию для поправления здоровья жены.

Не успели мы выйти из бухты, как мои пассажиры обнаружили свой милый характер. Они были только тогда счастливы, когда могли позлословить насчет своих ближних и порыться в их тайнах.

Я забыл назвать имена дам: Сара и Жанна. Кого только они не затронули и на кого только не насплетничали!

— Валлас, — сказала Жанна, — не правда ли, что Джон Винер отказал своему зятю в двадцати тысячах долларов, и вследствие этого отказа он теперь объявлен банкротом?

— Конечно. Об этом вчера весь день говорили на Уолл-стрит, и все верят этому слуху. Но все Винеры таковы. Слава Богу, у нас всякий знает, что это за люди.

— Здесь нет ничего удивительного, — возразила Жанна. — Я слышала, что отец этого самого Джона Винера пробежал во всю прыть через весь Бостон, чтобы избавиться от одного из кредиторов своего сына.

— Это было не совсем так, — запротестовал Валлас. — Ведь у этого Джона всего одна нога, значит, бежать он никак не мог.

— В таком случае, несомненно, что пробежала лошадь, — добавила Жанна, не смущаясь. — Ведь бежал же кто-нибудь, а то откуда бы взяться этой истории?

Мне было известно о банкротстве Винера из уст одного

из его кредиторов. А в том, что рассказывали мои пассажиры, не было ни одного слова правды.

— Вы уверены, мистер Бригам, — спросил я, чтобы восстановить истину, — что банкротство Винера и К° произошло именно при тех обстоятельствах, о которых вы говорите?

— Еще бы! Мне известны все их дела.

Что было на это ответить? Кого только еще не перебрали они, скольких семейств не затронули! Я решил не слушать их возмутительные сплетни и собрался уже было откланяться, как вдруг до моего слуха долетело имя миссис Брандфорт.

— Доктор Гозак думает, что ее песенка спета! — вскричала Жанна в восторге, что может заранее похоронить кого-нибудь. — У нее рак; это решено, и она в прошлый вторник составила духовное завещание.

— Только еще во вторник! А мне говорили, что оно было составлено год тому назад в пользу Руперта Гардинга в надежде, что он женится на ней.

— Но, миссис Бригам, — сказал я с улыбкой, — вы так уверены в том, что миссис Брандфорт рассчитывала выйти замуж за Руперта Гардинга?

— Я их не знаю настолько близко, чтобы утверждать это, но все-таки...

— Как же вам этого не знать, милая Сара, — вмешалась Жанна. — Ведь мы же очень дружны с Гринами, а они друзья-приятели с Винтерами, которые — соседи миссис Брандфорт. Лучшего способа трудно и желать, чтобы знать, что делается у людей.

— И никто так не следит, как мы, за тем, что происходит в Нью-Йорке, — продолжала сплетница. — И мне еще говорили, что миссис Брандфорт предпочла бы себе в мужья старика, пастора Гардинга. Но все это теперь не важно, так как она скоро помрет. Мне это сказала миссис Джон Фут, а ей сообщил доктор Гозак все подробности болезни.

— Я и не подозревал, что такой почтенный доктор выдает тайны своих пациентов.

— Да он, собственно говоря, ничего и не сказал, этот

доктор — хитрая лисица, но миссис Фут еще похитрее его и сумела поймать его и выведать все, что нужно.

Это просто удивительно: иностранцы, проводшие в Нью-Йорке всего одну ночь, чтобы найти судно, узнали о людях больше, чем они знали сами о себе! Но это еще одни цветочки, ягодки были впереди.

— Мне думается, — начала опять мисс Жанна, — что мисс Люси Гардинг тоже перепадет кое-что после смерти миссис Брандфорд, и она и Эндрю Дреузтт поженятся, как только кончится траур.

На этот раз имена оказались точны, и факты, если не достоверны, то вероятны. Было мне о чем призадуматься, особенно при моем настоящем настроении духа. Но каким образом до них дошло о склонности Дреузтта к Люси?

Я чувствовал себя глубоко несчастным. Как я ненавижу этих сплетников! Какое зло могут сделать люди, болтающие зря направо и налево! Несмотря на все мое отвращение к ним и мою твердую решимость не давать им пищи для новых сплетен, мне не удалось вполне отделаться от их назойливых вопросов. Эти люди неумолимы. Кончилось-таки тем, что они выведали от меня, что мистер Гардинг — мой опекун, что мы с Рупертом воспитывались вместе, что Люси осталась у нас в момент моего отъезда. Эти сведения только разожгли их ненасытное любопытство. Но видя, что от меня больше ничего не добиться, они переменили тактику и пристали к Небу.

Я полагаю, что читателю теперь ясно, что за люди были мои пассажиры. Но они добились цели, усилив мои беспокойства и заставив вторично пережить все муки ревности. Всегда так случается: честные люди ни за что, ни про что страдают от дураков и плутов.

Между тем «Аврора» вступала в открытое море.

Я был в восторге от своего судна, которое оказалось на ходу еще лучше, чем я предполагал. Десять дней мы плыли по океану благополучно. Единственно, что мне отравляло существование, — это бесконечные сплетни моих пассажиров.

Но вот начал дуть сильный юго-западный ветер несколько часов сряду, подгоняя нас на одиннадцать узлов в час. Погода стояла ясная и теплая, так что ветер и минутные порывы бури только приятно освежали нам головы. Вечером, приказав убавить парусов, я спустился к себе в каюту; в случае малейшей опасности велел позвать себя. Ночь прошла благополучно, но утром Талькотт пришел за мной и сказал:

— Не мешало бы вам подняться наверх, капитан, у нас шквал, я один не знаю, как быть.

Когда я поднялся на палубу, на «Авроре» оставались только фок и фор-марсель со всеми рифами. Я тотчас же велел убрать его. Вдруг судно потрясло до самого киля. Каким-то чудом устояла главная мачта; мы еле-еле смогли свернуть полотно.

Ветер свистел с такой яростью, что на палубе нельзя было разобрать, что кричали матросы с мачты. Талькотт сам вскарабкался на рею; он жестикулировал, указывая вперед; но волны вздымались так высоко, что заслоняли собой горизонт. Взобравшись на заднюю мачту, я рассмотрел какое-то судно с восточной стороны, делающее отчаянные скачки и идущее прямо на нас. Издали казалось, что оно взлетает на воздух. Мы быстро надвигались друг на друга.

Громадные волны, набегающие на «Аврору», сильно накренили ее то на один, то на другой бок или же вдруг переворачивали ее задом наперед. Мачты и лик-тросы дрожали. Вдруг «Аврора» очутилась между внезапно выросшими горами воды. Весь экипаж дружно принялся за работу; и когда, наконец, судно вышло из этой пропасти, буря обрушилась на него со всей яростью, рванула последний парус и унесла его, оставив одни лохмотья.

Это несчастье совсем сразило меня: с того судна все могли видеть.

Но теперь было не до самолюбия; безопасность судна — прежде всего. Как только на «Авроре» не осталось больше ни одного паруса, мне стало легче рассмотреть, что за судно виднелось перед нами; оно, по-видимому,

принадлежало англичанам и порядком-таки было нагружено.

Оба судна одновременно погружались в воду; наш сосед ежеминутно исчезал из вида; мы и не заметили, как он вдруг стал нам поперек дороги. Две кареты, влекомые взбесившимися лошадьми друг на друга, не произвели бы того ужасающего впечатления, как представившееся нам зрелище.

Еще одна минута, и мы со всего размаху разбили бы носом английское судно. К счастью, новый порыв ветра разъединил нас; в противном случае общая гибель была бы неминуема. И в тот самый момент, как оба судна понеслись в противоположные стороны, раздался неистовый крик Талькотта. И вдруг я увидел, что с кормы англичанина мне машет шляпой наш друг — Моисей Мрамор!

Г л а в а   X X V I

Когда наступит день общего созыва, когда глас суда раздастся, острова, материки и море возвратят своих мертвецов; когда север придет вместе с югом; когда грешник ужаснется и праведник задрожит, — пусть Бог будет тебе помощью, бедный Том.

Б р э н а р д

Оба экипажа спешили удалиться друг от друга. И мне, и тому капитану пришла одна и та же мысль: вместо того, чтобы отдать наши суда на произвол стихии, «Аврора» стала править направо, а англичанин — налево, хотя ветер гнал нас по одному и тому же направлению. Понемногу мы начали поднимать паруса.

К вечеру буря улеглась, море и ветер становились тише. Ночь прошла благополучно, а к утру море и совсем успокоилось. Оба судна распустили все паруса. Когда экипажи разошлись завтракать, мне удалось придвинуться к англичанину, и я окликнул его в рупор:

— Какое это судно?

— «Ле Дэнди», капитан Роберт Фергюсон. А вы кто?

— «Аврора», капитан Милс Веллингфорд. Откуда вы?

— Из Рио-де-Жанейро, направляемся в Лондон. А вы?

— Из Нью-Йорка, идем в Бордо. Скажите, не находится ли у вас на борту американец по имени Мрамор? Нам вчера показалось, что его видели у вас на корме; это наш старый товарищ, мы оттого и последовали за вами, чтобы узнать о нем.

— Как же, как же, — ответил капитан, — он сейчас выйдет; теперь он внизу укладывает свои вещи, кажется, он хочет просить вас взять его к вам, чтобы вы его доставили в Соединенные Штаты.

Не успел он окончить этих слов, как Мрамор показлся на палубе, помахивая шляпой в знак благодарности. Тотчас же мы спустили лодку, в которой отправился Талькотт за нашим дорогим другом, и через каких-нибудь двадцать минут я с радостью пожимал руку Мрамора.

В первую минуту свидания он ничего не мог говорить от волнения, решительно со всеми обменялся рукопожатиями и казался удивленным, но вместе и восхищенным, что нас всех было так много.

Приказав снести его сундук в каюту, я сел рядом с ним. Но и мои пассажиры очутились тут как тут.

Пока свирепствовала буря, они дали мне вздохнуть. Но лишь только ветер утих, они опять затараторили. Их интриговало столь странное появление у нас Мрамора, и все трое поместились около нас, жадно ловя каждое слово из нашего разговора.

Пересесть на другое место на палубе не имело бы смысла — они последовали бы за нами. Я решил. Сказал Талькотту и Мрамору, чтобы они шли за мной, и мы все взобрались на грот-марс и уселись там, как три кумы, только что допившие последнюю чашку чаю. Какая благодать! Ни Сара, ни Жанна не могли теперь добраться до нас!

— Ну их к черту! — грубо сказал я. — Право, святой, и тот потерял бы с ними терпение; кажется, мы теперь от них на почтительном расстоянии. Надеюсь, что они сюда не прилезут.

— А если они явятся сюда, — сказал Талькотт, смеясь, — то мы спасемся на бом-салинге, а в крайнем случае и на бом-брамселе.

— Я понимаю, — проговорил Мрамор, подмигивая одним глазом, — у каждой из этих особ уши — за четверых, не так ли, Милс?

— Да, только прибавьте еще, что языков за сорок, тогда будет полнее. Но, слава Богу, мы теперь одни. Рассказывайте же нам скорей, дорогой Мрамор, что вы делали и где пропадали? Вы ведь знаете, что мы с Талькоттом — ваши верные друзья и всегда рады разделить с вами все, что имеем.

— Спасибо вам, милые мальчики, спасибо от всего сердца, — проговорил Мрамор, вытирая слезы общагами рукава. — Нечего делать, надо удовлетворить ваше любопытство, хотя мне тяжело вспоминать свое упрямство и безумие. Итак, вы меня, наверное, искали в тот день, когда судно отчалило от острова?

— Еще бы! Но, не найдя вас, мы были уверены, что вы устрашились одиночества и уехали раньше нас.

— Отчасти вы были правы, а отчасти — нет. Когда вы отошли, я подумал и сказал сам себе: «Моисей, они ни за что не уйдут без тебя, они не решатся оставить тебя здесь на острове одного; если ты хочешь настоять на своем, то необходимо скрыться от них, пока «Кризис» не распустит все паруса». Ах, да, кстати, что сделалось со старым судном? Вы мне ничего не говорили о нем.

— Оно нагружалось в Лондон, когда мы уходили.

— И судовладельцы не решились поручить вам команду вследствие вашей молодости, несмотря на все ваши старания для них?

— Напротив того, они предлагали мне и даже просили, но я предпочел приобрести «Аврору» — это моя собственность.

— Слава тебе, Господи! Теперь будет хоть один честный человек среди судовладельцев.

— Мрамор, но вы знаете, вас ждет в Нью-Йорке кругленькая сумма — тысяча четыреста долларов, часть вашей награды и жалованье.

Мрамор вытаращил глаза. Человек редко остается равнодушным к деньгам, и Мрамор повеселел при этом известии. Затем он пристально посмотрел на меня и почти грустно сказал:

— Милс, если бы у меня была мать, как бы я ее осчастливил на старости лет! И зачем это деньги достаются людям, у которых нет матери!

Я дал ему успокоиться, а потом напомнил, что мы ждем продолжения его истории.

— Итак, я вам сказал, что принялся рассуждать и решил, что вы меня потащите насильно, если я здесь останусь до следующего дня. Поэтому я сел в шлюпку, выехал из бассейна и пустился в открытое море. Когда же вы отъехали на значительное расстояние, то я возвратился в свои владения, где уж больше некому было противиться моим желаниям и бороться с моими фантазиями.

— А! Как я рад, что вы заговорили теперь иначе. Конечно, вами тогда руководил каприз, а не рассудок. И вы не замедлили сознаться в своей ошибке, мой друг, и стали скучать по родине?

— Ваша правда, Милс; хотя у меня не было ни матери, ни брата, ни сестры, но у меня была родина, друзья, что бы я там ни говорил. А, главное, я думал и тосковал о вас, как мать, которая в разлуке с детьми.

— Бедный друг! Каким одиноким вы почувствовали себя!

— Первое время я работал над сооружением курятника; но к концу недели увидел, что куры да свиньи плохая компания для человека. И потом я вообразил сначала, что я один на острове; но, к стыду своему, я чувствовал, что меня преследует дьявол. Так вот как, Милс, что бы мы ни делали, но надо всегда иметь будущее или прошлое. А меня что ждало? Ничего. Что было? Тоже

мало утешительного, оставалось лишь вспоминать о своих старых грехах.

— Я начинаю теперь понимать ваше состояние; но что же вы сделали?

— Уехал. Снарядил свою шлюпку, нагрузил ее провизией и марш в дорогу.

— Значит, владение землей Мрамора предоставлено теперь скотному двору?

— Да, Милс, и я надеюсь, что бедные животные не умрут с голоду; я позаботился о них. Уехал я два месяца спустя после вас.

— А в одиноком плавании тоже не весть какая сладости! Вы были все так же одиноки, как и на суше!

— Что вы говорите! Да разве моряк может чувствовать себя одиноким на море? К тому же, на море всегда есть дело. А большое пространство меня не пугало. Надо было только опасаться нападения дикарей. Днем я летел на всех парусах, к ночи складывал их и засыпал, как милорд. Я все время находился в прекрасном настроении духа; и один из самых счастливых моментов моей жизни был тот, когда с моих глаз исчезли верхушки деревьев острова.

— И долго продолжалось ваше плавание?

— Семь недель.

— Где же вы останавливались?

— Да нигде, пока не встретил судно, идущее из Манильи в Вальпараисо. Капитан взял меня к себе и свез туда. Из Вальпараисо я на местном судне обогнул Анды, чтобы перебраться на эту сторону. Вы помните эти чудовищные горы, покрытые сплошь снегом?

— Еще бы! Они слишком поражают зрителя, чтобы забыть их.

— Затем мы приехали в Буэнос-Айрес, откуда прибрежное судно доставило меня в Рио.

— А из Рио вы думали на «Дэнди» отправиться в Лондон, а потом при случае в Соединенные Штаты?

— Вы угадали. Но до того я провел в Рио несколько месяцев в надежде дожидаться какого-нибудь «янки». Но под конец потерял терпение.

Так кончилась история Мрамора. Настала моя очередь. Мне пришлось отвечать на его бесконечные вопросы. Когда Мрамор узнал, что мисс Мертон теперь проживает в Клаубонни, он значительно подмигнул Талькотту, который улыбнулся со своей стороны. Ну, а Руперт? Ферма? Мельницы? Когда он вспомнил Неба, то последнего мы сейчас же позвали. Мрамор пожал ему руку. Он не помнил себя от радости, что опять находился среди всех нас.

— Знаете что, Милс и Роджер, — вскричал он, — я теперь точно у себя дома! Не хочу больше и вспоминать своего проклятого отшельничества. Да мне теперь страшно пройти одному через лес. Мне необходимо видеть перед собой человеческое лицо. Не оставляйте меня больше. Возьмите меня, Милс, к себе метрдотелем или суньте меня, куда хотите.

— Теперь уж мы больше не расстанемся, разве это будет по вашей вине. Я постоянно думал о вас! Да вот в последнюю бурю мы с Талькоттом вспоминали, как бы вы поступили в данном случае.

— Старые уроки принесли пользу, друзья мои; я это сразу сообразил. У «Авроры» ой, ой, какой капитан, и ветру приходится посчитаться с ним!

Решено было, что Мрамор примет на себя команду одной вахты и будет делать все, что найдет нужным. А когда Талькотта назначат капитаном, чего, наверное, не придется долго ждать, тогда он на всю жизнь делается моим главным помощником. Я обернул все в шутку, прозвав Мрамора «Командором» и прибавив, что только в качестве такового он остается у меня на борту. Что же касается денежного вопроса, то в моей каюте лежал целый мешок долларов — он мог брать оттуда, сколько угодно. Ключ от шкатулки был предоставлен в его распоряжение. Никто так не радовался всему этому, как Неб. Он был положительно влюблен в Мрамора с того момента, как тот вытянул его за ухо из трюма «Джона».

— Однако, Милс, ваши пассажиры сущие твари! — сказал Мрамор, поглядывая сверху на трио, разгуливаю-

щее по палубе. — В первый раз в жизни встречаю капитана, вынужденного лезть на мачту, чтобы поговорить на свободе.

Побеседовав еще немного, мы все спустились, и я представил Мрамора своим пассажирам, после чего все вошло опять в свою колею.

Но в тот же день я услышал разговор между Мрамором и Бригамом. Дамы побоялись задавать вопросы такому неотесанному моряку.

— Вы, кажется, совсем неожиданно попали сюда, капитан Мрамор? — спросил господин для начала.

— Вовсе нет. Я ждал «Аврору» больше месяца именно в этих краях.

— Как это странно! Я не понимаю, как это можно предвидеть подобную вещь?

— Знаете вы сферическую тригонометрию, милостивый государь?

— Признаюсь, я не особенно силен в науках, хотя с математикой немного знаком!

— В таком случае, всякое объяснение является бесполезным. Вот если бы вы знали тригонометрию, то мои толкования были бы для вас так же ясны, как дважды два — четыре.

— Вы, кажется, уже давно знакомы с капитаном Веллингфордом?

— Мало, — резко ответил Мрамор.

— Бывали ли вы когда-нибудь в том месте, которое он называет Клаубонни? Какое смешное название, не правда ли, капитан?

— Ничего тут нет смешного. Я знаю одну ферму, которая называется «Scratch» (Царапина), и это премиленькое местечко.

— У нас не имеют обыкновения давать названия фермам.

— У вас это возможно. У нас же таков обычай. Так и найдите.

Мистер Бригам был не настолько глуп, чтобы не понять урока, данного Мрамором. Больше он не приставал к нему с вопросами.

По приезде в Бордо, выгрузив мой товар, я запасся новым. Сначала я намеревался вернуться в Нью-Йорк, чтобы отпраздновать день своего совершеннолетия. Но сплетни Бригамов охладили мое желание побывать в Клаубонни. Мне предложили доставить в Россию, в Кронштадт, партию вина и водки, и я согласился.

Я отправился по Балтийскому морю в конце августа. Хотя путешествие продолжалось долго, но бури не было, и я прибыл благополучно на место. Пока я стоял в Кронштадте, ко мне обратились консул Соединенных Штатов и купец торгового американского судна с просьбой уступить им Мрамора для доставки судна в Нью-Йорк, так как их капитан с помощником умерли от оспы. Напрасно я уговаривал Мрамора согласиться, он упорно отказывался. Тогда я предложил Талькотту команду над «Гиперионом». Хотя мне жаль было отпускать его, но моему юному другу представилась возможность выдвинуться. «Гиперион» тотчас же отплыл, и, к моему великому горю, я никогда не мог узнать о его участи; по всей вероятности, он погиб.

Мрамор занял место Талькотта и, таким образом, сделался моим старшим лейтенантом. Русское правительство поручило мне доставить груз в Одессу.

Мы предполагали, что величественная Портовая беспрепятственно пропустит американское судно, но в Дарданеллах мне велено было повернуть назад: пришлось оставить груз на Мальте, откуда я направился в Ливорно. Предоставив Мрамору попечение о погрузке, я предпринял экскурсию в Тоскану и Этрурию. Побывал в Пизе, Лукке, Флоренции. Здесь церкви и галереи поглотили все мое внимание. Однажды, когда я осматривал собор, вдруг кто-то довольно громко позвал меня. Оборачиваюсь и вижу — Бригамов. Вы можете судить, какой град вопросов и рассказов посыпался на меня. Где я был? Где Талькотт? Где стоит судно? Они же только что из Парижа. Видели французского консула, обедали с Ливингстоном, видели Лувр, потом Женеву, озеро и прочее.

Я не мог дождаться конца. Они извергали по тысяче слов в минуту, перебивая друг друга.

— Кстати, капитан Веллингфорд, — завела свою шарманку Жанна, лишь только Сара остановилась, чтобы передохнуть, — вы ведь знакомы с бедной миссис Брандфорд?

Я утвердительно наклонил голову.

— Так я говорила вам! — вскричала опять Сара. — Она умерла и, конечно, от рака! Какая ужасная болезнь, и как верны оказались мои сведения!

— И она все оставила сыну своего кузена, молодому Гардингу, — вмешалась Жанна. — А сестре его, такой милой особе, не достанется ни одного доллара. Как это жестоко!

— Погодите, это еще не все, — добавила Сара, — говорят, что мисс Мертон, молодая англичанка, которая производит фурор в Нью-Йорке, просватана за Гардинга, который уже отказался поделить со своей сестрой наследство.

Бригады разглагольствовали еще целый час и взяли с меня обещание зайти к ним в отель. Но в тот же вечер я уехал в Ливорно, послав им, ради вежливости, извинительное письмо.

Я не верил и наполовину тому, что они мне порасказали; однако не бывает дыму без огня: была же тут частица правды. Но неужели миссис Брандфорд сделала такую вопиющую несправедливость, лишив Люси наследства и оставив все Руперту? Мне не терпелось выяснить этот вопрос; если у Люси нет ничего, я ей немедленно сделаю предложение. Эндрю Дреуэтт теперь разочаруется и отступит. Какой я был дурак, что молчал столько времени! Но мог ли я надеяться, что моя бесценная Люси полюбит бедного моряка, непрестанно рыскающего по свету? Я дошел до того, что стал сожалеть о счастье Руперта. Очень возможно, что он сочтет своим нравственным долгом уделить кое-что своей сестре; а каждый его доллар будет для нас новой преградой.

Теперь я сгорал от нетерпения вернуться скорей на родину. Окончив погрузку, мы двинулись в путь.

В Гибралтарском проливе к нам подошел английский

фрегат, возвестивший нам об объявлении войны между Францией и Англией; в этой борьбе должен был принять участие весь христианский мир.

В Атлантическом океане я всячески старался избежать всех встреч и благополучно избежал их. Тут английский корвет пустился за нами в погоню, но мне удалось удрать.

Переплыв мель, я, по обыкновению, взял лоцмана и бросил якорь около Койнти, любимого места остановки Мрамора. Прошел ровно год с тех пор, как я возвратился сюда на «Кризис».

Г л а в а   X X V I I

Со взглядом, в котором рисуются кротость и терпение Иова; с движениями грациозными, как у птиц в воздухе, ты в душе самый ужасный демон, который запускал когда-либо свои когти в волосы пленника.

Г а л л е к

Выйдя из контор, с которыми у меня были дела, я направился в отель и при повороте на Уолл-стрит совсем неожиданно встретил Руперта. Он шел скорыми шагами; увидев меня, он как бы удивился и сконфузился, но все же поспешил сделать вид, что обрадовался мне. Он был в трауре, но тем не менее одет по последней моде.

— Веллингфорд! — воскликнул он. Это в первый раз, что он не называл меня Милс. — Откуда это вы свалились как снег на голову? О вас ходило столько разных слухов, что теперь ваше появление произведет такой же эффект, как явление здесь самого Бонапарта. А ваше судно?

— Вы знаете, что мы один другого не покидаем; разве только крушение или смерть могут разлучить нас.

— Вот именно так я и говорил всегда этим дамам: «Вы увидите, Веллингфорд, если женится, то только на

своей «Авроре». Но у вас совсем цветущий вид; знаете, вы на море хорошеете!

— Мне нечего жаловаться на свое здоровье. Но что же вы мне ничего не говорите о наших? Что поделявают наши друзья? Ваш отец?

— Он сейчас в Клаубонни. Вы ведь знаете его. Никакая материальная перемена не заставит его не считать свою убогую церковь — собором, а своих прихожан — епархией.

— Прекрасно, но рассказывайте же мне о себе. — Я заранее дрожал при мысли услышать, что Люси уже замужем. — Как поживает Грация?

— О, Грация, как же это я забыл ее?! Надо было начать с нее. Увы! Мой милый капитан, я не стану скрывать от вас правды; ваша сестра теперь совсем не то, чем вы ее оставили, по крайней мере, я опасаюсь за ее здоровье, потому что не видал ее целую вечность. Осень она провела с нами, на Рождество же захотела уехать к себе, объясняя это тем, что ее семья всегда проводила праздники в Клаубонни. С тех пор она не возвращалась, но я боюсь, что она плоха. Вы знаете, что Грация всегда была хрупким созданием; она настоящая американка! Ах, Веллингфорд, наши женщины не отличаются здоровьем, то ли дело англичанки!

Вся кровь бросилась мне в лицо. Я насилу удержался, чтобы не столкнуть этого мерзавца в яму, но, несмотря ни на что, он был брат Люси; затем я не имел доказательств, что он давал Грации повод думать, что он ее любит, и я обязан был устранить все, что могло бы так или иначе компрометировать ее. А потому я постарался заглушить свой гнев, который просто душил меня.

— Это очень печальная новость, — ответил я. — Грация такой человек, который нуждается в нежной заботе и ласке; а я то все плавал в погоне за деньгами вместо того, чтобы сидеть в Клаубонни около больной сестры! Я себе никогда не прощу этого!

— Деньги вещь хорошая, капитан, — ответил Руперт с выразительной улыбкой. — Но зачем преувеличивать

нездоровье Грации, она поправится. Надеюсь, что ваши путешествия были выгодны?

— А Люси? — прервал я его, не считая нужным отвечать. — Где она теперь?

— Мисс Гардинг в городе, в св... то есть в нашем доме на Уолл-стрит, но она каждое утро ездит на дачу, так как невыносимо все время оставаться здесь, среди раскаленных кирпичей. Ах, да! Я забыл: вы не знаете о постигшем нас несчастье?

— Мне сообщили в Италии о смерти миссис Бадфорт, и, видя вас в трауре, я заключил, что это правда.

— О, Боже мой, да! Мы лишились незаменимой женщины. Она была для нас второй матерью.

— Миссис Бадфорт назначила вас своим наследником? Надо поздравить вас с таким счастьем. А Люси? Неужели она совсем забыла о ней?

Руперт что-то пробормотал; я видел, что он точно жарился на углях. Он долго не мог решиться довериться мне; наконец, дойдя до самого маломодного квартала, начал:

— Вы знаете, Милс, что миссис Бадфорт была довольно оригинальная особа, хотя с добрым сердцем. У женщин вообще странные идеи, а у американских в особенности. Итак, миссис Бадфорт сделала завещание...

— Которым, полагаю, она разделяет свое состояние поровну между вами и Люси, к великому неудовольствию мисс Мертон?

— Не совсем так! Милс, удивительная чудачка и капризная женщина эта миссис Бадфорт. В своем завещании она оставляет все решительно, движимое и недвижимое имущество, моей сестре.

Я был сражен. Все мои надежды рушились.

— А кого она назначила душеприказчиком? — спросил я после небольшого молчания, предвидя заранее, что произойдет, если это предоставлено Руперту.

— Отца. У него теперь по горло дел. К счастью, ее дома в хорошем состоянии; деньги помещены под верное обеспечение или в акциях. Все вместе взятое приносит семь тысяч долларов чистого дохода.

— И все это принадлежит Люси! — вскричал я в невыразимой скорби, чувствуя, что я безвозвратно теряю ее.

— Пока, конечно, хотя, видите ли, я считаю ее собственницей только одной половины. Ведь женщины считают всех молодых людей мотами. Конечно, они рассуждали между собой так: «Руперт добрый мальчик, но он еще молод и живо растратит все деньги. А потому, Люси, я оставляю все вам в завещании; но, конечно, вы потрудитесь отдать вашему брату половину или даже две трети, как старшему из вас, лишь только будете совершеннолетней и вправе распоряжаться самостоятельно». Но вы знаете, что Люси только девятнадцать лет, следовательно, надо ждать еще два года.

— Люси известны намерения ее благодетельницы? И есть ли у вас доказательства?

— Доказательства! Да я готов принести присягу, что оно так. Разве это не благоразумно! Разве я не имею право ждать этого? А потом, слушайте. Между нами: у меня сейчас две тысячи долгу; а она не оставляет мне ни одного доллара, чтобы расквитаться с законными кредиторами. Женщина, такая набожная, не могла поступить таким образом, не будь у нее дальнейших видов. И раз она назначила Люси хранительницей капитала — дело объясняется просто.

— Но Люси, что она говорит?

— Вы знаете ее, фраз она не любит и пока молчит, хотя по всему видны ее намерения. Начала она с того, что поручила отцу заплатить за меня долги, затем она назначила мне ежегодную пенсию в тысячу пятьсот долларов. Вы видите, Милс, я ничего не скрыл от вас, но поймите, что у меня нет ни малейшего желания кричать об этом во всеуслышание. Хорош бы я был, если бы все узнали, что один из блестящих молодых людей Нью-Йорка зависит от своей сестры, которая моложе его на три года! Да на меня все стали бы указывать пальцем! А ввиду этого я сказал правду только самым близким. Все думают, что наследник — я, а у Люси — ничего нет. Прекрасное средство отодвинуть на задний план всех искателей приданого.

— А что говорит об этом некий Эндрю Дреузэтт? Когда я уезжал, он был — сама преданность, и я никак не думал, что найду здесь мисс Гардинг.

— По правде сказать, Милс, мне самому казалось, что они поженятся. Но вот умирает миссис Брандфорд, затем наступает траур. Но я доволен поведением Эндрю: он знает, что я друг ему. У него хороший тон, он прекрасно поставил себя в свете, имеет порядочное состояние; и я повторяю Люси время от времени, что лучшей партии ей нечего и желать.

— Как же ваша сестра относится к этим внушениям?

— О, презабавно, как все девицы. Она краснеет, иногда сердится, потом начинает смеяться, дуться и говорит: «Какая экстравагантность! Замолчишь ли ты, Руперт, ты с ума сошел». Однако прощайте, мне пора в театр: сегодня играет Купер, он теперь в моде.

— Руперт, еще одно слово. Вы ничего не сказали, здесь ли Мертонны?

— Мертонны? Конечно, здесь. Полковник нашел себе место, и климат здешний по нем. Кроме того, у него отыскались родственники в Бостоне и, кажется, он ждет оттуда какого-то наследства. Мертонны! Да что стал бы делать без них Нью-Йорк?

— Значит, мой старый приятель тоже продвинулся по службе, потому что вы его зовете полковник?

— Вы думаете? Но его еще чаще называют генералом. Вы должно быть ошибались, думая, что он майор, здесь его иначе не зовут, как полковник или генерал.

— Тем лучше для него. Прощайте, Руперт, я не выдам вас и...

— И что?

— Кланяйтесь от меня Люси. Скажите, что я желаю ей всевозможного счастья в ее новом положении и что я постараюсь повидать ее перед отъездом.

— Разве вы не придете в театр? Купер стоит, чтобы посмотреть его. Отелло — его коронная роль.

— Навряд ли приду. Не забудьте же поклон сестре, прощайте.

Когда мы расстались, я долго не мог прийти в себя от

всего услышанного. Я решил завтра же отправиться в Клаубонни; здоровье сестры не на шутку тревожило меня.

Я машинально пошел по набережной, навестил «Аврору» и обменялся несколькими словами с Мрамором, потом возвратился на берег. Повинуясь какому-то тайному внушению, я прошел парком и очутился у двери театра. В надежде увидеть Люси, я взял билет в амфитеатр, но ошибся в расчете, не зная расположения мест: партер был бы удобнее для наблюдений.

Зал был переполнен. Купер сводил всех с ума. Оглядев публику, я заметил Руперта по его курчавым волосам; он сидел рядом с Эмилией; потом майор — и около него молодая дама, должно быть, Люси. Меня охватила нервная дрожь, лишь только я узнал ее. Сначала мне видна была только верхняя часть ее лица, но как только она обернулась в сторону майора со своей очаровательной, открытой улыбкой, сомнения мои исчезли, это была она.

В ложе оставалось два незанятых места. Вскоре дверь открылась; все встали, и в ложу вошел Эндрю Дреуэтт под руку с пожилой дамой, наверное с матерью. Он устроился так, что поместился около Люси, а майор занялся старушкой! Все это было в порядке вещей, но я невыносимо страдал.

Из пьесы я ровно ничего не слышал; все мои мысли сосредоточивались на Люси. Но чем больше я думал, тем больше чувствовал, что мои шансы совсем упали, и я поднялся, чтобы выйти из театра.

Однако как же уйти, не увидав даже хорошенько лица Люси?

Я нашел местечко, где, оставаясь сам незамеченным, мог разом разглядеть лица шести особ, занимавших переднюю ложу. Майор и миссис Дреуэтт мало интересовали меня.

Эмилия дышала здоровьем и счастьем; я видел, что она в восторге от ухаживаний Руперта, который так и увивался около нее, но для меня это было безразлично.

Но Люси, о которой я даже не упоминаю, честная, доверчивая, обожаемая моя Люси! Она была прекраснее, чем когда-либо. Сколько кротости в ее улыбке, какое

выражение во взгляде, сколько грации в каждом ее движении и как ей к лицу полутраур! И подумать, что она потеряна для меня, что мы теперь чужие друг для друга! При этой мысли я зашатался; сильный, здоровый моряк, закаленный в работе, сделался слабее малого дитя, крупные слезы потекли по щекам моим, мне трудно было скрыть свое малодушие от окружающих.

Но вот трагедия кончена, занавес спущен, партер редеет; а я сижу, как пригвожденный, не будучи в силах двинуться с места, оторвать от нее своего восхищенного взора, я забыл всех и все; и вдруг я услышал голос, заставивший меня вздрогнуть: то был голос Люси. Наши глаза встретились, она протягивала мне руку. Меня узнали и обрадовались, как старому другу.

— Милс Веллингфорд! Вы приехали, а мы ничего не знали!

Очевидно, Руперт не сказал ни слова о моем возвращении и нашей встрече на улице. Ему стало неловко, и он постарался вывернуться.

— Как это я забыл сказать тебе, Люси, что встретил сегодня капитана Веллингфорда, когда шел за полковником и мисс Мертон! О, мы много разговаривали с ним, и я могу рассказать тебе о нем.

— Я очень счастлив, — сказал я, — что нашел мисс Гардинг совершенно здоровой и что могу засвидетельствовать мое почтение своим бывшим пассажирам.

Поздоровавшись с ними за руку, я раскланялся с Дреузеттом, который очень вежливо уступил мне свое место. Чего ему было опасаться? Какой-то судовладелец, который не сегодня-завтра уедет; пусть мол себе потешится. Я же тут останусь полновластным хозяином, — все это я читал в выражении его лица.

— Мерси, мистер Дреузэтт, — сказала Люси. — Ведь мы с мистером Веллингфордом старые друзья, и мне многое надо рассказать ему. Идите же сюда, Милс, и начинайте вашу историю.

Никто не слушал маленькую пьесу после трагедии; я рассказал о своем путешествии, о Мраморе, поговорили с майором о миссис Бадфорт и ее наследстве. Не знаю,

с какой целью Руперт морочил майора, сказав ему, что покойница оставила все Люси с тем, что она может выйти замуж лишь с согласия брата.

Как только стали собираться уходить из театра, Руперт в беспокойстве отвел меня в сторону и шепнул мне на ухо:

— Милс, все, что я вам говорил, должно остаться между нами, это семейная тайна.

— Не беспокойтесь; все прекрасно устроится. Вы знаете, что я вам сказал.

Люси кого-то искала глазами; ей подавали карету.

Майор проводил миссис Дреуэнт до экипажа, куда она села вместе с сыном. Это обстоятельство давало мне возможность провести с Люси несколько счастливых минут. Она заговорила со мной о Грации, сказав, что они видятся очень редко, чего прежде никогда не бывало, что напрасно она умоляла Грацию поселиться вместе с ней, а самой ей некогда ездить в Клаубонни. Руперт утверждает, что ее, Люси, присутствие необходимо в Нью-Йорке — надо спешить с окончанием дел, не терпящих отлагательств.

— Грация слишком скромна, — сказала она тоном упрека. — Надеюсь, что вы-то не последуете ее дурному примеру. Она хочет дать мне понять, что имеет свой собственный угол. А когда вы были богаты, а я — бедна, разве я краснела за то, что жила у вас?

— Мерси, Люси, мерси! Но это не то. Вы слышали о здоровье Грации?

— О, Руперт говорил мне, что она чувствует себя прекрасно. Но я должна поскорей увидеть ее. Грация и Люси рождены не для того, чтобы расстаться друг с другом. Вот и карета. Вы зайдете ко мне завтра утром?

— Нет, не могу. Я уезжаю завтра в Клаубонни при начале отлива, в четыре часа утра. Спать буду в шлюпке.

Майор подсадил ее в карету, а я долго еще стоял, смотря ей вслед.

Послушайте-ка, что я скажу. Я ведь хранил так долго молчание, чтобы лучше наблюдать даму. Я видел, как ее чело внезапно покрывалось тысячей красок, одна живет другой; затем тысяча последовательных оттенков бледности пришли их стереть под влиянием самого очаровательного удивления.

Шекспир

Я пришел к «Веллингфорду» около одиннадцати часов и нашел там Неба, ожидающего меня с багажом. Я не мог дожидаться завтрашнего дня и велел немедленно распустить паруса. В Клаубонни мы прибыли в восемь часов утра.

Лишь только я вышел на берег, мне встретился мистер Гардинг. Как и всегда, добрый старик несказанно обрадовался мне.

— С благополучным приездом, дорогое дитя мое! — воскликнул он, увидев меня издалека. — А, Милс, когда же наступит конец вашему честолюбию? Довольно вам гоняться за деньгами; разве в них счастье?

— Что бы там ни было, дорогой мой, — ответил я, — но я скорблю о потере вашей уважаемой родственницы; позвольте поздравить вас, что достояние ваших предков перешло в ваши руки. В этом смысле оно для вас должно быть дорого.

— Конечно, друг мой. Но все принадлежит не мне, а Люси. Вот я могу сказать правду, хотя Руперт скрывает ее от всех. Я назначен душеприказчиком, и мне приходится теперь делать столько расчетов, вычислений, выдавать расписок, что я не знаю, выдержу ли долго; мне едва хватает времени на мои духовные обязанности.

— Ничего, дорогой мой, за вас я спокоен. Но что Грация, вы ничего мне не говорите о ней?

Мистер Гардинг вдруг переменялся в лице.

— А, Грация! — ответил он нерешительно. — Она здесь, милое дитя, но ни ее прежней веселости, ни ее

здоровья как не бывало. Я за нее вдвойне радуюсь вашему возвращению. Я серьезно опасаясь за нее; надо непременно позвать доктора. Она всегда казалась не от мира сего, теперь же она представляется мне серафимом, оплакивающим грехи человечества.

— Я боюсь, не опасна ли болезнь Грации?

— Будем надеяться, что нет, дитя мое. Она изменилась, это верно, но теперь ее ум, мысли, привязанности — все обращено к Богу. Она читает только религиозные книги, мечтает, и я убежден, что все остальное время она проводит в молитве. Вот почему она избегает общества и, несмотря на всю свою любовь к Люси, отказывается от ее приглашений погостить в Нью-Йорке, хотя отлично знает, что Люси не может ездить в Клаубонни.

Мне теперь стало ясно. Каждое слово опекуна раздавалось в моих ушах, подобно погребальному звону. Как я любил мою сестру!

— Грация ждет меня? — осмелился я, наконец, спросить, хотя голос мой сильно дрожал.

— Да, конечно, и очень обрадуется увидеть вас. Ведь вы, Милс, для нее первый на свете после Бога!

Как бы я был счастлив, если бы это была правда! Но увы! Я знал, что оно было не так.

— Люси думает побывать летом в Клаубонни? — спросил я.

— Надеюсь, хотя она не может располагать своим временем. Вы видели ее брата, Милс, не правда ли?

— Я встретил его на улице, затем видел в театре с Мертонами и Люси. Молодой Дреузт был тоже там, со своей матерью.

Добрый пастор посмотрел мне прямо в глаза.

— Что вы думаете об том молодом человеке? — спросил он, сам того не подозревая, что вонзает мне нож в самое сердце. — Нравится он вам?

— Я понимаю, вы намекаете на то, что мистер Дреузт просил руки мисс Гардинг.

— Я бы вам не доверился, если бы сам Дреузт не говорил бы об этом всем и каждому.

— Конечно, ввиду устранения других претендентов, — сказал я с горечью, не в силах будучи побороть себя.

Мистер Гардинг показался удивленным и даже рассерженным моим замечанием.

— Я от вас не ожидал этого, дитя мое, — сказал он. — Зачем видеть в людях дурное? Чего же тут неестественного, что Дреузт старается обеспечить за собой право на Люси? И какое в том зло, что он говорит вслух о своих чувствах?

Я был не прав и вполне заслужил этот урок, а потому и постарался смягчить свою вину:

— Мое замечание неуместно, я сознаюсь в этом, тем более, что его ухаживания начались еще до смерти миссис Бадфорт, следовательно, у него нет корыстных целей.

— Совершенно верно. Вы привыкли к Люси с самого детства, любите ее, как сестру, и вам, понятно, странно, что она может возбудить серьезную страсть, но вы сами знаете, что она действительно обаятельна, хороша собой да и вообще прекрасная девушка.

— Кому вы это говорите и кто в этом убежден более меня?! Но что касается Грации, — я задыхался, — мне всегда казалось, что она любит жизнь, теперь же она всецело отдается Небу!

— Да, я ничего не вижу опасного для здоровья молодой девушки в такой религиозной экзальтации, но наша обязанность, по мере сил и возможности, привести ее в себя.

Разве я мог объяснить старику настоящую причину болезни моей сестры? Грация не могла ни с того, ни с сего впасть в такое состояние, у нее всегда было столько здравого смысла во всех суждениях! Я угадывал, что она была оскорблена и разочарована в своей привязанности к Руперту, обманута его пустым тщеславием и эгоизмом. Мы с мистером Гардингом заговорили о ферме, о хозяйстве, и я понемногу настолько овладел собой, что мог спокойно увидеть Грацию.

Перед домом меня встретила целая толпа негров,

кричавших: «Здравствуйте, хозяин! С благополучным приездом!»

Но Грация ждала меня; протолкавшись сквозь толпу, я вошел в дом. У двери стояла Хлоя, негритянка, дальняя родственница Неба, исполнявшая у Грации роль горничной. Она мне улыбнулась, сделала реверанс и казалась в восторге, что видит своего молодого хозяина.

— Мисс Грация послала меня сюда, хозяин, сказать, что она ждет вас в семейной зале.

— Спасибо, Хлоя. Позаботьтесь, чтобы никто не помешал нам. Я больше года не видел свою сестру.

— Конечно, да, хозяин. А Неб, где теперь этот «парень»?

— Он придет поцеловать вас через десять минут, Хлоя, а пока ведите себя хорошенько.

— О, как же! Мисс Грация обучила меня всему.

Но мне было не до болтовни, я скорыми шагами направился к нашей заветной комнате, руки мои так дрожали, что я насилу нашел задвижку. Открыв дверь, я приостановился, думая, что сестра, по обыкновению, бросится в мои объятия. Но в доме царила мертвая тишина, точно тут находился покойник. Грация сидела на кушетке, будучи не в силах подняться и двинуться от слабости и волнения. У меня не хватало слов, чтобы описать, что я чувствовал при виде ее. Я был подготовлен к тому, что она изменилась, но не ожидал найти ее стоящей одной ногой в могиле.

Грация слабо протянула мне руки; я бросился к ней, сел около нее и осторожно привлек ее к себе, как мать нежно любимое дитя. Несколько минут мы оставались так, молча, смешивая наши общие слезы и рыдания.

— Как Бог милосерден, — сказала она, наконец, — что вовремя возвратил мне тебя! Я боялась, что ты приедешь слишком поздно.

— Грация, родная моя, бесценная, что ты хочешь этим сказать? Что с тобой?

— Разве надо объяснять тебе, Милс, разве ты сам не понимаешь?

Я ничего не ответил, а только пожал ей руку. Я слишком хорошо понимал эту ужасную историю. Но для меня оставалось загадкой, как это Грация могла так глубоко любить такого ничтожного и пустого человека. Я еще не знал, до чего доходит ослепление женщины к тому, кого она искренно любит; она находит в своем кумире всевозможные совершенства, какие ей вздумаются. В невыразимой душевной скорби я проговорил довольно громко: «Подлец!»

Грация, оставшаяся до этой минуты склоненной на моем плече, вдруг подняла голову. Она казалась ангелом, спустившимся на землю. От ее красоты веяло небесным сиянием. Однако ее взгляд принял выражение грусти и упрека.

— Это нехорошо, брат, — торжественно проговорила она. — Бог велит нам не то, я не этого ждала от тебя, единственного человека, который меня любит на земле.

— Но как же ты хочешь, чтобы я простил этому негодяю, который так долго обманывал мою бедную сестру, который обманывал всех нас и который бросает тебя теперь для другой из-за глупого тщеславия?

— Милс, дорогой мой, выслушай меня, — возразила Грация, судорожно сжимая мои руки в своих. — Ты должен заглушить в себе всякий гнев, чувство мести, даже оскорбленное самолюбие. Принеси мне эту жертву. Если бы я была виновата, я готова принять всякую кару; но все мое преступление в том, что я не смогла справиться со своим чувством; неужели же за это даже после смерти я не буду иметь покоя и мое имя будет связано с двусмысленными сплетнями, вызванными вашей ссорой?! Потом, вспомни, что вы жили, как родные братья; вспомни нашего доброго Гардинга, твоего опекуна; подумай о моей дорогой, верной Люси...

— Да, верная Люси, которая остается в Нью-Йорке, когда ее место — около тебя!

— Ей неизвестно, в каком я состоянии, ни причины тому. А теперь, Милс, — добавила она с ангельской улыбкой, — я слаба, как малый ребенок, со мной много возни. Но ведь ты будешь за мной ухаживать, не так ли?

Но, мой добрый брат, прежде чем выйти из этой комнаты, ты мне должен дать одно обещание.

— Разве я в чем-нибудь отказываю тебе? Но, Грация, я согласен только при одном условии.

— Каком? Я заранее соглашаюсь на все.

— В таком случае обещаю тебе не спрашивать у Руперта отчета о его поведении, да и вообще не делать ему никаких вопросов, ни даже упреков, — добавил я, читая мольбу в глазах Грации, требовавшей большего...

Последнее обещание вполне удовлетворило ее. Она поцеловала мою руку, и я почувствовал, как на нее скатилась горячая слеза.

— Теперь говори мне свое условие; каково бы оно ни было, я все принимаю.

— Ты должна предоставить мне полное попечение о твоём здоровье и позволить мне позвать сюда доктора и всех, кого я найду нужным.

— Только не его, Милс, ради Бога!

— Не беспокойся; его присутствие выгнало бы меня самого из дома. Ну, а на все прочее согласна? — Кивнув утвердительно головой, Грация упала ко мне на грудь. Силы ее истощились. Я позвал Хлою, и мы вместе увели больную в ее комнату.

Мне понадобилось немало времени, чтобы оправиться после этого свидания. Запершись у себя, я горькими слезами оплакивал мою сестру; я ее оставил здесь такой свежей, прекрасной, хотя, быть может, уже тогда червь начинал точить ее сердце. Когда я успокоился, то принялся за письма. Написав сначала Мрамору, сообщив ему имена наиболее известных докторов, я просил его привезти первого, оказавшегося свободным.

После некоторых колебаний я решил написать Люси. Хотя она и предпочитала меня Эндрю Дреузтту, все же она была по-прежнему привязана к Грации и не замедлит приехать в Клаубонни, как только узнает истину.

По ту сторону реки проживал очень знающий доктор, Бард, к сожалению, переставший практиковать. Я и ему написал наудачу, умоляя приехать в Клаубонни. Затем отослал Неба с моими посланиями.

Лишь только я окончил свою корреспонденцию, как ко мне явилась Хлоя сказать, что меня зовет Грация.

Я ее нашел лежащей на постели. На первый взгляд она показалась мне лучше, но это было ошибочное впечатление. Долгие страдания при ее одиночестве и скрытном характере вконец подточили ее силы, и ее здоровью угрожала серьезная опасность.

Не поднимая головы, она попросила меня рассказать все подробности моего последнего плавания, которое ее, видимо, очень интересовало.

Какой милой улыбкой оживилось ее лицо, когда я сообщил ей о своих сплетниках и о приключениях Мрамора. Я был так рад, что мне удалось хоть временно рассеять ее.

Моряки вообще редко молятся, хотя должны были бы почаще обращаться к Богу среди постоянных опасностей; но я не забывал уроков детства и в трудную минуту прибегал к молитве. И теперь, как только я возвратился опять в свою комнату, я бросился на колени, умоляя Создателя сохранить сестру мою, а также и нашего мистера Гардинга и Люси.

Да, я признаюсь в этом открыто и крайне жалею тех, кто вздумал бы поднять меня на смех.

Г л а в а   X X I X

Везде, где есть скорбь, должно быть утешение; если ваша скорбь происходит от печалей моей любви, любите меня: ваша скорбь и мои печали окончатся одновременно.

Шекспир

На следующее утро я провел с Грацией не больше одной минуты. С некоторого времени она взяла себе за обыкновение завтракать у себя в комнате, и в мой короткий визит к ней она показалась мне гораздо спокойнее, что воскресило во мне надежды на будущее.

Мистер Гардинг захотел непременно отдать мне пол-

ный отчет по своей опеке. Не желая противоречить ему, я согласился выслушать его и исполнить все формальности.

Само собой разумеется, все счета оказались поразительно точными. Расписавшись, где следовало, я сделался полновластным владельцем всего моего имущества. В общем, у меня оказалось тридцать тысяч долларов, не считая доходов с фермы. С какой радостью я отдал бы все, чтобы возвратить Грации здоровье и счастье!

Покончив со счетами, мы с Гардингом отправились верхом обозревать все земли, прилегающие к Клаубонни.

Когда мы проезжали мимо его старого домика, добрый пастор стал восторгаться красотой его местоположения. Он продолжал любить Клаубонни, но его пасторский дом был для него еще дороже.

— Я родился здесь, Милс, — сказал он, — прожил многие счастливые годы, как муж, отец и, надеюсь, как верный пастырь моего маленького стада. Правда, церковь святого Михаила в Клаубонни не может сравниться с Троицей в Нью-Йорке; но здесь также можно спасти свою душу. Сколько верующих христиан я видел молящимися перед ее скромным алтарем и между ними ваших незабвенных родителей и предков! Я надеюсь еще увидеть тут же вторую миссис Милс Веллингфорд. Женитесь, пока вы молоды, друг мой; такие супружества — самые счастливые, ибо жизнь перед ними.

— Но ведь вы бы не хотели, чтобы я женился раньше, чем найду такую женщину, которую мог бы серьезно любить и уважать?

— Сохрани вас Бог от этого, дитя мое! Но у нас так много женщин, достойных вашей привязанности. Да, я вам могу назвать их.

— Пожалуйста, прошу вас. Ваша рекомендация для меня много значит.

— С удовольствием, милый мой. Во-первых, мисс Гервей, вы знаете Кэтрин Гервей из Нью-Йорка? Эта девушка с прекрасными задатками и вполне подходит для вас.

— Да, но она уж очень некрасива.

— Да что такое красота, Милс? Это вещь — скоропроходящая.

— Однако вы сами руководствовались иной теорией на практике. Мне говорили, что миссис Гардинг была замечательно хороша собой.

— Это правда, — просто ответил он. — Но в таком случае, если Гервей вам не нравится, что вы скажете о Жанне Гарвуд?

— Она очень красива, но не для меня. Но отчего вы между всеми девушками не называете вашей дочери?

Я сказал эти слова с отчаянной решимостью и в страхе ждал ответа.

— Люси! — вскричал Гардинг, вдруг повернувшись ко мне и пристально на меня глядя, что доказывало, что он не допускал мысли о подобном сближении. — В самом деле, отчего бы вам не жениться на Люси?.. Ведь между вами нет никакого родства, хотя я привык смотреть на вас, как на брата и сестру. И что вы не подумали об этом раньше, Милс! Лучше этого ничего нельзя желать, и я заставил бы вас бросить ваше море. Как обидно, что вам пришла эта мысль слишком поздно! И как это я сам ничего не заметил раньше!

Слова «слишком поздно», как приговор, прозвучали в ушах моих; если бы мой старый друг был понаблюдательнее, он заметил бы мое волнение. Но я уже зашел далеко, чтобы останавливаться. Надо было раз навсегда все выяснить.

— Я полагаю, что именно наше совместное воспитание и помешало нам считать это возможным. Но, бесценный опекун, отчего вы говорите, что теперь слишком поздно? А если Люси согласится?

— О, тогда дело другое.

— Вы думаете, что мисс Гардинг более не свободна, что уж она безвозвратно отдала свое сердце мистеру Дреузтту?

— Я верил, мой дорогой мальчик, что вместе с рукой Люси отдаст и сердце. Хотя достоверных фактов у меня нет, но я убежден, что между ними взаимная склонность.

— А на чем вы основываетесь? Я сам знаю, что Люси — не кокетка, и поощрять ухаживания, не подавая надежды, она никогда не позволила бы себе.

— Я буду говорить с вами, как с родным сыном. Видя частые визиты Дреузта, я несколько раз собирался поговорить об этом с Люси, но так как мне хотелось предоставить ей полную свободу, и к тому же я в этом сближении не видел ничего предосудительного, то я не стал вмешиваться. Но что мне кажется особенно убедительным, это нежелание Люси оставаться с Эндрю наедине.

— Что вы и считаете главным доказательством ее чувства?

— Без сомнения. Но что вам-то, Милс? Ведь на свете много других молодых девиц.

— Да, но Люси Гардинг одна во всем мире! — вскричал я с отчаянием, говорившим больше слов.

Мой опекун даже приостановил свою лошадь, чтобы хорошенько взглянуть на меня. На его лице изображалось глубокое сочувствие. Он начал читать в моем сердце и испугался сам своему открытию.

— Ну, кто мог подумать это, Милс? Неужели вы действительно любите Люси?

— Больше всего на свете, больше жизни, я готов целовать землю, по которой она прошла, я безумно люблю ее и думаю, что это было так с того самого момента, как я стал сознавать, что такое любовь!

— Это просто удивительно, Милс. И что вы молчали два года тому назад? Бедное дитя, мне жаль вас от глубины сердца. Я понимаю, что значит любить такую девушку, как Люси, без надежды. И к чему было настаивать сделаться моряком, когда у вас была такая уважительная причина не уезжать отсюда?

— Я тогда по молодости сам не отдавал себе отчета в том, что у меня происходит в душе. А когда я возвратился с «Кризиса», Люси вращалась в высшем кругу, и я не посмел просить ее снизойти до меня, до моряка.

— Я понимаю вас, Милс, и ценю великодушие ва-

шего поступка, хотя и тогда, мне кажется, уже было поздно; ровно год тому назад Эндрю Дреуэтт уже заявил себя.

— Мне теперь остается одно: постараться найти счастье в море и любить только мое судно. Но последнее слово: если мистер Дреуэтт и Люси пришли к полному соглашению, отчего же они до сих пор не женятся? Или они ждут окончания траура?

— Нет, я думаю, тут другая причина; Руперт теперь зависит от сестры, а она хочет отдать половину всего, что ей оставлено кузиной; но она может сделать это только по достижении совершеннолетия, которое исполнится только через два года.

Я ничего не ответил, считая последнее предположение Гардинга возможным.

Бедный старик расстроился на весь день; я не раз слышал, как он говорил сам с собой: «Какая жалость! Как это обидно! Как бы я был счастлив иметь его своим зятем!» Эти невольные восклицания еще более усили мою привязанность к доброму Гардингу.

Следующий день был воскресенье, и Грация пожелала отправиться в церковь, куда я свез ее в старой, но очень удобной карете, принадлежавшей матери.

Сестра казалась гораздо бодрее. О чем только мы не переговорили с ней! Я развивал перед ней свои планы на будущее. Она слушала меня с большим вниманием и мало-помалу успокоилась.

В большой тревоге ожидал я завтрашнего дня. Я встал с восходом солнца и тотчас поехал верхом навстречу «Веллингфорду».

Когда шлюпка приблизилась, я увидел в ней господина средних лет, высокого, худощавого, но с внушительной наружностью.

Это был доктор Пост, один из лучших докторов Нью-Йорка. Я поспешил поздороваться с ним; но не успел я еще, подъехав к нему, соскочить с лошади, как ко мне подбежал Мрамор.

— Вот и я, Милс! — вскричал мой лейтенант. — На этот раз далеко от соленой воды. Так вот оно, знаменитое

Клаубонни! Но что это там виднеется, против холма, с какой-то машиной, вертящейся в воде?

— Это мельница, друг мой, а колесо это то самое, которое погубило моего отца. Помните, я рассказывал вам?

Мрамор грустно посмотрел на меня, как бы смутившись, что напомнил мне о столь тягостном событии, потом пробормотал:

— А мне так не приходилось терять отца! Не было такого чертова колеса, которое бы могло похитить у меня того, кого я не имел никогда. Ах да, кстати, Милс, в кормовой каюте с нами приехало сюда чудо красоты.

— Это, должно быть, Люси. — И, бросив доктора и Мрамора, я одним прыжком очутился у двери каюты.

Это действительно была Люси в сопровождении пожилой негритянки и шести служанок. Мы молча обменялись рукопожатиями, и я догадался по ее беспокойному взгляду, что она боялась расспрашивать меня.

— Я думаю, что ей лучше, — сказал я, — по крайней мере, она как будто повеселела. Вчера она была в церкви два раза, а сегодня в первый раз позавтракала вместе с нами.

— Слава тебе, Господи! — с жаром проговорила Люси. Затем она села и горько заплакала. Я сказал ей, что сейчас приду за ней, а сам пошел поговорить с доктором.

Когда все вышли из шлюпки, Люси взяла меня под руку, и мы поднялись на холм, у которого нас ждала карета. Я уговорил Мрамора и доктора сесть в нее, так как Люси предпочла идти пешком.

Как бы я был счастлив, при других обстоятельствах, побыть с ней наедине! Но теперь я испытывал смущение и неловкость.

Люси же нечего было скрывать от меня, и она заговорила со мной по старому:

— Наконец-то я опять в моем милом Клаубонни! Как хороши долины! Какая чудная зелень в лесах! Какой

аромат! О, Милс, один день, проведенный здесь, стоит целого года жизни в Нью-Йорке!

— Зачем же вы так долго остаетесь там, вы, человек вполне самостоятельный, раз вы отлично знаете, как здесь все бывают счастливы, когда вы с нами?

— Если бы я в этом была убеждена, то никогда не решилась бы расстаться с Грацией на целые шесть месяцев.

— И вы сомневались, сомневались во мне, Люси!

— Не в вас, нет, я не о вас говорю, а о Грации.

— Странно, Люси Гардинг дошла до того, что изверилась в своей подруге детства, которая была для нее почти сестрой!

— Почти сестрой, Милс? Что бы я дала, чтобы поговорить с вами откровенно, как в былые годы!

— Кто же вам мешает? Говорите, я слушаю и отвечу вам чистосердечно.

— Но теперь есть между нами препятствие, Милс, и большое препятствие; мне незачем называть его.

— Какое же это препятствие, Люси? Умоляю вас, говорите правду, между нами и без того уже образовалась целая пропасть за эти последние два года.

— Для меня эта разлука была столь же тяжка, как и для вас, Милс, и, если хотите, я буду с вами откровенна, рассчитывая на ваше великодушие. Чтобы вам дать понять, что я хочу сказать, довольно вам назвать Руперта?

— Как, Люси, выскажитесь яснее, между нами какое-то недоразумение?

Она слегка прижала мою руку и добавила:

— Милс, ведь вы любите моего отца и уважаете меня, чтобы забыть, что вы с Рупертом жили как братья.

— Грация говорила мне уже по этому поводу, я не поступлю с ним так, как он того заслуживает и как того требуют правила света.

— Это все, о чем я хотела попросить вас, Милс; благодарю вас, что успокоили меня относительно этого вопроса. Теперь я буду с вами вполне искренна; но раньше мне надо увидеть Грацию...

— Не бойтесь выдать ее тайну; я все знаю. Да, это несчастная любовь к Руперту привела ее в такое состояние.

— Какое ужасное испытание для бедной Грации! Но, может быть, усиленным уходом за ней и нашей привязанностью мы поможем горю. Хорошо, что удалось привезти опытного доктора, и, по-моему, не надо от него ничего скрывать.

— Я сам хотел посоветоваться с вами об этом. Уж слишком тяжело выставлять на показ заветные мысли Грации!

— До этого-то мы, пожалуй, не дойдем, но доктору необходимо знать, что главный корень болезни — в сердце и что о нем надобно подумать прежде всего. Но довольно об этом, Милс. Мне бы не мешало немножко успокоиться перед свиданием с Грацией. Слава Богу, мы опять в Клаубонни и по-прежнему — друзья.

Эти слова были сказаны с такой кротостью, что я готов был броситься к ее ногам.

Но всякие излияния чувств были бы теперь неуместны.

У двери Хлоя сказала нам, что мисс Грация хотела бы видеть Люси одну. Я испугался этого свидания и хотел присутствовать сам, но Люси успокоила меня, сказав, что я могу вполне положиться на нее.

Я же тем временем отыскал доктора и вкратце сообщил ему о ходе болезни.

Через час Люси вернулась, и доктор вместе с ней прошел в комнату больной, где он пробыл довольно долго. Распространяться в объяснениях он не стал. Прописал возбуждающие средства, посоветовал нам всячески отвлекать сестру от тяжелых мыслей; затем, по его мнению, необходимо было переменить для больной обстановку, если бы возможно было сделать это, не утомляя ее.

Я сейчас же предложил свой «Веллингфорд»: хотя этот шлюп был не велик, но в нем были две комфортабельные каютки.

Доктор вполне одобрил мой план. В тот же вечер мы

все вместе обсуждали, что Грацию нельзя было оставлять в Клаубонни чахнуть в одиночестве.

— У меня на водах есть один пациент, который просит меня навестить его, — сказал доктор Пост, — да и мне самому хотелось бы полечиться недельку. А потому, если можно, довезите меня до Альбани, а потом продолжайте свою экскурсию, насколько это позволят силы мисс Веллингфорд.

Этот проект всем показался прекрасным. Даже Грация улыбнулась, слыша наши совещания, и целиком отдалась в наше распоряжение. Теперь только оставалось приступить к исполнению его.

Г л а в а   Х Х Х

Она садится и рассматривает меня, бросая на меня кроткий и глубокий взор, как тихая звезда с высоты неба, как бы разглядывающая землю.

Л о н г ф е л л о

На другой день рано утром я деятельно занялся приготовлениями. Мрамора тоже пригласили в нашу компанию.

К двенадцати часам все было готово. Грацию подвезли в карете, и мы с Люси помогли ей подняться на борт шлюпа. Хлое, к великому ее восторгу, разрешили сопровождать ее госпожу. Сколько раз я слышал ее возглас: «О, парены!», как только она завидит своего Неба.

Когда все были в сборе, подняли якорь.

Обогнув стрелку, «Веллингфорд» ослабил шкоты, поставил лисели и марсель и поплыл вверх по Гудзону, направляясь к ключам. По пути нам встречалась масса парусов. На палубе многих судов находились дамы, очевидно, тоже едущие на источники. Я сказал Мрамору, чтобы он постарался обратить внимание сестры на пассажиров, а потому он поспешил догнать один из шлюпов,

Грацию подвезли в карете, и мы с Люси помогли ей подняться на борт шлюпа.

заполненный людьми из избранного общества. На судне везли даже лошадей и экипаж.

Давно я не был так счастлив. Грация выглядела лучше, она стала спокойнее, и нервы ее утихли, а это главное. Люси, оживленная от разнообразных впечатлений, при виде раскрывавшихся перед ней зрелищ, просто сияла. Когда она оборачивалась ко мне, в ее взгляде выражалась если не любовь, то уж наверное самая искренняя дружба.

Но каждый ее жест, каждое слово, обращенное к Грации, показывали, как тесно были связаны сердца обеих подруг на всю жизнь. Мистер Гардинг тоже повеселел. Он согласился поехать с нами с условием, что мы возвратимся в Клаубонни к воскресной обедне. Просматривая предстоящую проповедь, его глаза то и дело отрывались от рукописи, чтобы полюбоваться красивым пейзажем.

Мрамор восхищался ходом «Веллингфорда». Когда мы проходили около одного шлюпа, называвшегося «Гелланд», шкипер ее, не могший разобрать нашего имени, закричал нам в рупор:

— Какой это шлюп?

— «Веллингфорд», из Клаубонни, только что вышел на экскурсию.

— По всей вероятности, я имею честь разговаривать с самим капитаном Веллингфордом? Тем самым, о котором мне столько говорили мои друзья, Мертоны? Они с вами возвращались из Китая. Они вспоминают о вас с большой благодарностью, говорят, что вы замечательно заботились о них и если они еще когда-либо будут путешествовать морем, то только вместе с вами.

Я насилиу отделался от этого разговора. Каково мне было слышать многократное повторение имени Мертонов при Грации, до которой могли долететь эти имена? Ведь для нее это была новая пытка. Люси побледнела как полотно и изъявила желание уйти к себе в каюту, куда я и свел ее, что оказалось как раз вовремя. Грация постоянно засыпала от слабости. Полчаса спустя Люси опять пришла к нам на палубу. В это время перед

нами виднелось какое-то судно. Люси вдруг заволновалась.

— Не думаете ли вы подойти к этому шлюпу? — спросила она.

— Мне казалось, что с нас довольно сплетен, но если подобные переговоры занимают вас, то с удовольствием.

Люси затруднилась ответить. Она покраснела и подумала с минуту, потом с неестественной улыбкой, столь не свойственной ее натуре, сказала:

— Да, мне бы хотелось приблизиться к этому шлюпу, хотя вовсе не из тех мотивов, которые вы предполагаете.

Я видел, что ей не по себе, но не мог понять причины. Но желание Люси было для меня равносильно приказу, и я приказал Небу ускорить ход. На корме шлюпа значилось: «Орфей». Палуба его была переполнена пассажирами. В это время Люси прижалась ко мне, как бы ища у меня защиты.

— Теперь, Милс, вы будете говорить за меня в рупор; я не могу сама начать разговора при таком большом обществе.

— С удовольствием, Люси, но вы диктуйте мне то, что я должен сказать.

— Конечно, только сначала предложите общепринятые вопросы.

— Эй! «Орфей»? — сказал я довольно громко.

— Ну, что там? — ответил шкипер, вынимая изо рта трубку.

Я посмотрел на Люси, спрашивая ее взглядом: «А дальше?»

— Спросите его, там ли миссис Дреуэтт, — не господин, а миссис, мать, — сказала Люси, краснея до корней волос.

Я был так поражен, что едва оправился. Шкипер ждал с любопытством второго вопроса.

— Миссис Дреуэтт у вас? — спросил я отчетливо.

Прежде чем ответить, шкипер нагнулся к некоторым из пассажиров, не видных нам из-за паруса «Вел-

лингфорда», гик которого выдвигался к стороне «Орфея».

— Миссис Дреуэтт здесь и желает узнать имя особы, осведомляющейся о ней.

— Скажите, что у мисс Гардинг есть поручение к миссис Дреуэтт от миссис Оджилви, которая едет в другом шлюпе, — сказала Люси тихим и неуверенным голосом.

Я задышался, однако сделал последнее усилие, чтоб передать фразу. Тотчас же я услышал, что кто-то поднимается на борт судна и вслед затем увидел Эндрю Дреуэтта, со шляпой в руке и сияющей физиономией; выражение его глаз, развязность манер — все указывало на близкие отношения, существовавшие между ним и Люси. Последняя инстинктивно взяла меня под руку, и я чувствовал, что она дрожала.

Оба шлюпа были настолько близко один от другого, что они могли разговаривать, не особенно возвышая голос.

— Здравствуйте, — сказала Люси, — передайте, пожалуйста, вашей матери, что миссис Оджилви просит подождать ее в Альбани... Да вот и сама миссис Дреуэтт, — поспешила Люси прервать самое себя.

— У нас есть с собой что-то для вас, милая моя, — ответила миссис Дреуэтт, вежливо раскланявшись со мной. — Вы так заторопились с отъездом, получив это противное письмо — это то, в котором я умолял Люси приехать к больной подруге, — что забыли свой рабочий ящичек, а так как я знаю, что в нем много билетов, — я говорю не о банковых билетах, — то мне непременно хотелось возвратить вам его в собственные руки. Вот он, но как мне его вам передать?

Люси очень встревожилась. Она была в гостях у подруги миссис Дреуэтт, когда пришло мое письмо, и, заторопившись с отъездом, оставила свой ящик открытым. Хотя Люси ни на минуту не допускала, чтобы миссис Дреуэтт позволила себе рыться в чужих вещах и читать чужие письма, все-таки ей неприятно было видеть свои секреты в руках первой встречной.

Я счел нужным вмешаться.

— Господин Дреуэтт, — сказал я после взаимного поклона, — если вы попросите остановить ваш шлюп, я сделаю то же и затем пошлю за ящиком лодку.

Это предложение заставило вопросительно взглянуть на шкипера. Он в это время сидел, облокотившись на руль, и курил. Нехотя вынув изо рта трубку, он проворчал:

— Очень нужно останавливаться! Точно ветер станет потом слушаться нас. Вот что еще выдумали!

Затем он снова взялся за трубку. Видя, что с ним не сладишь, я стал придумывать другое средство, как вдруг заметил не без удивления и некоторого беспокойства, что Эндрю Дреуэтт взял ящичек из рук матери, затем бросился к нашему гикю, конец которого доходил до его шлюпа. Видно было, что он намеревался дойти таким образом до нашей палубы, чтобы собственноручно передать Люси ее ящичек. Предприятие это было слишком рискованно. Конечно, все дамы заохали от ужаса. Бедная миссис Дреуэтт закрыла лицо руками, считая своего сына уже погибшим. Я боялся даже взглянуть на Люси.

Так как Дреуэтт, видимо, терял свое хладнокровие, то я решил принять меры не только в его интересах, но и в интересах коробки Люси.

Неб, не дождавшись моего приказанья, сам подскочил ко мне.

— Коробка упадет в море, хозяин, — сказал он мне вполголоса. — Его ноги уже дрожат, и скоро он все выпустит.

— Что же сделать, Неб? Какое средство придумать?

— Если хозяин разрешит, Неб побежит по гикю, возьмет ящик и принесет его мисс Люси.

— Что ж, иди, будь только осторожнее.

Крик Хлои был сигналом того, что Неб начал опасное шествие. Он подвигался по гикю твердой поступью, невзирая на протесты Дреуэтта, не желающего посторонней помощи; Неб подошел к нему в тот момент, когда молодой человек ухватился за канат и ноги его тряслись так, что

его положение внушало серьезную опасность. Лицо Неба изобразило любезную гримасу, и он протянул руку за целью своего визита.

— Хозяин Милс полагает, что лучше отдать мне ящичек мисс Люси, — сказал он со всей вежливостью, на которую был способен.

Несмотря на оскорбленную гордость, Дреуэтт не прочь был получить эту маленькую поддержку и, ни слова не говоря, отдал негру ящик, на что Неб наклонил голову, спокойно повернулся на месте и твердым шагом пошел к самой мачте, и в этот момент, когда он вспрыгнул на палубу, я опять услышал знакомое восклицание: «Парень»!

Неб с торжествующим видом преподнес Люси свой трофей, она молча передала ящик Хлое, не отрывая своего взора, устремленного на Дреуэтта, в положении которого она принимала горячее участие.

— Мерси, господин Дреуэтт, — сказала она, — теперь ящик в безопасности, вам нечего приходить сюда, мистер Веллингфорд поможет вам добраться до вашего шлюпа.

Я действительно принялся объяснять, как это сделать, но совсем неожиданно натолкнулся на два препятствия: во-первых, на самолюбие Дреуэтта, который ни за что не согласился отступить, а во-вторых, шкипер «Орфея», взбесившись, что мы обогнали его, решил отомстить, отъехав от нас на сто аршин. Таким образом, теперь оставалось только одно средство к спасению Дреуэтта.

— Держитесь за канат, господин Дреуэтт! — закричал я. — Я втащу гик на борт, и тогда вам будет легко подняться к нам.

Но Дреуэтт умолял меня ничего не делать, говоря, что он приноровился уже и сейчас последует примеру Неба.

— Нет, нет, прошу вас не беспокойтесь, господин Веллингфорд, неужели вы думаете, что я не смогу добраться до вас, как этот негр?!

— Но ведь негр — матрос, привычный к упражнениям

такого рода; и он — босой, а вы в тонких и скользких башмаках.

— Да, это мне ужасно мешает. Но все же я надеюсь без всякой помощи дойти до мисс Гардинг, чтобы поздороваться с ней.

Сам Гардинг вмешался в дело, но все напрасно. Дреуэт упорствовал.

— Оставьте его, — сказала Люси умоляющим голосом. — Он говорил, что умеет плавать.

Но было уже слишком поздно. Гордость, упрямство, тщеславие, любовь заставили его поступить по-своему; он двинулся, оставив канат, последнюю точку опоры. Я прекрасно знал, что ему не дойти до мачты. Не прошло нескольких секунд, как он бултыхнулся в воду. По его отчаянным барахтаньям сразу было видно, что несчастный не умеет плавать. На мне была куртка, матросские штаны и башмаки.

Я тотчас же бросился вслед за ним. Дождавшись, когда он вынырнул, я схватил его за волосы, стараясь перевернуть на спину, лицом к воздуху, но вследствие усилия, которое мне пришлось употребить, я сам пошел ко дну. Пришлось на минуту выпустить его, чтобы набрать воздуха. Потом я сказал, чтобы он держался за мои плечи, опустив туловище в воду; если человек, находящийся в опасности, исполняет эти правила, то хороший пловец без труда может протащить его целую милю. Но Дреуэт пребывал в страхе и отчаянно отбивался от меня. На земле я бы живо справился с ним, но в воде приходится бояться даже ребенка. Да простит мне Бог, если я говорю неправду. Но мне показалось, что Дреуэт сознает, кто я, и он вне себя от ревности. Мне ясно послышались слова: «Люси», «Веллингфорд», «Клаубонни», «соцерник».

Преимущество, которое я предоставил ему, сказав, чтоб он держался за мои плечи, обошлось мне дорого. Он вместо этого стиснул мне шею обеими руками и, опираясь на меня, силился подтянуться наружу, а я вследствие такой тяжести шел вниз.

Каждая минута была дорога. Я делал над собой

нечеловеческие усилия, стараясь выплыть, но не мог. Его руки, как тиски, сжимали мне горло, мои движения были стеснены. Надо было решиться: или отделаться от него, или потонуть самому.

Схватив его руки, я силился высвободиться от него. Но в этой борьбе мы оба пошли ко дну.

Мне трудно описать то, что последовало. Сознаюсь, я отказался от мысли спасти жизнь Дреуэтта и думал только о себе. В воде мы с ним сцепились, как два смертельных врага. Три раза мне удалось вынырнуть, чтобы перевести дыхание, таща за собой и Дреуэтта, который находился в более благоприятных условиях, чем я. Такая отчаянная борьба не могла продолжаться долго.

В четвертый раз мы пошли ко дну, и я чувствовал, что мне больше не подняться, силы стали мне изменять, но меня спасло неожиданное обстоятельство. В молодости отец приучил меня оставаться в воде с открытыми глазами. Вследствие этого у меня оказался маленький перевес над Дреуэттом, я по крайней мере мог видеть, куда направлять свои движения. И когда я настолько ослабел, что у меня исчез последний луч надежды на спасение, мне показалось, что на меня надвигалась в воде какая-то масса, точно акула, хотя она редко попадает в Гудзон. Этот предмет вдруг нырнул около нас, как бы намереваясь схватить свою добычу. Я почувствовал, что кто-то осторожно поднимает меня на поверхность, и как только показался свет и я мог вздохнуть, Мрамор оторвал от меня Дреуэтта. В это же время моя акула, отдуваясь, выплыла из воды и заговорила человеческим голосом:

— Мужайтесь, хозяин! Неб с вами!

Не знаю уж, как меня втащили на борт, где я лежал в полном изнеможении, между тем как Дреуэтт не подавал признаков жизни. В это время Неб, промокший до костей, уселся на дно лодки, положил мою голову себе на колени, стал выжимать воду из моих волос и вытирать мне лицо платком...

Мне остается немного добавить. Когда Люси увидела

меня, пришедшего в чувство, то не могла удержаться от радостного восклицания и со слезами кинулась мне на грудь. Безумно прижимая к себе чудную девушку, я по одним ее глазам увидел, как сильно она любит меня. Безмерная радость наполнила мое сердце. Губы наши слились в одном долгом, долгом поцелуе.

Возвратившись домой, мы без лишних слов обручились, а там и повенчались; наша радость омрачалась только видом бедной Грации. Но отправившись вместе с нами в путешествие, она скоро выздоровела...

КОЛОНИЯ НА КРАТЕРЕ

Перевод с английского
А. А. Энквиста

ВВЕДЕНИЕ

Весьма вероятно, что у большинства читателей этой книги явится невольный вопрос: почему ни в одном учебнике географии или истории не упоминается ни словом о тех местах и событиях, о которых здесь идет речь?

Однако стоит только вспомнить о том, что было время, и всего каких-нибудь три или четыре столетия тому назад, когда наши ученые географы даже и не подозревали о существовании Америки, и ни в одной из их ученых книг не говорилось ни слова об этом громадном материке, что не прошло еще и ста лет с тех пор, как они заговорили о Новой Зеландии, Новой Голландии, островах Таити, Оаху и многих других, о которых теперь чуть ли не ежедневно упоминается даже в газетах.

Короче говоря, не подлежит сомнению, что даже и те, которые лучше других изучили земной шар, еще далеко не знают его во всем его объеме. Что же касается нашего рассказа, то мы смело можем утверждать перед лицом всего света и всех тех, кто пожелает умалить в глазах читающей публики достоинства этого труда, что во всей этой книге нет ни единого слова, которое не заслуживало бы полного доверия.

Кроме того, читатель пожелает, быть может, узнать, почему все те чудесные события, о которых повествуется в этой книге, оставались так долго сокрытыми от людей? Но пусть мне скажут, сколько тысячелетий прошло с тех пор, как громада вод низвергается с высоты Ниагары, и

как могло случиться, что просвещенное человечество узнало о том лишь каких-нибудь триста или четыреста лет тому назад.

Затем мы можем сослаться еще на один немаловажный аргумент, могущий служить доказательством нашей правдивости, а именно на то, что и сейчас еще существует в Пенсильвании семейство Вульстон. Наиболее выдающийся член этой семьи недавно скончался на семьдесят первом году своей жизни; его дневник и послужил главным основанием для настоящего рассказа. Человек этот оставил после себя большое состояние и ничем не запятнанную память.

Прелестная и верная подруга этого главного лица нашего рассказа умерла вскоре после него; казалось, она не могла долго жить в разлуке с ним, и оба они почти одновременно отошли в вечность. Та же самая участь постигла и двух других наших друзей, Роберта и Марту, которые также отбыли свой срок земного существования и отошли в лучший из миров. Некоторые из более юных участников этой житейской драмы еще живы и теперь, но они тщательно избегают говорить о тех событиях, которые им пришлось пережить или довелось слышать в их ранние годы. Молодость — пора иллюзий и радужных надежд, и если эти иллюзии почему-либо разбиты, то не хочется уже оглядываться на них назад.

В заключение скажем еще одно последнее слово: составляя эту книгу, мы старались сохранить простой безыскусственный язык записок капитана Вульстона, а потому, в случае, если читатель встретит здесь кое-какие погрешности в изложении, пусть вышесказанное послужит нам в оправдание.

Г л а в а   I

Отличный случай; надо покинуть порт, а там ты найдешь счастье или смерть.

Ш е к с п и р

И з числа всех тех многочисленных вольностей, какие позволяют себе независимые американцы, нет ни одной более крупной и более явной, как постоянное изменение мужских и женских имен, согласно требованию капризной, скоропреходящей моды.

Для этого пользовались именами и библейскими, и мифологическими, и историческими, а когда все эти источники оказались исчерпанными, то настала пора измышления имен. «Кэт», «Бэтси» и «Долли» вышли давно из моды, и теперь мы встречаем повсюду лишь «Филэма», «Аминда», «Маринда» и тому подобные женские имена.

Но, к немалому благополучие нашего героя, он имел счастье явиться на свете лет за шестьдесят до вторжения всевозможных модных имен в пределы маленького городка Бристоля в Пенсильвании, а потому был назван при крещении просто Марком.

Отец нашего героя был врач и, по тогдашнему времени, врач весьма искусный и ученый. У доктора Вульстона был тут же, в Бристоле, коллега, по фамилии Ярдлей. Этот Ярдлей был человеком во всех отношениях

весьма почтенный и обладал такими же медицинскими и другими научными познаниями, как и его сосед, доктор Вульстон, но имел над последним несомненный перевес: он обладал несравненно лучшими материальными средствами.

Кроме того, у доктора Ярдлея была только одна дочь, тогда как Вульстон был отцом многочисленного семейства.

Марк был старший из его детей, и, вероятно, этому счастливому обстоятельству он был обязан тем, что получил столь основательное образование.

В восемнадцатом столетии высшие учебные заведения, или коллегии, в Америке представляли собой не что иное, как хорошие детские школы: по части словесности преподавалась одна грамматика, а по части других наук там можно было понахвататься только обрывков знаний. Как бы то ни было, но всякий, окончивший курс этой коллегии, получал почетное звание бакалавра, и Марк Вульстон получил бы его, без сомнения, наравне с другими своими товарищами, если бы на шестнадцатом году его жизни не случилось одно событие, которое окончательно изменило все его планы и виды на будущее.

Хотя большие суда редко поднимаются по Делавару выше Филадельфии, однако река эта доступна даже и для самых крупных судов вплоть до самого Трэншон-Бриджа. Однажды, — это было в 1793 году, когда Марку Вульстону едва только исполнилось шестнадцать лет, — какое-то большое судно, с полным вооружением и оснасткой, бросило якорь в конце набережной Берлингтона, маленького городка, расположенного на противоположном берегу Делавара, почти как раз против Бристоля. Судно это тотчас же сосредоточило на себе внимание всей местной молодежи. Марк положительно проглядел на него все глаза; он поминутно переправлялся на своей маленькой шлюпке на ту сторону реки, чтобы иметь возможность поближе полюбоваться красивым кораблем, который произвел на него столь сильное впечатление, что с той поры он не помышлял ни о чем другом, кроме океана. Ни слезы

матери, ни отчаяние старшей из его сестер, прелестной девушки, которая была всего двумя годами моложе его, ни разумные увещания отца не могли поколебать раз принятого им решения. Все шесть недель его каникулярного времени ушли на всестороннее обсуждение этого важного вопроса, и в конце концов доктор Вульстон сдался; его согласию, вероятно, немало содействовала мысль, что сбережения, которые будут у него оставаться в том случае, если старший сын его начнет самостоятельно зарабатывать себе кусок хлеба, окажутся отнюдь не лишними, а пойдут на образование младших детей.

В 1793 году торговля Америки шла уже блистательно, а Филадельфия была в то время чуть ли не важнейшим пунктом в этом отношении. Особенно оживленную торговлю поддерживала она с Восточной Индией (Ост-Индией), и старику Вульстону было небезызвестно, что в тех краях легко разбогатеть всякому смышленому человеку.

Ему был хорошо знаком капитан одного из крупных коммерческих судов, к нему он и решил обратиться за советом в этом деле. Капитан Кретшли согласился принять Марка на свое судно и обещал его отцу сделать из этого юноши не только путного человека, но и офицера, что, конечно, несравненно важнее.

Марк был бойкий, толковый и для своих лет рослый, сильный и здоровый мальчик, полный жизни и энергии. И если в течение тех трех лет, которые он провел в коллегии, Марк не стал ни Ньютоном, ни Бэконом, то все же эти три года не пропали для него даром: он знал всего понемногу и во всяком деле был ловок и проворен, так что вскоре обратил на себя внимание начальства. Едва только его судно успело сняться с якоря, как Марк почувствовал себя на «Ранкоусе» так же хорошо и свободно, как у себя дома. В тот же день капитан Кретшли сказал о нем своему помощнику: «Этот парень далеко пойдет — из него будет прок»!

Несмотря на то, что он так быстро освоился со своим судном и чувствовал себя счастливым в своем новом звании моряка, у бедного Марка нелегко было на душе,

когда он впервые в своей жизни потерял из виду родной берег. Он любил своего отца со всей нежностью доброго сына, любил также и мать, и братьев, и сестер, а так как мы решили уже договорить все без утайки, то добавим еще, что было одно лицо, которое занимало в его сердце и воображении несравненно больше места, чем все остальные, взятые вместе: то была Бриджит Ярдей, единственная дочь враждебного собрата его отца.

Взаимные отношения двух коллег были далеко не из лучших: им слишком часто приходилось сталкиваться у постели различных больных, для того, чтобы иметь возможность вести открытую войну друг против друга, но зато их жены явно враждовали между собой, не подерживая даже никаких, хотя бы официальных сношений. Когда им случалось встречаться на вечерах в собрании или в гостях у общих знакомых, то и тут они делали вид, как будто не замечают друг друга.

Но взаимные чувства их детей были совершенно иного характера: Анна Вульстон, старшая из сестер Марка, и Бриджит Ярдей были почти ровесники; они посещали одну и ту же школу и были лучшими друзьями в мире. При этом следует отдать справедливость их матерям в том, что они нисколько не противились взаимной привязанности своих детей; они довольствовались своей личной враждой и нисколько не старались привить эту враждебность и дурные чувства своим детям.

Обе эти молоденькие девушки были милы и хороши собой, но каждая из них была мила и хороша по-своему. Анна отличалась мелкими красивыми чертами и ярким румянцем лица, у нее были, кроме того, прекрасные зубы и прелестнейший в мире ротик; Бриджит, обладая всеми этими достоинствами, обладала, кроме того, красивыми, вдумчивыми глазами, которые придавали ее лицу особенную выразительность: в нем, как в зеркале, отражалось каждое движение ее впечатлительной и чуткой души. Марку часто случалось заходить к доктору Ярдею за сестрой, когда та была в гостях у своей подруги, чтобы проводить ее домой; благодаря этому обстоятельству, он вскоре был принят в качестве третьего лица в их тесный

дружеский кружок. Первоначально решено было считать Марка их общим братом; это казалось им так забавно, так ново, что обе девочки часто по целым часам беседовали между собой о том, кем должен будет стать со временем их общий братец, чем могут они быть ему полезны и что они в силах сделать для него, а главное для его будущности...

В результате всех этих душевных бесед и частых свиданий с общим любимцем и общим братом в душе Бриджит зародилось к Марку чувство, гораздо более глубокое и серьезное, чем можно было ожидать от девочки в ее возрасте. С Марком случилось то же самое, но он понял всю силу своей привязанности лишь в ту минуту, когда родной берег стал уходить у него из глаз, и милый образ тоскующей Бриджит предстал его воображению.

Служба молодого моряка шла очень успешно; делу своему он обучался чрезвычайно быстро под руководством одного старого опытного матроса, и когда судно его вошло в китайские воды, он уже был назначен рулевым. В ту пору плавание такого рода длилось около года; конечно, если бы почтенные сыны Китая были хоть наполовину так деятельны и предприимчивы, как наши американцы, то на эти рейсы не потребовалось бы и четверти того времени, но доставка чая по каналам Небесной Империи в то время далеко не отличалась быстротой.

Когда «Ранкокус» вернулся из своего плаванья, молодой Марк Вульстон сделался тотчас же предметом зависти и в глазах всех юношей Бристоля, и предметом восхищения всех местных барышень и девиц. В самом деле, красивый, ловкий юноша, повидавший далекие страны и моря, смотрелся щеголем в своей синей куртке тончайшего сукна, с небрежно повязанным вокруг шеи настоящим индийским фуляром и другими такими же фулярами, кокетливо выглядывавшими из его карманов. Он едва успевал отвечать на сыпавшиеся на него со всех сторон расспросы о Китае, и о китайских ножках, и о волнах океана величиной с горы. Жители Бристоля,

никогда не видавшие океана, были почти уверены, что там, в открытом море, волны непременно должны быть «вышиной с горы»; впрочем, и о горах-то они не имели особенно точного представления, так как в этой части Пенсильвании нет даже и бугра, который был настолько высок, чтобы можно было поставить на нем ветряную мельницу.

При всем том Марк чувствовал себя вполне счастливым как от лестного для него внимания посторонних, так и от ласковой, сердечной встречи со своими близкими и родными; в его родной семье, где его всегда любили и где теперь гордились им, он был желанным гостем; но более всего испытал он счастья тогда, когда ему, наконец, удалось запечатлеть горячий поцелуй на зардевшихся ярким, стыдливым румянцем щеках хорошенькой Бриджит.

Эти двенадцать месяцев разлуки прошли даром как для Марка, так и для молодой девушки: оба они развились, расцвели и возмужали за это время. В течение того месяца, который Марк провел в родительском доме в Бристоле, он, конечно, не раз успел повидаться с любимой девушкой, — мало того, он признался ей в своей любви и выманил у нее признание во взаимности.

Между тем родители не замечали того, что происходит между их детьми, точно так же, как и дети, с своей стороны, не подозревали, до чего возросла взаимная вражда и ненависть их отцов и матерей. Теперь уже коллеги не встречались даже у изголовья больных; если же им когда-нибудь приходилось сталкиваться друг с другом, то каждая такая встреча неизбежно оканчивалась более или менее крупной ссорой двух последователей Эскулапа.

Быстро промелькнули четыре счастливые недели отпуска для Марка, по окончании этого срока он обязан был снова вернуться на свое судно. Надо было проститься с родными и с Бриджит. Анна, ставшая поверенной влюбленной молодой пары, сделала вместе с тем и хранительницей весьма важной тайны их взаимного обета — стать мужем и женой, и чем скорее, тем лучше, конечно!

Но понятно, что осуществление этого намерения нужно было еще отложить на некоторое время.

На этот раз Марк уезжал с сокрушенным сердцем, но, тем не менее, полный надежд на будущее. Несмотря на то, что образ прелестной подруги не выходил у него из головы, не прошло и недели со дня отплытия судна, как он уже снова был первым весельчаком и затейником из всего экипажа.

Путь их лежал теперь не прямо в Кантон, как в первое его плавание; «Ранкокус» должен был предварительно сдать в Амстердаме груз сахара и затем уже, занявшись некоторое время каботажом в Европе, направиться в Кантон. Из Амстердама «Ранкокус» зашел в Лондон, где забрал товары для доставки в Кадикс. По пути приходилось заезжать то в тот, то в другой порт, и Марк знакомился с чужеземными странами, народами и обычаями; правда, за свое кратковременное пребывание в Амстердаме, Лондоне, Кадиксе, Бордо, Марселе, Гибралтаре и некоторых других приморских городах он, конечно, не имел возможности основательно изучить и вникнуть в то, что ему приходилось видеть и слышать, но тем не менее он приобрел громадный запас всевозможных сведений, которые ему впоследствии очень пригодились. Перед отправлением в Кантон Марк был произведен в офицеры. Те два года, которые он провел в море, достаточно подготовили его к предстоявшей ему служебной деятельности, а полученное им ранее образование значительно облегчило ему изучение специальных-морских наук. В ту пору флотские офицеры были еще далеко не заурядным явлением в Америке, и всякий молодой человек, с такими способностями и знаниями и столь богато одаренный и физически, и нравственно, не мог не пробить себе дороги и не пойти быстро вперед по службе, если только тому не мешало его поведение. Поэтому нет ничего удивительного в том, что наш юный моряк был сделан младшим помощником капитана, хотя ему еще не было и восемнадцати лет.

Плавание от Лондона до Кантона и от Кантона до Филадельфии продолжалось около десяти месяцев. По

прибытии на место своей стоянки капитан Кретшли дал Марку торжественное обещание сделать его в следующее плавание своим старшим помощником, и счастливый Марк, не теряя времени, поспешил в Бристоль.

Бриджит Ярдлей была тогда в полном расцвете своей красоты. Марк застал ее в трауре по матери; эта утрата только сблизила двух приятельниц — и родители, очевидно, не имели ничего против этой дружбы; что касается частых посещений молодого моряка, то на это отец Бриджит взглянул совершенно другими глазами. Не прошло и двух недель со дня его возвращения, в течение которых Марк чаще, чем когда-либо, посещал подругу своей сестры, как однажды старик Ярдлей, без всякой видимой причины, придрался к нему и попросил его не бывать более у него в доме. Главной причиной этого поступка со стороны доктора Ярдлея было то, что со смертью матери дочь его стала богатой наследницей, получив по завещанию совершенно независимое состояние.

При одной мысли о том, что это состояние может перейти в руки сына его врага, доктор Ярдлей готов был рвать на себе волосы. Потому-то он и воспользовался первым попавшимся случаем, чтобы сделать молодому человеку сцену в присутствии смущенной и озадаченной его выходкой Бриджит. Старик не поскупился на всякого рода обидные инсинуации по адресу всех Вульстонов, за исключением Анны, которую, как он выражался, он не смешивает с остальными.

Во все время этой тяжелой и неприятной сцены молодой моряк вел себя безукоризненно: он ни разу не забыл, что имеет дело со стариком, да к тому же еще с отцом Бриджит. Выслушав до конца речь доктора Ярдлея, Марк поспешно схватил свою шляпу, и по тому, как он вышел из комнаты и из дома ее отца, Бриджит заметила, что он уже никогда более туда не вернется.

Госпожа Капулетти.
Ей еще нет четырнадцати лет.

Кормилица. *Клянусь честью, пусть я потеряю четырнадцать зубов в одно мгновение, сударыня, — но у меня, увы, их только четыре! — если это дитя четырнадцати лет! Пойдите, давайте-ка посчитаем.*

«Ромео и Джульета»

Тяжелая, неприятная сцена, происшедшая в доме доктора Ярдлея, очень скоро стала известна доктору Вульстону, и хотя он довольно благосклонно относился к Бриджит, конечно, не настолько благосклонно, насколько это было возможно по отношению к дочери Ярдлея, но оскорбление, нанесенное его семье в лице сына, было столь велико, что он в свою очередь запретил всякие сношения между молодыми девушками. Бриджит, любившая Анну почти так же сильно, как и ее брата, положительно не могла свыкнуться с этой разлукой: она загрустила до того, что это отозвалось даже на ее здоровье.

С целью развлечь и рассеять ее печаль отец решил отправить Бриджит погостить к тетке в Филадельфию, совершенно упустив из виду, что именно там находилось в то время судно, на котором служил Марк, и что нигде в другом месте молодые люди не могли бы так легко встречаться и видаться, как именно там.

Понятно, что едва только Марк успел вернуться на свое судно, на котором он теперь уж был назначен старшим помощником капитана, как стал искать удобного случая видаться с Бриджит. Он начал с того, что прямо явился в дом ее тетки. Та вздумала было воспротивиться этим посещениям молодого моряка — но ведь теток молодежь не особенно слушается, и наши влюбленные часто назначали друг другу тайные свидания. Так прошло недели две; Марк положительно не мог решиться снова уйти в море, оставив свою ненаглядную

Бриджит в руках своих врагов, как он мысленно называл ее отца и тетку. Бедный юноша, казалось, был до того несчастлив и удручен этой мыслью и до того красноречиво высказывал свои опасения и страхи, что Бриджит дала, наконец, уговорить себя, и они решили тайно обвенчаться для того, чтобы по достижении совершеннолетия Марк мог явиться и на законном основании потребовать свою жену.

В Америке такого рода браки заключаются без особого труда. В числе бывших школьных товарищей Марка был один молодой священник, простодушный, бесхитростный малый.

Возмущенный поступками старика Ярделя по отношению к Марку, он охотно согласился совершить обряд венчания. Однажды утром Бриджит, выйдя из дому с одной из своих приятельниц, чтобы совершить, как полагала тетка, свою обычную дообеденную прогулку, направилась прямо к набережной, где их встретил Марк, с которым обе девушки взошли на «Ранкокус»; там их уже ожидал молодой священник. Венчание состоялось в капитанской каюте, которая, в отсутствие капитана, находилась в полном распоряжении Марка и, как оказалось впоследствии, являлась наиболее удобным местом для бракосочетания таких молодых супругов, которым предстояла в будущем такая странная, полная приключений и случайностей всякого рода судьба.

Свидетелями этого брака были: подруга Бриджит, совершавший обряд священник и простой матрос, участвовавший во всех плаваниях, которые совершил Марк, и который был назначен капитаном хранителем судна в его отсутствие. Звали его Роберт Бэтс, или для краткости просто Боб Бэтс. Он был родом из Нью-Джерси; в ту пору, о которой теперь идет речь, ему было около тридцати пяти лет. Казалось, Боб был обречен на вечное безбрачие и принадлежал весь и телом и душой морю. С восьмилетнего возраста он поступил юнгой на судно и с тех пор ни на час не расставался с морем. Во время войны за независимость Боб служил на военных судах, а по заключении мира в 1783 году поступил на службу к капитану

Кретшли, с которым и не расставался с тех пор. Этот самый Боб был учителем и наставником Марка, когда тот только что вступил в морскую службу, и под его руководством Марк сделал свои первые шаги на этом новом поприще. Боб был рослый мужчина, необычайной силы, чрезвычайно привязчивый и преданный тем, кого он любил; Марка он любил всей душой и громко восхищался им. Однажды он в присутствии нескольких матросов сказал: «Смотрите, ребята, этот Марк Вульстон будет в свое время первейшим из моряков, помяните мое слово! Самый счастливый день в моей жизни будет тот, когда мне случится пойти в плавание на судне, находящемся под командой капитана Марка Вульстона».

Несмотря на то, что кроме священника было всего только двое свидетелей, тем не менее были составлены по всем правилам два брачных свидетельства, из которых одно было вручено Марку, а другое Бриджит. Минут десять спустя по окончании брачной церемонии наши новобрачные расстались: молодая вместе со своей подругой вернулась домой к своей тетке, священник — к своим требованиям, а оба моряка остались на судне и, стоя на палубе, провожали глазами быстро удалявшиеся стройные фигуры. Когда они скрылись из виду, Боб счел нужным сказать что-нибудь.

— А славный у вас теперь фрегатик, славный! — заметил он по адресу Бриджит. — А есть ли у нее кое-какие деньжонки? Я слышал, что в этих водах нередко попадают золотые рыбки.

— Не знаю, Боб, я думаю, что у нее столько же денег, как и у меня, то есть ровно ничего, но что за беда! Пройдут два года, я вернусь и потребую от ее отца свою жену, хотя бы у нее и двух платьишек не было!

Марк не лгал. Он действительно не знал ничего о том, что у Бриджит были свои тридцать тысяч долларов; узнал он об этом лишь спустя несколько дней после свадьбы, из уст самой Бриджит, умолявшей его бросить службу и остаться жить с ней в Бристоле. Но Марк успел уже полюбить море и свою службу, да к тому же, несмотря на всю свою любовь к молодой жене, ему не хотелось жить

на ее хлебах. Для решения этого вопроса потребовалось немало трудной борьбы, и в результате Марк отправился в Бристоль и чистосердечно признался отцу во всем. При первых словах этого неожиданного признания доктор Вульстон даже привскочил на своем стуле; однако в этом деле было и нечто такое, что могло казаться утешительным для старика. Не говоря уже о том, что Бриджит была мила, молода и красива и для Бристоля даже богата и что все это уже само по себе могло льстить до известной степени его родительскому самолюбию, доктор Вульстон, кроме того, испытывал в глубине души некоторую злобную радость при мысли, что теперь все состояние покойной жены его ненавистного коллеги перейдет к его сыну. В силу всего этого он поступил вполне порядочно. Он известил доктора Ярдлея о случившемся письмом, которое было написано в очень деликатном и вежливом тоне и благодаря которому при желании можно было бы уладить это дело полюбовно. Но у отца Бриджит не было ни малейшего желания к примирению, он пришел в такую ярость от полученного им известия, что его хватил паралич, который чуть было не свел его могилу. Однако старик оправился, и едва только он успел стать на ноги, как поспешил в Филадельфию с тем, чтобы увезти оттуда свою дочь. Марк, конечно, был вправе потребовать к себе свою жену и поселить ее в доме своего отца, но старик Вульстон воспротивился этому и повел дело гораздо разумнее и успешнее. Один из их общих друзей устроил у себя в доме свидание двум враждующим коллегам, здесь они объяснились и пришли к обоюдному соглашению почти по всем пунктам данного вопроса. Было решено, что новобрачные останутся на прежнем положении еще года два или три; вопроса о приданом доктор Вульстон даже не затрагивал, что чрезвычайно порадовало алчного до денег Ярдлея, который, благодаря этому обстоятельству, мог пользоваться процентами с капитала дочери еще в течение двух-трех лет. Марк должен был продолжать свою службу на «Ранкоусе» и, следовательно, в скором времени опять отправиться в плавание. На этот раз его судно отправилось на некоторые из островов

Тихого океана с тем, чтобы приобрести там известное количество сандалового дерева для китайских рынков.

Вернувшись из этого плавания, Марк будет уже совершеннолетним и сумеет получить командование судном, в том случае, если он не пожелает расстаться со своей карьерой моряка. Таково было решение обоих отцов, а пока Марк получил разрешение посещать время от времени свою жену и писать ей, сколько душе его будет угодно. Прежние дружеские отношения двух подруг возобновились, и Анна с Бриджит виделись чаще прежнего. Марк посылал своей молодой супруге письмо за письмом, исполненные самых нежных и страстных выражений его чувств.

Тем временем судно Марка готовилось к отплытию, и молодому офицеру можно было отлучаться с него только раз в неделю. Зато эти воскресные поездки к жене были для него истинными праздниками: молодые супруги гуляли, катались, ездили за город в сопровождении Анны и возвращались домой совершенно довольные и счастливые, с тем чтобы снова расстаться на целую неделю.

Не прошло и месяца со дня преждевременной свадьбы Марка Вульстона и Бриджит Ярслей, как «Ранкокус» снялся с якоря, намереваясь плыть в Тихий океан, а оттуда далее, в Кантон. Перед самым отплытием Марк ухитрился вырваться на денек в Бристоль, а доктор Ярслей, тронутый горем своей дочери, согласился свезти ее вместе с Анной в Филадельфию для последних проводов молодого моряка.

Когда, наконец, наступил момент окончательной разлуки, сердце бедного моряка болезненно сжалось, а Бриджит громко рыдала. Два года разлуки — да ведь это целая вечность!

Бриджит пришлось почти насильно увести с корабля, и пока судно не скрылось из виду, она следила за ним, сквозь слезы провожая его глазами до самой последней минуты.

Марк в свою очередь, стоя на палубе судна, не сводил глаз с любимой женской фигуры на берегу, даже и тогда, когда за дальностью расстояния этот милый облик почти

совершенно исчез. В своей маленькой каюте Марк нашел много следов заботливости, любви и предусмотрительности своей молодой жены: все, что только могло ему быть нужно или приятно в пути, все было приготовлено и припасено ею здесь для него.

Художники в то время были редкостью в Америке и заказать портрет было делом не легким, но Бриджит приказала сделать свой силуэт, который она вставила в хорошенькую рамку и повесила в каюте мужа. Этот темный профиль слегка склоненной головки, чрезвычайно живо напоминавший оригинал, был самым трогательным знаком ее внимания, и вместе с тем и лучшей отрадой, и утешением для бедного Марка.

Жизнь на судне с самой минуты отплытия пошла своим обычным порядком: и в праздники, и в будни, и днем, и ночью, и в бурю, и во время штиля — все были заняты каждый своей работой. Согласно заведенному порядку, капитан Кретшли зашел в Рио-де-Жанейро, чтобы возобновить и пополнить свои запасы. Простояв с неделю на этом прелестнейшем и живописнейшем из рейдов, «Ранкокус» продолжал свой путь.

Обогнув мыс Горн, он зашел в Вальпараисо и здесь сделал новый запас воды и всяких припасов; затем, приблизительно через две недели, «Ранкокус» снова пустился в море.

Сто лет тому назад Тихий океан не был еще так исследован моряками, как в настоящее время. Всего лет за двадцать до того времени знаменитый Кук совершил свои путешествия и описал их в своих реляциях, но и после того оставалось еще очень много темных мест, и карты были несовершенны. Ведь почти всегда так бывает, что после первого счастливого или смельчака, показавшего дорогу и упрочившего за собой славу завоевателя, покорителя или изобретателя, главную работу заканчивают другие. И если бы мы, например, знали об Америке только то, что знал о ней Христофор Колумб, то мы не знали бы и пятидесятой доли того, что знаем теперь.

Тихий океан, конечно, не может быть назван бурным морем, если принять во внимание его громадную ве-

личину и те ветры, которые там преобладают; но стоит только взглянуть на карту, чтобы тотчас же убедиться, что в нем островов, рифов, скал и отмелей всякого рода несравненно больше, чем в Атлантическом океане. Однако это нисколько не смущает моряков всех стран, в том числе и американцев. В продолжение более двух месяцев после того, как «Ранкокус» вышел из Вальпараисо, капитан Кретшли плавал в водах Тихого океана в поисках назначенных в его инструкциях островов, где ему следовало запастись изрядным количеством сандала, имевшего огромный сбыт в Китае, где он употребляется для курения в качестве фимиама в капищах идолов.

Г л а в а   I I I

*О могучий бог морей! Твой громкий
голос вывел из покоя послушную волну.
Она поднимается целой горой, затем
с рокотом падает, затем снова взды-
маясь, она опадает с ужасным гулом
на палубу и затопляет ее. Молния
одна за другой пронизывают темноту
ночи. Сделай знак; буря тотчас умол-
кает, ветры утихают, и вновь наста-
ет тишина.*

П и б о д и

День, предшествовавший той ночи, о которой мы будем говорить, был туманный; дул ост-зюйд-ост, что было весьма благоприятно для «Ранкокуса», который шел на зюйд-вест.

Здесь следует сказать, что за капитаном Кретшли водился большой недостаток для командира судна: он слишком усердно потягивал грог за обедом.

Во всякое другое время дня это был человек трезвый, но в обеденный час он залпом выпивал три-четыре стакана рома с очень незначительной примесью воды.

Тот день, о котором идет речь, был как раз днем рождения супруги капитана Кретшли, а капитан был слишком хорошим, любящим мужем, чтобы не отпразд-

новать этот день еще более усердными возлияниями. Марк, никогда не употреблявший спиртных напитков в таком количестве, с прискорбием смотрел на своего командира, тем более, что только что спустившийся с марса матрос уверял, будто в момент, когда погода немного прояснилась, он видел впереди на море белую полосу. Марк сообщил об этом капитану и сказал, что, может, было бы нелишне убрать часть парусов, лечь в дрейф и бросить лот. Но капитан не обратил никакого внимания на его слова, уверяя, что матросы вечно придумывают разные ужасы, и если их слушали бы, то ни одно судно не достигло бы места своего назначения. На беду и второй помощник, бывший некогда простым матросом и обязанный повышением исключительно только своему пристрастию к спиртным напиткам, благодаря которому он являлся прекрасным собутыльником для капитана, был сильно пьян и, со своей стороны, поддерживал капитана в его пренебрежении к словам матроса, так что Марку поневоле пришлось замолчать. Однако, наш молодой моряк не мог на этом успокоиться; он знал, что матрос, сообщивший ему эту весть, человек надежный и знающий свое дело. Но вот пробило шесть часов вечера, Марк сменился с вахты и, пользуясь своей свободой, поднялся на фок-салинг с целью воспользоваться последними минутами дневного света для личных наблюдений. Сперва он не мог ничего различить на расстоянии более мили из-за тумана; но в тот момент, когда солнце стало садиться, на западе вдруг прояснилось, и Марк увидел нечто такое, что он сразу признал за рифы, тянувшиеся на протяжении нескольких миль прямо перед носом судна. Пораженный такого рода неожиданностью, Марк, не долго думая, крикнул:

— Впереди подводные камни!

Этот возглас старшего помощника вывел из полусознательного состояния даже капитана.

Он очнулся и начал уже приходить в себя после своего опьянения, если бы не помешал его собутыльник. Он не мог простить Марку того, что этот «молокосос», как он выражался, занимал на судне, в качестве старшего по-

мощника, такое положение, которое могло быть занимемо с пользой для службы только человеком в его возрасте и с его опытом. Он заспорил и загорячился, настаивая на том, что смешно и нелепо говорить о подводных камнях и рифах там, где на карте значится совершенно чистое море. Тем не менее капитан, знавший, что на картах обозначается лишь то, что было известно в то время, когда они составлялись, и что неточности и ошибки всегда возможны, вызвал всех людей наверх и приказал убрать часть парусов. Тем временем Марк спустился вниз, а капитан занял его место, желая лично проверить наблюдения своего помощника. По пути он отдал приказание взять курс на юг, вследствие чего преграждавшая путь подводная гряда оказалась теперь на правой стороне, но, несмотря на то, что она осталась под ветром, и теперь еще она представляла некоторую опасность, хотя ветер и не был достаточно силен для того, чтобы помешать обогнуть ее, приняв для того необходимые меры. Едва только капитан поднялся на фок-салинг, как приказал позвать к себе Боба. Боб с ловкостью белки взобрался по снастям и в одну секунду очутился подле капитана.

Оба они внимательно вглядывались в море с подветренной стороны. Младший помощник, с насмешливой улыбкой на лице, поджидал, когда они спустятся, заранее уверенный в том, что они объявят, что то, что казалось Марку признаком подводной гряды, не что иное, как всплеск крупной рыбы. Но капитан не был столь безрассуден; он объявил, что собственно подводных камней он не видал, но что раза два, в тот момент, когда горизонт прояснился, ему показалось, что он видит что-то не совсем ладное; впрочем, то, что он видел, могло быть как беловатой пеной на поверхности моря, так и отблеском последних лучей заходящего солнца на воде. Боб точно так же не мог сказать ничего определенного.

— Неужели и вы, Боб, ничего не видали? — спросил Марк, делая особое ударение на слове вы, как бы для того, чтобы дать понять, что нет ничего удивительного, если капитан ничего не видал, но что Боб, по его мнению, должен был видеть то же, что видел он сам.

— Нет, мистер Вульстон, — отвечал Боб, — хотя я зорко смотрел вперед, но ничего особенного не видал.

Это было веское свидетельство против Марка, потому что Боб считался непогрешимым в подобного рода вопросах.

Капитан приказал подать себе карту и принялся вместе с Хильсоном, — так звали младшего помощника, — рассматривать ее.

По карте море было свободно во всех направлениях, но так как Марк еще с большей настойчивостью утверждал, что они идут прямо на подводные камни, то капитан согласился приказать бросить лот. Это требовало времени. Надо было лечь в дрейф, разместить людей и разложить лот.

Между тем день угасал с минуты на минуту; моросил мелкий дождичек, еще более увеличивая окружающую темноту. Исследование доказало, что на глубине четырехсот футов нет дна, но это обстоятельство еще ничего не доказывало, так как все хорошо знали, что коралловые рифы в океане часто вырастают совершенно отвесной стеной, так что, в нескольких саженях от них, нельзя даже подозревать их существования. А потому, после нового совещания со своими помощниками, капитан Кретшли решил, что судно будет продолжать свой путь в том же направлении, но на всякий случай уменьшив парусность. Такого рода полумера, конечно, делала грозившую опасность менее ужасной, но далеко еще не устраняла ее окончательно. Тем не менее опасения Марка отчасти улеглись. Что его особенно смущало, так это непроницаемая мгла, которая окружила их со всех сторон, не позволяя различать поверхность моря даже в расстоянии нескольких сажен от судна. Не имея возможности что-либо видеть, он жадно прислушивался к отдаленному шуму волн и старался уловить в этом шуме признак близости подводных рифов и камней. В нем почему-то упорно держалась уверенность в том, что «Ранкокус», с каждой минутой приближаясь, бежит прямо на них. Время подходило к полуночи, и Марк с ужасом думал о том, что сейчас вместо него встанет на вахту Хильсон, который за это

время, после вторичного усердного возлияния в честь жены капитана Кретшли, стал совершенно не способен к исполнению своих обязанностей.

Но и на этот раз он уже наверное не ошибался, — до слуха его донесся роковой шум, похожий на глухой прибой волн, ударяющих обо что-то твердое, неподвижное. Шум этот доносился теперь не спереди, а с правого борта. Опасность была настолько велика, что Марк считал себя вправе, помимо полученных им приказаний, положить руль право на борт и повернуть на другой галс, уходя в противоположную сторону. Долг повелевал ему тотчас пойти и дать отчет о случившемся капитану, но на минуту у него мелькнула мысль никому ничего не говорить, не будить младшего помощника, а остаться самому наверху до утра. Но сознание той страшной ответственности, какую он должен будет принять на себя в случае несчастья, заставило его одуматься, и он, нехотя, с тяжелым сердцем, направился в каюту.

Разбудить этих двух собутыльников было не так-то легко. Хильсон находился в состоянии, близком к летаргии, но положение было слишком критическое, чтобы много церемониться, и Марк принялся трясти его изо всей силы.

— Что там еще? — досадливо спросил капитан, протирая глаза.

— Мне кажется, что я слышал шум, указывающий на присутствие рифов и подводных камней на правой стороне, я повернул и взял курс на юг.

В ответ на это капитан издал какой-то странный звук, который Марк не знал, как истолковать; неизвестно, было ли то удивление, или недовольство. Но видя, что капитан уже совершенно очнулся и готовится идти наверх, Марк считал свое дело сделанным и вернулся к своим обязанностям. Боб также был на вахте, и Марк тотчас же позвал его к себе. Несмотря на разницу положений между старым матросом и молодым офицером, Марк поддерживал с ним почти дружеские отношения.

— Боб, друг мой, у вас ухо чуткое и привычное, скажите, неужели вы ничего не слышите?

— Прошу извинить, мистер Вульстон, ведь я и тогда, когда был с капитаном наверху, тоже видел что-то такое, что очень походило на белую пену, но капитан так громко уверял, что там впереди нет ровно ничего, что я не посмел ему перечить.

— А знаете ли, Боб, что когда вы стоите на вахте, то не сказать того, что вы видите — большое преступление? — заметил ему Марк.

— Ваша правда, мистер Вульстон, я и сам сознаю, что нехорошо поступил, да что прикажете делать? Ведь с капитаном спорить также дело не пустое...

— Ну, будет об этом!.. А теперь скажите, Боб, вы ничего не слыхали?

— Как же, мистер Вульстон, я слышал плеск воды о подводные камни, сперва под кормой, затем у носа; а сейчас, когда вы меня кликнули, я слышал этот самый плеск под кран-балкой с наветренной стороны.

— Неужели это правда, Боб?

— Самая истинная правда, мистер Марк, и если вы мне хотите верить, то вот сию минуту мы плывем над этими подводными камнями и каждую секунду можем разбиться.

— Что за черт! — вскричал капитан Кретшли, который как раз в это время подходил к ним и слышал последние слова Боба. — А я так решительно ничего особенно не слышу и готов поклясться, что в таких потемках ни одна кошка ничего не увидит, а не только что человек!

Едва успел он произнести эти слова, как плеск волн о подводные камни раздался совсем близко и так явственно, что уже не могло быть никакого сомнения. Марк своим разумным распоряжением на время отклонил опасность, но не в его власти было окончательно устранить ее.

Не тратя понапрасну слов, капитан вызвал всех людей наверх и скомандовал громовым голосом:

— Поворот направо!

В то время, как судно поворачивало, медленно подвываясь вперед под малыми парусами, все вокруг осве-

тилось каким-то странным фосфорическим светом, а море кругом забелело, и плеск волн стал походить на шум водопада. Это уже несомненно были рифы; они обступали судно со всех сторон, — и минуту спустя «Ранкокус» коснулся дна. Непроницаемый мрак ночи еще более увеличивал весь ужас этой минуты.

С первого момента катастрофы капитан совершенно протрезвел и сразу выказал себя там беззаветно смелым, решительным и опытным моряком с удивительной силой самообладания, каким он и был на самом деле.

Все приказания его, точные, ясные и определенные, исполнялись немедленно и дружно привычными опытными матросами, сознававшими всю опасность данной минуты. Толчки были не особенно сильны, и вскоре, благодаря дружным усилиям команды и разумным распоряжениям командира, белые пенящиеся волны остались позади; причем ни одна волна не перекатилась через палубу, что служило прямым доказательством того, что даже в том месте, где судно коснулось мели, было довольно глубины, чтобы поднять его. Глубина двенадцати футов была совершенно достаточна для «Ранкокуса», а лот местами показывал и более значительную глубину. Однако на баке дело шло плохо, и капитан Кретшли кинулся туда. Младший его помощник едва сознавал, что он делает, и капитан увидал, что ему следует немедленно занять его место. При виде таких оплошностей, да еще в такую критическую минуту, гнев невольно овладевает человеком; взбешенный капитан сам подскочил к якорям и крикнул Хильсону, чтобы он убирался вон.

В это время внезапный толчок заставил дрогнуть все судно, подводные камни вдруг снова показались со всех сторон; целый каскад белой пены поднялся до высоты борта; когда волны отхлынули, капитана уже не было; он куда-то исчез.

Какая участь постигла его? Как могло это случиться, о том никто не мог ничего сказать; по всей вероятности, волна, поднявшаяся выше палубы, смыла несчастного и увлекла его в подветренную сторону.

Едва это несчастье стало известно Марку, он тотчас же понял, какая громадная ответственность пала теперь на него. Нельзя было терять ни минуты, и первой его заботой было попытаться отыскать и спасти капитана.

Он тотчас же приказал спустить шлюпку и посадил на нее шесть человек лучших матросов. Стоя у бушприта, Марк видел, как она промелькнула вдоль борта и затем скрылась в ужасающей мгле этой страшной ночи; больше ее не видали.

Та же ужасная участь постигла в какие-нибудь четверть часа капитана и шесть человек лучших его людей.

Несмотря на эти тяжелые утраты, работа на судне шла своим порядком. Теперь и Хильсон понял, наконец, что дело идет о его собственной шкуре, и при этой мысли весь рассудок как-то сразу вернулся к нему. Как он ни был пьян, а все же успел изготовить и спустить вторую шлюпку, приказав матросам перенести в нее все припасы. В капитанской каюте имелось немного звонкой монеты, которая тоже снесена была на шлюпку по приказу младшего помощника.

Занятый распоряжениями на баке, Марк не видел и не замечал ничего, что творилось на юте, где Хильсон оставался полновластным хозяином, имея в своем распоряжении нескольких матросов.

Между тем судно, получив несколько последовательных толчков, почти миновало риф; теперь «Ранкоус» лишь чуть-чуть задевал за дно килем, и Марк выжидал только момента для того, чтобы бросить якорь на таком месте, где была достаточная глубина. Послав осмотреть трюм, Марк убедился, что воды в трюме не прибывало и что подводная часть судна не получила никаких серьезных повреждений.

Наконец, настала желанная минута: судно очутилось на достаточной глубине, и Марк приказал отдать якорь. В этот момент Хильсон и его товарищи уже были на шлюпке; и снесло ли шлюпку волной, вдруг неожиданно окатившей всю палубу, или же кто-нибудь в суматохе, царившей тогда повсюду на судне, по неосторожности отвязал ее, только Марк, стоявший как раз у шпиль в

тот момент, как нахлынула волна, обдав его целым облаком тонких брызг, видел, как сквозь туман, злополучную шлюпку на гребне огромной волны; через минуту она скрылась в непроглядном мраке, царившем вокруг. Всякая помощь несчастным была немыслима! Сердце Марка болезненно сжалось, но что мог он сделать?.. В эту минуту Марк и не подозревал всего ужаса постигшего его несчастья.

Только после того, как он обошел каюты, помещение матросов и бак, ему вдруг стало ясно, что из всего экипажа на «Ранкоусе» остались только два человека: он да Боб Бэтс.

Погода улучшалась с часу на час; перед рассветом небо совершенно очистилось, и туман рассеялся.

Тогда Марку пришло в голову, что если они находятся вблизи какого-нибудь берега, то судно должно будет непременно подвергнуться влиянию прилива, тогда может случиться, что приливом его снова бросит на подводные камни... Во избежание этого нового несчастья Марк решил бросить еще один якорь, что они и привели в исполнение вдвоем с Бобом, хотя и с немалыми усилиями.

Г л а в а I V

Коралловый грот прячется в недрах волн; головы и золотые рыбки с алой спинкой приходят отдыхать в нем на заре, и цветок моря, колеблемый ветром и никогда не орошаемый росой, гордо полукрывает свою прекрасную голубую чашечку.

П е р с и в а л ь

Усилия, потребовавшиеся для того, чтобы спустить якорь, были так велики, что совершенно истощили силы Марка и его единственного товарища и помощника Боба. Трудно себе представить, с каким нетерпением они ожидали рассвета, каждая секунда им казалась часом, — думалось, будто ночи этой и конца не будет. Но вот первые

лучи нарождающегося дня, осветившие восточную часть горизонта, дали им возможность начать наблюдения. Наши моряки, конечно, прежде всего обратили свои взгляды на подветренную сторону, но так как это был запад, то понятно, что там еще было почти совершенно темно. Они надеялись увидеть там если не целую группу островов, то хоть один какой-нибудь одинокий островок, но земли нигде не было видно. Правда, там было еще настолько темно, что можно было ошибиться. Марк спросил Боба, что он об этом думает?

— Подождать надо, мистер Вульстон, пусть немного посветлеет. Вот там, по левую сторону судна, как-будто виднеется что-то; ох, уж мне эти подводные камни, у меня просто в глазах рябит от них — всюду стоит тьма-тьмущая!.. Просто даже понять не могу, как это мы пробрались сквозь эту чащу.

Действительно, хотя волнение теперь совершенно унялось и подводные камни и рифы казались теперь менее грозными и ужасными, чем в темную беспросветную ночь, все же не было никакой возможности обманываться относительно своего положения. При том состоянии, в каком теперь находилось море, было ясно, что повсюду, где только белела и пенилась вода, были рифы и скалы.

Большинство из них так мало выдавалось над водой, что волны перескакивали через них, оставляя после себя лишь едва заметную беловатую черту на поверхности моря. Эти подводные камни вырастали из-под воды во всех направлениях на таком протяжении, что глаз не мог обнять их крайнего предела. Какими судьбами «Ранкокус», врезавшийся в самую середину этого лабиринта утесов, не разбился о них вдребезги, это было чистое чудо. Впрочем, в море нередко бывает, что в темноте и под покровом непроницаемого тумана случается преодолевать такие препятствия, которые среди белого дня показались бы совершенно непреодолимыми. Если трудно было понять, каким образом мог сюда врезаться «Ранкокус», то теперь было еще вдвое труднее сообразить, как ему выбраться отсюда.

— Да, мистер Вульстон, — сказал Боб, — тут уж впрямь нужно у Господа Бога просить заправского чуда, чтобы Он вынес «Ранкокус» через все эти скалы и рифы невредимым в открытое море. Что против этого все наши Делаварские пороги? Сущие ореховые скорлупки.

— Да, положение затруднительное, — со вздохом отозвался Марк, — я, право, не вижу, как мы можем отсюда выбраться.

— Г-м, да!.. Если только с подветренной стороны нет какой-нибудь земли, то ничего не будет удивительного в том, если нам придется стать здесь Робизонами Крузо на весь остаток дней наших! — заметил Боб.

До этой минуты на западе над морем еще расстилался густой туман, но теперь, под влиянием солнечных лучей, туман этот быстро рассеялся, и Бобу показалось, что он видит не более, как в двух милях от того места, где они находились, что-то похожее на землю. Взбравшись на фок-салинг, Марк в свою очередь различил нечто такое, что, по его мнению, могло быть лишь частью большой подводной скалы, выдающейся над поверхностью моря, или же каким-нибудь одиноким низменным островком. Именно в этом направлении должны были быть унесены волнами и ветром их товарищи. Боб принес Марку подзорную трубу, и тогда им стало ясно, что то, что они видели, была голая бесплодная скала, густо населенная птицами, но без всяких признаков человеческого существования; и эта скала, не имевшая, по-видимому, ни одной мили протяжения, была единственной точкой на всем горизонте, могущей назваться землей. Теперь они поневоле пришли к печальному убеждению, что все товарищи их погибли. Они поняли, что положение почти безысходное. Однако, как истинные моряки, они не стали предаваться бесплодному отчаянию, а подумали о необходимости подкрепить свои силы пищей и присели закусить.

Но, несмотря на то, что оба они были голодны и обладали вообще хорошим аппетитом, на этот раз пища как-то не шла в горло, и после очень непродолжительной трапезы они принялись серьезно обсуждать свое поло-

жение. Это были такие минуты и такое положение, когда всякая разница между простым матросом и офицером совершенно сглаживается.

— А как вы думаете, Боб, — спросил вдруг Марк, — смогли бы мы вдвоем с вами управиться с этим судном, в том случае, если бы нам удалось выйти в открытое море?

— Об этом следует подумать, мистер Вульстон, — отозвался Боб, — конечно, и вы, и я, мы оба парни сильные и здоровые, да и не робки, а все же до берегов Америки уж как далеко!.. Да и не об этом нам теперь думать надо, мистер Марк.

— Как не об этом? Ведь раз нам удастся выйти в открытое море, нам надо будет постараться встретить какое-нибудь судно или уж самим плыть как-нибудь обратно.

— Эх, эх! Вот то-то же оно и есть! Ведь раньше-то всего нам надо выбраться отсюда, а в этом вся и штука!

— Ах, Боб, так неужели вы думаете, что мы здесь окончательно засели?

— Да что таится, мистер Вульстон! Я думаю, что если бы здесь даже был сам наш покойный капитан Кретшли и весь наш экипаж, то тогда все они, вместе взятые, ничего тут поделать не могли бы.

— Мне грустно слышать то, что вы мне говорите, Боб, а вместе с тем и я в душе того же мнения.

— Да, мистер Вульстон, дело это пропащее! И рифы-то эти, прости Господи, хоть бы они в каком-нибудь порядке тянулись в ту или в другую сторону, а то ведь нет! Их будто черт пригоршнями на ветер сеял. Сунься-ка с судном тут, так только и услышишь, как у него шпангоуты трещать будут.

— А все же надо будет попытаться, Боб.

— Да что и пытаться-то, если возможности никакой нет? Ведь мы с вами люди, и то, что свыше силы человеческой, того мы не можем сделать.

— Но что же делать в таком случае?

— Что делать? Да вот, поробинзонствуем немного, пока Господь грехи наши терпит, а там и Богу душу отдадим.

— Поробинзонствуем? — повторил Марк, невольно улыбаясь этому выражению, хотя на душе у него было далеко не весело. — Прекрасно, но ведь у Робинзона был хоть остров, а у нас и того нет!

— Вон там, с подветренной стороны, есть какая-то скала, на ней, мне кажется, можно будет прожить как-нибудь, — заметил Боб с таким невозмутимым равнодушием, что во всякое другое время оно могло бы показаться в высшей степени комичным. — К тому же ведь у нас еще судно есть! — добавил он.

— А как вы думаете, Боб, долго ли могут выдержать пеньковые канаты, на которых теперь держится «Ранкокус», если при каждом малейшем движении судна они трутся о подводные камни? Нет уж, как хотите, Боб, а на месте мы оставаться тоже не можем, здесь нас ежеминутно ждет верная гибель.

— Что правда, то правда! А уж коли так, мистер Вульстон, то если позволите, вот вам мой совет: там, на корме, у нас еще осталась маленькая шлюпка, вдвоем сесть в нее можно, и парус при ней есть; так вот, возьмите эту шлюпку и отправимся поближе осмотреть ту скалу, что мы с вами видели сверху. Можно будет захватить с собой и лот, и по пути измерить глубину, чтобы узнать, нет ли тут где-нибудь прохода. И помяните вы мое слово, мистер Марк, что если суждено, чтобы «Ранкокус» двинулся с своего места, то это будет только в этом направлении! Исследуем фарватер, посмотрим ту скалу и уж тогда решим, что надо делать, тогда оно виднее будет. А так-то что?!

Совет был без сомнения разумный, и Марк согласился. Спустив шлюпку, моряки наши заняли в ней каждый свое место. Боб оттолкнулся, установил парус, и легкий попутный ветерок быстро погнал маленькую шлюпку. Надо заметить, однако, что этот попутный ветер, столь благоприятный в настоящую минуту для наших моряков, мог оказаться менее благоприятным для обратного пути, но об этом еще речь впереди.

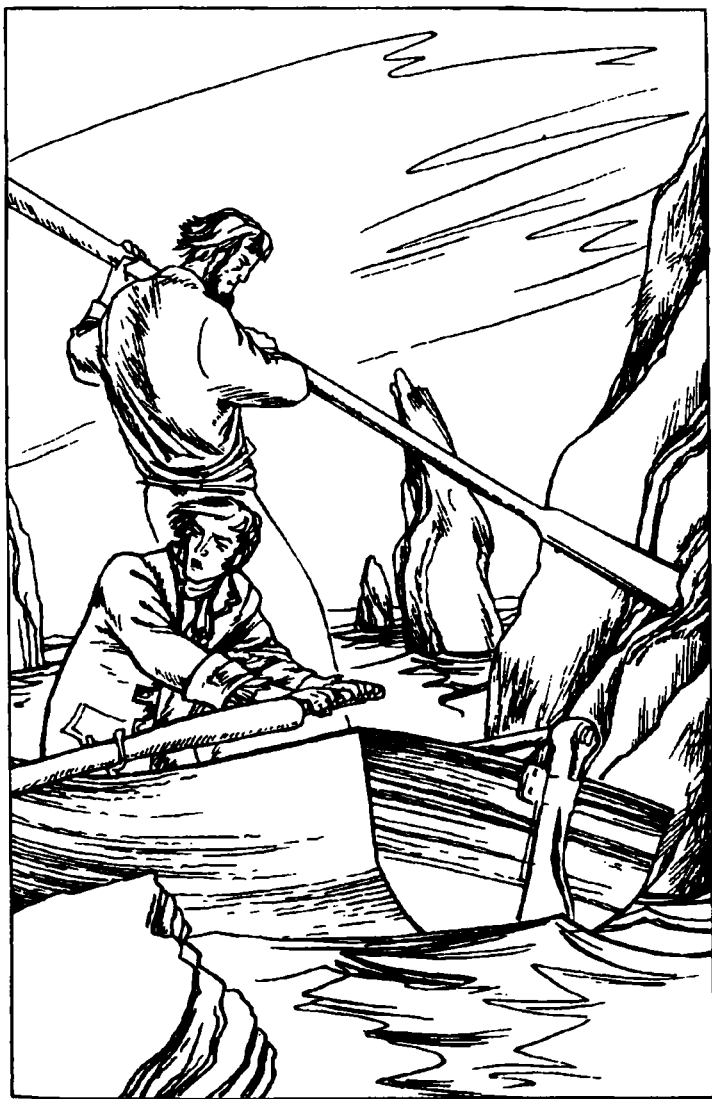
Как только шлюпка отчалила от судна, Боб принялся измерять глубину, а Марк предпочел держать руль. Но

оказалось, что измерение было крайне затруднительно, при столь быстром ходе шлюпки, и волей-неволей нашим морякам пришлось отказаться от систематического промера, который они первоначально имели в виду. Но, опуская время от времени лот, они все же могли убедиться, что в пространстве между подводными камнями почти повсюду было достаточно воды, чтобы поднять «Ранкокус», но над камнями ее было, конечно, слишком мало для такого большого судна. При всем том лавировать между этими рифами и скалами оказалось гораздо труднее, чем то предполагал Марк, и если наши приятели благополучно проплыли между ними, то этим они были гораздо более обязаны милости к ним святого Провидения, чем своей опытности, ловкости и искусству.

Не трудно себе представить, с каким живым интересом приближались наши моряки к той скале или островку, который они избрали целью своего осмотра; этот единственный клочок суши должен был стать их местопребыванием, быть может, на долгие годы, быть может, на всю жизнь. При виде бесчисленного множества подводных скал, камней и рифов, между которыми им только что пришлось проплывать, у Марка окончательно исчезла всякая надежда вывести из этого лабиринта скал свое судно.

Он едва смел надеяться, что ему удастся привести его хотя бы только туда, куда они в настоящее время направлялись сами.

По мере того как наши моряки приближались к вышеупомянутому острову, они все более убеждались в безошибочности своих предварительных наблюдений и предположений: этот риф или остров на самом деле не имел более одной мили в длину и около полумили в ширину и тянулся в направлении от востока к западу; скалистые берега его возвышались всего на несколько футов над водой, кроме той части острова, которая была обращена к востоку, где берег был почти вдвое выше. Середину острова занимала гора, имевшая от шестидесяти до восьмидесяти футов вышины и заканчивавшаяся обширным горным плато, что придавало этой

При виде бесчисленного множества подводных скал, камней и рифов, у Марка окончательно исчезла всякая надежда вывести из этого лабиринта скал свое судно.

возвышенности форму правильно усеченного конуса. Здесь, на этом острове, было далеко не так много птиц, как на всех остальных островках или, вернее, голых рифах и скалах, теснившихся со всех сторон вокруг главного острова; там этих птиц были целые мириады.

Но вот шлюпка пристала к острову. Трудно себе представить то чувство, с каким Марк высадился на этот пустынный берег, где не было и следа какой бы то ни было растительности. Присмотревшись повнимательнее к характеру местной почвы, Марк вскоре убедился, что остров этот отнюдь не представляет собой кораллового рифа, как он раньше полагал, но что все здесь указывает на несомненное вулканическое происхождение острова.

Это открытие было далеко не утешительно для Марка и его товарища. Безмолвие этих пустынных берегов нарушали одни только птицы, кружившиеся над головами пришельцев с громким криком и с видом явного любопытства, который несомненно доказывал, что они никогда не видали человека; это подтверждала и их полнейшая доверчивость и отсутствие в них всякого страха и робости.

Возвышенность, занимавшая всю середину главного острова, прежде всего останавливала на себе все внимание прибывших, а потому наши моряки первым делом направились к ней, в надежде, что с вершины этой горы им откроется более обширный горизонт.

Но дойдя до подошвы этой возвышенности, они убедились, что взобраться на нее не так легко, как они полагали. С виду гора эта казалась положительно неприступной, однако после долгих стараний им, наконец, удалось найти одно место, где с помощью рук, коленей и плеч товарища можно было, хотя и не без труда, добраться до ее вершины. Здесь их ожидал новый сюрприз: вместо предполагаемого плоскогорья перед ними зияло, точно разинутая пасть, темное, глубокое жерло, которое Марк, не задумываясь, должен был признать за кратер потухшего вулкана.

Наружные стены кратера представляли собой правильное кольцо, а образовавшаяся из застывшей лавы кора достигала необычайной толщины. С внутренней сторо-

ны эта стена шла совершенно отвесно и лишь в нескольких местах имела небольшие выступы, по которым, и то не без риска, можно было спуститься вовнутрь кратера.

В настоящее время эта внутренность кратера представляла собой совершенно гладкую равнину, с поверхностью приблизительно около ста акров. Сама стена кратера достигала почти повсюду высоты шестидесяти футов или около того, только с наветренной стороны она была немного ниже и в одном месте образовала небольшую брешь, представлявшую собой как бы вход в громадную пещеру кратера.

Без сомнения, здесь некогда пробил себе выход какой-нибудь сильный поток кипучей лавы, о чем свидетельствовал и небольшой пригорок, образовавшийся как раз перед этим входом в пещеру. Этот увенчанный самородной аркой вход имел около двадцати футов высоты и около двух сажен ширины. Вся поверхность этого потухшего вулкана была покрыта довольно твердой, но хрупкой корой; Марк, пробовавший в нескольких местах пробивать ее ногой, подобно тому, как это делают дети с тоненьким слоем едва застывшей лужи, заметил, что при этом сапог его каждый раз покрывался микроскопически тонкой, необычайно легкой пылью или, вернее, налетом, похожим на самый тонкий пепел с примесью песка, гравия и мелких известковых или меловых ракушек. Кроме того, почти повсюду встречались явные следы того, что море временами, вероятно, в сильную бурю, навещало эти места: черту его вторжений ясно обозначали оставленные на земле густые слои соли. Этим присутствием осадков морской соли можно было отчасти объяснить отсутствие здесь всякой растительности. Марк заметил также и то, что птицы как-то боязливо облетали кратер вулкана и как будто боялись приблизиться к нему, точно инстинктивно чуяли здесь какую-то опасность. Они сотнями кружили везде по соседству и даже вокруг самого вулкана, хотя и на почтительном от него расстоянии, но ни одна из них никогда не перелетала через его кратер и никогда не пересекала его, стараясь держаться от него как можно дальше.

Говорю вам, что сын короля высадился на острове. Я видел его собственными глазами на пустынном берегу, сидящего, скрестив руки, горько задумавшись, испуская вздохи.

«Буря»

Окончив этот предварительный осмотр кратера, Марк и Боб снова взобрались на вершину стенок вулкана и присели над сводом, образовавшимся над входным отверстием. Отсюда открывался обширный вид не только на весь этот остров, но и на весьма значительное пространство океана. Теперь Марку становилось понятной геологическая формация этих рифов: очевидно, они находились теперь на высшей точке громадной подводной горы вулканического происхождения, единственными выдающимися над водой пунктами которой являлся этот остров с кратером потухшего вулкана и небольшая группа окружавших его скал, служивших приютом мириадам птиц.

Обнимая взглядом все видимое отсюда пространство океана, Марк старался определить хотя бы приблизительно протяжение, занимаемое подводными скалами, принимая в соображение и то, что ему удалось видеть со своего судна. Совмещая то и другое вычисление, он пришел к заключению, что площадь, занимаемая подводными отрогами вулканической группы гор, равняется приблизительно двенадцати морским милям.

— Гм, да-с, мистер Марк, нас таки порядком позатерло здесь, — заметил Боб. — Мы здесь словно Робинзон на своем острове. — Разве только то, что он, бедняга, был один-одинешенек, а нас с вами двое.

— Я бы от души желал, чтобы это была единственная разница между ним и нами, Боб, но, к сожалению, это не так: у Робинзона был остров, а у нас — неприглядная голая скала; у него был источник пресной воды, а у нас его нет; у него был лес, а у нас нет ни травинки. Все это весьма неутешительно.

— Вы прекрасно говорите, мистер Вульстон, но вы забываете, что у нас есть «Ранкокус», образцовое судно, которое и сейчас еще так же цело и невредимо, как в тот день, когда мы вышли из Филадельфии; а пока есть на воде хоть одна доска, истый моряк никогда не теряет надежды!

— В этом я с вами согласен, Боб. Но судно наше только тогда может быть годно на что-нибудь, если мы сумеем вытащить его оттуда.

— Что и говорить, неважную стоянку себе выбрал наш «Ранкокус», но даже и там, где он теперь стоит, проку нам от него много: во-первых, там у нас такой запас пресной воды, что на нас двоих ее на круглый год хватит, а наступят дожди, так эти запасы и возобновить можно будет. А кроме того, наше судно может служить нам жильем, да еще каким! Вы будете жить в капитанской каюте, а я подвешу свою койку на баке, как будто ничего не случилось.

— Бросьте вы эти различия, милый Боб, и не будем никогда более говорить о них. Перед бедой, как и перед смертью, все люди равны! В общем несчастье, как и в могиле, нет ни старших, ни подчиненных. Но вы забыли упомянуть еще об одной важной услуге, которую нам может оказать «Ранкокус», а именно: нам можно будет разобрать его и воспользоваться материалами для сооружения нового судна, надежного для плавания по этим морям и вместе с тем такого, которое можно было бы провести между этими рифами и даже над ними. Тогда, с помощью Провидения, нам удастся, быть может, вернуться в Америку и увидеть наших близких друзей.

— Не робейте, мистер Марк, не робейте! Я хорошо понимаю, что когда неотступно стоит перед глазами прелестный образ милой женушки, которая со слезами зовет вас в свои объятия, тогда грешно было бы не стараться придумать какого-нибудь средства, чтобы вернуться к ней. Ведь душа-то у человека не камень! Так пусть уж будет по-вашему, и когда вы приметесь за дело, я не пожалею рук, чтобы помочь вам.

— А знаете ли, Боб, — продолжал Марк после неко-

торого молчания, — я думал сейчас о возможности привести сюда наше судно. Если нам удастся привести его в эту бухту, оцепленную подводной стеной скал, то здесь, за ветром, оно простоят многие годы. К тому же, если мы вздумаем строить новое судно, то нам понадобится более обширная верфь, чем палуба «Ранкокуса», да надо будет подумать и о возможности спустить новое судно на воду. Ввиду всего этого нам прежде всего следует попытаться привести сюда «Ранкокус».

Боб, конечно, не замедлил согласиться, имея в виду еще и то, что здесь его запасы пресной воды со всем тем, что имелось на судне, будут в целости и сохранности, тогда как там, окруженное со всех сторон подводными скалами и рифами, злополучное судно неминуемо должно будет разбиться вдребезги при первой буре.

Придя к обоюдному соглашению относительно этого важного вопроса, Марк и Боб спустились с вершины кратера и вернулись к своей шлюпке. Море все еще было спокойно, а потому Марк не особенно спешил с возвращением. Он посвятил еще около получаса на измерение глубины природной бухты, огражденной подводной грядой скал, едва заметных над поверхностью моря, но прекрасно преграждавших путь морскому волнению. На проверку оказалось, что здесь не только более чем достаточно глубины даже и для большого судна, но что еще, кроме того, дно этого залива совершенно чистое, песчаное, что, конечно, было как нельзя более благоприятно для будущей стоянки «Ранкокуса».

Покончив с этим делом, наши моряки пустились в обратный путь. Марк не выпускал из рук лот, тщательно изучая фарватер, причем ему пришлось убедиться, что исполнению их замысла мешают два серьезных препятствия. Первое состояло в том, что путь, по которому они теперь следовали, ясно лежал в одном месте между двумя грядами подводных скал, тянувшихся на протяжении более четверти мили, почти параллельно друг другу, на расстоянии всего каких-нибудь шестидесяти сажен одна от другой.

В промежутке между ними глубина была вполне

достаточная, но пространство между ними было слишком незначительно для того, чтобы могло пройти беспрепятственно такое большое судно, как «Ранкокус». Шлюпка четыре раза прошла этот кусок пути, причем Марк каждый раз внимательно изучал фарватер, измеряя его глубину чуть ли не на каждом аршине и усердно вглядываясь в воду, которая, как почти всегда в этих широтах, была сплошь прозрачна, так что при дневном свете в ней можно было прекрасно видеть все на глубине от двенадцати до восемнадцати футов. При этом наши моряки могли убедиться, что если «Ранкокус» не будет ни на йоту уклоняться ни в ту, ни в другую сторону и пройдет прямо, как стрела, через эту теснину, то никакая иная опасность здесь не будет грозить ему. Вторым же, более серьезным препятствием на пути к упомянутой бухте был большой подводный утес, хотя и находившийся на весьма значительной глубине, но все же недостаточной для судна с таким водоизмещением и так глубоко сидевшего в воде, как их славный «Ранкокус».

За исключением только одного места не более ста футов шириной, представлявшего собой, по-видимому, глубокую расселину подводного утеса, судно никоим образом не могло бы пройти в этом месте, в расщелине же было достаточно воды, и только тут можно было с большой осторожностью провести «Ранкокус». По обе стороны этого узкого прохода необходимо было поставить вежи или буйки, так как малейшее уклонение вправо или влево повлекло бы за собой неминуемую гибель судна.

Марк и его товарищ вернулись к себе на «Ранкокус» лишь около трех часов пополудни. Свиньи, птицы и козочка очень обрадовались их возвращению, так как бедные животные со вчерашнего дня ничего не ели. Накормив животных, наши друзья присели за свою скромную трапезу, состоявшую главным образом из холодного мяса. Окончив обед, Марк снес на шлюпку два буйка и необходимые для их установки небольшие якоря и затем немедленно отправился вместе с Бобом к опаснейшему месту пути.

Им пришлось целый час отыскивать это место, и

затем они более часа провозились с установкой буйков. Окончив эту работу, наши приятели вернулись, не теряя ни минуты, на судно, так как погода должна была, по-видимому, измениться к худшему. Теперь следовало решить, попытаться ли им немедленно тронуть судно с места, чтобы укрыть его в надежной бухте, прежде чем успеет налететь буря, и пока только что пройденный путь еще свежо сохранился у них в памяти, или же положить на выносливость и прочность якорных канатов и верить им свою судьбу. Несмотря на свою крайнюю молодость, Марк был очень смышлен в своем деле, и на этот раз он решил, что тронуться сейчас же будет все же менее рискованно и опасно, чем при наличии данных условий оставаться на месте. Раз было принято это решение, терять даром время было нельзя, каждая минута была дорога. Ветер уже начинал давать себя чувствовать порывами, солнце уходило в облака, и на всем горизонте с подветренной стороны небо приняло какой-то зловеющий вид. С минуту Марк колебался, но в этот момент Боб Бэтс крикнул ему, что все уже готово, и, высоко подняв над головой топор, Марк ударил им по канату. То был решающий удар.

В такого рода плавании малейшая ошибка могла бы стать гибельной, а потому Марк настоятельно приказал Бобу зорко смотреть вперед. Он раз десять окликал его, справляясь, не видит ли он буйков. Наконец он услышал желанный ответ:

— Вот они! Славно! Так, так, командир! Разве вы их все еще не видите? Вон, вон!

Минуту спустя и Марк увидел сперва один буюк, а затем и другой; они показались ему на этот раз как-то страшно близко один от другого.

— Руль по ветру! Будь что будет! — крикнул он. А сам, затаив дыхание, следил за малейшим движением судна, которое легко и свободно направилось между двумя роковыми значками. С замиранием сердца ждал он с секунды на секунду, что оно вот-вот взроет носом землю. Но вот буйки остались за кормой судна. Первая, страшная опасность миновала. Смелей вперед!

Оставалась еще вторая половина пути; отыскать тот узкий проход между двумя грядками скал было не так-то легко, а тем временем ветер уже настолько усилился, что море повсюду бурлило и клокотало, дробясь о подводные камни. Но когда ему, наконец, удалось распознать его, Марк уже более не страшился ни волнения, ни ветра. Отсюда уже был виден кратер, и ошибиться в направлении не было никакой опасности. Гордо вздымаясь на волнах, «Ранкокус», как стрела, пронесся через узкий проход между скалами и камнями. Теперь оставалось только еще обогнуть северную часть Рифа, так окрестил Боб главный остров, и, войдя в бухту, выбрать наиболее удобное место для того, чтобы стать на якорь.

И вот, когда «Ранкокус» встал, наконец, на лучший из своих якорей, плавно покачиваясь посреди хорошо защищенной бухты, где волнение почти не чувствовалось, всего в каких-нибудь полтора футах от острова, Боб высоко подбросил в воздух свою шапку и тремя радостными возгласами приветствовал победу. А Марк, стоя на корме своего судна, молча воздал благодарение Богу за его милость и помощь в этом трудном деле.

Поистине будущие обитатели острова не могли даже желать лучшего якорного места для своего судна. Вскоре Марку и Бобу пришлось от души порадоваться принятому ими решению, потому что в эту ночь не раз налетал такой шквал, что навряд ли бы судно их могло уцелеть, если бы оно оставалось на своем прежнем месте.

Даже здесь, в этой закрытой бухте, море бурлило и пенилось, и разбивавшиеся о природную преграду волны обдавали своими брызгами плавно покачивающееся судно. Марк оставался на палубе до полуночи и затем спустился в каюту, где проспал до утра. Боб, отстояв свою вахту, с вечера забрался на свою койку и появился снова на палубе лишь поздно утром. Марк, вставший ранее его, еще раз осмотрел со всех сторон окружавшую их местность и затем спустился в каюту, где уже был накрыт и подан приготовленный Бобом завтрак на обеденном столе

капитана. За завтраком завязался между Марком и Бобом обычный дружеский разговор.

— А что вы думаете, Боб, ведь если бы мы остались на нашем прежнем месте, едва ли бы мы с вами сегодня имели такую столовую и такой завтрак!

— Да, пора было выбраться оттуда, а все-таки хотя я первый стоял за то, чтобы уйти оттуда, сознаюсь по совести, я не надеялся добраться сюда. Ну, а теперь надо только Бога благодарить!

— Вы правы, Боб! При всем постигшем нас несчастии, наша участь много отраднее участи наших товарищей и стольких других моряков, суда которых разбивались и шли ко дну.

— Да, мистер Марк, ведь это много значит, что наше судно уцелело! И меня радует, что вы не падаете духом, я было опасался, чтобы воспоминания о вашей молодой супруге не отравили вам тех радостей, которые могут еще встретиться нам здесь.

— Конечно, разлука с женой для меня очень прискорбна, Боб, я этого не отрицаю, но я надеюсь на милость Господню и хочу верить, что Он когда-нибудь поможет нам выйти отсюда.

— Понятно, надеяться надо, а пока у нас громадные запасы пресной воды, солонины, свинины и всяких других припасов лет на шесть хватит, муки и хлеба на целый век, а, кроме того, и лакомств разных не мало.

— Да, наше судно имеет прекрасные запасы, но вот беда, — мы уже полтора месяца питаемся исключительно соленым мясом, и если это будет продолжаться так еще хотя дней пять, то нам не миновать цинги.

— Ох, упаси нас Господь от такой напасти! Да здесь должно быть рыбы вволю, хлеб у нас есть, и, отказавшись хоть на время от солонины и свинины, мы избежим этой беды.

— Что и говорить, свежая рыба весьма полезна в таких случаях, а черепахи были бы еще полезней; но главным образом поддерживает в таких случаях здоровье человека разнообразие в пище; надо чередовать почаще мясо, овощи, рыбу и плоды. Чего нам здесь

недостает, так это хотя бы только небольшого клочка земли, пригодной для того, чтобы развести здесь нечто вроде огорода. Я не видал вчера здесь клочка травы. И даже морских трав, самых обычных, я не встречал нигде. А в здешнем климате все овощи и фрукты пошли бы превосходно.

— Да, это так, и я-то в этом деле мог бы вам кое-чем служить: есть у меня в одном мешочке отборнейшие семена тех дынь, что мы едали с вами на востоке. Вот если бы их здесь посеять, так славные бы плоды были у нас к столу!

— Да, это мысль прекрасная, добрейший Боб, тем более, что теперь ведь как раз удобнеее время для посевов. Мне помнится, что там у нас на судне еще найдется где-нибудь хоть несколько картошек для посадки.

— Картофель у нас есть, я это знаю верно, да и семян-то всяких там немало.

Все время завтрака приятели беседовали на ту же тему, и едва встали они из-за стола, Марк, не медля ни минуты, тут же принялся сортировать различные найденные им семена, покуда Боб перемывал и прибирал посуду. На судне жило несколько свиней; эти животные избрали для себя жилищем одну из тех больших шлюпок, которые были спущены с судна в эту роковую ночь. С тех пор, лишившись избранного ими хлева, они бродили по всей палубе, ютясь то тут, то там, вследствие чего, понятно, порядок и чистота на палубе немало пострадали, и Боб решил спустить этих свиней теперь же прямо в море, будучи уверен, что они вплавь достигнут берега; так и случилось на самом деле.

Очутясь на суше, эти четвероногие с большим усердием принялись взрывать землю, по-видимому, вполне довольные своей участью, а Марк стал собирать в небольшой бочонок оставленные ими нечистоты, с целью воспользоваться ими в качестве удобрения для будущего огорода. Заметив это, Боб сказал, что знает несравненно лучшее удобрение, которого к тому же здесь должно быть вволю: в Перу и Чили жители почти исключительно

пользуются для этой цели птичьим пометом, который собирают на всех прибрежных скалах и утесах. В последнее же время птичий помет стал даже немаловажным предметом экспортной торговли под наименованием «гуано». При всех своих прекрасных качествах это гуано имеет еще и то значительное преимущество, что его надобно сравнительно немного; испанцы, по преимуществу пользующиеся этим прекрасным удобрением, обкладывают им свои посадки и растения по мере надобности или же сообразно росту и развитию растений. В заключение Боб предложил отправиться сейчас же на один из ближних островов, кишевших птицами всех величин и видов, чтобы добыть там это гуано.

Марк с радостью принял это предложение; забрав с собой корзину и лопаты, они отправились вдвоем на один из тех утесов, или островков, о которых мы уже говорили выше. Не более как в полчаса они собрали там изрядное количество того гуано, о котором Боб рассказывал такие чудеса.

Прямо отсюда они отправились на Риф и там пристали близко у входа, ведущего вовнутрь кратера, куда они, выйдя из шлюпки, сейчас же и направились.

Здесь свиньи уже взрыли почву в нескольких местах; присмотревшись повнимательнее к их работе, Марк убедился, что под верхним слоем коры лежит довольно рыхлая и крупная зола, которая, будучи подвергнута непосредственному влиянию воздуха, с примесью многообещающего гуано и всевозможного мелкого сора, кухонных отбросов и тому подобного, могла бы дать, быть может, почву, достаточно пригодную для скромных огороднических целей.

Еще накануне, будучи не вершине кратера, Марк приметил там два-три местечка, показавшиеся ему наиболее подходящими для первого посева, тем более, что на вершину уж никак не могли взобраться четвероногие обитатели Рифа, а, следовательно, ни грядкам, ни ожидаемым всходам не грозила никакая опасность.

*Они приходят приветствовать
восход солнца и насладиться первыми
проблесками дня; но мгновения дороги,
их сады ждут их. Их только двое для
ухода за ними, и как они успевают
управиться с таким огромным количе-
ством работы.*

М и л ь т о н

Взбираясь на вершину кратера, Марк по пути вырубал в стене уступы наподобие ступеней, которые должны были впредь значительно облегчить этот подъем. Добравшись до вершины, Марк отыскал заранее намеченные им места и, размотав имевшийся при нем обрывок снасти, бросил один конец этой веревки вниз, внутрь кратера. Боб, остававшийся внизу, сейчас же привязал к нему корзинку с гуано, а Марк проворно втащил ее наверх. Повторив эту операцию несколько раз, товарищи перетаскали на вершину все, что им было нужно; после этого Боб вернулся к своей шлюпке, чтобы прикатить оттуда тот бочонок со свиным пометом и разным другим мусором, который они захватили с судна. Втащив и это на вершину кратера, Марк принялся усердно вскапывать землю и перемешивать ее тщательным образом с имеющимися у него различными снадобьями. Боб также не терял даром времени: и на одном из островков, ближайших к Рифу, отыскал изрядное количество различных морских водорослей. Не говоря ни слова, он сделал рейсов шесть на своей шлюпке туда и обратно и каждый раз привозил огромную охапку этих водорослей, которые затем обычным порядком были доставлены при помощи каната на вершину и поступили там на удобрение почвы для посева. Вслед за последней охапкой этих трав Боб сам отправился туда же, хотя и иным путем, и присоединил свои усилия к усилиям своего товарища.

Вдвоем они проработали там еще около часа, после чего решили, что теперь, пожалуй, можно бы рискнуть посеять что-нибудь из их семян. Для опыта они избрали

дыни, бобы, горох и кукурузу; кроме того, посеяли еще немного огурцов и луку. Все эти семена были припасены судохозяином «Ранкокуса», принадлежавшим к секте квакеров, известной под названием «друзей». Учение «друзей» является какой-то странной смесью проповеди широкой филантропии и алчности к наживе; вот почему судохозяин в числе других полезных и необходимых предметов сделал большой запас всяких семян, которые предназначались, как и многое другое, для раздачи туземцам тех островов, куда шел на этот раз его корабль.

Когда наши приятели спустились вниз с «вершины», как решил назвать весь верхний край возвышенности кратера Боб, наступил уже час обеда. В долине кратера наш добрый Боб устроил род навеса с помощью обрывков старых парусов, захваченных им с собой на всякий случай, тут они прекрасно пообедали, а потом вздремнули часок-другой. Во время этого обеда наши друзья обсудили все, что им уже удалось сделать здесь и что еще им предстояло сделать для своего удобства и благополучия. Между прочим было решено, на случай беды, еще прочнее укрепить «Ранкокус» при помощи надежных канатов.

Проснувшись часов около двух пополудни, Боб прежде всего позаботился о свиньях: он накормил их и думал было попоить, но Марк нашел это совсем излишним ввиду того, что надвигались тучи; можно было ожидать дождя с часу на час, и тогда не надо было бы тратить воду. Заметив между тем, что один боровок усердно взрыл почву у самого основания стены кратера, причем провел довольно правильную борозду, усеянную на известном расстоянии друг от друга маленькими кучками рыхлой золы, Марк возымел желание воспользоваться этой работой боровка для нового посева горсточку семян лимонов, апельсинов, винограда, смоковниц, померанцев и других плодов.

По окончании посева Марк стал думать и о том, как оградить поле от всяких злоключений, и с этой целью он, выходя из кратера, изгнал оттуда предварительно свиней, а самый вход загородил все тем же старым парусом, который он надежно укрепил с правой и с левой стороны прохода, так что он заменил собой калитку или щит.

Преграда, конечно, была слишком слаба и недостаточна, и если она на первых порах все-таки сослужила свою службу, то это наверное благодаря лишь тому, что все старания небольшого стада отыскать внутри кратера хоть что-нибудь годящееся в пищу остались совершенно безуспешны. В противном случае дело бы было иначе.

Тем временем гроза, казалось, была готова каждую минуту разразиться; поэтому наши приятели поспешили вернуться на свое судно, чтобы не промокнуть до костей. Действительно, едва успели они укрыться в каюте, как полил дождь.

Благодаря изменившемуся ветру, судно прибывало слишком близко к подводной стене, служившей оградой маленькой бухте, и хотя оно не ударялось о нее, но время от времени задевало, что еще более убедило наших моряков в необходимости более прочно укрепить «Ранкокус». По этому случаю Боб подал блестящую мысль свезти на берег наиболее крупный и надежный из их якорей, укрепить его где-нибудь в скалах, так, чтобы он зацепился за них и сидел неподвижно, и затем притянуть к нему судно при помощи надежных канатов.

Но так как для перевозки якоря понадобился бы плот, так как их маленькая шлюпка была непригодна для этой цели, то сооружение плота и перевозка якоря были отложены до следующего дня.

Марку очень хотелось взглянуть на то действие, какое произвел этот ливень на их молодые посадки и посевы, и на количество воды, оставленное дождем на Рифе, а потому было решено отправиться на часок-другой на остров перед наступлением сумерек. Отправляясь в путь, Боб вдруг вспомнил о проживавших на судне домашних птицах, курах и утках, имевших до крайности жалкий вид; это было неудивительно, если принять в соображение, что эти несчастные пернатые находились уже более пятидесяти дней в открытом море. Боб предложил поселить их на острове, предоставив им самим отыскивать себе пищу, при чем намеревался, с своей стороны, по мере надобности подкармливать их и приглядывать за ними. С разрешения Марка куры и утки были выпущены

на волю. Завидя сушу, они направились одни вплавь, другие летом к острову, где тотчас же и принялись что-то поклевывать с такой жадностью, как будто перед ними было рассыпано самое отборное зерно. К немалому удивлению Марка, оказалось, что и вся палуба усыпана какими-то мелкими слизистыми шариками, которые выпали, очевидно, вместе с дождем, приплыли, как видно, очень по вкусу не только всем птицам, но также и свиньям. Теперь на судне оставалось всего одно живое существо, кроме Марка и его приятеля Боба; то была коза, и хотя от нее едва ли можно было ожидать какой-либо пользы, да и кормиться-то ей здесь на острове было положительно нечем, все же Марку казалось бесчеловечным резать или заколоть это бедное животное тогда, когда Господь помиловал их всех в минуту гибели и опасности. Поэтому было решено свезти на остров и ее. Прибыв туда, Марк убедился, что все, даже малейшие углубления скалистой почвы острова были наполнены дождевой водой и что самая почва впитывала в себя лишь очень малое количество воды. Воды было так много, что ее хватило бы теперь на то, чтобы наполнить все бочки и бочонки, имевшиеся на судне, что было очень утешительно для них на будущее время.

Что же касается посевов их, то дождь нимало не повредил им, и хотя каждая лунка, вмещавшая в себе зерно или семя, вплоть до краев была наполнена водой, тем не менее ни одна из них не была размыта ливнем. Марк опасался, что запоздал с посадкой и что долженствовавшая вскоре наступить засуха погубит его всходы. На этот раз им досталась изрядная поливка. Принимая в соображение могучее влияние солнца в этих широтах, Марк был уверен, что потребуется лишь немного дней для того, чтобы иметь возможность безошибочно судить о результатах смелой попытки оплодотворения мертвой почвы острова. Осмотрев свои посевы и посадки, Марк и Боб вернулись на «Ранкокус». И в эту ночь оба они спали так сладко и крепко, как не спали уже давно на «Ранкокусе». Два последующих дня были употреблены ими на укрепление их судна на якорь. Старания их, наконец, увенчались успехом.

Теперь «Ранкокус» находился всего на расстоянии ста футов от берега; с помощью досок, надежно укрепленных на козлах, получился род длинного трапа, или мостков, благодаря которому во всякое время можно было сухим путем сообщаться с островом, не имея надобности прибегать для того каждый раз к шлюпке. Работы эти были ими окончены лишь на вторые сутки после полудня. День этот был суббота, и Марк решил, что впредь они будут чтить, как должно, воскресные дни и посвящать их всецело Господу Богу. В дни невзгод человек чаще всего вспоминает о Боге и о своих обязанностях по отношению к Нему, а потому нет ничего удивительного в том, что и наши моряки вспомнили о Нем.

Так в воскресенье, когда Марк рассказывал по своим владениям, мысленно возносясь к Богу или переносясь к воспоминаниям о Бриджит и не покидавшей его за все это время мысли о возможности свидания с ней, Боб, вскочив в лодку, отправился на рыбную ловлю на один из соседних утесов, которых тут, на пространстве какой-нибудь полумили, было около двадцати. Некоторые наиболее крупные из этих скалистых островов имели до шести акров поверхности, большинство же из них не имело, пожалуй, даже и сотни футов площади.

Боб Бэтс был страстный любитель рыбной ловли; он готов был проводить за этим занятием целые дни напролет, но с условием иметь при себе достаточный запас табаку.

Большой для него утешой в настоящем горе было то обстоятельство, что на «Ранкокусе» имелись громадные запасы табаку, оставшегося от погибших товарищей. Марк любил охоту, но здесь ружье было почти совсем не нужно, так как из миллионов птиц, кишевших всюду, не было ни одной, пригодной для стола. Однажды Марк, гуляя по своему острову, мысленно сравнивал себя с известным Робинзоном и другими ему подобными невольными жителями необитаемых стран и островов. Хуже всего было, конечно, то, что на Рифе не было растительности или хотя бы воды для орошения посевов, на случай, если бы показались всходы. Правда, теперь почти ежед-

невно выпадал дождь, но со дня на день дожди могли прекратиться, и тогда моряков ожидала страшная засуха. Риф, к тому же, был до крайности однообразен и очень невелик. Кроме кратера ничто не нарушало его унылого однообразия. Хорошо еще, пока на судне есть небольшой запас дров, ну, а когда он выйдет, чем тогда им развести огонь, хотя бы под плитой? Ведь здесь нигде нет ни сучка, ни кустика?!

С другой же стороны, великим счастьем для Марка и для Боба могло считаться то, что судно их осталось цело со всем своим провиантом и запасами. Это снабженное всем необходимым судно могло дать им и жилище, и одежду, и пищевые продукты, и пресную воду, и топливо в таком количестве, что всего этого им хватило бы на многие годы, при некоторой бережливости и аккуратности. Конечно, не иметь возможности утолить жажду из светлого ключа было до некоторой степени лишением; но удержавшаяся в углублениях гладкой, точно отполированной скалы и затем сохраняемая в специально для того приспособленных бочонках или цистернах чистая дождевая вода являлась очень сносным напитком для моряков. А в каюте капитана был фильтр.

С заходом солнца вернулся Боб. К немалому удивлению Марка маленькая шлюпка почти по борт сидела в воде; он поспешил на помощь товарищу, направлявшемуся к входному отверстию кратера. Улов Боба состоял из десяти или двенадцати штук крупной рыбы; некоторые из них были даже весьма значительной величины и внушительного вида, но все совершенно незнакомые нашим морякам. Отобрав наилучших из них, Марк выбросил остальных свиньям и птицам. Свиньи тотчас же с жадностью накинулись на это угощение, а куры пожеманились сперва немного, вероятно, вследствие того, что раньше уже успели утолить свой голод насекомыми и слизнями, но после и они одумались и, в свою очередь, приналегли на остатки этого еще совершенно нового для них угощения. Теперь нашим морякам нечего было заботиться о пропитании своих животных и птиц; только для козочки такого рода корм был непригоден.

Но надо вам сказать, что не одна лишь рыба составляла главный груз маленькой шлюпки Боба, он нагрузил ее по самые борта каким-то растительным илом, который нашел в расщелине одной из скал, где он обрзовался, вероятно, из перегноя разных морских водорослей.

— Да ведь этот ваш ил как нельзя более походит на прекрасный чернозем! — воскликнул обрадованный Марк. — И много его там?

— О, сколько вам угодно, мистер Марк! Пространство, занимаемое этим илом, ничуть не меньше площади нашего кратера.

— Прекрасно, с будущей недели мы займемся им; благоразумие требует от нас, чтобы мы не пренебрегали ничем, что может способствовать нашему благополучию даже и в том случае, если Господь поможет нам вернуться на родину.

— Вернуться вновь на родину! А вы все еще думаете туда вернуться? Нет, мистер Марк, уж лучше нам совсем не говорить об этом! А вот насчет ила, так я вам доложу, что спаржа, наверное, хорошо бы на нем уродилась; а семена-то спаржи у нас ведь тоже должны быть где-нибудь на корабле.

— Все семена, какие только есть, находятся в тех двух-трех ящиках, что стоят между деками. Пока я принесу лопату и выгрузу ваш ил, вы, Боб, займитесь-ка приготовлением этой рыбы к ужину. Мы уже Бог весть как давно питаемся все только солониной, а свежая-то рыбка будет нам куда как полезна!

Затем и Марк, и Боб занялись каждый своим делом: Марк с помощью лопат и тачки перевозил весь ил вовнутрь кратера, где складывал его в одну большую кучу с намерением навалить впоследствии сюда нечистоты, грязь и сор, какие встретятся в их обиходе. А Боб тем временем отправился на кухню на «Ранкокус» и занялся стряпней. Он изготовил к ужину прекрасное жаркое и приготовил из той же рыбы на завтра любимую им матросскую похлебку.

*Успокойся, бедный, покинутый!
Проницательное око видит все, небо и
землю, видит также и твою горе. Час
освобождения скоро настанет.*

М и с с и с   Г и м е н с

Всех людей, искренно верующих и религиозных, воскресный день особенно располагает к размышлению о Боге и всех Его благодеяниях к нам. Среди житейских треволнений и сует мы, люди, часто как бы забываем о своей зависимости от высшего существа; каждый рассчитывает лишь на самого себя, надеется на свои собственные силы, в безумной гордости преувеличивая и свои силы, и свои способности и забывая о том, кто их дал нам.

Когда же человек очутится один, вдали от мира и людей, беспомощный, в критических условиях, тогда он поневоле начинает сознавать все свое ничтожество и смиренно обращается к Тому, Кто лишь Один Всемогуш и Всесилен.

Полутру в воскресенье Марк прочел вслух церковное богослужение с начала до конца, Боб с большим вниманием слушал его. По окончании чтения, к которому наши друзья сочли необходимым подготовиться, то есть тщательно приодеться, побриться и помыться, они отправились погулять на Риф.

Они шли, дружески беседуя между собой о всех своих делах, как вдруг Боб упомянул о том, что в трюме есть остов и все части разобранный пинасы¹.

— И если только память мне не изменяет, то судно это, кажется, не маленьких размеров и приспособлено носить и паруса, и мачты, — добавил Боб.

Марк выслушал его спокойно, но в глубине души он был вполне уверен, что Боб жестоко ошибается на этот

---

¹ Небольшое мореходное парусное судно.

раз. Верно было только то, что всякого рода строительного леса и разного другого материала имелось на «Ран-кокусе» вдоволь и что построить из него со временем какое-нибудь судно было весьма возможно, хотя и нелегко.

В такого рода разговорах, в молитве и предположениях об участии, постигшей их товарищей, прошел воскресный день наших приятелей. В ночь выпал сильный дождь, и воды повсюду было очень много; Марк захотел взглянуть на запас ила в кратере, а Боб отправился опять половить рыбу, причем привез с собой еще немного того ила. За одну эту ночь дождь до того промыл весь находившийся в кратере ил, что когда Марк попробовал его на вкус, то убедился, что он утратил очень значительную долю содержавшейся в нем морской соли, что было весьма и весьма утешительно для его широких замыслов по части огородничества.

Весна была еще только в самом начале, так что Марк мог надеяться еще успеть надлежащим образом подготовить достаточно большую площадь годной под огород земли, и как раз вовремя, чтобы вырастить на ней кое-какие овощи.

Пока Боб был занят рыбной ловлей, Марк стал работать над настилкой пола на том плоту, который был ими изготовлен ранее для перевозки якорей на Риф; теперь же Марк рассчитывал воспользоваться им для перевозки ила. Едва успел он кончить это дело, как возвратился Боб с новым запасом того ила, который тут же выгрузили, и затем решили немедленно опять отправиться на тот утес с плотом и со шлюпкой.

Первой заботой Марка тотчас же по прибытии на место было избрать удобное местечко, вскопать его, смешать с достаточным количеством гуано и засеять там маленький участок спаржей. Пока Марк возился со своим посевом, Боб нагрузил и плот, и шлюпку, и с этим драгоценным грузом они направились обратно к кратеру.

Последующие две недели прошли в подобных же занятиях; не проходило дня, чтобы наши друзья не побывали на утесе ила и не вернулись оттуда с порядоч-

ным грузом. Кроме того, за это время было сделано немало и других работ; так, например, они наполнили водой все имевшиеся на судне бочонки для воды. Хотя запасы их еще не истощились и по расчету Марка имевшейся у них в наличии воды должно было хватить на целых два года, но следовало запастись ею вовремя, так как дожди могли со дня на день прекратиться. Когда все бочки и бочонки были наполнены и тщательно размещены в порядке в трюме, их накрыли еще старой парусиной, чтобы предохранить от оседавшей пыли. До того времени еще не было надобности раздавать воду птицам и домашним животным: они всегда имели ее в достаточном количестве в тех лужах, которые образовывались каждый раз после дождей во всех малейших углублениях почвы.

Бэтс не переставал усердно заниматься рыболовством, исправно поставляя рыбу не только к столу, но и на корм свиньям и курам. Кроме того, он часто отправлялся добывать гуано и привозил его всегда в большом количестве.

Однажды ему пришло в голову отправиться подальше за черту подводной гряды. Прошло около двух часов с тех пор, как он уехал, как вдруг Марк, работавший в долине кратера, услышал крик товарища и тотчас догадался, что тот зовет его на помощь.

Выбежав на берег, он был немало удивлен видом той громадской добычи, которую тащил Боб Бэтс.

Оказалось, что там, под ветром, у того утеса, где удил Боб, образовалось громадное скопление плавучих морских трав; когда же эта громадская спутавшаяся масса не могла далее уместиться на том пространстве, где она ютилась до тех пор, то вдруг сама собой отделилась и, подгоняемая ветром, поплыла вниз по течению к южной части Рифа. Боб Бэтс не без труда заставил эту плавучую копну обойти южную конечность Рифа и силился направить ее теперь поближе ко входу в кратер. Поняв тотчас же, чего от него требуют, Марк захватил веревку и перебросил ее Бобу, который, в свою очередь, закинув ту веревку на копну, с успехом подтянул ее туда, куда

счел более удобным. Эта неожиданная находка пришлось теперь как нельзя более кстати. По своему объему эта плавающая копна не уступала двум большим возам сена; в этой траве засело множество ракушек и улиток, чему особенно обрадовались куры, как блюду, крайне лакомого для них, а свиньям сама трава пришлось по вкусу. Хотя время было уже позднее, наши друзья все же вооружились вилами и принялись поспешно убирать эту траву внутрь кратера, оставив тут на берегу лишь незначительную часть для кур и для свиней. Прошло дней десять; наши друзья стали держать совет и решили прежде всего заняться подготовкой почвы, хотя бы только полуакра земли под огород. Несмотря на громадное богатство по части всевозможных удобрений, Марк не особенно рассчитывал здесь на успех; тем не менее он согласился посвятить на удобрение и подготовку земли к посеву целый месяц, а уж все остальное предоставить самой природе.

Первый месяц их пребывания на Рифе подходил уже к концу. Наши приятели решили, наконец, осуществить давно задуманную мысль, то есть приняться за постройку нового небольшого судна, на котором можно было бы добраться до берегов Южной Америки или же хотя бы до одного из ближних населенных островов.

На другой день все утро шел сильнейший дождь, вследствие чего наши приятели принуждены были остаться у себя на судне. Они воспользовались этим обстоятельством, чтобы хорошенько ознакомиться со всеми сокровищами и богатствами «Ранкокуса» и прежде всего с теми двумя-тремя ящиками, которые стояли между деками, и где должны были находиться все семена. Затем они спустились в трюм; всякого рода леса и досок здесь было очень много, но ничего похожего на остов или же составные части судна вроде пинаса не оказалось, а потому как Марк, так и Боб остались каждый при своем первоначальном убеждении. Различных инструментов и орудий тут было также очень много. Очевидно, «друг» Авраам, главный владелец судна, прекрасно сознавал в душе, что поступает не совсем похвально, способствуя,

хотя косвенно, идолослужению, доставкой в Кантон сандала, употреблявшегося для курений в честь идолов, и потому ему хотелось хотя немного искупить свою вину или загладить ее каким-нибудь благим делом по отношению к тем дикарям, у которых он за бесценку скупал сандал. Будь он пресвитерианец, он, вероятно, завалил бы с этой целью половину судна всякого рода книжным хламом духовно-нравственного содержания в виде душе-спасительных книжонок и брошюр и разных нравственных трактатов, но «друг» Авраам принадлежал к той секте, которая настолько же достойна уважения на самом деле, насколько кажется смешна в своих теориях, а потому эти духовные брошюрки и весь этот религиозный хлам не мог бы убаюкать его совесть. Вот почему «друг» Авраам затратил до тысячи долларов на разные орудия, инструменты и семена, которые могли оказать немалую пользу туземцам различных островов Тихого океана.

В числе этих семян Марк натолкнулся на семена клевера и других луговых трав в таком количестве, что ими можно было засеять весь кратер сплошь.

Тем временем погода прояснилась, и Марк и Боб отправились на Риф, забрав с собой полную корзину гуано и семян. Друзья не были там с тех пор, как Марк удобрил там почву и сделал первые посевы. Марк приближался к месту, где были его грядки, почти без всякой надежды на успех. Ведь у него тогда не было даже ила, который бы он мог смешать с той рыхлой пепельной золой, какой являлась здесь повсюду нетронутая, девственная почва. Каково же было удивление и радость наших друзей, когда они увидели расстилавшиеся по земле зеленые всходы с чуть заметными завязями на тоненьких стеблях.

Итак, важный вопрос о пригодности природной почвы Рифа отныне был решен в благоприятном смысле. Понятно, что радость Марка по этому случаю не знала границ. Какое счастье в самом деле, что козочка еще ни разу не была здесь в течение всех этих двух недель; как видно, безуспешность первых ее посещений отбила у нее охоту взбираться снова на вершину; теперь же если ей случится увидеть здесь хоть издали свеженькую зелень, то нарож-

дающимися дыням наверное грозит ужасная беда. Поэтому Марк решил продержать козу взаперти на судне до того времени, пока не будет выстроена здесь изгородь, достаточно прочная для того, чтобы преградить козе доступ к столь драгоценной маленькой бахче; а сделать это, в сущности, было совсем не трудно: с внешней стороны взобраться на вершину, хотя бы даже и козе, было возможно лишь только в трех местах, как мы уже говорили выше. Исключая эти три пункта, стена повсюду поднималась совершенно отвесно на высоту десяти или двенадцати футов. Лишь в двух местах скатившиеся обломки скал и твердой лавы образовали нечто вроде ступеней, которые не трудно было уничтожить и таким образом сделать и эти пункты недоступными: третий путь к вершине решено было временно загородить особой загородкой.

Забываясь о сохранении своего вновь приобретенного сокровища, Марк принялся засеивать травой внешние скаты кратера. Понятно, что он не рассчитывал на то, чтобы все посейное взойшло; он счел бы свой труд далеко не напрасным даже и в том случае, если бы по склонам кратера появилось хотя бы несколько кустиков зеленой травы, на которой мог бы отдохнуть утомленный однообразием глаз. Следом за ним шел Боб, разбрасывая гуано повсюду, куда Марк кидал семена. Выпавший вскоре дождь смочил последние посевы и принес этим немалую пользу будущей растительности.

Сделав все, что от них зависело, они спустились внутрь, в так называемую ими Долину кратера, где Марк намеревался разбить сравнительно обширный сад. На распланировку, удобрение и подготовку почвы для будущего сада ушло около двух недель; тем временем дожди стали выпадать уже реже, и лишь от времени до времени проливались над Рифом сильные ливни, но они еще более, чем постоянные дожди, способствовали произрастанию растений.

За эти две недели посевы на вершине кратера успели дать порядочные всходы, благодаря влиянию тропического солнца. Но теперь следовало опасаться в близком

будущем тех продолжительных засух, которые обыкновенно губят всякую растительность и главную причину которых следует искать не в высокой температуре воздуха, а в других местных условиях климата.

По мере того как дело подходило к лету, Марк начинал успокаиваться относительно ужасного, губительного влияния местной жары. Он убедился, что пассатные ветры, а быть может, и еще другие какие-либо неизвестные ему причины, постоянно нагоняли тучки, которые не только проливались благодатным дождем над посевами, но вместе с тем и умеряли нестерпимый зной солнечных лучей.

Ввиду приближения лета Марк позаботился об устройстве внутри вулкана палатки, не желая быть захваченным врасплох безмерно жарким здесь временем года. При помощи нескольких старых парусов и мелких мачт здесь вскоре сооружено было жилье, довольно просторное и удобное. Но Марк заботился не об одном только себе. Снаружи он устроил еще другой полотняный, то есть парусиновый навес для всех своих домашних животных и птиц, которые с необычайной радостью спешили укрыться там. Но это простое сооружение оказалось более трудным, чем это предположили Марк и Боб, так как от него требовалось особая прочность и устойчивость ввиду того, что он постоянно подвергался влиянию сильных ветров, тогда как внутри кратера, защищенного со всех сторон непроницаемой стеной, чувствовался теперь уж недостаток воздуха, вследствие чего Марк и решил построить для себя небольшой павильон на самой вершине, где всегда была прекрасная приятная температура.

Когда было избрано место для павильона, за материалами дело не стало, и вскоре наши искусные строители имели еще новое жилище.

В этих хлопотах прошли еще недели две; наши отшельники незаметно доживали третий месяц своего пребывания на Рифе. Они успели свыкнуться со своим одиночеством и отрегулировали до известной степени свои работы и занятия.

То нарождающийся день своими плодородными слезами смачивает нежно чашечки цветов, то, отражаясь волнами света от раскаленной скалы, он с удвоенной силой разливается по всей прерии.

С е в е д ж

Как только новый павильон, или палатка, был готов, Марк перетащил туда значительную часть своих книг, которых у него было изрядное количество, свою флейту и письменные принадлежности. Там он проводил большую часть своих свободных часов. Боб посвящал почти все свое время рыбной ловле, соединяя приятное с полезным и доставляя обильную пищу домашним птицам и животным, не говоря уже о том, что к столу у них во всякое время была свежая рыба.

Между тем первые посаженные овощи взошли превосходно. К концу следующего месяца все скаты возвышенности кратера зазеленели там и сям, и даже на совершенно девственной, неподготовленной почве некоторых частей утеса стала, к необычайной радости и удивлению Марка, пробиваться местами зеленая травка. Количество рыбы, ежедневно приносимой Бобом, было так велико, что ему пришла мысль изготавливать и из нее удобрение. С этой целью, пользуясь несколькими часами прохлады поутру и перед наступлением ночи, он принялся готовить место для свалки негодной излишней рыбы. Тут же возвышались целые горы водорослей, смешанных с илом и с гуано. Но по мере того, как весна подходила к концу, все работы должны были все более и более замедляться вследствие страшной жары, которая становилась положительно невыносимой, несмотря на постоянные ветры. Марк воспользовался этим временем для того, чтобы заняться судом. Пользуясь благоприятной погодой, они занялись просушкой парусов и уборкой их; палубы мылись теперь ежедневно утром и вечером не только для порядка и опрятности, но и для того, чтобы дерево не

трескалось и не рассыхалось под влиянием непомерного зноя. В то же время они занялись и тщательным осмотром трюма. Там оказалось очень много всякого рода полезных предметов: между прочим там нашлось и два бочонка уксуса для изготовления маринадов на случай цинги.

Однажды, когда Боб опять рылся в трюме, а Марк сидел тут же и наблюдал за ним, Бобу случайно попался под руку какой-то предмет; с большими усилиями его удалось вытащить из-под огромной кучи всякого рода леса и досок, сваленных на полу в самом темном углу трюма.

Когда Боб вытащил, наконец, эту, по его словам, «никуда не годную, корявую дубину», Марк с первого же взгляда признал в ней одну из составных частей довольно крупного мореходного судна.

— Вот поистине чудо, Боб! — воскликнул он. — Ведь эта ваша негодная дубина не что иное, как одна из частей той пинасы, о которой вы мне говорили.

— А ведь и в самом деле так! И как это я, старый болван, сразу об этом не догадался? Ну, а если мы с вами наткнулись на эту оглоблю, так уж верно, что все остальные части пинасы сложены тут же.

И действительно, все составные части этого судна были отысканы одна за другой и снесены на палубу. Хотя ни Боб, ни Марк не могли назваться искусными судостроителями, тем не менее оба они прекрасно знали место каждой отдельной части и не были совершенными невеждами в деле кораблестроения.

Трудно себе представить, какой громадный переворот произвела эта неожиданная находка в душе молодого моряка. Хотя он до сих пор ни на минуту не терял окончательно надежды на свидание со своей возлюбленной Бриджит, но тем не менее надежда эта угасала в нем с каждым днем.

Теперь же, когда существование пинасы не было уже чем-то загадочным, когда он видел его своими глазами, он едва смог совладать с охватившим все его существо чувством радости; вся кровь прилила разом к его сердцу, так что он принужден был прислониться к ящичку,

чтобы не упасть под влиянием охватившего его волнения.

В продолжение нескольких дней Марк находился в каком-то лихорадочном волнении, будучи положительно не в состоянии заняться каким-либо делом. Теперь он мог говорить только о своей Бриджит и думать исключительно о свидании с ней.

Боб отнесся к этому более спокойно. Он мысленно решил поробинзонствовать в продолжение нескольких лет и до того свыкся с этой мыслью, что она нисколько не огорчала его.

Марк так обрадовался возможности построить судно, что не захотел даже отложить этой работы до более прохладного времени года, а желал приступить к ней немедленно же. Боб без возражений выказал полную готовность помогать ему в этом деле.

Однако жара становилась до того сильной, что не было никакой возможности работать, не устроив себе какой-нибудь защиты от солнца. К тому же остов пинаса необходимо было собрать где-нибудь на берегу, чтобы иметь впоследствии возможность спустить это судно на воду. По зрелом обсуждении этого вопроса решено было избрать для верфи место на западной окраине Рифа, где сам утес представлял наиболее благоприятные условия для спуска будущего судна. Хотя наши отшельники еще не видали здешней зимы, но, судя по тому, как в какой-нибудь час времени море подымалось на несколько футов, а во время бурь вода вторгалась и заливала даже часть долины кратера, легко могло случиться, что пинас мог быть унесен в море прежде даже, чем его успеют окончить. На эту работу потребовалось бы не менее шести или семи недель.

При закладке пинаса Марк назвал его «Нешамони» в честь маленькой бухточки, лежавшей почти напротив Ранкокуса, другого небольшого заливчика, образуемого тем же Делаваром и давшего свое имя доброму старому судну. Объясняется это тем обстоятельством, что владелец «Ранкокуса», «друг» Авраам Уайт, был сам уроженец берегов Делавара и сильно любил свою родину. Два часа

времени ранним утром и другие два часа перед наступлением ночи, вот все то время, которым могли располагать наши кораблестроители для своих работ по сооружению чего-то вроде навеса или сарая. Чтобы построить этот сарай, понадобилось прежде всего вырыть восемь ям глубиной не менее двух футов каждая. Это была бы гигантская работа, которая потребовала бы не менее года, если бы Марк не вздумал воспользоваться для этого пушечным порохом, с помощью которого он взорвал в восьми местах затвердевшую лаву, после чего оставалось лишь удалить находившиеся там обломки камней и укрепить столбы. Тем не менее, постройка верфи отняла у наших колонистов целый месяц. Боб был в восторге от своей верфи, Марк, со своей стороны, был не менее его доволен своим сооружением и на другой же день приступил к установке килевой части.

День этот ознаменовался еще одним немаловажным событием: Боб отправился на вершину за каким-то инструментом, случайно взглянув на грядки, заметил, что дыни на них уже совершенно спели, и, сорвав из них штуки три-четыре, снес их Марку, который теперь мог уже вполне убедиться, что Господь благословил его труды. Побывав в свою очередь на вершине, он увидал, что не одни дыни дозрели и стали годными для употребления: лук, огурцы, помидоры, некоторые другие овощи тоже уже были совсем готовы и пригодны для кухни. Теперь наши приятели ежедневно имели к столу свежую зелень, что совершенно успокоило Марка, сильно боявшегося до сих пор опасности заболеть цингой.

Что касается нижнего сада, затейливо распланированного в долине кратера, то сделанные там посевы еще не достигли такого развития, что было вполне понятно, так как он был засеян гораздо позднее. Но вернемся на верфь.

Осмотрев все составные части пинаса, Марк убедился, что всякий винт и всякая доска были тщательно помечены и пронумерованы; оставалось только собрать их в должном порядке, за что наши кораблестроители и принялись с большим рвением: в одну неделю весь корпус

был уже окончен, причем ни разу не пришлось даже прибегнуть к помощи рубанка.

Измерив судно, Марк узнал, что килевая часть его имеет двадцать четыре фута длины при вместимости приблизительно в одиннадцать тонн.

Собрать корпус «Нешамони» было нетрудно, но, чтобы проконопатить судно, требовалось несравненно больше хлопот. Целых две недели провозился Боб с этим делом. В течение этих же двух недель, перебирая кое-что в трюме «Ранкокуса», Боб случайно набрел на сваленную в кучу старую медь; на одном из листов стояла надпись: «Медь для обшивки пинаса». Это была суцая находка для наших кораблестроителей, ввиду того, что в этих низких широтах подводные части судов немилосердно разрушаются громадными массами червей. Труднее всего оказалась настилка палубы, тем более что на корме были устроены две маленькие каюты для служащих.

Теперь оставалось только спустить пинас на воду. И Марк, и Боб, конечно, не раз присутствовали при спуске судов и видали, как это делается; тем не менее, это дело представляло немало затруднений. Марк имел предусмотрительность поместить судно как можно ближе к воде, что значительно облегчило их трудную задачу. Наконец, Марк объявил, что все предварительные меры предосторожности приняты и все необходимые для спуска судна приготовления сделаны, так что на завтра можно будет приступить к спуску. Боб был другого мнения: почему бы им было не воспользоваться тем временем, пока пинас стоит еще на месте и доступ к нему со всех сторон одинаково удобен, для того, чтобы перенести на него все необходимые припасы? Согласно его плану на пинас были перенесены несколько бочонков пресной воды, бочонок с солониной, бочонок с соленой свиной и приличный запас сухарей. Кроме того, были снесены на «Нешамони» и найденные в числе запасных материалов для пинаса небольшие якоря. Оставалось только устроить парусность судна, чтобы потом в любую минуту поставить паруса. Когда все приготовления были окончены, было уже слиш-

ком поздно, чтобы в тот же день приступить к спуску судна, а потому эта процедура была отложена на следующее утро.

Остатком дня Марк воспользовался для того, чтобы посетить свои грядки на вершине кратера и в нижнем саду и выбрать несколько дынь к ужину. Большинство плодов и овощей совершенно поспели; урожай был во всем чрезвычайно обильные и — странное существо этот человек, — вид всех блестящих результатов его трудов породил в душе Марка нечто похожее на сожаление при мысли о том, что он должен будет оставить все это навсегда, предав все снова запустению. У него даже явилась на одну минуту мысль, как бы хорошо было вернуться сюда с Бриджит с тем, чтобы прожить здесь остаток дней своих в мире, тишине и спокойствии.

Эту ночь и Марк, и Боб провели на «Ранкокусе». Мысленно каждый из них говорил себе, что, может, это последняя ночь, которую им приходится провести здесь, и в силу той привязанности, какую питает каждый моряк к своему судну, они решили перед разлукой торжественно проститься со старым, добрым товарищем их радостей и бед, их верным другом «Ранкокусом».

Здесь следует сказать, что наши отшельники давно уже подвесили свои койки под кровлей того сарая, который служил для них верфью, для того, чтобы быть поближе к своей работе и, встав поутру, иметь возможность тотчас же приняться за дело. Ранним утром следующего дня Марк был разбужен шумом ветра в снастях; в первую минуту этот знакомый шум, от которого он успел уже отвыкнуть за последнее время, был ему даже приятен. Он поднялся наверх, и ему стало ясно, что над их головами висела настоящая буря; ничего подобного он никогда не видал в Тихом океане. День только что начинал брезжить, но Марк разбудил Боба.

И море, и небо приняли такой грозный вид, что заставляли опасаться за суда. Им, конечно, было бы весьма прискорбно видеть, как разобьется о подводные камни их верный «Ранкокус», но все же опасность,

грозившая пинасу, волновала их несравненно сильнее. На берегу со вчерашнего вечера осталось много разных орудий и инструментов, и, несмотря на то, что Марк был уже весь в море и, собираясь в путь, все равно, оставил бы все это здесь, он все же поспешил на берег и с помощью Боба убрал все это вовнутрь кратера. Козочке он открыл доступ к вершине, а свиней пустил вовнутрь кратера, где они с особым наслаждением принялись рыться в огромной куче водорослей, не обращая ни малейшего внимания на затайливо распланированный сад.

Буря тем временем все усиливалась. Вода прибывала с минуты на минуту, и вся низменная часть острова вокруг кратера была уже затоплена. Марк поспешно добежал до своего павильона на вершине, прибрал, укрыв и припрятал на всякий случай все свои книги и письменные принадлежности и затем бросил тревожный взгляд на то место, где стоял «Ранкокус». Величавое судно плавно вздымалось и опускалось вместе с грузной волной, но, по-видимому, ему еще не грозила никакая опасность. Тогда он обошел вершину кратера, направляясь к тому месту, которое было в наиболее близком расстоянии от верфи, с тем, чтобы взглянуть на пинас. И каково же было его удивление, когда он увидел Боба, которого считал занятым уборкой внутри кратера, по колена в воде спешившего к доку и затем взобравшегося на пинас.

Озабоченный сохранностью «Нешамони», Боб хлопотал то тут, то там, оживленно жестикулируя Марку и призывая его к себе. В эту минуту Марк заметил, что пинас тронулся со стапеля, и через мгновение подпоры, поддерживавшие его, были выбиты волнением, становившимся все сильнее и сильнее; вслед затем пинас сдвинулся до половины всей своей длины. Марк кинулся вниз на помощь Бобу, но в тот момент, когда он добежал до воды, «Нешамони», поднятая мощным гребнем волны, двинулась вперед и вышла в открытое море.

Человек богат малым, когда он честен и добр; природа имеет мало потребностей! Но его пороки рожают, увы! искусственные нужды.

Ю н г

Понятно, Марк не кинулся в погоню за уносимым волнением пинасом; исключая разве только тех островитян, которые проводят полжизни в воде, никто не был бы в состоянии настигнуть какое бы то ни было судно, гонимое бурей по ветру. Юный моряк в изнеможении припал к скале в безграничном ужасе и страхе за несчастного товарища, сознавая, что никаких средств к спасению у него быть не могло.

Боб не пытался даже отдать якорь, зная наверняка, что всякая попытка такого рода опасна в данную минуту. Всего разумнее, конечно, было плыть по ветру до тех пор, пока пинас не вынесет за пределы подводных камней, и затем уже стараться удержаться на месте.

У Марка сердце замерло, и, едва дыша, он следил, как пинас мчался над подводными скалами, подобно бешеному коню, который сам не видит и не знает, куда он мчится. Раз двадцать Марку казалось, что злополучное судно уже потоплено разъяренной стихией, но в тот момент, когда он считал его погибшим, оно снова, точно морская чайка, несло впереди, ныряя и скользя по волнам бурного и пенившегося моря.

В продолжение почти четверти часа Марк мог следить за «Нешамони», хотя он несколько раз за это время терял ее из виду, частью вследствие отдаленности расстояния, частью вследствие полнейшего отсутствия на ней парусов.

Но вот бешеный порыв ветра заставил Марка пригнуться к земле, и когда он мог снова взглянуть на бушующее море, «Нешамони» совершенно исчезла.

С той самой минуты, как почти на его глазах исчез капитан Кретшли, Марк еще ни разу не испытывал такой

душевной муки, как в тот момент, когда из глаз его скрылась «Нешамони». Тут он вдруг сразу почувствовал весь ужас своего одиночества и отчуждения от мира, понял, что между ним и Богом нет никакого посредника, и под тяжестью непосильного горя он пал ниц и облегчил свою душу в горячей молитве.

Когда он после того взглянул вокруг себя, то убедился, что буря не только не утихала, но скорее даже усилилась. Вода с минуты на минуту прибывала; она проложила себе дорогу вовнутрь кратера и затопила низменные части долины на протяжении двух или трех акров. Но «Ранкокус», несмотря на то, что его сильно покачивало из стороны в сторону, все еще держался на своем якоре и, по-видимому, не получил никаких повреждений. Не будучи в состоянии что-либо сделать против бешеного своеволия разбушевавшейся стихии, Марк побрел в тот барак, который он вместе с Бобом строил себе в долине кратера, и кинулся в подвешенную там койку, где провел весь остаток этого дня и всю следующую за ним ночь. Если бы не бешеный рев бури, доносившийся извне, да не могучие порывы ветра, проносившиеся по временам над его головой, трудно было бы подозревать, что там за стеной разыгрывалась такая страшная буря. Так продолжалось до утра, когда вдруг полил проливной дождь. К счастью, предусмотрительный Марк устроил все крыши с сильнейшим скатом, так что потоки дождя только сбегали по тенту, не застаиваясь на крыше. Разбитый телом и душой, Марк заснул тяжелым, крепким сном и беспробудно проспал несколько часов.

Когда он проснулся и пришел в себя, то несколько минут сидел неподвижно на своем ложе, стараясь припомнить случившееся. Затем он стал прислушиваться к шуму бури, но за стеной все казалось тихо, и когда он, наконец, встал и вышел из палатки, то увидел над своей головой ясное небо и солнышко. Утки и свиньи купались в лужах, образовавшихся во всех выемках и углублениях почвы.

Сад, казалось, улыбался, омытый дождем, и допу-

щенные вовнутрь кратера четвероногие гости, как оказалось, ни до чего не дотронулись. Совершив свой утренний туалет, Марк выгнал свое маленькое стадо из кратера, опасаясь за целостность своих всходов. Выйдя за ограду кратера и убедившись, что вода уже убыла и что следовательно домочадцам его не грозит никакая беда, он загородил вход в кратер и затем уже взобрался на вершину, чтобы осмотреть все и там.

Вместе с пассатными ветрами вновь воцарилась тишина и спокойствие. «Ранкокус» неподвижно стоял на своем якорь, океан тихо дышал своей мощной грудью; весь берег Рифа был сплошь усеян громадным множеством рыбы, от которой Марк считал необходимым как можно скорее избавиться.

Куры и свиньи, как бы угадав мысль своего хозяина, с невероятным усердием принялись уничтожать это как бы нарочно для них приготовленное угощение; но при всем их старании бедные животные никогда бы не справились с этой трудной задачей, и потому Марк, подкрепившись кое-какой пищей на «Ранкокусе», вернулся на берег и с помощью лопаты и тачки стал убирать эту рыбу, так как если бы он оставил ее на берегу всего в течение нескольких часов, она до того успела бы разложиться под влиянием палящих лучей тропического солнца, что заразила бы весь остров своими миазмами. Никогда еще в своей жизни Марк не работал с таким рвением и поспешностью.

Рыбу он свалил в заранее вырытую для того глубокую траншею и засыпал густым слоем пепла. Он понимал, что эта усиленная работа необходима ему частью для того, чтобы забыться и уйти от мучивших его мыслей и ощущений, частью для того, чтобы предохранить себя от чумы, которую могли породить все эти разлагающиеся трупы. Двое суток проработал Марк почти без отдыха, отрываясь от работы лишь на несколько мгновений тогда, когда подымавшиеся отовсюду зловонные испарения не давали ему дышать. К счастью, тысячи слетевшихся сюда птиц помогали ему и работали едва ли не успешнее его.

Истощив все свои силы, Марк переселился, наконец, на судно и прожил там около недели, выжидая, пока ветры очистят воздух и унесут с собой все зловония.

По истечении недели он вернулся на Риф и решил, что в крайнем случае ему можно будет остаться и здесь, но только по прошествии целого месяца воздух на острове окончательно очистился от всяких миазмов.

Необъяснимой странностью человеческой природы является то, что крупные несчастья и глубокое серьезное горе как-то легче переносятся нами, чем пустячные неудачи. То же было и с Марком: несмотря на свою сердечную привязанность к Бобу и на те серьезные последствия, какими неминуемо должна была сказаться для него потеря этого верного товарища, он все же более интересовался последствиями наводнения на острове, нежели судьбой, постигшей «Нешамони».

Отражение палящих лучей солнца на скалах и красновато-бурых массах пепла кратера чрезвычайно раздражающе действовало на зрение Марка, причиняя ему порой до такой степени болезненное ощущение, что ему не раз приходилось закрывать глаза; большим счастьем для него являлось то, что он мог отвести глаза и дать им отдохнуть на нежно-зеленой мураве, покрывавшей местами вершину. Частью из желания сберечь зрение, частью же из настоятельной потребности в лихорадочной деятельности Марк решил засеять травой всю долину кратера, за исключением того пространства, которое ему было необходимо под огород. Добродетельный «друг» Авраам Уайт снабдил свое судно двумя бочонками семян для газона. Обрадованный этим неожиданным богатством, Марк тотчас же принялся за дело. Тем временем зачастили сильные ливни, но и это не останавливало его в его трудах, а, напротив, как бы подгоняло его. Увлажненная дождями почва становилась только еще более благоприятной для посева. На то, чтобы засеять громадную площадь долины кратера, ушел целый бочонок семян, и Марк, окончив эту работу, вернулся в свой барак, промокнув до нитки и обливаясь потом.

Усталый до изнеможения, он бросился в свой гамак и заснул. Проснувшись поутру, он почувствовал, что его голова тяжела, как будто вся она налита свинцом, и в горле пересохло; во всем теле он ощущал страшный жар. Тут только наш бедный отшельник понял весь ужас своего одиночества. Он прекрасно сознавал, что заболел не на шутку; надо было пользоваться теми немногими минутами, которые ему еще оставались до того момента, когда он окончательно лишится сил и сознания. Только на «Ранкокусе» мог он найти все необходимое для себя в данном положении; а потому ему, во что бы то ни стало, следовало добраться до судна. Раскрыв зонт и опираясь на палку, он с трудом побрел, двадцать раз останавливаясь и отдыхая по пути или же падая в изнеможении на раскаленный утес, но тотчас же, сделав над собой невероятное усилие, он поднимался и брел дальше, подгоняемый ужасом и отчаянием, задыхаясь и почти теряя сознание. Наконец, он добрался до каюты.

Трудно описать то чувство наслаждения, которое овладело несчастным, когда он очутился вне палящих лучей солнца под кровом прохладной каюты. В изнеможении опустился он на один из диванов, чтобы немного передохнуть и собраться с мыслями, что именно ему следовало сделать, пока он еще был в силах кое-как двигаться и отдавать себе отчет в своих действиях. Ящик с медикаментами находился тут же в каюте, и он сам не раз пользовался его услугами и для себя, и для других. Приготовив себе с помощью воды, взятой из фильтра, лечебное питье, он выпил его с жадностью и наслаждением. Тут он почувствовал себя настолько больным и разбитым, что не мог сделать ни малейшего движения, и только целый час спустя нашел в себе силы перебраться с дивана на кровать, где он лишился сознания. Сколько времени пролежал он в этом бессознательном состоянии, этого он никогда не мог определить: быть может, несколько дней, быть может, несколько недель. Порой у него были минуты прояснения мыслей, и тогда он с особенной ясностью сознавал весь ужас своего положения. К счастью, в каюте и питья, и пищи было вволю; фильтр

находился у него как раз под рукой, и в минуты возвращавшегося сознания он почти каждый раз прибегал к нему. Мешок с сухарями лежал тут же около кровати, но он едва-едва мог проглотить самый крошечный кусочек сухаря даже и тогда, когда он был размочен в воде. Под конец он уже был не в силах сделать даже малейшего движения и более двух суток пролежал, не шевелясь, в каком-то полусознательном состоянии, близком к летаргии.

Но вот жар спал, сознание вернулось, но болезнь приняла от этого, как тотчас же понял Марк, только еще худший, более опасный для него оборот. После лихорадочного жара и бреда наступило полнейшее истощение сил, расслабленность, усиливавшаяся с каждым днем. Марк сознавал, что если только это продолжится, то он безвозвратно погиб. Он вспомнил, что на судне имелось несколько бутылок превосходнейшего портера; одна из этих бутылок оказалась как раз на полке над его головой. Увидав ее, он вздумал отведать немного этого напитка.

Достать бутылку было нетрудно — но как ее откупорить? Будь у него даже под рукой пробочник, то и тогда откуда было взять необходимую для этого дела силу? Отбив горлышко бутылки, он налил себе стакан, который и выпил залпом. Напиток этот показался ему божественной влагой; он повторил прием, и действие не заставило себя долго ждать: едва успел он снова укрыться одеялом и зарыться в подушки, как почувствовал легкое и приятное головокружение и затем задремал. С полчаса он пролежал в этом полудремотном состоянии; очнувшись он уже в поту, а минуту спустя заснул на этот раз уже крепким, подкрепляющим сном.

Когда он после того проснулся, прошло уже много времени, быть может, целых двое суток, и Марк почувствовал себя совсем здоровым, потому что он не мог дать себе надлежащего отчета в том, насколько он еще слаб. В первый момент ему казалось, будто стоит ему только встать и одеться для того, чтобы снова приняться за свои обычные работы и занятия, но, при виде своих исхудалых

ног и при первом усилии приподняться с постели, он понял, что ему предстоит еще, быть может, долгие месяцы выздоравливания, что прежние силы и здоровье еще не скоро вернутся к нему. Но уже большой для него утехой было то обстоятельство, что голова его была теперь совершенно свежа и мышление в полном порядке.

Марк считал за доброе предзнаменование ощущаемое им чувство голода. Он не мог дать себе точного отчета в том, сколько именно времени он проболел; тем не менее, было несомненно, что он уже много, много времени не принимал никакой пищи, кроме двух-трех глотков воды с небольшим количеством размоченного сухаря.

В продолжение нескольких минут Марк не имел другой мысли, кроме чувства безмолвной глубокой благодарности Богу, сохранившему ему жизнь, но затем он стал соображать, насколько позволяла ему его слабость, что теперь ему следовало делать.

С кровати ему виден был большой обеденный стол каюты и на нем погребок с винами и ликерами. Марк знал, что в числе других дорогих вин там находились и несколько бутылок портвейна, предназначавшегося специально для больных. Он решил, что ему следует выпить несколько чайных ложек этого вина. Но ключ от погреба находился в бюро, которое почему-то было оставлено открытым; надо было встать, добраться сперва до бюро и потом до того стола, на котором стоял погребок. Он сделал усилие для того, чтобы приподняться, и на этот раз ему удалось сесть и спустить ноги. Врывавшийся в каюту легкий морской ветерок живоительно подействовал на него. Он дотянулся до фильтра и сделал несколько глотков воды; это значительно подкрепило его; тут же, на столике, у кровати, лежал остаток сухаря, который он съел, размочив в своем недопитом стакане воды. Тогда он попытался было встать на ноги, но голова его до того закружилась, что он почти без сознания упал на подушки. Несколько минут спустя он очнулся и повторил свою попытку, но уже с большим успехом. Цепляясь за перекладины и стулья, шатаясь из стороны в сторону, добрал-

ся до бюро, взял ключи и добрел до стола, но тут силы его окончательно истощились, и он упал без чувств в близко стоявшее кресло.

Под влиянием живительного притока свежего морского воздуха он мало-помалу пришел в себя; собравшись с силами, он отомкнул и открыл погребец и обеими руками с некоторым усилием достал бутылку, несмотря на то, что она была почти совершенно пустая. Налив несколько капель вина, он через силу поднес стакан ко рту, и один единственный глоток этой целебной влаги произвел на бедного больного положительно магическое действие. Вскоре после того у него хватило силы дойти до фильтра, наполнить свой стакан водой и влить в него остатки целебного вина.

Затем со стаканом в руках он добрел до ближайшей кровати, на что ему потребовалось немало времени, все так же цепляясь за стулья и присаживаясь по нескольку раз для того, чтобы вновь, собравшись с силами, продолжать путь. Наконец, он добрался до кровати, которая была приготовлена для Боба, но которой бедняга ни разу не пользовался, стесняясь лечь в постель, да еще в офицерской каюте. Наконец-то Марк очутился на белоснежном свежем белье, что было истинным наслаждением после продолжительного лежания все на тех же простынях и на тех же подушках, столько раз смоченных за это время испариной.

Отдохнув некоторое время, Марк съел крошечный кусочек сухаря, размоченного в воде с вином, и хотя эта пища и не утолила его голод, он все же воздержался от вторичной порции. Подкрепившись немного, он дотащился до того ящика, в котором покойный капитан Кретшли хранил свое белье, достал оттуда чистую рубашку и неуверенной походкой вышел из каюты.

На палубе постоянно стоял большой бак для дождевой воды, служащей водопоем козочке, ежедневно по нескольку раз навещавшей судно. Отсюда же бралась вода и для стирки белья, и для умывания. Бак этот оказался почти полным, и, сбросив с себя рубашку, Марк вошел в воду.

Он пробыл в воде всего несколько минут, несмотря на то, что испытывал громадное удовольствие, сидя в своей импровизированной ванне, но он опасался, чтобы слишком продолжительное пребывание в воде не повлекло за собой дурных последствий. Выйдя из воды, он надел чистую рубашку и снова нетвердыми шагами направился в каюту. Очутившись в кровати, укрытый свежими простынями, он съел еще маленький кусочек сухаря и сделал несколько глотков воды с вином, после чего опустил голову на подушки и вскоре заснул крепким здоровым сном.

Солнце едва только садилось, когда Марк вернулся в каюту; было уже не рано, так как он проспал более двенадцати часов под исцеляющим влиянием ванны и строгой диеты. Первым звуком, донесшимся до него, было блеяние козочки, проснувшей свою маленькую головку в двери каюты. Доброе животное усвоило привычку ежедневно навещать каюту, как бы с тем, чтобы осведомляться о здоровье своего хозяина, даже и в то время, когда он лежал в жару и в бреду. Марк протянул к ней руку и заговорил с ней как с добрым другом, который мог понять его слова, и как бы в ответ на его слова, коза подошла ближе и стала лизать его руки. Эта ласка животного возбудила в одиноком, больном молодом человеке чувство умиления. В этот день он чувствовал себя бодрым и почти счастливым. Он вторично принял ванну, допил стакан вина с водой и доел свой вчерашний сухарь.

Один сухарь и два-три стакана воды с вином составляли все его питание в течение целых суток. На следующий день он уже нашел в себе силы пойти на кухню и приготовить себе чай; в последующие дни он разнообразил свой завтрак жиденьким какао.

Прошло дней пять. Марк уже мог подняться на ют и осмотреть оттуда свои владения.

Вершина повсюду начала покрываться травой; четвероногие домочадцы его, по-видимому, здравствовали и казались вполне довольны своей участью. Но так как Марк еще и думать не мог о посещении Рифа, то ему,

конечно, пришлось довольствоваться только одним беглым обзором своего поместья. Домашняя птица тоже, как видно, чувствовала себя прекрасно, и он заметил, что около одной из кур теснилась целая гурьба хорошеньких цыплят.

Прошла еще неделя прежде, чем Марк решился испытать свои силы и предпринять путешествие на остров. Здесь, как он и предполагал, свиньи взрыли добрую половину сада; коза была поймана на месте преступления в тот момент, когда она объедала бобы; куры не церемонились ни с кукурузой, ни с горохом; словом, оказалось, что домашние животные и птицы держали роскошный стол в отсутствие своего хозяина.

Палатку свою, или барак, Марк нашел на своем месте, целой и невредимой, как он ее оставил; с наслаждением кинулся он в свой гамак с тем, чтобы отдохнуть часок-другой после утомительного перехода, который он только что перед тем совершил. Отдохнув, он продолжал свой осмотр и к немалому своему удивлению увидел, что за свиньей следом бежало десять маленьких поросят. После болезни Марка часто мучил голод, и он не находил на судне ничего себе по вкусу; а солонина, рыба и копченая свинина не нравились ему. В бараке под рукой находилось его охотничье ружье; при виде поросят ему пришло на мысль полакомиться свежим мясом; он выбрал удобный момент и ловко застрелил одного из этих маленьких животных. Дотащив свою жертву с большим трудом до кухни, он приготовил из поросенка несколько вкусных блюд, которые немало поспособствовали восстановлению его сил. В течение следующего месяца та же участь постигла еще трех поросят и многих маленьких цыплят, несмотря даже на то, что они были еще очень молоды. Марку казалось, будто он тогда мог проглотить и самый кратер, хотя он все еще не мог добраться до его вершины.

Пока дитя природы умело уважать свои алтари и хранило себя от осквернения преступными жертвоприношениями, в мире, его окружавшем, оно было лучезарным властелином; вся земля была его венцом, и его трон был на небесах.

В и л ь с о н

Целых два месяца прошли прежде, чем силы и здоровье Марка восстановились настолько, чтобы он мог приступить к необходимейшим работам. Его первой заботой было устроить во входном отверстии, ведущем в долину кратера, такого рода ворота, которые могли бы помешать козе и свиньям проникать вовнутрь кратера. Пока беда была еще не велика; свиньи, взрыв землю, только еще лучше взборонили почву, смешав ее со всяким удобрением, и только избавили его от этого труда; этим путем бесцеремонные животные приготовили гряды для вторичного посева ничуть не хуже, чем если бы за это дело взялся сам Марк. Чтобы не дать им пустовать до будущей весны, Марк решил засеять их вторично в надежде на два сбора в течение одного года.

Когда Марк вполне оправился и силы вновь вернулись, он уже окончательно утратил всякую надежду на возвращение Боба. Весьма возможно было полагать, что бедный малый повстречался в море с каким-либо судном или же добрался до одного из островов.

Пинас был хорошо снаряжен и прекрасно мог держаться в море в тихую погоду; и, продолжая держать на запад, Боб мог легко достигнуть берегов Южной Америки. Но какого рода последствий мог от этого ожидать для себя Марк? Кто поверит простому матросу настолько, чтобы решиться выслать судно для спасения Марка Вульстона? Конечно, правительство не задумалось бы поступить так в настоящее время, но в конце прошлого столетия оно еще не в состоянии было делать такие вещи. Марк сознавал все это, но не любил и останавливаться на таких безотрадных размышлениях.

Настала уже осень, в этих широтах представляющая собой не что иное, как продолжение того же лета... Овощи на огороде поспели и уродились в таком обилии, что больше половины пришлось отдать в распоряжение домашних животных и дворовой птицы. Марк понял, что настало время заняться вновь огородом; он сделал новые гряды и выбрал для посева семена лишь тех растений, которые были способны перезимовать в земле. Затем он сделал самый тщательный осмотр всего поместья, внимательно изучая состояние как каждого растения, так и самой почвы, принимая все это во внимание на будущее время. Апельсины, фиги и лимоны, посаженные в ряд под защитой стен кратера, росли на славу. Вода, сбегавшая с вершины, постоянно поддерживала влагу, и кусты поднялись уже более чем на фут от земли. Обрадованный их хорошим видом, Марк окопал и обложил каждый отдельный кустик гуано, а некоторые из них пересадил, стараясь выбирать наиболее подходящее для каждой породы место.

Большинство овощей уродилось прекрасно; Марк заметил, которые из них удались лучше других, с тем, чтобы заняться преимущественно их разведением. Дыни, томаты, лук, бобы и обыкновенный картофель принадлежали к числу наиболее удавшихся, тогда как ирландский картофель едва-едва дал маленькие клубни.

Благодаря гуано, водорослям и всякого рода удобрениям, увлажненная бурями и дождями почва стала превосходной. Хорошо было бы вспахать землю перед наступлением зимы, тем более, что в распоряжении Марка были прекраснейшие работники, в способностях которых он успел уже убедиться; поэтому он возложил на них эту работу, и менее чем в трое суток они исполнили свою задачу как нельзя лучше. Однако эти четвероногие пахари ужасно размножались, и Марк увидел себя принужденным положить предел этому приросту четвероногого населения. Самый жирный кабан был заколот и посолен на зиму, пять других были также убиты и зарыты в землю для удобрения почвы. Благодаря такой радикальной мере, стадо Марка убавилось в своей численности до надле-

жащих размеров. Между тем наш невольный отшельник предпринял поездку на утес ила, с тем, чтобы вновь запастись им. Тут он особенно почувствовал все, чего он лишился в своем товарище и помощнике Бобе. Тем не менее он справился со своей задачей, но прежде, чем вернуться на Риф, Марк вздумал взглянуть на посаженную им здесь когда-то спаржу; и что же? Весь его посев прекрасно взошел: из ила торчало множество стройных стеблей совершенно поспевшей спаржи. Это была самая излюбленная зелень Марка, и теперь он мог быть уверен, что в течение круглого года будет иметь это лакомое блюдо. Это было еще новое предохранительное средство от цинги, не уступавшее по своим качествам дыням и другим овощам, не говоря уже о том, что он имел вволю и яиц, и цыплят, а свежей рыбы даже гораздо более, чем ему было нужно. И если в первые моменты своего одиночества на этом пустынном Рифе наш приятель опасался умереть здесь голодной смертью, то теперь он был более чем обнадежен на этот счет; его кратер, как большинство потухших вулканов, обещал со временем стать необычайно благодатной и плодородной почвой, на которой можно было ожидать в будущем самых лучших урожаев.

Марк почти ежедневно отправлялся на какой-нибудь из соседних островков, населенных тысячами морских птиц, и ради развлечения присматривался к их нравам и привычкам, не забывая в то же время соединять приятное с полезным, и возвращался каждый раз на Риф с запасом водорослей и морских трав, которые он складывал в одну кучу с намерением оставить ее, не трогая, до весны. Хотя мы и говорим здесь о зиме и о весне, но только потому, что еще не придумано других терминов для разделения времен года, но, собственно говоря, зимы в том смысле, в каком мы ее понимаем, там вовсе не было. В это время года травы зеленели только ярче и росли еще лучше, чем летом, потому что жара становилась не столь сильной и солнце менее жгучим. Местами появились даже сплошные лужайки; в этих благословенных широтах природа так щедра, что для развития растительности требуется вдвое меньше времени, чем в умеренных поясах.

В долине кратера раскинулись изумрудные ковры, живо напоминавшие самые веселые улыбающиеся пейзажи швейцарских долин.

Приблизительно в половине зимы, по расчетам Марка, наш невольный отшельник приступил к новой работе, которая, служа ему вместе и развлечением, могла иметь для него громадные последствия. Давно-давно лелеял он надежду построить судно достаточно больших размеров, чтобы исследовать на нем всю эту подводную вулканическую гряду во всем ее объеме и во всех направлениях, если уже ему не суждено выйти с этим судном в открытое море. Постройка судна давала одновременно работу и мысли, и мышцам, а это именно требовалось Марку.

Наш молодой кораблестроитель достаточно набрался при постройке пинаса опыта, чтобы надеяться, что он сумеет справиться со своей задачей. На «Ранкокусе» было так много всякого леса и досок, что всего этого могло бы хватить на постройку хоть целого десятка шлюпок. Трюм почти каждого большого судна — Ноев ковчег, где свалена такая масса самых разнообразных и разнородных предметов, что всякому, кто не присутствовал при снаряжении судна, бывает очень трудно разобраться в этом хаосе. В таком-то затруднительном положении находился теперь и Марк; занятый в то время своим романом с Бриджит, он совершенно пренебрег этой частью своей службы. Теперь он почти каждый раз наталкивался здесь на какую-нибудь новую неожиданность; так, вместо досок, которые он искал, он находил то часть форштевня, то часть киля. Обрадованный этими находками, Марк перетаскивал все это на свою верфь и тотчас же принялся за работу. Целых два месяца трудился он над постройкой своего нового судна. Дело было нелегкое, в особенности потому, что он теперь был один. Так, ему стоило немощных трудов натянуть тент для крыши элинга. Много времени отняло у него также составление чертежей для судна; конечно, он отлично мог определить степень устойчивости судна, но что именно следовало делать, чтобы придать ему эту устойчивость, он этого не знал. Единственным его руководителем в нелегком вообще и особен-

но для него деле кораблестроения являлся лишь верный глаз. Как бы то ни было, но спустя некоторое время Марк стал счастливым обладателем полного остова судна. Теперь не подлежало уже сомнению, что труднейшая часть задачи им выполнена; но едва он успел справиться с этой работой, как наступило время распрощаться с верфью и заняться исключительно садом и огородом.

Марк более всего боялся заболеть, а потому поставил себе за правило строго следить за своей пищей, придерживаясь главных правил гигиены. Свежая зелень почти наполовину составляла его обед и ужин и летом, и зимой. Чаще всего являлась на столе у него спаржа, которая здесь достигала необычайной толщины, так что двенадцати головок спаржи было вполне достаточно для самого сытного ужина.

Куры неслись здесь всю зиму, запасы чая, сахара и кофе на «Ранкоусе» были так велики, что еще далеко не истощились, в свежей рыбе также не было недостатка, и Марк порой изготавлял себе превкусную похлебку то с рыбой, то со свежими бобами или горошком. Тут только убедился Марк на опыте, как мало нужно человеку: одной четверти акра огорода было более чем достаточно для того, чтоб доставлять всю необходимую одному человеку зелень и овощи.

Теперь Марк положительно не мог налюбоваться роскошной зеленой муравой, которой покрылась вся почти поверхность Рифа. И то была отнюдь не та чахлая тощая трава, которая, едва лишь появившись, грозит опять пропасть без следа; нет, эта сильная, здоровая трава успела уже глубоко пустить свои корни в почву, так что могла служить даже пастбищем скоту.

Белая козочка давно уж беспрепятственно паслась на вершине, где находила себе полное раздолье, а вскоре к ней присоединились и свиньи. Марк сам показал им дорогу на вершину, куда он допустил этих животных, рассчитывая, что они помогут козочке немного вытравить слишком уже высокую траву. Само собой понятно, что, допустив к этим заповедным местам своих четвероногих приятелей, Марк вместе с тем должен уже был проститься

с мыслью разводить там дыни и некоторые другие овощи; но, не желая окончательно забросить доставшиеся ему с таким трудом и превосходно удобренные гряды, он обнес их своеобразной изгородью, которую ему удалось устроить из кольев, вбитых в землю и переплетенных между собой обрывками старых снастей. Впоследствии он пересадил сюда несколько тутовых деревьев, несколько апельсинов, лимонов и других плодовых кустов и деревьев, которым было душно внизу, в ограде стены кратера.

Довольный изгородью, Марк решил обнести такой же веревочной решеткой огород и сад в долине кратера, на случай, если ему придется прибегнуть к помощи четвероногих косарей, чтоб выкосить и там свой новый луг.

Тем временем наступила пора посевов. На этот раз Марк решил не засеивать всех грядок сразу, а соблюдать постепенность: приготовив лишь одну грядку, он засеивал ее, и только потом, спустя несколько дней, Марк принимался за другую. Опыт убедил его, что в этом благословенном климате земля не нуждается в отдыхе и одинаково щедро наделяет человека своими чудными дарами круглый год. Здесь следовало только, сообразуясь с тем, какие овощи или плоды лучше других родятся в известное время года, сажать и сеять их в этом порядке, после чего можно было рассчитывать иметь в течение всего года свежие овощи и плоды к столу.

Этот порядок работ на огороде имел еще то преимущество для Марка, что он предоставлял ему некоторую свободу, которой он пользовался для того, чтобы продолжать свои работы по сооружению судна.

Таким образом у нашего приятеля и огородничество, и кораблестроение шли рука об руку; вскапывая свою последнюю грядку, он вместе с тем вбивал последний гвоздь в свое судно.

Теперь он мог, сравнительно, быть даже счастлив, но что его порой немало огорчало, так это полное отсутствие хорошей ключевой воды. Он подавлял в себе, конечно, этот невольный ропот и тотчас же припоминал все те блага, какими так щедро наделило его Провидение, и тут же сравнивал свою участь с участью стольких других

несчастных, потерпевших, как и он, кораблекрушение и подвергавшихся всякого рода лишениям и мукам.

Весна прошла для Марка настолько хорошо, насколько то было возможно при постоянном горестном воспоминании об отсутствовавшей его жене. Все посевы и посадки взошли и удались как нельзя лучше, луга не только радовали глаз своим прекрасным изумрудным убором, но весело запестрели цветами; случайно тут попались Марку на глаза и несколько кустиков земляники. Обрадованный этой находкой, Марк тотчас же пересадил их в одну из грядок огорода и принялся с особенным усердием разводить эту ягоду для своего стола.

Нужно заметить, между прочим, что здесь нигде не появлялось сорных трав; это одно уже значительно облегчало для Марка его труды на огороде и в саду, избавляя его от необходимости полоть. Понятно, он и не смел надеяться, что так будет продолжаться всегда; явление это объяснялось, конечно, только тем, что первоначальная почва кратера не имела никаких семян кроме тех, которые принесли сюда наши моряки; употребляемые же Марком удобрения также не заключали в себе никаких сорных семян, кроме разве только семян (спор) морских водорослей, неспособных произрастать на суше.

Г л а в а   X I

Мы спим при звуках труб, и не смотря на пожирающий огонь, который выбрасывает из себя дрожащая земля, среди развалин мы справляем празднества, и мы танцуем на вулканике.

Ю н г

Наступило лето, а судно Марка все еще не было спущено на воду; Марку хотелось окончить его отделку до самых мелочей. С целью предохранения судна от червей наш Марк не поленился обшить его оставшейся от пинасы медью; затем он с особенным старанием и любовью

окрасил его и снаружи, и внутри, причем не преминул написать на нем красивым четким шрифтом то имя, которое намеревался дать своему судну; имя это было: «Бриджит Ярдей». Ему казалось, что никакое другое имя не могло бы так подходить к этому стройному, красивому судну. Когда все работы были окончены и паруса, и снасти прилажены на своих местах, Марк стал раздумывать, как бы спустить свое судно благополучно на воду.

Заранее предвидя, что, предоставленный лишь самому себе и своим силам, он никогда не будет в состоянии двинуть с места судна, Марк еще при постройке позаботился придать ему то же наклонное положение, какое имела и «Нешамони». Соорудить полозья было не так трудно, и несколько дней спустя они уже были готовы, после чего следовало лишь освободить «Бриджит» от окружавших ее со всех сторон подстав и затем уже предоставить самой себе.

В этот решительный момент Марка охватило столь сильное волнение, что он не в состоянии был справиться с нахлынувшими на него разнообразными чувствами. Колени его подкашивались, голова кружилась, так что он вынужден был присесть, чтобы не упасть. Каких только последствий мог он ожидать от этого наступавшего события! Как знать, не суждено ли было этой «Бриджит» вернуть его той, имя которой она носила?! В этот момент ему казалось, что вся дальнейшая участь его зависит от спуска судна: сердце его замирало при одной мысли, что вдруг какое-нибудь непредвиденное препятствие может помешать этому великому событию. Ему пришлось переждать несколько минут, пока к нему вернулось необходимое в таких случаях хладнокровие и самообладание.

Наконец, успокоившись, Марк снова принялся за дело. Последние подпоры рухнули, но судно все еще оставалось на месте; тогда Марк ударил по нему мушкой¹. На этот раз судно послушно подалось вперед, не

---

¹ Мушкаль — род двухконечного молота или деревянной колу-
тушки.

останавливаясь, скользнуло вплоть до воды и, наконец, вошло в нее, рассекая голубую струю, подобно утке, которая шевелит крыльями, входя на пруд. Марк был в восторге от своей «Бриджит». Это было прекрасное, нарядное судно, красиво державшееся на воде. Нет нужды говорить, что он еще заранее прикрепил к ней канат, с помощью которого можно было бы причалить судно к берегу. Затем Марк осторожно подтянул судно в маленькую природную бухту, которая как раз имела надлежащие размеры.

«Бриджит» по размерам своим была в четыре раза меньше «Нешамони», а по длине равнялась почти половине длины того судна. В общем «Бриджит» было во всех отношениях прекрасное судно. Так как Марк мог рассчитывать только на паруса, то он настелил в носовой части небольшую палубу для того, чтобы судно не заливалось волнами и чтобы иметь в своем распоряжении такое место, где бы он мог хранить свои съестные и всякие другие продукты и припасы. Несколько бочонков свежей дождевой воды заменяли балласт. Они были внесены на судно, равно как и мачты, паруса и некоторые другие предметы, еще до спуска его на воду.

Так как было еще не поздно, то Марк не мог отказать себе в наслаждении теперь же предпринять маленькую прогулку вокруг острова. На всякий случай он снес туда немного провианта и, отвязав судно, вступил под паруса. Как только «Бриджит» стала брать ход, охотно повинаясь рулю, душой Марка овладело такое радостное чувство, как будто он нашел нового друга. Его новое судно живо напоминало ему его любимое занятие в дни юности, когда на Делаваре у него тоже было свое небольшое судно. Сколько приятнейших прогулок он совершил на нем!

Пользуясь благоприятным ветром, Марк прошел между Рифом и утесом ила, обогнул остров и вошел в тот бассейн, где стоял на якоре «Ранкокус». Затем он обошел вокруг этого судна, как будто желая похвастать перед этим старым другом своим новеньким судном, и, держась круче к ветру, вышел в тот проход, которым он когда-то вместе с Бобом прошел на Риф.

Оказалось, что обойти те рифы, которые могли бы представлять собой некоторую опасность для «Бриджит», было весьма не трудно, тем более, что белевшая на поверхности моря пена прекрасно обозначала их. Впрочем, для «Бриджит» даже и над рифами было довольно глубины. А вот и то опаснейшее место, означенное двумя буйками, которое так счастливо прошел тогда «Ранкокус». «Бриджит», конечно, оказалась не менее счастливой; миновав это место, Марк стал держать в том направлении, где он надеялся найти столь памятный ему и роковой утес, который был виновником злоключений с тех пор, как о него так неожиданно ударился «Ранкокус».

Якорный буюк все еще был на своем месте, точно бессменный часовой на вверенном ему посту; Марк ухватился за его канат и притянулся к якорю, убрав, конечно, предварительно все паруса.

Теперь «Бриджит» стояла на прежней якорной стоянке «Ранкокуса», или в двух шагах от рокового места, а, быть может, и над ним; подобные места обыкновенно изобилуют всякой рыбой, и Марку вздумалось попытаться здесь счастья; с ним были кстати рыболовные снасти; он закинул удочку и тотчас же вытащил великолепную рыбу. И каждый раз опять повторялось то же. Заметим, что здесь рыба была гораздо лучше и крупнее, чем там, поблизости Рифа. В какие-нибудь полчаса не трудно было убедиться, что в один день здесь можно было наловить так много рыбы, что даже его судно не будет в состоянии свезти ее всю. На этот раз Марк удовлетворялся десятком-другим этой прекрасной рыбы; отвязав свое судно, он поднял паруса и стал маневрировать, чтоб выбраться на ветер. Вскоре он очутился уже в десяти милях на ветре у острова. Мачты «Ранкокуса» служили ему указанием, так как вершина кратера скрылась за горизонтом. Даже и мачты трудно было различать вследствие отсутствия на них всех парусов, и если бы не компас, то едва ли Марк мог бы безошибочно определить отсюда направление Рифа.

Что же касается подводных скал и камней, то хотя ни один из них не возвышался над поверхностью моря,

но тем не менее, судя по явным признакам, доказывавшим несомненно повсюду их присутствие, Марк мог сказать, что они занимают пространство приблизительно до двадцати миль в окружности. Он уже сделал более чем пятнадцать миль, а все еще не мог выбраться из их заколдованного круга. Тут Марк лег в дрейф и приступил к своему скромному обеду. День начал уже клониться к вечеру, и потому он счел за лучшее вернуться к кратеру.

«Бриджит» шла очень ходко, и полчаса спустя Марк вновь уже стал различать верхушки мачт «Ранкокуса», а спустя еще немного стала довольно ясно вырисовываться на горизонте вершина кратера.

Наш молодой моряк намеревался было сначала провести всю ночь в открытом море, в том случае, если погода будет благоприятная. Ему хотелось узнать, как его новенькое судно будет держаться на море во время его сна, и вместе с тем он уже давно желал дойти до крайнего предела рифов.

Все огородные работы были теперь окончены, и Марк свободно мог располагать всем своим временем. К тому же в распоряжении его находилось и подходящее судно. И он задумал выбраться когда-нибудь подальше за пределы рифов и там крейсировать несколько суток кряду в надежде повстречать какое-нибудь судно, которое могло бы принять его к себе на борт.

Он сознавал, конечно, что, быть может, прождет этого счастья напрасно целых триста дней, но что же из того, если на триста первый все его страстные желания и надежды осуществляться?

Но этот раз погода вовсе не благоприятствовала его намерениям и замыслам.

Когда кратер вновь показался на горизонте, то небо уже приняло угрожающий вид, а сама атмосфера — какой-то зловещий красноватый оттенок, не на шутку пугавший Марка. Ему хотелось скорее добраться до острова, чтобы успеть загнать своих свиней и кур вовнутрь кратера. Все предвещало бурю, сопровождаемую здесь почти всегда сильнейшим наводнением, о которых Марк уже имел понятие.

В момент, когда «Бриджит» спокойно проходила между двумя буйками, паруса ее стали вдруг полоскаться, — то был несомненно зловещий признак перемены ветра. До Рифа оставалось около двух миль. Спустя немного подул ветер противоположного направления; морские чайки и другие птицы с тревожными, резкими криками целыми стаями сновали в воздухе взад и вперед или описывали над головой Марка круги, спускаясь постепенно все ниже и ниже к воде. Солнце садилось в густых облаках огненно-красного цвета, обнимавших весь горизонт. Теперь до Рифа уже оставалось немного меньше мили, но, несмотря на то, в душе Марка родилось новое опасение; если буря вдруг разразится и ветер повернет к западу, что было весьма возможно, то его легко могло унести прямо в открытое море. Даже и в этом случае, если «Бриджит» устоит против напора волн, и тогда грозившая ему опасность была бы велика: его могло загнать так далеко, что само возвращение на Риф, пожалуй, сделалось бы невозможным. Тут только он почувствовал, каким великим счастьем являлось для него то, что судьба забросила его на этот остров, где теперь все способствовало лишь его благополучию. Он понял, как было бы ужасно лишиться вдруг всего того, что он имел на Рифе, и быть оторванным от него навеки.

Как бы охотно отдал он теперь большую половину всех своих плантаций и урожаев, доставшихся ему без труда, лишь бы очутиться на Рифе в полной безопасности от бури и других невзгод! Но вот, благодаря той ловкости и опыту, которыми он обладал в управлении судном, Марку удалось, наконец, счастливо достигнуть Рифа, даже без надобности чем-либо жертвовать ради этого.

Часу в десятом вечера «Бриджит» вошла вновь в свою бухту; Марк позаботился о своем стаде и поспешил затем скорей укрыться в каюте старого «Ранкокуса». Первым движением его души было стать на колени, воздать благодарение Богу за то, что Он вернул его сюда.

Эти места стали ему столь близкими и дорогими; и с мыслью о них в его душе сливалось понятие о полной его личной безопасности. Утомленный трудами и впечат-

лениями этого богатого для него событиями дня Марк поспешил раздеться, лег в постель и заснул крепким сном.

Наутро, пробудившись, он вдруг почувствовал, что задыхается, и вслед затем, раскрыв глаза, был поражен каким-то странным светом, наполнявшим всю его каюту. Сначала он думал, что горит «Ранкокус»; вскочив с кровати, Марк прислушался, но треска горящего дерева нигде не было слышно; он стал смотреть — огня нигде не видно! Одевшись, он взбежал на палубу и тут вдруг ощутил такой толчок, что лишь с большим трудом мог удержаться на ногах; сотрясение прошло по всему судну. Море кругом бурлило и шумело, точно готовясь выйти из берегов. До слуха Марка доносился какой-то небывалый резкий свист, а в воздухе носились зловещие зигзаги пламени вроде громадных молний. Момент был до того ужасен, что все слилось в один хаос.

Марк Вульстон сразу понял, что тут происходит; это было не что иное, как землетрясение; не подлежало сомнению, что вулкан вдруг пробудился и заговорил: пресыщенная смрадом атмосфера мешала видеть и дышать. Марк инстинктивно посмотрел в сторону, где находился кратер, но там все было тихо и спокойно. Очевидно, извержение происходило не там, а где-то в другом месте. Но при всем том была минута, когда Марку казалось, что он совсем задыхался. Вдруг налетевший порыв ветра развеял и разнес все эти смрадные зловонные испарения и почти сразу вновь очистил воздух.

Марк с нетерпением ждал рассвета; минуты казались ему вечностью. Вот показались первые признаки постепенно нарождавшегося утра. Марк поспешил на бушприт; глаза его были обращены на восток, и едва только солнце послало первые свои лучи на горизонт, как наш моряк был поражен происшедшей там переменой, ясно свидетельствовавшей о тех невероятных силах незримых недр земли, которые породили ее. Повсюду, где еще вчера красиво расстилалась морская гладь, торчали голые утесы; а та подводная гряда, что оцепляла водяной бассейн, служивший стоянкой «Ранкокусу», и возвышавшаяся

над поверхностью моря едва на несколько лишь дюймов, теперь местами достигала десяти и пятнадцати футов вышины. Природа вновь сделала несколько потуг и усилий и, так сказать, в одно мгновение ока и создала, и породила новые утесы, скалы и острова.

Едва успел Марк убедиться в этом, как тотчас же поспешил на корму, чтобы посмотреть, какие перемены произошли на кратере. Оказалось, что весь он был как будто выпучен наверх, подобно большинству скал и островков, окружавших его на протяжении нескольких миль. Его поверхность не претерпела между тем никаких изменений. Только сходящая, ведущая с кормы «Ранкокуса» на берег, вместо своего прежнего, сильно наклонного положения, получила горизонтальное.

Сгорая от нетерпения увидеть, что могло произойти за это время на его острове, Марк побегал туда. К этому времени уже рассвело совсем; он посмотрел вовнутрь кратера, затем поднялся на вершину: здесь ровно ничто не изменилось. Стадо его беспечно разбрелось в разные стороны и преспокойно паслось на лугу. Однако вся поверхность Рифа была осыпана пеплом, на котором каждый шаг его оставлял глубокий след, точно на мягком снегу. Долина кратера также была засыпана все тем же пеплом на целый дюйм, не исключая сада, пастбищ и огорода. Но это нисколько не беспокоило Марка; он знал, что первый дождь прибьет этот тонкий слой серовато-беловатого пепла к земле, смешает его с почвой и превратит его в источник еще большего плодородия. Взобравшись на самую вершину, Марк вдруг увидел, что вместо прежних пенящихся белых пятен все море вокруг усеяно скалами, рифами и песчаными мелями. Более всего преобладали песчаные мели; некоторые из них находились даже близ Рифа, как мы будем продолжать называть остров кратера, хотя теперь его уже, собственно говоря, нельзя было называть островом. Положение его среди моря теперь настолько изменилось, что Марк мог, не прибегая к лодке или шлюпке, не замочив даже ног, прогуливаться целыми часами, а — как знать! — быть может, и целыми днями по суше, перебираясь с одного

островка на другой, с одной песчаной мели или гряды на другую; со всех сторон на протяжении многих миль поднимались из воды эти островки, отделенные друг от друга маленькими проливчиками.

Остров кратера являлся как бы центром этого вновь возникшего архипелага. Хотя сквозь густое облако, которое, точно туманом, заволакивало горизонт, нельзя было рассмотреть ничего, тем не менее Марк был убежден, что среди этого густого тумана на небольшом расстоянии от Рифа подземные силы нашли себе новый выход, то есть, пробив земную кору, образовали новый кратер; существование последнего казалось Марку столь же несомненным, как если бы он видел его своими глазами. С первого взгляда Марку было довольно трудно определить характер всех тех маленьких озер и прудков, которые образовались кругом и которые, по его мнению, неминуемо должны были испариться в силу того, что между ними и морем не было никакого связующего звена, тогда как некоторые проливы и бухты являлись уже несомненными морскими рукавами. К числу таковых принадлежало, очевидно, и водное пространство, опоясывавшее Риф. Кругом ли оно опоясывало его или нет, об этом Марк теперь еще не мог судить, так как с того места, на котором он в настоящую минуту находился, ему невозможно было бы видеть, примыкает ли Риф непосредственно к той бесконечной цепи скал или мелей, которая тянулась по направлению к западу, или нет. Остров Гуано и остров Ила, очевидно, примыкали к этой сплошной массе; это были уже не одиночные островки, а нераздельные части большой вулканической горы. Тем не менее, рукав, который омывал и Риф, и эти два важных склада удобрений, остался, и это было весьма приятно Марку, потому что позволяло ему продолжать перевозить эти удобрения прежним способом — при помощи лодки или плота.

Затем Марк озаботился положением «Ранкокуса». Он еще, очевидно, держался на воде, находясь посреди бассейна, но, чтобы вполне удостовериться в настоящем положении дела, Марк вошел в свою лодку и, с целью наблюдений, объехал вокруг судна. Вода здесь была столь

чиста и прозрачна, что легко видно было дно на глубине нескольких саженей, потому Марк мог видеть, что между дном бассейна и килем корабля оставалось не более двух или трех футов воды. Но в данную минуту еще продолжалось время прилива, и прибывающая вода в такое время обыкновенно повышала уровень на целых двадцать дюймов, а потому было ясно, что при известных ветрах доброе старое судно сильно рискует сесть на мель. Что же касалось возможности вывести его из бассейна, то о ней и речи быть не могло, ввиду того, что судно стояло над глубокой впадиной дна, где воды было на шесть-восемь футов больше, чем вокруг. Установив все эти факты, Марк отправился пешком с ружьем за спиной осматривать свои новые владения, так значительно увеличившие его территорию.

Прежде всего он направился к западной части острова, где, как ему казалось, тянувшиеся в этом направлении мели и рифы стали слитной, нераздельной частью его. Дойдя до одной из этих песчаных отмелей, он заметил, что по песку бежит небольшая струя воды, вытекавшая, по-видимому, из-под лавовых слоев кратера. Марк вздумал попробовать ее на вкус и, зачерпнув воду рукой, поднес ее к своим губам. Какова же была его радость и удивление, когда вода оказалась не только пресной, но и чрезвычайно вкусной. Так вот он, этот ключ живой, о котором он так часто вздыхал! И как неожиданно Небо даровало его ему! Скупец, найдя слиток золота в земле, не испытал бы подобной радости, какую испытал молодой моряк при этом своем открытии. Марк тотчас вырыл небольшое углубление и обложил его камнем. Не прошло и десяти минут, как ямка наполнилась чистой и светлой водой самого приятного вкуса. Марк положительно не мог оторваться от этого божественного напитка, но пить его слишком много было опасно для здоровья, и, сделав над собой усилие, он решил продолжать свой путь.

Дойдя до самой узкой и выдающейся части Рифа, лежавшей ближе всего к соседним утесам, Марк убедился, что предположение его было ошибочно. Риф остался по-прежнему островом, хотя пролив, отделявший его

от утесов, не имел и двадцати футов ширины, но, наверное, был вдвое глубже. Вернуться к верфи, захватить там подходящую доску, перекинуть ее через пролив и с помощью этого импровизированного моста перебраться в свои новые владения было делом нескольких минут. В углублениях утесов он нашел множество рыбы, выброшенной на берег морем. Кроме того, он сделал еще одно несравненно более важное открытие: вблизи моста он встретил второй родник, гораздо более обильный. Этот родник давал начало ручью или, вернее, речке, орошавшей целую отмель на протяжении двадцати акров (около семи русских десятин). Встретив на своем пути значительной величины бассейн, этот ручей или река образовала небольшое озеро, а весь избыток вод несла затем уже прямо в море. Обрадованный Марк не захотел быть эгоистом; он еще раз вернулся на Риф за своим стадом; дойдя до моста, он перебросил с берега на берег другую доску, захваченную по дороге с той же верфи, и перевел по этим двум доскам все свое стадо. И птицы, и четвероногие так знали голос Марка, что даже утки слушались его; о козочке и говорить не стоит, — та бегала за ним, как собачонка, и была счастлива, когда ей разрешалось сопровождать его в прогулках. Оставив всех своих животных наслаждаться неожиданными благами, посланными Небом, Марк приступил к более серьезной части своей экскурсии, которая продолжалась целый день. Пока Марк отошел всего лишь на две мили от своего жилья, если считать по прямой линии, но если принять в соображение, сколько ему пришлось обходить стороной встречавшиеся на его пути значительной величины озера морской воды, то он, без всякого сомнения, сделал уже добрых четыре мили. Эти озера часто имели более мили в окружности и отличались причудливыми контурами берегов, но вскоре все они должны были бесследно испариться под непосредственным воздействием палящих лучей солнца. Марк шел теперь вдоль узкого, длинного канала, впадавшего в пролив, который омывал кругом весь кратер. Достигнув предела, заранее намеченного им для этой первой прогулки, молодой человек поднялся на

вершину одного утеса, который возвышался футов на сто над морем. Отсюда открывался обширный вид, и Марк невольно обратил свой взор на океан, который был ему теперь прекрасно виден на расстоянии нескольких миль на северо-восток.

Далее к западу виднелось множество водных пространств различной величины: бухт, заливов и проливов, весьма излучистых и живописных по своим очертаниям. И это множество внезапно и повсеместно образовавшихся кратковременных речек, и озер, и ручейков сильно затрудняло наблюдение: на известном расстоянии весьма и весьма трудно было отличить проточные воды от вод стоячих или, что то же, постоянные от временных. Но самое интересное и привлекательное зрелище ожидало Марка в южной части горизонта. Туманная завеса, скрывавшая до настоящего момента всю эту часть горизонта, стала теперь постепенно приподниматься; стройный столб дыма, как бы выходивший прямо из воды, продолжал медленно и плавно выходить кверху, где упирался в густое облако, подобно шатру, нависшему над этим местом. Вначале Марк мог различить лишь темную бесформенную массу, когда же туман понемногу начал рассеиваться, он ясно увидел перед собой гигантскую, сильно изрытую скалу, имевшую не менее тысячи футов вышины и занимавшую пространство около одной мили. Это новое доказательство могущества великих сил природы вдруг наполнило душу молодого моряка благоговением и умилением перед Всесильным, Всемогущим Божеством, Которое могло и создавать, и рушить в одно мгновение единым мановением Своей Руки.

Не следовало ли ему, в самом деле, от всей души благодарить Творца за то, что Он, по своей благодати, направил эти просившиеся наружу грозные подземные силы в иную сторону и дал им выход вдали от Рифа? То расстояние, которое разделяло этот новый кратер от потухшего кратера на Рифе, Марк определил приблизительно в пятнадцать или двадцать миль — но, в сущности, оно равнялось полным пятидесяти милям. Недалеко от той скалы густой тяжелый темный дым все

продолжал спиралью подыматься к небу; но иногда Марку казалось, и он был в том почти уверен, что видит перед собой огромный кратер нового вулкана в той части океана.

Налюбовавшись вволю на происшедшие повсюду перемены, Марк, наконец, спустился со своего утеса и тронулся в обратный путь по той же дороге.

Г л а в а   X I I

Я изгоняю из моего государства черную измену, интриги, кинжалы, мушкетеры, пушки; щедрая на дары природа дает их моему простодушному народу, не заботясь об их отделке.

«Буря»

В течение десяти последующих дней Марк Вульстон исключительно занялся изучением и исследованием своих новых владений.

Переправившись через пролив, омывавший остров кратера и названный Марком Браслет, наш приятель добрался до той лавовой стены, которая заграждала бассейн, избранный для стоянки «Ранкокуса». Отсюда Марк отправился пешком вдоль тех самых утесов, между которыми он еще так недавно плавал на «Бриджит». Впрочем, тот узкий проход, через который Марку некогда удалось провести «Ранкокус», существовал еще и теперь, но буйки, обозначавшие это роковое место, были теперь на суше, на двух торчавших над водой небольших утесах.

Два дня сряду Марк продолжал подвигаться вперед все в том же направлении. И здесь почвенные изменения носили тот же характер чередующихся между собой водяных пространств, песчаных мелей и зубчатых гребней скал.

На пятые сутки Марк снова предпринял маленькое путешествие на своей «Бриджит». Выйдя из Браслета

через узенький проход, он вошел в небольшой пролив, направлявшийся прямо на северо-восток. Пролив этот, шириной около полумили, имел на всем своем протяжении достаточно глубины, чтобы поднять даже большое судно. И не было ничего невозможного в том, что какое-нибудь из проходивших мимо судов могло зайти этим путем на Риф. Нет нужды говорить, что на подобное счастье было, конечно, мало надежды, но бедный Марк охотно ухватился за эту мысль и находил в ней для себя большое утешение и самый пролив этот назвал Каналом Доброй Надежды. В трех милях от кратера канал раздваивался: один из рукавов его шел к северу, а другой уходил куда-то вдаль, теряясь в юго-восточном направлении. Чтобы воспользоваться благоприятным ветром, Марк избрал последний путь.

Проплыв по каналу некоторое время, он вошел в другой канал, ведущий на северо-восток. Этот канал имел значительную глубину и при входе достигал более полумили ширины; затем он немного суживался и потом вливался в овальной формы бассейн, диаметр которого равнялся целой миле. Этот бассейн был огражден с восточной стороны как бы поясом, состоящим из гряды непрерывных скал, местами достигавших высоты в двадцать футов и более. Дно его было совершенно чистое, песчаное, а лот почти повсюду показывал глубину в двадцать брассов¹.

Это был прекраснейший природный порт, и, право, руки человека едва ли бы могли создать что-либо лучшее и более удобное, чем этот самобытный закрытый рейд.

Марк плавал уже более часа в Овальной Гавани, как он мысленно назвал этот порт, когда заметил, наконец, что зеркальная гладь этих покойных вод кое-где слегка рябит чуть приметной зыбью, идущей от северо-восточной стороны бассейна. Марк тотчас же направил свое судно в ту сторону, откуда шла зыбь, и убедился, что там, в одном месте, скалы расступились, как бы нарочно для

---

¹ Брасс — шестифутовая сажень.

того, чтобы оставить здесь удобный выход. Ветер был подутный, и Марк, войдя в проход, вдруг очутился, сам того не ожидая, в открытом море. Он это понял, почувствовав тотчас же, что «Бриджит» качается на мерных, сильных волнах океана. Проплыв еще немного, Марк очутился в полумиле на ветре у бесконечной каменной гряды. Поставив «Бриджит» в дрейф, Марк бросил лот, но и на сорока брассах он не достал дна. Везде под ветром виднелись рифы, скалы, мели, тогда как с наветренной стороны и впереди повсюду был открытый океан.

Определить в точности протяжение канала, ведущего от кратера в Овальную Гавань, было довольно трудно. Но, судя по времени, которое пришлось употребить на этот путь, Марк полагал его длину миль в двадцать пять.

«Бриджит» уже более часа находилась в открытом океане, между тем ветер начал свежеть — пришлось брать рифы, и Марк стал подумывать о возвращении на Риф. К сожалению, он не позаботился наметить на берегу приметных пунктов, по которым можно бы найти тот путь, которым он шел сюда. Ему казалось это совершенно лишним. Но вышло иначе — тот выход из бассейна, которым «Бриджит» вышла в океан, снаружи был замаскирован скалами. Ему не оставалось теперь ничего, как только попытаться найти то место, где эта бесконечная цепь рифов прерывалась и открывала доступ в архипелаг. Подойдя к берегу насколько можно ближе, он все-таки нигде не мог найти желанного прохода, более часа он искал его в различных направлениях, но поиски его остались безуспешны. Провести ночь в открытом море да еще на ветре столь неприветливых берегов не представляло ничего приятного для Марка, и он решил идти на север, покуда не наткнется там на какой-нибудь другой проход.

В течение целых четырех часов «Бриджит», не оставаясь, шла на север вдоль бесконечной каменной гряды; угрюмое однообразие этих скал нарушалось лишь бурной белой пеной ударявшихся о них морских волн. Но и на всем этом громадном протяжении Марк не нашел не только прохода, но даже и такого места, где скалы

расступались бы настолько, чтобы среди них могла укрыться хоть самая простая лодка. За это время, по расчету Марка, «Бриджит» прошла не менее тридцати миль; сообразуясь с этим, он мог определить до некоторой степени величину своих владений. Часов около пяти вечера Марк, наконец, достиг небольшого мыса, или косы, вслед за которым берег вдруг круто заворачивал на запад. Марку стало ясно, что он достиг северной границы этой подводной группы вулканических гор. Мыс этот наш моряк назвал Кап-Норд-Эстом, или Северо-Восточным мысом, и, обогнув его, пошел на запад, держась как можно ближе берегов.

Было уже слишком поздно, чтобы еще думать о возможности сегодня же вернуться до ночи на Риф; к тому же отважиться идти впотьмах этими вовсе неизвестными еще ему проливами, каналами и рукавами было бы непростительным безумием, поэтому Марк счел за лучшее, выбрав небольшую бухту, стать в ней на якорь и переночевать с тем, чтобы поутру, как можно раньше, отправиться в обратный путь.

В тот момент, когда солнце скрывалось за горизонтом и сильный томительный зной летнего дня сменился отрядной прохладой ночи, берег гостеприимно расступился перед нашим моряком, образуя нечто вроде узенького пролива, но все же достаточно широкого для небольшого судна. Придерживаясь ветра, «Бриджит» вошла в пролив, который постепенно расширялся и в конце концов образовал глубокий и довольно обширный залив. Берег его со стороны ветра представлял собой песчаную отмель довольно значительной длины. Следуя вдоль этого берега, Марк увидал прекрасный ручеек и здесь решил причалить. Осторожно завернув, чтобы подвести свое судно ближе к берегу, Марк зацепился багром и соскочил на берег. Прибрежье это, столь недавно вышедшее из недр морских, казалось уже пережившим многие века: пески здесь были чисты и блестящи, с красивым бледно-золотистым оттенком; кроме того, весь берег был усеян роскошнейшими раковинами самых красивых форм и переливов и замечательной величины. Запах, который

они издавали, свидетельствовал о том, что еще недавно они служили жилищем своим законным природным владельцам. Любуясь их затейливой красотой, причудливым разнообразием форм и цвета, Марк мысленно дал слово вторично побывать в этом заливе, прозванном им Заливом Раковин, и увезти отсюда некоторые экземпляры этих раковин, чтобы украсить ими свою каюту.

Поужинав кое-чем из своих припасов у самого ручья, Марк разложил захваченный им на всякий случай тюфяк и, помолившись Богу, вскоре заснул здоровым, крепким сном. Поутру, выкупавшись в заливе, он поспешил отправиться в обратный путь. Переплыв Залив Раковин, «Бриджит» продолжала идти в юго-западном направлении по довольно широкому проливу; последний, в конце концов, привел ее к тому месту, которое Марк тотчас ж признал за раздвоение канала Доброй Надежды, прозванное им еще тогда же Вилой.

Теперь стоило только следовать тем же путем, каким он шел вчера, чтобы вернуться к Рифу.

Около десяти часов утра Марк был уже дома; он тотчас же поспешил на «Ранкокус», где все было в прежнем порядке. Разведя огонь под плитой, он занялся приготовлением кое-каких блюд и запасов на случай следующего плавания, после чего взобрался на мачту с целью осмотреть еще раз, в каком положении находятся теперь дела на южной части горизонта.

Густое облако темного дыма, заволакивавшее до сих пор то место, где происходило извержение вновь появившегося над водой вулкана, теперь почти рассеялось. Лишь одна точка горизонта все еще скрывалась за тонкой струйкой дыма; остальное же пространство было совершенно чисто. Мгновенно выросший из недр океана гигантский пик представлял собой дивное и невиданное зрелище: вершина его возвышалась не на тысячу футов, как полагал ошибочно вначале Марк, а на целых две тысячи. Судите сами, какое впечатление должен был производить этот колосс с изрытыми боками и гордо приподнятой синеватой главой, господствовавшей над безбрежной гладью моря. Пик этот получил название Пик

Вулкана, и Марк решил, что посетит его в самом непродолжительном времени.

Весь этот день был посвящен приготовлениям к предстоящему путешествию. Глухие раскаты, еще не раз слышавшиеся ему в тишине предыдущей ночи, теперь уже не повторялись. Земля как будто отдыхала после тех потуг и конвульсий, которыми она произвела на свет Божий всю эту новую природу. Опасаться теперь было уже нечего, но в тот момент, когда Марк приближался к месту недавних великих событий, в которых на его глазах силы природы проявили еще раз все свое могущество, им овладело чувство, похожее на суеверный страх или на священный трепет.

На этот раз ему пришлось плыть в совершенно ином направлении. Он миновал сперва несколько проливов и каналов, несколько не похожих друг на друга; из них одни были прямы и широки, другие же, напротив, были узки и извилисты. К полудню «Бриджит» достигла южной конечности архипелага. Марк полагал, что сделал по меньшей мере двадцать миль, но Пик как будто вовсе не придвинулся к нему, и это заставило его задуматься; как видно, расстояние до Пика было еще весьма велико. Марк решил, что проведет остаток дня и ночь там, где он находился в данную минуту, с тем, чтобы завтра иметь в своем распоряжении целый день. В то же время он был рад воспользоваться случаем и ознакомиться с этим побережьем и ближайшими островами, чтобы основательно изучить всю группу, входившую в состав его владений.

Итак, он стал высматривать удобное местечко, чтобы причалить; высадившись на берег, он тотчас же отправился пешком с ружьем в руках осматривать ближайшую местность. Проход, открывавшийся в море, значительно отличался от прохода в восточной части группы: тот залив, которым оканчивался пролив, с наветренной стороны был огражден длинной косой, далеко вдавшейся в море. И вход, и выход здесь были удобны, а сама коса настолько возвышалась над морем, что могла считаться удобным путеводным пунктом.

В пресноводных источниках и ручейках и речках не было недостатка: между прочим, Марк нашел здесь небольшой, но чрезвычайно чистый и светлый ручеек, впадавший в ту губу, в которой стояла на якоре «Бриджит». Марк поднялся вверх по течению около двух миль и дошел до слияния десятка различных ручейков, бравших начало в большой песчаной отмели в несколько миль длиной. Новейшей ли формации была и эта мель или же она давно уже существовала, — этот вопрос трудно было решить с первого взгляда. Вид лавы, только что извергнутой вулканом, раз уже она успела окончательно остыть, и лавы, пролежавшей на поверхности земли и подвергавшейся влиянию воздуха многие сотни лет, совершенно одинаковы; и если бы не наслоения ила, остатки рыбы и большие кучи водорослей, еще не высушенных солнцем, да не озера морской воды, еще не успевшие испариться, то можно было бы с уверенностью сказать, что находишься среди природы, не претерпевшей ни малейших изменений.

Перед вечером, прежде чем отойти ко сну, Марк преклонил колена и воздал благодарение Богу за все щедроты. Его молитва не была продолжительна, но искренна и сердечна, после нее он заснул счастливым сном.

За два часа до рассвета Марк проснулся и тотчас же стал собираться в путь. В хорошую погоду «Бриджит» делала по пяти узлов в час; с попутным ветром она могла идти и до семи узлов, но при большом волнении ход ее сильно замедлялся.

В продолжение двух часов «Бриджит» шла все на юго-запад. С рассветом Пик показался на горизонте, все предметы стали явственно вырисовываться на темном фоне этой горы, хотя до нее оставалось еще не менее девяти миль. Начиная с этого момента, Марка на каждом шагу ожидали новые открытия: солнце успело уже взойти и поочередно освещало то холмик, то обрыв, то голую скалу, придавая им удивительные колориты и оттенки. По мере приближения к Пику, восторг и удивление Марка все более и более возрастали. Очутившись на расстоянии всего одной лишь мили от Пика, Марк убе-

дился, что сам остров этот имел не менее восьми — десяти миль в длину, хотя в ширину никоим образом не превышал двух миль. Тянувшийся с юга к северу остров был обращен своей узкой частью в сторону Рифа, и вот почему наш внимательный наблюдатель с высоты фор-саллинга «Ранкоуса» мог ошибиться в размерах Пика, особенно за отдаленностью расстояния.

Под конец плавания ветер стал свежеть; Марку было желательно укрыть свое бедное судно под защитой гигантской скалы, представлявшей собой северную оконечность острова. Однако прибой валов к этому берегу заставил его отказаться от своего намерения. С большим сожалением он был готов уже повернуть назад, как вдруг, совершенно неожиданно, очутился против узкого прохода, образовавшегося между двумя утесами почти равной величины, причем один из них настолько выдавался в море, что совершенно заслонял собой эту узкую щель. Проскользнув между этими двумя скалами, образовавшими род тесной арки, судно Марка очутилось в красивом замкнутом со всех сторон бассейне, имевшем около четырехсот локтей в диаметре. Благодаря прекраснейшим песчаным берегам и такому же дну, здесь, в любом месте, можно было причалить без хлопот, что Марк и не замедлил сделать. Убрав все паруса и захватив багор, он соскочил на берег. Оглядевшись, он увидел, что от бассейна кверху в гору идет громаднейший овраг, образовавшийся в расщелине гигантских скал; извиваясь змеей, он достигал самой вершины Пика, по нему, клубясь и пенясь, с шумом мчался поток, вливавший свои воды прямо в бассейн. Сперва Марк предположил, что в этом потоке тоже соленая вода. Однако, отведав воды из ручья, он убедился, что это настоящий горный ключ.

С ружьем за спиной и сумкой со съестными припасами за плечами Марк стал взбираться в гору вдоль оврага. На деле подъем этот оказывался менее тяжелым, чем предполагал сначала Марк. К немалому удовольствию своему, он мог почти все время пути пользоваться отрадной тенью, так как солнце проникало лишь местами в это глубокое ущелье. Марку пришлось пройти не более

двух миль, все время поднимаясь в гору, прежде чем он достиг ровного места, так называемого горного плато. Еще на полпути характер местности вдруг резко изменился: то не была уже та мертвая, бесплодная природа угрюмых голых скал, так удручающая душу человека; нет, почва, по которой теперь ступали ноги Марка, как видно, не со вчерашнего лишь дня вышла из недр океана. Оглядываясь вокруг, Марк Вульстон с каждой минутой убеждался все более в том, что сама вершина Пика и эта горная равнина долгое время были прекрасным зеленым островком, прежде чем страшное по своей силе извержение вулкана преобразило его в этот гигантский Пик, подняв его так высоко над морем.

Очевидно, этот островок тогда был слишком низменный, чтобы его можно было заметить на таком дальнем расстоянии, какое было от него до Рифа.

Невольный крик восторга вырвался из уст Марка при виде роскошной зеленеющей равнины Пика. Равнина эта была покрыта лесом; бананы и вся богатая тропическая растительность раскинули здесь все свои красоты. Яркая изумрудная трава еще носила на себе следы недавнего ливня. Марк видел этот ливень в тот момент, когда подходил к Пику, но, приглядевшись ближе к поверхности этих лугов и лужаек, он без труда нашел и здесь следы пепельного дождя, выпавшего во время извержения вулкана. После столь продолжительной и быстрой ходьбы, очутившись вдруг под непосредственным влиянием солнечных лучей, Марк счел за лучшее лечь отдохнуть под тенью живописной группы деревьев, где стоило протянуть руку, чтобы сорвать свесившийся чуть не до земли роскошный плод кокоса. Этот прекрасный плод заключает в себе вкусное, питательное молоко, которое является таким чудеснейшим напитком в столь жарком климате, а мякоть кокосовых орехов, когда они только что сорваны, представляет собой чрезвычайно сочную и вкусную пищу. Здесь этих кокосов можно было бы насчитать целые тысячи. Отдохнув часок в тени этих роскошных деревьев, Марк принялся обходить эту равнину с целью поближе ознакомиться с ней для того, чтобы

судить не только о ее красотах, но и о протяжении. Между прочим, он заметил, что все дерево буквально усеяно всякого рода птицами с необычайно ярким и цветистым оперением, причем ему показалось, что некоторые из этих птиц должны бы дать прекрасное жаркое. Большинство птиц с видимым наслаждением поклевывало дикие смоквы; эти плоды, не отличаясь особо тонким вкусом, прекрасно утоляют жажду и действуют освежающе. Большинство из этих птиц имело некоторое сходство с так называемыми винноягодниками.

Вскинув ружье, Марк одним выстрелом убил несколько штук. С помощью своего кремня и небольшой горсточки пороха он без труда развел костер. Здесь лесу было вволю, и он невольно подумал, что там у него, на Рифе, ему приходится скупиться на дрова, так как запас «Ранкокуса» уже начинал заметно подходить к концу. Из только что убитых птичек Марк изготовил тут же прекрасное жаркое, обернув каждую из них пучком листьев подорожника; в его походной сумке имелись морские сухари и фляжка дорогого рома. Для такого пира здесь не хватало только веселой, дружеской беседы; на самом деле, одиноко наслаждаясь здесь вкусными яствами, которым голод и усталость придали еще больше вкуса, блаженствуя в тени развесистых кокосов и бананов на мягкой, яркой мураве прелестнейшей лужайки, Марк думал про себя: «С какой радостью, с какой охотой я отказался бы навек от всего остального мира ради этих прекрасных мест, забыв про всю вселенную в этом земном раю, если бы только здесь, рядом со мной, была и моя Ева!» Под Евой Марк, конечно, разумел свою возлюбленную Бриджит.

Благодаря возвышенному местоположению этой равнины, воздух здесь был несравненно легче, прозрачнее и даже прохладнее, чем на Рифе; вдыхая этот горный воздух, Марк испытывал особенное наслаждение, нечто похожее на легкое опьянение. «Как жаль, — размышлял он, — что нет здесь со мной друга или товарища, живого человека, с кем бы я мог делить это блаженство!»

О, как далек был он тогда от мысли, что в этот самый

миг, когда он это думал, он был так близко от живых людей и от людей, себе подобных, что все заветные его желания и мечты готовы, наконец, осуществиться с минуты на минуту!

Г л а в а   X I I I

О патриархальные нравы старой Англии! Вечером у камина, рассказывающая очаровательные сказки, отец, мешающий огонь, забавляет детей; новорожденный улыбается на руках матери; и оба супруга, как в первые дни, обмениваются втихомолку взглядом любви.

М и с с и с   Г и м е н с

Собственно Пик, то есть скала, это наиболее возвышенное место острова, находился на северной его окраине в двух милях от той прекрасной рощицы, в тени которой Марк сейчас так вкусно пообедал. Резко отличаясь по своему характеру от столь богатой растительностью природы всего нагорного плато, сам Пик не мог похвастать не только деревцом, но даже и кустиком; в самом начале подъема кое-где утес этот порос чахлой и жалкой травой, да и эта скудная растительность бесследно исчезала немного выше, в самом начале последнего подъема, ведущего вверх, на самую вершину.

Прекрасно подкрепившись вкусным обедом и сладким отдыхом в тени кокосовых деревьев, Марк начал взбираться на вершину Пика.

Но это было не совсем-то легко. Употребив на этот подъем час времени, он очутился, наконец, на самой вершине этой гигантской, внезапно выросшей горы. Перед ним открылась сразу та панорама, какую он и ожидал увидеть. Горная долина развернула перед ним все свои богатства — луга, рощи и ручьи. Еще ни один сельский пейзаж не представлялся Марку в столь чарующе веселых красках; весь этот остров казался до такой степени

возделанным, что невольно думалось, будто с минуты на минуту, вот-вот должны показаться группы людей, идущих за плутом. Марк постоянно имел при себе одну из лучших подзорных труб, имевшихся на «Ранкокусе», и попеременно переводил ее с одного пункта острова на другой в надежде отыскать следы присутствия здесь человека. Но, очевидно, он был единственным человеческим существом на всем этом острове; нигде не было видно даже следов каких-либо четвероногих или хотя бы гадов. Одним лишь птицам, по-видимому, был открыт доступ в этот маленький Эдем.

Марк продолжал дальнейший осмотр Пика. Тут было много гуано, которое, вероятно, немало способствовало плодородию долины. Кроме могучего потока, который избрал своим руслом овраг, долина орошалась множеством маленьких ручейков, вливавших свои воды в тот же большой поток. Милях в двух от подошвы Пика все эти воды соединялись, образуя небольшое озеро; выйдя из озера, они бежали дальше извилистыми ручейками, впадавшими затем в море и спускавшимися каскадами по скату гор.

Нетрудно представить, с каким живейшим любопытством Марк направил теперь свою трубу на север, с целью отыскать те острова, которые служили ему сегодня пунктом отправления.

С той высоты, на какой он теперь находился, вся эта группа вулканических островов, к которой принадлежал и его Риф, была прекрасно видна; но за дальностью расстояния она представлялась как бы развернутой картой, нанесенной темными красками на поверхность океана. Простым глазом кратер нельзя было различить отсюда, а бедного «Ранкокуса» невозможно было разглядеть и с помощью трубы.

Осмотрев внимательно все свои владения, Марк обратил свой взор в другую сторону горизонта в надежде найти где-нибудь землю. Первый предмет, попавшийся ему на глаза, была действительно земля! Земля, вне всякого сомнения, ясно виднелась на западе, на расстоянии, по крайней мере, миль ста; несмотря на значитель-

ность расстояния, Марк был убежден в том, что он не ошибается и что в той стороне, наверное, находился остров, быть может, даже и обитаемый. Обрадованный этим неожиданным открытием, он более часа не мог отвести глаз от этой точки горизонта и принужден был оставить это в результате легкого головокружения, явившегося у него от пристального и чересчур продолжительного рассматривания одного и того же предмета.

Марк прохаживался теперь взад и вперед по небольшой площадке Пика с целью дать отдохнуть глазам, как вдруг появившийся в отдалении предмет сразу приковал его к месту и почти лишил его способности дышать. Предмет этот был парус, появившийся вдали.

Со дня исчезновения бедного Боба Бэтса глаза его теперь впервые видели судно. Оно, казалось, направлялось как раз к этому острову, как будто намереваясь укрыться под защитой его скалистых берегов. То было парусное судно, двух- или трехмачтовое, об этом Марк еще не мог судить. Теперь-то что до этого? Всего важнее, конечно, было, что он видит перед собой судно!

У бедного отшельника тряслись колени, он весь дрожал так, что был вынужден на время опуститься и сесть на землю, чтобы не упасть. Несколько минут он оставался неподвижно, мысленно вознося горячие благодарения Богу за его неожиданное милосердие к нему, когда же к Марку вернулись силы и он поднялся на ноги, им на минуту овладел невыразимый ужас при мысли, что, быть может, то была только игра его воображения.

Но нет! Он не ошибся: белая точка все еще виднелась на том же месте. Марк схватил свою подзорную трубу, чтобы лучше рассмотреть это судно, и вдруг из уст его вырвался громкий возглас радости:

— Пинас! «Нешамони»!

И, как безумный, он бросился вперед, махая платком, как будто его могли увидеть на таком расстоянии. Прошло четырнадцать месяцев с тех пор, как это маленькое судно было унесено бурей, и вот после такого промежутка времени оно, казалось, снова пыталось вернуться к тем берегам, которые служили ему колыбелью.

Как только к Марку вернулось самообладание и рассудительность, он тотчас же прибег к наивернейшему способу, чтобы обратить на себя внимание: он дал два выстрела из своего ружья и затем повторил еще несколько раз тот же прием до тех пор, пока на пинасе подняли флаги. В тот момент пинас находился уже почти под самым Пиком. Но вот и с судна раздался ответный выстрел.

По этому сигналу Марк бросился бежать бегом навстречу судну; несколькими скачками спустился он к оврагу и, не переводя духа, как безумный, мчался все вперед и вперед, рискуя каждую минуту сломать шею. Менее чем за полчаса он добежал, едва дыша, до места, где стояла его «Бриджит», и вскочил на судно.

Когда Марк миновал последний выдающийся в море утес, выйдя из своей потайной бухточки, невольный крик радости и счастья сорвался с его уст: всего в каких-нибудь ста саженьях его глазам предстала «Нешамони»; судно шло, придерживаясь берегов и, очевидно, отыскивая удобное место для того, чтобы пристать к острову. С пинаса также отозвались: Марк и Боб узнали друг друга одновременно. Боб по старой матросской привычке подбросил в воздух свою шапку и издал три громких возгласа, тогда как Марк, совершенно обессилевший от волнения, принужден был опуститься на скамью, а вслед за тем он выпустил из рук и шкот и совершенно потерял сознание, так что не мог уже дать себе отчета в том, что с ним произошло далее. Очнулся он в объятиях своего друга и товарища на палубе «Нешамони».

Прошло более получаса, прежде чем Марк вполне овладел собой. Наконец слезы облегчили его душу; он не стыдился этих слез, слез радости, при встрече со своим старым другом. Тут он заметил присутствие еще одного лица на судне, но так как человек этот был краснокожий, то Марк решил, что, вероятно, это какой-нибудь туземец с тех островов, где по пути остановился Боб, и потому не обратил на него должного внимания. Боб заговорил первый:

— Господи, мистер Марк, вот ведь счастье-то! Мог ли я ожидать такого благополучия? Поверите ли, я дрожал

от страха, пускаясь нынче в путь на нашей «Нешамони», ведь я ничуть не был уверен в том, что я сумею найти вас.

— Спасибо вам, дорогой Боб, спасибо! Возблагодарим Господа за Его милость к нам! Судя по тому, что я вижу, вы, верно, пристали к одному из населенных островов неподалеку отсюда. Но для меня является загадкой, каким путем вы, Боб, сумели отыскать Риф?

— Риф! Да разве это Риф? — с удивлением воскликнул Боб. — Должно быть, что земля здесь кверху дном перевернулась с тех пор как я расстался с вами, если этот остров — наш Риф!

Марк принялся рассказывать Бобу о том перевороте, который совершился в его отсутствие, и затем в кратких словах передал ему всю свою эпопею за это время. Бэтс весь превратился в слух, с жадностью внимая его рассказу.

— Так вот она причина-то всех тех землетрясений! — воскликнул Боб. — Поверите ли, в то время, как у вас все это здесь стряслось, я был более чем в полтораста милях от этих мест, но и у нас были такие землетрясения, что даже старому опытному матросу невозможно было устоять на ногах. Два дня спустя к вам присоединилось судно, которое в ту пору находилось без малого на сто миль ближе к северу, чем мы, и что же? Ведь весь экипаж рассказывал, что там, в открытом море, им казалось, что небеса с землей обнимались.

— Вы говорите о каком-то судне, Боб, но разве возможно, чтобы вы где-нибудь повстречались с ним в этих местах?

— Нет, мистер Марк, напротив, это весьма возможно. Впрочем, самое лучшее, конечно, будет, если я расскажу вам все мои делишки по порядку; но так как сказка-то моя выйдет длинна, то нам, пожалуй, не мешает пристать к берегу и взглянуть хотя одним глазком на этот остров, который вы так расхвалили, а, кстати, хорошо бы ближе познакомиться и с теми птичками, о которых вы говорите, что они так вкусны. Я уроженец Джерси и в дичи толк знаю! Так решено? Сойдем на берег.

Марк горел нетерпением услышать поскорее рассказ Боба, но так как бедняга Боб положительно умирал от голода, то, конечно, нельзя было не согласиться с ним. Вход в маленькую бухту находился в двух саженях от них; оба судна вместе вошли в нее и причалили к берегу. Затем наши приятели в сопровождении того же краснокожего стали подыматься на гору. Во время пути они обменялись лишь немногими словами. Но, выйдя на поляну, ни Боб, ни его темнокожий спутник не могли уж удержаться от шумного выражения радости и восторга при виде всех чудес этой благословенной долины. К немалому удивлению Марка, темнокожий выражался на том же английском наречии, как и Боб. Желая ближе разглядеть этого спутника своего друга, Марк обернулся в его сторону и с первого же взгляда узнал в нем некогда знакомое лицо.

— О, неужели, Боб, глаза мои меня не обманули — воскликнул он, с трудом переводя дух, — неужели это в самом деле Сократ?

— Да, сударь, это самый Сократ и есть, да и Дидона, его жена, тоже не за сто верст от вас.

Однако как ни прост был этот ответ Боба, все же он чрезвычайно смутил нашего молодого моряка.

Ведь Сократ и Дидона были рабы его жены, которых он оставил при ней; ведь люди эти составляли принадлежность той земли, которую унаследовала Бриджит от своей матери. Тысячи самых разнородных мыслей, воспоминаний и предположений разом зашевелились в мозгу нашего героя; тем не менее он воздержался от всяких преждевременных вопросов. Собственно говоря, он в глубине души чего-то опасался, и потому какой-то безотчетный страх удерживал его язык. Через силу, не отдавая себе отчета в своих действиях, направился Марк торопливыми шагами к тому месту, где всего часа три тому назад он так спокойно пообедал. Здесь оставались еще несколько нетронутых жареных птиц. Пошевелив золу, он убедился, что его костер еще не совсем затух. Не прошло и нескольких минут, как Боб и его темнокожий товарищ уже сидели, угощаясь вкусным жарким и за-

пивая его драгоценным ромом, который издавна был Бобу хорошо знаком. Боб ел не торопясь, смакуя каждый кусок, каждый глоток; но не из неуместного эпикурейства старался он продлить обед, нет, у него были на то гораздо более похвальные побуждения и причины.

Добрый Боб опасался за своего друга, предвидя слишком сильное для него волнение, и преднамеренно старался ослабить то впечатление, которое должен был произвести его рассказ на Марка. Так, например, Боб был весьма доволен, что его приятель узнал Сократа, так как присутствие его должно было навести Марка на некоторые мысли и хоть отчасти подготовить к тому, что ему предстояло услышать. Наконец, Боб Бэтс окончил свой обед и приступил к обещанному рассказу.

Когда пинас вместе с находившимся на нем Бобом был унесен в бушующее море прошлогодней бурей, то злополучному мореходу не оставалось ничего более, как предать себя полному произволу волн, которые, перекидывая его судно с утеса на утес и с рифа на риф, наконец, вынесли его, часа три спустя, совершенно невредимым в открытое море. А уцелел его пинас среди этих подводных рифов и камней потому только, что буря вздымала волны так высоко, что даже поверх скал и рифов для «Нешамони» было достаточно воды.

В продолжение целой недели Боб всячески пытался вернуться вновь на Риф, но это не удавалось ему по той причине, что в течение ночи, когда он спал, его относил обратно, уничтожая таким образом все результаты, достигнутые им в этом отношении в продолжение дня.

По прошествии восьми дней под ветром показался берег; в надежде встретить там каких-либо живых существ Боб стал держать на этот берег, но ожидания его не оправдались. То была громадная гора вулканического происхождения, весьма схожая с Пиком, но только условно лишенная всякой растительности. Он назвал ее именем своего старого судна и прожил там несколько дней.

С наиболее возвышенной точки острова Ранкокуса видна была на севере и на западе земля. Боб решил идти

на запад в надежде повстречать какое-нибудь судно и приблизительно в ста милях от «Ранкокуса» наткнулся на группу низких плоских островов, которые оказались населенными. Мало того, туземцы этих островов были очень миролюбивы и, очевидно, привыкли уже видеть белых. По-видимому, неожиданное появление в их водах такого славного, красивого и новенького судна с одним лишь человеком, представлявшим собой в одно и то же время экипаж и командира, им показалось не совсем естественным событием, которое они, нимало не задумываясь, приписали вмешательству богов; поэтому они и встретили Боба и его судно со всевозможной лаской и почетом. Сам предводитель племени этих островитян вступил в дружеские отношения с Бобом; они побратались, взаимно обменялись с ним именами и даже от души потерлись друг с другом носами. Прожив около месяца под гостеприимным кровом радушного индейца, Бетс вместе с ним отправился однажды на группу соседних островов, расположенных в двух или трехстах милях далее на север. Там Боб рассчитывал наверно встретить какое-нибудь судно, и оказалось, что на этот раз его расчет был верен; на самом деле, там стояло большое судно под испанским флагом, пришедшее из Южной Америки для ловли жемчуга. Судно это возвращалось теперь обратно и в это время как раз уже готовилось к отплытию. Вследствие какого-то внезапного недоразумения, происшедшего между капитаном брига и темнокожим другом Боба, этот последний вдруг совершенно неожиданно уехал и даже не простился с ним. Теперь у Боба не было другого выбора, как или оставаться на этих островах, или же плыть на том испанском бриге, который отправлялся на другое же утро. Понятно, что Боб избрал последнее.

Сойдя в Панама на берег, Боб перебрался через этот перешеек и прибыл в Филадельфию менее чем пять месяцев спустя после того, как в силу случайности распростился с Рифом.

Судохозяева «Ранкокуса» категорически отказались от какой бы то ни было попытки вернуть вновь свое судно;

они набросились на страховое общество, принудив Боба показать под присягой, что судно их погибло. Почти одновременно с владельцами «Ранкокуса» узнала также от Боба Бэтса о судьбе, постигшей мужа, и Бриджит. Вести эти были встречены ею потоками горьких слез. Анна так же горько плакала о брате. Оказалось, что Боб подоспел как раз вовремя; прошло уже более трех месяцев сверх срока, назначенного для возвращения «Ранкокуса», и доктор Ярдлей всеми силами старался убедить свою дочь, что она овдовела, если только она вообще когда-либо была или могла считаться законной супругой молодого Вульстона.

Дело в том, что за это время вражда между бристольскими врачами разгорелась с новой силой; в их город прибыло довольно значительное число больных из Филадельфии, где в ту пору свирепствовала желтая лихорадка. Теперь более тщательное наблюдение за чистотой и порядком в жилищах чернорабочего люда уже прервало развитие этой ужасной эпидемии в северных городах, но в то время эти лихорадки производили страшные опустошения в Пенсильвании. Коллеги никак и ни в чем не могли согласиться относительно способов лечения этой болезни.

Незадолго до того времени Анна Вульстон вышла замуж за молодого симпатичного врача, недавно поселившегося в Бристол. Этот молодой врач по фамилии Хитон, к несчастью, не был согласен с системой лечения, придуманной его тестем, вследствие чего, понятно, пострадали их родственные отношения. Между тем доктор Ярдлей не мог отчасти не соглашаться с мнением зятя Вульстона, а потому, вопреки своему внутреннему убеждению, придумал некоторые изменения в ранее избранной им системе лишь для того, чтобы иметь причины не соглашаться с молодым врачом. Таким образом, несчастный мистер Хитон приобрел врагов как в том, так и в другом из старых врачей Бристоля только оттого, что решился твердо следовать своим убеждениям.

Миссис Вульстон умерла несколько месяцев тому назад. Доктор Ярдлей, к довершению бед, вдруг вздумал

отрицать законность брака своей дочери и, имея большую силу и влияние в округе, надеялся достигнуть своей цели. А подтолкнуло старика начать этот процесс то обстоятельство, что Бриджит за это время получила еще одно наследство. Умирая, одна из ее родственниц оставила ей по завещанию пять тысяч долларов, и доктор Ярдлей не иначе, как со скрежетом зубным, мог помышлять о том, что и эти деньги перейдут в руки столь ненавистной ему семьи. Нет, тысячу раз нет! Он не успокоится до тех пор, пока этот шутовской брак не будет признан действительным перед лицом закона.

Все симпатии города, как это и всегда бывает, были на стороне хорошенькой молодой женщины, которой все сочувствовали от души. Вопреки всему Бриджит все не переставала надеяться, что ее возлюбленный супруг вернется и что на этот раз она сумеет заставить его отказаться навсегда от его трудной и опасной профессии.

Торжествующий вид доктора Ярдлея наводил страх и ужас на бедную трепещущую Бриджит и ее верную приятельницу Анну. Обе молодые женщины не имели ни малейшего понятия ни о правах, ни о законах и потому постоянно находились в страхе. На беду явился еще претендент на руку бедной Бриджит в лице молодого, но многообещающего студента-медика; он беспрекословно соглашался во всем с мнениями доктора Ярдлея, что чрезвычайно льстило самолюбию старика. В таком-то положении были дела наших друзей, когда в Бристоль вдруг прибыл Боб и сообщил тосковавшей молодой женщине о прискорбном, почти безнадежном положении ее мужа.

Зная лучше, чем кто-либо, о том, что брак Бриджит с его другом Марком Вульстоном был совершен тайно, Боб был достаточно предусмотрителен, чтобы не явиться прямо к молодой женщине, а ухитрился повидаться с ней раньше, чем о его приезде в Бристоль стало кому-либо известно. Внимая рассказам Боба Бэтса, Бриджит горько рыдала, но после первого порыва сожаления и сочувствия Марку разумная женщина осушила слезы и, почерпнув новый запас душевных сил в молитве к Богу, приняла твердое решение сама отправиться на поиски своего му-

жа. Вместе с тем, желая положить раз и навсегда конец всем замыслам отца относительно ее развода и вторичного брака, она решила принять необходимые меры для того, чтобы иметь возможность навсегда остаться при муже на его острове и прожить хотя бы целую жизнь.

Боб изобразил ей в самых радужных красках прелести Рифа: и мягкость климата тех стран, и плодородие почвы и вызвался лично сопровождать прекрасную и верную супругу к ее мужу. Понятно, что первыми узнали о решении Бриджит молодые супруги Хитон; они не только одобрили намерение Бриджит, но и сами высказали желание присоединиться к ней. Джону Хитону не приходилось сожалеть о своих больных: у него не было их совсем, и он с женой рисковал умереть в Бристоле от голода из-за непримиримой к нему враждебности старших его коллег. К тому же молодой Хитон страстно желал повидать те далекие страны, а Анна готова была идти за ним хоть на край света, так же как Бриджит шла теперь за Марком. Итак, отъезд на Риф был окончательно решен; оставалось только подумать о том, как осуществить это решение.

У Хитона был родной брат в Нью-Йорке, и Джон со своей женой довольно часто навещал его. Там же лежали в банке на процентах и те пять тысяч долларов, которые недавно унаследовала Бриджит. Согласие отца сопровождать Анну и ее мужа в этой поездке ей удалось получить без особенного труда. Как раз в это время из Нью-Йорка отправлялось прекрасное судно. Взять тайным образом билеты на проезд было нетрудно; все необходимые запасы и покупки уже были сделаны и тотчас же отправлены на судно. Перед уходом судна были отправлены в Бристоль весьма почтительно и даже трогательно написанные письма. Боб был уже на судне, где к нему присоединился Сократ с Дидоной и Юноной, бежавшие из дома Ярделя по приказанию своей госпожи. Кроме того к нашим переселенцам присоединилась еще некая Марта Уотерс, старинная приятельница Боба. Она, как и Боб, принадлежала к секте «друзей», и раньше он часто встречался с ней на «беседах» или «собраниях» «друзей». Со времени

своего возвращения с Рифа и встречи с Мартой Уотерс Боб сильно изменил свой взгляд на брак, и вскоре «друг» Марта Уотерс стала «костью от костей и плотью от плоти его».

С Мартой была еще ее сестра, молоденькая, милостивая Дженни Уотерс, пожелавшая сопровождать сестру в далекие края.

Все необходимые меры предосторожности были соблюдены, и все устроено так осмотрительно и так разумно, что наши тайные переселенцы в числе девяти человек отплыли, наконец, благополучно, не возбудив ни в ком никаких подозрений. Вскоре они благополучно высадились в Панаме. Здесь, на их счастье, тот же испанский бриг, с которым прибыл сюда Боб, готовился опять к отплытию в те же края, где встретил его наш приятель. Боб и его друзья без затруднений были приняты все на бриг, причем к ним пожелал пристать один молодой корабельный плотник по фамилии Биглоу, бежавший год тому назад со своего судна с тем, чтобы повенчаться с одной молоденькой испанкой, очаровавшей его своей красотой. Эта счастливая молодая пара и их ребенок были охотно приняты в число будущих сограждан далеких островов. Из Панамы до островов Жемчужин плавание продолжалось долго: лишь на шестьдесят первые сутки наши переселенцы высадились, наконец, на издавна знакомых Бобу островах Жемчужин со всем своим громадным багажом. Тут были и коровы, и молодой бычок, и жеребята, и несколько коз, и множество орудий, и инструменты всех родов, каких не было в трюме «Ранкокуса».

На островах Жемчужин Боб отыскал своих прежних друзей, радушно встретивших его теперь, как и тогда, в первый его приезд на эти острова. Он привез им кое-какие пустые для европейца, но очень ценные для дикарей подарки, благодаря которым оказалось нетрудным убедить этих островитян перевезти всю маленькую общину со всем ее имуществом включительно на острова Бэтто, того самого предводителя островитян, с которым Боб когда-то побратался и где оставил свой пинас. Острова

эти находились на расстоянии приблизительно трехсот миль от островов Жемчужин. Но наши путешественники, равно как и их скот и кладь, были доставлены туда благополучно на катамаранах — сооружениях вроде громаднейших плотов, очень распространенных в этих морях.

На островах Бэтто Боб нашел свою «Нешамони» совершенно в том же виде, как он оставил ее, потому что она, в качестве священного предмета, оставалась для всех жителей этих островов неприкосновенной. Благородный вождь их Урууни получил в подарок от Боба ружье и несколько патронов — а лучше этого подарка для него не могло быть ничего; огнестрельное оружие у дикарей считается высшим из благ жизни, оно заменяло счастливому Урууни постоянную боевую армию; благодаря этому ружью, давнишняя распря его с предводителем другого племени островитян благополучно разрешилась в его пользу. Здесь Боб без труда уговорил жителей доставить его со всеми его товарищами, животными и пожитками на остров Ранкокус.

Боб и Хитон сочли более благоразумным и осторожным окончательно распрощаться здесь со своими темнокожими друзьями и отпустить их с миром по домам. Так как нельзя было сказать, насколько можно положиться на дружественное расположение островитян, то они и сочли за лучшее не показывать им дорогу к Рифу.

Остров Ранкокус во многих отношениях мог бы считаться лучше Рифа, по крайней мере, лучше того Рифа, каким его оставил Боб. Так, например, здесь было немало разных плодовых деревьев, а также и прекрасные луга, но на Пике и деревья были лучше, и лесу было больше, и пастбища жирнее, а главное, благословенная долина Пика была доступнее.

Отправиться и далее всем вместе не было никакой возможности уже потому, что «Нешамони» не могла вместить никоим образом их вместе со всеми их пожитками да еще со скотом; помимо того, случилось как раз одно событие, препятствовавшее дальнейшему путешествию некоторых из числа вновь прибывших друзей.

Анна Хитон стала матерью, и муж ее, конечно, не согласился бы везти ее теперь или оставить ее одну в такое время. Присутствие здесь Бриджит было почти так же необходимо для больной в данное время, как и присутствие ее нежно любимого супруга. В силу таких причин было решено, что Боб один отправится отыскивать путь к Рифу.

Читатель, вероятно, не забыл, что наш добрейший Боб не мог со всей точностью определить настоящее местоположение Рифа, но он знал наверное и помнил превосходно, что Риф должен был находиться с наветренной стороны и на расстоянии приблизительно ста миль.

Бродя по вершинам утесов и гор острова Ранкокус, Боб не мог не заметить Пика, вид его одновременно вызвал в нем и радость, и недоумение. Боб не подозревал, конечно, великих перемен и тех переворотов, которые совершились здесь за последнее время, а потому не понимал, как мог он не заметить этого Пика в тот раз, когда впервые был на острове Ранкокус или когда они совместно с Марком так тщательно делали наблюдения и изучали эту часть горизонта; радовало же его то, что, глядя на этот Пик, он приходил все больше к убеждению, что Риф должен находиться на север от него и, вероятно, на расстоянии весьма значительном, иначе не могло случиться того, чтобы они не видели с вершины Рифа этого гиганта.

Отправившись на поиски в сопровождении лишь одного Сократа, Боб стал держать курс прежде всего на Пик, насколько позволял ему ветер, уверенный, что лишь таким путем он никогда не ошибется направлением. Десять часов спустя после того, как «Нешамони» вышла в море, Боб, наконец, увидел Пик с палубы судна, а затем на горизонте показался и кратер нового вулкана. Сюда-то именно и пошел Боб. Проплыв несколько десятков миль в течение ночи, Боб и Сократ с рассветом увидели себя уже вблизи Пика. Наш моряк прямо пошел к этому острову и обошел его кругом со всех сторон, но, не найдя нигде такого места, где можно было бы пристать, Боб собирався было уже продолжать свой путь, как вдруг неожиданно услышал выстрел Марка.

Молодая птица не учится летать, олененок бегать, а ручеек течь; каждый чувствует свой инстинкт; сердце бьется само собой, и так, без примера и уроков, начинает любить.

Ч е р ч а р д

Мы не станем подробно описывать то впечатление, какое произвел на Марка рассказ Боба. Теперь он уже не был одинок, и ему даже не верилось, что это действительно могло быть так; немало времени потребовалось ему на то, чтобы свыкнуться с этой отрадной мыслью и поверить счастливой перемене, происшедшей в его жизни. После первых минут блаженного недоумения и последовавшего за ним горячего порыва благодарности Творцу Марк и Боб решили, по зрелом обсуждении вопроса, что всех наших переселенцев необходимо перевезти скорее с острова Ранкокус. Раз туземцы знали туда путь, их посещения не перестанут быть частыми, а кто может поручиться, что отношения их к новым поселенцам всегда останутся такими дружественными?! Конечно, с острова Ранкокус был виден Пик, а с Пика можно было увидеть Риф, но все же следовало на всякий случай, по мере возможности, оградить себя от нападений со стороны дикарей.

Как известно, туземцы этих островов Тихого океана предпринимают весьма далекие плавания на своих узких длинных лодках и плотках. Но вид еще курящегося вулкана мог внушить им некоторый благоговейный страх; они, конечно, не преминут приписать это еще невиданное ими явление природы могущественной воле кого-нибудь из своих богов или же демонов, которые никому не позволят вторгаться безнаказанно в свои владения.

Пока Марк и Боб обсуждали эти вопросы, Сократ настрелял штук двенадцать винноягодников, встречавшихся здесь в таком множестве, но совершенно отсутствующих на острове Ранкокус. Зная, что эти птицы пред-

ставляют собой очень вкусное блюдо, наши приятели решили угостить этим жарким и своих дам.

С закатом солнца «Нешамони» вышла из маленького залива; Марк дал ему прозвище Миниатюрная бухта, а овраг, ведущий в гору, назвал Лестницею, потому что он, действительно, служил как бы лестницей для того, кто хотел добраться до зеленой равнины Пика. Переезд от Пика к острову Ранкокус мог совершаться без труда во всякое время, потому что в этих морях для такого рода плаваний совершенно достаточно заметить лишь направление ветра, который здесь дует в одном и том же направлении, за исключением каких-нибудь случайных шквалов.

Марк был совершенно счастлив, видя, как прекрасно «Нешамони» служит в открытом море; особенно гордился этим Боб, уверявший, что он готов отправиться на нем до берегов какого-нибудь материка. «Бриджит», не представлявшая таких претензий, осталась на якоре в Миниатюрной бухте, и наши друзья отправились все на «Нешамони». По неизменному морскому обычаю, хотя больше ради формы, были установлены вахты, так что каждому из наших моряков предоставлялось известное число часов для отдыха, но на этот раз никто из трех приятелей не захотел воспользоваться своим правом.

Солнце едва стало показываться на горизонте, как они уже очутились в виду острова Ранкокус. Не трудно себе представить, с каким нетерпением Марк ожидал конца пути. Для того, чтобы время шло незаметнее, а отчасти и для того, чтобы предстать перед молодой женой в более привлекательном виде, Марк занялся немного своим туалетом, хотя он никогда не пренебрегал им и даже, несмотря на свое полное одиночество, ежедневно принимал ванну и брился по утрам.

Приблизившись к берегу, Боб поднял на мачте небольшой флаг, — то был условный знак, по которому ожидавшие возвращения Боба должны были узнать о том, что его поиски увенчались успехом.

В числе всевозможных предметов, какими предусмотрительный Хитон запасался перед своим отъездом из

Америки, оказались и три палатки, приобретенные им на распродаже казенного военного имущества. Эти палатки и служили теперь жилищем для переселенцев. Они были раскинуты у подножия горы на прибрежной равнине; Боб показал их Марку.

Тут же, вблизи палаток, паслись козы, коровы, жеребята; на маленьком плоту, служившем пристанью, стояла молодая женщина, она протягивала руки, как будто призывая к себе кого-то; вдруг ноги ее подкосились, и она упала навзничь, будучи не в силах справиться с охватившим ее радостным чувством. Боб так искусно сумел повернуть судно, что оно прошло вблизи самого берега, еще не доходя до пристани, так что Марк мог свободно соскочить на землю, что он и не замедлил сделать. Боб был настолько деликатен, что отошел опять от берега и пристал в другом месте, не желая нарушить своим присутствием трогательную минуту свидания молодых супругов. Полчаса спустя Марк и Бриджит присоединились к остальным. Марк обнялся и расцеловался с сестрой и ее мужем, которого он еще не знал. Весь этот день был рядом трогательных сцен и перекрестного огня вопросов и ответов. Марку пришлось пересказать все, что с ним было за все это время. Слушая его рассказы, молодые женщины испытывали безотчетный страх при описании землетрясения и не успевшего заглухнуть нового вулкана. Но Марк успокоил их, сказав им, что именно этот вулкан будет ограждать их от многих опасностей, и вместе с тем уверил их, что подземные силы перестают быть опасными с той минуты, как только найдут выход наружу.

Переселенцы наши прожили целую неделю на острове Ранкокус, всецело предаваясь своему счастью. Однако осторожность не позволяла слишком полагаться на ту сомнительную безопасность, которою они временно пользовались здесь. В группе островов Бэтто, как и всюду, были враждующие между собой партии, и доброму Уруни стоило на этот раз немало труда принудить все эти враждующие между собой группы подвластных ему дикарей отпустить Боба и его друзей целыми и невредимыми.

Вот почему нашим переселенцам следовало немедленно покинуть этот остров и скрыть следы своего пребывания. С перевозкой коров, коз и жеребят им предстояло много затруднений: на пинасе не было помещений для четвероногих пассажиров, но все же для одного животного нашлось бы место, причем возможно было поместить еще и шесть или семь человек.

Понятно, что прежде всего надо было увезти в надежное место всех женщин и наиболее ценные предметы; этот первый транспорт отправился под предводительством самого Марка, Хитона и Сократа, тогда как Боб и Биглоу остались для присмотра за скотом и остальным имуществом.

По их расчетам выходило, что пинас может вернуться обратно не раньше, чем через восемь дней. Но на этот раз плавание оказалось более затруднительным, так как пришлось идти против ветра. «Нешамони» вышла в море с закатом солнца, а на следующее утро находилась уже в виду вулкана. Вулкан был в этот день сравнительно спокоен; правда, по временам здесь слышался еще глухой подземный гул, и порою из его жерла вылетали громадные осколки камней; но это были уже последние прощальные ракеты гигантского фейерверка.

Ночь была очень темная, но около полуночи Марк заметил, что море стало спокойнее, из чего он заключил, что «Нешамони» находится под ветром у острова и, вероятно, уже недалеко от него. Слишком уверенный в своей памяти, Марк не дал себе труда отметить или рассчитать по компасу место входа в Миниатюрную бухту, о которой он рассказывал своим спутникам, как о прекрасном и надежном убежище для их судов, совершенно скрытом от всяких посторонних глаз. На самом деле оказалось, что она так хорошо скрыта, что и сам Марк не скоро сумел отыскать ее, что дало, конечно, повод к некоторому подтруниванию на его счет. Но вот «Нешамони» благополучно вошла в бухту, где на своем месте стояла красивая тетка Бриджит. Молодая женщина не могла удержаться от улыбки при виде этого хорошенько-

го судна, носившего ее имя и столько времени заменявшего ее в глазах ее супруга.

Бриджит сгорала нетерпением скорее увидеть ту дивную равнину, о которой муж рассказал ей столько чудес, и, едва наши путники причалили к берегу, как она, ловкая и проворная, как газель, опередила всех и очутилась в горной долине на целые четверть часа раньше остальных.

В одну минуту путники развели огонь и подвесили над ним котелки. Многочисленные винноградники были так доверчивы, что было положительно жаль злоупотреблять их доверчивостью. Двумя выстрелами Хитон уложил на месте достаточное количество этих птиц для того, чтобы их хватило на всех. Марк захватил с собой с Рифа целую корзину свежих яиц, которые теперь пришлось очень кстати. Свежие яйца, жареная птица, сладкие смоквы, а также молоко и мякоть только что сорванных кокосовых орехов были главными блюдами этого вкусного, хотя и незатейливого завтрака, которому прекрасный горный воздух и моцион, а главным образом всеобщее довольство и добродушие придали еще более прелести и вкуса.

Потребовалось почти двое суток на то, чтобы перенести груз «Нешамони» на эту горную долину, прозванную Бриджит Эдемом. Две из палаток были также привезены сюда; они имели дощатый пол и были весьма больших размеров, но, в сущности, в этом благословенном климате едва ли чувствовалась большая надобность в крыше над головой, так как непроницаемые шатры зеленой листвы деревьев с успехом заменяли ее в случае надобности. Рядом с двумя раскинутыми палатками устроили и для скота род навеса, крытого соломой, так что на третьи сутки наши переселенцы уже устроились отлично. Тогда Марк стал подумывать о второй поездке на остров Ранкокус, где его ожидали товарищи.

Плавание это от одного острова к другому становилось с каждым разом менее затруднительно для Марка, который с каждым разом лучше запоминал направление морских течений, учитывая характер волн и силу ветра.

На этот раз он выехал с рассветом и около полудня был уже на острове Ранкокус. Здесь, не теряя даром времени, путники сразу же приступили к загрузке пинаса. Одну корову и ее теленка также нашли возможность принять на борт «Нешамони», и в тот же день под вечер судно опять отплыло на Пик.

И это плавание завершилось вполне благополучно. Правда, немало возни наделала корова, прежде чем решилась подняться в гору; она упрямо упиралась, пыталась, не шла, несмотря даже на удары палкой, — тянуть ее насильно за собой было бы слишком трудно, а потому решили некоторое время нести ее теленка на руках; теленок кричал, и это заставило упорную корову следовать за ним.

Следующая поездка на остров Ранкокус состоялась уже без участия Марка. Анна поправлялась с каждым днем, и к тому времени была почти совсем здорова, а Хитон оставил там на острове несколько ящиков с довольно ценными предметами и был не прочь сам лично присмотреть за их погрузкой и разгрузкой; и вот он предложил отправиться на этот раз вдвоем с Сократом на остров Ранкокус, чтобы не разлучать только что увидевшихся молодых супругов, и без того проживших так долго в тяжелой, мучительной разлуке.

Четыре дня спустя «Нешамони» вернулась уже обратно; в числе ее пассажиров оказалась еще корова и ее теленок и несколько штук коз. Убедившись, что Хитон прекрасно управляет пинасом и что его участие в поездках на Ранкокус не есть необходимость, Марк, наконец, решил исполнить заветное желание своей жены и вместе с нею отправиться на Риф. Ему и самому надо было взглянуть, что делается там, в прежних его владениях, а Бриджит уже давно сгорала нетерпением увидеть поскорее те места, где ее муж провел так много горьких дней в полнейшем одиночестве.

Раннее утро было избрано Марком моментом отправления «Бриджит» с Пика; едва только это красивое и легкое судно успело выйти из-под прикрытия утесов Пика и почуяло под собой широкую волну открытого

вольного океана, как на дальнем горизонте торжественно поднялось солнце, как будто выплывая из лона зыбких волн, которые оно окрасило в роскошный, яркий пурпур, усеянный сотнями искрившихся золотых блесков.

Очарованная этим величественным зрелищем, Бриджит не могла отвести от него глаз и, обращаясь к мужу, сказала:

— Мой милый Марк, я верю, что твой Риф прелестен. Но посмотри на наш Эдем, взгляни кругом и скажи по совести, может ли у нас хватить духу покинуть Пик и поселиться совсем не здесь, а там, на Рифе, или в каком-либо другом месте?

— Можно совместить и то, и другое, мой друг. Конечно, Пик имеет немало преимуществ, но если мы серьезно задумаем основать здесь прочную колонию, то нам понадобится также и Риф, а, быть может, даже и остров Ранкокус, который может служить пастбищем для нашего скота, тогда как Риф будет доставлять нам рыбу и овощи.

После нескольких часов плавания они увидели сперва скалы и кратер, а затем уже мачты «Ранкокуса». Лишь около полудня Марк пристал к обычной своей пристани и, высадив на берег Бриджит, горячим поцелуем утвердил ее хозяйкой этих мест. Марк с первого взгляда убедился, что здесь все осталось в том же порядке, как было. Прежде всего они отправились на «Ранкокус»; посещение этого судна сильно взволновало молодую женщину: эта безлюдная палуба и голые мачты, это мертвенное запустение судна произвели на нее удручающее впечатление; та самая каюта, в которой происходило еще не так давно ее венчание, как-то сразу навела на нее самые сладостные и тревожные воспоминания, которые на одну минуту охватили ее. Однако Бриджит скоро овладела собой, и между тем как Марк отправился взглянуть на свои огороды, она занялась приведением в порядок всего, что находилось в его каюте; каюта эта тотчас же приняла тот опрятный и уютный вид, какой умеют зачастую придать любому помещению некоторые женщины, даже

просто одним присутствием своим. Убрав кактус, Бриджит занялась приготовлением обеда; она была весьма сведуща в кулинарном искусстве, а потому понятно, что обед, который ожидал сегодня Марка, оказался необычайно вкусным и приятным.

Когда солнце утратило уже отчасти свою жгучесть и начало клониться к закату, наши молодые супруги отправились вместе осмотреть кратер и его вершину. Марк привел жену в свой сад или, вернее, огород, где Бриджит на каждом шагу выражала восторг и удивление. Тут были и редиска, величиною с ее кулачок, и латук, начавший завиваться уже вилками, да и вся остальная зелень и овощи уже совсем спели и были вполне пригодны для кухни. На вершине Марк снял две превосходные дыни, которые оказались замечательно вкусными. Вершина чрезвычайно понравилась Бриджит; она решила, что это место станет излюбленным местом ее прогулок. Отсюда Марк указал ей на своих кур, число которых успело значительно возрасти со дня его отсутствия, так как прибавились еще два выводка, весьма притом удачных. Все это маленькое пернатое население находило себе прекрасное пропитание на зеленеющих травой скатах кратера, вследствие чего и не пыталось отправляться в сад и огород.

Прежде чем вернуться на судно, Марк захотел взглянуть в маленький лежавший тут же на берегу бочонок с пробитым дном, в который он сунул когда-то немного мягкой соломы и где оказалось немалое число яиц. Их он тотчас же вручил своей хозяйке, заранее уверенный, что она употребит их на завтрак следующего дня.

Когда они, счастливые и радостные, вернулись вместе в кактус, то оба опустились рядом на колени, и никогда еще две человеческие души не сливались в одной общей, более горячей и душевной молитве умиления и благодарности Творцу, как в этот раз.

*Боже мой, дай мне здоровье, дай
необходимое, без избытка, и вдали от
городского шума, на берегу ручья кло-
чок земли; затем душу верную и
скромную, подругу добрую и мудрую;
тогда дух мой удовлетворится, и я не
пожелаю ничего более.*

А н о н и м

Марк и Бриджит прожили на Рифе с неделю в полном одиночестве; и эта неделя показалась им одним днем; они были до того счастливы, что почти со страхом подумывали о возвращении на Пик. Здесь они вместе посетили все уголки и уголочки острова; не забыли также побывать и на месте катастрофы. Когда же, наконец, наступило время вернуться, то Бриджит стала ласково протестовать, заверяя мужа, что она желала бы прожить здесь целый месяц; но «губернатор», как в шутку прозвал Марка Хитон, а потом не раз, шутя, приветствовала его Бриджит, объявил, что, несмотря на всю его любовь и привязанность к Рифу и всю прелесть перспективы прожить здесь жизнь вдвоем с женой, он не считает себя вправе покинуть своих друзей.

Обратное путешествие свое они совершили, как и прежде, благополучно, причем возвращение «Бриджит» случайно совпало с возвращением «Нешамони», и оба судна почти одновременно вошли в Миниатюрную бухту пристани. Пинас вернулся с острова Ранкокус с последним грузом; теперь уж на том острове не оталось больше ничего, кроме двух коз, которым предоставили остаться жить в горах. На этот раз приехал и Биглоу, так что теперь вся маленькая колония была уже в полном сборе.

Однако Боб сообщил Марку такую новость, которая не на шутку встревожила его и заставила призадуматься. В тот момент, когда пинас с последним грузом выжидал удобного момента к отплытию, Боб вдруг заметил, что небольшая флотилия, состоящая, впрочем, из значитель-

ного числа лодок и катамаранов¹, плывет к Ранкокусу. Очевидно, флотилия эта шла с островов Бэтто. С помощью подзорной трубы Бобу удалось разглядеть, что впереди других, в качестве предводителя, плыл на своей лодке один знакомый ему индеец Ваальли. Этот Ваальли считался самым заклятым соперником Урууни, следовательно, если ему удалось появиться в этих местах и во главе такой значительной флотилии, то, очевидно, он каким-то способом одержал верх над добродушным, благородным Урууни и замышлял теперь что-то недоброе.

Он затевал начать войну, и Бобу показалось, что в числе дикарей находились и двое белых, наполовину выраженных на манер индейцев. Присутствие этих людей не могло иметь ничего утешительного для Боба и его товарища. Боб понял тотчас, что ему следует быть настороже. Итак, вместо того, чтобы выйти на ветер острова, что ему и следовало бы сделать в обычном случае, он избрал на этот раз почти обратное тому направление, стараясь лишь держаться как можно дальше берега, чтобы не попасть в затишье под прикрытием скал, потому что он знал, что в таком случае легкие лодочки туземцев с их длинными пагаиями (пагаия — род длинных весел) непременно нагнали бы его.

Выйдя в море с закатом солнца, Боб не успел еще далеко уйти, когда уже совсем стемнело, настала черная, безлунная тропическая ночь. Теперь он с полной безопасностью мог идти, в каком угодно направлении, не опасаясь что за ним будут следить. Пользуясь мраком ночи, Боб вернулся обратно к острову Ранкокус, и около одиннадцати часов ночи «Нешамони», обогнув северную часть острова, прошла вдоль берега и пристала к своей обычной пристани.

Туземцы не развели костров и не зажгли огней, а потому и не было никакой возможности определить, в каком именно месте они раскинули свой лагерь. Однако Боб решил во что бы то ни стало добыть те сведения,

---

¹ Так называются у местных островитян плоты.

которые были необходимы. Сойдя на берег, он ползком стал пробираться к тому месту, где, по его соображениям, должны были находиться в настоящую минуту туземцы.

Боб не подозревал, что и за ним могут следить, и в тот момент, когда он полз между кустами с тем, чтобы еще больше приблизиться к лагерю спящих дикарей, вдруг почувствовал на своем плече чью-то сильную руку. Боб уже приготовился отправить дерзкого смельчака, посмевшего наложить на него руку, к праотцам, когда услышал следующие слова:

— Куда идешь, товарищ?

Слова эти были произнесены чуть слышным шепотом, что весьма обнадежило нашего Боба. Очевидно, это были те самые двое людей, которых видел Боб; они, наверное, притаились в кустах, чтобы проследить пинас. Заверив Боба, что в данную минуту нет надобности опасаться чего-либо, так как все спят, а отсюда до места их ночлега далеко, они пошли проводить Боба на «Нешамони».

Здесь разыгралась весьма трогательная сцена свидания; оказалось, что эти два матроса служили раньше на том же китобойном судне, на котором служит Биглоу; кроме того, они еще были и земляками Биглоу, из одной с ним деревни. Оба они в разное время ушли со своего судна и затем Питерс и Джонс встретились вновь случайно и вот уже более двух лет скитались вместе по разным островам, не зная, что делать, когда Ваальли предложил им принять участие в той экспедиции, которую он задумал совершить.

Все, что им удалось понять из их переговоров, было лишь то, что предполагалось ограбление, а в случае надобности, и избиение небольшой горстки белых. Они немедленно же согласились на предложение вождя в надежде сослужить каким-нибудь путем добрую службу своим единоверцам и спасти их от грозящей им беды.

Пока Питерс рассказывал это, в лагере индейцев вдруг раздался крик. Медлить здесь дальше было бы безумием. Джонс вскочил на «Нешамони»; Питерс с минуту колебался, не решаясь последовать за ним (впоследствии выяснилось, что он был женат на индианке, к

которой сильно привязался). Но в тот момент, когда «Нешамони» готова была уже тронуться, чтобы выйти в море, Питерс, одумавшись, последовал за Джонсом. Тогда только, когда пинас успел уйти более полумили от острова, он с душевным прискорбием высказал вслух свое раскаяние по случаю того, что он называл своим дурным поступком. Товарищи пытались его утешить тем, что, вероятно, ему представится случай послать весточку его возлюбленной Петрине, как называл Питерс свою молодую дикарку, что рано или поздно она непременно найдет случай свидеться с ним. С таким прекрасным подкреплением, как эти два матроса, Боб, не задумываясь, вышел в море, предоставив Ваальи делать все, что ему угодно. Конечно, если эти дикари взберутся на вершину главной горы, то неизбежно должны будут увидеть дым, выходивший из вулкана, а также и Пик; но Риф должен был остаться недосыгаем для их взоров. Возможно было ожидать, что они решатся совершить переезд от одного острова к другому, но при настоящих условиях такое предприятие было весьма рискованное, так как им пришлось бы все время идти прямо против ветра.

Переселенцы наши очень радужно встретили и приняли вновь прибывших матросов, и Бриджит не могла удержать улыбки при намеке Марка относительно того, что Джонс, отличавшийся весьма привлекательной наружностью, со временем мог бы стать прекрасным мужем для Дженни. Однако в данную минуту им приходилось думать не о свадьбах, а о возможном нападении туземцев.

На совещании, состоявшемся по этому поводу под председательством Марка, считавшегося главой этой маленькой колонии, было принято следующее решение: на судне «Ранкокус» имелось восемь коронад с лафетами весьма несложной системы, пороховая камера судна была отлично снабжена всем необходимым даже и для серьезной обороны. Решено было на следующее же утро отправиться на Риф с тем, чтобы доставить сюда две коронады и надлежащее количество снарядов.

Так как овраг, прозванный Марком Лестницей, являлся единственным путем к вершине горы, а также и к

Эдему, то стоило укрепить лишь этот пункт, чтобы воспрепятствовать вторжению туземцев на Пик. Две коронаты, установленные на утесах, господствовавших над самым входом в ров, не только преградили бы дорогу к Эдему, но не допустили бы неприятеля в бухту, поражая каждое судно, которое дерзнуло бы появиться в проходе.

Оставалось еще подумать о Рифе, который был со всех сторон открыт для набегов туземцев. Оставив нескольких человек на «Ранкокусе» и предоставив в их распоряжение две-три хороших коронаты, Марк рассчитывал удержать на должном расстоянии более пятисот туземцев.

На этом же совещании Марк был единодушно провозглашен главою колонии и облечен почетным званием губернатора.

В качестве такового он стал распоряжаться: прежде всего следовало ему, конечно, позаботиться о защите Пика; в огнестрельном оружии не было недостатка. Хитон привез с собой изрядный запас ружей и зарядов, но все это следовало собрать в надежном месте, и притом так, чтобы оно всегда было под рукой. Питерс и Джонс получили приказ устроить для этой цели род погреба из пещеры, находившейся у входа в овраг. Затем Марк приказал сложить на самой возвышенной точке Пика громадные вязанки хвороста и бурелома, которые следовало немедленно зажечь, если туземцы дерзнут приблизиться к Пику в его отсутствие ночью. Он не сомневался в том, что огни эти будут видны с Рифа, куда он намеревался отправиться. Отдав все необходимые приказания, Марк отплыл в сопровождении Боба, Биглоу и Сократа, прихватив с собой еще двух женщин, Дидону и Юнону, которые должны были принять на себя заботы по кухне, а также заняться стиркой. Остальные женщины, под охраной Хитона и двух вновь завербованных матросов, остались на Пике.

Боб Бэтс не мог надивиться переменам, происшедшим в его отсутствии на Рифе; теперь он шел пешком там, где прежде проезжал лишь на плоту. Поверхность кратера сплошь зеленела изумрудной травой; посетив долину кратера, Боб был не менее удивлен: не говоря уже о саде,

где все произрастало, цвело на славу, там раскинулся громадный луг, который только ждал покоса. Заметив это еще в свой предыдущий приезд на Риф, Марк не преминул на этот раз позаботиться о том, чтобы Сократ захватил с собой свою косу.

На следующее утро все усердно принялись за работу. Обе прачки устроились со своими корытами, и вскоре руки их уже очутились по локоть в мыльной воде; тем временем коса на лугу делала свое дело — Сократ не был ленив в работе. Остальные мужчины занялись переноской коронад с «Ранкокуса» на «Нешамони». Весь этот день грузили они пинас и занимались некоторыми другими хозяйственными делами. Между прочим, Марк пристрелил одного боровка для кухни, а Боб отправился на свое издавна излюбленное место половить рыбу; меньше чем через час наш Боб вернулся с целой сотней разного рода рыб. Около десяти часов вечера «Нешамони» вновь вышла в море. Марк держал руль до тех пор, пока они не миновали все проливы и каналы, и, только выйдя в открытое море, он вручил его Бобу. Биглоу остался на «Ранкокусе» с тем, чтобы основательно ознакомиться с имеющимися в его трюме и между деками строительными материалами. Семья Сократа также осталась на Рифе, так как не успела справиться с работой.

Но несмотря на то, что Марк чувствовал сильную усталость, он все же не решился идти отдохнуть даже и после того как поручил управление судном Бобу. С напряженным вниманием вглядывался он в южную часть горизонта в ту точку, где должен был находиться Пик; он хотел убедиться, что огней не зажигали, и, следовательно, в течение дня вражеская флотилия не показывалась у берегов этого острова. Удостоверившись, что на Пике все обстояло благополучно, Марк, наконец, заснул крепким, спокойным сном. Поутру он был разбужен Бобом, который известил его, что они подошли уже к самому Пику и в данную минуту находятся в черте его прибрежных скал, но что найти вход в потайную бухту Боб положительно не в состоянии.

Марк помог горю, и вход в бухту был найден. Когда

они были на Рифе, Марк, между прочим, пожелал на всякий случай вооружить и «Нешамони» и с этой целью установил на ней два фальконета, взятые им с «Ранкокуса». Входя в Миниатюрную бухту, он дал из них 10 выстрелу с тем, чтобы известить товарищей на Пике о своем прибытии. По этому сигналу мужское население маленькой колонии мигом сбежалось к тому месту, где приставали суда; общими усилиями все приступили к подъему коронад на гору по оврагу до мест, заранее намеченных для установки этих орудий. Когда эта тяжелая работа была окончена и коронады поставлены были на свои места, Марк вздумал испытать эти орудия, для чего и зарядил их крупной картечью. Он лично навел ту коронаду, которая находилась надо рвом, на вход в Миниатюрную бухту; прицел был верен: все снаряды ударяли в проход, падая в воду и обдавая скалы мнимой арки целым фонтаном брызг и пены.

Другая коронада была наведена под таким углом, чтобы снаряды ложились вдоль оврага, служившего лестницей для Пика. Найденные впоследствии следы картечи ясно доказали, что и на этот раз цель их была вполне достигнута. Вблизи каждого орудия устроили по небольшому магазину, или снарядному погребу с тем, чтобы запас снарядов всегда был под рукой. Закончив с этим, наши переселенцы решили, что на этот раз им можно ограничиться этими средствами для обороны Пика. Затем все занялись доставкой в Эдем привезенного с Рифа провианта.

Марк, обладавший несомненно счастливой способностью всегда найти удобнейший исход во всяком трудном положении, заметил нависшую над самым местом пристани, на высоте более трехсот футов, огромную скалу, вершина которой представляла собой плоскость весьма значительных размеров. Здесь он решил устроить для подъема тяжестей и грузов так называемую козу, или лебедку, с помощью которой все грузы без труда могли бы доставляться наверх. Это плато, вместе с тем, в случае надобности, могло служить прекраснейшим местом для засады стрелков; кроме того, Марк вздумал поставить

здесь еще одно орудие, так как эта позиция главенствовала над морем. Между тем прошло уже четверо суток, а флотилия туземцев все еще не появлялась вблизи острова. Пора было между тем вернуться и на Риф. На этот раз вместе с мужем и Бобом отправилась туда и Бриджит.

По прибытии Марк, к немалой своей радости и удивлению, увидел, что Биглоу уже соорудил в его отсутствие остов судна, которое обещало быть значительно больших размеров, чем пинас. Кроме того, роясь в трюме судна, Биглоу нашел совсем готовые материалы для другой шлюпки, немного больше «Бриджит».

В течение всего последующего месяца на верфи постоянно работало несколько человек до тех пор, пока оба эти судна не были окончены настолько, чтобы в случае нужды их можно было употребить в дело. Более значительное по своим размерам судно было названо в честь матери Хитона — «Мария», — тогда как маленькая шлюпка, выкрашенная вся сплошь черной краской, к неимоверной радости целой семьи Сократа, была названа «Дидоной». Покуда продолжались все эти работы на верфи, «Нешамони» исправно делала свое дело: за это время она уже раз шесть побывала на Рифе, привозя оттуда каждый раз, кроме всяких припасов и провизии, даже живого борова и свиней; взамен этого она привозила на Риф битую дичь, кокосы и бананы да еще какой-то своеобразный плод, случайно найденный Хитоном и отличавшийся необычно приятным вкусом, очень напоминавшим землянику с густыми сливками. Впоследствии Марк узнал, что это была шаррамойя, плод, не имеющий ничего себе подобного по вкусу и аромату, когда он сорван вовремя. Бриджит, чтобы не оставаться в долгу, набрала на вершине кратера корзиночку свежей, крупной земляники и послала ее своей любезной Анне. Тем временем Сократ управился со своим сенокосом, о чем свидетельствовали огромные стога сена, возвышавшиеся посреди луга.

На Пике Питерс тоже мог похвастать не меньшей деятельностью на пользу своей колонии; он задался мыслью дать Эдему свой огород и принялся усердно разраба-

тивать участок земли в две или три десятины, который он обнес живую изгородью из кустарников.

Губернатор с супругой, как понемногу привыкали звать Марка и его жену, готовились сесть на «Нешамони», когда отданное было приказание готовиться к отплытию вдруг было отменено по той причине, что состояние атмосферы предвещало несомненную близость урагана. Действительно, немного позже вдруг разыгралась сильная буря, не имевшая, однако, на этот раз никаких серьезных последствий, кроме того только, что познакомила немного новых переселенцев с особенностями здешнего климата.

Перед отъездом с Рифа Марк вздумал посетить ту луговину, которая служила пастбищем для его стада. Луговина эта могла бы давать богатые урожаи, так как имела не менее полутора тысяч десятин прекраснейшей земли. Оградив этот полуостров от вторжения скота изгородью, Сократ занялся посадкой здесь молодых древесных побегов в наиболее подходящих для подобной цели местах, имея в виду, что отсутствие леса было главным недостатком Рифа.

Вернувшись на Пик, Марк нашел, что работа по огородничеству продвигалась с чрезвычайной быстротой и успехом. Во многих отношениях Пик переставал уже нуждаться в помощи Рифа, у него были теперь и свои дынные бахчи, и почти все имевшиеся на Рифе овощи. Решено было даже так, что Пик уступит Рифу одну из двух коров с тем, чтобы и тут, и там не чувствовалось недостатка в молоке. Между тем, Биглоу задался великой мыслью, которую отчасти он уже начал приводить в исполнение. В том лесу, который окаймлял Эдем, было немало прекраснейшего строевого дерева, и Биглоу задумал построить из него шунер¹ вместимостью в восемьдесят тонн. Имея в своем распоряжении такое судно, переселенцы получили бы возможность доступа к любой точке всего Тихого океана, и, вместе с тем, будучи вооружено

---

¹ Шунер — двухмачтовое судно.

двумя или тремя коронадами, это судно могло дать им преобладание в этих водах, по крайней мере, по отношению к туземцам. Судно это Марк решил назвать в память бывшего своего судовладельца «Друг Авраам Уайт».

На сооружение остова шунера «Авраам» потребовалось около шести недель, и так как успеху этого предприятия не только Марк и Биглоу, но и вся колония придавала огромное значение, все принялись за дело с большим усердием и старанием. Хитон отличался необычайно деятельной фантазией: мысль его постоянно работала, изобретая все новые полезные проекты или планы. В том месте, где ручей, сбегая с равнины вниз, каскадами спускался в овраг, по дну которого бежал до того места, где впадал в залив, местность как нельзя более подходила для устройства здесь лесопильного завода. Имея под рукой такие благоприятные условия, Хитон никогда не простил бы себе того, если бы не воспользовался ими. Приобщив к своему делу трудолюбивого и предприимчивого Питерса, он вместе с ним приступил к постройке лесопильни; ровно три месяца спустя после этого доброго начинания труды их увенчались полным успехом, и лесопильня была уже в полном ходу и работала на славу.

Приходилось уже подумывать и об устройстве настоящего жилья на дождливое время года, которое теперь было не за горами. Располагая такой прекрасной лесопильней, не трудно было наготовить необходимое количество досок для постройки такого дома, какой задумал здесь построить Хитон. Он хотел, чтобы его постройка была не только удобна, но и красива, привлекательна на вид. Дощатые стены выстрогать недолго, и первый дом на Пике вырастал как бы по мановению волшебного жезла. Особое внимание было обращено на полы; сверх того, наши переселенцы позволили себе немалую для здешних мест роскошь — устроили несколько окон; в них были вставлены стекла, привезенные Хитоном на всякий случай с собой из Америки. Единственным затруднением при постройке явились печи и дымовые трубы: ни кирпичей, ни глины, ни извести у наших строителей не было под рукой.

Кирпичи Хитон мог бы еще ухитриться сделать, но извести взять было решительно негде. Сократ советовал ему обжигать устричные раковины, чтобы добыть хотя бы немного извести. И вот теперь явилась забота добыть необходимое количество этих раковин. Отправляясь на рыболовство поочередно во все каналы и проливы по соседству с Рифом, Сократ совершенно неожиданно наткнулся на устричную мель весьма значительных размеров, после чего с помощью лодок доставлено было на Пик громадное количество этих раковин, из которых и получилась необходимая строителям известь.

Все члены колонии работали усердно; всюду и во всем видно было обилие и достаток. Все были счастливы и довольны своей участью, за исключением одного лишь Питерса. Бедняга все не мог забыть своей хорошенькой, покинутой им дикарки, своей Петрины.

Г л а в а X V I

Около каждой пушки бодрствует стража, огни горят на башне; лодки рыбаков, бороздя воды, охраняют заботливо берег; шпаги в крови, воины в поту угнали далеко в долину своих лошадей.

М а к о л е й. «Испанская армада»

Дом был достроен и окончен еще до наступления дождей, но на верфи работы подвигались не так быстро. Пора дождей пришла, затем опять прошла, настало снова лето, а шунер все еще не был спущен на воду.

За этот год население колонии успело уже значительно увеличиться: «Друг» Марта одарила «друга» Боба маленьким Робертом Бэтс, и почти одновременно с ней Бриджит сделала матерью прелестной девочки. Как то давно уже предвидел Марк, молодой Джонс недолго трагил время на пустые ухаживания за миловидной Джонни Уотерс, и Марку, в качестве единственного официального лица, пришлось благословить этот союз молодой пары,

совершив над ними торжественный обряд бракосочетания в присутствии всей маленькой колонии.

Тем временем наш бедный Питерс, видя вокруг себя счастливые любящие пары, все более и более страдал от одиночества и не мог примириться с отсутствием своей возлюбленной Петрины, или Пэгги, как он любил ее называть. И вот он настоятельно стал просить Марка, чтобы тот доверил ему на время какую-нибудь из шлюпок с тем, чтобы он мог отправиться на ней на острова Ваальи за своей верной подругой и привезти ее сюда на Пик.

Марк сам слишком долго страдал от одиночества, чтобы не понимать и не сочувствовать горю своего ближнего, но он не хотел отпустить его совершенно одного и решился поехать с ним сам, так как желал взглянуть на остров Ранкокус, где он уже очень давно не был и куда, кстати, хотел свезти несколько свиней для того, чтобы они развелись там в диком состоянии.

Так как Бриджит провела все время родов в каюте старого судна, которое, как известно, было ее излюбленным местом, то Марк перевез ее оттуда вместе с ребенком на Пик для того, чтобы во время его отсутствия она не осталась одна, а жила вместе с Анною на равнине Эдема.

В назначенный день «Нешамони» вышла в море и, согласно заранее условленному маршруту, направилась к новому вулкану. Несмотря на то, что для этого посещения приходилось сделать около пятнадцати миль лишних, все же нашим переселенцам не мешало поближе познакомиться с таким грозным соседом.

Так как вулкан этот еще не потух, то приближаться к нему следовало с некоторой осторожностью. Пристав в том месте берега, где скалы образовали вогнутую линию, и сойдя на берег, Марк приблизился к кратеру вулкана настолько, насколько это позволял все еще продолжавшийся каменный дождь. Почва и здесь обещала стать со временем чрезвычайно плодородной, а покуда кратер этот был не менее полезен нашим переселенцам уже тем, что давал выход постоянно скоплявшимся подземным газам.

Наши путешественники уже около часа бродили вок-

руг вулкана и вдруг совершенно неожиданно сделали такое открытие, от которого они невольно содрогнулись: Боб заметил под ветром привязанную между скал лодку и человека, возившегося около нее. В первую минуту у них мелькнула мысль о вражеском нападении, но затем они скоро убедились, что опасаться было нечего, и Марк решил подойти к хозяину лодки и узнать, в чем дело, но Питерс успел опередить его, и всем тотчас же стало ясно, что та молодая женщина, к которой он бросился с радостным криком навстречу, была его возлюбленная Пэгги.

Посвятив некоторое время слезам радости, поцелуям и ласкам, Питерс, довольно бойко владеющий родным языком своей возлюбленной, перевел Марку, со слов Пэгги, следующие сообщенные ею сведения.

За последнее время Ваальли, давно уже враждовавший с Урууни, одержал верх над добродушным и честным вождем островитян и вытеснил его на самый маленький из островов, куда за ним последовала небольшая горсть его приверженцев. Ваальли же, став во главе почти всего населения острова Бэтто, снова задумал возобновить свои преследования белых. С этой целью он подготовил настоящую военную экспедицию и стал во главе грозной военной флотилии в сто лодок, на которых находилось до тысячи хорошо вооруженных воинов. Брат Пэгги, Ункус, славный воин, должен был также присоединиться к своим товарищам, а сестра его в числе других пятидесяти женщин получила разрешение сопровождать эту военную экспедицию.

Ваальли предусмотрительно избрал для начала военных действий наиболее благоприятное время года: в этих краях летом ежегодно бывает известный период, в течение которого пассатные ветры дуют с наименьшей силой и когда нередко случается даже совершенная перемена направления ветров, которые по временам превращаются в легкий, приятный ветерок. Индейцы — смелые мореходы, если принять в соображение дальность расстояния тех плаваний, какие они совершают на своих маленьких, легких лодках или плотках. Все благоприятные для плавания условия погоды хорошо им известны.

До острова Ранкокус индейцы добрались без всяких приключений и пристали к тому месту, где некогда раскинули свой лагерь Боб Бэтс и прибывшие с ним переселенцы. Изучая главную гору и другие возвышенности острова в течение почти целого месяца, индейцы не могли не увидеть Пика, а также и того столба дыма, который исходил из все еще курившегося вулкана. Понятно, что Пик стал предметом вожделений алчных до наживы дикарей; им тотчас стало ясно, что именно сюда, на Пик, переселились белые со всем своим богатством и сокровищами.

Как Ункус, так и Пэгги прекрасно знали все, что готовилось по отношению к белым.

Бедная женщина, любившая мужа, решила присоединиться к нему, когда Ваальли со своим флотом пойдет дальше, чтобы с полной безопасностью продолжать свой путь; но, услышав случайно из уст самого грозного Ваальли про страшные мучения и пытки, придуманные им для дезертиров, в том случае, если победа останется на его стороне, что все считали почти несомненным, верная, любящая Пэгги до тех пор не дала покоя брату, пока тот, наконец, не согласился отправиться с ней вместе на принадлежавшей ему пироге на Пик, чтобы предупредить белых о грозившей им опасности и если можно, то спасти Питерса. К этому его побудило еще и то, что Ункус в душе глубоко ненавидел Ваальли и в тайне был сторонником Урууни.

И вот брат и сестра тайком покинули накануне свой лагерь и темной ночью отправились с острова Ранкокус на Пик. На следующее утро они увидели струю густого дыма, обозначающую вулкан, но Пика нигде еще не было видно. Тем не менее Ункус и Пэгги продолжали без устали работать своими пагайями¹, стараясь поскорей добраться до вулкана. После тридцатичасовой почти непрерывной работы веслами они, наконец, высадились у подножия кратера. В тот момент, когда их

---

¹ Пагайя — род очень длинного весла.

увидали наши друзья, они готовились отплыть, чтобы продолжать свой путь, так как теперь местоположение Пика им было уже хорошо известно.

Марк подробно расспросил их о намерениях Ваальли; по мнению Ункуса, индейцы, вероятно, воспользуются первым благоприятным для них ветром и пойдут к Пикку. И хотя воины Ваальли имели в своем распоряжении не более двенадцати ружей, с которыми они не умели даже справляться как следует, но воинов у него было очень много, и все они были прекрасно вооружены всякого рода самодельным оружием, которым все эти воины владели в совершенстве. Кроме того, их всех воодушевляло непомерное желание поживиться богатой добычей. Ункус был того мнения, что белым следовало немедленно перебраться на какой-нибудь другой остров даже и в том случае, если бы им пришлось бросить на месте добрую половину своего имущества и богатства и предоставить все это разграблению индейцев. Но Марк не разделял такого мнения; он хорошо знал неприступную позицию своего Пика и вовсе не намеревался бросать его на произвол врагу.

Больше всего тревожила в настоящее время Марка мысль о том, как бы ему обезопасить от погрома одновременно и Пик, и Риф, и старое так любимое им судно, и новый, еще строившийся шунер, и свое стадо, мирно пасущееся на громадном просторстве соседних с Рифом островов. Что мог он противопоставить силам Ваальли — его сотне лодок и тысяче человек отважных и опытных воинов? Ведь даже считая в том числе и Ункуса, который охотно встал на сторону белых, Марк мог располагать всего восемью человека, способными носить оружие и потому пригодными служить защитниками своего нового отечества. Конечно, в крайнем случае, он мог призвать на помощь еще трех женщин, поручив остальным присмотреть за детьми и за скотом. Но что значило все это против сил Ваальли?!

Необходимо было, однако, тотчас же принять какое-нибудь решение. Плывать к острову Ранкокусу было бы положительным безумием, да к тому же главная цель

этого путешествия была уже достигнута: миловидная Пэгги была здесь. До ночи оставался всего один лишь час, когда «Нешамони» вновь вышла в море. Благодаря попутному пассату, доброе судно, буксируя пирогу Ункуса, достигло Миниатюрной бухты в тот момент, когда солнце поднималось над горизонтом, а немного спустя оно вошло и в бухту. Марк опасался главным образом, чтобы индейцы не увидели его парусов гораздо раньше, чем сам он заметит их ладьи, и потому спешил скорее укрыться в бухте. Никто из обитателей Эдема не видел, когда «Нешамони» вошла в закрытый рейд потайной бухты, и Марк уже был почти у дверей дома, а Бриджит еще и не подозревала о его возвращении. Прежде всего Марк позаботился отправить Биглоу с подозрительной трубой на самую вершину Пика, чтобы он наблюдал оттуда за приближением неприятельского флота. А между тем, с помощью большой особой формы раковины, с успехом заменявшей рупор, был призван к месту сходки Хитон и другие колонисты, находившиеся в это время в лесу или на рыбной ловле. Минут двадцать спустя все граждане Рифа и Пика были уже в полном сборе; началось совещание, а между тем для того, чтобы не тратить даром времени, мужчины готовили свое оружие и заряжали его. Питерс и Джонс получили тут же приказ идти в оружейный склад и взять оттуда и раздать оружие тому, кто его еще не имел, затем достать из магазинов необходимые заряды и патроны и тотчас же отправиться на батареи забить заряды в коронады и заготовить запасные ядра.

Вскоре Биглоу дал знать через свою жену, которая, вся запыхавшись, прибежала к Марку, что на всем видимом пространстве океан покрыт лодками и катамаранами неприятельского флота и что флотилия находится теперь на расстоянии не более каких-нибудь трех миль от острова. Это сообщение, хотя его и ожидали с минуты на минуту, привело в ужас маленькую колонию; Марк больше всего боялся за свой Риф. Там в настоящую минуту находились только две женщины, и при них не было никого, кто мог бы дать им некоторые указания на случай необходимости защиты Рифа от нападения врага.

Правда, вся та группа островов была настолько низменна, что с океана их невозможно было видеть, но тут было другое обстоятельство, серьезно осложнявшее этот вопрос. Не проходило недели без того, чтобы та или другая из негритянок, живших на Рифе, не побывала на Пике; никто не мог справиться с молодой Юноной в умении управлять парусами, и она не прочь была похвастать этим своим умением. Весьма возможно было ожидать, что уже в данную минуту она находилась в пути; шлюпка «Дидона» могла считаться во всех отношениях весьма надежным судном, но быстротой хода она похвастать не могла, а это увеличивало еще опасность в том случае, если бы ей пришлось выдерживать преследование индейцев.

Встревоженные этим обстоятельством, переселенцы собрались на вершине Пика, чтобы иметь возможность наблюдать за всем, что происходило в открытом море, и продолжали здесь свое совещание. Только Питерс и Джонс должны были остаться у своих батарей, да Биглоу в качестве часового остался на своем сторожевом посту.

Однако пребывание людей на голой вершине Пика имело то неудобство, что на столь возвышенном и совершенно открытом месте их было ясно видно с моря. Когда наши друзья поднялись на вершину Пика, вражеский флот был уже виден простым глазом, но не это тревожило в данную минуту Марка; он все свое внимание обратил на север, в сторону Рифа. Жена только что сообщила ему, что она ожидает нынче Юнону, а Боб объявил, что в той стороне моря он видит парус; направленная Марком в указанную точку подозрительная труба не оставила больше на этот счет никакого сомнения; да, то была «Дидона» и часа через два, не позже, она могла быть здесь. Положение было поистине критическое: была в опасности не только шлюпка и бедная Юнона, но, главным образом, вход в потайную бухту, да и путь к Рифу мог через это стать известным индейцам. Так как враг был еще далеко, на расстоянии более мили от острова, то Боб предполагал, что он еще успеет на «Бриджит» выйти в море и поспешить навстречу «Дидоне» с тем, чтобы оба судна могли продержаться на ветре до глубокой ночи, а затем, смотря

по обстоятельствам, или войти в Миниатюрную бухту, или вернуться вновь на Риф. За неимением другого средства, Марк был готов согласиться и на это, как Ункус предложил вплавь отправиться навстречу черной шлюпке, чтобы предупредить Юнону об опасности и сообщить ей то, что Марк найдет необходимым.

Однако, несмотря на то, что Марк, Боб и Хитон и все присутствующие отлично знали, что уроженцы этих южных морей проводят половину суток в воде и часто по нескольку часов плывут в открытом океане, предложение Ункуса показалось всем слишком самоотверженным. Но Питерс, отлучившийся ради необходимости быть переводчиком слов шурина от своего поста на батарее, стал уверять, что Ункус не раз переплывал громадные пространства, отправляясь вплавь с одного острова к другому, и если бы была в том необходимость, то он мог бы легко доплыть даже до Рифа, а не только до этой шлюпки. Но Ункус не знал ни слова по-английски, а Юнона, как девушка чрезвычайно смелая и энергичная, увидав, что незнакомый ей индеец пытается взобраться в ее лодку, не долго думая, задумает, пожалуй, отбиваться от него своим багром; но Бриджит, хорошо зная доброе сердце девушки, тотчас же опровергла подобное предположение: напротив, она была уверена в том, что Юнона, увидав выбившегося из сил в открытом океане человека, сейчас же поспешит принять его на свою шлюпку; кроме того, девушка эта была и грамотная, Бриджит сама когда-то научила ее читать, и поэтому ей можно было написать записку с объяснением дела. На этом было решено. Бриджит пошла писать записку, а Ункус стал готовиться в далекий путь. Когда все было готово, Ункус сошел на берег моря, сбросил одежду и, запрятав в свои узлом подобранные на макушке волосы записку, пустился вплавь с привычной уверенностью и проворством рыбы.

Проводив Ункуса, Пэгги побежала вместе с мужем на батарею, где его присутствие было необходимо, а Марк, также провожавший юного индейца, вернулся на вершину Пика и с первого же взгляда убедился, что роковой момент уже близок. В данную минуту главное внимание

колонистов обращено было на Ункуса. Он уже выплыл из прикрытия прибрежных скал и благодаря необычайной чистоте и прозрачности атмосферы виднелся еще маленькой черной точкой на поверхности океана. Ветер был не особенно сильный, и волны не слишком высокие, но океан все же океан, и даже во время полнейшего покоя с ним шутить нельзя. Тем временем Юнона доверчиво приближалась к Пику, ловко пользуясь ветром; Ункус, со своей стороны, тоже не плошал. Поравнявшись со шлюпкой, он ухватился рукой за корму и, прежде чем Юнона успела заметить его приближение, одним прыжком очутился в лодке. Не успела она открыть рот, чтобы крикнуть, как он сунул ей в руку записку с добавлением слова «госпожа», которое он произнес со всевозможным старанием. И пока Юнона пробегала глазами записку своей госпожи, Ункус принялся поспешно снимать все паруса, так как это было первое средство скрыть свое присутствие от неприятеля. Как только Марк с помощью своей подзорной трубы увидел этот разумный прием, он невольно вскрикнул: «Слава Богу, теперь все хорошо!» — и с этими словами он проворно сбежал вниз, туда, где было удобно наблюдать за движением неприятельской флотилии.

Г л а в а   X V I I

*Прекрасные рыцари, поднимайте
знамена, молодые девушки, бросайте
цветы; пусть пушки разрушают ук-
репления, а вы, воины, покажите ваши
кастильские копья.*

М а к о л е й

Флотилия Ваальли представляла собой очень живописное и величественное зрелище: военные ладьи его все до единой были разукрашены с обычной роскошью и пестротой, соответствующими вкусу индейцев. Перья, знамена, различные эмблемы войны, могущества и славы красиво развевались на носу каждой отдельной лодки. На

индейцах были надеты самые богатые праздничные наряды. Боевой флот этот двигался в строгом порядке. Дикари были уже очень близко, и, очевидно, неприступный вид острова приводил их в смущение.

Это было нечто совсем иное, чем остров Ранкокус; там всюду расстиралось пологое песчаное побережье, где можно было пристать и выйти на берег в любом месте, а здесь повсюду море разбивалось о неприступную гранитную стену, на которой волны прибоя не оставляли никакого следа, кроме больших черных и влажных пятен от брызг и пены на скале. Ваальли, за которым зорко наблюдал Хитон, очевидно, раздумывал теперь, какое направление ему избрать и с какой стороны подступить к Пику. Марку пришла мысль дать всего один выстрел из орудия; он рассчитывал, что необычный грохот и раскат от выстрела, а главным образом, разные отголоски горного эха породят панику в войсках Ваальли. После непродолжительного обсуждения этого вопроса было решено попробовать это запугивающее средство. Боб Бэтс, которому прекрасно были известны те места, где страшные раскаты эха были особенно гулки и оглушительны, взял на себя заботу навести орудие в надлежащую точку, чтобы произвести как можно больше шуму и треску.

И вот, когда Ваальли собрал вокруг себя, очевидно, для совещания своих военачальников, раздался вдруг, как гром, оглушительный, внезапный выстрел из орудия. Эхо подхватило звук выстрела, и раскаты со страшным гулом начали отдаваться во всех утесах, скалах и ущельях острова; гремящие, как гром, раскаты с каким-то адским грохотом и шумом перекачивались с утеса на утес на протяжении более мили.

Пораженные внезапным ужасом, индейцы долгое время не могли прийти в себя и понять случившееся, а потом вдруг со всех сторон поднялся крик: десятки голосов кричали разом, что это скалы заговорили грозным голосом, грозя гибелью им всем, что, очевидно, божества разгневаны на то, что люди дерзнули подступить к их избранным владениям. И этот крик как будто был сигнала-

лом к всеобщему бегству дикарей; казалось, что люди эти состояются в том, кому из них скорей посчастливиться избежать грозящей опасности от гнева богов и этих скал, готовых, казалось, обрушиться на них. На протяжении больше получаса был слышен только всплеск пагай (весел), погружаемых в воду и подымавших клубы пены и мириады брызг неистовыми ударами по поверхности моря.

Успех выстрела был полный. Пока Марк и Хитон радовались благополучному исходу этого нападения, с обсервационного пункта Пика, где оставалась Бриджит, прибежал посол с известием, что «Дидона» приближается к острову и в настоящую минуту находится уже у северного побережья Пика. Теперь необходимо было немедленно выкинуть условный знак, по которому Юнона должна была узнать, можно ли ее судну войти в Миниатюрную бухту. Марк приказал тотчас же подать сигнал; на «Дидоне» тотчас же подняли паруса, и минут двадцать спустя она была уже у пристани.

Благополучное возвращение Юноны чрезвычайно обрадовало всех наших переселенцев; индейцы, очевидно, не видели шлюпки, и можно было рассчитывать, что они долго не вернутся к Пику, приписав каменный дождь и дым вулкана, неприступность скал, а также и раскаты эха, словом, все тайны этого заколдованного места, действию какой-нибудь сверхъестественной силы богов. Ункус был встречен самыми сердечными приветствиями и горячей благодарностью; он чувствовал себя счастливейшим из людей и поручил своей сестре сказать это своим новым друзьям. Тем временем вся неприятельская армия уже скрылась с горизонта в юго-западном направлении.

Сам Ваальли был человек очень крепкого закала, чтобы так сразу дать сразить себя первой неудачей или же чувством минутного страха; но, видя всеобщий суевверный страх и безотчетный ужас всех окружающих, он понял, что теперь сделать ничего нельзя, и, уступая стихийному страху своих приверженцев, сам подал знак к отступлению.

Однако Марк был почти уверен в том, что если Ваальли останется на острове Ранкокус, то не пройдет и полугода, как он снова возобновит свои враждебные попытки, и поэтому теперь же пришлось решить вопрос, что лучше: начать ли, пользуясь первым удачным шагом и суеверным страхом туземцев, наступательные действия и заставить их вернуться на их острова, или же продолжать укрываться за той таинственной завесой, которая скрывала их до настоящей минуты? Вопрос этот был решен скорее силой самих обстоятельств, нежели путем доводов и рассуждений. При тех условиях, в каких находилась в данное время колония, немислимо было и думать о наступательных действиях. К тому же Ваальли располагал слишком многочисленным войском, чтобы его можно было атаковать какому-нибудь десятку смельчаков. Необходимо было дожидаться хотя бы того времени, когда «друг Авраам» сумеет поразить их сильным голосом своих орудий. Обладая таким внушительным судном, Марк не терял надежды не только разбить наголову Ваальли, но заставить его вернуться на свои острова, и, быть может, и совершенно свергнуть его и возратить власть предводителю на островах Бэтто доброму и честному Урууни.

Итак, прежде всего следовало закончить и спустить на воду судно. Однако при настоящих условиях даже и это было довольно затруднительно. Отправляя рабочих на Риф, Марк тем самым лишал колонию на Пике действия этих людей в случае вторичного нападения диких. Решиться же на морское сражение с таким составом судов наши переселенцы, конечно, не могли, а следовательно, необходимо было во что бы то ни стало иметь в своем распоряжении судно. Для этого пришлось прибегнуть к такого рода мере: Хитон, Питерс и Ункус должны были остаться на Пике для охраны этого важного укрепления, тогда как Марк со всеми остальными членами колонии переселялся на Риф. Биглоу был отправлен туда несколькими днями раньше, чтобы закончить там еще некоторые необходимые работы.

Дней десять спустя после отступления Ваальли ма-

ленькая эскадра Марка, состоявшая из пинаса, «Бриджит» и йолы¹, вышла в море.

Ввиду значительного расстояния между Пиком и Рифом, не позволявшего сообщаться обитателям того и другого с помощью каких-либо сигналов, Марк придумал другое средство, которое могло до некоторой степени заменить сигналы. На вершине Пика росло одинокое громадное дерево, чрезвычайно ясно выделявшееся на светлом фоне небесного свода, так что было далеко видно с моря. Было условлено, что как только на Пике заметят приближение Ваальи с войском, Хитон тотчас же срубит это дерево; а Марк со своей стороны должен был ежедневно высылать кого-нибудь в открытое море — с тем, чтобы узнать, стоит ли на своем месте дерево.

Благодаря попутному ветру, переезд совершился довольно быстро; подъезжая к Рифу и минуя каналом прилегающие к нему земли и острова, Марк не мог налюбоваться успешным произрастанием всех своих посадок. Сократу пришла остроумная мысль: он распустил две-три ивовых корзины и, нарезав из этих еще зеленых прутьев саженцы, посадил в землю; все они, за очень немногим исключением, принялись и теперь уже были почти в рост человека, обещая со временем стать если не особенно полезными, то, во всяком случае, весьма красивыми деревьями. Тут же неподалеку Марк заметил посаженные им самим года три назад кокосовые деревья, которые теперь достигали уже тридцать футов вышины.

Кокос — в высшей степени полезное дерево; плод его отличается сочностью, имеет прекрасный вкус и чрезвычайно полезен для здоровья; скорлупа легко поддается полировке и пригодна для выделки красивых чашек и различной домашней посуды; волокна годны для вития веревок, а листва служит прекрасным материалом для плетения циновок, корзин, гамаков и т. п., тогда как ствол этого дерева может считаться прекраснейшим стро-

---

¹ Маленькая лодочка у индейцев.

евым лесом: лодки, шлюпки, корыта, желоба и прочее могут быть сделаны из этого дерева без особого труда.

Кроме того, Хитон научил Марка еще одному мало известному употреблению кокоса; однажды он угостил свою жену прекраснейшим на вкус блюдом из какой-то зелени; оказалось, что оно было приготовлено из молодых побегов кокосового дерева.

Но вот наша маленькая эскадра пристала к Рифу, и остров тотчас же ожил от присутствия всех этих счастливых, довольных людей. Биглоу за эти дни своего пребывания на Рифе заметно продвинул вперед работы по постройке судна, а теперь все дружно и усердно принялись за работу, так что на другой день мог состояться торжественный спуск судна «Друг Авраам».

Пользуясь последними часами дневного света, Марк предложил своей жене проехаться на «Бриджит» по морю и кстати посмотреть, стоит ли еще на вершине Пика дерево. Благополучно достигнув того места, откуда это дерево было видно, Марк увидел, что оно по-прежнему горделиво высится на своей скале; тогда он, повернув назад, направился обратно к кратеру.

В тот момент, когда «Бриджит» вошла в канал, ведущий прямо к Рифу, солнце уже совсем закатилось. Марк обратил внимание своей подруги на красивую окраску горизонта, как бы исполосованного огненно-яркими лучами только что закатившегося светила, на чудные луга и многочисленные стада, мирно покоившиеся по берегу канала. Плеск волны, рассекаемый кормой судна, встревожил мирно спавших животных: они вскочили и с ворчливым хрюканьем трусцой побежали в разные стороны.

— Смотри, мой друг, как мы их напугали, все стадо разбежалось, — весело заметил Марк.

— Нет, дорогой мой! Взгляни туда, вон на том конце луга их еще много; там они даже не тронулись с места.

— Не может быть! Наверно, ты ошиблась!

— А разве ты не видишь их, вон там, на берегу того канала?

— Во-первых, это вовсе не канал — это залив, а во-вторых... Ах, Боже! Да ведь это индейцы, Бриджит!

Действительно, ошибиться было невозможно: то, что молодая женщина приняла за спящее стадо свиней, были головы и плечи человек двадцати индейцев, залегших для того, чтобы удобнее наблюдать за маленькой шлюпкой. При них были и две значительной величины лодки, других же лодок или людей нигде не было видно.

Открытие было чрезвычайно важное. Марк надеялся, что существование Рифа навсегда останется тайной для индейцев; доступ к нему со всех сторон был совершенно открыт и удобен, и оборона этого острова представляла немало затруднений. Беда нагрянула так неожиданно, и теперь надо было немедленно принять какие-нибудь меры.

Так как индейцы все равно успели уже заметить судно, тем более, что на нем были паруса, то менять направление было бы бесполезно. Кратер также был отлично виден индейцам; что же касается «Ранкокуса» и строящегося судна, то и они, вероятно, были видны им, хотя, быть может, и не совсем ясно, так как находились приблизительно в двух милях от того места, где сейчас расположились краснокожие.

День угасал, когда Марк с Бриджит и ребенком вернулись на Риф. Прошел час после того, как они впервые увидели индейцев. Переселенцы наши только что кончили свои дневные работы и сели ужинать под палаткой неподалеку от верфи. Не желая нарушать их мирную трапезу, Марк обождал, когда они закончат ужин, и затем, отозвав в сторону Боба Бэтса, сообщил ему важную весть.

— Так уж верно нам сегодня ночью придется их ожидать, — заметил Боб.

— Не думаю, — возразил Марк. — Ведь тот канал, куда они забрались в своих лодках, никоим образом не может привести их к Рифу; им придется вернуться к западной окраине нашего архипелага для того, чтобы выбраться в открытое море, а затем отыскать один из тех проливов, которые ведут сюда. Сделать это ночью им,

конечно, не удастся, потому что они, наверно, заблудятся в этом лабиринте каналов, проливов и заливов; я убежден, что они не сделают этой попытки.

— Беда право, что они нашли сюда дорогу!

— Это, действительно, беда! Я совсем не ожидал ее; до этой минуты нам с вами, Боб, больше везло, чем кому-либо из всех наших бедных товарищей; быть может, и на этот раз судьба еще будет к нам милостива.

— Вот, кстати, вы упомянули о наших товарищах: хотел и скажу вам о них нечто, что я узнал недавно от Джонса. Вы, конечно, знаете, что он долгое время жил среди этих дикарей; так вот, он говорит, что года три тому назад к островам, называемым у них землей Ваальли, пристала шлюпка, в которой находилось семь человек белолицых. Кто они были такие — этого Джонс не знал, и сам он их никогда не видел, потому что жестокий Ваальли заставлял этих несчастных день и ночь работать; но все же Джонсу удалось собрать кое-какие сведения о них, а также и о той шлюпке, на которой они прибыли.

— Неужели вы думаете, Боб, что эти люди наши бывшие товарищи?

— Да, мистер Марк, я в этом даже убежден; по словам индейцев, на корме шлюпки есть изображение птицы, а ведь, вы, наверно, помните, что на нашей шлюпке был изображен орел с распростертыми крыльями. Затем, по слухам, дошедшим до Джонса, один из этих людей имеет красный шрам на щеке; вы, наверно, не забыли, что Билл Броун имел именно такой шрам. По-моему, мистер Марк, это вне всякого сомнения — наши товарищи.

Марк призвал Джонса и стал подробно расспрашивать его обо всем, касающемся тех людей. По его словам, половина людей, бывших на шлюпке, погибла от голода прежде, чем они добрались до этой группы островов; что все они представляли собой уцелевшую часть экипажа коммерческого судна, потерпевшего крушение; что человек со шрамом на лице весьма искусен в кораблестроении и что ему Ваальли поручил изготовить для себя шлюпку, которая не боялась бы ни бури, ни ветров.

И эта последняя подробность подтверждала уверенность Боба, так как Билл Броун был корабельным плотником на «Ранкокусе». Все, очевидно, говорило в пользу того, что некоторые из матросов «Ранкокуса» уцелели и что они находились в неволе у жестокого предводителя индейцев, грозившего теперь гибелью и всей колонии переселенцев. Но сейчас не время было рассуждать, как освободить этих людей из плена, так как в данную минуту все внимание Марка должно было быть обращено на способы самозащиты и на средства обороны Рифа и его обитателей.

Г л а в а   X V I I I

*Бог создал тебя для меня, восхи-
тительная долина, молчаливая, как
дитя у груди матери.*

В и л ь с о н

Когда весть о приближении индейцев распространилась среди переселенцев, ими вдруг овладел какой-то безотчетный ужас; однако вскоре все они настолько оправились, что стали прилагать все свои старания к тому, чтобы обеспечить себе некоторую безопасность хотя бы только на первое время. Кратер со своими неприступными с внешней стороны стенами являлся естественной цитаделью Рифа. Легче всего, конечно, было отстоять «Ранкокус», но кратер, являвшийся, так сказать, житницей и сокровищницей наших переселенцев, Марк никогда не согласился бы оставить на произвол судьбы.

Слабейшим местом кратера являлось, безусловно, входное отверстие; на эту точку направили одно из более крупных орудий «Ранкокуса» с тем, чтобы преградить вход в кратер; со всех остальных сторон кратер спускался отвесными скалами вниз, и потому являлся неприступным для дикарей.

Две коронады были втащены на вершину и весьма остроумно установлены здесь. Две другие находились на

только что достроенном судне «Друг Авраам», а остальные орудия, кроме трех, отвезенных на Пик, оставались на старом судне.

На «Ранкокусе» в его удобной каюте остались Бриджит с ребенком и семьи Сократа и Биглоу, а в качестве экипажа и защитников этого форта — Биглоу и Сократ. Бобу Бэтсу было поручено командование на кратере, причем ему был дан в помощники Джонс.

Так как Риф представлял собой остров, то было ясно, что никто не мог приблизиться к нему иначе, как морем, или же посредством того моста, который был перекинут через маленький пролив, отделявший луговину от Рифа. Кроме того, Марк был уверен, что лодки индейцев никаким образом не могут добраться до Рифа раньше рассвета. Но ни Бобу, ни Марку не спалось, и они, сойдясь вместе у судна, беседовали, прислушиваясь в то же время к малейшему шуму, доносившемуся до их слуха.

— Воля ваша, сударь, а только мне кажется, что маловато у нас народа, чтобы тягаться с этими негодями: ведь их-то точно саранча — целая туча налетела; когда смотрел я на это войско тогда с Пика, так их, наверное, было до полутора тысячи рож, да и судов более ста я тогда насчитал.

— Да, правда, Боб, но что нам делать? Если бы даже их было не полторы тысячи, а целых пятнадцать, тогда нам все же пришлось бы вызвать их на бой; ведь в этом все наше спасение.

— Да, да, подраться надо, а главное, надо их порядком побить! — воскликнул Бэтс. — Вот оно, как временами переменчивы! Вчера здесь был мир и тишина, а сегодня война, тревога; недавно здесь царил покойнейший и беззаботный мир, а вот теперь суматоха, и страх, и опасения...

— Оохэ!.. судно!.. — раздался в нескольких шагах от разговаривавших чей-то голос. Эти слова были произнесены на прекрасном английском языке, да еще с ударением, свойственным только морякам.

Возглас раздался со стороны узенького пролива, отде-

лявшего Риф от луговины почти с того самого места, где был перекинут досчатый мостик.

— Боже милосердный! — воскликнул Боб. — Что это значит?

— Мне этот голос как будто знаком, — возразил Марк, — мне кажется, что я его узнал... Оохэ!.. Кто окликает «Ранкокус»?

— Как! Это судно — «Ранкокус»?! — воскликнул голос.

— Да, «Ранкокус», а вы не Билл Броун, корабельный плотник?

— Он самый! Спаси вас Господь, да это никак мистер Вульстон! Ведь я вас узнал по голосу. Не можете ли вы мне показать, как перебраться через этот пролив?

— А вы одни, Билл Броун? Кто еще с вами?

— Нас двое, мистер Вульстон, Джим Уаттельс и я; нас было девять человек на шлюпке, но двое умерли с голода в пути, а семеро из нас остались живы.

— Тут с вами нет никого из этих темнокожих?

— Нет, никого! Мы им откланялись уже часа два назад; как только мы увидели мачты судна, то договорились тотчас же удрать от них. Сейчас вам нечего их бояться, а завтра поутру вам этого не миновать! Теперь примите нас на ваше судно, мистер Вульстон, сжальтесь над беднягами, примите прежних своих товарищей, вызвольте их из беды!

После такого разговора Марк, не задумываясь, показал пришельцам то место, где находился мост. Вновь прибывшие старые матросы «Ранкокуса» были действительно одни. Марк тотчас же отвел их в палатку и предложил им кое-что оставшееся после ужина, а затем заставил их пересказать ему все свои приключения.

Рассказ их во всем согласовался со сведениями, полученными Марком от Джонса. В последнее время Билл Броун настолько сумел завладеть расположением свирепого Ваальли, что тот позволил ему сопровождать его в походе вместе с Джимом Уаттельсом, считавшимся его помощником в качестве корабельного подмастерья.

Броун и Уаттельс находились в одной лодке с Ваальли

в тот момент, когда с Пика вдруг раздался пушечный выстрел, так поразивший всех краснокожих. Даже Броун, и тот не сразу сообразил в чем дело, а потом хотя и понял, что белые дали выстрел из орудия, причем воспользовались для своих целей и горным эхо, но, будучи в душе сторонником тех неизвестных бледнолицых, он умолчал о своей догадке и задумал направить Ваальли в противоположную сторону от Пика. Имея некоторое представление о направлении тех рифов, о которые разбился «Ранкокус», он решил завести его в эту сторону, рассчитывая там найти необходимый материал для сооружения хотя бы небольшого судна, при помощи которого он рассчитывал вырваться из рук краснокожего тирана. Ваальли, прельстившись добычей от остатков большого судна, на другой же день поутру вышел в море со своим флотом. Вскоре они достигли Пика, а двадцать четыре часа спустя уже очутились под ветром у Рифа. Эта удача наполнила сердце честолюбивого завоевателя Ваальли гордостью и радостью. Здесь не было ни неприступных скал, ни тех таинственных, грозных утесов, и ничто, очевидно, не могло здесь служить преградой его завоевательным целям. Правда, природа этих мест не представляла ничего заманчивого: всюду виднелись лишь голые скалы, песчаные мели да залежи морского ила; но при всем этом он здесь надеялся на нечто лучшее. Главная часть открытия земли в этом направлении принадлежала Броуну, и как Колумб в свое время был великим человеком при дворе Фердинанда и Изабеллы, точно так же и Билл Броун немного уступал ему в своем влиянии на особу краснокожего предводителя островитян. Ваальли с этой минуты во всем следовал исключительно его советам и указаниям; по его мнению, надо было плыть вдоль всей линии островов до тех пор, пока не найдется удобного места стоянки, чего-нибудь вроде гавани или порта для всей его флотилии. Согласно этому плану лодки индейцев вошли в первый достаточно обширный залив, и так как тут же была большая песчаная мель, по которой проникали ключи пресной воды, то дикари решили расположиться здесь лагерем на всю ночь. Затем Броун пред-

ложил Ваальли послать на рекогносцировку две самые ходкие лодки, что и было исполнено. Именно этих-то людей, отправленных на разведку, и видел Марк со своей шлюпки, что и послужило ему своевременным предостережением.

Но замечательнее всего было то, что Броуну ни разу даже в голову не приходило, что эти мачты, которые он видит там вдаль, могли быть мачтами их бывшего судна «Ранкокуса». Для них достаточно было знать, что тут наверное они встретят белых и, вероятно, людей принадлежащих к их родной англо-саксонской расе. И едва только Броун и Уаттельс успели убедиться в том, что индейцы, посланные на разведку, попали не туда, куда им было дано, а заблудились среди этих бесчисленных проливов и заливов, так что не могли двинуться дальше, как они тотчас же приняли решение бежать и укрыться у обитателей кратера. Они, понятно, рассчитывали встретить прекрасно вооруженное судно, вполне снаряженное и готовое в каждую минуту выйти в море при первом же известии о грозившей ему опасности.

Таковы были пояснения, данные двумя прибывшими матросами их бывшему офицеру. Узнав от него в свою очередь о настоящем расположении судна и о средствах обороны, имеющихся теперь в распоряжении колонии, они как будто приуныли и опечалились. Кроме того, и Марк, и Боб заметили, что они были очень высокого мнения о военных талантах и способностях индейского вождя.

Броун сообщил Марку, что число воинов, сопровождавших Ваальли, едва ли свыше девятисот человек, во всяком случае не превышает тысячи, как и предполагали наши друзья. Ошибка эта, вероятно, произошла оттого, что на лодках находилось много женщин. Затем он предостерег Марка, сообщив, что Ваальли имеет в своем распоряжении и кое-какое огнестрельное оружие, в том числе и одну четырехфунтовую пушку, но что снарядов к ней всего лишь только три. К тому же, по совести говоря, Броун знал, что ядра эти большого вреда принести никому не могут, так как обращаться с орудием и навести

его надлежащим образом индейцы не умели. Узнав о том, что судно уже почти готово и уже с минуты на минуту может быть спущено на воду, Броун стал упрашивать Марка разрешить ему тотчас же приняться вместе с Биглоу за работу с тем, чтобы спустить судно теперь же до рассвета. Все необходимое, а в том числе съестные припасы и вода, уже имелись на «Аврааме»; спустить его намеревались с полной оснасткой и всеми парусами, так что раз очутившись на воде, судно это становилось весьма значительным пособником при обороне, а на плохой конец, оно могло стать и убежищем для всех переселенцев. Раз выбравшись в открытое море, они могли быть совершенно в безопасности от преследований Ваальи и всего его флота.

Но Марк Вульстон смотрел на это дело иначе. Прежде всего он очень любил Риф, где столько выстрадал и столько пережил; он положительно не мог расстаться с ним, передав его в распоряжение врага. Дорог был ему также и старый «Ранкокус»; отдать его индейцам и отдать без боя он никак бы не решился, а потому не мог согласиться на постыдное бегство перед врагом. Решено было отложить спуск судна до рассвета. Дело было немаловажное, и в ночной темноте легко могло случиться несчастье или недосмотр, который мог вконец испортить все дело. Приняв затем все меры предосторожности, доблестные защитники Рифа отправились на отдых, а женщины были расставлены в качестве часовых, одна на вершине кратера, другая же на судне.

Едва только забрезжил рассвет, как все население Рифа уже было на ногах. За ночь ничего не случилось. Лишь только Марк с вершины успел убедиться, что неприятель еще далеко, он тотчас распорядился спустить судно «Друг Авраам». Двум часовым времени было вполне достаточно, чтобы успеть окончить все необходимые работы; тем временем никто на Рифе не сидел без дела, не исключая и женщин: одни из них занялись приготовлением завтрака, другие усердно подвозили на тачках и тележках необходимые снаряды, складывая их возле орудий, а Боб заряжал их одно за другим.

Для большей надежности Марк придумал преградить вход в кратер сетками, защищающими от неприятельского огня, которых на «Ранкоусе» имелось очень много и с помощью которых он надеялся удержать индейцев от вторжения в долину кратера.

Работа эта живо была выполнена, затем все обитатели Рифа собрались к завтраку. «Авраам» был уже совсем готов, но все еще не спущен на воду; некоторых это обстоятельство сильно волновало. Марк, однако, объявил, что спешить спуском не было никакой надобности, так как неприятельских лодок еще не видно на горизонте. Все, кроме тех, кто находился на сторожевых постах, сидели за завтраком в палатке, которая была раскинута около верфи, вблизи моста, соединявшего Риф с большой луговинной, служившей пастбищем скоту. Мост этот, как вероятно помнят наши читатели, состоял просто-напросто из двух длинных досок, так как пролив в этом месте сужался до шестидесяти футов.

Позавтракав в каюте на «Ранкоусе» вместе с женой и ребенком, Марк едва только успел вернуться в палатку, как вдруг воздух огласился страшными криками и банда дикарей выбежала из-за расщелины скалы на луговину и устремилась к кратеру.

Однако Марк не растерялся: он тотчас же призвал Джонса и Биглоу и приказал им снять скорее мост, что было тотчас же исполнено, так что осаждающие оказались отделенными от кратера проливом; хотя для островитян этих южных морей было бы сущей безделицей переплыть пролив, все же ими вдруг овладело какое-то смущение; по-видимому, они не предполагали существования здесь пролива и потому бежали к верфи напрямик.

В этот момент Ваальи дал залп из всех имевшихся у него ружей, и в то же время с пироги, являвшейся плавучей батареей, раздался пушечный выстрел. В результате от него получился лишь страшный шум и больше ничего, но этот шум играет огромную роль во всех войнах дикарей.

Теперь черед остался за переселенцами. При первых звуках тревоги все они кинулись к оружию и в мгновение

ока все, в том числе и женщины, уже были на своих местах.

Находившаяся на корме судна пушка, заряженная крупной картечью, была наведена так, чтобы преградить доступ к мосту, а две другие коронады на вершине были направлены на луговину как раз туда, где теперь толпилась масса индейцев. Сам Ваальли был во главе разъяренных индейцев; теперь он, очевидно, отряжал уже людей, которые должны были вплавь перебраться на Риф. Защитникам нельзя было терять ни минуты. Юнона, держа в руках дымящийся фитиль, стояла у затравки пушки на корме «Ранкокуса»; Дидона с таким же фитилем ждала условного знака у коронады на вершине кратера. Марк подал сигнал, и выстрел прогремел; картечь ударила в кучку толпившихся на берегу индейцев; одни из них упали замертво, другие получили раны; в тот же момент один молодой вождь кинулся вплавь через пролив с пронзительным криком, воодушевляя им своих товарищей; его примеру последовало еще около сотни молодых воинов.

Марк снова подал знак, и негритянка невозмутимо поднесла дымящийся фитиль к запалу; раздался новый выстрел; и на этот раз снаряд попал в самую середину бесчисленной толпы осаждающих, из которых оказалось много убитых и очень много раненых. Ваальли понял, что наступил критический момент; как разъяренный зверь, он сам рванулся вперед и одним мановением своей руки двинул вперед толпы своих воинов; сотни пловцов кинулись в воду, а он все не переставал воодушевлять их голосом и жестами.

Переселенцы все до одного были на своих постах: Джонс и Биглоу стояли на палубе «Авраама», где тоже находились две коронады, которые были наведены на ту же луговину. Очевидно, этот пункт должен был стать главным театром сражения, так как луговина была ближайшим к Рифу островом и только оттуда можно было подойти к кратеру почти по суше. Между тем Марк в сопровождении двух хорошо вооруженных людей изображал собой резервный корпус своей армии, который, по мере надобности, переносил свои действия с одного бое-

Сам Ваальи был во главе разъяренных индейцев...

вого пункта на другой. При виде грозной толпы индейцев, запрудившей почти весь пролив между Рифом и луговиной и готовой с минуты на минуту достигнуть берега и кинуться на кратер, Марка вдруг осенила блестящая мысль: ведь «Авраам» был готов и мог быть спущен в любой момент.

Подставы еще поддерживали киль судна, ожидая лишь приказания пасть и двинуть судно вперед; Марк и Броун стояли как раз около подстав. Марк скомандовал: «Вали подставу, руби канаты. Эй, вы там берегитесь! Мы вас спускаем в воду!». С этими словами он сам схватился за подставу, возле которой стоял, и свалил ее.

Едва успел он выговорить последние слова, как «Авраам» колыхнулся. Все переселенцы приветствовали первое его движение громкими радостными возгласами, и в тот же миг «Авраам», с плеском и шумом рассекая волны, врезался в самую среду ошеломленных и запуганных пловцов и преградил им путь к берегу Рифа. Одновременно с этим Биглоу и Джонс открыли огонь из обеих коронад «Авраама», и под светящими ударами градом рассыпавшейся кругом картечи все водное пространство вокруг запенилось и забурило. Этот маневр решил исход битвы. Поражение индейцев было полное. Все воины Ваальли, как обезумевшие, кинулись к бухтам, где они оставили свои пироги, между тем как пловцы, ныряя и топя друг друга, спасались кто как мог. Тем временем, не теряя ни секунды, колонисты тотчас же поспешили причалить судно обратно к берегу при помощи каната, и Марк с Броуном и Уаттельсом вошли на судно; на «Аврааме» образовался экипаж уже из пяти опытных моряков, умевших прекрасно управлять судном. Боб остался главнокомандующим на Рифе, во главе остальных боевых сил колонии. Для установки парусов потребовалось лишь две минуты, и «Авраам» с решимостью двинулся в бой, направляясь к тому месту, где Ваальли сумел уже собрать вокруг себя главные силы; то был достаточно широкий морской проход, в котором можно было маневрировать даже большому судну. Однако Марк в тот момент был далек от мысли атаковать врага, а хотел сначала удовлет-

вориться тем, что проделать различные предварительные маневры, во время которых экипаж непрерывно обстреливал индейцев. Выстрел за выстрелом следовали с необычайной быстротой. Индейцами овладел панический ужас, так что даже всей силы и авторитета Ваальли оказалось недостаточно для того, чтобы остановить всеобщее смятение.

Осторожность требовала от Марка, чтобы он не очень теснил своих врагов до той минуты, пока они не выйдут в открытое море, и поэтому он решил преследовать их на некотором расстоянии; между тем как «Авраам», подгоняемый ветром, шел плавно на своих парусах, индейцы вынуждены были без отдыха работать своими длинными пагайями. У них, конечно, были паруса, но они, будучи сотканы из кокосовых волокон, были весьма не плотные и не представляли собой достаточного сопротивления ветру, и поэтому мало могли способствовать скорости хода; вот почему их лодки в этом отношении, конечно, не могли соперничать с «Авраамом». Выбравшись, наконец, в открытый океан, Ваальли полагал, что здесь погоня должна прекратиться, но оказалось как раз наоборот: теперь только она и начиналась; нагнав три лодки, богаче разукрашенные и ходкие, Марк захватил их в плен вместе со всем их экипажем; в числе этих пленных оказался, между прочим, некий юный воин, в котором Билл Броун и Уаттельс сразу узнали любимого сына Ваальли. Добыча оказалась чрезвычайно удачной, и Марк решил ею воспользоваться как можно лучше. Выбрав одного из своих военнопленных, он послал его к Ваальли с оливковой ветвью и предложением обмена пленных. С помощью Бруна и Уаттельса Марку нетрудно было вести переговоры с индейцами, так как за три года плена эти матросы прекрасно изучили родной язык островитян.

Ваальли не сразу согласился довериться честности своих непобедимых врагов. Однако родительское чувство взяло верх, и вождь индейцев, сам безоружный, явился на судно. Перед Марком стоял теперь его свирепый враг. Это был бесспорно умный, хитрый индеец. Он предложил

было для выкупа и лодки, и одяния из цветных перьев, китовые зубы — вещи, очень ценные для этих народов; но не такого выкупа требовал Марк; в обмен он потребовал пятерых своих товарищей, бывших в плену у индейцев; в противном случае он грозил возобновить против индейцев военные действия.

В душе Ваальи происходила сильная борьба, ему очень не хотелось упустить из своих рук бледнолицых пленников, но любовь к сыну взяла верх.

После двухчасовых переговоров и споров, всевозможных хитростей и изворотов, между двумя воюющими сторонами был заключен такого рода договор: «Авраам» будет сопровождать индейский флот до группы островов Бэтто; по прибытии Ваальи должен будет послать кого-нибудь из своих приближенных за вышеупомянутыми пятью матросами, а сам остаться на «Аврааме» до той минуты, пока не состоится обмен пленными. Хитрый Ваальи хотел включить в этот же договор еще один пункт относительно того, что его бывшие враги обязуются содействовать ему в низвержении его ненавистного соперника Урууни (последний был скорее лишь временно принижен, чем покорен), но Марк, конечно, отказался принять на себя такое обязательство, так как был гораздо больше расположен оказать Урууни посильную поддержку, нежели содействовать его окончательной гибели. Марк даже намеревался повидаться с этим благородным изгнанником перед своим отплытием с острова Бэтто.

Пускаясь в путь вслед за индейским флотом, Марк, вероятно, не сумел бы даже известить свою жену о своем отъезде на дальние острова, если бы ему в этом не помог заботливый Боб Бэтс.

Заметив, что «Авраам» скрылся из вида под ветром, Боб поспешно снарядил «Нешамони» и последовал за «Другом Авраамом», рассчитывая в случае беды быть ему чем-нибудь полезным. А в тот момент, когда договор был заключен, Боб подошел к судну и, повидавшись с Марком, успел получить от него все сведения и затем как раз вовремя двинуться вновь в обратный путь, чтобы успеть до ночи на Риф и сообщить там радостные вести.

Прости!.. Почему это слово вызывает твой испуг? Как похоронный звук, оно заставляет тебя проливать слезы. Счастье и несчастье здесь мгновенны. Надежда при расставании нам обещает возвращение.

Б е р н а р д   Б а р т о н

Прошло три дня, прежде чем «Друг Авраам» и флот Ваальли очутились возле острова Бэтто. Лодки индейцев возвратились к своим обычным стоянкам, а «Авраам» остался в открытом море. На следующий день на судно прибыли пленные: Диккинсон, Харрис, Джонсон, Эдвардс и Брайт. Индейский вождь с большой неохотой расставался со своими пленными, которыми он очень дорожил, как людьми знающими, от которых можно было многому научиться. Кроме того, такое пополнение экипажа «Авраама» делало это судно значительной силой в этих морях.

Двенадцать человек матросов, все сильные, ловкие и здоровые парни, привычные к делу, да еще две исправные корнады и шестифунтовая пушка с большим запасом снарядов, все это, вместе взятое, представляло собой, действительно, такую силу, с которой туземным племенам приходилось считаться. Ваальли понял это с первого раза и поэтому вторично сделал попытку заручиться содействием переселенцев против Урууни. Хитрый индеец предложил Марку взамен ожидаемой от него поддержки признать остров «Ранкокус» собственностью белых. Марк поблагодарил своего нового приятеля за такой щедрый подарок, но при этом заметил, что остров «Ранкокус» он давно считает своей собственностью и что если только Ваальли посмеет предъявить на него свои права, то он, Марк, вытеснит его силой своего оружия не только из своих владений, но даже с этих островов. Вследствие такого рода переговоров Марк и Ваальли расстались не совсем дружелюбно. Затем Марк начал обсуждать настоящее положение дел. Джонс хорошо знал Урууни, с которым он

прожил довольно долго, до того времени, когда этот честный вождь был побежден своим соперником. Его-то, то есть Джонса, Марк и отправил к Урууни.

Часов шесть спустя Марк имел удовольствие принимать у себя благородного Урууни. Марк в теплых, сердечных выражениях благодарил индейца за его радушие и гостеприимство по отношению к его жене, сестре, Бобу и другим его единоплебникам и предложил ему свою помощь и содействие в случае надобности.

Почти все присутствующие матросы знали Урууни если не лично, то по слухам как человека честного и добродушного. Эта его доброта и оказалась до известной степени причиной его падения: если бы он своевременно казнил Ваальли, так как он того вполне заслуживал, то этот дерзкий воин, родившийся его данником, не завладел властью и не стал бы, как теперь, угрожать своему природному властелину. Тут же на юте и состоялось совещание, на котором обсуждали все нужды Урууни и все грозившие ему опасности, причем разбирали взаимные отношения отдельных островов между собой. Хотя значительная часть населения примкнула в момент переворота к энергичному и предприимчивому Ваальли и тем содействовала его возвышению из простого желания перемены существующих порядков, то теперь большинство уже горько раскаивались в своей ошибке и с сожалением вспоминало своего прежнего кроткого, добросердечного вождя. В группе островов Бэтто был один главный остров, служивший центром для всех остальных островов. Урууни родился и жил там всю свою жизнь до того момента, когда Ваальли удалось выгнать оттуда его и всю его семью и запугать все население этого острова жестокими угрозами и лютыми казнями. Эти люди большей частью против воли должны были признать в нем своего вождя и повелителя. Если бы Урууни теперь вновь удалось овладеть этим островом, то одного этого было бы вполне достаточно для того, чтобы уравнять шансы двух враждующих вождей и даже вполне обеспечить преобладание Урууни до тех пор, пока он будет находиться под покровительством переселенцев.

Прежде всего Марку хотелось, если возможно, избежать в этом деле кровопролития, и поэтому он решил больше всего действовать страхом и угрозой. С этой целью он подошел на расстояние пушечного выстрела к главной крепости Ваальли и предложил им сдаться, а командиру гарнизона приказал не только немедленно очистить крепость, но и совершенно удалиться со своими людьми с этого острова.

Предложение это было встречено самым решительным отказом. Но у Марка имелся довольно веский аргумент. В то же время Урууни высадился на берег; при его появлении все тайные и явные его приверженцы схватились за оружие как один человек; заранее уверенные в поддержке со стороны столь грозного в их глазах судна, они мгновенно образовали вокруг своего бывшего вождя такую военную силу, с которой он легко бы мог побросать в море сторонников Ваальли. Но тем не менее эта горсть людей оказала самое энергичное сопротивление до той минуты, пока Марк не дал по ним меткий выстрел из своего шестифунтового орудия. Картечь, пробив ограду крепости и, к счастью, не ранив никого, наделала много шума и произвела страшный переполох в крепостном гарнизоне, после чего начальник крепости послал Марку пальмовую ветвь в знак покорности. Весть об этой победе Урууни произвела громадное впечатление на всех, даже соседних островитян, так что меньше чем в двое суток прежний вождь вновь получил прежнюю силу и власть, и низвержение Ваальли произошло само собой без всякого кровопролития. После этих событий Урууни мог рассчитывать на спокойное царствование до конца своих дней.

Со дня начала военных действий на Рифе прошло уже около недели, и так как Марк знал, что о нем беспокоятся дома, то он не воспользовался любезным приглашением погостить подольше на островах Бэтто. Убедившись, что эта группа островов изобилует очень редким сандаловым деревом, Марк заключил с туземцами договор, в силу которого последние обязывались вырубать и поставлять на берег известное количество этого дерева. По истечении

трехмесячного срока «Друг Авраам» должен был зайти сюда вновь и забрать этот груз. Закончив с этими делами, «Друг Авраам» отплыл в обратный путь.

С Рифа «Авраама» увидали почти за час до того, как он вошел в порт; все обитатели Рифа вышли навстречу победителям и шумно приветствовали их возвращение.

Счастливая этой удачей колония могла теперь надеяться на полное спокойствие и безопасность в будущем.

Однако с присоединением еще пяти человек матросов, составлявших когда-то часть экипажа «Ранкокуса», положение колонии значительно изменилось, и у Марка появился вопрос о том, каковы теперь его обязанности в отношении его судовладельцев.

Для обсуждения этого важного вопроса он решил вновь собрать совет и с этой целью на другой же день утром, забрав с собой всех своих матросов и почти всех переселенцев мужского пола, Марк вместе с женой и ребенком отплыл на Пик.

Спустя шесть часов «Друг Авраам» входил уже в Миниатюрную бухту. После взаимных приветствий и радостных поздравлений вновь прибывшие матросы ознакомились со своими новыми товарищами, и четверо из них, в том числе Билл Броун, тут же записались в постоянные члены колонии и были приняты в число сограждан Рифа, так как они имели желание провести остаток своих дней в этом благословенном краю. Остальные трое обязались на известный срок остаться на службе у Марка с тем, чтобы по прошествии этого срока им было предоставлено право вернуться вновь на родину. В колонии чувствовался недостаток в женщинах, а так как каждому человеку хочется испытать на себе счастье или несчастье брачной жизни, то и немудрено, что некоторые из матросов мечтали о возвращении в Америку.

Закончив с этим вопросом, Марк изложил свои сомнения относительно судна. Долгое время он думал, что «Ранкокус» неподвижно и неизбежно прикован к месту; теперь же, со времени последнего землетрясения, он очутился в яме, где под ним едва хватало воды. Присутствовавший при спуске «Ранкокуса» Боб знал, что его

осадка равняется всего тринадцати футам, а Билл Броун брался дать судну еще от восемнадцати до двадцати дюймов воды — для того, чтобы вывести его из его заколдованного круга.

Раз была возможность вывести «Ранкокус» в море, отсюда сам собой вытекал вопрос: не следовало ли теперь вернуть это ценное судно тем, кому оно принадлежит по праву? Правда, как было известно, Бриджит, «друг» Авраам Уайт и его компаньоны были давно уже вознаграждены за свои убытки страховой премией, но теперь на «Ранкокус» имели неоспоримое право страхователи. Нагрузив здесь судно сандалом и обменяв его в Кантоне на груз чая, можно было получить такие барыши, которые могут с избытком покрыть все затраты и расходы на судно. Но при всем этом Марк не хотел расстаться с мыслью о дальнейшем существовании и процветании основанной им колонии, и поэтому перспектива покинуть эти края на целые двадцать месяцев, а может быть и больше, страшила его. Он сознавал, что если он и Бриджит с ребенком уедут, то остальные разбредутся в разные стороны, полагая, что они больше не вернутся, и столь успешно начатое им дело колонизации рухнет неизбежно.

Итак, решено было сделать прежде всего попытку извлечь судно из его тесного места заключения, а затем уже обсудить дальнейший образ действий. Одновременно с этим решением к Урууни и Ваальли были посланы весьма ценные для них подарки, вроде стеклянных бус и ожерелий, ножей, топоров и т. п. вещей, составлявших часть груза «Ранкокуса»; взамен этого колонисты просили их вновь распорядиться заготовкой большего количества сандала. Для выполнения этого поручения были посланы Боб и Джонс, которые и отправились на «Нешамони» на группу островов Бэтто с тем, чтобы по выполнении возложенного на них поручения они немедленно вернулись на Риф, где их помощь была нелишняя для работы на «Ранкокусе».

Хитон и Ункус остались на Пике для охраны этой части владений колонии и для работ на лесопильне, а все остальные мужчины вернулись на Риф, где тотчас и

приступили к работам на судне. Очистив трюм от всего, что там было свалено, наши колонисты перетащили на берег все бочки и бочонки с пресной водой, которые служили балластом для судна. Когда весь этот груз был удален с корабля, наши приятели с радостью убедились, что судно поднялось на несколько дюймов, а после того, как с «Ранкокуса» были сняты все остатки парусов, снастей и мачт, его корпус поднялся еще больше. По прошествии недели дело с погрузкой и уборкой всего, что можно было снять с судна, уже значительно двинулось вперед и подходило к концу. Однажды под вечер во время прилива подул сильный и свежий ветер, и Марк решил воспользоваться им для того, чтобы вывести «Ранкокус» из этого тесного бассейна. И вот под громкие крики радости всех присутствовавших судно колыхнулось и тронулось вперед; первый трудный шаг был сделан, и всем было ясно теперь, что нелегкая задача переселенцев увенчалась полным успехом.

В тот же день «Ранкокус» подвели к берегу, где он стал на якорь так же надежно, как если бы он находился у набережной порта в Филадельфии.

Затем колонисты начали конопатить судно и принялись подчищать и чинить его паруса, мачты и снасти — все было приведено в должный порядок; не забыты были пресная вода, и съестные припасы, и всякого рода инструменты и орудия. Оставалось только позаботиться выбором экипажа. Боб давно уже успел вернуться с вестью, что дикари на самом берегу главного острова заготавливают громадное количество сандала и что не больше, чем через месяц «Ранкокус» может принять свой груз и плыть в Кантон.

Понятно, что в число экипажа прежде всего попали те трое матросов, которые высказали желание вернуться на родину, а именно Джонс, Эдвардс и Брайт; Боб был назначен старшим помощником капитана, а Биглоу младшим. Билл Броун остался за коменданта на Рифе, Уаттельс пожелал остаться с ним, но Диккинсон и Харрис, хотя намеревались вернуться в колонию, все же не прочь были отплыть на судне: подобно Биллу Броуну, они также

мечтали о нежной подруге; разница была лишь в том, что Броун поручил Марку выбрать для себя хорошую во всех отношениях невесту, а Диккинсон и Харрис предпочитали сами выбрать себе своих будущих жен по своему личному вкусу. Только один Уаттельс совсем не высказался по этому поводу.

Между тем, как готовились к отплытию, в среде переселенцев состоялся еще один счастливый брак: Ункус соединил свою судьбу с судьбой героической Юоны; он построил себе хорошенькую хижину на Пике и зажил очень счастливо своим хозяйством.

Но вот настал решительный момент отъезда. Бриджит долго рыдала в объятиях своего мужа; «друг» Марта, по-видимому, спокойно рассталась с «другом» Бобом, но на душе и у нее было также нелегко.

С рассветом «Ранкокус» вышел в море; Броун и Уаттельс сопровождали его на «Нешамони» до группы островов Бэтто. Тотчас же по приезде на остров Марк просил Урууни созвать всех своих старшин, данников и в присутствии жрецов, именем своей светской и их духовной власти, торжественно запретить всякого рода общение с переселенцами в течение года, а по прошествии этого срока Марк обещал снова вернуться к ним с многочисленными и ценными для них подарками. Обнадеженный связующей силой воспрещения, облаченного в религиозную форму, Марк со спокойным сердцем мог отплыть в свой далекий путь.

Нагрузив изрядное количество сандала и получив от Урууни восемь ловких, способных индейцев, которые вошли в состав экипажа «Ранкокуса», Марк пошел в Кантон. Пятьдесят дней спустя «Ранкокус» входил в порт города Кантона, где без труда выгодно продал свой груз, после чего, забрав полный груз чая, он остался с крупным барышом. В это время как раз продавался небольшой американский бриг. Марк приобрел его за весьма сходную цену, нагрузил всяким полезным товаром и провиантом, в том числе несколькими английскими коровами, богатым запасом железа, снарядов и разного рода оружием. Бриг этот оказался очень быстроходным и легким суд-

ном; киль его был обит медью, хотя и не новой, но достаточно прочной. Вооружен он был десятью шестифунтовыми пушками и обладал вместимостью в двести тонн. Все бумаги его были в полном порядке, а назывался он «Сирена». Конечно, Марку пришлось бы отказаться от этой покупки, если бы ему не посчастливилось встретиться в Кантоне с одним из своих прежних друзей, который женился здесь на хорошенькой англичанке и был вынужден отказаться от морской службы ради спокойствия своей жены. Приятель этот, по фамилии Саундерс, был всего года на три старше Марка и отличался прекрасным характером. Узнав от Марка историю его вновь образовавшейся колонии, Саундерс возымел непреодолимое желание пристать к этой колонии и предложил набрать экипаж из таких же американцев, как он сам, очутившихся без дела в данный момент; с ними он брался довести «Сирену» до Рифа. Решив на этом, «Сирена» ушла в море накануне того дня, когда «Ранкокус» вышел из Кантона в Филадельфию. Биглоу перешел на «Сирену» в качестве старшего помощника командира, а вместе с тем и лоцмана. Его место на «Ранкокусе», по приглашению Марка, занял другой молодой офицер.

День прибытия «Сирены» на Риф был великим событием для всех переселенцев, и так как, согласно распоряжению Марка, это новое судно не должно было отлучаться из колонии до конца года, то присутствие очень внушительных размеров судна могло служить поселенцам гарантией полнейшей безопасности.

Нет надобности останавливаться на всех подробностях плавания «Ранкокуса». Достаточно сказать, что он в надлежащее время вошел еще раз в Делавар, к немалому удивлению всех заинтересованных в нем лиц. «Друга» Авраама Уайта в это время уже не было в живых, и все товарищество судовладельцев распалось; однако право собственности на это судно по закону перешло к страховщикам. К ним и явился после приезда Марк с подробным отчетом обо всем случившемся. Привезенный чай ему удалось продать очень выгодно, о чем он также сообщил страховой компании, которая, обсудив это дело,

решила, за вычетом суммы, равной сумме, выплаченной ею страховой премии и следуемых с нее процентов, само судно и остаток суммы, вырученной Марком от продажи груза, предоставить добросовестному и честному капитану Вульстону в полное его владение в благодарность за оказанные им обществу услуги. Таким образом, кроме законно присужденного ему судна, Марк получил еще около одиннадцати тысяч долларов наличными. Излишне было бы говорить, что все сограждане Марка Вульстона стали смотреть на него как на великого человека. Не только вся его семья встретила его с распростертыми объятиями, но и сам доктор Ярдлей переменял о нем свое мнение и соблаговолил протянуть ему руку примирения. Старик Ярдлей сделал ему подробный отчет о своих делах по опеке Бриджит, и Марк вдруг очутился обладателем состояния более чем в двадцать тысяч долларов. Вслед за этим Марк приступил к разным приготовлениям для скорого отплытия на остров кратера, который он с Бриджит в тайне решили сделать своей постоянной резиденцией, предпочитая его даже всем красотам Пика. На кратере Марк прожил столько тяжелых дней, дней одиночества, отчаяния и муки, что он невольно стал как-то особенно близок сердцу обоих супругов.

Г л а в а   X X

Смертный, ты жалуешься на свою судьбу. Но твои печали на небесах сложены в драгоценную сокровищницу. Позднее каждое твое горе получит вознаграждение. Пой потому без конца гимн благодарности.

«Нравственная алхимия»

Марк без труда мог предпринять такое плавание с грузом сандала в Кантон и, забрав с собой всех желающих, вернулся из Кантона с грузом чая в Америку, чтобы остаться там уже навсегда. Но его приковывал к себе благословенный климат тех островов, отличавшийся

всеми прелестями южных широт и не имевший ни одного из свойственных ему неудобств, так как свежий ветер с моря постоянно умерял нестерпимый зной даже на Рифе, не говоря уже о Пике, где даже в самые жаркие месяцы не было надобности прекращать работу и в полдень. Зимы здесь совсем не было, и человек чувствовал себя более счастливым, бодрым и здоровым, чем где-либо в другом месте земного шара. Поэтому Марк ни за что не хотел расстаться с Рифом, не хотел его также и населять кем попало. Напротив, он намерен был сохранить в своих владениях порядок и вообще довольство и поэтому предпочитал предоставить заботу об увеличении населения самой природе.

В числе знакомых Марку людей был один молодой человек по фамилии Пэннок; женившись очень рано, он уже успел стать отцом троих детей. Человек весьма небогатый, он уже не на шутку начинал ощущать в своем домашнем обиходе бремя многочисленной семьи. Пэннок был прекрасный фермер, человек работающий и смолоду привыкший к труду. Марк в минуту откровенной беседы предложил ему ехать вместе с собой, захватив также и семью, состоявшую из жены, троих детей и двух его сестер, молодых девушек, и поселиться в его колонии на Рифе. После некоторого размышления Пэннок принял предложение. Марк поручил ему вербовку добровольных переселенцев для формирования экипажа, а сам занялся закупкой всего необходимого и приготовлениями к скорейшему отплытию в обратный путь. Двое братьев Марка — Чарльз и Авраам Вульстон также выразили желание переселиться в страну приключений брата; кроме того, к ним присоединились еще пятьдесят других эмигрантов. Все это делалось под величайшим секретом, с целью не привлекать общественного внимания к новой колонии, потому что могло пагубно отозваться на ее процветании и благосостоянии. Прежде всего Марк хотел удержать за собой монополию той торговли, которая являлась очень прибыльной; между тем, не подлежало сомнению, что соискатели нахлынули бы в большом количестве на эти острова, если бы стало известно, какой

источник богатств таится там. Марк не обманывался на этот счет, заранее уверенный, что как только он сообщит другим о существовании этих островов, к нему со всех сторон посыпятся просьбы о зачислении в состав колонии, но этого-то именно он и не желал и потому тщательно скрывал свою находку. О прибытии «Ранкокуса» было, конечно, упомянуто в газетах, но без всяких подробностей и рассуждений; там говорилось только, что судно это разбилось о подводные рифы и потеряло почти весь свой экипаж и что впоследствии все уцелевшие, то есть оставшиеся в живых люди экипажа сняли его с мели, произвели на нем необходимые починки, исправили все аварии и благополучно закончили плавание. Таким образом вся история Марка и его островов осталась совершенно неизвестна публике. При отчете о своих действиях страховому обществу Марк также ничего не упомянул о своих и соседних островах, а ограничился лишь заявлением, что часть груза этого судна он употребил на свои личные нужды и надобности.

По прошествии некоторого времени «Ранкокус» снова ушел в море с полным грузом разнообразного товара. Между прочим, он вез немалое количество всякого рода орудий и инструментов, множество различных семян, штук шесть коров и несколько пар улучшенной породы свиней, двух кобылиц и упряжку волов; всевозможные тележки, тачки и т. п. также имелись здесь в значительном количестве. Кроме того, он вез большой запас железных прутьев, брусьев, гвоздей всякого сорта и других металлических изделий и, наконец, несколько тысяч долларов преимущественно мелкой медной монетой. Кроме того, и все переселенцы везли с собой в большем или меньшем количестве звонкую монету. В трюме был сложен значительный запас строевого леса, а магазин был полон вооружения для «Ранкокуса». Марк приобрел еще четыре полевых орудия небольшого калибра, две трехфунтовые пушки, две гаубицы двенадцатифунтового калибра с лафетами и несколько дальнобойных орудий.

Помимо артиллерии, Марк вез с собой еще двести штук мушкетов и пятьдесят пар пистолетов. Однако

наибольшее значение Марк придавал не столько предметам, сколько людям, которых он увозил с собой на Риф. Все до одного переселенцы принимались им с большим разбором; при этом особое внимание было обращено на нравственные качества каждого человека. Кроме того, Марк позаботился и о том, чтобы в числе переселенцев были представители различных профессий, и главным образом разный ремесленный и мастеровой народ: плотники, каменщики, слесари, сапожники, портные и т. п. Почти все они были люди семейные, за исключением нескольких молодых людей и девушек, братьев или сестер кого-либо из эмигрантов. Пространство между деками было все предоставлено в распоряжение переселенцев, число которых достигало двухсот человек, не считая детей.

Марк Вульстон был слишком разумным человеком, чтобы увлекаться каким-либо из модных современных абсурдов, вроде всеобщего равенства или же общности имуществ. Нашлись из числа желавших отправиться на острова Тихого океана двое таких господ, которые мечтали образовать там общество людей, у которых имущество было бы общее и нераздельное, а все обязанности согласовывались с естественным правом человека. Но Марк имел на этот счет свои продуманные взгляды и убеждения и не мог согласиться с этими людьми; по его мнению, цивилизация не могла бы существовать без права собственности, а сама собственность не может существовать без личного прямого интереса не только в накоплении, но и в сохранении этой собственности.

Из всех софизмов наиболее пошлый и вредный, по мнению Марка, был тот, который гласит, будто свобода личности возрастает пропорционально свободе, приобретенной массой. Напротив, тысячи примеров показывают, что личность попирается самым порядком вещей в такой свободной стране; там часто преследуют человека за то, что он осмеливается поступать или думать иначе, чем его сосед, и, невзирая на покровительство законов, он поневоле должен покоряться большинству, а это власть — неумолимая, обидная. Причина этого явления весьма

простая: где у власти стоит один или несколько людей, там, если один какой-нибудь человек из толпы вздумает почему-либо протестовать против несправедливости или насилия этой власти, общие симпатии и сочувствие толпы будут всегда на его стороне; но эта же толпа останется жестоко-беспоощадной к тому, кто только дерзнет восставать против приговора массы, пусть даже его правда будет ярче самого солнца.

Это попираание личности является следствием того, что слишком разделенная власть влечет за собой неизбежно серьезные злоупотребления, совершаемые почти бессознательно и безнаказанно.

У Марка был свой план устройства его маленького государства, и поэтому, когда два молодых ученых-правоведа выразили желание сопровождать его в Тихий океан, он, не задумываясь, отказался принять их в состав своей колонии.

Право, как наука, без сомнения, есть полезное знание, но Марк полагал, что его товарищи могут еще долгие годы прожить счастливо и без этой мудрости. Затем к нему явился с предложением своих услуг некий врач, но, помня козни и вражду своего отца с отцом Бриджит, он решил, что для колонии достаточно и одного Хитона. Наибольшее затруднение представлял собой религиозный вопрос.

Хотя в то время рознь сект еще не выступала в столь ярких формах, но и тогда уже она начинала становиться предметом толков и горячих прений. Так, например, в Бристоле было много последователей англиканской церкви, и в их числе была семья Вульстон, между тем как Бриджит принадлежала к пресвитерианской церкви, а большинство вновь присоединившихся переселенцев были так называемые умеренные квакеры, то есть люди, весьма безразлично относившиеся к религиозным воззрениям и не придерживавшиеся строго своих обрядов. По мнению Марка, одного священника было бы совершенно достаточно для его маленькой колонии, но ведь один и тот же священник не мог угодить всем этим разнородным сектам, в этом и заключалось главное затруднение. Во-

прос этот разрешила сама судьба; к нему явился один родственник Хитона, человек молодой, но слабого здоровья, по фамилии Хорнблоуер, недавно посвященный в священники, и Марк согласился взять его с собой, вместе со всей его семьей, состоявшей из жены, сестры и двоих детей.

Мы не станем описывать день за днем плавание «Ранкокуса», тем более, что оно не отличалось никакими особенными событиями.

Судно находилось уже сто шестьдесят дней в море, считая в том числе два дня стоянки в Рио-де-Жанейро.

Все с нетерпением ожидали окончания плавания; некоторые даже опасались, что капитан недостаточно хорошо знаком с этими морями, чтобы отыскать те острова, о которых он говорил им, однако в существовании этих островов никто не сомневался. Но вот находившиеся на судне краснокожие стали вдруг уверять, что они чувствуют близость земли; это уверение подействовало успокоительно на всех. Как это ни странно, но словам этих невежественных туземцев все доверяли больше, нежели научным наблюдениям капитана судна.

Вскоре после того, около полудня, Марк взобрался на палубу со своим квадрантом и немного спустя объявил о результатах своих наблюдений; по его мнению, их судно должно было вскоре войти уже в воды кратера. Одно из многочисленных морских течений отнесло их немного дальше к северу, чем он предполагал; по его вычислениям выходило, что они теперь находятся всего в тридцати милях на север от желанных островов. Это известие было встречено всеобщими криками радости и восторга. Но часа три спустя, матрос, стоявший на вахте, объявил с фок-салинга, что земли еще не видно. Страшное подозрение шевельнулось на минуту в душе Марка: неужели новое конвульсивное движение недр земли поглотило опять все то, что оно так недавно вызвало к жизни? Но вот сверху кто-то крикнул: «Парус!», а час спустя оба судна были настолько близко друг от друга, что с помощью подзорной трубы прекрасно можно было рассмотреть предметы.

— Это «Сирена»! — воскликнул Марк. — Но что она здесь делает, на ветре у островов?

— Быть может, это готовится для нас торжественная встреча, — заметил Боб. — Теперь как раз то время, когда они должны нас ожидать, и я готов биться об заклад, что ваша супруга и «друг» Марта пожелали выехать навстречу своим мужьям.

Слова эти вызвали невольную улыбку на устах Марка, продолжавшего между тем свои наблюдения.

— Там, на «Сирене», творится что-то странное. Взгляни же, Боб, ведь она рыскает из одной стороны в другую, точно гальот, носимый ветром, шатается и кренится, как хмельной матрос! Как видно, там никого нет у руля!.. Ах, Боже!!

— Да, да, смотрите, как парус-то полощет!

— О, Боже мой, да что же это такое?!

Марк с озабоченным лицом рассказывал теперь взад и вперед по палубе, приостанавливаясь лишь по временам, чтобы взглянуть на поспешно приближавшееся судно.

Оно теперь было на расстоянии не больше одной мили от «Ранкокуса».

Вдруг Марк позвал к себе Боба — отдать приказ снять долой койки. Это сигнал ужасной, решительной минуты перед сражением.

— Все наверх и по местам! — вдруг крикнул Марк.

Все, бывшие на судне, всполошились, забегали, готовясь к сражению; отвязывали орудия, готовили снаряды, ядра. Тем временем «Ранкокус» подошел к «Сирене» на расстояние пушечного выстрела; теперь уже можно было ясно видеть, что творилось на «Сирене». Никто из присутствовавших не мог понять столь странных эволюций брига. Очевидно, там имели намерение уменьшить ход, но вместо того бриг ежеминутно рыскал то в одну сторону, то в другую, а некоторые менее тяжелые паруса почти все время бились о стенки. Марк внимательно следил за всем происходившим на бригае, а также приглядывался к людям экипажа, которые суетились у парусов.

— Готовь одну из пушек! Случилось какое-то несча-

стье; наш бриг в руках индейцев, а они не могут с ним справиться.

Можно себе представить впечатление, какое произвели эти слова на всех присутствовавших; если индейцы овладели бригом, то, следовательно, они овладели и Рифом, и Пиком; что же в таком случае ожидало переселенцев? Прошло еще около четверти часа страшного ожидания для экипажа и беспредельной муки для Марка. Боб также был встревожен. Случись теперь Ваальли подвернуться ему под руку, индейцу бы несдобровать. Неужели Урууни мог изменить им, нарушить свои обещания? Нет, этого ни Боб, ни Марк не могли допустить.

— Орудие это в порядке, готово оно к бою? — спросил вдруг Марк.

— Да, капитан, полностью готово, по первому сигналу будем палить.

— Ну, так открой огонь! Да целься выше! Попробуем сперва только пугнуть их, и горе мне, если они не сдадутся!

Раздался выстрел, но, к немалому удивлению всего экипажа, бриг отвечал-тотчас же залпом с целого борта, но эта энергичная демонстрация оказалась единственной мерой сопротивления, оказанной судном. Несмотря на то, что бриг открыл огонь из всех пяти орудий борта, ни один снаряд не причинил вреда «Ранкокусу», потому что индейцы стреляли, не наводя орудий, а просто наугад, и сами же пострадали при этом: три или четыре человека из их экипажа были опрокинуты и ушиблены откатом орудий. Приняв этот неизбежный факт за проявление гнева своих богов, весь экипаж и все присутствующие пришли в какой-то дикий ужас и смятение; они сбились в кучу, кричали, воздевали руки к небу, совершенно забыв о судне; никем не управляемое, оно вышло из ветра, но и этого никто не заметил. А «Ранкокус» между тем все приближался с каждой минутой с очевидным намерением идти на abordаж. Марк, в сущности, вовсе не желал, чтобы дело дошло до рукопашной, и приказал стрелять в неприятеля картечью. Этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы решительно склонить победу

на сторону белых. Около двенадцати человек краснокожих были убиты или ранены, многие поспешили спрятаться в трюм, другие взобрались на борт и бросились спасаться вплавь. К немалому удивлению, эти пловцы направились в сторону ветра; это, без сомнения, означало, что в этом направлении они надеялись встретить землю или же лодки. В данном положении Марк, находясь на корме брига, закинул абордажные крюки и во главе двадцати человек из своих людей вскочил на палубу «Сирены» и беспрепятственно овладел судном.

Отдав матросам необходимые приказы, как командир судна, и восстановив надлежащий порядок в снастях и парусах, Марк тотчас же спустился во внутренние помещения брига. В каюте он нашел мистера Соундерса (или, как его называли все переселенцы, капитана Соундерса), связанного по рукам и ногам; комиссара и Биглоу постигла та же участь; они были найдены в помещении матросов также связанными. За исключением этих трех человек, весь экипаж «Сирены» состоял еще из двух человек в тот момент, когда она была захвачена индейцами. Соундерс положительно не мог сообщить Марку никаких подробностей о всем случившемся.

Марк узнал от него, что «Ранкокус» теперь находится не на ветре у кратера, а под ветром, и если бы он продолжал идти в том направлении, в каком шел, когда встретился с «Сиреной», то он к восходу солнца пристал бы к острову своего имени. Кроме того, Соундерс успокоил Марка относительно участи женщин и детей; все они находились на Пике, и ни одна из них не отлучалась из Эдема уже больше шести месяцев, т. е. с тех пор, как смерть Урууни развязала руки Ваальли. Тотчас же после смерти отца сын Урууни, наследовавший от него власть, был свергнут грозным Ваальли, который, ничего не стесняясь, заклятиями и торжественным разрешением своих жрецов, стал убеждать своих единоплеменников пойти против белых. Наобещав им полный разгром всего имущества переселенцев и груды столь драгоценного для них железа и меди, якобы имевшихся на судне, Ваальли собрал вокруг себя немалое число соратников. Однако,

как хитрый и предусмотрительный политик, он не сразу двинулся войной на белых. После того, как ему удалось захватить верховную власть, Ваальли стал преднамеренно осыпать переселенцев всевозможными доказательствами своего благорасположения и внимания к ним. Он заготовил громадные запасы сандалового дерева, которые он обещал сам перевезти на Риф, и первый большой транспорт был действительно им доставлен; одним словом, не было такой дружественной услуги, которую бы он не постарался оказать переселенцам с целью ослабить их бдительность и осторожность. Никто на кратере не ожидал нападения; все готовились к встрече Марка, и возвращение «Ранкокуса» ожидалось со дня на день.

«Сирена», забрав громадный груз сандала на островах Бэтто, выгрузила его на кратере, а затем вышла в море навстречу «Ранкокусу» с тем, чтобы поскорее принести Марку сведения о делах колонии. Это было как раз утром того дня, когда произошла встреча «Сирены» и «Ранкокуса». Экипаж «Сирены» состоял на этот раз из капитана Соундерса, Биглоу, комиссара, повара и еще двух людей, нанявшихся в Кантоне. Двое последних стояли, как на беду, на вахте, когда, пользуясь предрассветной мглой, к судну подкрались индейцы. Будучи пьяны, те даже не заметили приближения неприятельской флотилии и сами первые поплатились жизнью за это небрежное отношение к долгу службы. Остальные находившиеся на бриге люди были обязаны своей жизнью только тому счастливому обстоятельству, что все они спали крепчайшим сном в момент нападения индейцев на их судно. Не видя в них помехи своему разбою, индейцы не нашли нужным их убивать. Завладев бригом, дикари решили отвезти свою спавшую добычу на острова Бэтто, и Бог весть, что стало бы с злополучным экипажем «Сирены», не повстречай ее «Ранкокус».

Соундерсу ничего не было известно относительно численности неприятельского флота или дальнейших намерений врага. Он полагал, что судно его было атаковано весьма незначительной частью войск Ваальли с их грозным вождем во главе. По некоторым словам и жестам,

подмеченным Соундерсом в то время, когда его вязали он полагал, что остальная, более многочисленная часть войск Ваальли проникла в каналы, ведущие к Рифу понятно, с целью разграбления острова. В настоящее время на кратере пребывали Сократ, Ункус и Уаттельс с их женами и семьями; других защитников там не было. На вершине кратера еще перед отъездом Марка был построен довольно просторный и красивый дом, и хотя он еще не был полностью закончен, но все же имел громадную цену в глазах переселенцев; на луговине всюду разбрелись стада свиней, число которых достигало в настоящее время двухсот голов; тут же было и несколько штук рогатого скота и большие запасы железа, привезенного из Кантона и сваленного в груды на кратере.

Выслушав рассказ Соундерса, Марк тотчас же составил план действий. Прежде всего он приказал держаться как можно ближе к ветру для того, чтобы подойти и вплавь спасавшимся индейцам. Пусть это были дикари и неприятели, но все же они были люди, и Марку не хотелось бросать их на произвол судьбы в открытом океане. Врезавшись в самую середину пловцов, Марк приказал спустить несколько шлюпок, к которым индейцы, несмотря на внушаемый им судном и его экипажем ужас, все же с радостью поплыли со всех сторон, ища спасения. Сделав это доброе дело, Марк стал раздумывать уже о дальнейшем. Три разных канала вели на Риф; Марк выбрал из них северный, так как это был ближайший путь, а также и потому, что тут не было надобности постоянно лавировать. Оставив на «Сирене» двенадцать человек экипажа, Марк послал ее к западному рейду, чтобы запереть всякое отступление флоту Ваальли, если он успел проникнуть к кратеру и вздумает бежать с захваченной добычей. Что же касается «Ранкокуса», то он час спустя был уже в виду берега, а перед закатом солнца зашел в северный рейд и бросил якорь на достаточной глубине в месте, прекрасно защищенном от ветра; здесь Марк провел всю ночь, не желая рисковать, забираясь темной ночью в узкие, извилистые рукава и проливы.

*Какая прекрасная вещь свой дом! С
удовольствием в него возвращаются!*

П е р с и в а л ь

Бросив якорь на ночь, Марк не пренебрег сделать маленькую рекогносцировку. Это поручение было возложено на Боба. Согласно инструкциям, данным ему, он должен был проникнуть как можно ближе к Рифу, и если возможно, то даже постараться переговорить с Сократом.

Имея в своем распоряжении двухпарусную шлюпку, Боб до полуночи очутился в виду Рифа, но, к немалому своему удивлению, он увидел, что все здесь спало спокойным сном. Боб не удовлетворился рекогносцировкой, сделанной издали, а продолжал свой путь до тех пор, пока не достиг скалистой набережной Рифа; здесь он сошел на берег и пешком, не торопясь, направился в кратер. Вход в него оставался открытым; войдя туда, Боб и его товарищи всюду застали полнейшую тишину, без всяких признаков недавнего разгрома. Зная, что жители Рифа предпочитали для ночлега вершину, Боб поднялся туда и, зайдя в один из построенных там домов, он к немалой радости застал там весь маленький гарнизон кратера спящий сном праведных, не чувствовавших над головой никакой беды. Боб понял, что индейцы еще не появлялись здесь и что Сократ не знает ничего о том несчастье, которое постигло бриг.

Негр несказанно обрадовался возвращению Боба и своего господина, как он всегда называл Марка; даже весть о близости индейцев не смутила его, когда он услышал, что великан «Ранкокус» со столь многочисленным подкреплением находится так близко. Впрочем, Марк дал Бобу двадцать человек вооруженных людей для сопровождения его во время рекогносцировки, а с таким войском можно было рассчитывать, что кратер в безопасности. Получив приказ уведомить о результатах своей экспедиции, Боб отослал шлюпку обратно к Марку и поручил четверым из людей, возвращавшимся на судно,

подробно сообщить самому капитану обо всем, что им пришлось увидеть и услышать на Рифе.

По словам Сократа, оборона Рифа вовсе не была так затруднительна в данный момент, так как и «Друг Авраам», и «Нешамони» стояли теперь на якоре в Миниатюрной бухте, равно как и остальные суда, и что значительная часть скота тоже находилась на Пике, хотя и здесь еще оставалось до двухсот голов свиней и голов восемь рогатого скота, не считая маленьких телят. Больше всего пострадать должны были, конечно, свиньи, так как в них индейцы стали бы стрелять, тогда как рогатый скот они во что бы то ни стало постараются захватить живьем.

Тем временем Сократ стал хвастать успехами растительности на этих островах. Вся громадная луговина представляла собой прекраснейшее пастбище для скота; все посадки деревьев принялись и крепи не по дням, а по часам, образуя везде сады и рощи. Вновь прибывшие переселенцы с жадностью прислушивались к этим его речам. Однако Боба все же озадачивали средства обороны, о которых он не переставал думать, все время слушая рассказы Сократа.

У деревянного мостика Боб распорядился поставить несколько вооруженных людей для охраны этого прохода; все имевшиеся здесь коронады были заряжены, и всюду расставлены часовые. Приняв все эти необходимые меры предосторожности, Боб разрешил своим людям поспать, и сам первый подал им пример.

Как и нужно было ожидать, Ваальли атаковал Риф с первыми лучами рассвета. Шлюпка, посланная Бобом с известием с Рифа, успела вернуться на бриг и передать распоряжения Марка, по которым «Сирена» должна была сейчас же войти в западный канал, чтобы запереть с тыла флот Ваальли.

Такое было положение дел, как вдруг совершенно неожиданно раздались крики индейцев.

Прежде всего Ваальли атаковал маленький мост, рассчитывая завладеть им без сопротивления. Зная, что судно находится в отсутствии, он предполагал, что теперь нечего опасаться его страшных огней.

Но Ваальли знал также, что на вершине кратера имеются орудия, и ими он рассчитывал овладеть с самого начала сражения. Эти смертоносные машины приводили в ужас всех индейцев, и Ваальли отлично понимал всю важность обладания хотя бы одним из таких орудий. Для этого надо было лишь действовать с большей быстротой. Собрав предварительно подробные сведения о положении дел на Рифе, он думал, что не встретит почти никакого сопротивления, тем более, что после захвата брига, по его расчетам, на Рифе должно было оставаться всего не больше шести человек защитников. Действительно, в это время на острове был только Сократ со своей семьей. Крики индейцев раздались как раз в тот момент, когда они увидели, что мост был снят, а люди, охранявшие мост, дали тотчас же залп из нескольких ружей. Такое было начало этого сражения, сопровождавшееся бешеными криками и возгласами. Несколько сот человек бросились вплавь и, переплыв пролив, устремились на кратер. Ожидавший этого Боб приказал своим людям отступить и не препятствовать врагу вступить на землю Рифа. Жаждающие наживы и грабежа индейцы толпами взбирались на берег и бежали, перегоняя друг друга, с разных сторон ко входу в кратер. В этот момент Боб со своими товарищами вошел в ворота, ведущие вовнутрь кратера, и захлопнул их за собой, решив во что бы то ни стало воспрепятствовать вторжению краснокожих. Боб отлично знал, что другого места проникнуть в кратер, как только пройдя в ворота, не было; поэтому он не робел, а защитить лишь этот вход было не трудно, тем более, что находившаяся на вершине коронада была наведена так, чтобы преградить доступ к входу. Разочарование Ваальли при виде столь неприступной цитадели было очень сильное, но при всем том он понял, что для того, чтобы достигнуть вершины, нужно было прибегнуть к помощи каких-нибудь искусственных мер. Тем не менее у него хватило благоразумия отозвать своих воинов, спрятавшихся среди скал, где они, действительно, были хорошо закрыты от неприятельского огня, но вместе с тем были обречены на полное бездействие.

Жажда наживы не давала покоя Ваальли, и он решил сделать попытку достигнуть вершины снаружи: с этой целью он приказал кучке своих воинов взобраться туда, подсаживая друг друга на плечи. Этот план, казалось, должен был бы удасться, но только голова первого индейца показалась над скалами, как меткий выстрел раздробил ему череп, и он, падая, увлек за собой еще несколько человек, ломавших себе ребра, руки и ноги во время падения.

Однако, утомленный продолжительным бездействием, смысленный и находчивый Ваальли решил испытать еще одно отчаянное средство. На верфи, где иногда производились разные ремонтные работы, осталось немного разного строевого леса, балок, досок и т. п. Ваальли, отобрав сотню решительных и предприимчивых людей, послал их туда с приказом собрать как можно больше досок, брусьев и всякого другого леса и перетащить все это к подножию кратера.

Боб только этого и ждал; он тотчас навел одну из коронад прямо на самую большую кучу лесного материала, и как только индейцы собрались вокруг нее, выстрелил по ним картечью; человек десять или двенадцать были убиты и ранены, остальные же, точно пыль, развеянная ветром, разбежались в разные стороны. Вдруг кто-то крикнул «Парус!», и вслед за тем этот же возглас повторили и часовые на вершине. То был «Ранкокус». Очевидно, выстрел, посланный с кратера, был услышан Марком, потому что он тотчас же ответил на него, желая ободрить этим осажденных и давая им понять о своем присутствии. Минуту спустя раздался третий выстрел из орудия с западной стороны, и, оглянувшись в ту сторону, Боб увидел верхушки мачт «Сирены», видневшиеся над вершинами скал. Надо ли говорить, что раздававшаяся со всех сторон пушечная пальба и появление двух вооруженных судов разрушили все планы предприимчивого Ваальли, который, подавляя с трудом свою ярость, стал отступать. Отступление Ваальли могло быть названо счастливым. По данному им знаку индейцы бросились в воду и благополучно переплыли пролив. Боб, конечно,

мог бы беспрепятственно стрелять в них картечью и перебить большую половину неприятелей, но ему было противно бесполезное кровопролитие, и поэтому индейцам удалось убраться с Рифа, унося с собой убитых и раненых с помощью моста, который они уже успели восстановить.

Добраться до своих лодок Ваальи и его людям было легко, но теперь появился вопрос, как выйти из вод кратера? Всякая возможность отступления и с севера, и с запада была отрезана; чтобы выйти с южной или восточной стороны, необходимо было пройти под огнем Рифа, а затем еще пройти сквозь строй между цитаделью кратера и грозным «Ранкокусом».

Однако Ваальи сообразил, что если они сделают некоторое усилие и быстро промчатся под скалами Рифа, то в узких и тесных проливчиках его флоту удастся выбраться в открытое море, а большие суда врагов будут не в состоянии преследовать их в этих тесных, извилистых проливах. Боб предоставил им и здесь пройти беспрепятственно, не сделав по ним ни одного выстрела.

Как только «Ранкокус» подошел ближе, Боб отправился навстречу Марку и доложил ему о всех своих действиях. Теперь уже опасность совсем миновала. «Ранкокус» стал на якорь у набережной Рифа, и пассажиры толпой устремились на берег, едва только успели перебросить две-три доски, чтобы облегчить переход с корабля на сушу.

Менше чем за час времени все имевшиеся на судне животные были выведены на берег и пущены на пастбища кратера, и вскоре на «Ранкокусе» не осталось ни одного животного, кроме крыс и мышей, без которых невозможно ни одно судно.

Об индейцах никто не думал. Они бежали и в данный момент были уже очень далеко. Конечно, «Ранкокус» и бриг с успехом могли преследовать их, но переселенцы наши не имели желания пускаться за ними в погоню и от души радовались тому, что им удалось от них избавиться.

И вот после столь долгого отсутствия Марк вновь вернулся к себе на Риф. Все тут дышало довольствием и изобилием; тут стояло и его судно, нагруженное всем, что только могло способствовать удобству и благосостоянию его и всей его колонии. Вокруг себя он видел только одни счастливые, веселые и довольные лица, и сердце его переполнилось чувством благодарности к Всевышнему. Если бы здесь была его жена и дети, то, кажется, в этот момент мера счастья его переполнилась бы. Однако и Бриджит не забыли. Не прошло и получаса с минуты прибытия судна на Риф, как Боб уже успел вскочить на «Нешамони» и поспешил на Пик с радостной вестью о прибытии «Ранкокуса». Но ему не пришлось совершить столь дальнего плавания; едва успел он обогнуть южный мыс, как встретился с «Авраамом», шедшим к Рифу. На Пике были замечены враждебные намерения Ваальли и поэтому решили отправить на Риф «Друга Авраама» с надлежащим по своей численности экипажем для того, чтобы предупредить тамошних жителей о грозившей опасности и предложить им в случае необходимости помощь. Бриджит вздумала тоже ехать на Риф вместе с детьми и Мартой, чтобы позаботиться о сохранности некоторых ценных вещей, находившихся в павильоне мужа на вершине кратера.

Легко вообразить радость Бриджит, Марты и других пассажиров и экипажа «Друга Авраама» при получении известия о прибытии «Ранкокуса». После первого обмена приветствиями и сбивчивых вопросов и ответов решено было, что «Друг Авраам» со своим экипажем, под начальством Билла Броуна, выйдет в море и будет наблюдать за неприятелем. Надо было заставить Ваальли идти на север и воспрепятствовать ему вернуться еще раз на Риф. «Авраам» как раз больше подходил для такого плавания, так как не требовал большого количества рук и к тому же был прекрасно вооружен, а Билл Броун отлично умел с ним справляться. Между тем Боб, пересадив к себе на «Нешамони» обеих женщин и детей, отплыл обратно к Рифу.

Так как день этот начался для наших переселенцев очень рано, то к полудню «Нешамони» уже успела прийти обратно. Заметив ее издали, Марк сильно встревожился. Он знал, что за это время невозможно было дойти до Пика, и поэтому у него появилось предположение, что Ваальли со своим флотом преградил ей путь и Боб вернулся просить подкрепления. Но вот, когда судно подошло ближе, Марк заметил развевающиеся на ветру женские одежды, а затем с помощью подзорной трубы ясно различил знакомый милый облик своей ненаглядной Бриджит.

Суда, подходившие к Рифу с юга, должны были пройти через тот узкий пролив, который отделял Риф от луговины, и вот, в тот момент, когда «Нешамони» проходила вблизи берега, Марк вскочил на палубу и, обезумев от радости, заключил в свои объятия кинувшуюся ему на грудь жену.

Было уже почти темно, когда Марк снова появился среди вновь прибывших переселенцев. Люди эти уже успели немного оглядеться на Рифе; они уже побывали на ближайших островах, и все, даже наиболее требовательные из них, оказались вполне довольны тем, что здесь нашли; особенно их очаровывало обилие плодов и зелени, роскошная апельсиновая роща, где все деревья были украшены золотистыми плодами; имбиря, смокв, дынь, тыкв, кокосовых орехов здесь было такое множество, что казалось невозможно съесть это все.

К ночи большая часть переселенцев вернулась ночевать в последний раз на «Ранкокус». Около десяти часов утра, на другой день, прибыл и «Друг Авраам». Билл Броун доложил Марку, что Ваальли ушел, не сделав даже попытки хоть раз оглянуться назад. Выслушав отчет Билла Броуна, Марк решил, что нет больше никаких оснований опасаться вторичного нападения индейцев, а также нет и надобности в дальнейшем преследовании неприятельского флота.

Весь этот, а также и следующий день наши переселенцы посвятили перетаскиванию своих пожитков и большей части груза с судна на берег, а так как Марк

намеревался поселить сорок семей из числа вновь прибывших на Пике, то «Друг Авраам» был подведен к набережной, и все имущество этих сорока семей было перенесено на «Авраам». Мужчины, женщины и даже дети весело исполняли каждый свою посильную работу, и в данный момент этот кусочек набережной Рифа напоминал своей картиной оживленной работы деятельный муравейник в теплый день. Тем временем Билл Броун, присутствующий при погрузке судна, которым он командовал, воспользовался минутой перерыва и, подойдя к Марку, завел с ним следующего рода разговор:

— А славных товарищей вы нам привезли, мистер Вульстон; правда, выбор не плохой, уж что и говорить! Ну, а меня-то вы там не забыли, смею спросить?

— Нет, Билл, я вас не забыл, мне кажется, я исправно выполнил ваше поручение; Феба здесь, готова к вашим услугам.

— Так что же, за мной остановки не будет! — засмеялся Билл. — Но только, Бога ради, покажите вы мне эту молодую женщину, я уже начинаю ее любить всем сердцем.

— Ого! Молодую женщину?! Да ведь у нас такого договора не было, Билл! О возрасте у нас никакого разговора не было; вы лишь желали иметь жену добрую и хорошую, и подумайте сами, ведь чем предмет этот моложе и свежее, тем на него больше спрос.

— Ну, ну, не бойтесь, мистер Вульстон, я не оставляю ее у вас на руках, будь она хоть настолько стара, что годилась бы мне в матери, но все же я уверен, что вы, по доброте своей сердечной, хоть немного пожалели вашего бедного товарища и выбрали ему супругу, соответствующую возрасту парня, которому всего тридцать два года от роду.

— Об этом судите сами, Билл, вон она ваша Феба; смотрите, вон она несет большое зеркало и сама любит в нем своим отражением. И если нрав ее столь же привлекателен, как и ее наружность, то вы, наверное, будете довольны ею. К тому же будущая ваша жена приехала сюда не с пустыми руками, а привезла с собой

много чего, что вам очень и очень пригодится в вашем новом хозяйстве.

Билл Броун был в восторге от выбора начальника; но что особенно обрадовало его, так это то, что и хорошенькая Феба осталась очень довольна своим будущим мужем, несмотря на его красный шрам. Счастливая парочка в тот же день сочеталась законным браком в большой каюте «Друга Авраама».

Три дня спустя после прибытия «Ранкокуса» на Риф с закатом солнца «Друг Авраам» вышел в море и направился к Пику, увозя без малого сто человек пассажиров, в том числе женщин и детей. «Нешамони» вышла несколькими часами раньше вместе с Марком и его семьей. Марк, а в особенности его меньшие братья сгорали от нетерпения увидеть скорее свою сестру Анну. Встреча всех членов семьи Вульстон была поистине трогательная. Молодые братья Вульстоны были приятно поражены благоустройством и удобствами обстановки, в которой жила теперь их милая сестра. Хитон построил для себя, немного вдалеке от других, прелестный домик среди фруктовой рощицы и в двух шагах от светлого ручья.

Около полуночи «Друг Авраам» вошел в Миниатюрную бухту. Так как было уже слишком поздно, то каждый из переселенцев, захватив с собой какую-нибудь не очень тяжелую ношу, поднялся с ней вдоль оврага в долину Эдема; ночь была ясная и лунная, и большинство из вновь прибывших переселенцев провели эту ночь под открытым небом в палатках или даже просто под приготовленным для них зеленым навесом, где они вскоре и заснули сладким сном, обвеваемые теплым дыханием тихой, ароматной ночи.

С раннего утра все уже были на ногах. Только что прибывшие сюда переселенцы не могли дать себе отчет, наяву или во сне они видят все то, что представилось их очарованным взорам. Каждому из них казалось, что какая-то неведомая сила перенесла их с грешной земли в какой-то райский сад.

Вы говорите, что это люди? Значит, у них такие же сердца, как у нас.

Б а й р о н

До последнего времени все, что являлось продуктом земледелия, считалось общим достоянием всех жителей колонии; некоторыми привилегиями в этом отношении пользовался только Марк со своей семьей. Но здравый смысл Марка подсказал ему, что этот порядок вещей не мог да и не должен был продолжаться больше. В то время, о котором идет речь, все модные теперь теории о благе ассоциации или общности были мало распространены, и им тогда никто не придавал значения. Марк не имел ничего против того, чтобы, при случае, переселенцы помогали друг другу в работе, но его мнение было такое, что до тех пор, пока человек работает для самого себя или для своих близких, община может быть уверена, что он будет работать более усердно, чем в том случае, если бы он работал на всю колонию. Далее, Марк хотел, чтобы все переселенцы пользовались в равной мере поддержкой и покровительством высшей власти и чтобы каждому была предоставлена свобода в избрании того или иного пути, которым он желал и надеялся достигнуть счастья и благосостояния своего и всей своей семьи.

Первым делом Марка, или, как его еще называли, губернатора колонии, было назначение брата его Авраама Вульстона секретарем колонии. В Америке уважение к властям в то время было еще довольно сильно развито, и «молодой господин секретарь Вульстон» вскоре стал немаловажной персоной в среде переселенцев, равно как и все остальные должностные лица, избранные и назначенные губернатором.

Приступив к исполнению своих обязанностей, Авраам Вульстон начал с того, что составил перепись всего населения колонии, по которой оказалось, что численность населения уже возросла за это время до трехсот двадцати человек. Однако прирост населения посредством привле-

чения все новых эмигрантов, отнюдь не входил в расчеты Марка; выбор переселенцев был сделан очень осмотрительно, и допустить теперь сюда новых и неизвестных пришельцев означало бы уничтожить разом все благие результаты этого первого разумного выбора.

Все это Марк подробно изложил перед своим вновь образованным советом, который единодушно согласился во всем с мнением губернатора.

Теперь не лишним будет сказать несколько слов и о совете. Посредством выборов в члены совета были избраны девять человек, которым и было присвоено пожизненно почетное звание членов совета; это избрание в члены совета на неизвестный срок было мерой предосторожности, придуманной Марком против всякого рода попыток ввести в колонии избирательное начало со всеми его беспорядками, враждой и партийностью.

В члены совета были избраны следующие лица: Хитон, Пэннок, Боб Бэтс, Чарльз Вульстон, Авраам Вульстон, Чарльтон, Соундерс, Уильмот и Уоррингтон.

Все это были самые способные и развитые люди и притом весьма просвещенные, за исключением одного только Боба Бэтса; но его права состоять в числе членов совета по особо важным делам колонии были уже слишком очевидны для всех и каждого, чтобы кто-нибудь мог протестовать против его избрания.

Кроме того, Боб отличался редкой скромностью и тактом. Он отлично знал себе цену и никогда не старался стать выше других или хотя бы даже на одну ногу с людьми, стоявшими выше его как по развитию, так и по образованию. Кроме того, практический ум его оказывался очень полезным в совете, где его выслушивали всегда не только с вниманием, но и с уважением. Чарльтон и Уильмот были люди коммерческие, намеревавшиеся завести торговлю местными товарами. Уоррингтон, богатейший из переселенцев, считал себя фермером, несмотря на свое чрезвычайно высокое образование и обширные познания, за что и был почти единогласно выбран судьей. Чарльз Вульстон, изучивши законоведение, был назначен адвокатом и вместе с тем главным инспектором колонии.

На другой же день после того, как состоялись эти выборы в члены совета, Марк созвал совет для обсуждения важного вопроса о разделе земли. Уоррингтон и Чарльз Вульстон поставили этот вопрос так, что Провидение благоволило даровать все эти земли Марку и что поэтому за ним одним должно остаться право распределить или раздать их по своему усмотрению, как и кому угодно. Но скромность или, скажем лучше, справедливость Марка заставили его тотчас же отказаться от этого права, и вслед за этим все земли были объявлены общественной собственностью. Однако Марку и Бобу, как первым пионерам и коренным владельцам этих стран, были единогласно присуждены исключительные наделы. Остальные же земли были распределены всем поровну: каждый гражданин, достигший двадцати одного года, получал на свою долю восемьдесят десятин земли на Пике и полтораста на Рифе; те же, которые еще не достигли этого возраста, должны были дожидаться его для получения своего надела. Вслед за этим приступили к размежеванию земель и раздаче их по жребию. Впрочем, до окончательного закрепления участков позволено было произвести добровольный обмен.

Затем заранее изготовленные печатные бланки дарственных записей были подписаны, скреплены печатью колонии и вручены новым владельцам. Мы говорим здесь о напечатанных бланках, так как Марк привез с собой из Америки небольшой типографский станок, шрифт и одного наборщика, а также имел предусмотрительность запастись изрядным количеством сургуча и особой печатью для своего нового государства.

Как только участки были распределены, каждый колонист принялся за работу.

Предметом особой заботы было теперь жилье. К сожалению, на островах, принадлежавших к группе Рифа, лес до сих пор был еще редкостью, и употреблять его для построек было неразумно, и поэтому необходимо было раздобыть лес где-нибудь в другом месте. Напротив, на острове Ранкокус рос отличный лес, и особенно было много сосен, и поэтому Биглоу был командирован туда с

целью устройства там водяной лесопилы. Заготовленный там строительный материал, бревна, балки и доски он должен был отправлять на «Друге Аврааме» на Риф и на соседние с ним острова.

С целью облегчения доставки леса с гор к лесопиле, Биглоу прорыл искусственный канал, посредством которого без труда сплавлял весь лес до лесопилы.

Осуществление всех этих мероприятий не помешало Марку позаботиться о внешней безопасности его маленькой колонии. Необходимо было постоянно следить за неугомонным Ваальли, и, если можно, то проявить свое покровительство юному сыну Урууни. Такое было мнение и всего совета, и поэтому наша маленькая колония стала снаряжать военную экспедицию, для которой готовились следующие суда: «Сирена», «Друг Авраам» и только что вновь построенное судно в пятьдесят тонн, под названием «Анна», которое Биглоу строил на берегу одного из маленьких заливчиков на острове Ранкокус, где он нашел очень удобное для верфи место, а так как остров этот мог поставлять прекрасный строевой и корабельный лес в большом количестве, то было решено устроить здесь постоянную верфь для починки и постройки судов.

Вообще остров Ранкокус отличался очень многими преимуществами: здесь имелась прекрасная кирпичная глина и множество известкового камня, а горы его хранили неисчерпаемые сокровища металлов. Только для земледелия он не представлял удобств, и на всем его протяжении едва ли нашлось бы полторы тысячи десятин пахотной земли.

Вблизи берега были устроены две печи, одна для обжига кирпичей, другая для извести; среди переселенцев нашлись люди, привычные к этому делу (американец всегда знает два-три ремесла), и работа закипела.

Таким образом, еще до начала похода против Ваальли, было заготовлено изрядное количество кирпичей и извести, которые немедленно были доставлены на Риф.

Так как в течение двадцатимесячного отсутствия Марка было заготовлено огромное количество сандала, то решено было нагрузить им «Ранкокус» и отправить его в

Кантон. На этот раз Марк доверил командование судном Соундерсу, который считался вполне способным к выполнению возложенной на него обязанности.

Как только все было готово, «Ранкокус», «Сирена», «Друг Авраам» и «Анна» отплыли к островам Бэтто. Марк не без умысла провел свой флот мимо большинства островов этой группы, желая блестящим и грозным видом своих судов внушить островитянам страх и уважение к себе. После государственного переворота, совершенного Ваальли, те из туземцев, которые ходили (на «Ранкокусе») в дальнее плавание, в Америку, не захотели оставаться под властью этого грозного предводителя и с особой поспешностью все до одного стали проситься, чтобы их снова взяли на «Ранкокус». Так как услугами этих туземцев Марк был очень доволен, то он не только согласился взять их на судно, но намеревался привлечь при случае и еще несколько человек.

При появлении очень грозного для этих морей флота хитрый Ваальли тотчас же проявил самые миролюбивые отношения. Объяснялось это его смирение еще и тем, что на обратном пути с Рифа флот его был застигнут шквалом, в результате около двадцати лодок были оторваны от остальных и пропали без вести. Носились какие-то смутные слухи, будто три или четыре лодки были выброшены на какой-то отдаленный пустынный берег с горстью полуживых от голода индейцев, тогда как остальные погибли в волнах океана. Этот прискорбный случай сильно подорвал авторитет и популярность Ваальли: друзья и родственники тех несчастных жертв были очень плохо настроены против него, а еще сверх того он потерпел и в своем предприятии полную неудачу.

Вся власть и все влияние Ваальли, уже значительно подорванные его неудачей, окончательно рухнули с появлением грозных сил вооруженного флота Марка. Умный и проницательный туземец тотчас же понял и осознал свое безвыходное положение и был настолько благоразумен, что решил добровольно покориться своей участи.

Недолго думая Марк послал к Ваальли посла с пальмовой ветвью, предлагая ему возвратить сыну Урууни

власть и самому добровольно удалиться в свои прежние владения. Ваальли беспрекословно согласился на все.

Кроме того, в мирный договор были включены следующие условия. Прежде всего, сто молодых индейских юношей были отданы Марку для изучения морской службы. Они были вместе с тем заложниками, обеспечившими покорность и дружелюбие их родителей по отношению к переселенцам. Таким образом, у Марка была надежда создать прочные дружественные отношения между индейцами и новой колонией. Распределив юных индейцев на разные суда, Марк отдал офицерам строгое предписание обращаться с молодыми туземцами как можно ласковее и снисходительнее. Кроме обучения их морскому делу, решено было обучать их английской грамоте и закону Божьему. Высокочитимый мистер Хорнблоуер, представитель духовной власти в колонии, а также большинство молодых женщин на Пике и на Рифе с радостью приняли на себя эту задачу.

Затем Марк законтрактовал около сотни человек взрослых здоровых индейцев, в качестве платных работников, которым как вознаграждение выдавались разные семена, старое железо, удочки и другие мелочи, имевшие в глазах туземцев громадную ценность. Срок найма их был всего два месяца.

Конечно, многие из переселенцев охотно заставили бы этих людей бесплатно работать на себя в качестве своих рабов, но ни совет, ни Марк не захотели допустить этого. Марку слишком хорошо было известно, что одно из главнейших условий процветания и преуспевания его молодой колонии заключается именно в том, чтобы каждый отдельный член колонии непременно работал сам.

Тем не менее увеличение чисто рабочих рук в данное время было нелишним подспорьем для молодой колонии, которой предстояло такое множество работы.

Итак, индейцы были призваны в качестве помощников и подсобников, нанятых правлением колонии, которое поэтому и сохранило право наблюдать за работами краснокожих и принимало также на себя заботу о выплате предназначенного им вознаграждения. Кроме того, в

этом деле была еще другая выгода: конечно, до тех пор, пока у власти будет стоять сын Урууни, не было основания предполагать, что дружественные отношения двух соседних народов могут измениться, но Марку было мало этого: он хотел еще, чтобы с помощью торговли сандалом сближение и дружеская связь эта окрепла окончательно.

Суда новой колонии простояли у островов Бэтто около двух недель; за это время были окончены и осуществлены все пункты договора. По истечении этого срока «Ранкус» ушел в китайские воды, а «Анна» была отослана на Риф с известием о благополучном исходе экспедиции. Что же касается самого Ваальли, то ему пришлось удалиться на свои острова и оставить в качестве заложника у сына Урууни своего сына, обеспечивающего миролюбивые отношения своего отца к своему бывшему сопернику.

Г л а в а   X X I I I

*Если твой ум прямой, и твое сердце
чисто, иди в бой без страха, и ты
выйдешь победителем.*

Д р е к

Прошло около года со времени возвращения Марка из экспедиции против островов Бэтто, и за все это время не случилось никакого выдающегося события. Только Бриджит подарила Марку прелестнейшего сынишку, а Анна родила уже четвертого ребенка. В общей сложности число рождений достигло цифры семьдесят восемь человек. Случаев смертности было очень немного: из взрослых умер всего один, и то вследствие несчастного случая, а от заболеваний никто. Состояние здоровья всех переселенцев было прекрасное. По статистическим сведениям, в конце года оказалось в наличности триста семьдесят девять человек, не считая канаков, как называли здесь туземцев.

Индейцы эти, как рабочие, превзошли даже все ожидания Марка; правда, они не умели работать так ловко,

как белые, но зато для переноски всяких грузов и для всякого рода тяжелых работ они были незаменимы. Первой заботой Марка было предоставить этим дикарям удобное, хорошее жилье, где они были бы в полной безопасности от дождей. Для переселенцев были построены четыре вида домов, и каждый из них мог выбрать себе одно из таких строений, конечно, за известную плату казне, которую он должен был внести работой, продуктами или деньгами, смотря по желанию. Некоторые из этих домов были деревянные, другие каменные, третьи кирпичные, четвертые же были просто мазанки из глины. Больше всего предпочитались каменные дома: камень этот остров Ранкокус поставлял в большом количестве. Стройки шли до того быстро, что несколько месяцев спустя по прибытии новых переселенцев больше ста жилищ всякого рода красовались частью на Пике, частью на Рифе и на соседних островах. Все эти домики были невелики и большей частью довольно тесны, но представляли собой надежную защиту от дождей и непогоды. Между ними был всего лишь один двухэтажный дом; то был дом Джона Пэннока, одного из богатейших членов колонии. Что же касается губернатора, то есть Марка, то он позаботился о себе лишь тогда, когда все остальные были уже устроены.

Когда у каждого из жителей колонии был вбит последний гвоздь, тогда только Марк заложил первые камни фундаментов своих двух домов, одного на Пике, бывшего его частной собственностью, и другого на Рифе, предназначенавшегося стать домом губернатора на вечные времена и составлявшего собственность колонии. Первое из этих зданий предполагалось кирпичное, а второе — каменное и чрезвычайной прочности, построенное в виде крепости. Частный дом Марка был не очень высокий, но довольно просторный, тогда как правительственный дом представлял собой нечто выдающееся по своим размерам: он занимал больше двухсот футов в длину и шестидесяти в ширину. Здание это не столько предназначалось для резиденции губернатора, сколько для того, чтобы нижний этаж его служил хранилищем казенного имущества,

а следующий за ним первый этаж предназначался для присутственных мест. Над этим этажом возвышался еще другой этаж, долгое время остававшийся недостроенным, но все же с избытком снабженный самыми разнообразными средствами защиты. Он представлял собой, так сказать, цитадель Рифа.

Поэтому этот правительственный дом и был построен для удобства обороны против моста, ведущего на луговину. Другой выгодой этого местоположения была еще близость родника, что было очень удобно, так как на Рифе чувствовался недостаток в пресной воде.

Когда Марк поручил своему брату, главному инспектору всех построек и сооружений, составить план города, то тот озаботился устранением этого неудобства. С этой целью он избрал подходящее для того место и приказал вырубить в скале большой и глубокий водоем, или так называемую цистерну, предназначавшуюся для сохранения дождевой воды. Водовместимость этой громадной цистерны равнялась нескольким тысячам галлонов и поэтому, если она раз будет наполнена водой доверху, то дожди будут постоянно поддерживать в ней надлежащее количество воды.

Решив энергично взяться за дело и построить город на Рифе, Марк отправил к молодому Урууни своего уполномоченного на «Друге Аврааме» для того, чтобы просить его содействия. Юный Урууни был очень рад случаю оказать Марку требуемую услугу и тотчас же прибыл лично с пятьюстами подданными на Риф. Все это множество людей работало на Рифе в течение двух месяцев, после чего Марк объявил, что все необходимые работы закончены и что теперь он больше не нуждается в помощи своих соседей, которых он отпускает домой, щедро одарив их предварительно всевозможными вещественными знаками своей признательности. Некоторое время у переселенцев было опасение насчет того, насколько безопасно было привлечь на Риф такое количество индейцев, но впоследствии оказалось, что все опасения были напрасны и что результатом этого совместного труда было только более тесное сближение белых с индейцами.

Однако, несмотря на то, что канаки свободно допускались на Риф, на Пик им все пути были строго закрыты, и никогда ни один из них не посмел приблизиться к этому острову. Тайнственная репутация, сложившаяся об этом острове, немало способствовала его неприкосновенности, внушая индейцам суеверный страх. И даже сам молодой Урууни не знал ничего о том, что могло находиться на этом таинственном острове. Он не раз видел и слышал, как туда отправлялись или оттуда прибывали суда; ему было известно, что и сам губернатор нередко посещает этот остров и что на Рифе время от времени появляются незнакомые ему личности, которых он и считал жителями таинственного острова; на основании всего этого он пришел к выводу, что на Пике живет какой-то другой белый народ, несравненно более сильный и могущественный, чем даже и его друзья, обитатели Рифа.

Масса труда и забот были положены Марком на разведение общественного сада, под который был отведен громадный участок земли. Марк пожелал, чтобы сад этот служил исключительно для приятных прогулок, и поэтому велел засадить его деревьями и кустарниками всякого рода, украсить красивыми газонами и цветниками, но не садить ни фруктовых деревьев, ни овощей. Впрочем, в этом не представлялось никакой надобности, так как и фруктов, и овощей долина кратера поставляла в совершенно достаточном количестве для того, чтобы удовлетворить все нужды колонии.

Больше всего опасался Марк, чтобы плодородие почвы не имело пагубного влияния на переселенцев, превратив их из людей трудящихся в лентяев и беспечных, так как ему хорошо было известно, что лень — мать всех пороков и что ничто, как лень, не порождает всякого рода нравственную порчу и разврат. И вот для того, чтобы поддержать в этих людях любовь к труду, он создавал для них все новые и новые задачи, придумывая различные улучшения и усовершенствования, которые могли показаться совершенно лишними, если судить о них поверхностно. Он старался создать для этих людей все

новые и новые потребности для того, чтобы принудить их находить новые средства к удовлетворению их.

Общественный сад принял вскоре самый привлекательный вид; он с лихвой вознаграждал всех потрудившихся над ним за их старания и труды. Эта удача породила желание у большинства переселенцев развести садики и сады около своих домов. Но Марк не ограничился одним лишь разведением общественного сада; кроме того, прежде чем отпустить индейцев, он приказал им вырыть больше ста глубоких ям в различных местах Рифа. Заполнив эти углубления разного рода удобрением, он впоследствии посадил на всех этих местах кокосовые деревья.

Благодаря всем этим работам, внешний вид Рифа совершенно преобразился, не говоря уже о садах, разведенных даже в самом городе. Город этот состоял приблизительно из двадцати домов, населенных преимущественно людьми, занимающимися какой-нибудь профессией или же ремеслом. Так, например, коммерсанты и разного рода торговцы обязательно должны были жить в городе, а не в своих отдаленных поместьях. Их лавки и магазины находились вблизи пристани, недалеко от берега моря, а дома помещались неподалеку от их торговых помещений.

Упомянув о всех работах и улучшениях, произведенных за последнее время на Рифе, следует также рассказать и о том, что делалось на острове Ранкокус. Благодаря тому, что там теперь находилась и лесопильня, и кирпичный завод, и печь для обжига извести, каменоломня, верфь и многое другое, где постоянно работало большое число людей, Марк нашел необходимым построить здесь небольшую крепость, в которой бы в случае необходимости могло укрыться все население острова. Это сооружение было воздвигнуто в весьма короткое время и на случай нападения неприятеля снабжено двумя крупного калибра орудиями.

Пик, благодаря своему положению, мог считаться неприступным и поэтому не нуждался ни в каких подобного рода сооружениях, даже в том случае, если бы

неприятелю удалось открыть вход в бухту. О Рифе этого никак нельзя было сказать, потому что к нему со всех сторон был открыт доступ, и хотя правительственный дом в значительной степени облегчал оборону города, все же со стороны моря он сильно нуждался в защите. Четыре прямых широких канала вели к четырем сторонам Рифа. Южный канал оканчивался как раз у маленького мостика, ведущего с луговины на Риф, и поэтому был достаточно защищен господствовавшим над ним правительственным домом, все же остальные были легко доступными для врага. Однако расположенные на известных точках вершины батареи могли защищать входы в эти каналы, а поэтому Марк немедленно приступил к постройке батарей, из которых каждая имела по два двенадцатифунтовых орудия.

Между тем эти работы по постройкам и сооружениям всякого рода зданий и укреплений не мешали частной жизни поселенцев колонии идти своим чередом. В течение этого знаменательного года оба брата губернатора женились; старший на сестре Пэннока, а младший на одной из сестер досточтимого пастора Хорнблюуера. Теперь со дня на день ожидалось возвращение «Ранкокуса», причем Марк предполагал, что на этот раз он не привезет им большого числа эмигрантов.

Ровно год и восемь месяцев спустя после ухода «Ранкокуса» с группы островов Бэтто часовой на Пике оповестил жителей о прибытии судна, которое в данную минуту находилось у входа в северный рейд Рифа, где и готовилось бросить якорь. Узнав об этом, Марк в сопровождении Боба тотчас отправился на «Анне» к «Ранкокусу», чтобы в качестве лоцмана провести судно до самого Рифа, так как только им двоим эти воды и берега были достаточно хорошо знакомы для того, чтобы с полной уверенностью и безопасностью провести такое большое судно.

Когда «Анна» окликнула «Ранкокуса», то появившийся на корме судна капитан Соундер, ответил на зов словами: «Все благополучно, слава Богу!». Эти слова сразу обнадежили и успокоили Марка, потому что про-

должительное отсутствие всегда порождает тревогу и разного рода тяжелые предчувствия. На небольшом расстоянии от «Ранкокуса» виднелось еще одно судно; то был бриг «Молодая Курочка», приобретенный капитаном Соундерсом за счет колонии и нагруженный всем, что только могло быть необходимо или полезно для обитателей Рифа.

К немалому удивлению Марка, на «Ранкокусе» было сто одиннадцать эмигрантов, все родственники и друзья прежних переселенцев. Марк, однако, не унывал, и вскоре его маленькое огорчение совершенно сгладилось, когда ему пришлось убедиться, что все эти вновь прибывшие люди могли быть полезны для колонии. Все они молодые, сильные, здоровые и бодрые.

Пассажиры были чрезвычайно рады возможности сойти на берег после столь продолжительного плавания. У одного из маленьких островков, у самого входа в рейд, нашлась прекраснейшая гавань для обоих судов. Островок этот, как предсказал один из колонистов, человек недюжинного ума, должен был получить со временем громадное значение, вследствие чего этот разумный эмигрант, некий Денкс, ходатайствовал перед правлением колонии о замене его надела на Рифе этим островком. И вот уже несколько месяцев Денкс вместе с несколькими родственниками и друзьями поселился на этом острове. В силу того, что месторасположение этого участка было совершенно открытым со всех сторон, здесь построили нечто вроде небольшой крепости или же форта и, кроме того, обнесли все это здание высокой оградой, которая должна была служить защитой в случае осады. Кроме того, Марк прислал сюда одно полевое орудие и надлежащее количество снарядов.

Все вновь прибывшие, как и следовало ожидать, были в восторге от того, что они видели, любясь всходами и зеленью лугов. Между тем Марк отправил «Анну» на Риф с приказом приготовить в правительственном доме помещение для всех вновь прибывших, а сам отправился на бриг «Молодая Курочка» с тем, чтобы ознакомиться с ее грузом. Соундерс, как человек весьма разумный, понял,

что колония больше всего нуждается в рогатом скоте и лошадях, и поэтому позаботился о приобретении изрядного их количества. Плавание было благополучное, и бедные животные не страдали во время пути от сильной качки, но так как они находились долго в пути, то под конец стал ощущаться некоторый недостаток в корме и пресной воде, так что когда они прибыли на остров Денкса, то уже около суток находились без корма. Узнав об этом, Марк сжалился над бедными животными и приказал немедленно позаботиться о них.

Так как бриг стоял на якоре вблизи песчаной отмели, по которой протекало несколько ручейков, а немного подальше в глубь острова тянулись прекраснейшие луга, то Марк, договорившись предварительно с Денксом, приказал людям двух экипажей, с «Ранкокуса» и брига, немедленно заняться выгрузкой всех четвероногих пассажиров. Два часа спустя хорошенький бриг перестал представлять из себя коровник и конюшню; вода, песок и метлы были тотчас же пущены в дело и всюду наведен порядок и чистота. Не прошло больше месяца времени, прежде чем «Молодая Курочка» могла окончательно отделаться от воспоминаний о своих пассажирах, оставивших о себе свойственные им запахи.

Очутившись на берегу, все эти животные почувствовали себя необычайно счастливыми и радостными. Люди были не менее довольны окончанием путешествия. Денкс оказал им радушный и любезный прием и угощал чем только мог. Между прочим он предложил своим гостям дыни, которые им показались превосходными на вкус.

Когда же все необходимые приготовления были окончены, суда двинулись в путь по направлению к Рифу. Не трудно себе представить, какие радостные встречи происходили между родственниками и друзьями, увидевшими здесь, в этих далеких краях. Вновь прибывшие имели столько всяких сведений и любопытных новостей передать тем, которые на полтора года раньше их покинули родину, а эти последние не могли утерпеть, чтобы, в свою очередь, не похвалиться всеми прелестями и чудесами своего нового отечества.

Извивы твоего тела переплетаются с пенящимися волнами, ты со свистом скользишь по белеющим водам. С жалом наготове, с огненным взглядом, ты вздымаешься на дыбы; одним прыжком ты погружаешься в глубину, не думая о невидимых чудовищах и бездонных пропастях.

Б р э н а р д. «Морская змея»

Весь груз, привезенный только что прибывшими на Риф судами, разделялся поровну между губернатором и государством, то есть казной колонии. Марк получил свою долю в качестве владельца «Ранкокуса» и действительного хозяина этой страны; другая же половина составляла государственное имущество, которым каждый переселенец мог пользоваться за известную выплату деньгами, трудом или натурой. Часть этой второй половины груза, тотчас же по прибытии судна, была роздана на руки желающим приобрести то или другое, тогда как остальная часть поступила на склады колонии.

Едва ли бы мы могли перечислить все те предметы и товары, какие прибыли на «Ранкокусе» и «Молодой Курочке». Тут имелось все, чем люди привыкли пользоваться, живя в цивилизованной стране, не говоря о чае, сахаре, кофе. Все товары были вручены торговцам, которые уже, в свою очередь, распродали их по мелочам. К этому времени в колонии уже существовали настоящие лавки и магазины — три на Рифе и одна на Пике.

Марк не только не монополизировал права торговли, что, при желании, мог бы сделать очень легко, благодаря своему крупному состоянию, а, напротив, предоставил это право всем желающим; мало того, когда, по общему приговору совета колонии, все суда, за исключением «Анны», построенной колонией, признаны были частью собственности Марка Вульстона, он тут же передал право собственности на «Сирену» и «Друга Авраама» колонии, а «Нешамони» была уступлена в вечное и потомственное

владение Бобу Бэтсу, который как нельзя лучше сумел воспользоваться этим прекрасным судном, занявшись каботажем, который приносил ему огромные доходы. Чтобы еще больше облегчить это дело своему верному другу и приятелю, Марк построил для него второе судно, которое служило одновременно и коммерческим судном, и пакет-ботом.

Судно это было названо в честь нежной и деятельной подруги Боба «Мартой». На нем Боб часто отправлялся на Пик и на остров Ранкокус с каким-нибудь необходимым для переселенцев товаром, а в течение первых месяцев, даже не раз ходил к островам Бэтто. Иногда он принимал на свое судно туземцев в качестве пассажиров и, кроме того, привозил индейцам всякого рода товар, который он обменивал у них на кокосовые орехи, все еще недостаточно распространенные на Рифе, на плетеные ивовые корзины и корзиночки, различные местные ткани.

Самым серьезным его путешествием в течение всего года было то, когда он нагружал свой шлюп по самые борта теми вкусными дынями, которых было изобилие на Рифе и Пике, что там их даже отдавали на корм скоту. До этих дынь индейцы были такие охотники, что Бобу даже не хватило места для такого количества предметов, которые ему надавали эти дикари в обмен за его дыни. В том числе попадалось ему немало сандала, от продажи которого он выручил такую сумму, что купил на нее чай, сахар и кофе в таком количестве, что этого запаса хватило больше, чем на год ему и всей его семье.

Между тем «Ранкокус» уже опять готовился к отплытию. Предполагалось отправить его за подходящим грузом, когда один матрос вдруг навел Марка на совершенно новую и более счастливую мысль.

Экипаж «Ранкокуса» во время своих предыдущих плаваний заметил одно место с подветренной стороны от кратера, где держались киты. Уокер, так звали этого матроса, который первый заговорил на Рифе о китах, когда-то раньше служил помощником командира на китобойном судне, равно как еще человек шесть из позднейших переселенцев. Все они, будучи хорошо знакомы

с этим делом, и убедили капитана Соундерса тогда же запастись всеми необходимыми для этого дела орудиями и снарядами, состоявшими главным образом из троса, гарпунов, острог, бочонков, бочек и т. п. По требованию этих людей Соундерс на всякий случай нагрузил часть трюма «Молодой Курочки» всеми этими предметами.

Марк знал обо всем этом. Сандал уже начинал становиться редким на островах Бэтто; казалось, будто от этого колония очень много теряет, но когда зародилась мысль о возможности китобойного промысла по соседству с Рифом, то не только сам Марк, но и весь совет пришел тотчас же к убеждению, что Провидение чрезвычайно милостиво к ним. Как бы ни была выгодна и прибыльна торговля сандалом, все же источник этого благосостояния был только временный и неизбежно должен был иссякнуть, тогда как ловля китов, отнюдь не менее доходная, была неисчерпаемым источником богатства для колонии.

В данный момент ничто не могло быть более кстати для всех потребностей колонии, так как это дело не только было прекрасной доходной статьей, но еще, кроме того, развивало дух предприимчивости в переселенцах. И в самом деле, едва лишь зашла речь о ловле китов, как внимание всех было обращено на этот вопрос. Марк поспешил воспользоваться этим обстоятельством, чтобы объявить всем гражданам колонии, что каждый из них будет иметь свою долю доходов от этой ловли и что нужная на это дело сумма будет разделена на равные пай, которые могут быть выплачены также натурой или трудом. Кроме того, и сама колония, в общем, государственном смысле этого слова, также должна была получить с этого дела определенную часть прибыли, так как многие из предметов, необходимых для китовой ловли, поставлялись прямо из казенных магазинов и складов колонии. Что же касалось самого губернатора, то есть Марка, то на его долю приходилась одна пятая часть всего барыша. «Ранкокус» оказался не совсем пригодным для роли китобойного судна и поэтому должен был служить временно магазином для склада бочек с китовым жиром и другими продуктами этого лова, вплоть до окончания

сезона, после чего он должен был отправиться с этим дорогим грузом в Америку.

Новый бриг «Молодая Курочка», будучи небольшим надежным судном с большой палубой, сильными мачтами и прекраснейшей оснасткой, был снаряжен в качестве китобойного судна. «Анна» также должна была следовать за бригом. При этих судах имелось пять китобойных лодок или шлюпок; из них две остались на «Анне» и три на бриге. Кроме своих людей, взято было еще на помощь известное число канаков, которые в качестве неугоминых гребцов могли быть очень полезны в этом деле.

Предстоящая экспедиция до такой степени возбуждала всеобщий интерес среди переселенцев, что большинство жен, сестер, дочерей и невест наших предприимчивых китоловов выразили желание присутствовать при первых подвигах своих друзей на этом новом поприще. Это побудило Марка согласиться взять желающих в качестве пассажиров на «Сирену», на которой отправился он сам и вся его семья. Боб на своей «Марте» тоже присоединился к китоловной флотилии, к которой принадлежал и «Друг Авраам». «Нешамони» была отправлена для наблюдений за краснокожими, чтобы они не вздумали воспользоваться отсутствием сотни защитников Рифа для того, чтобы сделать новую попытку нападения.

Когда все было готово, то китоловная флотилия в сопровождении «Сирены», на которой, в числе сорока других женщин, находились Бриджит и Анна, вышла в море. По пути она обошла с наветренной стороны Пик, усеянный сотнями любопытных зрителей, желавших полюбоваться этим еще неизвестным им зрелищем. «Марта» опередила «Сирену» и шла впереди всех остальных судов. В тот момент, когда по счастливой случайности вдруг встречу у подводных рифов из моря поднялся фонтан, свидетельствующий о присутствии здесь китов, шлюп более чем на целую милю опередил все остальные китобойные суда, и хотя каждая из шлюпок имела свой отдельный экипаж, но эти люди все, за исключением экипажа «Молодой Курочки», были новички в этом нелегком деле, и позвать себе на помощь было некого.

Тем не менее Боб был не из тех людей, которые, один раз взявшись за дело, соглашаются вскоре признать себя несостоятельными. В одну секунду лодка его была спущена, он и Сократ сели в нее и, не теряя времени, решились атаковать громадное животное. Боб был ловкий шкипер, он правил прямо на кита, Сократ, бледный от волнения, схватил гарпун, и в тот момент, когда нос лодки очутился над спиной гигантского животного, он бросил в него гарпун с такой силой, какую только могло ему придать сознание того, что от этого удара, быть может, зависит его жизнь и смерть. В тот же момент смертельно раненное животное выпустило длинную струю крови. У китоловов принято считать за необычайный подвиг смертельную рану от ручного гарпуна; в большинстве случаев гарпун только удерживает и останавливает в некоторой степени кита, которого затем приходится добивать острогой.

Этот случайный счастливый удар положил, однако, начало следующим многочисленным успехам Сократа, так что впоследствии можно было с уверенностью сказать, что раз Боб у руля, а Сократ за гарпунщика, то киту наверное несдобровать.

Итак, раненое животное выпустило обильную струю крови, выбрасывая фонтаном воду и заливая шлюпку, которая уже до половины наполнилась водой. Если бы только не сильные мускулистые руки Сократа и не тот убийственный удар, каким он поразил этого гиганта, который тут же перевернулся и почти моментально испустил последнее дыхание, то шлюпка неминуемо должна была бы погибнуть. Марк прибыл на место происшествия тогда, когда Боб подтянулся к убитому животному, держась за прикрепленный к гарпуну трос (канат) и, взяв свою добычу на буксир, готовился направиться к Южному мысу. Все суда, минуя убитого кита, приветствовали победителей радостными возгласами, между тем как подгоняемая благоприятным попутным ветром «Марта» влекла за собой тушу гиганта прямо к заранее намеченному Бобом якорному месту.

Как только убитый кит очутился у берега, он всплыл над небольшой отмелью в таком месте, где вода была

неглубока, Боб и человек двадцать канаков тотчас же принялись полосовать его, хотя, быть может, вовсе не научным, но все же вполне удовлетворительным способом. В течение ночи операция эта была закончена, а на другой день с раннего утра все судно было заставлено разными жаровнями и таганчиками, на которых на сильном огне вытапливался китовый жир (ворвань), который вслед за тем сливался в заранее приготовленные для этого бочки. Один этот кит дал сто одиннадцать бочек жира, что считалось вполне блестящим началом в этом новом промысле. После окончания всех этих операций Боб отвез все, что им было добыто от этого кита, на Риф, где «Ранкокус» ожидал свой новый груз.

Неделю спустя «Сирена» крейсировала вместе с «Молодой Курочкой» и «Авраамом», безуспешно отыскивая китов в ста милях от Пика, когда к ним вернулся Боб на своей «Марте». Зная присущую Бобу способность различать предметы на море на громадном расстоянии, Марк попросил его подняться на марс брига и взглянуть, не видит ли он что-нибудь впереди. Не прошло и десяти минут, как Боб, осмотрев вокруг необъятную поверхность моря, крикнул сверху: «Кит! Кит! Я вижу кита!»

Дали сигнал «Молодой Курочке» и «Другу Аврааму», и все они пошли в указанном Бобом направлении.

При закате солнца наши китоводы увидели большое число китов, собравшихся в одном месте; Уокер предположил, что, вероятно, они здесь принимают пищу, и поэтому посоветовал подождать до утра, так как можно было с уверенностью сказать, что они опять все соберутся на этом месте, И так на рассвете шесть китобойных шлюпок были готовы к нападению. На этот раз Уокер шел во главе флотилии; час спустя лодка его поравнялась с громадным китом. Женщины, находившиеся в качестве зрителей, с замиранием сердца присутствовали при этом обычном, но вместе с тем очень опасном случае, когда раненный гарпуном кит, нырнув вглубь, снова всплыл и начал тащить привязанную к тросу лодку с быстротой не меньше двадцати узлов (тридцати верст) в час. Вообще-то принято, что во время нападения суда держатся на ветре

для того, чтобы иметь возможность в любое время нагнать шлюпку и прийти ей на помощь, когда животное будет убито. Но пока кит еще жив, было бы безумием предпринять что-нибудь кроме того, как только держаться ветра, так как раненое животное нередко одним прыжком перескакивает на громадное расстояние в сторону, что грозит серьезной опасностью судну.

Иногда испуганное животное с необычайной быстротой скрывается из вида судна и проплывает по прямой линии расстояние в пятнадцать и двадцать миль; и тогда китобойной лодке остается только отказаться от ловли кита или рискнуть расстаться надолго со своим судном. Отказавшись от кита, теряешь только один гарпун и несколько сотен сажен троса, тогда как в противном случае нередко гибнет шлюпка со шкипером и гарпунщиком.

Однако считаю не лишним объяснить читателю, который, быть может, не знаком с этим промыслом, что называется гарпуном. Гарпун это род копья или дротика, наконечник которого снабжен еще боковыми, загнутыми назад зубцами. Попадая в тело животного, гарпун сам собой отделяется от древка, оставаясь прикрепленным к тонкой, но очень крепкой веревке, называемой тросом. Обычно лодка подходит к киту с носа, но лодки эти должны иметь заостренную с обоих концов форму для того, чтобы можно было с одинаковой ловкостью давать и задний и передний ход, так как приближение к киту может быть очень опасно, в особенности, когда он уже ранен. Раненый кит тотчас же ныряет, и в этот момент надо успеть размотать и спустить как можно длиннее трос, иначе животное, погружаясь в воду на очень большую глубину, может увлечь за собой и лодку, к которой привязывается другой конец веревки. Но животное, как и человек, требует воздуха, чтобы дышать, и чем быстрее кит ушел под воду, тем скорее он вынужден будет вновь всплыть на поверхность.

Собственно говоря, гарпун и трос служат лишь для того, чтобы только задержать кита, но случается иногда, что этот первый удар бывает смертельным. Чаще всего раненое животное, нырнув, снова всплывает на поверх-

ность и одну минуту остается неподвижным, а затем уже пускается в бегство; как только кит остановится или умерит свой ход до более медленного, гарпунщик начинает постепенно подтягиваться к нему со своей лодкой за прикрепленный к гарпуну трос. Случается, что кит нырнет вторично; тогда необходимо опять как можно проворнее отдать трос, а затем, выждав, когда кит снова выплывет, начинать к нему подтягиваться. Часто приходится повторять несколько раз этот прием для того, чтобы овладеть китом. Когда лодка подойдет достаточно близко, тогда тот человек, который управляет шлюпкой, метит в какой-нибудь жизненный орган и добывает животное острой. Если брызнет кровь, то это значит, что удар удачный, а если никакой жизненный орган не задет, то кит опять пускается в бега, в таком случае все дело приходится начинать снова.

На этот раз рулевой Уокера, державший наготове гарпун, закинул его так ловко, что он глубоко вонзился в тело бедного животного и крепко зацепил его. Кит описал длинную параболу вокруг «Сирены», на таком близком расстоянии от судна, что можно было видеть с палубы каждое движение как самого животного, так и преследовавших его китоловов. В тот момент, когда раненый кит подошел довольно близко к судну и пустил над самой шлюпкой громадный фонтан, струя которого была на целых два фута выше кормы брига, Бриджит, испуганная этим зрелищем, трепетно прижалась к плечу мужа и первый раз поблагодарила Бога за то, что Марк был главой государства и губернатором этой маленькой колонии и в качестве такого высокого официального лица не мог участвовать в этой опасной ловле. Между тем Марк сгорал от страстного желания быть наравне с другими действующими лицами и участниками этой рискованной игры, хотя и сознавал, что подобного рода забава не приличествует его высокому сану.

Между тем Боб не ограничился своим первым удачным ловом. Он с помощью своего верного приятеля Сократа поймал еще двух китов. На долю шлюпок «Молодой Курочки» также достались два кита, а «Друга

Авраама» только один, но зато очень большой. «Сирена» и «Марта» прибуksировали четырех из них до того залива или бухты в самом начале Южного канала, куда и Боб отвез свою первую добычу; и эта бухта получила с тех пор название «Бухты китоловов». Когда Марк лично убедился в удобствах и пригодности этой бухты для предназначенной ей цели, то решил построить здесь завод, чтобы сосредоточить в этом месте свой китобойный промысел. Вслед за этим «Друг Авраам» был отправлен на остров Ранкокус за всеми необходимыми для постройки здесь сараев и завода материалами, а после этого они немедленно приступили к стройке.

Так было положено начало тому промыслу, которому суждено было впоследствии принять громадные размеры и стать источником большого богатства колонии. За время первой китоловной экспедиции, продолжавшейся всего два месяца, было добыто в общем две тысячи бочек жира, хранившегося в трюме «Ранкокуса», а это, по цене того времени на европейских и американских ранках, представляло собой сумму приблизительно в сто тысяч долларов (около двухсот тысяч рублей). Понятно, что подобные результаты превосходили все, что можно было бы ожидать от каких бы то ни было других занятий, даже при наиболее выгодных условиях.

Г л а в а   X X V

*Под топорами белых поверженный
и дрожащий лес стонет и падает. —
Послушная раба, земля, производит
дары для белых и отдает им свою
жатву, свои плоды и цветы.*

П а у л ь д и н г

Подобный успех, конечно, только еще больше пристрастил переселенцев к китобойному промыслу, являвшемуся одновременно источником благосостояния и приятной забавой. Видя это пристрастие к китоловству, Марк понял, что утратит часть своего обаяния в глазах всех

жителей колонии, если не отличится, в свою очередь, каким-нибудь блестящим подвигом на этом новом поприще.

Что никто из высших властей колонии, как например Хитон, в качестве главного министра, два младших брата губернатора, занимавшие государственные должности, не принимали деятельного участия в ловле китов, — это никому не казалось странным, но губернатор, лихой моряк, — от него непременно ждали, что не сегодня — завтра он проявит здесь свою удаль и под его ударом падет какое-нибудь гигантское животное. Молчаливое ожидание не замедлило осуществиться: до окончания срока ловли Марк четыре раза выходил на одной из общественных, то есть казенных китобойных шлюпок, и каждый раз его острога наносила смертельный удар какому-нибудь огромному киту.

Вскоре имеющиеся суда оказались недостаточными. «Молодая Курочка» ушла в Гамбург с грузом в одну тысячу семьсот бочек жира. Суда для ловли оспаривали друг у друга, а поэтому решили построить два новых брига вместимостью по сто восемьдесят тонн каждый, и шесть месяцев спустя «Драгун» и «Ионас» были торжественно спущены на воду. Тем временем на китоловном промысле тоже не дремали, и Бэтс в особенности заработал за это время такие барыши, что в одно прекрасное утро явился к губернатору с просьбой.

Марк, или губернатор, как его называли жители колонии, сидел за своим бюро в аудиенц-зале колониального дома, где он в настоящее время занимал целый ряд апартаментов, убранный с такой изысканностью и роскошью, которая обратила бы на себя внимание даже в Филадельфии.

Ни одно судно не возвращалось из Китая, не привозя для губернатора изящнейших столов и стульев, тончайших шелковых тканей, художественного фарфора и других ценных предметов.

Когда Марку доложили о приходе Боба, он поспешил пригласить его войти.

— Войдите, капитан Бэтс, войдите! Прошу вас садить-

ся! — сказал Марк, сам подвигая своему старому приятелю стул. — Я всегда рад вас видеть, так как не забыл еще того времени, когда мы вместе были здесь несчастными, одинокими горемыками.

— Спасибо вам за эти слова! Правда, все здесь так изменилось с тех пор, только вы остались все тем же. Для меня вы все тот же мистер Марк и мистер Вульстон, как и прежде.

— Да, далеко то время, когда мы считали себя счастливыми уже потому, что имели кров над головой, а горсть ила и водорослей были для нас сокровищами. И за все это мы должны быть благодарны Богу! Надеюсь, что и вы, Бэтс, не забыли, чем вы обязаны Господу Богу.

— Стараюсь не забывать, мистер Вульстон, стараюсь, хотя мы люди, вечно склонны думать, что заслуживаем все то, что нам дается, если только это не горе и не неудача! Вот, Марта — она благодарит Бога за нас обоих и во всем соблюдает предписания учения «друзей». Мне же это трудно, потому что поздновато я взялся за это дело. Однако я замечаю, что отнимаю у вас даром время, а ведь теперь у вас каждая минута дорога. Итак, если позволите, я прямо приступлю к цели прихода. Прежде всего, позвольте поздравить вас со спуском двух новых бригов.

— Благодарю. Так что же, ваше посещение имеет какое-нибудь отношение к этим бригам?

— Вот именно. Очень мне понравился «Драгун», и мне пришла мысль приобрести это хорошенькое судно для себя.

— Как приобрести это судно? Да знаете ли вы, Бэтс, что его стоимость равняется восьми тысячам долларов? Где вы возьмете такую сумму?!

— Да, чистоганом у меня, конечно, таких денег не найдется, но если китовый жир имеет какую-нибудь цену, то я полагаю, что у меня, пожалуй, хватит; я могу представить до трехсот бочек этого жира, которые стоят у меня совершенно готовые, причем сто из них — высшего качества!

— Если так, то по рукам, капитан Бэтс! Я покупаю

у вас жир, а вы можете получить бриг. Очень рад, что это судно попадет в ваши руки, мой добрый товарищ Бэтс.

— А между нами говоря, как ваше впечатление, мистер Вульстон, ведь «Драгун» должен побить «Ионаса» по крайней мере на пол-узла. Такое мое мнение.

— И мое тоже, хоть я и не хотел этого высказывать, чтобы не обескуражить строителей «Ионаса».

— Теперь уж я вполне уверен в том, что не ошибся; у вас на этот счет глаз ух какой верный! На ваше слово положиться можно, и вы увидите, что в моих руках «Драгун» царства небесного не проспит!

Это крупное приобретение еще больше возвысило Боба Бэтса в глазах жителей колонии, которые и до этого времени все без исключения уважали и ценили его. Бриг этот, действительно, оправдал все возлагаемые на него надежды, и к его несомненным качествам прибавилось еще одно: репутация «счастливого судна». А как известно, подобного рода репутация никогда не вредит. Теперь Боб Бэтс был на пути к богатству, и удача следовала у него за удачей.

«Ионас» был приобретен компанией торговцев, а «Марта», выкупленная у Бэтса, стала делать установленные рейсы от одного острова к другому, отправляясь два раза в неделю с Рифа в бухту, а затем обратно, и в каждые две недели раз — на остров Ранкокус. На ней лежала также обязанность развозить почту.

Вскоре после того как было установлено правильное почтовое сообщение между отдельными частями колоний, что единогласно было признано всеми за великое и несомненное благо, Марк решил посетить, в сопровождении всех высших сановников, все учреждения и отдельные фермы, заводы, а также и поместья частных лиц для ближайшего ознакомления с нуждами и потребностями всех жителей. Так как это было в то же время и развлечением, и пользой, то Бриджит и Марта пожелали сопутствовать своим мужьям. Шлюп «Марта», ставший теперь личной собственностью губернатора, был выбран для этого путешествия, и в один пре-

красный день около восьми часов утра он вышел из Миниатюрной бухты и направился прежде всего к вулкану, который, по-видимому, уже начинал потухать. Марк очень хотел осмотреть его и поближе ознакомиться с ним.

Вскоре «Марта» стала на якорь в маленькой бухточке под ветром у острова.

Это было первое посещение возвышенности кратера с момента его появления из недр океана.

Пепел и лава скопились у подножия вулкана в гораздо большем количестве, чем когда Марк впервые посещал этот остров, а потоки лавы проложили себе два или три узких русла, по которым они медленно сбегали вниз. По временам еще слышался глухой рокот или подземный гул, вслед за которым следовал пронзительный свист, напоминавший свист парового свистка, затем слышался как бы отдаленный раскат грома, сопровождаемый дымом, и из жерла вылетали выбрасываемые на очень значительную высоту большие черные камни, скатывавшиеся при падении прямо в долину. Но теперь эти взрывы становились все реже и реже.

Покинув вулкан, «Марта» пошла к острову Ранкокус. Она прибыла туда перед закатом солнца и стала на якорь у обычной пристани. Пассажиры сошли на берег. Маленький форт оказался охраняемым часовыми ввиду небольшого числа жителей этого острова, хотя опасаться было почти нечего, так как индейцы совсем не показывались в этих водах.

Все население острова Ранкокус не превышало пятидесяти душ, считая в том числе и женщин, и детей. Обычное их занятие состояло в работе на лесопильне, в изготовлении кирпичей, обжига извести и добыче камня для жителей других островов колонии. Сама почва острова, по всем признакам, давала бы хорошие урожаи, если бы только кто-нибудь занялся ее обработкой. Но «Марта» привозила еженедельно и плоды, и овощи в достаточном количестве, а скота здесь было много, скот этот размножался с удивительной быстротой на роскошных горных пастбищах Ранкокуса.

С острова Ранкокус «Марта» пошла на Риф, где предполагалось осмотреть все его части.

Собственно на Рифе маленький городок, правильно распланированный, представлял собой самое привлекательное зрелище: на улицах царили порядок и чистота, общественные места прогулок смотрели весело и уютно. Глядя на зеленеющие сады этого городка, трудно было поверить, что все они разведены на таком месте, где подпочва состоит из твердой лавы. Садов было так много, что весь город казался утопающим в их зелени. Улицы городка были узкие, как это водится в очень жарких странах, для того, чтобы было больше тени и больше ветра, позади каждого дома расстилались большие пространства, где свободно разгуливал свежий воздух, проветривая здания. Число домов в городке достигло уже цифры шестьдесят четыре, а если считать общественные здания, магазины и лавки и т. п., насчитывалось больше ста построек. Все дома, без исключения, имели более или менее обширную веранду, увитую или диким виноградом, или другими вьющимися растениями, предоставляя прелестное убежище в самые жаркие часы дня.

За городом поддерживался определенный и неизменный порядок способствующий произрастанию деревьев и кустарников в этой местности: как только появлялась необходимость в камне для каких-нибудь сооружений или построек, тотчас же взрывали часть скалы, и все образовавшиеся от взрывов углубления немедленно заполнялись илом или другими веществами, способствующими образованию хорошей почвы, а затем засевались или засаживались деревьями, благодаря чему все расстояние между городом и возвышенностью кратера уже и теперь представляло собой приятное место для прогулок, засаженное кустами, кустиками, молодыми деревьями и почти сплошь поросшее зеленой травой.

Что же касается самого кратера, то там растительность раскинулась богатым ковром: на самой вершине росли местами пышные группы деревьев, а долина кратера стала общественным огородом и плодовым садом для всей колонии; каждый из жителей колонии имел опреде-

ленное число дней обязательной работы в этом саду и огороде, взамен чего имел право пользоваться определенной частью плодов и овощей. При входе с моря в западный пролив, или канал, ведущий к Рифу, основалось нечто вроде морской станции, служащей для наблюдений за жителями соседних островов. На этой части Рифа находилась всего одна ферма, а на самом выступе косы стояла батарея, защищавшая вход в канал, и маленькое, но хорошо укрепленное здание, служившее вместе с тем и харчевней, и трактиром, и крепостью. Собственно земледельческое население колонии сгруппировалось вдоль бесчисленных маленьких каналов и морских рукавов, примыкавших к Рифу. Довольно широкая тропа, доступная и для лошадей, и для повозок, вела от одной фермы к другой, но главным способом сообщения были все же каналы, по которым постоянно сновали взад и вперед лодки различных видов и размеров.

Путешествие «Марты» закончилось на Пике.

Долина Пика до такой степени заслуживала данное ей название Эдема своим живописным пейзажем и роскошной природой, что человеку ничего больше не оставалось здесь делать. Все дома были каменные, но не высокие, и занимали сравнительно незначительную площадь — исключением из общего правила был только дом губернатора, служивший постоянным местом пребывания Бриджит; климат Пика лучше влиял на здоровье ее детей; благодаря этому прекрасному климату здесь были основаны две школы, причем губернатор наблюдал за тем, чтобы в них преподавалось лишь только самое необходимое, а прежде всего любовь к Богу. Он слишком хорошо знал, каким злом является всюду полуобразование, и поэтому не хотел заражать им свою колонию.

Такое было в общем состояние колонии в то время, о котором теперь идет речь. Все шло прекрасно. «Молодая Курочка» вернулась и, продав очень выгодно свой груз, загрузилась снова и готовилась к отплытию, увозя остатальной китовый жир. Дело это было чрезвычайно выгодное и давало громадную прибыль. Одним словом, молодая колония процветала и, казалось, достигала вы-

сшей степени своего благополучия, что почти всегда бывает критическим моментом в жизни как государства, так и отдельных личностей, потому что в такие минуты как те, так и другие бывают часто ближе всего к своей гибели.

Г л а в а   X X V I

Жестокий сердцем и сильный рукой, он думает только о битвах; а после битвы о грабеже. С диким смехом выкрикивает он команду о приговлении к бою.

«Буканьер»

Вернувшись из своего путешествия, губернатор провел целую неделю на Пике вместе с женой и детьми.

Самый Пик, то есть его вершина издавна стала излюбленным местом прогулок всех обитателей этого острова. И вот рано утром того дня, когда Марк намеревался возвратиться на Риф, он вместе с женой и детьми поднялся на Пик, чтобы полюбоваться оттуда восходом солнца. Утро было прекрасное. Супруги весело разговаривали о всех милостях Провидения по отношению к ним и о всех тех благодеяниях, какими оно не переставало осыпать их и до настоящего времени.

Губернатор ничего не скрывал от своей подруги и часто советовался с ней, зная, что она обладала чрезвычайно верным взглядом и могла дать ему только разумный совет.

— Знаешь ли, что меня больше всего беспокоит в настоящую минуту? — спросил Марк. — Это вопрос религиозный. Я убедился, что существуют несравненно большие различия в религиозных мнениях, чем я предполагал возможным при столь миролюбивых взаимных отношениях, как те, среди которых мы здесь живем.

— Я уже давно знала о том, что очень многие недовольны тем, как исполняет свои обязанности достопочтимый мистер Хорнблоуер! — сказала Бриджит.

— Так почему же ты мне не сказала ничего об этом?

— Зачем мне было добавлять лишнюю заботу ко всем твоим заботам?! Тем более, что теперь это дело скоро должно само собой уладиться, так как «Молодой Курочке» поручили привезти двух священников, одного методиста, а другого пресвитерианца, если только найдутся среди них такие, которые пожелают поехать сюда. Даже «друзья» питают некоторую надежду увидеть проповедника из своей среды.

— Разве нет закона, запрещающего въезд в колонию без моего согласия нового лица? — серьезно, почти строго, спросил Марк.

— Закон такой есть, мой друг! Но было бы несправедливо заставлять людей поклоняться и служить Богу не так, как бы они этого хотели.

— Раз Бог один, то мне кажется, что и служить Ему следовало бы всем одинаково!

— Да, но есть ли на свете хоть один такой предмет, на который все люди смотрели бы одинаково?! Да к тому же мистер Хорнблоуер имеет один весьма серьезный недостаток: он оскорбительно отзывается о всех других сектах и вероисповеданиях.

— Истину никогда не следует скрывать, тем более в таком серьезном вопросе, как дело веры и религии.

— Пусть так, если бы его к тому вынуждали. Но зачем задевать без всякой причины чужие верования, и даже если хочешь, то и религиозные предрассудки, которые, хотя и не согласуются с его убеждением, но все-таки заслуживают известного уважения?! Ведь он должен же помнить, что в числе его слушателей нет и пятидесяти человек, принадлежавших к епископальной церкви!

— Вот поэтому ему и хочется, чтобы все присоединились к ней!..

Посередине этого разговора супруги достигли высшей точки Пика. Но едва успели они окинуть взглядом открывшуюся перед ними картину, как зоркие глаза Бриджит увидели вдали три паруса. Вглядевшись в них при-

стальнее, Марк различил большое трехмачтовое судно и два брига. Суда эти находились в данную минуту на полпути между Пиком и Рифом.

До настоящего времени никто из посторонних не подозревал о существовании Миниатюрной бухты. Даже канаки не знали о ней, да и сам Пик являлся для них таинственным местом, внушавшим им какой-то суеверный страх.

На вершине Пика постоянно имелось несколько подзорных труб. Марк взял одну из них и направил ее на переднее трехмачтовое судно.

— Что это за суда, Марк? — спросила у него Бриджит. — Быть может, это «Ранкокус»?

— Нет, он не пошел бы сюда! Это большое судно и, очевидно, сильно вооруженное, но я не могу рассмотреть его флага. Они как будто держат на Пик, что подтверждает, что они, вероятно, не подозревают о существовании здесь колонии.

— Но если эти места им незнакомы, то естественно, что они прежде всего направятся сюда, так как Пик самое выделяющееся место и прежде всего обращает на себя внимание.

— Да, ты права. Но все же появление этих судов в наших водах кажется мне подозрительным.

Тут же на лужайке играли дети. Марк послал одного мальчика с запиской к Хитону, предупреждая его отдать приказ, чтобы ни одна шлюпка не выходила из Миниатюрной бухты и чтобы никто из жителей не появлялся в тех местах, где их можно видеть с моря, чтобы везде были потушены огни, и дым не мог бы выдать присутствия здесь людей.

Вслед за этим посланным Марк отправил другого, который передал приказ немедленно созвать всех защитников Пика и приготовиться к обороне, кроме того, держать наготове шлюпку, которая по первому сигналу могла бы отправиться на Риф.

Тем временем неизвестные суда не стояли на месте, а на всех парусах шли к Пику. При более внимательном наблюдении Марк убедился, что главное судно — фрегат,

— Что это за суда, Марк? — спросила Бриджит. — Быть может, это «Ранкокус»?

полный вооружения, с исправными батареями и многочисленным экипажем, точно так же, как и оба брига, которые, очевидно, были вместимостью в двести тонн каждый.

Судя по маневрированию маленькой эскадры, можно было предполагать, что она намеревалась пройти у скал, из чего Марк заключил, что никто из людей этой эскадры не знал о существовании Миниатюрной бухты.

Но вот, наконец, суда подошли настолько близко, что стало возможным направить подзорную трубу на палубу фрегата. При этом Марку вдруг показалось, что он в числе других лиц видит несколько человек индейцев. Мало того, это были не простые индейцы, а кто-то из вождей в полном боевом наряде и вооружении.

Вглядываясь в них с удвоенным вниманием, он увидел в их числе Ваальли и его сына.

Такого рода открытие было очень важное. Присутствие на фрегате Ваальли не могло, конечно, предвещать ничего доброго. И если он в продолжение последних пяти лет молча покорялся своей судьбе, то все же не подлежало сомнению, что в душе его жила бессильная злоба и затаенная ненависть к белым.

Выждав время, когда вся эскадра, обогнув северную оконечность острова, стала держать на юг, Марк, не теряя ни минуты, отправил шлюпку на Риф с приказом спешить на всех парусах для того, чтобы своевременно предупредить Пэннока и других, находившихся там в данный момент членов совета о предстоящей опасности и, предлагая им установить самый бдительный надзор, собрать немедленно все военные и боевые силы колонии, причем Марк обещал лично прибыть на Риф тут же, как только эта эскадра покинет окрестности Пика. Шлюпка эта уже успела скрыться из вида, когда Хитон, наблюдавший за флотилией с одной из прибрежных скал, послал от себя гонца к губернатору на вершину Пика с вестью о том, что неизвестные суда достигли южного мыса острова и повернули на юго-восток, по-видимому, направляясь к вулкану.

Опасность посещения колонии этой неизвестной фло-

тилий, очевидно, еще не могла считаться миновавшей: она легко могла зайти теперь на остров Ранкокус, так как лесопильня, водяная мельница и завод, да и главные дома были видны с моря. Надо было предупредить и эту опасность; и поэтому, как только можно было с уверенностью решить, что эскадра пошла на юго-восток, тут же была отправлена другая шлюпка на Ранкокус с тем, чтобы предупредить местное рабочее население о возможности посещения их острова непрошеными гостями.

Между тем с Пика продолжали наблюдать за подозрительной флотилией до той минуты, пока она не подошла к вулкану, после чего суда эти скрылись из вида, вероятно потому, что убрали паруса.

Весь остальной день и вся следующая за ним ночь прошли в тревожном ожидании чего-то неприятного. На всех пунктах Пика продолжался самый бдительный надзор в продолжении всего дня, но нигде не появилось ни единого паруса. На следующее утро прибыла небольшая китобойная лодка с тремя или четырьмя здоровыми парнями прямо с острова Ранкокус. Они выехали еще с вечера, но всю ночь им пришлось бороться с пассатными ветрами, вследствие чего они потеряли очень много времени. Привезенные им вести настолько огорчили, насколько и удивили всех присутствующих.

Оказалось, что накануне, с рассветом, три незнакомых судна внезапно появились у берегов острова. Как надо полагать, они выбрали это направление, пользуясь темнотой ночи, потому что иначе их бы видели с Пика. Биглоу, находившийся как раз на острове Ранкокус и пользовавшийся большим уважением среди переселенцев, тут же принял на себя роль руководителя в этом важном деле. Женщины и дети немедленно все удалились в горы, в глубь острова, где были выстроены две-три хижины, предназначенные служить убежищем на случай, подобный этому. Туда же были перенесены наиболее ценные вещи и предметы, между прочим и две лесопильные пилы и всякие другие инструменты.

Отдав все эти распоряжения, Биглоу остался один без товарищей и вышел навстречу незнакомцам, которые

только что успели стать на якорь и в большом числе высадились на берег. Достигнув того места берега, где находились эти непрошеные гости, Биглоу очутился среди сотни вооруженных людей; схватив его, они потащили его к своему начальнику, которого, судя по внешнему виду, можно было принять за старого моряка грубого и дикого нрава. Человек этот совершенно не знал английского языка; Биглоу попытался заговорить с ним по-испански, но и эта попытка оказалась напрасной. Наконец, нашелся какой-то человек, прекрасно говоривший по-английски, так что его можно было принять за природного англичанина; с помощью этого переводчика начался форменный допрос.

От Биглоу потребовали прежде всего, чтобы он сообщил число жителей на каждом отдельном острове, характер груза их и прочее. По роду этих вопросов Биглоу смекнул, что имеет дело с пиратами. Морские разбойники были тогда не редкость в восточных морях и вели дело, как говорится, на широкую руку: часто собиралось сообщество несколько судов для того, чтобы с большей уверенностью совершать крупные грабежи и разбои. Экипаж, который видел перед собой Биглоу, очевидно, принадлежал к различным нациям, хотя большинство из них были, по-видимому, европейцами, во всяком случае европейского происхождения.

Биглоу был до крайности осторожен и осмотрителен в своих ответах, так что даже расстроил тех, кто его допрашивал. Когда его стали расспрашивать о Пике, то он принял особенно таинственный вид и сказал, что там обитают только одни птицы небесные, и что порой там раздается страшный гром, который как будто выходит из самых недр этих грозных скал, и что никто еще до сих пор не мог пристать к этому таинственному острову. Все эти сведения, по-видимому, не возбудили никакого подозрения, чего сильно опасался Биглоу. Обнадеженный этим успехом, он вздумал добавить еще страхов, когда дело зашло о Рифе. Он уже принялся было рассказывать бесконечно длинную историю всяких чудес, как вдруг его прервали на полуслове, заявив напрямик, что он лжет.

После этого его тотчас отвели немного в сторону, где он очутился лицом к лицу с Ваальли.

Как только Биглоу узнал мрачное лицо этого грозного воителя, он тут же понял, что скрывать и лгать было бы бесполезно, и, недолго думая, прибегнул к обратному средству. Он принялся усиленно преувеличивать число, и силы, и вооружение судов, которые он все называл по именам, в большинстве случаев не вымышленным, но с той только разницей, что все мелкие шлюпки в его рассказе превращались в большие суда — бриги и фрегаты. Судя по его словам, колония в любое время имела наготове войско в две тысячи человек.

Командир эскадры, называвший себя адмиралом, по-видимому, не был особенно доволен этими сведениями. Он обратился к Ваальли за подтверждением слов Биглоу. Но на его вопрос прозвучал такой ответ, что, мол, он, Ваальли, слышал, что теперь число переселенцев значительно увеличилось против прежнего, но что ему неизвестно, какое число воинов они могут выставить. Он знает только одно, что у этих людей несметные богатства, что у них столько всякого материала, что они могут построить столько судов, сколько им вздумается. Эта последняя подробность в особенности возбудила алчные аппетиты пиратов.

После этого адмирал не нашел больше нужным заниматься расспросами и, не теряя больше времени, принялся рассматривать остров. Как все дома, так и мельницы были разграблены; несколько штук свиней и один молодой бычок были убиты; но, к счастью, все стада находились в горах и поэтому укрылись от глаз пиратов. После этого злодеи стали забавляться тем, что подожгли лесопильню, которая вскоре превратилась в груды пепла; одна водяная мельница уцелела только потому, что стояла немного в стороне и осталась незамеченной пиратами; затем они взорвали одну из печей для обжига извести только ради того, чтобы полюбоваться, как кирпичи взлетают на воздух. Казалось, им доставляло особое злобное удовольствие все рушить и уничтожать, и Биглоу никто ничем больше не беспокоил, о нем даже как будто

все забыли, и поэтому, как только настала ночь, он собрал еще двух-трех человек и вместе с ними поспешил сесть в шлюпку и явиться с докладом к губернатору.

Г л а в а   X X V I I

*Они ушли! Этот чудный берег наш!
Посмотри кругом, это все наше на-
следие.*

С п р а г

Выслушав отчет Биглоу, Марк сразу понял, что имеет дело с пиратами, производившими грабежи тогда повсеместно во всех восточных морях. Экипажи этих пиратских эскадр набирались из подонков всех наций и не отступали ни перед чем, если дело шло о наживе. Раз Ваальли находится у них, нет необходимости спрашивать, каким путем эти люди узнали о существовании колонии. Не подлежало никакому сомнению, что этот алчный вождь вошел с ними в соглашение с тем, чтобы получить свою долю добычи. Очевидно, первоначальной целью этих пиратов было разграбление судов, возвращающихся с ловли жемчуга, с богатой добычей. Зайдя на стоянку Ваальли, они, вероятно, узнали от него о возможности более верной, а может быть и более крупной наживы.

Марк не опасался за Пик. Даже в том случае, если бы незнакомцам удалось открыть вход в Миниатюрную бухту, то и тогда защитники его, благодаря очень выгодному положению своему на неприступных высотах, всегда будут в состоянии с успехом отразить каждое нападение. Но если Риф оказался бы во власти пиратов, то потребовались бы целые годы, чтобы загладить эту потерю. После полудня Марк приказал приготовить шлюпку и отправился на Риф.

На полпути со шлюпки заметили судно, которое, казалось, направлялось туда же. То была «Анна», возвращавшаяся после того, как известила всех китоловов о

грозящей опасности. На ней находился Боб Бэтс. «Анна» могла считаться самым быстроходным судном колонии, и поэтому на ней следовало устроить главную квартиру. Наиболее быстрым после нее судном считалась «Марта». За ним была послана та шлюпка, на которой выехал Марк, а сам он пересел на «Анну». «Марта» должна была немедленно присоединиться к губернатору на случай поручений, а сам Марк направился к китобойной бухте.

Прибыв туда, Марк убедился, что все китоловы уже предупреждены и принимают необходимые меры предосторожности. Однако всего этого было мало, следовало еще знать, можно ли рассчитывать на преданность канаков. Число их достигало в общей сложности по меньшей мере двухсот человек, а колония могла выставить в данный момент не более трехсот шестидесяти воинов. Могло случиться так, что все эти боевые силы необходимо будет двинуть на один какой-нибудь пункт, тогда придется оставить у себя за спиной толпу канаков в полтора-два человека полновластными хозяевами Рифа. Такого рода перспектива не казалась приемлемой Марку. Он пришел к убеждению, что их следует стянуть всех в одном определенном пункте и занять какой-нибудь срочной работой. Задача эта была поручена Биглоу, который решил собрать вокруг себя всех индейцев, сформировать из них экипажи для восьми или десяти свободных судов и отправиться с этой эскадрой в открытое море.

Таким приемом он рассчитывал удалить их на целые сутки с Рифа и лишить всякой возможности связи с Ваальли, если бы тот вздумал появиться у берегов Рифа.

Когда все эти меры были приняты, Марк вышел из китоловной бухты, чтобы вернуться на кратер; на высоте южного мыса он встретил Боба, прибывшего на «Марте». Тогда оба эти судна приняли на себя заботу самого бдительного наблюдения в направлении острова Ранкокус. Юго-западный угол группы маленьких островов, примыкавших к Рифу, представлял собой длинную, узкую косу, под ветром которой имелся прекраснейший рейд. Коса эта была известна всем жителям колонии под названием Стрелки острова Ранкокус или Ранкокусовой

Стрелки, вследствие того, что конец этой косы с математической точностью показывал направление вышеупомянутого острова.

Вот эта-то Ранкокусова Стрелка и была избрана Марком местом для встречи, или, вернее, сходимки для судов его маленькой флотилии. Понятно, что, собирая вокруг себя незначительное число судов, губернатор не мечтал создать из них силу для сопротивления враждебной эскадре, а намеревался только организовать правильную охрану или, так сказать сторожевую флотилию. Он был уверен в том, что Ваальли направит своих покровителей непременно в западный канал, так как эти места ему были больше знакомы, а поэтому позиция у Стрелки острова Ранкокус являлась лучшей и удобной для наблюдений.

«Анна» прибыла первая к назначенному месту; затем и остальные суда пришли одно за другим; все сообщили одну и ту же весть, что неприятель нигде не показывался. По приказу Марка Боб Бэтс простер свою рекогносцировку до Пика, но и там все было совершенно тихо, и никто не видел и не слышал о незнакомцах.

Около полуночи губернатор решил организовать правильную сторожевую линию; каждое судно должно было, отойдя на расстояние семи миль одно от другого, дожидаться рассвета на своем посту, наблюдая внимательно за своей дистанцией.

Когда солнце уже взошло, прибыла «Нешамони» с докладом, что в ее районе не показывалось за ночь ни одно судно; затем она получила предписание немедленно отправиться прямым путем на остров Ранкокус, а в случае, если там все спокойно, командир его должен был сойти на берег и постараться увидеть кого-нибудь из жителей этого острова, чтобы получить от них самые точные сведения, после чего, если полученные им сведения не заставят его поступить иначе, ему предписывалось зайти на Пик, и только после этого вернуться вновь на Риф.

Остальные суда также явились с докладом, что никто не видел чужих судов. Обстоятельство это начинало тре-

вожить не на шутку Марка. Что, если пираты задумали направить нападение на какой-нибудь другой пункт Рифа? Ведь такое нападение на тот пункт группы, где его не ожидали, могло иметь самые роковые последствия; например, если неприятель подойдет с подветренной стороны, то нападет как раз на ту часть Рифа, которая располагала наименьшими средствами обороны, так как, по своему естественному положению, меньше других нуждалась в них, считаясь в общем смысле самым надежным местом склада различного имущества колонии.

Под впечатлением этой мысли Марк сделал следующее распоряжение: одной из шлюпок было приказано проследовать северным каналом между мелкими островами вплоть до самого Рифа, другой предписывалось остаться и крейсировать вблизи Стрелки. «Анна» и «Марта» вместе отправились на поиски неприятельской эскадры. Прошло около семи часов с тех пор, как они шли на расстоянии двух миль друг от друга по направлению острова Ранкокус без всякой пользы для дела. Тогда Марк предложил Бобу Бэтсу продолжать идти дальше в том же направлении еще некоторое время, а на следующее утро назначил ему свидание у Стрелки. Сам же он отправился на Пик, чтобы там лично осведомиться, нет ли каких-нибудь известий о пиратах, да и посоветоваться с Хитоном.

Около четырех часов утра «Анна» вошла в Миниатюрную бухту. Здесь все было спокойно, даже «Нешамони» еще не показалась у берегов Пика.

Повидавшись с Хитоном и некоторыми другими людьми, поцеловав жену и детей, Марк в восемь часов утра снова вышел в море, а к десяти был уже у Ранкокусовой Стрелки. Три шлюпки, на известном расстоянии одна от другой, зорко сторожили окрестности, и, как только он приблизился к ним, ему немедленно доложили, что вдали появился парус, и Марк тотчас узнал «Друга Авраама», который обошел все побережья Рифа для того, чтобы созвать китобойные суда и шлюпки, после чего вернулся обратно и теперь ждал дальнейших указаний губернатора.

Так как «Друг Авраам» не мог считаться легким и быстроходным судном, то Марк не решился посылать его в открытое море на поиски пиратов, а приказал Биглоу, командовавшему этим судном, охранять берега Рифа и не удаляться от них слишком далеко, чтобы ему нельзя было отрезать сообщение с сушей. При этих условиях ни одно судно не могло бы подойти к берегу без того, чтобы его не увидел Биглоу, а он хорошо изучил все внутренние каналы, что не только имел возможность в любое время уйти от неприятеля, но еще успеть сообщить жителям всех островов этой группы о намерениях неприятеля.

Придя к назначенному месту, губернатор застал все суда на месте сбора, за исключением одной только «Нешамони», которая все еще не возвращалась; ее ожидали с часу на час.

«Марта» также была уже недалеко, но если что-либо смущало Марка, так это мысль, что среди людей, находившихся в настоящую минуту при Ваальли, могли быть и некоторые из тех канаков, которые использовались колонией для различных работ на Рифе. Люди эти хорошо знали все ходы и выходы каналов и проливов, а также глубину и ширину почти что каждого из них. Если так, то пираты могли напасть на Риф одновременно с разных сторон и почти беспрепятственно овладеть всем островом и прилежащей к нему группой островков, несмотря на все те меры предосторожности, которые были приняты Марком. Опасность в подобном случае грозила серьезная.

Но вот наступила такая минута, когда, казалось, пришел конец этой томительной неизвестности. Сторожевые шлюпки одновременно дали знать о приближении «Марты» и «Нешамони», и полчаса спустя командиры этих судов явились с рапортом к губернатору. «Нешамони» только что пришла с острова Ранкокус: пираты оставались там очень недолго и вскоре после того, как уехал Биглоу и его товарищи, сели на свои суда и покинули остров с очевидным намерением не возвращаться больше туда. Судя по избранному ими направлению, можно было предположить, что они пошли к вулкану, но,

вместе с тем, «Марта», которая обошла кругом вулкан, нигде не видела и признаков пиратских судов. Куда же могли они деться?

Марк уже отдал приказ, чтобы «Марта» отправилась немедленно в этом направлении на розыски пиратов, и Боб Бэтс, выслушав последние наставления, уже откланивался губернатору, как вдруг, совершенно неожиданно, одна из сторожевых шлюпок дала знак о появлении неприятельских судов с подветренной стороны.

Не прошло и часа, когда на этот счет не осталось никаких сомнений: то были действительно пираты. Мало того, впереди их шел «Друг Авраам», спешивший на всех парусах к южному проливу. Неприятельские суда нагоняли его с каждой минутой, и расстояние, отделявшее их от «Друга Авраама», видимо, уменьшалось. Положение злополучного судна было поистине критическим, да притом еще избранное им направление привело бы пиратов как раз к самому Рифу.

Нельзя было медлить ни минуты. Марк смело пошел навстречу пиратам в надежде, что неприятельские суда также погонятся за ним и тогда вынуждены будут разделиться. Бэтс тут же угадал план губернатора и со своей стороны помог ему в его плане, выйдя тоже навстречу неприятельскому флоту.

Их два брига, державшиеся немного южнее, тотчас же погнались за «Анной» и «Мартой», предоставив фрегату преследование «Друга Авраама».

Марк очень обрадовался такому обороту дела, так как знал, что судно с таким водоизмещением не решится войти в столь узкие проливы, в которые, как известно было и всем канакам, никогда не входило ни одно более или менее крупное судно.

Неприятельские суда неслись, как на крыльях. Счастие еще, что «Друг Авраам» был недалеко от пристани; все-таки в момент, когда он, обогнув мыс, спешил укрыться у берегов, фрегат почти настиг его, так что он едва только успел войти в пролив. Пираты открыли по нему пальбу всем правым бортом, причем шхуна потеряла свою грот-мачту и одного канака, убитого наповал.

Последнее обстоятельство имело, однако, хорошее последствие, потому что остальные индейцы сделали из него заключение, будто пираты — их личные враги, так как в то время, когда на судне было так много белых, они сорвали гнев свой на одном из их единомышленников.

Фрегат не решился следовать дальше за «Другом Авраамом», как того и ждал Марк, но, не желая даром терять время, тут же повернул на другой галс и пустился в погоню за «Анной» и «Мартой», которые в это время уже были на полпути между Рифом и Пиком. Однако Марк не хотел подпускать неприятеля ближе, чем того требовала необходимость, к входу в Миниатюрную бухту и потому, как только убедился, что «Друг Авраам» благополучно успел укрыться между островами, тотчас изменил направление и стал держать курс на остров Ранкокус.

Все три неприятельских судна последовали за ним и полчаса спустя успели настолько удалиться от южного мыса и канала, что, по крайней мере, в настоящее время Марку нечего было опасаться за этот пункт.

До настоящей минуты все предположения Марка осуществились с поразительной точностью. Погоня осталась за ним в целой миле расстояния, и все, казалось, шло как нельзя лучше. Тогда он сам повернул на другой галс и пошел к северо-западу, из-за чего пираты выиграли большое расстояние.

Но зато Марк имел перед собой мыс Ранкокусовой Стрелки и знал, что неприятель будет принужден держаться в открытом море, чтобы обойти эту косу, тогда как «Анна» и «Марта», как более легкие и мелкие суда, могли держаться берегов.

Им пришлось вытерпеть огонь неприятельских батарей, но он нисколько не повредил им, так как никаких серьезных повреждений не причинил ни тому, ни другому судну. Вскоре после того они находились под прикрытием берегов. Тем не менее пираты не хотели отказаться от преследования и минут двадцать спустя, благополучно обогнув косу, продолжали погоню. Это и нужно было Марку; теперь он был почти уверен, что

Ваальи укажет пиратам единственный известный ему путь к Рифу.

С таким шкипером им потребуются целые сутки на то, чтобы добраться до Рифа, да притом еще под непрерывным огнем расположенных здесь повсюду батарей.

Г л а в а   X X V I I I

*О, грех, это твое создание и вот
отмщение. Человек, весь мир плачет
при твоем рождении.*

Д а н а

Марк хотел завлечь своих преследователей в западный канал, и это ему удалось как нельзя лучше. При входе на рейд находился маленький островок, вблизи которого имелось прекрасное якорное место, где обыкновенно приставали суда колонии. Здесь стояли два-три домика и небольшая батарея из двух девятифунтовых орудий. У этого-то островка экипажи обоих судов высадились после того, как только сами суда укрылись в надежном месте, в одном из внутренних бассейнов Рифа.

Очевидно, враждебные действия неприятеля должны были начаться именно здесь. Отсюда Марк немедленно отправил шлюпку на Риф с письмом, в котором извещал Пэннока о ходе дел и сообщил ему дальнейшие свои распоряжения.

«Анна» и другие сопутствовавшие ей суда уже около часа стояли на якоре, когда, наконец, неприятельские суда вошли на рейд и легли в дрейф в какой-нибудь полумиле от батарей. Вслед за этим они подняли белый флаг в знак того, что желают вступить в переговоры. Марк, никак не ожидавший этого, не знал как ему поступить. По некоторым размышлениям, он решил сесть в шлюпку с белым флагом и, отъехав на некоторое расстояние от берега, подождать, что будет дальше. Едва успел он достигнуть заранее намеченной им черты и остановиться, как с фрегата спустили шлюпку под тем

же белым флагом, и вскоре обе лодки очутились на расстоянии длины весла друг от друга.

В неприятельской шлюпке, кроме шести здоровых гребцов, были еще три человека; один из них, как оказалось впоследствии, был адмирал, другой — его переводчик, прекрасно изъяснявшийся по-английски, а третий был не кто иной, как сам Ваальли.

Переводчик первый вступил в переговоры.

— Есть ли здесь на шлюпке кто-нибудь, кто был бы уполномочен местными властями говорить с нами от имени всех здешних жителей?

— Да! — ответил Марк, не считая нужным сообщить этим людям свое настоящее звание. — Я имею от них полномочие в деле этих переговоров.

— К какой нации принадлежит ваша колония?

— Прежде чем я отвечу на этот вопрос, я желаю знать, кто меня допрашивает, — спокойно ответил Марк.

— Военное судно признает лишь за военным судном право спрашивать его! — возразил, улыбаясь, переводчик.

— Так вы называете себя военными судами?

— Военные ли мы суда, это вы скоро увидите, если только вы вынудите нас прибегнуть к силе. А, впрочем, мы пришли сюда не с тем, чтобы отвечать на какие-то вопросы, а с тем, чтобы задавать их. Отвечайте! Принадлежит ваша колония к какой-нибудь нации? Да или нет?

— Мы все родом из Соединенных Штатов Америки! — ответил губернатор с некоторой надменностью.

— Из Соединенных Штатов Америки? — повторил переводчик с плохо скрываемым чувством презрения. — Да, ваши суда подчас бывают недурной добычей, как это известно всем воюющим народам Европы. И так как почти все пользуются этой наживой, то почему бы и нам не поживиться здесь! — полушутя, полунасмешливо добавил он.

Это обидное замечание, брошенное в лицо Марку по адресу его дорогой родины, конечно, до крайности оскорбило его, но он решил лучше затаить до определенной поры свой гнев и хладнокровно спросил, чего собственно от него хотят эти люди и с каким предложением они

прибыли сюда. На это переводчик изложил ему в кратких словах суть дела: прежде всего от него требовали, чтобы все суда колонии были немедленно переданы адмиралу и снабжены продуктами и запасами на дальнейшее плавание. Если это главное условие будет исполнено, то остальное все само собой уладится; при этом, разумеется, от колонии будут потребованы заложники для обеспечения, до того времени пока колония не выполнит взятые на себя обязательства. В числе заложников требовались обязательно несколько опытных лоцманов, так как адмирал имел намерение посетить столицу колонии, которая, как ему сообщили, находится в двадцати или тридцати милях отсюда в центре архипелага.

Прежде чем дать ответ на эти наглые требования, Марк еще раз, все с тем же спокойствием спросил, с кем он имеет дело. Но переводчик и на этот раз обошел щекотливый вопрос молчанием. Тогда Марк объявил им свой решительный отказ.

Такой ответ, как видно, поразил надменных чужестранцев. Судя по ровному, невозмутимому тону Марка, они, конечно, ожидали совершенно иного решения и полагали, что им удастся без труда получить все то, что они требовали. Узнав, что представитель колонии наотрез отказался удовлетворить его требования, адмирал выплеснул свой гнев в целом потоке проклятий и угроз по адресу всех жителей колонии. Но Марк и его спутники оставались невозмутимыми до конца. Шлюпка пиратов вернулась на свой фрегат, а переселенцы возвратились к своей батарее. Едва адмирал успел войти на палубу своего судна, как с фрегата грянул первый выстрел; это был сигнал начала военных действий. Ядро попало прямо в батарею и перебило руку канаку, который в этот момент прикладывал зажженный фитиль к запалу пушки. Это едва ли можно было принять за доброе предзнаменование, но губернатор ободрял своих людей словом и взглядом и не давал им возможности падать духом. Обе стороны старались нанести как можно больше вреда одна другой.

Бомбардировка была серьезной, несмотря на то, что тридцати орудиям фрегата Марк мог противопоставить

лишь свои два орудия, но эта маленькая батарея действовала на славу; снарядов было много, земляной вал служил им превосходной защитой, и вскоре стало ясно всем, что бой этот не столь неравный, как оно казалось с первого взгляда. Сам губернатор и капитан Бэтс лично наводили орудия, и ни один снаряд их не пропал даром, каждый оставлял о себе след в какой-нибудь части корабля, а между тем снаряды, направленные на батарею, или входили глубоко в насыпь земляного вала, защищавшего батарею, или перелетали через парапеты. Одним словом, после полуторачасовой пальбы с той и другой стороны у переселенцев был только один раненый, тот самый канак, которому первое неприятельское ядро раздробило руку, тогда как у пиратов насчитывалось семь человек убитыми и более двадцати ранеными.

Если бы бой этот продолжался еще некоторое время при тех же условиях, то он, очевидно, должен был бы закончиться полной победой колонии. Но пираты вовремя поняли, что плохо взялись за дело, и по приказу адмирала один из бригов двинулся к северу, уходя из-под выстрелов и затем обрушился на ту часть батареи, которая была обращена на север.

Так как батарея была построена таким образом, что огонь ее был обращен только вперед, то в боковых фасах не было амбразур, через которые огонь мог бы быть направлен на рейд. Правда, высокие земляные укрепления были воздвигнуты с обоих флангов, с целью оградить прислугу, но такое пассивное сопротивление не могло помочь делу в случае продолжительного сражения.

Видя, что ему нет никакого смысла оставаться здесь больше, и опасаясь, чтобы ему не был отрезан путь к отступлению, Марк решил вернуться на суда со своими людьми. Это было дело далеко не легкое и не безопасное. Один из жителей колонии был убит наповал во время этого трудного отступления, двое канаков были тяжело ранены, но в конце концов им все-таки удалось добраться до своих судов. Меньше чем за четверть часа весь этот маленький десант вернулся на «Анну» и «Марту». Батарея, понятно, оказалась в руках пиратов, которые тут же

набросились на нее, как волки на добычу. Стрелы и дома сожгли, магазин и пороховой погреб взорвали, орудия заклепали; одним словом, подвергли уничтожению и разорению все, что только успели за столь короткий срок, так как они спешили обратно на фрегат, который продолжал следовать далее все тем же западным каналом, имея перед собой на расстоянии пушечного выстрела суда колонии. Канал этот был очень извилист, не говоря уже о том, что его пересекало бесчисленное множество мелких проливчиков и каналов; в них нелегко было разобраться даже людям, уже давно знакомым с их расположением и направлением. Это обстоятельство натолкнуло Марка на одну счастливую мысль, которая тут же заслужила полное одобрение Боба.

На расстоянии приблизительно одной мили в глубь архипелага, между мелкими островами находился один из многочисленных здесь ложных проливов, очень заманчивого вида; немного дальше он вдруг круто сворачивал и уходил на север в сторону от всех промышленных и населенных местностей Рифа, сужаясь до такой степени, что там едва возможно было провести даже «Анну» и «Марту» и выйти в примыкавший к этому узкому проливу небольшой залив или губу. Боб уверял, что их суда пройдут благополучно и выйдут в залив и что необходимо сюда завлечь врага, чтобы отвести его в сторону от кратера и от столицы Рифа и окончательно сбить его с пути. Марк, конечно, не мог согласиться с этими доводами Боба и поэтому последовал его примеру. «Нешамони» Марк отослал окольным путем на Риф, с письмом к Пэнноку, в котором он просил его прислать ему немедленно на тот пункт, где пролив суживается очень сильно, одно двенадцатифунтовое орудие с лафетом и большое количество снарядов. После этого он смело вошел в канал, который был ему хорошо знаком. Воды здесь было больше чем достаточно даже и для большого судна, за исключением, впрочем, только одного места, где находилась весьма значительная по своим размерам и протяжению мель. Над ней было не больше шестнадцати или пятнадцати футов воды, этого было вполне

достаточно для судов Марка, и даже может быть для обоих бригов, но что касается фрегата, то если б нашим друзьям удалось заманить его в этот пролив, можно было сказать с уверенностью, что ему никаким образом не выбраться отсюда.

Солнце уже клонилось к закату, когда Марк достиг вышеупомянутой мели. Он принялся лавировать вокруг нее и около нее, надеясь завлечь сюда в ночной темноте адмиральский фрегат. Но осторожный адмирал был не так прост, чтобы угодить в ловушку; как только стемнело, он приказал убрать все паруса и бросил якорь. Вероятно, он думал, что находится на пути к Рифу, и поэтому не видел никакой надобности торопиться, уверенный в том, что добыча не уйдет от него.

Итак, обе враждующие стороны готовились провести ночь на якоре. В данный момент «Анна» и «Марта» находились меньше чем в полумиле расстояния от того места, где пролив сужался до размеров широкой канавы и где этим судам, во что бы то ни стало, следовало пройти, так как в этом для них было спасение. Пользуясь темнотой ночи, Марк незаметно перешел с «Анны» на «Марту», потому что она была шире в своей килевой части, и если бы ей удалось пройти через ущелье, то «Анна» вслед за ней прошла бы без труда. Без шума, почти крадучись, тайком двинулся шлюп по направлению к скалистому ущелью. Первое время все шло хорошо, «Марта» осторожно продвигалась вперед, но вдруг попала в такое место, что очутилась, как в клещах. Обстоятельства не допускали промедления: пройти необходимо во что бы то ни стало; и вот все бывшие на судне люди дружно принялись за работу. Все имевшиеся орудия были с большой энергией пущены в дело, и, наконец, после упорного и долгого труда им удалось общими силами удалить ту часть утеса или скалы, которая, непомерно выдаваясь вперед, мешала пройти судну. Вскоре после полуночи работа эта была закончена, и «Марта», пройдя благополучно через ущелье, вышла в залив и стала там на якорь в нескольких саженьях от опасной теснины.

Немного отдохнув после того, как эта трудная задача была благополучно выполнена, Марк вернулся назад на свое судно и также тайно отвел его подальше от неприятельских судов из опасения, что пираты, пользуясь темнотой ночи, вышлют против «Анны» свои шлюпки.

Предосторожность эта, как оказалось впоследствии, была совсем не лишней, потому что утром, когда рассвело, со шхуны видели больше семи шлюпок, возвращавшихся на пиратские суда после напрасных поисков шлюпа и шхуны, которых они нигде не нашли.

Вскоре после того пираты первые возобновили враждебные действия, но перерыв в течение ночи дал нашим переселенцам значительные стратегические преимущества: то крупное полевое орудие, которое требовал Марк, прибыло с Рифа ночью и теперь уже было установлено на своем лафете вполне готовое к бою.

С рассветом все суда тронулись с мест, продолжая идти по разветвляющемуся во все стороны каналу. Удивленный отсутствием одного из колониальных судов, то есть «Марты», адмирал предположил, что оно успело уйти вперед, и теперь очень затруднялся относительно того пути, по которому ему необходимо было следовать. Из разумной предосторожности фрегат держался все время середины канала, зорко наблюдая за «Анной», которая все еще кружилась около мели. Но вот адмиральское судно, стараясь настигнуть шхуну, повернуло на такой галс, что сразу очутилось по ту сторону мели, которая теперь оказалась у него с подветренной стороны. После того, как этот маневр был счастливо исполнен, адмирал вздумал попытаться подойти поближе к «Анне», которая в то время шла вдоль противоположной стороны мели.

Воспользовавшись удобной минутой, Марк вдруг совершенно неожиданно повернул на другой галс, делая вид, что хочет вернуться назад. Адмиральское судно повторило за ним его маневр, не желая дать уйти «Анне». При выполнении этого поворота адмиральский фрегат, как и рассчитывал Марк, вдруг сразу всем корпусом врезался в мель и крепко засел там. Тогда Марк, не теряя

времени, еще раз переменял курс и смело прошел мимо фрегата, зная, что экипаж его в данный момент был слишком занят своей бедой, чтобы еще думать о возможности вредить теперь неприятельскому судну.

Фрегат засел всего в какой-нибудь полумиле от того места, где было установлено прибывшее в ночь с Рифа орудие, которое тотчас же открыло по нему губительный огонь.

Тем временем Марк сошел на берег, отдав приказ вывести «Анну» из канала, чтобы обезопасить ее от враждебных действий двух неприятельских бригов, а сам усердно принялся за дело. На его судне имелась небольшая переносная жаровня, которую он приказал спустить на берег с намерением применить ее для накаливания ядер.

Между тем один из бригов сделал вид, будто он намеревается прийти на помощь адмиралу, тогда как другой не переставал палить всем бортом, с целью принудить замолчать батарею. Вскоре вражеское ядро пробило его корпус и заставило его удалиться. Как с той, так и с другой стороны все внимание сосредоточилось на фрегате.

Не подлежало, конечно, сомнению, что адмирал находится теперь в очень критическом положении. Ему оставалось только стараться сняться с мели под непрерывным огнем неприятельской батареи. А дело это было не легкое, тем более, что грунт был илистый. Следовало, прежде всего, облегчить судно, удалив, по возможности, большую часть груза, вследствие чего пираты немедленно принялись работать насосами и заводить якоря. В это время бриги, находившиеся, очевидно, под управлением очень плохих командиров, держались в стороне и совершенно бездействовали. Они не попытались хоть как-нибудь помочь адмиралу. Люди экипажа без толку суетились и бегали взад и вперед по палубе, не видно было никакого порядка, но даже дисциплина, столь необходимая на судах, здесь совершенно отсутствовала.

После двухчасовой канонады, имевшей весьма печальные результаты для пиратов и не причинившей ни

малейшего вреда нашим переселенцам, Марк, наконец, вытащил из огня докрасна раскаленное ядро и лично зарядил им свое орудие, затем он сам навел его и положил фитиль к запалу. Весь заряд проник в корпус фрегата, а затем последовал небольшой взрыв, вызвавший страшный переполох на судне. Второе такое же ядро тоже попало в цель; видя, что пираты окончательно обезумели, Марк не стал больше дожидаться раскаленных снарядов, а хватал первый попавшийся под руку и посылал их в неприятеля один за другим непрерывно, не давая ему времени опомниться.

Не прошло и четверти часа с того момента, как Марк выпустил из своего орудия первое раскаленное ядро, когда с левого борта адмиральского судна показался сначала легкий дымок, а затем и пламя.

После этого уже не оставалось ни малейшего сомнения относительно возможного исхода сражения.

С этой минуты непокорные, негодующие пираты забыли всякую субординацию и, не обращая внимания ни на какие приказы, распоряжения и даже увещевания своего начальства, стали заботиться и хлопотать лишь каждый о себе, стараясь по возможности захватить и спасти свою долю добычи.

В это время «Марта» и «Анна» опять вошли в канал, благополучно пройдя сквозь тесное ущелье, и подошли к месту сражения. Марк приказал поднять свое полевое орудие на шлюп, на который взошел сам со своими приближенными, решившись, в свою очередь, гнаться за обоими бригами, которые предусмотрительно удалились более чем на целую милю от злополучного фрегата с целью избежать опасных последствий взрыва, который, казалось, должен был раздаться с минуты на минуту.

Адмирал и все уцелевшие люди его экипажа кинулись к шлюпкам и, побросав все свои сокровища и богатства, спасали только свою жизнь. После того, как они покинули фрегат, на судне оставалось еще не мало пиратов в состоянии опьянения, доходившем до полнейшего бесчувствия, не сознававших и не подозревавших о гро-

жившей им опасности. Все эти люди, равно как и раненые, безжалостно были предоставлены своей участи, и никто не подумал позаботиться о них. В числе раненых находился также и Ваальли, которому оторвало ядром руку.

Хорошо, что Марк, минуя уже охваченный пламенем фрегат, прошел стороной, стараясь держаться от него как можно дальше. Не успел он отойти от него на четверть мили, как злополучное судно взлетело на воздух с невероятным треском и шумом. Ближе других от места катастрофы в роковой момент находилась «Марта», и среди обломков всякого рода, переброшенных силой взрыва на ее палубу, оказался обезображенный труп некогда грозного Ваальли, который тут же был признан всеми присутствующими жителями колонии. Так погиб, наконец, злейший и упорнейший враг переселенцев, который не раз ставил это маленькое государство на край гибели, на волосок от полного разорения.

Теперь пираты ни о чем другом не думали, как только об отступлении. Но Марк не давал им времени опомниться; его полевое оружие не переставало осыпать неприятеля градом ядер. Обезумевшие пираты и их адмирал, вместо того, чтобы преследовать свои прежние цели, вынуждены были заботиться лишь о том, как бы спасти свои два брига и благополучно вывести их из тесного пролива в открытое море.

Адмиралу, конечно, не трудно было выйти теперь на настоящую дорогу, придерживаясь того самого пути, каким он шел сюда, что он и сделал. Но тут ему, совершенно неожиданно, представилось другое печальное осложнение. Очевидно, между адмиралом и офицерами одного из брига существовали какие-то давние недоразумения.

Вследствие этого адмирал, чтобы обеспечить себе содействие брига в этом деле, взял к себе на фрегат значительную сумму денег, представлявших собой часть добычи, приходившейся на долю этих офицеров.

Деньги эти должны были, так сказать, служить залогом, или ручательством, что эти недовольные вассалы не

покинут своего адмирала в самый важный и критический для его предприятия момент.

Понятно, что такой поступок возбудил лишь еще в большей мере гнев и недовольство этих людей. Только надежда на крупную наживу, на что рассчитывали все, отправляясь на Риф, еще отсрочила на некоторое время полный разрыв между адмиралом и командирами этих бригав. Но когда эта надежда их обманула, то злоба на адмирала-неудачника разразилась с удвоенной силой, и во время своего отступления перед следовавшими за ними по пятам «Анной» и «Мартой» один из бригав готовился принять грозные меры с целью заставить адмирала возвратить им забранные деньги, а другой, подозревая намерения собрата по ремеслу, готовился с не меньшей энергией к отчаянной обороне. Итак, в тот момент, когда они почти одновременно вышли из пролива в открытое море, один из бригав пошел на юг, а другой к северу, преследуемые по пятам неприятельскими шлюпом и шхуной.

Как только эти два брига очутились в открытом море, между ними начался сильный бой. Недовольный бриг открыл огонь по адмиралу, а этот последний немедленно ответил ему тем же. Бой разгорался с каждой минутой, и неприятели сходились все ближе и ближе до того, что вскоре облака дыма от пальбы обоих судов слились в одно громадное белое облако.

Сражение это продолжалось несколько часов. Наконец, перекрестный огонь прекратился, и оба брига занялись устранением повреждений и уборкой раненых, но перерыв этот длился недолго, и пальба целым бортом с того и другого судна возобновилась еще с большим ожесточением.

Марк, видя, что ему здесь делать нечего, и убежденный в том, что всякая опасность миновала, решил вернуться, наконец, на Риф. Между тем оба неприятельских брига продолжали удаляться, не прекращая канонады. Вскоре даже и облака дыма, обозначавшего на горизонте путь этих судов, не стало видно, тогда только Марк понял, что, наконец, избавился от этих опасных врагов.

*Vox populi, vox dei. (Глас народа,
глас Божий).*

В благополучном окончании того, что жители островов называли пиратской войной, колония долгое время наслаждалась полнейшей тишиной и спокойствием. Китобойный промысел продолжал процветать по-прежнему и стал для многих колонистов источником громадных барышей и прибыли. К числу этих людей принадлежал и губернатор колонии.

Но если дело рук человека немало способствовало благосостоянию колонии, то природа, со своей стороны, способствовала этому еще в большей мере. Казалось, будто Господь с особой щедростью и любовью наделил этот клочок земли всеми благами мира. Но к стыду их, надо было сознаться, что жители колонии вскоре забыли о Том, Кто был подателем всех этих благ.

В числе эмигрантов, прибывших несколько месяцев спустя после отражения пиратов, на вернувшемся из дальнего плавания «Ранкоусе» находился один публицист, один юрист и четыре священнослужителя: один пресвитерианский, один методист, один анабаптист и один квакер. Вскоре после прибытия этих людей присутствие их не замедлило сказаться на общем настроении умов в колонии. Все четыре миссионера начали с того, что громко заговорили о братолюбии, о терпимости, о братском самоотречении, усердно вынося напоказ все свои христианские добродетели. Говорили немало о том, что все они прибыли сюда исключительно в интересах своей религии и из желания послужить ближнему и словом и делом.

Но не прошло и нескольких недель со дня прибытия их на Риф, как все эти христианские проповедники готовы были разорвать в клочки друг друга и с пеной у рта оспаривали друг у друга овец пасомого ими стада Господня.

Пасомые не замедлили последовать благому примеру

своих пастырей и пошли по их следам. Этого было достаточно для того, чтобы разгорелась самая ожесточеннейшая война между отдельными сектами и лицами. Как видно, демон зла под видом четырех служителей церкви еще раз прокрался в Эдем, и человек, обитавший в нем, перестал видеть в своем брате ближнего во Христе, а видел в нем только сектанта.

Присутствие в колонии ученого юриста также имело не совсем желательные последствия. С его прибытием большинство жителей колонии вдруг пришли к убеждению, что они в том, в другом и в третьем оскорблены в своих правах своими ближними и дальними соседями, о чем они раньше даже и не подозревали.

Закон, который до настоящего времени не принимался ни разу в интересах справедливости, теперь вдруг превратился в орудие мести и спекуляции. И вот, откуда ни возмись, родился совершенно неизвестный здесь класс людей, новейшей формации филантропов, которые всегда и в любое время готовы были одолжить деньги всем, кто только имел в них надобность, понятно, под большой процент или под верное обеспечение недвижимого имущества.

Пресса довершила то, чему очень удачно положила начало религия и юриспруденция. Вскоре наши поселенцы спохватились, что жили до настоящего времени под оскорбительной для их достоинства деспотической властью губернатора-тирана, и пришли к убеждению, что настало время им выйти, наконец, из этого гнета и пробудиться от столь продолжительной спячки, чтобы считать себя достойными великой будущности. Между тем этот самый народ и не подозревал о существовании того возмутительного гнета, под которым он якобы изнывал, и, вероятно, никогда не почувствовал бы его, если б не появился этот просвещенный господин, представитель свободной прессы и гласности.

В те годы печатное слово имело несравненно больше веса, чем словесное показание даже у более достойного доверия лица. А в наши дни этот престиж пал уже настолько, что вместо того, чтобы сказать: «это так,

потому что я прочел это в газете», чаще всего мы слышим: «это враки, не более, как газетный слух».

Итак, в упомянутое нами время «Правдивый Наблюдатель кратера» имел обширнейшее поле деятельности и пользовался им, как говорят, вовсю. Занимаясь всеми общественными делами колонии и ее внутренней политикой, эта газета не забывала и о себе.

Так, например, в ней время от времени появлялись такого рода сообщения: «Наш уважаемый друг Питер Снукс прислал нам на днях образцы своих кокосовых орехов, которые мы, не задумываясь, решаемся признать плодами превосходного качества и поэтому с полной уверенностью можем рекомендовать их всем хозяйкам кратера».

После этого образцы всякого рода продуктов в удивительном изобилии посыпались со всех сторон к ловкому журналисту. Жители колонии покорно шли на его удочки и ловились в его хитро расставленные ловушки. Его поучения являлись для них какой-то небесной манной, питавшей их праздное воображение всевозможными либеральными бреднями.

Основной теорией учения этого подпольного политика была модная псевдоаксиома, что во всяком человеческом обществе большинство имеет право делать все, что оно только пожелает.

Губернатор, видя и понимая весь вред и пагубное влияние этого учения, не побоялся лично выступить на арене газетного поединка для того, чтобы его же оружием побить этого демагога.

«Если эта теория, — говорил он, — считается справедливой и большинство имеет такое неограниченное право и власть, — то из этого следует, что большинство вправе ставить свою волю даже выше Божеских заповедей и заветов и по желанию может санкционировать убийство, кровосмешение, клятвопреступление, словом, все смертные грехи и все поступки».

Вообще, во всем том, что говорил по этому поводу губернатор, было много разумного и справедливого. Но что значит разумное слово для людей безрассудных и

что такое свет для слепцов?! Одна какая-нибудь слащавая фраза журналиста о правах человека производила несравненно большее впечатление, чем самые веские аргументы губернатора. С общей политики и социологии наш журналист не замедлил перейти на личности и явные нападки на особу губернатора. Его обвиняли в гордости и надменности, по тому случаю, что он имел привычку чистить по утрам зубы, тогда как большинство колонистов не делало этого, и потому еще, что он обедал и ужинал не в те часы, в которые это делали другие, что он плевал в свой носовой платок, а не на пол, и не сморкался в ладони. Все это ставилось ему в вину.

Настал, наконец, момент, когда общественная почва казалась достаточно подготовленной для совершения политического переворота. В одно прекрасное утро газета предложила обитателям колонии созвать народное собрание для преобразования и усовершенствования основных законов колонии. В местном законодательстве существовала статья, гласившая о том, каким путем могли быть введены в устав колониальной конституции какие-нибудь изменения или добавления; для этого требовалось прежде всего согласие губернатора или правителя, затем согласие совета и, наконец, согласие народа. Но не этого хотели недовольные; их вожаки стремились, главным образом, к революции и беспорядку, так как это было единственное средство добиться государственных должностей. Для того, чтобы избавиться раз и навсегда от ненавистного им губернатора, который в случае голосования, по всей вероятности, получил бы большее число голосов, чем всякий другой. Создана была особая статья закона, по которой ни одно лицо не могло занимать более пяти лет подряд высокий пост губернатора или правителя колонии. Тем самым Марк Вульстон устранялся от власти окончательно и лишался даже права баллотироваться на следующих выборах. Затем сформированы были, понятно, из своих людей два законодательных собрания, а прежний государственный совет распущен. Новая конституция была подвергнута обсуждению народом в лице

его представителей, после чего было издано новое Основное Законоположение, в силу которого все бывшие должностные лица были выкинуты за борт и заменены другими. Ведь это, как известно, всегда и ключ, и последнее слово всех революций.

После того, как была принята новая конституция, состоялись выборы. На них Пэннок был избран губернатором на два года, законовед — судьей, издатель «Правдивого Наблюдателя» — государственным секретарем и совместно с этим государственным казначеем колонии. Вся семья Вульстонов оказалась совершенно устранена от всякой государственной и вообще служебной деятельности.

Таким образом, произошла почти незаметно в колонии кратера серьезная революция, которая до этого казалась совершенно невозможной и невероятной. Если бы Марк только пожелал прибегнуть к силе оружия, он без труда заставил бы замолчать эту ораву крикунов, так как канаки все до одного были всей душой преданы ему, и даже, строго говоря, большинство избирателей стояли на его стороне. Но тем не менее он подчинился всем этим изменениям из желания сохранить мир и спокойствие в стране и согласился стать простым гражданином там, где он имел неоспоримое право быть первым лицом государства и занимать в нем высшую ступень правительственной иерархии.

Особенно огорчило Марка то, что Пэннок принял от него пост губернатора без малейшего колебания так же просто, как любой законный наследник престола наследует престол и корону после отца. И если Марк внутренне переживал о происшедшей перемене в жизни колонии, то сильнее переживал за будущее этой колонии, нежели за себя. Он понял великую политическую истину, что чем больше народ старается захватить непосредственно в свои руки власть государства, тем менее, в силу этого непосредственного участия в ней, он бывает способен контролировать эту власть, что вся эта пресловутая власть его в подобных случаях ограничивается лишь правом назначать законодателей и правителей и выбирать представителей из своей среды, а что за этим все влияние и власть

сосредоточиваются неизбежно в руках нескольких ловких, пронырливых людей, нескольких опытных интриганов, а народ только воображает, что держит власть в своих руках. Эта великая неопровержимая истина должна была бы быть начертана золотыми литерами на всех углах улиц и перекрестках всех дорог республиканских государств.

Одну минуту Марк Вульстон, которого мы теперь не вправе называть больше губернатором, пожалел в душе, что не основал какой-нибудь газеты или журнала, с целью иметь возможность противопоставлять яду — противоядие, но по некоторым размышлениям он пришел к убеждению, что это был бы напрасный труд. Все в жизни людей и государств должно идти своим порядком до того момента, когда им встанет на пути какая-нибудь преграда, которая останавливает дальнейший ход событий в определенном направлении или же разбивает весь существующий строй и порядок.

Г л а в а   X X X

Человек говорит, о, безумец: — земля это мое владение; для меня золотые колосья; для меня зеленеющие равнины. На самых высоких вершинах он является, как победитель, и готов бросить вызов ангелу истребителю. Только ты, могучее море, сумеешь ему ответить. Твои тысячи бронзовых голосов найдут, чем его смутит, одним взмахом ты поглотитишь все, что он считает своим добром, и покажешь ему, что Бог один есть все, а человек ничто.

Л е н т

В течение первых месяцев, следовавших за переменой правительства в колонии, мистер Марк Вульстон занялся приведением в порядок всех своих частных дел, намереваясь вслед за этим предпринять продолжительное путешествие.

Между тем дела колонии были теперь далеко не блестящими. С тех пор, как управление ее стало радикально либеральным, различные религиозные секты, пользуясь преимуществом безграничной свободы, готовы были вцепиться друг другу в горло, и взаимным беспощадным проклятием и деффамациям не было конца.

Нравственность жителей колонии приходила в упадок, как и религиозные их чувства. Даже торговля пострадала за это время.

Наконец, вернулся и «Ранкокус», возивший в Америку китовый жир. Тогда его владелец объявил всем о своем намерении вскоре отплыть на этом судне. Братья его, Хитон с женой и детьми, Боб Бэтс со своей семьей выразили тоже желание отправиться в Америку вместе с Марком и его семьей, чтобы еще раз увидеть берега Деловара. Скупив все оставшиеся запасы китового жира и приобретя за дешевую цену громадную коллекцию великолепных раковин, Марк собрал почти все свое движимое имущество, состоявшее из множества очень ценных предметов, причем оказалось, что даже «Ранкокус» не в состоянии вместить всего, и поэтому Бэтс решил отозвать с китоловного промысла свой бриг. При этом сам промысел этот перестал теперь быть столь доходным, как прежде, как будто киты условились бежать из этих мест, точно они желали заявить тем самым свое неудовольствие по случаю изменившихся порядков в управлении колонии.

Месяц спустя по прибытии «Ранкокуса» оба судна были готовы к отплытию. Уезжая из этих мест, столь милых, столь дорогих для Марка, он пожелал в последний раз навестить каждый уголок своего бывшего царства. С этой целью он прежде всего посетил остров Ранкокус, совершенно оправившийся после погрома, произведенного пиратами: и лесопильня, и кирпичный завод, и мельница стояли на своих местах и всюду кипела работа.

То же обилие и то же благоустройство замечалось во всем: на Пике, на Рифе и на всех остальных островах этой группы.

Здесь следует упомянуть об одном совершенно невероятном поступке, доказывающем, до каких пределов могут дойти в людях себялюбие и корысть.

Новое правительство колонии стало оспаривать право собственности Марка Вульстона на кратер, который из кучи пепла и голых скал был превращен в самый цветущий уголок силой его труда и пота. Новые власти колонии стали настаивать на том, что кратер общественная собственность, и мало того, они не постыдились затеять с ним процесс. Понятно, никто из первых обитателей колонии не оспаривал прав Марка на эту землю, но те, кто прибыли последними в эти прекрасные места, не могли смотреть без зависти на этот участок земли и сознавать при этом, что они не имеют на него никакого права.

Марк не захотел еще раз откладывать свой отъезд, а кратер этот был собственно ему подарен Провидением в самые тяжелые минуты его жизни. Между тем, дело это было предано суду присяжных. Марк Вульстон отсрочил свой отъезд ради того, чтобы иметь возможность лично присутствовать на разбирательстве своего дела. Он защищался и отстаивал свои права лишь несколькими полными достоинства словами и вескими аргументами, а в заключение сказал, что вполне полагается на справедливое решение присяжных.

Двое из них стойко держали правую в этом деле сторону и, несмотря на то, что остальные десять высказались против Марка Вульстона, остались при своем решении. А так как в подобных случаях требовался единогласный приговор, то окончательное решение этого дела пришлось отложить до следующей сессии.

Марк не захотел еще раз откладывать свой отъезд и на другой же день после первого разбирательства его дела он отплыл на «Ранкоусе» вместе с Бобом Бэтсом, следовавшим за ним на своем бриге. Минувя по пути Пик, наши друзья, все до одного, сошли со своих судов и поднялись в долину Эдема, чтобы в последний раз проститься с этим земным раем, который Марк называл когда-то «раем среди морей».

Под вечер этого дня путешественники вновь вернулись на свои суда, которые оба вышли из Миниатюрной бухты.

Мы не станем описывать день за днем это уже знакомое и Марку и всем его спутникам путешествие, скажем лишь о том, что, разошедшись у мыса Горн, эти суда почти что одновременно вошли, одно вслед за другим, в порт Филадельфии.

Возвращение семьи Вульстон, уехавшей, по слухам, Бог весть в какие страны на неопределенный срок, явилось настоящим событием для маленького городка, как Бристоль. А в семьях Анны и Бриджит этот совершенно неожиданный приезд внес такую радость и ликование, какие трудно даже описать.

Благодаря прекраснейшему воздуху и климату тех островов, где они жили, обе молодые женщины казались такими же свежими и моложавыми, как в то время, когда обе они были еще молоденькими девушками.

Путешественники привезли с собой весьма и весьма крупное состояние и могли теперь называться богачами. Это, конечно, ничуть не повредило им в общественном мнении граждан Бристоля. Даже молодые братья Вульстон, пробывшие недолгое время в колонии, вернулись оттуда каждый с весьма почтенным состоянием и поспешили заявить своему брату, что они не намерены больше возвращаться на Риф. Но бывший губернатор колонии, при всем своем крупном состоянии, все же остался верен своей привязанности к далеким островам, несмотря даже на явную неблагодарность их населения. Марк питал к этой колонии снисходительность и слабость, какую питает мать к дурному ребенку, не взирая на все его пороки и недостатки. Бриджит решила одна пробыть год у своего немощного, старого отца, а «друг» Марта, любившая во всем подражать своему идеалу — миссис Вульстон, также просила мужа позволить ей прожить около года в Америке. Хитон решил остаться временно в Бристоле с женой и детьми, и хотя Анна первое время жалела о Пике и о роскошной долине Эдема, о чистом горном воздухе и вечно ясном небе тех островов,

но ведь и здесь она была со своей семьей, и ее муж и дети были при ней, а этого только и было нужно для ее полного благополучия и счастья.

Когда «Ранкокус» вновь пустился в обратный путь, то уже на судне, кроме людей экипажа, не было никого из бывших жителей колонии кратера, кроме Марка Вульстона и Боба Бэтса да еще капитана Соундерса, командовавшего «Ранкокусом».

Рейс между Вальпараисо и кратером совершался обыкновенно в течение пяти недель, но иногда на это требовался и более продолжительный срок, что, главным образом, зависело от состояния пассатных ветров. На этот раз Марк вздумал избрать иной путь к Рифу; ему хотелось попытаться держать больше на юг, чтобы, минуя группу островов Бэтто, подойти прямо к Пика.

И вот в одно прекрасное утро, когда уже по его расчетам «Ранкокус» должен был находиться не более как милях в двадцати от Пика, Марк, выйдя рано утром на палубу, был крайне удивлен, что гигантской скалы все еще нигде не было видно. Окликнув того матроса, который стоял на вахте, Марк осведомился у него, не видно ли ему впереди Пика. На это последовал ответ, что на всем громадном видимом пространстве океана нигде не появилось берега даже вдали.

Прошло еще некоторое время, «Ранкокус» продолжал идти все в том же направлении, как вдруг на горизонте показался какой-то остров. Когда к нему подошли на более близкое расстояние, то, к немалому удивлению всего экипажа, оказалось, что этот остров им совершенно незнаком и даже, очевидно, необитаем. Спустили шлюпку для того, чтобы осмотреть его вблизи, и вдруг Марку показалось, что он узнает какие-то знакомые контуры и очертания скал. Когда же лодка подошла к северной стороне острова, или, вернее, утеса, он с ужасом увидел, что на скале, как часовой, стояла одна высокая и одинокая сосна. Невольный крик, крик ужаса и горя, вырвался из его груди: страшная истина стала ему понятна, он сразу угадал, что здесь случилось. То, что они сейчас видят перед собой, не что иное, как вершина Пика, а это

дерево, одиноко торчащее над голой скалой, то самое, которому Марк предназначил служить сигналом в случае опасности от приближения грозного Ваальли к Пикку. Не могло быть сомнений, что весь Пик со своим сказочно прекрасным земным раем был поглощен волнами океана.

Тот страх и беспредельный ужас, который овладел при виде случившегося Марком и его товарищами, не поддается никакому описанию. С тяжелым сердцем вернулись наши приятели на судно. Не будучи в силах выносить больше это ужасное зрелище, Марк решил тотчас же продолжать путь. «Ранкокус» пошел теперь по направлению того острова, имя которого он носил; место, где был когда-то этот остров, было вскоре найдено, но ни самого острова, ни даже его гор не было видно над водой. Когда бросили лот, то в одном месте оказалось всего лишь десять футов воды; то была, очевидно, вершина одной из гор острова Ранкокус, а когда судно снялось с якоря, то вместе с ним был вытащен вполне еще сохранившийся труп козочки, вероятно, щипавшей травку на вершине горы в момент, когда весь этот остров, очевидно, мгновенно был поглощен морем.

После этого «Ранкокус» пошел к Рифу.

К вечеру того дня, когда наши друзья должны были быть, по расчету Марка, уже среди группы островов Рифа, вахтенные доложили, что над поверхностью виднеется вершина какого-то подводного утеса, на расстоянии всего какой-нибудь полумили, по левой стороне судна. «Ранкокус» лег в дрейф, а Марк и Боб сели в шлюпку и отправились вдвоем к этому утесу.

И что же?! Этот риф, как оказалось, был вершиной кратера. Итак, и кратер, вместе со своей прелестной и богатой столицей, со всеми чудными садами и постройками, со всеми жителями и их богатством, погиб бесславно в волнах океана, не оставив о себе ни малейшего следа.

Простояв над этой печальной могилой стольких воспоминаний и надежд около двух суток, Марк решил плыть к островам Бэтто.

Здесь он застал мирно царствовавшего сына покойного Урууни; никто здесь ничего не знал об участи, по-

стигшей колонию. Ему только сказали, что почти все канаки, один за другим, отказывались продолжать работать у белых, так звали они всех жителей колонии. Вскоре после того, как Марк Вульстон со своими друзьями покинул Риф, высшие власти колонии начали требовать от канаков непосильной работы и притом еще забывали платить им, что вызвало, конечно, поголовное бегство канаков, которые целыми группами, один за другим, стали возвращаться на родину.

Вот все те сведения, какие индейцы могли сообщить Марку относительно его погибшей колонии. Кроме того, они рассказывали еще о каком-то необычайном землетрясении, случившемся с полгода тому назад и превзошедшем по силе своих толчков и подземному грому и гулу все, что им когда-нибудь случалось слышать и испытывать в этих странах.

Марк одарил своего юного приятеля, молодого Уруни подарками и рассчитал тех двух или трех канаков, которые еще состояли у него на службе на «Ранкокусе» в числе его экипажа, после этого отплыл к берегам Америки.

В Вальпараисо Марк весьма выгодно распродал весь свой груз, предназначавшийся им для колонии, и затем после почти девятимесячного отсутствия «Ранкокус» стал вновь на якорь в порту Филадельфии.

Все те, которым посчастливилось таким чудесным образом избежать страшной катастрофы, редко вспоминали в разговорах колонию кратера, но Марк много и часто размышлял на эту тему. И сколько раз переживал он мысленно все события своей жизни, стоявшие в столь тесной связи с Рифом: крушение «Ранкокуса», полное свое одиночество, когда впервые он вступил на почву Рифа, эту бесплодную, угрюмую скалу, без признаков всякой растительности, вдруг ставшую, каким-то чудом, роскошной и плодородной нивой и житницей целой колонии. Он вспоминал не раз и все эти как будто колдовством вызванные из недр океана прекрасные зеленые луга и острова с кристальной струей светлых родников, приезд жены, друзей и близких, и зарождение, и рост, и посте-

пенное развитие его колонии, цветущей и богатой до тех пор, пока она не уклонилась от доброго пути, и проклятой судьбой и Богом с того момента, как она уклонилась от него. Он вспоминал и то, как, уезжая, он оставил на этих островах счастливое, богатое население, роскошные стада, луга и нивы, десятки парусных судов, заводы, лесопилки и повсюду кипучую и деятельную жизнь, в полном довольствии и обилии, нечто похожее на рай земной, и как, вернувшись, он не застал из этого всего камня на камне: все то, что он когда-то знал и горячо любил, все, что родилось и создано, как чудом, на его глазах, все это безвозвратно и бесследно погибло в волнах океана.

Такова, впрочем, печальная повесть всего земного и всех тех благ, которые мы так высоко ценим и так сильно прославляем. Нам кажется некоторое время, что все усилия наши не тщетны, что руки наши создают нечто такое, что может служить чуть ли не вечным памятником нашего труда и разума, что ум наш украшает и совершенствует то, что дано нам свыше, и, вместе с тем, мы начинаем забывать Того, Кто дал нам этот ум и силы, и тот предел, который нам положен, и, как мы, безумцы, хотим заменить своим ничтожным, слабым существом То Всемогущее, Всесильное и Беспредельное Высшее Существо, Которым созданы мы сами и весь наш видимый обширный мир. Но едва только эта могучая и Божественная длань, простертая над нами, дававшая нам силы и успех, отстранится от нас, как и мы сами, и все созданное нами мгновенно и бесследно рухнет в бездну и сотрется с лица земли.

Так пусть же те, которые вечно кричат кичливо: «Народ! Народ!», вместо того, чтобы восхвалять Творца и Бога своего, подумают об этом хорошенько. Безумцы, они воображают, что народные массы всемогущи, и не видят, что и они не более, как жалкие атомы, незаметные среди мириад других атомов, созданных Предвечной Мудростью Творца для своих неисповедимых целей! Все эти блага и преимущества, которыми мы так гордимся: могущество народных масс, и преимущества умственного

развития, и сила мощного ума, и все наши успехи, — все это развеется, как прах, исчезнет, точно сон, едва только достигнет того предела, который им назначен. Для всего в мире есть «предел, его же не преjdeши!».

МОРСКИЕ ЛЬВЫ

Перевод с английского

А. А. Э н к в и с т а

Г л а в а   I

*Раз это будет решено, он будет
пить только горькую волну.*

Ш е к с п и р. «Буря»

В американских нравах заметно какое-то однообразие, которого не встречаешь в Старом Свете. Только внимательный наблюдатель несколько отличит американца восточного от американца западного, жителя северного от южного, янки от обитателя центра Соединенных Штатов, бостонца, манхэттенца и филаделфийца. Но когда подумаешь о многочисленности племен, составляющих один народ, и об обширном материке, который они занимают, то еще удивишься тому племенному сходству, которое существует между ними.

Однако несмотря на этот общий характер американского общества, есть исключения из этого однообразия: в некоторых частях Соединенных Штатов замечаем не только различие, но даже оригинальность нравов, которой нельзя не удивляться. Действующие лица этой повести принадлежат к одному из этих исключительных округов и, следовательно, не принадлежат к тому однообразному типу, который уравнивает остальную Америку.

В то время как соседние графства потеряли почти совершенно свой отличительный характер, Суффолк, одно из трех, которые охватывают территорию Лонг-Айлен-

да и которые составляют самые старинные графства, нисколько не изменился. Суффолк остался Суффолком. Население этого графства происходит от английских пуритан, которые эмигрировали в Америку.

Прибавим, что Суффолк имеет только один приморский порт, хотя его берега гораздо пространнее, нежели остальной части Нью-Йоркского штата. Притом это не порт для общей торговли, потому что он наполнен только китоловными судами, и китовая ловля, этот трудный и еще не доведенный до совершенства промысел, составляет занятие его жителей.

Для китоловного судна необходимо, чтобы на нем был такой же порядок, как в полку или на военном корабле. Этот дух порядка существует во всех гаванях, где преимущественно занимаются ловлей китов. Таким образом, в 1810 году, времени, с которого начинается эта повесть, в Саг-Харборе не было ни одного человека, посвятившего себя этому занятию, которого не знали бы не только его товарищи по опасностям, но и все окрестные женщины и девушки. Китоловный порт, да позволят нам это выражение, ничего не значит без населения, занимающегося ловлей китов, и Нью-Йорк очень редко успевал в подобных предприятиях, хотя обращался к китоловным портам, чтобы подыскать там офицеров, способных к командованию этими экспедициями. В успехе есть нравственная сторона, и когда счастливая ловля отзовется во всех жилах местного интереса (да простят нам эти слова), то на долю смелого и неустрашимого гарпунщика, для противника и победителя морских чудовищ, выпадают народная слава, любовь, восторг и даже приятные улыбки.

Лонг-Айлэнд на востоке раздваивается и представляет, так сказать, две оконечности, из которых одна носит название Ойстер-Понда, тогда как другая, простираясь к Блок-Айленду, составляет мыс Монтаук. Между двумя концами вил, которые образует Лонг-Айлэндский остров, находится Шельтер-Айлэнд, остров, лежащий между единственным в графстве Суффолк портом Саг-Харборским и совершенно сельским деревенским видом подле морских волн берега Ойстер-Понда. В первых годах теку-

шего столетия было очень трудно найти округ более отдаленный, оазис менее многолюдный, чем Ойстер-Понд. Нужен был взгляд купца, чтобы связать эту уединенную косу земли с другими берегами и открыть сообщение между Ойстер-Пондом и остальной Америкой. Надо было воспользоваться водами, которыми Ойстер-Понд был почти окружен и из препятствия сделать средство сообщения. И теперь Ойстер-Понд находится на пути между двумя большими американскими рынками. Это было пагубным и смертельным ударом, нанесенным уединению, простоте, оригинальности этой стороны, этому уединенному на морском берегу полю, очень близкому к большому порту, от которого, однако, оно было отделено и находилось в стороне.

Был один из прекраснейших дней сентября месяца и воскресенье. После одной из набережных Ойстер-Понда можно было заметить шхуну, которую спустили совсем недавно и оснащение которой еще не кончили, что было заметно по парусам. Работа по причине праздника была отложена и особенно потому, что шхуна принадлежала приходскому дьякону Пратту, который жил в доме, стоящем в полумиле от берега и владел несколькими угольями, от которых получал довольно хороший доход.

Есть два рода дьяконов, одни духовные, другие мирские. Пратт принадлежал к последнему роду, который процветал у пресвитериан. Мелочная расчетливость и скупость Пратта были всем известны. Пратт наружно был благочестив, но с ним боялись иметь дела, не потому, чтобы он мог обмануть, но потому, что он был жесток и если и не обманывал прямо, так зато редко приносил малейшую жертву благородному чувству.

Пратт был так стар, что уже интересовались завещанием, которое он мог бы сделать. С ним жила племянница, единственная дочь и сирота его брата Израиля Пратта. Она была столь же бескорыстна, как ее дядя скуп, и часто он упрекал ее за милостыню и благотворительность или за услужливость, которые он называл расточительностью. Но Мария, казалось, не слушала замечаний своего дяди и продолжала исполнять свою

обязанность с приятностью и кротостью. Окрестные ку-мушки думали, что Пратт не оставит своего богатства бедной Марии, но отдаст его церкви.

Суффолк первоначально был заселен эмигрантами из Новой Англии, и в нем остались те же нравы, как и в Коннектикуте. Там небольшие услуги, за которые в других местах ничего не берут, очень тщательно вносятся в счетную книгу.

Самый язык заражен этим корыстолюбивым чувством. Если провести несколько месяцев у друга, то, следуя обыкновенному английскому выражению, это называется не посещением, а наймом: считают самым естественным платить другу так же, как и в гостинице. Даже было бы очень неблагоразумным остановиться на несколько времени в доме Новой Англии и не дать расписки в виде обеспечения на случай, если уезжая не можешь заплатить за свои расходы. Обычай дружбы и откровенности, которые существуют везде между друзьями и родственниками, здесь совершенно неизвестны, и каждая услуга оценена.

Однако же рядом с этими обычаями есть качества, смягчающие их строгость, о которых потом мы будем иметь случай говорить.

Мария совсем не подозревала этого, но привычки, скупость, неопределенная надежда, что молодая девушка может вступить в выгодный брак, который некогда позволит возратить свои расходы, заставила Пратта деньги, затраченные на ее воспитание, содержание или удовольствия, вносить в расходную книгу, которую он вел с особенной точностью. Что касается чувства личного достоинства, которое не позволяет человеку действовать таким образом, так оно было ему совершенно чуждо. В то время, с которого начинается эта повесть, тайный счет дяди для его обожавшей племянницы дошел за издержки на воспитание, содержание, квартиру, стол, расходные деньги до тысячи долларов, которые были действительно израсходованы. Пратт был низко и гнусно скуп, но честен. В счете не было ни одной копейки лишней, большая часть статей, за которые он мог бы требовать уплаты, были подведены под очень скромные итоги.

Черт возьми! Я видел, как ваша племянница оказывала больше внимания слуге графа, чем когда-либо оказывала мне; я видел ее в винограднике.

Ш е к с п и р. «День короля»

В воскресенье, о котором идет речь, Пратт отправился, как обыкновенно, в молельню своего прихода, но вместо того, чтобы оставаться там и выслушать проповедь, которую говорят после полудня, он сел в тележку и воротился домой.

Довольно красивый двухэтажный дом, выстроенный по обычаям графства Суффолкского из дерева, на краю луга и богатого плодового сада, в котором заметны были четыре длинные ряда прекрасного орешника, был жилищем Пратта.

Мария стояла на крыльце и, казалось, ждала с нетерпением своего дядю. Он передал вожжи негру, который не был уже невольником, но, происходя от давнишних невольников Пратта, согласился поселиться подле фермы, на которой он работал за половинную цену.

— Ну, — сказал Пратт, подходя к своей племяннице, — каково ему теперь?

— О, дядюшка, я считаю невозможным, чтобы он выздоровел, и прошу вас послать в порт за доктором Сэджем.

Мария говорила о Саг-Харборском порте, в котором доктор, названный ею, пользовался заслуженной известностью.

Несколько недель тому назад корабль, который, без сомнения, плыл в Нью-Йорк, высадил на Ойстер-Пондский берег старого и неизлечимо больного матроса.

Он родился на острове, который назывался Мартас-Виньярд, виноградником Марты, и, по обычаю молодых людей этого острова, оставил его, достигнув двенадцатилетнего возраста, и почти пятьдесят лет не был на родине. Этот матрос по имени Томас Дагге, чувствуя неизлечимую

болезнь, возвращался умереть на родину и высадился на Ойстер-Пондском берегу в ста милях от его родного острова, до которого он еще надеялся доехать.

Дагге был беден, по его признанию, неизвестен и без друзей. Однако же у него был довольно тяжелый чемодан, похожий на те, которыми пользуются матросы на купеческих кораблях. Казалось, что он сделал столько же путешествий, как и его владелец, который успел спасти его из трех кораблекрушений. Но когда он открыл этот чемодан, то содержание его оказалось небольшой ценности.

По высадке на берег этот человек условился с одной вдовой, близкой соседкой Пратта, и нанял у нее квартиру до тех пор, пока будет в состоянии возвратиться в Виньярд. Дагге много прогуливался и старался поправиться.

Когда Дагге еще мог ходить, он встретился с Праттом, и как это ни казалось невероятным племяннице, но между Праттом и этим чужеземцем завязалась приязнь, чтобы не сказать искренняя дружба. Пратт обыкновенно старался не заводить тесной связи с людьми бедными, а вдова Уайт часто говорила всем, что у ее жильца нет и гроша медного. Но у него были вещи, необходимые для моряков, и по этому случаю он обратился к Росвелю Гарднеру, или Гарднеру, как его называли, молодому моряку, известному в Ойстер-Понде, бывавшему не только на ловле китов, но и на охотах за тюленями, и который в настоящее время находился на шхуне Пратта в качестве капитана. Благодаря посредству Гарднера, эти вещи, которые уже не могли быть полезны Дагге, были отосланы и проданы с выгодою для матроса в Саг-Харборе.

Как удивились все, когда узнали, что Пратт купил и спустил новый корабль. Между тем как все соседи терялись в догадках о причине, заставившей Пратта в его годы сделаться путешественником, Мария приписывала это какому-то тайному и могущественному влиянию, которое имел на него больной чужестранец. Пратт проводил теперь половину своего времени в разговорах с Дагге, и несколько раз, когда племянница относилa ему кушанья, она находила его рассматривающим вместе с

Праттом одну или две старые морские карты. Но лишь только она входила, они меняли разговор и никогда не позволяли вдове Уайт присутствовать при этих тайных совещаниях.

Пратт не только купил шхуну и приказал спустить в море, но и отдал ее в распоряжение молодого Гарднера. Гарднер, которому было двадцать шесть лет, родился в Ойстер-Понде и происходил из одной из лучших семей страны, поселение которой на острове относилось к 1639 году. Эта фамилия очень разрослась и разделилась на множество ветвей, но в новой стране имя Гарднера служило честью для всех, кто носил его, хотя Росвель Гарднер был не богат и сирота без отца и матери, как Мария, но своему имени был обязан истинным уважением. Выйдя в пятнадцать лет из провинциальной школы, он поступил на корабль и сделался вторым на китоловном судне. Можно только представить, каково было его счастье, когда Пратт пригласил его в капитаны своей шхуны, которую уже называли «Морским Львом».

Мария Пратт следила за развитием этого дела то с печалью, то с удовольствием, но всегда с любопытством. Она ощущала сильную горечь, видя, что эта любовь к деньгам, которою был одержим ее дядя, обнаружилась в последние годы его жизни, уже подходившей к концу. Удовольствие, которое почувствовала Мария Пратт, наша героиня, было очень естественно. Не возвысился ли Росвель Гарднер? Но в глазах Марии Пратт, у которой вера в Искупителя мира была сильна и горяча, густое облако покрывало всю эту славу и подымалось между нею и Гарднером: он не верил и не сознавал вполне божественности Искупителя мира.

Вот почему уже два года Мария Пратт не принимала руки Гарднера, хотя любила его и, сопротивляясь столь же сильной, как и искренней страсти молодого моряка, боролась с собственным своим сердцем, в котором столь же сильная любовь женщины сражалась с глубоким чувством святой религиозной обязанности.

Но Мария радовалась, видя Гарднера, получившего командование «Морским Львом». Она не знала, к какому

берегу должно было отправиться маленькое судно, шхуна в сто сорок тонн, но каково бы ни было назначение, она будет сопутствовать ему своими мыслями и молитвами. Вот что чувствовала Мария и в чем тайно признавалась себе самой.

Сам же Пратт не противился соединению обоих молодых людей, и даже некоторые из Ойстер-Понда думали, что Пратт верил в будущность Гарднера, которому он, после своей смерти, мог оставить все свое имение и племянницу.

Когда его племянница предложила ему послать за доктором Сэджем, то он не сразу согласился на это, не столько по поводу издержек, но по более важной причине. Чтобы сказать все, ему не хотелось сближать Дагге с кем бы то ни было, потому что этот последний открыл ему тайны, которым он приписывал большую важность, хотя тот до сих пор скрывал от него первую и самую главную.

Однако же какое-то чувство стыда заставило Пратта послушаться совета своей племянницы и послать за доктором.

— Надо, Мария, довольно далеко ехать в объезд, чтобы достигнуть порта, — тихо сказал дядя после долгого молчания.

— Корабли уходят и возвращаются в несколько часов.

— Да, да, корабли, но позволено ли, дитя, употреблять корабли в день субботний?

— Я думаю, сударь, что всегда позволено делать добро, даже и в праздники.

— Да, если уверены, что из этого выйдет что-нибудь хорошее. Всем известно, что Сэдж превосходный доктор, но половина денег, которые дают людям этого же звания, составляют потерянные деньги.

— Но я думаю, что наша обязанность помогать несчастным, и я боюсь, что Дагге не проживет и недели, — сказала Мария, — и не желала бы думать, что он умрет, не сказав, что мы сделали все возможное для его спасения.

— Мы так далеко от порта, что было бы бесполезным

послать туда кого-нибудь, и деньги, которые бы дали ему, были бы также потерянными.

— Я уверена, что Росвель Гарднер согласился бы туда отправиться, и при этом он не попросил бы денег.

— Да, это правда, я должен то же сказать о Гарднере, что этот молодой человек самый рассудительный из всех мне известных, и я с удовольствием возлагаю на него все свои поручения, потому что я люблю иметь дело с ним.

Мария знала это очень хорошо. Пратт несколько раз пользовался снисходительностью молодого человека и получал от него добровольные услуги, за которые следовало бы платить. Молодая девушка, вспоминая о нем, покраснела. Покраснела ли она за своего дядю? Или мысль о том, что Росвель делал одолжение ее дяде, смешалась со смущением, которое она чувствовала?

— Итак, сударь, — сказала через несколько минут племянница, — мы можем послать за Росвелем.

— Те, которых посылают за доктором, спешат, и я уверен, что Гарднер сочтет необходимым нанять лошадей, чтобы переехать Шельтер-Айленд, и потом бот, чтобы доплыть до порта. Если он не найдет бота, то ему, может быть, нужна будет лошадь, чтобы доскакать до входа в губу. С пятью долларами едва ли это сделаешь.

— Если бы понадобилось пять долларов, так Росвель скорее отдаст их из своего кошелька, нежели попросит другого помочь в деле благотворительности. Но нет нужды в лошади, вельбот стоит подле берега, и он может им воспользоваться.

— Это правда, я и позабыл о вельботе. Так как вельбот есть, то привести доктора сюда можно довольно скоро, и я думаю, что имущества Дагге будет достаточно для уплаты за посещение доктора.

В эту минуту Мария опечалилась еще более, чем была при приходе своего дяди, и, увидев подходившего Росвеля, она вошла в дом, оставив на крыльце молодого человека и Пратта. После того как последний сделал Росвелю самые мудрые наставления, тот поспешно отправился к берегу, чтобы взять судно.

Не все то золото, что блестит, вы часто это слышите; и не один человек продал свою жизнь, чтобы только посмотреть на мою наружность.

Шекспир. «Венецианский купец»

Лишь только он ушел, Пратт отправился к скромному жилищу вдовы Уайт. Дагге был очень слаб, но не слишком много страдал. Он сидел в старом кресле и еще мог говорить. Он не знал всей опасности и, может быть, в эту минуту надеялся прожить еще много лет. Пратт вошел в то самое время, когда вдова шла навестить знакомую, жившую по соседству, с которой она с давних пор имела обыкновение советоваться. Она увидала Пратта издали и воспользовалась этим случаем, чтобы уйти, инстинктивно понимая, что ее присутствие будет лишним при разговоре двух людей. Что был за предмет этих тайных разговоров, вдова Уайт не могла знать. Но по ее разговору с соседкою можно было видеть, что она думала.

— Опять Пратт! — вскричала вдова Уайт, спеша в комнату, в которой жила ее приятельница. — Он в третий раз приходит ко мне со вчерашнего утра. Это что-нибудь да значит!

— О, Бетси, он посещает больного, вот чем оправдывает он свои частые посещения.

— Вы забыли, что нынче суббота, — прибавила вдова Уайт.

— Самый лучший день для добрых дел, Бетси.

— Я это знаю, но для одного человека слишком часто посещать больных три раза в сутки.

И обе женщины вошли в другую комнату, где мы оставим их спорить.

Пока эти две женщины разговаривали, Пратт уведомил больного, что он послал для него за доктором.

— Мне ужасно видеть ваши страдания и не быть в состоянии помочь им. Облегчать страдания души и тела, как и мучение совести, не составляет ли самую приятную

обязанность христианина? Да, я послал Гарднера в порт, и через два или три часа он будет здесь с доктором Сэджем.

— По крайней мере, я уверен, что буду иметь средства заплатить, — сказал неуверенно Дагге, что очень испугало его друга.

Пратт немного подумал и воротился к предмету, о котором он обыкновенно говорил в своих тайных совещаниях с Дагге.

— Надо, чтобы вы сами показали мне это место на карте, где находятся эти острова. Самое лучшее — видеть своими глазами.

— Вы забыли мою клятву, Пратт. Мы все поклялись на Библии не объявлять места, где находятся эти острова, до 1820 года. Тогда мы можем делать, что нам угодно. Но карта лежит в моем чемодане, и не только острова, но даже берега на ней ясно обозначены, так что всякий моряк может найти их. Пока жив, я сберегу этот чемодан. Когда выздоровлю, я взойду на палубу «Морского Льва» и скажу вашему капитану Гарднеру все, что ему нужно знать. Счастье того, кто пристанет к одному из этих островов, будет упрочено.

— Да, я об этом-то и думал, Дагге. Но как я могу быть уверен, что другой корабль не предупредит меня?

— Потому что моя тайна принадлежит только мне одному. Нас на бриге было семеро. Из семи четверо умерло от горячки на островах, капитан упал в море и утонул во время шквала. Остались только Джек Томсон, и я. Думаю, что Джек именно тот самый человек, о котором с полгода назад говорили, что его убил кит.

— Джек Томсон — имя столь общее, что в этом нельзя быть уверенным. При том же, если предположить, что он был убит китом, то прежде этого случая он мог бы рассказать тайну дюжине человек.

— В этом ему препятствовала его клятва. Джек клялся, как и мы все, а он человек неспособный забыть свое слово. Есть еще повод думать, что Джек не мог нарушить свою клятву, — сказал через несколько минут Дагге. — Джек никогда не мог показать широту и долготу, и он не

вел журнал. Не имея ясного указания, его друзья могут искать целый год и не найти ни одного острова.

— Вы думаете, что пират не обманул, говоря вам об этой стране и скрытом сокровище? — грустно сказал Пратт.

— Я поклялся бы, — отвечал Дагге, — что он сказал правду, как будто я сам видел ящик. Они принуждены были уехать, иначе никогда не оставили бы столько золота в столь пустынной стране, но они его там оставили, по словам умирающего.

— Умирающего? Вы хотите сказать, пирата, не так ли?

— Конечно; мы были посажены в одну темницу, и у нас было довольно времени, чтобы переговорить более двадцати раз, прежде чем он был сброшен с своих последних качелей. Когда узнали, что у меня ничего нет общего с пиратами, я получил свободу и возвращался на Виньярд в надежде найти там какой-нибудь корабль, чтобы отправиться отыскивать эти два сокровища, когда меня высадили здесь. Что за нужда, что корабль отправится из Ойстер-Понда или Виньярда?

— Без сомнения. Ну, столько же, чтобы вас убедить и успокоить, как и по другим причинам, я купил «Морского Льва» и пригласил молодого Росвеля Гарднера капитаном корабля. Через восемь дней шхуна будет готова отправиться, и если все случится, как говорите вы, это будет хорошее путешествие. Теперь вам остается только одно исполнить: снабдить меня морской картой, чтобы я хорошенько ее изучил до отплытия шхуны.

— Не хотите ли вы сами отправиться, Пратт? — сказал с удивлением матрос.

— Нет, совсем нет, — отвечал Пратт. — Я теперь довольно стар для такого продолжительного путешествия. Но я рискую частью моего состояния и очень естественно, что желал бы взглянуть на эту карту.

— Капитан Гарднер, — уклончиво отвечал моряк, — будет иметь довольно времени для изучения этой карты, пока он причалит к какой-нибудь из пристаней. Если же, как я думаю, мне суждено будет плавать вместе с ним, то

для меня нет ничего легче, как показывать ему дорогу и расстояния.

За этим ответом последовало долгое молчание. Бедный больной, без друзей, среди чужестранцев, Дагге скоро понял характер Пратта и счел за лучшее средство заинтересовать того, кто мог быть ему полезным.

После долгого молчания Пратт первый нарушил тишину.

— Я очень заинтересовался, — сказал он, — этим богатством. Если бы даже Гарднер и успел его открыть, то эти деньги могут иметь законных владельцев.

— Им трудно было бы доказать свои права, если то, что говорил мне пират, правда. Это золото, по его словам, собрано по всем странам. И все это было так смешано и так спутано, что даже и молодая девушка не могла бы отличить тут от других вещей подарка своего возлюбленного. Это была добыча трехлетнего крейсирования, и большую часть ее променяли в различных портах, чтобы заплатить таможенникам, чтобы они молчали.

— Обдумайте ваши слова, любезный друг, они не совсем приличны, сегодня праздник.

Глаза Дагге выразили что-то насмешливое. Однако он терпеливо перенес выговор, сделанный ему Праттом, не дав на него никакого ответа.

Пратт после полудня ходил два раза в домик вдовы Уайт.

Когда он пришел во второй раз, то увидал вельбот, возвращающийся из Шельтер-Айленда, и с помощью подзорной трубы узнал доктора Сэджа. Пратт тотчас же поспешил воротиться в домик, чтобы сказать Дагге нечто не терпящее промедления.

— Судно плывет, — сказал он, садясь подле него, — и доктор скоро будет здесь. Прежде чем придет доктор Сэдж, я вам, Дагге, дам совет. Если вы будете много говорить, то это может вас беспокоить, и вы можете дать ложное понятие о состоянии вашего здоровья, ваш пульс будет скоро биться от продолжительного разговора и кровь бросится в лицо.

— Я понимаю вас, господин Пратт, моя тайна и

останется моей; никакой доктор не выманит у меня слов более, нежели я сочту нужным сказать.

Вскоре после этого вошел доктор Сэдж. Это был человек образованный, умный и наблюдательный. Как искусный практик, он скоро понял состояние матроса. Пратт же ни на минуту не оставлял его, и ему-то он сообщил свое мнение о больном, когда они отправились домой.

— Этот бедный человек близок к своему концу, — сказал холодно доктор, — и медицина несколько не поможет ему. Он проживет еще месяц, хотя я несколько не удивлюсь, если услышу, что он умрет через час.

— Итак, вы думаете, что он так близок к смерти! — вскричал Пратт. — Я надеялся, что он доживет до отплытия «Морского Льва» и что путешествие поправит его здоровье.

— Уже ничто не поправит его здоровья, вы можете быть в этом уверены. Он из Ойстер-Понда?

— Он родился где-то на востоке, — отвечал Пратт. — У него нет здесь ни друзей, ни знакомых. Я думаю, что его имущества хватит на покрытие всех его издержек.

— Если у него нет многого, так нечего и говорить об уплате мне тотчас же, — отвечал доктор, который, делая это замечание, понял очень хорошо слова Пратта.

— Вы всегда добры, доктор, но Дагге...

— Этот человек называется Дагге? — спросил доктор.

— Я думаю, потому что он так называет сам себя, хотя никогда нельзя быть уверенным в том, что говорят подобные люди.

— Это правда, праздношатающийся моряк, как я заметил, большой лжец, по крайней мере, я находил их такими. Если имя этого человека действительно Дагге, то он должен быть из Виньярда. Там много Дагге.

— Есть Дагге и в Коннектикуте, я уверен.

— Но всем известно, что там это имя очень уважаемо, а колыбель этого рода есть Виньярд. Во взгляде этого человека есть что-то виньярдское. Я уверен, что он давно там не был.

Пратт готов был задохнуться. Он видел, что ему

предстоит спор, которого он более всего опасался; он отшатнулся, как будто к его груди приставили шпагу.

В это время Мария вышла на крыльцо встретить своего дядю и доктора. Ей не нужно было спрашивать, потому что выражение его физиономии выказывало все.

— Ему очень худо, любезная Мария, — сказал доктор, садясь на одну из скамей, — и я не могу дать никакой надежды. Если у него есть друзья, которых он жаждет видеть, если есть дела, которые надо кончить, так ему надо сказать правду и притом немедленно.

— Он уже давно не слышал о своих друзьях, — прервал Пратт, которым страсть до того овладела, что он позабыл осторожность и то, чему он подвергался, сознаваясь в том, что ему было известно, где родился больной. Он присовокупил даже, что тот уже более пятидесяти лет не был в Виньярде, и во все это время там о нем не слыхали.

Доктор заметил противоречие в словах Пратта, и это заставило его задуматься, но он был слишком умен, чтобы это обнаружить.

Напились чаю, и доктор удалился.

— Надо уведомить его друзей, — сказал он, когда они шли к берегу, подле которого стояло судно, совершенно готовое к отплытию, — не должно терять ни одного часа. Теперь, я думаю, корабль «Бриллиант», капитан Смит, должен отвезти в Бостон груз — деревянное масло, и завтра же судно отправится. Мне стоит написать только слово с этим кораблем, и я держу десять против одного, что он остановится около того берега, прежде, нежели минует мель, и письмо, адресованное на имя Дагге, не может не дойти к кому-нибудь из его родных.

Предложение доктора бросило Пратта в холодный пот, но он не смел ему противоречить. Он купил «Морского Льва», пригласил Росвея Гарднера и израсходовал значительную сумму денег в надежде запустить руку в дублоны, уже не говоря о мехах, когда все эти расчеты могли уничтожиться вмешательством грубых и жадных родных. Оставалось только одно средство: терпение, и Пратт постарался им запастись.

Пратт проводил доктора только до границ своего фруктового сада. Для члена молельни было предсудительно выходить в субботу, и Пратт опомнился вовремя, чтобы избежать толков своих соседей. Правда, он мог сделать исключение для доктора, но нравоучители, когда они захотят, не останавливаются на этих подробностях. Лишь только доктор ушел, как Пратт воротился в жилище вдовы Уайт. Тут он сделал больному новый долгий, утомительный допрос. Бедный Дагге очень устал от этого разговора, но мнение, высказанное доктором Сэджем, что близка смерть старого матроса, и угроза, что приедут родные из Виньярда, чтобы осведомиться о том, что мог оставить отсутствующий, сильно подействовали на Пратта. Если бы ему удалось теперь узнать самое главное, «Морской Лев» мог бы выиграть довольно времени у своих противников, даже если бы Дагге открыл тайну, и другой корабль отправился бы в эту экспедицию.

Его собственная шхуна уже готова была отплыть, тогда как для снаряжения другого судна нужно было еще время.

Но Дагге оказался не откровеннее прежнего. Он воротился к своему первому рассказу об открытии островов, на которых находились тюлени, и много говорил о смирном нраве и большом количестве этих животных. Человек мог ходить среди них, не вызывая ни малейшей их боязни. Одним словом, экипаж, составленный из отборных моряков, мог бы их перебить, содрать кожу и собрать жир, и это было бы похоже на простое собирание долларов на дороге.

Этот рассказ в высшей степени возбудил алчность Пратта. Никогда еще любовь к наживе не овладевала сердцем Пратта с таким деспотизмом.

Дагге ничего не скрыл от Пратта, исключая широту и долготу места. Все искусство Пратта, а оно было велико, не могло выманить у моряка этих данных, без которых все прочие были бесполезны, и старик, стараясь овладеть тайной, получил столь же сильную лихорадку, как и Дагге, но все было тщетно.

Этот разговор происходил в тот час, в который у

больного усиливалась лихорадка. Он сам очень воодушевился, изображение богатства способствовало ухудшению его болезни. Напоследок усталость и истощение положили конец сцене, которая сделалась слишком драматическою и уже переходила в отвратительную.

Сам же Пратт, воротившись домой вечером, знал очень хорошо, что ум его далеко не в том состоянии, в каком он должен был быть в праздник, и боялся встретить спокойный взгляд своей племянницы, благочестие которой было столь же просто, как и искренно. Вместо того, чтобы вместе с нею предаться молитвам, которые обыкновенно читались в этот час у него в доме, он прогуливался до поздней ночи в саду. Маммона занял в его сердце место молитвы, но привычка в нем была еще столь сильна, что он не смел еще открыто поставить идола в присутствии Бога.

Г л а в а I V

О! не оплакивайте их, они не страдают более. О! не оплакивайте их, ибо они не плачут более; ибо их сон глубок, хотя их изголовье холодно и твердо на старом кладбище.

Б а й л и

На другой день в доме Пратта все встали очень рано. В то время как солнце казалось выходящим из вод, Пратт и Мария встретились на крыльце дома.

— Вот вдова Уайт, и она кажется очень озабоченною, — тоскливо сказала племянница, — я боюсь, чтобы больному не сделалось хуже.

— Вчера вечером, — сказал дядя, — ему было лучше, хотя он от разговора немного устал. Этот Дагге большой болтун, уверяю тебя, Мария.

— Он не будет более болтать, — вскричала вдова Уайт, которая подошла довольно близко и могла расслышать последние слова Пратта. — Он более не скажет ни хорошего, ни худого.

Пратт был так поражен этой новостью, что онемел. Что же касается Марии, она только выразила свое сожаление, что больной так скоро умер и ему было так мало времени для приготовления к смерти, что она считала самым важным делом.

Впрочем, вдова торопливо передала все подробности происшествия.

Оказалось, что Дагге умер ночью, а вдова только за несколько минут перед своим приходом нашла его холодным и окоченевшим. Хотя смерть в эту минуту казалась довольно неожиданною, но нельзя было сомневаться в том, что продолжительный разговор ускорил ее, чего, впрочем, никто не знал. Непосредственной причиной смерти было удушье, как это часто случается в последней степени чахотки.

Было бы несправедливо утверждать то, что эта внезапная смерть не произвела никакого впечатления на чувства Пратта. В первую минуту он подумал о своих летах, о будущем, которое было впереди. Эти размышления занимали его целые полчаса, но мало-помалу маммона снова вступил в свои права, и страшные образы заменились другими, которые он нашел очень приятными. Наконец, он серьезно подумал о том, чего требовали от него обстоятельства.

Так как в смерти Дагге не было ничего необыкновенного, то не было нужды в присутствии властей. Затем оставалось отдать необходимые приказания относительно погребения и тщательного сбережения имущества умершего.

Пратт велел перенести к себе чемодан Дагге, вынув перед тем ключ из кармана его жилета, а потом распорядился его погребением.

Пратт при виде трупа провел еще тягостные полчаса. Эта бесчувственная оболочка лежала тут, забытая своим бессмертным гостем и совершенно равнодушная к тому, что так занимало обоих. Выражение вечности отпечаталось на этих отцветших и побледневших чертах. Если бы было принесено все золото Индии, Дагге не мог бы протянуть руки и до него дотронуться.

Тело оставалось в доме вдовы Уайт, и уже на другой день утром его отнесли на кладбище и похоронили среди могил неизвестных.

Тогда только Пратт счел себя единственным хранителем великих тайн Дагге.

В его распоряжении были морские карты, и Дагге уже более никому не мог показать их. Если друзья умершего узнают об его смерти и приедут за его имуществом, то очень вероятно, что они не найдут никакого объяснения касательно островов, изобилующих тюленями, или богатства, скрытого пиратом.

Он сделал более, он увеличил обыкновенную предосторожность и уплатил даже из своего кошелька долг усопшего вдове Уайт, который составил десять долларов. Во избежание же подозрений, которые окружающие могли возыметь по поводу такой большой щедрости, он сказал, что обратится к друзьям матроса и в том случае, если они не могут заплатить его издержек, он велит продать имущество покойника.

Он также заплатил за гроб и могилу, как и за довольно значительные издержки по погребению.

Чемодан был перенесен в большой кабинет, выходивший в спальню Пратта. Когда он закончил все дела, то отправился туда вооруженный ключом, который мог ему открыть, по его мнению, столь великое сокровище.

Для Пратта была весьма торжественною та минута, в которую он открыл чемодан. Конечно, ему ничего не представилось похожего на богатство, когда все, что осталось после Дагге, явилось глазам Пратта. Часть имущества Дагге была продана для удовлетворения его расходов. То, что осталось в чемодане, было приготовлено к теплему климату и носило следы долгого употребления. В нем были две морские карты, испачканные и разорванные, на которые Пратт набросился, как ястреб бросается на свою добычу.

Но в эту минуту он ощутил такую дрожь, что был принужден сесть в кресло и немного отдохнуть.

Развертывая первую карту, Пратт увидал, что это была карта южного полушария. На ней ясно было обоз-

начено несколькими чернильными точками три или четыре острова с широтою... и долготою..., написанными по краям. Мы не назовем здесь цифр, находящихся на карте, потому что это открытие еще и теперь важно для тех, которые владеют тайною, и расскажем повесть только с этими исключениями.

Пратт едва дышал, уверившись в этом важном обстоятельстве, и его руки так тряслись, что карта дрожала в пальцах. Потом он прибегнул к средству, которое вполне обрисовало его характер: он вписал широту и долготу в записную книжку, которую всегда носил с собой; потом сел и очень тщательно выскоблил перочинным ножиком на морской карте обозначение островов и цифры, которые на ней находились. Окончив это, он почувствовал себя освобожденным от большой тяжести. Но это было еще не все.

Морские карты, назначенные для шхуны, лежали на столе в его комнате. Он начертил на одной из этих карт, как только мог лучше, острова тюленей, которые он соскоблил с карты Дагге. Также он написал там те цифры, которые, как уже было сказано, мы не можем открыть.

Потом он открыл вторую карту: то была карта Западной Индии с особенными на ней отметками некоторых местностей. Одна из этих местностей так была обозначена, что нельзя было сомневаться в том, что она принадлежала пиратам.

Сама местность была обозначена карандашом, который легко было вытереть резинкой. Сверх того, Пратт соскреб ножиком то место, на котором были обозначены пункты, и затем мог быть уверен в том, что никакой глаз не откроет того, что он сделал. Обозначив эту местность на своей карте Западной Индии, он положил морские карты Дагге в чемодан и закрыл его. Он уже написал на бумаге все подробности, которые слышал от самого Дагге, и полагал, что теперь обладает всеми сведениями, которые могли сделать его самым богатым человеком графства Суффолк.

Когда он встретился со своею племянницею, то Мария

была удивлена веселости своего дяди так скоро после похорон.

Это произошло оттого, что у него было легко на сердце. Дагге, ведя его шаг за шагом к своей цели, упорно отказывался рассказать эти частности, которые никак нельзя было открыть и незнание которых делало бесполезным все предварительные расходы, которые сделал Пратт. Но смерть Дагге подняла завесу, и Пратт считал себя единственным обладателем тайны.

Тотчас же после открытия широты и долготы на морских картах Пратт отправился на берег, желая видеть, как Росвель Гарднер завершал оснащение «Морского Льва».

Молодой человек работал изо всех сил вместе с матросами, которых он уже нанял. Шхуна была спущена на воду, и по временам деревенская тележка или двуколка, запряженная быками, провозила на набережную съестные припасы, которые складывали в магазин. Клади не было, потому что корабль, отправляющийся на охоту за тюленями, нуждается только в соли и съестных припасах. Одним словом, работа шла быстро, и капитан Гарднер объявил нетерпеливому хозяину, что через неделю корабль будет готов отправиться.

— Я успел пригласить офицера, в котором нуждался, — продолжал Росвель Гарднер, — и он теперь в Бонингтоне, где отыскивает людей для экипажа. Нам нужно полдюжины моряков, на которых мы могли бы положиться, а затем мы возьмем кого-нибудь из наших соседей, еще новичков.

— Ну, — весело сказал Пратт, — у вас будет много рекрутов; они стоят дешевле и притом приносят больше выгод своим владельцам. Что же, капитан Гарднер, дела в ваших руках идут очень хорошо, я оставляю вас, а после обеда скажу вам несколько слов наедине.

Через час или два Пратт и его племянница сидели за столом вместе с двумя другими особами.

Рыба в здешних местах составляет главную ежедневную пищу тех, которые живут подле морских берегов.

Гости, собравшиеся у Пратта, кроме его самого, были

Мария, Росвель Гарднер и пастор Уитль. Рыба была превкусная, и все хвалили Марию за умение ее готовить. Но Мария была печальна. Она еще не освободилась от грустного впечатления, которое поселили в ней недавняя смерть Дагге и погребение его. К этому присоединилась мысль о близком путешествии Росвеля Гарднера, о состоянии его ума и образа мыслей касательно религиозных верований в минуту предприятия опасной экспедиции.

Она несколько раз высказывала свое желание пастору, чтобы он поговорил с Росвелем. Пастор обещал, но поступал так же, как и его прихожане, которые забывали платить ему: он никогда не вспоминал об этом.

Росвель же Гарднер оставался в неверии, или, что одно и то же, под влиянием некоторых мнений, которые противоречили всему, что церковь проповедовала со времен Апостольских. По крайней мере так думала Мария; так же думаем и мы. Росвель Гарднер пил одну только воду, тогда как другие гости пили и воду, и ром.

— Я очень жалел, что моя последняя поездка в Коннектикут не позволила мне увидеть бедняка, которого так скоро вынесли из дома вдовы Уайт, — заметил пастор. — Мне говорили, что больной родился на востоке.

— Так думает доктор Сэдж, — отвечал Пратт, — капитан Гарднер предложил съездить за доктором в моей шлюпке (и Пратт сделал ударение на притяжательном местоимении). Но можно ли помочь моряку, у которого страдают легкие!

— Этот бедняк был моряк, а я и не знал, чем он занимался. Он не из Ойстер-Понда?

— Нет, у нас здесь нет никого по фамилии Дагге, принадлежащей Виньярду. Большая часть Дагге — моряки, и этот человек занимался тем же, хотя я от него ничего не слышал и заключаю это только из некоторых слов, вырвавшихся у него в разговоре. — Пратт думал, что таким образом, не затрудняясь, может скрыть истину, поскольку никто не присутствовал при его тайных разговорах с Дагге. Но предполагать, что вдова Уайт не принимала никакого участия в разговоре, происходив-

шем под ее кровлей, значило не знать ее характера. Это было совсем иначе: любопытная женщина не только старалась подслушивать, но даже провертела дыру, сквозь которую могла слушать и видеть все, что происходило между Праттом и ее постояльцем.

— Бетинг Джой пришел с берега и желает видеть хозяина, — сказал старый негр, который прежде был невольником, а теперь поддерживал свою жизнь, работая для дома.

— Бетинг Джой! Я надеюсь, что он не пришел за рыбой, которую мы съели, потому что немного поздно, — сказал смеясь Росвель.

— Я отдал за нее полдоллара, вы видели, как я платил, капитан Гарднер?

— Я думаю, сударь, что он пришел не за этим. Джой привел незнакомого, которого высадил на берег. Но вот и он, сударь.

— Незнакомого? Что он за человек?

Было приказано принять его, и Мария, лишь только увидала его, как тихо встала и пошла за прибором, чтобы и он поел рыбы.

Г л а в а V

*Чужеземец! Я бежал из обители
скорби, чтобы упасть перед гробницей
Коннох Морана: я нашел, что шлем
моего начальника и его лук еще висят
на нашей стене.*

К е м п б е л л

— Земноводное! — заметил в сторону Росвель Гарднер, обращаясь к Марии при входе незнакомца с Бетинг Джоем.

Последний пришел только выпить стакан воды с ромом, и лишь только негр поднес его ему, как он вытер рот ладонью, поклонился и ушел. Что касается до незнакомца, то выражение, которое позволил себе Росвель

Гарднер, было очень многозначительно. Оно заслуживает краткого объяснения. Слово «земноводное» было прилагается к большому числу моряков-китоловов, охотников за тюленями, живущих на восточной стороне Лонг-Айленда, на Виньярде, в окрестностях Бонингтона и, может быть, близ Нью-Бедфорда.

Люди, к которым особенно подходило это прозвище, были матросы, не будучи моряками в точном смысле этого слова.

Незнакомца, по обыкновению, пригласили за стол. Он без церемонии принял приглашение, и Мария по его аппетиту должна была подумать, что он доволен ее поваренным искусством. Незнакомец нанес последний удар рыбе, и после того на блюде осталось очень мало. Потом он выпил стакан воды с ромом и выказал намерение приступить к делу, по которому пришел. До сих пор он ничем не объяснял причины своего посещения, заставляя Пратта теряться в догадках.

— Рыба хороша, — холодно сказал незнакомец, считая себя вправе сказать свое мнение по этому поводу, — но в Виньярде мы не бедны в этом отношении.

— В Виньярде? — прервал Пратт, не слушая того, что незнакомец мог сказать далее.

— Да, сударь, в Виньярде, потому что я принужден был прибыть оттуда. Может быть, я должен объявить вам, кто я такой: я прибыл с Виньярда, и зовут меня Дагге.

Пратт, который в это время намазывал масло на хлеб, уронил нож на тарелку.

Дагге и Виньярд были два слова, которые роковым образом прозвучали в его ушах. Возможно ли, чтобы доктор Сэдж имел время так скоро послать известие в Виньярд! И это «земноводное» соседнего острова не пришло ли похитить у него его сокровище? Притом Пратт был так смущен, что никак не мог сознать своего положения. Он даже думал, что все истраченное им на оснащение «Морского Льва» потеряно и что он может дать отчет перед судом о тех сведениях, которые он отобрал у умирающего.

Однако, немного подумав, он превозмог свою слабость

и, слегка наклоня голову, поклонился незнакомцу, как будто хотел сказать ему: добро пожаловать!

Никто, кроме Пратта, не знал мыслей, его занимавших, и через несколько минут незнакомец объяснил причину своего посещения.

— Дагге очень многочисленны в Виньярде, — сказал он, — и если вы назовете кого-нибудь, то весьма не легко узнать, к какому семейству он принадлежит. Несколько недель назад тому один из наших кораблей воротился из Гольм-Голя и сообщил нам, что он встретил бриг, идущий из Нью-Гавена, который его уведомил, что экипаж высадил на Ойстер-Пондский берег моряка по имени Томас Дагге, виньярдца, который возвращался после пятидесятилетнего отсутствия. Это известие распространилось по всему острову и наделало много шума между всеми Дагге. Много виньярдцев шатается по свету, и некоторые из них возвращаются на остров умирать. Так как большая часть их приносит с собою что-нибудь, то их возвращение всегда считают хорошим признаком. Поговорив со стариками, мы решили, что Томас Дагге был брат моего отца, который отплыл назад тому около пятидесяти лет и о котором не было никакого известия. Только об одном этом лице мы не можем дать себе отчета, и мои родные послали меня для разыскания его.

— Я очень жалею, господин Дагге, что вы прибыли довольно поздно, — тихо сказал Пратт, как будто боялся опечалить незнакомца. — Если бы вы приехали на прошлой неделе, то могли бы еще видеть вашего родственника и поговорить с ним, а если бы вы приехали нынче утром, то присутствовали бы при его погребении. Он прибыл к нам неизвестно откуда, и мы старались подражать самаритянину. Я думаю, что для него было сделано все, что мы могли для него сделать в Ойстер-Понде, а доктор Сэдж из Саг-Харбора лечил его в дни последней болезни. Вы, без сомнения, знаете доктора Сэджа?

— Я знаю его понаслышке и уверен, что он сделал все, что мог. Так как тендер, о котором я уже сказал, плыл подле брига во время шторма, то оба капитана долго разговаривали, и виньярдец уведомил нас о близкой

смерти нашего родственника. Мы хорошо знали, что никакое человеческое знание не могло спасти его. Так как мой дядя приглашал столь известного доктора, живущего довольно далеко, то я предполагаю, что наш родственник должен был оставить кое-что.

Этот вопрос был очень естественен, и, к счастью, у Пратта ответ был готов.

— Моряки, корабли которых приходят из далеких стран и пристают к нашим берегам, — сказал он, улыбаясь, — редко бывают обременены временными благами. Если у человека их ремесла есть состояние, то он пристает к берегу какого-нибудь большого порта и там берет карету, которая отвозит его к первой гостинице.

— Я надеюсь, — сказал племянник, — что мой родственник никому не был в тягость.

— Нет, — отвечал Пратт. — Сначала он продавал некоторые принадлежащие ему вещи и таким образом жил. Так как Провидение ввело его в жилище бедной вдовы, то я думал, что сделаю угодное друзьям умершего — и все знают это, — если расплачусь с ней. Нынче утром я сделал это, и она дала мне квитанцию, как вы видите, — прибавил он, показывая иностранцу бумагу. — Чтобы сколько-нибудь ограничить свои издержки, я велел перенести к себе чемодан умершего, и он теперь наверху, готовый к осмотру. Он легок, и я не думаю, чтобы в нем было много золота или серебра.

По правде сказать, виньярдец казался довольно разочарованным. Было так естественно, что человек, отсутствовавший в течение пятидесяти лет, возвратился с плодами своих трудов, а потому он мог ждать лучших результатов своего путешествия в Ойстер-Понд. Но не это было главным предметом его посещения, как мы увидим далее.

Племянник Дагге, имея в виду другую главную цель, продолжал задавать косвенные вопросы и получать не менее уклончивые и благоразумные ответы. Это одна из особенностей осторожного племени, к которому принадлежали и тот и другой: когда у них говорится о делах, то не произносится ни одного слова, не взвесив всех заклю-

чений, которые могли бы вывести из него, и через четверть часа разговора, в котором вся история чемодана была рассказана, было решено приступить немедленно к осмотру имущества, оставшегося после Дагге. Все, не исключая и Марии, собрались в комнате Пратта, посредине которой поставили чемодан.

Глаза всех были устремлены на этот чемодан, потому что каждый, исключая Пратта, предполагал, что в нем было что-нибудь. Напротив, вдова Уайт могла бы сказать, что в нем есть, потому что она раз двенадцать в нем перешарила, хотя, надобно правду сказать, не вынула из него и иголки. Ее заставило делать так не жадность, а любопытство. Правда, что добрая женщина беспокоилась собственно о деньгах, которые получала от моряка и которые доходили до одного доллара и пятидесяти центов в неделю. Она не только пересмотрела все эти вещи, находившиеся в чемодане, но даже перечитала все бумаги, которые были в нем, и полдюжину писем, в нем заключавшихся, о которых сделала свои догадки. Из всех этих розысков добрая женщина ничего не узнала. Только одна вещь ускользнула от ее осмотра, это маленький ящичек, крепко запертый. Ей очень хотелось бы посмотреть, что находилось в нем, и даже были минуты, в которые она пожертвовала бы пальцем, чтобы открыть его.

— Вот ключ, — сказал Пратт, вынимая его из столового ящика, как будто он был там до сих пор старательно оберегаем.

— Я думаю, что он отперет замок. Мне помнится, что я видел, как Дагге сам отпирал им один или два раза.

Росвель Гарднер, самый младший из собравшихся, взял ключ и отпер чемодан. Все, кроме Пратта, были обмануты видом, который им всем представился. Чемодан не только был наполовину пуст, но и предметы, в нем заключавшиеся, были самые простые: то была одежда моряка, выдавшего лучшие дни, но которая могла принадлежать только матросу.

— В нем нет совершенно ничего, что могло бы вознаградить путешествие из Виньярда в Ойстер-Понд, — сухо

сказал Росвель Гарднер. — Что делать со всем этим, господин Пратт?

— Самое лучшее вынуть из чемодана все вещи, одну за другой, и порознь пересмотреть их. Так как мы уже начали это, то и будем продолжать.

Молодой человек повиновался и, вынимая каждую вещь из чемодана, называл ее, а потом передавал ее тому, кто себя считал наследником матроса. Новопришедший бросал испытующий взгляд на каждое платье и, прежде чем складывал его на пол, благоразумно опускал руку в каждый карман, чтобы увериться, что он был пуст.

Долго он ничего не находил, но в одном кармане, наконец, нашел небольшой ключ.

Так как в чемодане был маленький ящик, о котором мы уже говорили, и так как в этом ящике был только один замок, то племянник Дагге, не говоря ни слова, спрятал ключ.

— Оказалось, что умерший не очень занимался временными благами, — сказал пастор Уитль, который был немного обманут в своем ожидании. — Это много значит при оставлении здешней жизни.

— Я не сомневаюсь в том, — сказал Гарднер, — что ему не было бы хуже, если бы он побольше наслаждался жизнью.

— Ваши мысли о нравственном и материальном состоянии, которое должно желать человеку, приближающемуся к своему концу, могут быть не слишком мудры, капитан Гарднер, — сказал пастор. — Море не родина философов.

Молодой моряк покраснел, посмотрел на Марию и стал довольно тихо свистать. Он на минуту забыл полученный им выговор и смеясь продолжал свой осмотр.

— Ну, — прибавил он, — вот имущество бедняка Джека. Я не думаю, капитан Дагге, чтобы вы взяли на себя труд перевезти эти вещи в Виньярд.

— Я также не вижу в этом нужды, хотя друзья и родные могут придать этим вещам цену, чужую для посторонних. Но я там вижу две морские карты, не потрудитесь ли вы передать мне их? Они для моряка еще

могут иметь какую-нибудь цену, потому что старые матросы делают на них отметки, которые дороже самих карт.

Хотя это было сказано самым простым и самым естественным голосом, но внушило Пратту большое беспокойство, потому что он ничем еще не был разуверен в важности того, кого отныне мы будем называть Дагге и который, разложив карту на постели, начал внимательно ее рассматривать.

Карта было та, на которой находилось южное полушарие и на которой Пратт с таким старанием выскоблил острова, изобилующие тюленями. Ясно было, что виньярдец чего-то искал и не мог найти и что он сильно обманулся в своих ожиданиях. Вместо того чтобы смотреть на карту, можно сказать, что он изучал все дыры и трещины, которых было много, потому что бумага была стара и разорвана. Так прошло несколько минут, и незнакомец перестал заниматься имуществом своего родственника.

— Это старая карта, относящаяся к 1802 году, — сказал Дагге, — нынче она недорого стоит. Наши охотники за тюленями так далеко заплывают на юг, что у них теперь есть лучшие сведения.

— Ваш дядюшка, — хладнокровно сказал Пратт, — был старый матрос и потому мог предпочитать старые карты.

— Тогда надобно, чтобы он позабыл первоначальное воспитание, которое дают в Виньярде. Там нет ни одной женщины, которая бы не знала, что последняя карта всегда лучше первой. Я признаюсь, что для меня здесь есть какое-то недоразумение, потому что хозяин судна рассказывал мне, что он слышал от хозяина брига, что на картах старого моряка можно найти довольно важные подробности.

Пратт затрясся. Он видел в этом доказательство того, что умерший говорил о своей тайне другим. Для человека, каков был Дагге, было очень естественно хвалиться своими картами, так что Пратт предвидел, что с этой стороны будут затруднения. Однако он счел за лучшее молчать. Незнакомец, который, казалось, мало думал о старых

рубашках и старом платье, принялся опять рассматривать карту и довольно близко от того места, где были обозначены острова тюленей, вычищенные с таким старанием.

— Я никак не могу понять, чтобы человек, пользовавшийся столько времени картою, не сделал бы на ней никаких отметок, — сказал капитан Дагге.

Капитан Дагге, казалось, жаловался с упреком.

— Вот подводные камни среди моря, — продолжал Дагге, — там, где я уверен, вода кишит рыбою; тут должны бы быть и острова. Что вы думаете об этом, капитан Гарднер? — сказал Дагге, кладя палец на то место, где еще утром Пратт так старательно соскоблил острова. — По крайней мере не заметите ли вы того, что это место было тщательно обозначено и потом часто к нему возвращались, хотя заметок тут не видно.

— Это мели, — отвечал смеясь Гарднер, — посмотрите, они подле широты... и долготы... Там не может быть известной земли, потому что сам капитан Кук не заходил так далеко на юг.

— Вы часто бывали в море, капитан Гарднер? — спросил с любопытством Дагге.

— Я кормлюсь этим ремеслом, — откровенно отвечал молодой человек. — Впрочем, я не занимаюсь морскими картами, они могут служить тогда только, когда корабль в дороге. Что касается китов и тюленей, то желающие найти их теперь должны только искать, как я уже сказал моему хозяину. Говорят, что некогда кораблю стоило только поднять паруса, чтобы бросить гарпун, но эти времена, капитан Дагге, прошли, и надо искать китов в открытом море, как денег на берегу.

— Корабль, который я видел подле берега, не предназначен ли для ловли китов? Он немного мал для китовой ловли, корабли подобного размера годятся для ловли у берегов.

— Попробовав, и мы узнаем, к чему он годен, — уклончиво сказал Гарднер. — Что вы думаете об экспедиции на Новую Землю?

Виньярдец бросил нетерпеливый взгляд, который

значил «Скажите это морякам!» и развернул вторую карту, которую до того еще не рассматривал.

— Конечно, — прошептал он тихо, но довольно громко, так что Пратт, слух которого был напряжен, услышал это, — вот карта Западной Индии и всех местностей, на ней находящихся.

Эти слова, сказанные Дагге, объяснили Пратту, что иностранец кое-что знал, и его беспокойство от того увеличилось. Теперь он убедился, что благодаря хозяевам судна и брига родные Дагге имели сведения, на основании которых надеялись составить свое счастье. До какой степени справедливы догадки? Этого он никак не мог отгадать. Но он знал, что подробности были сообщены и что племянник Дагге прибыл в Ойстер-Понд для тщательного изучения морских карт.

Он радовался, что успел вовремя вычистить необходимые заметки, находившиеся на картах.

— Капитан Гарднер, — сказал виньярдец, держа карту к свету, — посмотрите, пожалуйста, здесь. Не кажется ли вам, что на этой стороне были какие-то заметки и что вычистили слова, находившиеся на карте.

В это время Пратт смотрел через плечо Росвеля Гарднера и был очень счастлив, что мог увериться в том, что незнакомец положил палец на точку, бывшую на сотни миль от того места, где, по его мнению, находилось сокровище пирата.

— Странно, чтобы такой старый моряк, пользуясь так долго одною картою, не оставил бы на ней никаких заметок, — повторил незнакомец, удивление и досада которого были заметны. — Все мои карты покрыты заметками, как будто я хотел сделать из них книгу для моего собственного употребления.

— Склонности и привычки различны, — равнодушно отвечал Росвель Гарднер. — Есть мореходы, которые постоянно отыскивают утесы и не перестают записывать их на своих морских картах, но я никогда не видал, чтобы они получили от этого какой-нибудь результат.

— Что вы скажете о замечании охотника за тюленями, обозначившего на своей карте остров, на котором

тюлени ходят толпами по берегу, как стадо свиней? Назовете ли вы такие карты сокровищем?

— Это совсем другое дело, — отвечал смеясь Гарднер, — хотя я и не думаю, чтобы в этом чемодане можно было найти подобное сокровище.

— Я не вижу, господин Пратт, необходимости более утруждать вас. Мой дядя был не очень богат, это ясно, и если я желал иметь более, чем оказалось, так потому, что я сам не богат. Если же умерший оставил какие-нибудь долги, так я готов заплатить их.

Вопрос был сделан очень вяло, так что Пратт сначала не знал, что и сказать. Он подумал о своих шести долларах, и его скупость одержала верх над его благоразумием.

— Без сомнения, доктору Сэджу надобно бы было заплатить, но ваш дядя, пока он жил, сам оплачивал свои расходы. Я думал, что вдова, заботившаяся о нем, имеет право на что-нибудь лишнее, и нынче утром я дал ей десять долларов, которые вы можете, по вашему желанию, отдать мне или нет.

Капитан Дагге тотчас же отдал эту сумму Пратту. Потом он положил карты на место и, не открывая маленького ящичка, находящегося в чемодане, запер этот чемодан и положил ключ в карман, говоря, что увезет все это, чтобы избавить Пратта от всякого беспокойства. Сделав это, он спросил адрес вдовы Уайт, с которой он пожелал поговорить прежде чем оставить Ойстер-Понд.

Вдова Уайт приняла капитана Дагге с явным удовольствием, потому что собственное ее удовольствие преимущественно заключалось в передаче и получении новостей.

— Я уверен, что жизнь с моим дядей была для вас приятна, — сказал племянник. — Виньярдцы люди простые.

— Это правда, капитан Дагге, и если бы Пратт не приходил его мучить и обращать его ум к житейским помыслам, то он был бы так хорошо приготовлен к смерти, как ни один больной, которого я когда-либо видела. Совсем было другое во время посещения Пратта.

— А Пратт часто приходил сюда читать и молиться вместе с больным?

— Он, молиться? Я не думаю, чтобы во все свои посещения он сказал бы хотя одно слово о молитве. Когда они бывали вместе, так все говорили об островах и тюленях.

— В самом деле? — вскричал племянник. — Да что же они могли говорить о подобном предмете? Острова и тюлени совершенно чуждый разговор для умирающего.

— Я знаю это, — отвечала вдова, — и, слушая их, хорошо это понимала, но что могла сделать тут бедная женщина?

— Этот разговор происходил при вас, в вашем присутствии, сударыня?

— Совсем нет. Они говорили, а я слушала, что они говорили, как это случается, если бываешь недалеко от разговаривающих.

Незнакомец не настаивал. Он сам родился в стране «подслушивальщиков». Остров, лишенный всякого сообщения с остальной землей, две трети жителей которого никогда не бывают дома, должен обладать в совершенстве искусством сплетен, которое равно подслушиванию у дверей.

— Да, — сказал он, — есть вещи, которые узнаются сам не знаешь как. Итак, они разговаривали об островах и тюленях?

На этот вопрос вдова отвечала со всеми подробностями, которые могла только припомнить. По мере того, как она рассказывала о тайных совещаниях Пратта со старым матросом, внимание незнакомца увеличивалось, — а она ничего не пропустила из того, что слышала, прибавив еще слишком много того, чего не слышала.

Капитан Дагге привык к подобным рассказам и знал степень доверия, которого они заслуживали. Он слушал, веря только половине того, что ему рассказывали и, благодаря своему опыту, успел отделить в рассказе этой женщины вероятное от невероятного. Но то обстоятельство, что вдова Уайт не была при самых главных разго-

ворах, сообщило ее повествованию туманность. Вообще капитан Дагге не сомневался в том, что Пратт знал о существовании островов. Покупка и снаряжение «Морского Льва» могли достаточно убедить человека с его умом, что дело идет об экспедиции за тюленями.

Свидание капитана Дагге и вдовы продолжалось более часа, и они расстались друг с другом в самых лучших отношениях. Правда, капитан ничего не дал вдове, но он полагал, что совсем расквитался, отдав Пратту деньги, которые тот израсходовал; зато он слушал с удивительным терпением, а это у больших говорунов составляет примерную заслугу. И при прощании они условились писать друг другу.

В этот же день капитан Дагге отослал чемодан своего дяди в Саг-Харбор, а за ним отправился и сам. Он также употребил час или два на расспросы о состоянии оснащения «Морского Льва» и о времени его отплытия.

Об этом снаряжении в Саг-Харборе много говорили.

Ночью суровый мореход, наполовину хлебопашец, сел в свою китоловную шлюпку и один отправился на Виньярд. Это для него ничего не значило, потому что он в этой шлюпке часто презирал опасности моря, когда плыл за лоцмана перед кораблями, идущими в порт.

Г л а в а V I

Спускай свое судно, матрос. Добрый христианин, пусть Бог тебе помогает. Вери в руки руль, и пусть добрые ангелы ведут тебя. Распускай паруса благоразумно; надвигаются бури; следи настойчиво по своему пути, христианин, по своему пути к отечеству!

М и с с и с С о у т и

Посещение капитана Дагге действительно ускорило оснащение «Морского Льва». Пратт знал слишком хорошо характер островитян, а потому не мог не обратить внимания на такой важный случай. Он ничего не знал,

что могли сказать виньярдцам об его важных тайнах, но не сомневался в том, что они довольно о них знают и что посещение капитана Дагге ускорит их отправление к южным морям.

Филипп Газар, морской офицер, получил приказание не терять времени, и люди, уже набранные для путешествия, начали переплывать пролив и показываться на палубе шхуны.

Что касается корабля, то на нем было все необходимое, и Пратт начал обнаруживать нетерпение потому, что еще не прибыли самые опытные моряки, два или три человека, которых искал Филипп Газар и которых хотел иметь капитан Гарднер.

Он совсем не подозревал того, что виньярдцы подкупили этих людей и мешали им закончить сношения с Филиппом Газаром, желая тем выиграть время для оснащения другого «Морского Льва», которого они почти уже с месяц оснащивали. Они купили этот корабль в Нью-Бедфорде, желая воспользоваться теми неполными сведениями, которые они получили от капитанов брига и шхуны. Сходство имени было дело случайное или, точнее сказать, оно было внушено общим характером предприятия.

После нескольких дней отсрочки Газар прислал из Бонингтона человека по имени Уотсон, слывшего опытным охотником за тюленями. За отсутствием двух своих товарищей, которые занимались набором людей, Росвель Гарднер, для которого роль командира была еще делом новым, часто советовался с этим опытным моряком. Для Пратта было большое счастье, что он не открыл ни одной из своих двух тайн молодому капитану. Гарднер, без сомнения, знал, что шхуна должна идти на охоту за тюленями, морскими львами и другими подобными животными, но ему еще ничего не было сказано об открытиях Дагге.

Мы сказали, что для Пратта было большое счастье, что он был так благоразумен, потому что Уотсон не имел никакого намерения отправиться из Ойстер-Понда и поступил уже на службу другого «Морского Льва», которого

купили в Нью-Бедфорде и оснащение которого тогда заканчивали. Одним словом, Уотсон был шпион, подосланный виньярдцами для удостоверения в намерениях капитана Гарднера и для того, чтобы войти в доверие к Гарднеру и точнее разведать о состоянии дел.

Вот в каком положении были дела в Ойстер-Понде в следующую неделю после посещения капитана Дагге. Теперь шхуна была совершенно готова к отплытию, и капитан Гарднер начинал поговаривать об оставлении берега. Опытные люди, которых он ждал, еще не прибыли, и молодой начальник выказывал большое нетерпение.

— Я не знаю, что делают Газар и Грин! — кричал однажды Росвель Гарднер с кормы, на которой стоял, когда Пратт был на берегу, а Уотсон работал на вахте. — Они так долго живут на земле, что могли бы набрать двенадцать человек, а нам недостает еще только двух, и в том случае, если этот даст обязательство, которого он еще не подписывал. Кстати, Уотсон, скоро мы увидим твой почерк?

— Я неуч, капитан Гарднер, и мне нужно много времени на то, чтобы только подписать свое имя.

— Да, да, ты осторожный молодец и тем ты мне еще более нравишься. Но у тебя было достаточно времени для решения.

— Капитан Гарднер, — сказал Пратт, слышавший весь этот разговор, — надо бы узнать, хочет ли этот человек поступить на шхуну или нет.

— Я наймусь сейчас же, — сказал Уотсон столь же смело, как и откровенно, но только я должен знать прежде то, на что я пускаюсь. Если бы мне сказали, к каким островам отправится корабль, так это могло бы дать мне решимость.

Этот вопрос шпиона был предложен искусно, хотя и терял свою силу вследствие благоразумия, по которому Пратт не сообщил своей тайны даже капитану своей шхуны. Если бы Гарднер действительно знал, куда шел, то желание, которое имел он нанять столь опытного человека, как Уотсон, могло бы исторгнуть у него какое-

нибудь безрассудное замечание, но, ничего не зная сам, он принужден был ответить то, что счел лучшим.

— Ты спрашиваешь, куда мы идем? Мы идем на охоту за тюленями и будем отыскивать их везде, где только их можно найти.

— Да, да, сударь, — сказал смеясь Уотсон, — ни там, ни тут, вот и все.

— Капитан Гарднер, — важно сказал Пратт, — это похоже на шутку, и надо либо нанять этого человека, или взять на его место кого-нибудь другого. Сойдите на берег, сударь, я дома хочу поговорить с вами о делах.

Важный тон Пратта удивил равным образом и капитана и моряка. Что касается первого, то он, прежде чем отправиться в дом Пратта, где ожидал встретить Марию, сошел с кормы и надел черный галстук. В то время как капитан Гарднер делал эти перемены в своем туалете, Уотсон спустился с вант, и когда молодой капитан спешил дойти до дома Пратта, Уотсон был уже на палубе и звал Бетинга Джоя, который ловил недалеко от берега рыбу. Через несколько минут Уотсон сидел в лодке Джоя вместе со своим мешком — он не привез чемодана — и направлялся к порту. В тот же день он отплыл на китоловном боте, его дожидавшемся, и вез в Гольм-Голь известие, что «Морской Лев» будет готов к отплытию на следующей неделе.

В продолжение этого времени «Морской Лев» из Гольм-Голя кончал свои приготовления с неутомимой деятельностью и было вероятно, что он мог отправиться так же скоро, как и его противник.

Но возвратимся в Ойстер-Понд.

Пратт вошел на крыльцо своего дома прежде Росвеля Гарднера. Затворив дверь и заперев ее, к великому удивлению Росвеля, ключом, старик важно посмотрел на молодого моряка, давая ему таким образом понять, что будет говорить с ним о предмете большой важности.

Гарднер не знал, что и подумать, но надеялся на то, что Мария будет главным предметом этого разговора.

— Сначала, капитан Гарднер, — прибавил старик, — прошу вас произнести клятву.

— Клятву, господин Пратт? Это что-то новое в охоте за тюленями.

— Да, сударь, клятву, которая, после произнесения ее над Библиею, должна быть сохраняема свято и нерушимо. Эту клятву полагаю условием во всех делах, происходящих между нами, капитан Гарднер.

— Что до этого, то я дам две клятвы, если нужно.

— Хорошо. Я прошу вас, Росвель Гарднер, поклясться над этой священной книгой, что вы никому не сообщите тех тайн, которые я вам открою, иначе как при условиях, которые я сам вам предпишу; что вы не воспользуетесь ими для чьих-либо выгод и останетесь во всем верны принятым обязательствам.

Росвель Гарднер, очень удивленный, поцеловал книгу, любопытствуя узнать, что будет далее. Пратт положил священную книгу на стол, открыл ящик и вынул из него две карты, те самые, на которых написал замечания Дагге.

— Капитан Гарднер, — сказал Пратт, раскладывая на постели карту Южного Океана, — вы меня знаете очень давно и наверное удивляетесь тому, что я в мои лета занялся в первый раз вооружением корабля.

— Я надеялся, — сказал Росвель Гарднер, — что в том, что вы хотели сказать мне, будет несколько слов о Марии.

— Предмет, о котором я намерен говорить с вами, — сказал Пратт, — будет любопытнее полусотни Марий. Что же касается моей племянницы, Гарднер, то если она согласна, то Бог да благословит вас. Но посмотрите на эту карту... глядите внимательно и скажите мне, не найдете ли вы на ней чего-нибудь нового или замечательного.

— Она напоминает мне время давно прошедшее; вот острова, которые я посещал и которые я знаю. Но что это такое? Острова, нарисованные карандашом с цифрами широты и долготы? Кто сказал, что там есть земля, господин Пратт, если я только могу предложить вам подобный вопрос?

— Я говорю, что это хорошие острова для охотников за тюленями. Эти острова, Гарднер, могут составить ваше

счастье, а также и мое. Что за дело до того, почему я отправляю «Морского Льва» именно туда? Наполните его слоновым жиром, костью, кожами и приведите назад как можно скорее.

— О, если в самом деле там есть острова, то я не сомневаюсь в этом. Но это могут быть ложные острова, которые моряку показались только в тумане. Океан наполнен подобными островами.

— Нет, это совсем не то, это настоящая земля, как я слышал от человека, который ходил по ней.

— Эта широта слишком высока для того, чтобы к ней спускаться. Сам Кук не заходил так далеко.

— Не говорите о Куке, он был королевский моряк, тогда как мой охотник за тюленями американец, а что он один раз видел, то американец должен найти. Вот острова, их три, вы найдете их, и на их берегах будет столько же животных, сколько раковин на берегу.

— Я надеюсь, если там есть земля и если вы рискуете шхуной, то я постараюсь отыскать их. Но все-таки я попрошу вас написать мне приказание плыть так далеко.

— У вас будет все, что только человек может требовать. На этот счет между нами не может быть затруднения; я сам отвечаю за ту опасность, которой подвергаю шхуну, и только частным образом прошу вас побережь ее. Итак, отправляйтесь к этим островам и наполняйте шхуну. Но, Гарднер, это еще не все. Тотчас же, как шхуна будет полна, вы отправитесь к югу и выйдете из льдов как можно скорее.

— Именно это я сделал бы и тогда, если бы вы мне этого и не говорили.

Пратт развернул вторую карту, которая заняла на постели место первой.

— Вот, — закричал он голосом, в котором было что-то торжественное, — истинная цель путешествия!

— Этот берег, но, господин Пратт, это северная широта..., и вы заставляете меня брать самую дальнюю дорогу, если говорите, что я должен идти на юг для того, чтобы дойти туда.

— Хорошо иметь две струны на своем луке, и когда

вы узнаете, что вы должны привезти из этой страны, так поймете и то, почему я посылаю вас на юг прежде, чем вы воротитесь сюда с вашей кладью.

— Там можно найти только черепах, — сказал, смеясь, Росвель Гарднер. — На этих берегах не растет ничего, кроме незначительного кустарника, и там водятся черепахи.

— Гарднер, — сказал торжественным голосом Пратт, — этот остров, кажущийся нам таким незначительным, содержит сокровище. Очень давно пираты положили его там, и теперь только я один владею этой тайной.

Молодой человек посмотрел на Пратта с удивлением, как будто он сомневался в том, что Пратт был в своем уме.

Он хорошо знал его слабую сторону и был готов предполагать, что Пратт так много думал о деньгах, что, наконец, помешался. Потом он вспомнил умершего матроса, бесчисленные свидания, которые у него были с Праттом, внимание, которое последний ему всегда оказывал, покупку и неожиданное и внезапное снаряжение шхуны и понял все.

— Дагге сказал вам это, господин Пратт, — заметил Гарднер, — и не он ли говорил вам об островах морских тюленей?

— Допустим, что это так, почему же Дагге не мог этого сказать, как и всякий другой человек?

— Я полагаю, господин Пратт, что вы не надеетесь извлечь больших выгод из этой части путешествия?

— Тут-то, Гарднер, я и надеюсь на самые большие выгоды, и вы сами согласитесь с этим, когда узнаете всю историю.

Пратт после этого рассказал все подробности сообщения, сделанного пиратом Дагге, как тот сам ему рассказывал.

Сначала молодой человек слушал рассказ с нетерпеливостью, потом с любопытством, наконец, с уверенностью, что все это справедливее, чем он прежде предполагал.

— Этот рассказ слишком необыкновенен! — вскричал

Гарднер. — Это самая необыкновенная история из всех, мною слышанных! Возможно ли, чтобы так долго и давно не вспоминали о таком множестве серебра и золота?

— Три пирата зарыли его, боясь это доверить экипажу своего корабля. Они сказали, что хотят ловить черепах, как и вы сами скажете, и в то время как матросы занимались этим, пираты отделились от берега и положили это сокровище в трещину одного прибрежного утеса, как я уже сказал вам. О, это так верно, что не может быть неправдой.

Росвель видел, что надежды старика были слишком велики и что им противиться нельзя, потому что вся его скупость вполне открылась.

— При некоторой опытности можно очень легко придать лжи вид правды. Но этот Дагге сказал ли, как велики те деньги, которые, по его словам, оставлены пиратами на этом берегу?

— Да, — сказал Пратт, и вся его низкая и скупая душа, казалось, заблестала в его глазах при этом ответе. — По рассказу пиратов, в этом сокровище не может быть менее тридцати тысяч долларов в виде дублонов, чеканенных на королевском монетном дворе, дублонов нормального веса, по шестнадцати унций в фунте.

— Груз «Морского Льва», если он будет хорош, будет стоить вдвое, если только найдем животных, за которыми надо охотиться.

— Это возможно, но подумайте, Гарднер, здесь дело идет о золоте, чеканенном и блестящем.

Росвель увидел, что при подобной и столь сильно возбужденной жадности, все доводы будут бесполезны.

В день, следующий за этим разговором, «Морской Лев» удалился от берега, и с шхуной возможно было сообщаться только посредством лодки. Внезапное исчезновение Уотсона могло ускорить это перемещение. Через три дня шхуна подняла якорь и поплыла. Она прошла через узкий, но глубокий пролив, отделяющий Шельтер-Айлэнд от Ойстера-Понда, оставляя воды Пеконик-Бее. Однако шхуна была еще не совсем готова и бросила якорь в Гарднер-Бее, на большой дороге ко всем портам страны.

*Идите к свету. И гнусный грех не
осквернит вас более; кровь Спасителя
Мира, Господа, сотрет все пятна.*

Б е р н а р д   Б а р т о н

Едва только прошло с час времени, как «Морской Лев» из Ойстер-Понда бросил якорь в Гарднер-Бее, как шлюпка, идущая с запада, подошла к нему. Так как ветер был довольно тих, то следующий разговор завязался между командиром шлюпки и Росвелем Гарднером.

— Это «Морской Лев» из Ойстер-Понда? — смело спросил командир шлюпки.

— Да, — отвечал Гарднер важным тоном моряка.

— Нет ли на этом корабле Уотсона виньярдца?

— Он был на палубе целую неделю, потом вдруг оставил нас. Так как он еще не подписал обязательства, то я не могу сказать, что он бежал.

— Так он переменял свое намерение? — сказал другой, как будто удивленный новостью, которую он не ожидал услышать. — Ваша шхуна отправится завтра, капитан Гарднер?

— Послезавтра, — ответил Росвель Гарднер со своей обычной откровенностью, не подозревая, что говорил с человеком, принадлежавшим к его соперникам. — Если бы только Уотсон остался со мною, то я бы показал ему море, в которое никогда не кидали лота.

— Да, да, он ветрен, но надежный охотник за морскими слонами. Итан, вы думаете отправиться послезавтра?

— Если мои товарищи воротятся с берега. Они писали мне вчера, что набрали людей и ожидают судна для отправки. Я здесь подожду их и возьму на борт, чтобы им не плыть напрасно до самого порта.

— Это много сократит их дорогу. Может быть, это они плывут в лодке?

Росвель Гарднер тотчас же поднялся на верхние ванты

и в самом деле увидал, что какое-то судно направляется в прямой линии к кораблю и находится не более как в полумиле. Ему подали подозрную трубу, и он скоро уведомил свой экипаж, что господин Газар и второй офицер находились на судне с двумя моряками и что он полагает, что теперь у него все необходимые ему люди. Командир шлюпки не проронил ни одного слова.

— Вы скоро отправитесь к югу, капитан Гарднер, — сказал еще этот достойный человек, как будто для того, чтобы его поздравить, — вот охотники, которые помогут вам.

— Я очень рад этому, потому что нет ничего неприятнее, как ждать, если сам готов отплыть. Мой хозяин также торопится.

— Желаю вам, капитан Гарднер, счастливого пути. Это дальнейшее путешествие, особенно если корабль получил столь далекое назначение на юг.

— А почему вы, мой друг, знаете, что таково мое назначение? Вы меня не спрашивали, куда я отправлюсь на охоту за тюленями, а у людей, занимающихся подобным промыслом, нет обыкновения разглашать повсюду свою программу.

— Все это так, но у меня есть свои соображения по этому поводу. Теперь, как вы уже в скором времени отправляетесь, то я вам дам один совет. Если вы встретите товарища в путешествии, так не ссорьтесь с ним, а скорее старайтесь сойтись и считайте за счастье то, чему вы не можете воспрепятствовать.

Люди, бывшие в шлюпке, засмеялись этим словам, тогда как находящиеся на шхуне были ими удивлены. Это была загадка для Росвеля Гарднера и его людей, и он, сходя с вант и отдавая приказание принять людей на судно, прошептал сквозь зубы, что незнакомец дурак.

— Этот малый из Гольм-Голя, — сказал командир шхуны, — а виньярдцы воображают, что они лучшие матросы на свете, может быть, потому, что их остров самый далекий в море из всех виденных мною по эту сторону Монтаука.

Скоро шлюпка исчезла. Командир ее был родственник

тем, которые были заинтересованы вооружением «Морского Льва» — соперника, и он решился собрать эти сведения, столь важные для виньярдца, потому что в Виньярде не только весьма интересовались островами, изобилующими тюленями, но также и скрытым сокровищем.

Однако у этих хитрых и твердых островитян были данные более определенные, нежели это можно усмотреть из нашего рассказа.

Припомним, что в чемодане был небольшой ящикек, которого Пратт не осмотрел. Этот ящикек заключал в себе старый разорванный журнал не только последнего путешествия, но даже одного или двух предшествующих переездов умершего. С помощью изучения и сближения различных переездов, которые, казалось, не имели никакого между собою соотношения, владелец по наследству маленького ящика понял о великих тайнах своего дяди. В чемодане было также много клочков бумаги, на которых было нарисовано несколько грубых карт островов и стран, о которых шла речь, с обозначением их соотношения к соседним островам, но без долготы и широты.

Вдобавок там было еще неоконченное письмо, писанное умершим и адресованное в виде завещания ко всем лицам, носящим фамилию Дагге, которые могли только найтись на Виньярде. Человек, в руки которого попало это письмо, и называвшийся Дагге, сначала его прочитал, потом тщательно перечитал и положил его в записную карманную книжку, которую имел обыкновение носить с собою. По каким правам это письмо, содержание которого относилось ко многим, сделалось собственностью единственного лица, этого мы не будем рассказывать. Однако это было так, и никто из принявших участие в оснащении «Морского Льва» из Гольм-Голя, не знал о существовании этого документа, исключая его владельца. Он несколько раз его рассматривал, и сведения, там находившиеся, показались ему важными.

Росвель Гарднер не обманулся относительно людей, находившихся на судне. Это были Филипп Газар, первый его офицер, и Тим Грин, второй, также два охотника за тюленями, которых они наняли с большим трудом.

Экипаж Росвелля Гарднера был полон, и он был почти готов к отплытию. Росвелю только оставалось воротиться в порт, получить разрешение на отплытие, немного поговорить со своим хозяином, подольше — с Мариею и отправиться к полюсу, если льды позволят ему идти на юг.

Экипаж «Морского Льва» состоял теперь из шестнадцати лиц, числа, достаточного для предпринятого путешествия. Все люди были американцы, и большая часть их принадлежала старому графству Суффолк. Они почти что все были молоды, деятельны, и от них можно было ожидать самой исправной службы.

Г л а в а V I I I

*Я люблю тебя, океан, и радостью
моей молодости было носиться на
твоей груди; ребенком я презирал
твою опасность; они были моим на-
слаждением.*

Б а й р о н

Солнце уже зашло, когда Росвель Гарднер воротился на корабль, простившись с Марией. Мария дала своему возлюбленному Библию и просила его иногда советовать-ся с нею. Эта книга была принята с таким же уважением, с каким была предложена, и положена им в сундучок, в котором находилось с сотню других книг.

С приближением времени поднятия якоря нервное беспокойство Пратта передалось молодому капитану. Каждую минуту он приходил к Росвелю, чтобы дать какой-нибудь совет и спросить о чем-нибудь. Можно было сказать, что в последнюю минуту старик не имел сил расстаться с кораблем, своей собственностью, или потерять его из вида. Это было слишком неприятно Росвелю Гарднеру, искренно расположенному ко всему, носящему имя Пратта.

— Вы не позабудете островов, капитан Гарднер, — говорил старик, — и не подъедете к ним слишком близко.

Говорят, что в этих высоких широтах прилив моря бывает ужасен и что моряки садятся на мель прежде, чем узнают, где находятся.

— Да, да, сударь, я припомню это, — отвечал Гарднер. — Я хорошо знаю приливы и отливы и плавал в этих морях. Ну, господин Газар, скоро мы поднимем якорь?

— Мы готовы, сударь, отправиться и ожидаем только приказания.

— Отправимся, сударь, и прощай, Америка, по крайней мере эта часть Америки.

— Подле этих берегов, — прибавил Пратт, не могший решиться оставить корабль, — уверяют, что плавание опасно и что надо смотреть в оба, чтобы избежать опасностей, угрожающих кораблю; поберегите корабль, Гарднер.

— Везде есть опасности для моряка, который спит; но кто смотрит во все глаза, тому нечего бояться.

Едва только шхуна оставила берег, как ее паруса надулись, и она прошла мимо низкой и песчаной полосы земли под небольшим юго-западным ветром и при начале отлива.

Наверное, можно было сказать, что никогда корабль не отправлялся под лучшими предзнаменованиями. Пратт оставался на борту до тех пор, пока Бетинг Джой, который должен был служить ему гребцом, не напомнил ему, что при возвращении придется бороться с ветром и с отливом и что необходимо было все его знание для введения в надлежащее время китоловного бота в Ойстер-Понд. Пратт так понуждаемый Бетингом Джоем, расстался со своим нежнолюбимым кораблем, отдавая молодому Гарднеру столько последних приказаний, как будто тот шел на явную смерть. У Росвеля также была к нему просьба, и она относилась к Марии.

— Повторите Марии, господин Пратт, — сказал молодой человек, отводя его в сторону, — что я надеюсь на ее обещание и буду думать о ней под знойным солнцем экватора и посреди льдов южного полюса.

— Да, да, это так должно быть, — сказал Пратт с

какой-то кротостью. — Мне нравится ваше постоянство, Гарднер, и надеюсь, что молодая девушка, наконец, уступит, и вы будете моим драгоценным племянником. Женщин более всего пленяют деньги. Наполните шхуну кожами и жиром и привезите сокровище, и будьте уверены в том, что Мария будет вашей женой, как будто уже сам пастор вас благословил.

Таково было мнение Пратта о своей племяннице и о прочих женщинах. В течение нескольких месяцев он вспоминал об этой речи, как о самой мастерской, а Росвель позабыл ее через полчаса, потому что понимал характер Марии лучше ее дяди.

Теперь «Морской Лев» прервал последнюю связь с землею. На нем не было лодмана, совершенно ненужного в этих морях; кораблю только надо было как можно ближе держаться к Лонг-Айленду, огибая восточную сторону острова. Скоро пропал из вида Гарднер-Айленд, и затем только одна нравственная связь осталась между смельчаками и их отечеством. Правда, что Коннектикут, потом Род-Айленд были еще видны с одной стороны, и небольшая часть Нью-Йорка с другой, но с увеличением сумерек и эта последняя связь исчезла. Монтаукский маяк в продолжение многих часов был единственным светилom предприимчивых моряков, которые прошли подле него около полуночи и тогда находились уже, действительно, на больших волнах Атлантического океана. Можно было сказать, что в эту минуту корабль в первый раз подымает паруса.

«Морской Лев» хорошо маневрировал. Он был выстроен с намерением сделать его удобным для экипажа и легким на ходу.

Так как ветер был юго-западный, то шхуна, миновав Монтаукский маяк, поплыла на юго-восток. Погода казалась постоянной, и не было никакого признака к перемене ее, а потому Гарднер сошел в каюту, передав начальство вахтенному офицеру с приказанием позвать его при восходе солнца. Скоро усталость сказала на молодом человеке, и он заснул так крепко, как будто бы не оставлял на целые два года любимую особу.

Капитан «Морского Льва» был разбужен в назначенный им час. Пяти минут было достаточно для выхода на палубу, где он нашел все так, как оставил, за исключением самой шхуны. В течение шести часов, которые он провел в своей каюте, его корабль сделал почти сорок миль.

Земли было уже не видеть, потому что берег Америки был очень низок и не представлял ничего выдающегося для глаз.

Первым делом моряка бывает при выходе на палубу посмотреть, откуда дует ветер, а потом он взглядывает на паруса. Иногда он меняет порядок своего наблюдения и смотрит сначала на паруса, а потом на облака. Росвель Гарднер бросил свой первый взгляд на юг и на запад и увидел, что ветер обещал усилиться. Потом, взглянув вверх, остался довольным ходом корабля. Далее он обратился ко второму судовому офицеру, которому поручил начальство со словами, в которых выражалось радушие и даже вежливость.

— Славная погода, сударь, для прощания с Америкой, — сказал Росвель. — Нам предстоит большая дорога, господин Грин, но зато у нас и надежный корабль. Мы теперь совершенно в открытом море. На западе не видно ничего, даже каботажного судна. Время слишком раннее для судна, отправившегося с последним отливом, и слишком поздно для поднявшего якорь в предшествующий отлив. Никогда я еще не видал эти воды столь пустыми и даже без одинокого паруса на горизонте.

— Да, да, сударь, можно сказать, что нет ничего на горизонте. Однако вот судно под ветром, которому, кажется, хочется поспорить с нами в скорости... Там, сударь, немного назад... и мне кажется, что это шхуна, и почти одних размеров с нашею, и если вы, капитан Гарднер, возьмете подзорную трубу, то увидите, что у него не только наша остнастка, но даже и одинаковые паруса.

— Вы правы, господин Грин, — отвечал, посмотрев, Росвель, — это шхуна, и почти в столько же тонн, как и наша и даже с совершенно такими же парусами. Давно ли она идет так?

— Несколько часов тому назад она показалась из-за Блок-Айленда. Весь вопрос для меня состоит в том, чтобы узнать, откуда идет она. Корабль из Бонингтона естественно прошел бы под ветром Блок-Айленда, а из Нью-Йорка или с острова Провидения не шел бы так далеко по ветру. Эта шхуна мучила меня с самого рассвета, и я совсем не понимаю того, как она очутилась в этих водах, и все мое знание при этом становится в тупик.

— Можно подумать, что она ошиблась в дороге.

— Нет, нет, капитан Гарднер, этот «гуляка» идет на юг, как и мы, но только непонятно, почему он теперь находится так далеко от ветра и, можно сказать, так близко к ветру. Если бы он направился к юго-востоку из какого-нибудь соседнего порта, то остановился бы подле Но-Манс-Лэнда, а он на прямой линии с Блок-Айлендом.

— Может быть, он идет из Нью-Лондона и, отправляясь в Западную Индию, пожелал обогнуть остров. Но все это ничего не значит.

— Это значит то же, капитан Гарднер, что ходить вокруг дома и не входить в дверь, которая перед нами. Но кораблей подобного рода не было ни в Бонингтоне, ни в Нью-Лондоне, насколько это мне известно, потому что не более двух суток назад я был в обоих этих местах.

— В таком случае и для меня этот корабль становится столь же непонятным, как и для вас, но его очень легко увидеть поближе.

И Росвель тотчас же отдал приказание, чтобы маневрировали в другом направлении.

В полдень корабли были один от другого так близко, что можно было разговаривать, и на этом расстоянии экипажи обоих кораблей могли молча наблюдать друг друга. По размеру между двумя кораблями не было никакого видимого различия, а в подробностях было замечательное сходство.

— Этот корабль, — сказал Росвель Гарднер, когда он был на расстоянии мили от новопришельца, — не пойдет в Западную Индию; у него на палубе находится один бот, а позади два. Не назначен ли он, как и наш, на охоту за тюленями?

— Я думаю, что вы правы, сэр, — отвечал Газар, первый морской офицер, вышедший в эту минуту на палубу. — Капитан, если я не ошибаюсь, похож на охотника за тюленями. Однако довольно необыкновенно, капитан Гарднер, что два корабля, идущие к другому концу света, встречаются таким образом на море.

— Напротив, не будет ничего необыкновенного, если вспомнить, что теперь настоящее время для отъезда всех кораблей, имеющих намерение еще нынешним летом достичь мыса Горн. Мы будем там в декабре, и я полагаю, что капитан той шхуны знает это так же хорошо, как и я.

— Капитан, — сказал Стимсон, старый моряк, — на носу этого корабля виднеется голова животного, если я могу различить это на таком расстоянии.

— Ты прав, Стефан, — вскричал Росвель Гарднер, — и это животное тюлень, близнец «Морского Льва», который у нас на бушприте. Кстати, что сделалось со шхуной, которую ты видел?

— Я слышал, сударь, что ее купили какие-то виньярдцы и отвели в Гольм-Голь. Мне хотелось посмотреть, что с нею будет, но я встретился с господином Грином и нанялся.

— И надеюсь, что ты ничего не потеряешь, мой друг, — сказал капитан. — Так ты думаешь, что это судно выстроено в Нью-Бедфорде и снаряжено виньярдами?

— Точно так, капитан, я его теперь совершенно узнал.

— Дайте мне рупор, господин Грин, мы скоро будем близко и сможем его окликнуть.

Росвель Гарднер подождал несколько минут, пока шхуны не подошли ближе одна к другой, и хотел было окликнуть, как вновь прибывший первый приветствовал «Морского Льва». Во время разговора оба корабля сошлись так близко, что с обеих сторон убрали рупоры и стали просто разговаривать.

— Ого, шхуна! — были первые слова новопришельца.

— Голя! — было ответом.

— Что за шхуна?

— «Морской Лев» из Ойстер-Понда, отправляется к югу и снаряжен для охоты за тюленями, как вы можете судить по нашему экипажу.

— Когда вы оставили Ойстер-Понд, и здоров ли господин Пратт?

— Мы подняли паруса вчера после полудня, с первым отливом, и господин Пратт оставил нас в ту минуту, как только мы подняли якорь. Он был здоров и полон надежды на успех экспедиции. Что за шхуна?

— «Морской Лев» из Гольм-Голя, идет на юг и снаряжен для охоты за тюленями, как вы можете это видеть по нашему экипажу. Кто капитан вашей шхуны?

— Капитан Росвель Гарднер, а вашей?

— Капитан Дагге.

В эту минуту он показался.

— Я имел удовольствие, — прибавил он, — видеть вас в Ойстер-Понде в то время, как приезжал туда за наследством после кончины моего дяди; вы, верно, это помните, капитан Гарднер; это было так недавно, и вы, конечно, не позабыли моего посещения?

— Совсем нет, капитан Дагге, хотя тогда я и не думал, что вы также собираетесь совершить путешествие на юг. Когда вы оставили Гольм-Голь, сударь?

— Третьего дня, после полудня. Мы отправились около пяти часов.

— Каков был ветер, сударь?

— Юго-западный и юго-восточный; вот уже три дня как не было в нем перемены.

Росвель Гарднер прошептал что-то сквозь зубы, но не считал нужным объяснить мысли, родившейся тогда в его уме.

— Да, да, — присовокупил он через несколько минут, — ветер целую неделю был один и тот же, но я думаю, что скоро будет перемена. В воздухе есть что-то, предвещающее восточный ветер.

— Что же, пусть будет так. Идя так, как мы теперь идем, мы можем пройти перед Гаттерасом с восточным ветром. А там около берегов дуют южные ветры, которые следуют за вами в продолжение двух или трехсот миль.

— Юго-восточный ветер, если он очень силен, может отбросить нас к песчаным мелям, что мне очень не нравится, сударь. Лишь только я покидаю землю, то я люблю придерживаться восточного течения.

— Это очень справедливо, капитан Гарднер.

— Весьма справедливо, сударь. Было бы лучше держаться вне потока, если это можно.

— Что же, сударь, так как у нас одинаковая цель путешествия, то я считаю себя счастливым, что встретился с вами, и не вижу причины, почему бы нам не сделаться добрыми соседями и почему бы нам не играть, если нечего будет делать. Ваша шхуна мне так понравилась, что я постарался построить свою по образцу ее, и вы видите, что моя совершенно одинаково раскрашена.

— Я это заметил, капитан Дагге, и вы можете сказать, что носы наших кораблей одинаковы.

— Да, да, когда я был в Ойстер-Понде, то мне сказали имя резчика, сделавшего вашего льва, и я приказал ему сделать близнеца. Если бы два корабля находились на одном рейде, то я не думаю, чтобы их можно было различить.

— Это правда, сударь. Нет ли у вас на палубе человека по имени Уотсон?

— Да, да, сударь, это мой второй морской офицер. Я вас понимаю, капитан Гарднер, вы правы, это тот, который был на вашей палубе, но мне нужен был второй морской офицер, и он согласился перейти с высшим званием на мой корабль.

Это объяснение удовлетворило тех, которые его слышали, хотя в нем была только половина правды. Надо объяснить все. Уотсон был нанят как второй морской офицер на шхуну Дагге прежде, чем он увидел Росвея Гарднера, и получил поручение наблюдать за снаряжением шхуны в Ойстер-Понде, как мы уже сказали. Однако было так естественно, что человек принял предложенное ему повышение, что даже сам Гарднер был менее прежнего расположен порицать Уотсона. Но разговор продолжался.

— Вы нам ничего не говорили о снаряжении этой шхуны, — сказал Росвель Гарднер, — когда вы были в Ойстер-Понде.

— Я был занят делами моего бедного дяди, капитан Гарднер. Смерть — общее наше назначение, но она нам кажется гораздо печальнее, если поражает наших друзей.

Несмотря на естественный тон капитана Дагге, Росвель Гарднер был не без подозрений. Это снаряжение другого корабля заставило его задуматься, и он готов был верить тому, что Дагге кое-что знал о цели экспедиции.

Сначала Гарднер не слишком верил сведениям, сообщенным старым моряком, приписывая большую часть его рассказов матросской привычке к преувеличениям и желанию придать себе важность. Но теперь, видя, что один из членов семейства этого матроса снарядился для подобного же предприятия, он изменил свое мнение о побудительной причине этого предприятия.

В продолжение нескольких часов обе шхуны шли вместе и с равною скоростью. Ничего необыкновенного не было в том, что два корабля, выстроенные для одного рода предприятий, имели большое сходство; но очень редко можно видеть два корабля почти что с одинаковым ходом. Если и было какое различие, то в пользу «Морского Льва» из Виньярда, который после полудня обогнал своего противника.

К вечеру ветер стих, и Росвель Гарднер, обменявшись обыкновенными между моряками приветствиями, велел спустить в море шлюпку и отправился посетить капитана другой шхуны.

Капитан Дагге принял своего гостя с замечательной утонченностью. Подали грог, и оба выпили по стакану. Оба капитана пили за свой взаимный успех и обменялись замечаниями по поводу морских львов и слонов и о способе ловить этих животных. Гарднер даже дружески пожал руку Уотсона, хотя последний и был почти беглецом.

Океан имеет много сходства с вечностью и часто

располагает моряков смотреть на товарищей с братскими чувствами, соответствующими их обоюдному положению.

Росвель Гарднер имел сердце по существу доброе и был расположен думать о других благосклонно. Поэтому его прощание с Уотсоном было столь же дружественно и столь же искренно, как и с самим капитаном Дагге.

Г л а в а I X

*Теки, океан, к лазури темной и
глубокой, теки! Десятки тысяч ко-
раблей бесследно бороздят твои вол-
ны; человек отмечает землю следами
развалин; его могущество останавли-
вается на твоём берегу.*

Б а й р о н

В этот вечер солнце зашло за облака, хотя на востоке горизонт был относительно ясный.

Росвель, вышедший на другой день утром на палубу, нашёл погоду совершенно изменившейся. Буря, так долго приготавливавшаяся, наконец, наступала, и ветер был теперь юго-восточный.

Газар маневрировал согласно ветру. «Морской Лев» из Виньярда подражал каждому движению своего противника и плыл под теми же парусами. В это время расстояние между кораблями было ещё меньше, и только ойстер-пондский находился немного под ветром. Однако шхуна имела некоторый перевес в ходу, когда ветер был свеж, а море зыбко.

Ветер постепенно увеличивался и заставил уменьшить паруса шхун. Хотя ход кораблей замедлился, моряки думали, что будет гораздо лучше уменьшить несколько узлов, нежели остановиться, а в результате шли, скорее придерживаясь ветра, нежели при другом маневре.

Раз или два корабли были готовы разлучиться; расстояние между ними делалось таким значительным, что для них казалось невозможным идти вместе; потом вследствие искусного маневра обе шхуны переменили место и

ближе подходили одна к другой. В это время никто не мог определенно сказать, как происходили эти перемены, хотя большая часть находившихся на палубе понимали их причины. Но Росвель Гарднер скоро убедился в том, что капитан Дагге соединился с ним по расчету, потому что всякий раз, как этот последний находился довольно далеко от «Морского Льва» из Ойстер-Понда, то всегда старался подойти к нему тотчас же, как только это было возможно.

Росвель Гарднер вечером третьего дня, с которого начался ветер, полагал, что он находится в тридцати двух-трех морских милях от берега.

— Я хотел бы знать мнение самого Дагге, — сказал молодой капитан тогда, как день кончался и начинался бурный вечер. — Мне не нравится погода, а потому я не хотел бы оставаться в открытом море, но я не подойду к берегу и не укроюсь от опасности, если другая шхуна не сделает того же.

Здесь Росвель Гарднер выказал слабость, основание наших ошибок. Он не хотел быть побежденным своим противником даже в безрассудности. А погода была столь бурная, что ветер рвал паруса и надо было по возможности убавить их. Когда наступил день и туман исчез, показалась земля. Посоветовавшись с своими морскими картами и взглянув на берег, Росвель Гарднер уверился, что он был под ветром острова Курритук, и таким образом находился около шести градусов на юго-востоке от порта, из которого он вышел, и почти около четырех к западу.

Тогда наш молодой человек понял, какую сделал ошибку, позволяя овладеть собой глупой страсти соперничества, и жалел, что прошедшим вечером не пошел по другой дороге. Теперь он не знал, на что ему решиться.

Около десяти часов ветер, постоянно дуя с востока немного к северу, еще усилился. Утром офицеры, находившиеся на палубе обоих кораблей, воспользовавшись несколькими минутами тишины, довольно хорошо видели землю и могли дать себе ясный отчет в своем взаимном положении. Всякая мысль о соперничестве исчезла. Каждый корабль маневрировал с единственным желанием

своего спасения. Большие паруса были ослаблены, и экипажи обоих кораблей, напрягая все силы, боролись с ветром и приливом.

— Большая мачта гнется, как китовый ус, — сказал Газар, когда испытали этот новый маневр в течение десяти минут. — Она прыгает как лягушка, которая спешит броситься в лужу.

— Надо, чтобы шхуна выдержала эту борьбу или стала на мель, — хладнокровно отвечал Гарднер, хотя сам очень беспокоился. — Даже если бы Пратт простил мне гибель своей шхуны, то я никогда не прощу этого самому себе.

— Если шхуна погибнет, капитан Гарднер, то останется очень мало людей из экипажа, чтобы чувствовать угрызения совести или радость. Посмотрите на этот берег, сударь, теперь, когда он представляется нашим взглядам и можно различить его наибольшее протяжение. Я никогда не видал земли, на которой было бы легче погибнуть.

Весь берег был низок, и виднелась непрерывная линия подводных камней, высовывавшихся светлыми остриями, что не оставляло никакого сомнения в опасности, которой они угрожали. Были минуты, когда целые столбы воды поднимались в воздух, а пена с них падала на землю. В это время лица моряков сделались угрюмыми, потому что они хорошо поняли степень угрожавшей им опасности.

Тайная надежда Гарднера была найти проход, ведущий в Курритук, проход, который был тогда открыт и который после был занесен песком.

Гарднер знал, что плыл по опаснейшей части берегов Америки. Большие проливы, распространяющиеся между берегами, образованными песком, делали плавание столь же трудным, как отмели, находящиеся на севере. Однако он счел за лучшее плыть по одному из этих проливов, чем попасть на подводные камни, которые выдавались наружу. Виньярдский экипаж оказывался в лучшем положении, потому что шел по ветру и отстоял на длину кабельтова от камней, а потому и дальше от опасности. Это преимущество не было слишком важно в

том случае, если бы ветер продолжал дуть с одинаковой силой, потому что спасение для обеих кораблей было бы невозможно. В самом деле, положение их было так опасно, что им невозможно было уступить и одной сажени пространства, ими занимаемого. Скоро глаза всех устремились на проход; но решились держаться вдалеке от «Морского Льва» из Ойстер-Понда, если этот проход был под ветром.

Теперь очень хорошо была видна линия подводных камней, и с каждой минутой она приближалась все более и более. Старались найти место для якоря, к помощи которого всегда прибегают моряки, прежде чем сядут на мель, хотя на это и не очень надеялись.

В таком положении были дела, когда шхуна глубоко нырнула в волны и встретила снизу какое-то сопротивление, которое ее оттолкнуло, как будто она ударилась об утес.

Большая мачта была крепка, но не могла быть довольно толстой; один или два дюйма в диаметре могли бы спасти ее, но Пратт купил такую из экономии, несмотря на все сделанные ему представления. Дерево переломилось на два куска и упало в нескольких футах от палубы, под ветром, увлекая верхнюю часть передней мачты и оставляя таким образом «Морского Льва» из Ойстер-Понда в положении гораздо худшем, нежели бы он был совершенно без мачт.

Дело заключалось в том, что надо было бросить якорь. К счастью, Гарднер в этом отношении все предвидел. Если бы не вняли этой предосторожности, то наверное через десять минут шхуна была бы брошена на подводные камни, и для экипажа не было бы никакого спасения. Разам бросили два небольших якоря и вытравили канаты во всю их длину; корабль поднялся и тотчас же обратился к морю.

Росвель смотрел, как плавала на волнах вся масса дерева и снастей с удовольствием, которого не старался скрывать. Он ощутил истинную радость, когда увидел, что шхуна плывет под ветром. Также бросили лот, чтобы узнать, держали ли якоря. Этот несомненный опыт пока-

зал, что шхуна каждые две минуты подавалась вперед на длину своего корпуса. Единственная оставшаяся надежда была та, что лапы якоря вонзятся в лучшую почву, нежели в ту, какую до того встречали. По вычислениям Росвеля Гарднера, шхуна самое большое через час должна быть брошена на подводные камни. «Морской Лев» из Гольм-Голя, когда это случилось с его товарищем, был под ветром и около полумили на юг. Даже в эту самую минуту подводные камни, так сказать, шли навстречу шхуне и вынуждали ее поворотить. Этот маневр был возможен при поворачивании корабля на юг, и он направился не без больших усилий к своему товарищу.

Росвель Гарднер стоял на корме своего корабля, следя с беспокойством за дрейфом другой шхуны, по мере того как она приближалась, борясь с волнами почти столь же белыми, как подводные камни, неизбежно угрожавшие кораблям. Корабль, стоявший на якорю, хотя и подвигался, но так медленно, что его собственный ход еще яснее обнаруживал скорое и постоянное приближение «Морского Льва» из Виньярда к опасности, в которой не было никакого сомнения. Сначала Гарднер думал, что Дагге столкнется с носом его корабля, и трепетал за свои канаты, которые по временам показывались поверх воды, как железные прутья, на протяжении тридцати или сорока сажен, но шхуна виньярдцев бежала с такой скоростью под ветром, что не могла принести этой новой опасности своему товарищу.

Когда менее кабельтова оставалось между двумя кораблями, оба капитана с минуту поговорили, в то время как шхуны были на ближайшем расстоянии.

— Ваши якоря держат? — спросил Дагге, начавший первый говорить, как будто он думал, что его судьба зависела от ответа на его вопрос.

— К сожалению, должен сказать, что нет. Каждые две минуты мы подвигаемся на всю длину корабля. Это отдалит критическую минуту на час или на два. Взгляните, какая за нами борозда.

В самом деле, берег имел что-то ужасающее. Лишь только нос «Морского Льва» из Виньярда очутился подле

кормы «Морского Льва» из Ойстер-Понда, Гарднер приметил, что виньярдская шхуна, идя под ветром со скоростью всегда ровной, описывала косвенную линию.

— Бог да благословит вас... Бог да благословит вас! — вскричал Росвель Гарднер, делая ему рукой знак прощания в полной уверенности, что капитан виньярдцев и он более не встретятся на этом свете. — Пережившие уведомят об участии жертв. Когда наступит кризис, прикажу, если будет можно, спустить шлюпки.

Дагге не отвечал. Всякий ответ был бесполезен, потому что никакой человеческий голос не мог господствовать над столь сильным ветром и быть услышанным на расстоянии, сделавшемся довольно значительным.

— Эта шхуна разобьется о камни через полчаса, — сказал Газар, находившийся подле молодого Гарднера. — Отчего он не бросает якоря? Только одно Божественное Провидение может спасти его.

— И Божественное Провидение его спасет! — вскричал Росвель Гарднер. — Видели ли вы это, господин Газар?

Это замечание нашего молодого капитана в самом деле было очень важно. Ветер уменьшился так внезапно, что лоскуты парусов, бывшие на другой шхуне, повисли во всю длину мачт. Сначала наши моряки думали, что морские волны, все время подымавшие корабль, теперь несколько стихли, но происшедшая перемена была для них слишком очевидна и не оставляла никакого сомнения. Ветер с минуту опять дул еще с прежней яростью, но потом снова стих. Гарднер бросился к лоту, чтобы получить понятие об этом действии относительно собственного корабля. Шхуна более не тащила своего якоря.

— Бог помогает нам, — вскричал молодой капитан, — да будет всегда благословенно Его святое имя!

— И имя Его Сына! — отвечал чей-то голос.

Несмотря на сильное душевное волнение, Росвель Гарднер обернулся, чтобы видеть, откуда были эти слова. Самый старый из матросов, находившихся на палубе, Стимсон, произнес эти слова. Благоговение, с которым они были произнесены, произвело на молодого человека

более действия, нежели самые слова. В самом деле, в этом благоговении было что-то более необыкновенное для матроса, нежели слова, им произнесенные. Гораздо позже Гарднер не забыл этого случая, который не остался без последствий.

— Я думаю, сударь, — вскричал Газар, — что ветер переменился! Часто случается даже подле наших берегов, что юго-восточный ветер вдруг переменяется на северо-восточный. Я надеюсь, что это не будет слишком поздно для спасения виньярдской шхуны, хотя она бежит к подводным камням с ужасной скоростью.

— Посмотрите на ее фоковый парус... Опять тишина, — сказал Гарднер. — Говорю вам, Газар, что ветер переменится, а это только и может спасти нас от подводных камней.

— Эта перемена случится только только по милосердию Всемогущего Бога и Его Сына, — прибавил Стимсон с жаром, хотя говорил очень тихо.

Росвель ощутил то же удивление, которое уже почувствовал, и на несколько минут забыл бурю. Ветер стих, хотя колебание волн еще угрожало другой шхуне, увлекающая ее к подводным камням, хотя и с меньшей скоростью.

— Почему она не бросает якорь? — вскричал Гарднер, беспокоясь за другой корабль, потому что он не боялся за свой. — Если он не бросит якорь, то сядет на мель или разобьется о подводные камни.

— Он, кажется, об этом не думает, — отвечал засмеявшийся Газар. — Посмотрите, у него снимают марсель, и вы можете заметить, что поднимают большой парус.

В самом деле, казалось, что Дагге был не более расположен воспользоваться своими парусами, нежели канатами. Через несколько минут он поднял все паруса и старался отплыть от земли. Потом ветер совершенно перестал, и на пространстве полумили Гарднер и его товарищи услышали шум бившихся о мачты парусов. Потом паруса надулись с другой стороны, и ветер подул с земли. Нос шхуны тотчас же оборотился к морю, и лот, висевший на его стороне, показал, что он следовал по настоящему направлению. Эта внезапная перемена пого-

ды, иногда пагубная, иногда спасительная, всегда ведет за собой столкновение двух противоположных течений воздуха.

— Теперь, — сказал Газар, — будет наверное северо-западный ветер.

Через десять минут подул довольно сильный ветер по направлению, почти совершенно противоположному тому, по которому он дул до сих пор. «Морской Лев» из Виньярда удалился от земли, рассекая волны океана, тогда как «Морской Лев» из Ойстер-Понда старался попасть под ветер и, казалось, находился между двумя противоположными силами.

Гарднер думал, что другая шхуна уйдет, но вместе того капитан Дагге подошел к лишившемуся мачты кораблю и бросил якорь. Этот знак истинного братства был слишком ясен и не нуждался в объяснениях. В самом деле, виньярдцы имели намерение остаться подле своего товарища до тех пор, пока он будет в опасности. Северо-западный ветер не позволил никакого сношения между экипажами до следующего утра. Сила ветра была не велика, и волны, почти что сгладившиеся, едва виднелись у берегов.

На подводных камнях заметна была только белая пена, но она уже более не пугала. Поправили мачты поврежденного корабля и с помощью шлюпок отыскивали все паруса и большее число снастей.

Г л а в а   X

*Облако исчезнет с твоего чела,
грусти не будет в твоём голосе; но
там, где твоя улыбка для него, наши
сердца напрасно будут ее искать.*

М и с с и с   Г и м е н с

На другой день утром, лишь только можно было спустить шлюпки в море, капитан Дагге подошел к «Морскому Льву» из Ойстер-Понда. Его приняли самым дружеским образом, а его услуги столь же свободно, как

в других обстоятельствах, могли быть ему самому предложены.

В этом была характерная смесь христианского чувства и человеческого расчета. Если христианские обязанности, требуемые религией, нередко пренебрегаются пуританскими выходцами, то можно сказать с такой же справедливостью, что они никогда не теряют из вида своей частной выгоды. Дагге имел две побудительные причины предложить свои услуги Гарднеру: он хотел в одно время исполнить нравственные обязанности и остаться подле «Морского Льва» из Ойстер-Понда. Он опасался того, что этот корабль один найдет тот остров, о котором и сам Дагге имел несколько любопытных сведений, недостаточных, однако, для полной уверенности в том, что он его отыщет.

Шлюпки Дагге помогли спасти паруса и снасти. Потом его люди работали, чтобы привести в надлежащее состояние часть мачт, и в полдень оба корабля находились далеко от берега на юго-востоке.

В эту ночь они прошли мыс Гаттерас. В следующую ночь они обогнули мыс Лук-Оут, прекрасную точку поворота для кораблей, идущих на север, и пришли в Порт-Бофор на другой день утром при восходе солнца. В это время стих северо-западный ветер, и обе шхуны, при небольшом южном ветре, вошли в этот порт, в котором было именно столько воды, чтоб им обоим поместиться.

Это было единственное место по всему берегу, где они могли остановиться, и, может быть, также единственный порт, где Росвель Гарднер мог получить материалы, в которых нуждалась его шхуна.

Бофор довольно замечательный порт, которому недостает немного более глубины, что заставило шхуны подождать до начала прилива. Это обстоятельство и дало Росвелю время отправиться на борт другого корабля и отблагодарить Дагге и его добрых офицеров.

— Наверное, капитан Дагге, вы не думаете войти в этот порт, — сказал наш герой. — По моей милости вы и так долго простояли. Если я найду мачты, о которых

мне говорил лощман, то через двое суток буду в море, и мы встретимся через несколько месяцев подле мыса Горн.

— Гарднер, я вам вот что скажу, — отвечал виньярдец, предлагая ром своему сотоварищу, — я человек простой и никогда не стараюсь делать шума, но люблю справедливость. Мы оба избежали большую опасность и спаслись от кораблекрушения. Если вместе проходишь подобные испытания, то не знаю, но мне кажется ужасным оставить вас здесь до случая увидеть вас с столькими же руками и ногами, как и я сам. Вот мое мнение, Гарднер, и я не берусь сказать утвердительно, что оно лучшее. Выбирайте.

— Это доброе мнение, капитан Дагге, сердце мое говорит мне, что вы правы, и благодарю вас за этот знак дружбы. Но вы не должны забывать, что в этом мире есть владельцы судов. Я должен буду отдать отчет в своих действиях моему, конечно, и вам тоже необходимо отдать отчет вашим. Теперь прекрасный попутный ветер, который гонит вас в открытое море, и, пройдя к югу от Бермудских островов, вы можете сократить вашу дорогу.

— Я пришел сюда, Гарднер, чтобы быть в обществе, и мы были не совсем свободны в выборе, в чем вы признаетесь, потому что мы не могли миновать отмели того берега. Я не считал бы наше положение очень дурным, если бы вы не лишились мачты. Это будет стоить двести или триста долларов и заставит вашего хозяина поворчать, но от этого человек не умирает. Я остаюсь с вами, и вы можете объяснить это Пратту в письме, которое вы напишете ему, когда мы выйдем.

— Ну, я очень благодарен вам за вашу доброту и постараюсь припомнить ее и, когда представится случай, отблагодарить.

Росвель Гарднер думал, что никогда еще не встречал столь великодушного экипажа, как экипаж «Морского Льва» из Гольм-Голя.

Китоловные суда и охотники за тюленями ничего не платят своим экипажам деньгами, как другие корабли. Успех экспедиции столь зависит от этих экипажей, что обыкновенно стараются непосредственно заинтересовать

их. Вследствие этого все люди, находящиеся на палубе, нанимаются за известную часть, которую они получают в будущем грузе: владелец судна получает плату таким же образом, то есть за корабль и оснащение обыкновенно полагается две трети прибыли, а офицеры и экипаж получают остальное. Эти условия изменяются, смотря по увеличению цены на продукты от китовой ловли или охоты за тюленями, а также от увеличения издержек на оснащение судна. Из этого следует то, что капитан Дагге и его экипаж, теряя время подле поврежденного корабля, теряли свою собственную прибыль.

Как бы то ни было, Гарднер с помощью виньярдского экипажа немедленно сделал необходимый для его судна ремонт, и после полудня второго дня он уже мог поднять паруса, и шхуна его находилась в лучшем состоянии, нежели когда он оставил Ойстер-Понд.

Электрических телеграфов в это время не существовало. Если бы Морзе сделал это великое открытие ранее тридцатью годами, то Росвель Гарднер мог бы снести с своим хозяином и получить от него ответ прежде, нежели бы поднял паруса, несмотря ни на какое расстояние, их разделявшее. Теперь же он принужден был ограничиться только написанием письма, которое через неделю Мария отдала своему дяде по возвращении его из небольшого путешествия.

— Вот вам письмо, дядюшка, — сказала Мария, стараясь преодолеть свое смущение, хотя краснела от мысли при интересе, который это письмо могло иметь для нее, — оно пришло из порта, Бетинг Джой принес его перед вашим приездом.

— Письмо с почтовым клеймом: Бофор. От кого может быть это письмо? Пятьдесят центов за провоз!

— Это служит доказательством, дядюшка, что Бофор очень далеко, а письмо страховое. Я думаю, что оно от Росвеля.

Если бы племянница выстрелила из пушки над ухом своего дяди, то он не смутился бы более. Он побледнел и вместо того, чтобы сорвать печать, к чему уже был готов, колебался, боясь развернуть письмо.

— Что это значит? — закричал Пратт, останавливаясь, чтобы вздохнуть. — Почерк Гарднера. Да, это правда. Если этот неблагоразумный молодой человек разбил мою шхуну, то я никогда не прощу ему на этом свете, хотя и буду принужден это сделать на том.

— Дядюшка, нет надобности понимать все с дурной стороны. На море часто посылают письма со встречающими кораблями, и я уверена, что Росвель так и сделал.

— Только не он, не он, беспечный молодой человек! Он разбил мою шхуну, и все мое богатство в руках грабителей, живущих кораблекрушениями, и которые вреднее крыс, живущих в лабазах. Бофор. Н. С. Да, там находится один из Багамских островов, а Н. С. означает остров Нового Провидения. Ах, Боже мой! Боже мой!

— Но Н. С. не может означать остров Нового Провидения, в таком случае было бы Н. П., дядюшка.

— Н. С. или Н. П. так похожи по звуку, что я и не знаю, что и подумать об этом. Возьми письмо и читай. Как оно велико. В нем должен быть какой-нибудь протест или какая-нибудь записка.

Мария взяла письмо и дрожащими руками развернула его. Она скоро увидела, что письмо написано к ней.

— Что в нем, Мария? Что в нем, дитя мое? Не опасайся сказать мне, — прибавил Пратт тихим и ослабевшим голосом. — Я надеюсь, что сумею снести несчастье с мужеством христианина. Нет ли в письме одной из тех штемпелеванных бумаг пагубного предзнаменования, которые употребляют нотариусы, если требуют деньги?

Мария покраснела и в это время показалась прекрасной.

— Это письмо ко мне, я уверяю вас, дядюшка, и ничего более; также есть и к вам, и оно в моем.

— Ну, ну, к счастью, что тут нет ничего худшего. Что же, откуда было писано это письмо? Обозначены ли широта и долгота?

Краска Марии исчезла, и она вся побледнела, когда пробежала первые строки письма, потом она вооружилась всей своей решительностью и начала рассказывать своему дяде содержание письма.

— Несчастье случилось с бедным Росвелем, — сказала она дрожащим голосом в сильном смущении, — хотя это несчастье не было и наполовину ужасным, каким могло быть. Письмо писано в Бофоре, в Северной Каролине, где остановилась шхуна, чтобы запастись новыми мачтами, утраченными при мысе Гаттерас.

— Гаттерас! — со стоном прервал Пратт. — Что там делает мой корабль?

— По правде, я этого не знаю, но я лучше прочту вам содержание письма Росвеля, и вы узнаете подробности.

В самом деле, Мария прочла письмо своему дяде. Гарднер ничего не скрыл и откровенно признался в ошибке, им сделанной. Он подробно говорил о «Морском Льве» из Гольм-Голя и выражал свое мнение, что капитан Дагге знал о существовании островов морских тюленей, не зная, впрочем, их широты и долготы. Что же касается берега, где было скрыто сокровище, то об этом Росвель умалчивал, потому что ему казалось, что Дагге ничего не знал об этой части экспедиции. Наконец, Гарднер выражал глубокую благодарность за добровольную услугу, которую оказали ему Дагге и его экипаж.

— Добровольная услуга! — вскричал Пратт с глухим ворчанием. — Как будто подобный человек может работать даром!

— Росвель, дядюшка, пишет нам, что капитан Дагге вел себя таким образом и что он согласился ничего не требовать за то, что он пришел с ним в Бофор, и за то, что сделал в бытность свою там. Я, во имя христианской любви к ближнему, хочу надеяться, что корабли подобным образом оказывают друг другу взаимную помощь.

— Но не без платы за спасение груза — при кораблекрушении, не без платы за спасение груза! Любовь к ближнему дело прекрасное, и наша обязанность — оказывать ее во всех случаях, но плата за спасение груза при кораблекрушении имеет свою часть в любви к ближнему. Я боюсь, что эта шхуна разорит меня, и в моей старости я буду принужден питаться городской милостыней.

— Этого не может быть, дядюшка, потому что вы ничего не должны за свой корабль, и все ваши фермы,

все ваши другие собственности никому не должны, и я не понимаю, каким образом шхуна может разорить вас.

— Да, я погиб,— сказал Пратт, ударяя ногой по полу в состоянии нервного раздражения, — погиб столько же, сколько покойный отец Росвеля Гарднера, который мог быть самым богатым человеком между Ойстер-Пондом и Райвер-Хедом, если бы он не был одержим духом спекуляции! Мне помнится, что я видел его более богатым, нежели я, а он умер почти в нищете. Да, да, я это вижу, эта шхуна разорит меня!

— Но Росвель прислал счет всему им издержанному и сделал на вас перевод уплаты. Весь итог равняется ста шестидесяти шести долларам и десяти центам.

— Но это не плата за спасение груза при кораблекрушении. Дальше будет требование платы за спасение груза судовладельцам и экипажу «Морского Льва» из Гольм-Голя. Я это знаю, дитя мое, знаю, что это будет. Гарднер разорил меня, и я сойду в могилу нищим, как умер его отец!

— Если бы это и было так, дядюшка, так я одна страдала бы вместе в вами и употребила бы все мои усилия, чтобы не предаться горести. Но вот еще бумага, которую Росвель, без сомнения, по ошибке вложил в мое письмо. Посмотрите, дядюшка: это свидетельство, подписанное капитаном Дагге и его экипажем и удостоверяющее, что они, по чувству доброго расположения, пришли в Бофор и не требуют никакой платы за спасение груза при кораблекрушении. Вот бумага, дядюшка, вы можете прочесть ее сами.

Пратт не читал бумагу, а пожирал ее. Это свидетельство так его успокоило, что он не только сам с большим вниманием прочел письмо Гарднера, но даже простил ему издержки, которые причинили ему поправки, требуемые аварией корабля.

Слезы, пролитые Марией над письмом Росвеля, были в одно и то же время и горьки, и сладки, потому что решение ее нисколько не переменялось, и хотя она любила Росвеля, но решила никогда не быть женой того, чей Бог не будет ее Богом.

Однако это письмо, которого она вовсе не ожидала, доставило ей глубокое утешение. Росвель писал, как и всегда, просто, естественно, он ничего не скрывал и оставался таким, каков был.

Газеты уведомили о прибытии в Бофор двух «Морских Львов» — близнецов, для исправления там своих повреждений. Мария вырезала эту статью из газеты и вложила в письмо, которое она получила от Росвеля. В следующем году не было ни одного дня, в который бы она не читала и не перечитывала письма и статьи...

Между тем оба «Морские Льва» подняли паруса. Гарднер и Дагге не совсем соглашались в направлении, которое должно было принять.

Гарднер советовал идти на юг к Бермудским островам, а Дагге думал, что должно отправиться к востоку и северу от этих островов. Гарднер нетерпеливо желал загладить свою ошибку и сократить дорогу; Дагге рассуждал гораздо хладнокровнее и принимал в расчет ветер и главную цель путешествия.

Г л а в а X I

Лоснящаяся кожа, развевающаяся грива, дрожащие члены и пышущие ноздри и крепкие жилы рысака старались преодолеть подъем на противоположный берег.

Б а й р о н. «Мазепа»

Росвель Гарднер почувствовал, что он дышал гораздо свободнее, когда потерял из виду Сьюмерскую группу. Теперь он совершенно оставлял Америку и надеялся не видеть ее, пока не встретит хорошо известного утеса, показывающего дорогу к самому лучшему порту на свете, порту Рио-де-Жанейро.

С нашими обоими «Морскими Львами» до пересечения ими экватора не случилось никакого события, которое бы заслуживало быть описанным. На шестнадцатый день после отплытия из Монтаука они встретили

китолова, оставившего Рио на прошедшей неделе, он там был для продажи сала. Гарднер послал с этим кораблем письма, а так как он теперь уже мог сказать Пратту, что будет в Рио даже прежде назначенного срока, то надеялся этим успокоить старика.

В то время, как обе шхуны шли на расстоянии кабельтова, Газар заметил внезапное и необыкновенное волнение на палубе «Морского Льва» из Виньярда.

— Смерч! — закричал Газар Стимсону, когда этот неожиданный случай нарушил спокойствие переезда. — Кто-нибудь упал с другой шхуны, или экипаж заметил смерч.

— Смерч! Смерч! — вскричал в ответ Стимсон. — А сверх того и кит.

Это было так. Находившиеся в каютах выбежали на палубу, а бывшие на мачтах спустились с них с быстротою молнии. Капитан Гарднер выскочил из своей каюты одним прыжком и в одну минуту был в китоловной шлюпке.

Хотя ни одна из шхун не была совершенно оснащена, как китоловное судно, однако обе были снабжены пиками и гарпунами.

Четыре шлюпки, по две с каждой шхуны, находились одновременно на воде. Дагге стоял на руле одной, а Росвель на руле другой.

Скоро шлюпки обоих капитанов подошли так близко, что можно было говорить. На всех лицах можно было заметить выражение страшного соперничества. Это была борьба на смерть: ни на одном лице не было видно ни малейшей улыбки. Лица всех были сосредоточенны, решительны; каждая рука делала усилие, на которое только была способна. Матросы гребли превосходно, привыкнув к употреблению в море своих длинных весел, и через десять минут уже находились в миле от обеих шхун.

— Как это устроить, Гарднер? — кричал капитан виньярдцев. — Будем ли работать сообща, или каждая шхуна займется для себя?

Это было сказано дружеским тоном, но с большой хитростью.

К счастью для Гарднера, благоразумная мысль явилась в его уме в то время, как он хотел говорить, и заставила его обдумать свой ответ.

— Я думаю, — отвечал Росвель Гарднер, — что будет лучше, если каждый корабль станет работать для своих хозяев.

Вода вздымалась вокруг них, и только одни шхуны, шедшие против пассатного ветра, представлялись их бдительному и беспокойному взгляду. Двадцать раз им представлялось, что они видят черноватую спину или голову предмета, которого они искали, но то была волна, скоро исчезающая в океане.

Наконец Гарднер заметил то, что его опытный глаз хорошо знал: это был хвост или скорее оконечность хвоста огромного кита, находившегося от него не более как на четверть мили и по месту, занимаемому этим животным, на равном расстоянии от Дагге.

Казалось, что оба заметили своего неприятеля в одно время, потому что обе шлюпки устремились, как будто они сами были одушевлены: щука или акула не могли бы броситься на свою добычу с большей скоростью, как эти две шлюпки. Скоро увидали все стадо, плывшее против ветра: огромный кит с полдюжиной молодых китов, столпившихся подле их матери или игравших между собой. Скоро мать беспечно подплыла к ним и дала сосать одному, причем и другие последовали этому примеру, а кит, сопровождавший это стадо, перестал плыть по ветру и со снисходительностью старой кормилицы стал кружиться около них. В эту любопытную минуту шлюпки вдруг вплыли в середину этого стада.

Если бы в наших смельчаках было менее желания соперничества, так они были бы осторожнее. На кита, который должен защищать своих маленьких, так же опасно нападать, как и на других животных. Но здесь никто не думал об опасности, которой подвергался; и только виньярдская шхуна спорила со шхуной из Ойстера-Понда, один «Морской Лев» с другим.

Росвель бросился в середину стада и направил свою шлюпку к боку кита, который мог дать, по крайней мере,

сто бочонков жира. Лишь только это огромное животное почувствовало гарпун, брошенный в заднюю его оконечность, у хвоста, то бросилось в глубь океана с такой быстротой, что с поверхности волн поднялся как будто дым.

В случае, о котором говорится, кит, на которого напал Гарднер, опустившись на глубину трех или четырех сот сажен, выплыл на поверхность, вздохнул и тихо возвратился к стаду. Как скоро гарпун был брошен, то в расположении экипажа оказалась перемена. Лишь только кормщик или гарпунщик бросил свое железо, как китоловы называют гарпун, то поменялся местом с Росвелем, который оставил руль и схватил пику — оружие, которое употребляют для довершения победы. Экипаж вложил рукоятки своих весел в петли, оставляя весла на воздухе, так что они находились совершенно вне воды.

Видеть, что животное возвращается к тому месту, где его ранили, было делом столь необыкновенным, что Росвел не мог дать себе отчета в действиях кита. Сначала он предполагал, что животное хочет сражаться с ним и напасть на него своими страшными челюстями, но оказалось, что это движение происходило или от каприза, или от страха, потому что, подойдя на сто метров к шлюпке, кит повернул и поплыл по ветру, рассекая волны своим ужасным хвостом.

Кит при погоне не уходил еще с той скоростью, к которой был способен, хотя эта скорость превосходила шесть узлов.

Иногда она уменьшалась и во многих случаях доходила только до половины той, которую мы указали. Во время одного из таких отдыхов шлюпка подходила все ближе и ближе к киту и, наконец, находилась в пятидесяти футах от его ужасного хвоста. Дожидались только благоприятного случая, чтобы бросить копье.

Стимсон, самый лучший и старый моряк на шхуне, тот, который дал своему капитану совет о должном почтении Божеству, исполнял должность кормчего, исполнив перед тем должность гарпунщика; теперь к нему-то Гарднер, преследуя кита в течение двух часов, обращал свои замечания.

— Этот гуляка, — сказал капитан, говоря о морском чудовище, — без сомнения, еще долго протащит нас, — И он покачивал копьём в руке, стоя в шлюпке, — я нанес бы ему удар, если бы не опасался его хвоста.

В эту минуту кит перестал плыть и, поднимая свой огромный хвост, ударил пять или шесть раз по поверхности воды и произвел шум, который был слышен за полумиллю, не говоря уже о пене, наполнившей все вокруг.

Лишь только его хвост показался в воздухе, то отпустили канат, державший гарпун, что увеличивало пространство между шлюпкой и китом до ста футов. Ничто не могло лучше выказать неустрашимого характера китоловов, как зрелище, представляемое в эту минуту Росвелем Гарднером и его товарищами. Среди океана, в нескольких милях от своего корабля и не имея в виду никакого другого судна, они терпеливо сидели, ожидая минуты, в которую морской исполин уменьшит свой ход, чтобы подойти к нему и захватить свою добычу.

Кит все еще ударял своим ужасным хвостом, как крик, который поднялся среди людей, составлявших его экипаж, поразил слух Росвеля, который, оборотившись, увидел Дагге, занятого преследованием небольшого кита, плывшего с большой скоростью, таща за собой шлюпку Дагге.

Сначала Росвель думал, что он будет принужден отказаться от своего кита, потому что другое животное плыло прямо к его собственной лодке. Но, вероятно, испуганное большими ударами, которыми самый большой кит продолжал волновать океан, животное, которое было очень невелико, отскочило вовремя, чтобы избежать угрожавшего столкновения, хотя сначала оно сделало обширный круг в том месте, где находился страшный великан его породы. Эта новая эволюция была другой причиной страха. Если бы небольшой кит продолжал делать большие круги, то надо было опасаться того, что шнур Дагге затронет лодку Гарднера и произведет толчок, который мог быть пагубным для всего экипажа. Для отвращения опасности Росвель приказал людям своей шлюпки держать их ножи наготове.

В эту минуту кит перестал плыть, и поднимая свой огромный хвост, ударил пять или шесть раз по поверхности воды...

Еще не знали, какой будет результат для обеих лодок от этого кругообразного движения, потому что, прежде чем они могли сблизиться, бечевка Дагге попала в рот кита Гарднера и, нажимая на углы его челюстей, заставляла чудовище сделать движение с такой силой, что он вырвал гарпун из тела маленького кита. Бег сделался так быстр, что Росвель был принужден вытравить канат, к которому был прикреплен его гарпун, и его кит опустился в неизмеримую глубину. Однако Дагге решил возможно дольше не резать своего каната.

Через пять минут большой кит выплыл на поверхность океана, чтобы вздохнуть.

Так как обе шлюпки вытравили много каната, пока кит плыл, то находились теперь в четверти мили от животного и плыли в пятидесяти футах одна за другой. Если дух соперничества уже был на палубах обоих экипажей, то теперь он дошел до того, что мог окончиться насилием.

— Вы, без сомнения, знаете, капитан Дагге, что этот кит мой, — сказал Гарднер. — Я его гарпунил и преследовал, дожидаясь только благоприятного случая для нападения на него копьём, но тут ваш кит бросился между мной и этим животным, и вы загарпунили моего кита непонятным образом и, наверное, противно всем правилам китовой ловли.

— Я ничего не знаю. Я гарпунил кита, капитан Гарднер, и держу сам кита. Мне надо доказать прежде, чем я откажусь от этой твари, что я на нее не имею никакого права.

Гарднер очень хорошо знал, с каким человеком имел дело, а потому не стал терять времени в пустых препирательствах. Решившись при случае поддержать свое право, он приказал своим людям тащить к себе канат, потому что движение кита стало так тихо, что позволяло этот маневр. Экипаж Дагге сделал то же самое, и сильный дух соперничества овладел обоими экипажами, готовыми к борьбе из-за того, кто из них имеет право овладеть китом.

Лодка Гарднера находилась подле левой стороны жи-

вотного, в которую он вонзил свой гарпун, а Дагге с противной стороны, — его канат, выходящий из челюстей кита, влек его к этой стороне. Оба капитана стояли прямо на своих шлюпках, потрясая своим копьем и ожидая только минуты, чтобы стать поближе и поразить кита.

В это время люди экипажа нетерпеливо ударили в весла и поспешили напасть на кита. Может быть, из двух капитанов Дагге показал более хладнокровия, а Росвель был более горяч и смел. Шлюпка последнего толкнулась в бок кита в то время, как молодой капитан вонзил свое копьё сквозь жир в жизненные органы животного.

В ту же минуту Дагге вонзил свое копьё с удивительным навыком и нанес животному глубокую рану. После того раздался крик «назад!». Обе шлюпки побежали от опасности с наивозможной скоростью; море представляло взгляду только волны пены; животное лишь только было ранено и начало мучиться среди волн, и оба экипажа ощутили большую радость при виде красной крови, перемешивающейся с белыми волнами моря. Минут через десять оно перевернулось и умерло.

Г л а в а   X I I

Бог да хранит вас, сударь! Идете ли вы еще дальше или вы уже на месте? — Сударь, мне предстоит еще странствовать одну или две недели.

Шекспир

Гарднер и Дагге встретились лицом к лицу на остовах кита. Оба вонзили свои копья в живот животного и, опершись на древко этого оружия, смотрели друг на друга, как люди, решившиеся защищать свои права.

— Капитан Дагге, — с живостью сказал Росвель, — вы уже давно занимаетесь ловлей китов, а потому должны знать ее правила. Я первый гарпунил эту рыбу и не оставлял ее с тех пор, пока поразил и пока мое копьё не

убило ее. В таких обстоятельствах, сударь, я удивляюсь, что человек, знающий условия, освященные обычаем между китоловами, полагает, что он имеет право напасть на животное, как вы это сделали.

— Это в моем характере, Гарднер, — был ответ. — Я стеснил себя для вас, в то время как ваша шхуна была повреждена подле мыса Гаттерас, и никогда не оставляю того, что однажды предпринял; это я называю характером виньярдцев.

— Это пустые слова, — отвечал Росвель, бросая суровый взгляд на людей виньярдской шхуны, которые в это время улыбались, как будто они громко одобряли ответ своего капитана. — Вы знаете очень хорошо, что не законодательство Виньярда, но законодательство Америки — решать вопросы подобного рода. Если бы вы могли пожелать завладеть моим китом, чего я не думаю, то вы ответили бы при вашем возвращении за подобное действие, в котором тогда вас заставят раскаяться.

Дагге подумал и, вероятно, приходя понемногу в свое обычное хладнокровие, признал справедливость замечания Росвеля и неправоту своих требований; однако, казалось, что уступка для него была делом противоямериканским, и он упорствовал в своей ошибке с такой настойчивостью, как будто имел к этому какое-нибудь основание.

— Если вы гарпунили кита, то и я также гарпунил его. Я не слишком верю вашему закону. Если человек вонзает железо в кита, то кит обыкновенно принадлежит ему, когда он может его убить. Но есть закон еще выше всех законов китоловных судов, это закон Божественного Провидения. Провидение указало нам на это творение для того, чтобы дать нам над ним право, и я не верю, чтобы государственное законодательство не покровительствовало бы этому праву. А этот кит заставил меня потерять моего, и по этому случаю я требую вознаграждения.

— Вы потеряли вашего кита, потому что он обернулся вокруг моего и не только вырвал свой собственный гарпун, но даже почти принудил меня отказаться от моей

собственной ловли. Если кто-либо за подобный поступок имеет право на вознаграждение, то это я.

— Я думаю, что мое копьё убило «гуляку». Я нанес удар этому киту раньше, поэтому я предупредил вас и могу утверждать, что первый пустил кровь из этой твари. Но послушайте, Гарднер, вот моя рука. Мы до сих пор были друзьями, и я хочу, чтобы мы остались ими, а потому предлагаю вам с сей минуты согласиться все считать общим: китов и тюленей, а при возвращении все разделим поровну.

Надо отдать справедливость Росвелю, он тотчас же понял все лукавство этого предложения, но оно немного утишило его гнев, заставляя его думать, что Дагге поступил таким образом для того только, чтобы проникнуть в его тайну, а не с намерением посягать на его права.

— Вы отчасти владелец вашей шхуны, капитан Дагге, — сказал Росвель, — тогда как я пользуюсь своею только как капитан. Вы можете быть уполномочены заключить подобную сделку, а я нет. Моя обязанность заключается в приобретении возможно лучшего груза и скорейшем доставлении его Пратту, а я уверен, что ваши виньярдцы позволили вам плавать сколько угодно, и относительно возможной для них прибыли они положились на Провидение.

— Этот ответ справедлив, и он мне нравится. Сорок или пятьдесят бочонков жира не рассорят нас. Я помог вам в порте Бофор и отказался от платы за спасение груза во время кораблекрушения, а теперь я помогу вам буксировать вашего кита и окончить все это предприятие. Может быть, великодушные доставит мне счастье.

В решении Дагге было столько же благоразумия, как и опытности. Несмотря на остроумные притязания, которые он выразил относительно кита, он хорошо знал, что законы решат дело не в его пользу, хотя бы в эту минуту он и успел в своем намерении. И притом он имел действительную надежду, что его умеренность принесет ему счастье в будущем. Суеверие играет большую роль в

понятиях матроса. До какой степени была оправдана его надежда в этом отношении, можно увидеть из письма, которое Пратт получил от капитана своей шхуны.

«Морской Лев» оставил Ойстер-Понд в конце сентября. Третьего марта следующего года Мария стояла подле окна, бросая задумчивый взгляд на ту часть рейда, в которой шесть месяцев тому назад она видела корабль Росвеля, исчезающим за деревьями острова, носящего имя его семейства. Погода переменилась, и подул тихий южный ветер, показались все признаки весны. В первый раз за три месяца она открыла окно, и воздух, проникший в комнату, был приятен и возвестил новое время года.

— Дядюшка, — сказала она. (Господин Пратт писал подле небольшого камина, в котором был только один пепел), — как велико расстояние между антарктическим морем и Ойстер-Пондом?

— Вы могли бы вычислить это сами, дитя мое, а то к чему же послужила бы плата за ваше воспитание?

— Я не знаю, как взяться за это, дядюшка, — сказала кроткая Мария, — хотя бы очень желала знать это. Ах! Вот Бетинг Джой, он несет письмо.

Может быть, тайная надежда воодушевила Марию, потому что она побежала, как молодая лань, навстречу старому моряку.

— Вот оно, дядюшка! — вскричала молодая девушка, бессознательно прижимая письмо к своему сердцу. — Письмо, письмо от Росвеля...

Поток слез облегчил столь давно страдавшее сердце, чувства которого были так долго обуздываемы. В другое время и при столь очевидном свидетельстве того влияния, которое молодой человек произвел над чувствами его племянницы, Пратт упрекнул бы ее за то безрассудство, по которому она не хотела быть женой Росвеля Гарднера; но вид этого письма изгнал все другие мысли, и он углубился в единственное размышление, размышление о судьбе своей шхуны.

— Посмотри, Мария, это письмо с клеймом антарктических стран? — сказал дрожащим голосом Пратт.

Он спросил это не столько по неведению, как по смущению. Он знал очень хорошо, что острова, которые должен был посетить «Морской Лев», необитаемы и что там не было почтовой конторы, но его мысли были перемешаны, и страх, который он чувствовал, заставлял его говорить нелепости.

— Дядюшка! — вскричала племянница, утиравшая свои слезы и стыдящаяся своей слабости. — Невозможно, чтобы Росвель там, где он теперь, нашел бы почтовую контору.

— Но должен же быть какой-нибудь штемпель на письме, дитя мое, Бетинг Джой не сам привез его сюда.

— Оно штемпелевано только в Нью-Йорке, сударь... но, да оно идет из Кана, Сприггса и Бютона, из Рио-де-Жанейро. Должно быть в этом городе его отдали на почту. Не лучше ли будет, если я распечатаю письмо и прочту его.

— Да, распечатай письмо, дитя мое, — отвечал Пратт.

Мария не дожидалась вторичного позволения и тотчас же сорвала печать. В этом обстоятельстве был, может быть, результат полученного ею воспитания или женского инстинкта, но дело в том, что молодая девушка, в то время как разворачивала письмо, обратилась к окну и неприметно сунула письмо на ее собственное имя в складки своего платья, так незаметно, что и глаза более опытные, нежели ее дяди, были бы обмануты. Лишь только она спрятала свое письмо, другое тотчас же отдала своему дяде.

— Прочти его, Мария, сама, — сказал этот последний упавшим голосом. — Глаза мои так плохи, что я не могу читать.

«Рио-де-Жанейро, Бразильская провинция, Южная Америка, 14 ноября 1819 года», — начала читать племянница.

— Читай, Мария, милая дочь моя, читай письмо так скоро, как только ты можешь, читай скороговоркой.

«Господину Израилю Пратту. Милостивый государь, — продолжала Мария, — обе шхуны отправились из Бофора, что в Северной Каролине, как я уже уведомил

вас в письме, которое вы должны были получить. Погода была всегда хорошая, пока мы прибыли к южным широтам, где мы были удерживаемы почти с неделю. Восемнадцатого октября мы услышали на палубе крик «водо-мет» и очутились недалеко от китов. Обе шхуны спустили свои шлюпки в море, и я быстро преследовал прекрасного кита, который довольно долго буксировал нас, пока я нанес ему удар пикой и пустил ему кровь. Сначала капитан Дагге выразил несколько требований на это животное, потому что его канат попал в челюсти кита, но скоро он отказался от этих требований и помог нам буксировать кита до самого корабля. Капитан Дагге со своим экипажем успел убить из этих рыб трех, а господин Газар убил нам еще одного, довольно большого.

Я счастлив тем, что маленький кит дал пятьдесят восемь бочонков жира, из которых двадцать лучшего качества. Дагге из своих рыб получил сто тридцать три бочонка, из которых большая часть первого качества, но не столь много, как у нас. Имея этот жир на палубе, мы после довольно долгого плавания пришли сюда, и я отослал, как вы можете видеть это из препровождаемой накладной, сто семьдесят бочонков китового жира к вам через Фиша и Гренниля из Нью-Йорка, на палубе брига «Джэсон», капитан Вильям, который отправится двадцатого числа следующего месяца, и которому я передаю это письмо...»

— Остановись, милая Мария, эта новость тяготит меня, она слишком хороша, чтобы быть правдой, — прервал Пратт, почти столько же взволнованный своим счастьем, как был смущен своими опасениями, — перечитай, пожалуйста, Мария, да перечитай по слогам.

Мария исполнила желание своего дяди, желая сама подробно узнать успех Росвеля.

— Моя часть составляет две трети и дает мне прекрасную круглую цифру, 4000 долларов.

Пратт от радости потер руки, и голос к нему возвратился. Его племянница была удивлена такой веселостью, которая казалась неестественной для ее дяди.

— Четыре тысячи долларов, Мария, покроют первые

издержки на покупку шхуны, разумеется, не включая сюда оснащения, для которого капитан израсходовал вдвое более, чем нужно. Гарднер славный молодой человек и будет прекрасным мужем, как я всегда говорил, дитя мое. Может быть, он немного расточителен, но, в сущности, очень честный молодой человек.

— Росвель прекрасный молодой человек, — отвечала молодая девушка с глазами полными слез, в то время как ее дядя читал похвальное слово молодому человеку, которого она любила столь нежно. — Никто не знает его более меня, дядюшка, и никто более меня его не уважает. Но не лучше ли дочитать письмо, его осталось еще довольно много.

— Продолжай, дитя мое, продолжай, но перечти опять ту часть письма, где говорится о количестве жира, которое он отослал к Фишу и Греннилю.

Мария исполнила то, что просил у нее дядя, а потом продолжала читать письмо.

«Я сильно беспокоюсь, — говорил Росвель, — насчет того, как мне держать себя относительно капитана Дагге. Он показал мне столько преданности подле мыса Гаттерас, что я не хотел разлучаться с ним ни во время ночи, ни в дурную погоду, что показалось бы неблагодарным с моей стороны; я также боюсь показать ему, что избегаю его. Я опасаюсь, что он знает о существовании наших островов, хотя сомневаюсь в том, чтобы он точно знал их широту и долготу. Мне часто приходит на мысль, что Дагге идет с нами только для того, чтобы узнать то, что ему еще неизвестно...»

— Остановись, Мария, остановись немного и дай мне время подумать. Не ужасно ли это, дитя мое ?

Племянница, видя действительно ужасное отчаяние дяди, побледнела, хотя и не знала причин этого отчаяния.

Слабым голосом Пратт попросил свою племянницу передать ему письмо, конец которого он постарается прочесть сам. Хотя каждое слово, писанное Росвелем, было очень дорого для Марии, но милая девушка должна была прочесть еще одно письмо молодого человека,

которое он написал ей и которого она не разворачивала еще. Итак, она отдала дяде письмо, которое тот просил, и отправилась в свою комнату, чтобы прочесть свое письмо.

«Милая Мария, — писал Росвель, — ваш дядюшка скажет вам, что привело нас в этот порт. Я отослал более чем на четыре тысячи долларов жира и надеюсь, что мой судовладелец позабудет происшествия в Коррикута благодаря такому успеху. По моему мнению, наше путешествие будет счастливо и эта часть моей судьбы обеспечена. Дай Бог, чтобы я мог быть также уверен в успехе и в том, что найду вас еще более расположенной ко мне при моем возвращении! Я каждый день читаю вашу Библию, Мария, и часто прошу Бога просветить мой разум, если я до сих пор обманывался. Что касается настоящего времени, то я не могу польститься ни на какую перемену, потому что мои старые мнения, кажется, во мне еще более укоренились, нежели при моем отъезде...»

В это время бедная Мария испустила глубокий вздох и утерла слезы.

«Однако, Мария, — продолжала она читать, — так как я имею склонность к познанию истины, то, наверное, не отложу Библию в сторону. Я об этой книге думаю то же, что и вы, и мы расходимся только в мнениях и способе ее толкования. Помолитесь за меня, милая девушка, но я знаю, что вы и без того делаете это и будете делать, пока я буду в отсутствии».

— Да, правда, Росвель, — прошептала Мария, — пока я жива.

Письмо продолжалось в следующих выражениях:

«Кроме этого желания, которое выше моей жизни, я нахожусь под влиянием сильного сомнения, которое внушает мне этот Дагге. Во многих случаях я не знаю, что мне делать. Мне невозможно остаться с ним, не нарушая моих обязанностей к Пратту, а между тем и совсем нелегко от него избавиться. Во всех случаях он так великодушно помогал мне и казался столь расположенным вести себя в путешествии, как хороший товарищ,

что, если бы зависело только от одного меня, то я согласился бы охотиться вместе с ним за тюленями и разделить пополам нашу добычу. Но теперь это невозможно, и мне должно оставить его под каким бы то ни было предлогом...

А теперь, милая Мария...»

Но зачем поднимать нам завесы, покрывающие целомудренную любовь Росвеля. Он кончал свое письмо, выказывая свою любовь в некоторых откровенных и сильных фразах. Мария проплакала над этими несколькими словами почти целый день, пока ее глаза совершенно не устали.

Через несколько дней Пратт, к своей великой радости, получил письмо от господ Фиша и Гренниля, которое уведомило его о прибытии жира.

Жир был продан как только можно скорее, и старый Пратт сунул часть прибыли в карман в ожидании нового и полезнейшего употребления полученному капиталу.

Длинные месяцы, полные тоски, последовали для Марии за этим солнечным лучом, осветившим ее беспокойное в отсутствии Росвеля сердце. Весна следовала за зимою, лето заменило весну, а осень собрала плоды всех предшествующих времен года, не доставляя известия о наших путешественниках. Потом зима воротилась во второй раз, с того времени как «Морской Лев» поднял паруса, и наполнила печальным страхом сердца людей, которых моряки оставили в Ойстер-Понде, в то время как последние слушали свист ветров, царствующих в это холодное и бурное время года.

Пратт почти совершенно отказался от всякой надежды, а его расстроенное здоровье и то, что смерть казалась ему не слишком далекою, навели на него печаль. Что касается Марии, то молодость и здоровье еще ее поддерживали, но она душевно страдала, думая о столь долгом и столь необъяснимом отсутствии.

В самом деле, в порту корабль короля; в том глубоком убежище, куда вы звали меня однажды в полночь.

«Буря»

Последнее письмо Росвеля Гарднера было от 10 декабря 1819 года, то есть спустя пятнадцать дней по отплытии его из Рио-де-Жанейро. Мы встречаем шхуну Пратта 18 числа того же месяца или через три недели и один день после того, как он оставил столицу Бразилии.

Читатель знает, как присоединился к Гарднеру Дагге с тех пор, как оба корабля прошли Блок-Айлэнд. Оба «Морские Льва» подняли паруса в Рио и направили суда к Штатен-Ланду накануне того дня, в который мы встретили ойстер-пондскую шхуну, и оба корабля были довольно близко один от другого, так что их капитаны могли разговаривать. Дагге возражал против того, чтобы пройти Лемеров пролив. Один из его дядей потерпел там кораблекрушение, и он считал этот проход самым опасным, какой только он когда-нибудь встречал. В самом деле он, по положению ветра и по приливу, представлял некоторые трудности, которые надо было победить, но Росвель верил благоприятным приметам Стимсона, который несколько раз огибал этот мыс. Было безветренно, ожидали бури.

Между тем Дагге настаивал на необходимости держаться вне Штатен-Ланда, что заставляло шхуны сделать большой поворот и идти навстречу ветрам, царствующим в этой стране, которые переменяются от северо-востока к юго-западу. Росвель думал об удаче и случае, которые представлялись ему для избежания общества Дагге. Поспорив несколько времени, он попросил Дагге идти вперед, обещая ему идти за ним.

Погода была туманная, и были минуты, в которые ветер раздражался шквалом. Он увеличился, когда шхуны были подле Штатен-Ланда. Дагге, который был почти на полмили впереди, испытал всю силу одного из этих шквалов, выходявшего из оврагов, и удалился еще более

от земли. В это же время туман разделил оба корабля. Прибавим, что солнце зашло, и наступила темная и угрюмая ночь. Дагге ссылался на это обстоятельство, как на одну из причин, по которым он советовал миновать Штатен-Ланд. Воспользовавшись всем этим, Росвель направился к высотам Огненной Земли.

Штиль возвестил ему прилив, и он надеялся на силу потока, чтобы пройти пролив. Когда Росвель находился почти среди канала, то увидал, что его влечет в проход, и лишь только вошел в него, как очень быстро поплыл к югу. Шквалы не мешали ему и помогли даже достичь цели. На другой день утром он находился в водах мыса Горна.

Преодоление пролива давало большое преимущество, и Росвель был уверен, что не встретит в этот день своего спутника, если бы даже желал этого, чего, впрочем, он и не думал желать. Отделавшись от пиявки, он не имел ни малейшего желания позволить ей еще укунить себя. Именно на случай этих предосторожностей он старался отыскать порт.

Сделав несколько шагов по палубе, Росвель воротился к своему экипажу.

— Ты уверен, Стимсон, — сказал он, — что это мыс Горн?

— Уверен, капитан. Нельзя никак обмануться в подобном месте, которого никогда не позабудешь, если хотя бы однажды его видел.

— Стимсон, я хочу бросить якорь и поручаю тебе найти бухту, где бы мы были в безопасности.

— Постараюсь, капитан Гарднер, если позволит погода, — отвечал моряк с гордостью и скромной уверенностью.

Начали делать необходимые приготовления, чтобы причалить к берегу. Решились вовремя, потому что ветер усиливался, и шхуна быстро приближалась к земле. Через полчаса «Морской Лев» гнул под небольшим ветром и взял на гитовы свои паруса.

Море быстро поднималось. Но в ветре было что-то туманное, и чувствовалось, что не следует терять вре-

мени. Надо много отваги, чтобы в подобное время года подойти к такому берегу, как мыс Горн.

По мере того, как шхуна подходила к мысу, вид моря, стремившегося и натывавшегося на разбитый утес, и глухой, производимый им шум имели что-то действительно ужасное. Каждый был задумчив и беспокоен. Если бы шхуна пристала к подобному месту, то одной минуты было бы достаточно, чтобы разбить ее в щепы, и нельзя было надеяться на то, чтобы спастся хотя бы один человек из всего экипажа. Росвель сильно беспокоился, хотя и сохранял хладнокровие.

— Приливы у этих берегов и под столь высокими широтами разбивают и большие корабли, — сказал он первому своему офицеру.

— Все зависит от хорошего маневра, — было ответом, — и помощи Провидения. Посмотрите на эту находящуюся перед нами точку, капитан; хотя мы не совсем под ветром, но нас страшно влечет к этому месту берега. Скорость, с которой это море стремиться к юго-западу, ужасна. Ни один корабль не может идти так по ветру, как оно.

Это замечание Газара было справедливо. Маленькая шхуна стремилась на верх волн, как морская птица, а когда она исчезала посреди их, то для того только, чтобы явиться на вершине новой волны и опять пренебречь ветром. Самой большой опасностью угрожал шхуне поток, потому что это был невидимый поток, и можно было предполагать только последствия; он бросал небольшой корабль под ветер и по направлению к утесам.

Мыс Гаттерас и его опасности, о которых столько говорят, можно было считать пустяками в сравнении с тем критическим положением, в котором находились наши моряки. Мычание десяти тысяч быков не сравнилось бы с глухим ревом моря, в то время, когда оно бросалось в пещеры утесов. Потом пена наполняла воздух, как обильный дождь, и были минуты, в которые мыс, хотя он был в ужасном соседстве, скрывался в этом пенном облаке.

Никто не говорил, ибо каждый знал, что этот момент один из тех, при котором молчание является знаком благоговения перед Божеством. Некоторые усердно молились, а глаза всех были устремлены на низкую и каменистую часть, перед которой надо было пройти, чтобы избежать несомненной гибели. Только одно обстоятельство благоприятствовало: знали, что это место моря глубоко, а этот берег очень редко представляет скрытые опасности. Рассказы Стимсона и других моряков сообщили Росвелю это обстоятельство, которое он счел очень важным.

Росвель Гарднер занял свое место на носу корабля и сделал знак Стимсону, чтобы тот подошел к нему.

— Ты припоминаешь это место? — спросил молодой капитан старого матроса.

— Да, сударь, и если мы успеем обогнуть эти утесы, так я введу вас в такую якорную стоянку, что вы будете в совершенной безопасности. Мы плывем с ужасающей скоростью, а поток уносит нас.

— Ничего, — спокойно отвечал Росвель. — Мы приближаемся к этому утесу невероятно быстро.

— Вперед, капитан, вперед — в этом единственное наше спасение. Может случиться, что мы разобьемся об утесы, но можем и пройти их.

— Если это случится с нами, то мы погибнем, в этом нельзя и сомневаться. Если мы и обогнем этот выступ, то немного подальше есть другой, которого мы не можем избежать, я боюсь этого. Посмотри, пролив открывается перед нами по мере нашего приближения.

Стимсон видел эту новую опасность и понимал всю ее величину. Однако он ничего не говорил, потому что, говоря правду, он в эту минуту отказался от всякой надежды и, погрузившись в религиозные чувства, молился. Весь экипаж очень ясно понимал всю опасность и, казалось, забыл ту, которую представлял им выступ утеса, к которому они стремились с такой удивительной скоростью. Можно было обогнуть этот выступ, и тогда еще оставалась какая-нибудь надежда; но что касается другого, находившегося в четверти мили далее, то и

самый неопытный моряк видел, как трудно было избежать его.

Удивительная тишина царствовала на палубе шхуны в то время, как она проходила против первых утесов. Росвель устремил глаза на предметы, находившиеся против него, чтобы дать себе отчет в скорости движения.

— Шхуна чувствует противное течение, Стефан, — сказал он столь тихим голосом, что он, казалось, выходил из глубины его груди, — а судно под ветром.

— Что может обозначать этот внезапный поворот, капитан? Пусть Газар подымет полные паруса, иначе нам ничего не поможет.

Гарднер посмотрел на Газара и увидал, что он висел на руле, потому что чувствовал большое сопротивление. Тогда он понял истину и вскричал:

— Ребята, все идет хорошо! Хвала Богу! Мы встретили противоположное течение.

Эти немногие слова объяснили свойство перемены.

Спустя десять минут после встречи противоположного течения шхуна прошла пролив. Стимсон показал себя человеком, на которого можно было надеяться. Он искусно провел корабль позади острова, на котором поднимается мыс, ввел его в небольшую губу и бросил якорь. В этом месте было пятьдесят футов воды с грязным дном.

Итак, «Морской Лев» из Ойстер-Понда, который читатель три месяца назад видел подле набережной Пратта, бросил якорь в утесистом бассейне позади мыса Горн. Ни один из китоловов не мог подумать ввести свой корабль в подобное место, но такова их доля: бросаться во все каналы и проходы, в которых до них еще никто не был.

Таким-то образом Стимсон успел открыть этот рейд. Какое бы ни было движение волн вне, а шхуна наслаждалась совершенным спокойствием. Ветер дул, но так укрощался утесами, что только порхал между мачтами и снастями.

Этот ветер продолжался три дня и три ночи. На четвертый день была перемена, потому что ветер подул с востока. Росвель воспользовался бы удобным временем для выхода из губы, если бы не боялся встретит Дагге.

Разлучившись со столь упорным товарищем, было бы с его стороны большой слабостью идти ему навстречу. Было весьма возможно, что Дагге и не подозревал того, что имели намерение его оставить, а потому стал бы искать по соседству своего потерянного товарища.

На всякий случай решились остаться в губе одним днем дольше, тем более, что Газар открыл некоторые признаки, доказавшие, что морские слоны часто посещали довольно близкий остров. Итак, спустили шлюпки на море, и первый морской офицер отправился по этому направлению, тогда как капитан вышел на берег острова, справедливо заслуживающего название «Эрмита» или пустытника, потому что был последний из группы.

Он взял с собой Стимсона, который нес подозрную трубу. Вооруженный багром, чтобы помочь себе, Росвель начал влезать на пирамиду утеса.

Она была как будто разрушена и представляла тысячу препятствий. Но чего не может преодолеть мужество и сила? После нескольких минут постоянной борьбы и трудного восхождения, в котором они помогали друг другу, Росвель и Стимсон успели взойти на вершину пирамиды, имевшей вид неправильной остроконечности. Высота пирамиды была довольно значительна и представляла обширный вид на соседние острова и океан, казавшийся на юге печальным и грозным. Может быть, земля ни на одной из своих крайних границ не имеет столь значительного сторожа, как эта пирамида. Можно сказать, что она составляет последнюю возвышенность этого обширного материка.

С вершины пирамиды видно было: направо — Тихий океан, напротив — Южный, или Антарктический океан, налево — Атлантический океан. Несколько минут Росвель и Стефан молча созерцали этот обширный вид. Пирамида, на которой находились Росвель и Стимсон, потеряла свою белую одежду и грозно возвышалась с своим обычным черным цветом.

Лишь только наш молодой капитан охватил главные черты этого величественного вида, его глаза стали искать «Морского Льва» из Виньярда. Он заметил его в двух

милях и в прямой линии с мысом. Было ли возможным, чтобы Дагге подозревал его маневр и пришел его отыскивать даже в то место, где он скрылся? Что касалось корабля, то нельзя было обмануться. Росвель с возвышения, на котором находился с подозрительной трубой, без труда узнал его. Стимсон посмотрел на него и сказал, что это шхуна. На этом обширном и уединенном море она походила на черную точку.

— Если бы мы вспомнили о них, капитан Гарднер, — сказал Стефан, — так могли бы принести флаг, который водрузили бы на этих утесах, чтобы показать виньярдцам, где мы находимся. Но если ветер продолжится так, мы всегда можем идти им навстречу.

— Этого я не имел желания делать, Стефан, я пришел сюда, чтобы нарочно избавиться от этой шхуны.

— Вы меня удивляете, сударь. Всегда хорошо иметь товарища, если корабль находится под высокими широтами. Льды подвергают иногда стольким испытаниям, что я считаю за счастье, если имею товарища на случай кораблекрушения.

— Все это очень справедливо, но есть причины и для обратных намерений. Я слышал об островах, на которых изобилуют тюлени, а чтобы взять их едва ли так же необходим товарищ, как на случай кораблекрушения.

— Это другое дело, капитан Гарднер, никто не обязан показывать берега, на которых он хочет охотиться.

— Течение должно быть очень благоприятно для этой шхуны, она идет очень скоро. Через полчаса она будет против мыса Горн. Подождем, чтобы видеть направление, которое она возьмет.

Предсказание Гарднера сбылось. Через полчаса «Морской Лев» из Гольм-Голя прошел подле увесистой пирамиды мыса Горн, отстоя от него только на одну милю.

Но Дагге совершенно не думал об этом. Он искал своего товарища по путешествию, которого надеялся найти подле мыса. В своем ожидании он проплыл столько на запад, что мог убедиться в том, что в этой стороне ничего не видать, а потому он отправился к югу. Росвель был доволен этим, потому что заключил из того, что Дагге

ничего не знает о положении островов, которые он искал. Они лежали гораздо далее на запад; притом он скоро убедился в направлении, которого держалась другая шхуна, и поспешил сойти в свою шлюпку, чтобы повернуть свой корабль и воспользоваться попутным ветром.

Через два часа «Морской Лев» из Ойстер-Понда пошел по проливу, ведущему в океан. Другой корабль исчез тогда на юге, и Гарднер, зная дорогу, которой должен был следовать, поплыл на полных парусах в открытое море.

Небольшой корабль скользил по волнам со скоростью морской птицы. Скоро мыс Горн начал скрываться вдаль по мере того, как шхуна удалялась. С наступлением ночи его уже не было видно, и корабль вошел в Антарктический океан.

Г л а в а   X I V

Идем! Это хорошие места. — Смотрите кругом себя. — Видите наследство; идите вперед, — остановитесь на горе; затем, если можете, будьте спокойны.

С п р а г

Мы дали бы ложное и преувеличенное понятие о характере Росвеля Гарднера, если бы сказали, что он, проникая в это обширное пространство Южного океана, ощущал равнодушие к своему назначению. Состояние его ума, когда он увидал мыс Горн, исчезающий, так сказать, шаг за шагом в океане и потом совсем пропавший, было совершенно противоположно подобному чувству.

Пока у него был в виду «Морской Лев» из Виньярда, этот корабль только и занимал его мысли, но теперь явились перед ним ожидающие его большие и важные препятствия.

Росвель не думал, чтобы было вероятно, что он встретит другого «Морского Льва», и это казалось тем вероятнее, что острова, которые он искал, не были в соседстве

ни с какой землей и, следовательно, вне обыкновенной дороги охотников за тюленями. Это последнее обстоятельство, которое наш молодой мореплаватель умел достаточно оценить, дало ему надежду на то, что он будет один при завладении сокровищами этих островов, если он отыщет их там, где их скрыла сама природа.

Лишь только наступила ночь, Росвель приказал рулевому повернуть корабль на юг. Это была существенная перемена в направлении корабля, и если бы ветер, дувший до сих пор, продолжался, то шхуна на рассвете должна была находиться на значительном расстоянии к востоку от той точки, которой она достигла.

Теперь, когда наступила ночь и прошло довольно времени с тех пор, как он не видал другой шхуны, он думал, что может идти по истинному направлению. Хорошая погода в этих местах так непродолжительна, что каждый час дорог и без крайних причин нельзя пренебрегать главной целью путешествия. Все поняли, что корабль направился по прямой линии к местам, где будет охота за тюленями.

Никакой существенной перемены не было ночью, тогда как небольшой «Морской Лев» продолжал плыть к Южному полюсу.

На третий день подул сильный северо-восточный ветер. Приметили сияние льдов и скоро самые льды, которые начали появляться в форме небольших гор. Эти плавающие холмы привлекали взоры всех, но они таяли от волн и уже наполовину уменьшились. Теперь непременно надо было терять все ночное время, потому что плавать в темноте было очень опасно. Тишина воды довольно ясно возвещала близость льдов; об этом говорили не только вычисления Гарднера, но даже и его собственные глаза убеждали его в этом.

На пятый день, когда погода немного прояснилась, увидали лед, образующий высокие стены вроде гор, очень похожих на хребты Альп, хотя они тихо колебались на всегда волнующихся водах океана. По временам густой туман закрывал весь горизонт, и шхуна в этот день была принуждена несколько раз останавливаться, чтобы не

*На пятый день, когда погода немного прояснилась, увидели лед,
образующий высокие стены...*

натолкнуться на льдины или ледяные поля, которые начали в большом количестве появляться на море.

Морские птицы летали во множестве, альбатросы оживляли этот вид, а киты фыркали в соседних водах. По многим признакам Гарднер узнал, что приближались к земле, и начал надеяться на открытие островов, обозначенных на карте Дагге.

В это время шхуна отделялась от льдов расстоянием не более одного кабельтова. Гарднер думал, что он находится на западе столь далеко, сколько было необходимо, и особенно старался найти проход в расстилавшемся перед ним вдали плавающим ледяном хаосе.

Так как ветер гнал к северу массы льда, которые плыли с той стороны, то они начали мало-помалу одна от другой отставать и отделяться, и, наконец, Гарднер был так счастлив, что увидел проход, в который мог ввести свою шхуну. Не теряя ни минуты, он ввел небольшого «Морского Льва» в проход, хотя он был во сто раз ужаснее Харибды и Сциллы.

Через четыре часа шхуна открыла себе дорогу к юго-востоку на протяжении двадцати пяти миль. Был полдень, воздух был чище обыкновенного. Гарднер влез на большую мачту, чтобы самому выяснить состояние дела.

На севере и в проходе, в который вошел корабль, лед опять сошелся, и гораздо легче было идти вперед, нежели возвратиться.

Между тем Росвель обращал свои нетерпеливые глаза к востоку и особенно к юго-востоку. В этой части океана и по крайней мере в десяти лье от того места, где он находился теперь, он надеялся открыть острова, предмет своих поисков, если они действительно существовали. Среди льдов в этом направлении было много проходов. Один или два раза Росвель принимал вершину некоторых гор льда за вершины истинных гор. Но лучи солнца каждый раз его разочаровывали, и вершина, казавшаяся ему, по магическому отражению, темной и печальной, вдруг освещалась, блистая цветами изумруда или девственной белизной, — вид, оча-

ровывавший зрителя даже среди опасностей, которыми он был окружен.

Был туман, хотя и не такой сильный, чтобы закрыть самые высокие точки. Туманный пар, не перестававший двигаться и клубиться, как вскипевшая жидкость, пока был плотен, — рассеялся, и Росвель вдруг заметил гладкую вершину настоящей горы, имевшей до тысячи футов вышины. Нельзя было ошибиться в том, что это была земля и, без всякого сомнения, самый западный из островов, обозначенных умершим матросом. Все удостоверяло в этом заключении. Дагге сказал, что один высокий, гористый, полный неровностей, пустой, но довольно большой остров находился из всей группы далее на запад, тогда как другие острова были в нескольких милях от этого. Эти последние были ниже, меньше и представляли только одни голые утесы. Между тем Дагге утверждал, что один из островов был вулкан, который по временам извергал пламя и от которого несло теплом. Но, по его рассказам, экипаж, к которому он принадлежал, никогда не посещал этот вулканический остров и только издали дивился его ужасам.

Сердце Росвеля Гарднера забилося от радости, когда он уверился, что он открыл землю, главную цель своего путешествия. У него было теперь только одно желание — пристать к ней. В это время ветер подул к юго-востоку и усилился, толкая шхуну к горе и принуждая ледяные горы отчалить от земли и образовать непреодолимую преграду перед ее западным берегом. Между тем наш молодой капитан вспомнил, что Дагге указал на рейд подле северо-восточной стороны острова, где, по его рассказу, должен был находиться порт, в котором дюжина небольших кораблей могли расположиться весьма удобно. Гарднер старался направиться к этой стороне.

На севере не было никакого прохода, но довольно хороший канал открывался на юге группы. «Морской Лев» поплыл по этому направлению и к четырем часам после полудня обогнул другие острова, и, к бесконечному удовольствию находившихся на палубе, открылось большое пространство воды, свободной от льда, между боль-

шим островом и его маленькими соседями. Ледяные горы, подходя к этой группе, разбивались, и эта большая бухта, по-видимому, почти совершенно была свободна ото льда, за исключением некоторых незначительных его масс, плававших по поверхности. Избежать столкновения с ними было очень легко, и шхуна поплыла по большому бассейну, образованному различными островами этой группы. Как бы для придания еще большего веса указаниям Дагге, увидели на востоке поднимавшийся дым вулкана, который имел три или четыре мили в окружности и находился на востоке большого бассейна примерно в четырех милях от «Земли тюленей», как Дагге называл однажды главный остров.

Будучи в центре островов и на достаточном расстоянии ото льдов, шхуна легко прошла бассейн или большую бухту и достигла северо-восточной оконечности «Земли тюленей». Так как день должен был еще продолжиться несколько часов, потому что в этих высоких широтах декабрьские ночи очень коротки и соответствуют нашим июньским, то Росвель велел спустить в море шлюпку и тотчас же отправился к тому месту, где надеялся открыть порт, если только он существовал. Все было так, как описывал Дагге, и наш молодой человек был совершенно доволен, когда вошел в бухту, имевшую не больше двухсот метров в диаметре и столь хорошо окруженную землей, что в ней не чувствовалось никакого влияния моря.

Вся бухта была очень удобна для плавания. Этот внутренний бассейн с севера на юг имел по крайней мере шесть миль длины и не менее четырех миль ширины. Но она была подвержена ветрам и волнам более, нежели маленький порт, хотя Росвель был поражен различными выгодами, ею представляемыми. Она была почти совершенно свободна ото льда, тогда как довольно значительная масса плавала вне островов: следствием этого было то, что плавание по ней было свободно даже для нашего маленького судна. Причина была та, что самый большой из островов имел два длинных мыса, далеко простиравшиеся, один по направлению к северу-востоку, другой по

направлению к юго-западу, и вся его западная сторона имела вид только что народившейся луны. Рейд, который мы описываем, лежал на юге, и наш молодой капитан назвал его в честь своего лейтенанта «Мысом Газара», который первый указал удобное место для якоря.

Хотя берег был утесист и неровен, однако было не слишком трудно взойти на северный берег порта, и Гарднер взобрался на него в сопровождении Стимсона, который, с некоторого времени, очень привязался к своему начальнику. Высота этой преграды, лежащей против волн океана, была немного менее ста футов, а когда они взошли на вершину, то у них вырвался крик удивления, если не сказать радости. До сих пор не видали они ни одной породы тюленей, и Гарднер ощущал какую-то боязнь за прибыль, на которую можно было надеяться за такие труды. Но все эти сомнения рассеялись с тех пор, как он открыл северный берег острова, простирающегося на несколько миль и представляющего взгляду такое множество морских животных, что от них и самый берег казался оживленным. Они тысячами лежали на низких утесах, расположенных на этой стороне острова, и грелись на солнце антарктических морей. Никак нельзя было обмануться в том, что это были они: морские львы и слоны, огромные животные страшного и отвратительного вида, не принадлежащие, так сказать, ни к земле, ни к морю. Эти животные подходили к краю утесов, бросались в океан, чтобы отыскать там себе пищу, тогда как другие ползком выходили из воды и выбирали уступы, чтобы на них улечься и насладиться дневным светом.

— Вот славная для нас жатва, дядя Стефан, — сказал Росвель своему товарищу, ударяя в ладоши. — Один месяц работы наполнит шхуну, и мы отправимся прежде равноденствия. Но не кажется ли тебе, что там, внизу, есть кости морских львов или тюленей различных видов? Как будто уже охотились на этих берегах.

— В этом нет никакого сомнения, капитан Гарднер. Как ни отдаленно место, и хотя я никогда не слышал об этих островах, даже от самых старых матросов, но, без

сомнения, не мы первые их открыли; кто-нибудь да был здесь один или два года тому назад и увез отсюда груз, я вам отвечаю за это.

Так как все это соответствовало рассказу Дагге, то Росвель нисколько не удивился; напротив, он видел подтверждение всему, что говорил Дагге, и тем более надеялся на самый счастливый результат своего путешествия. Шхуна уже подошла к острову, осторожно подвигаясь вперед, и второй морской офицер направил корабль к входу в маленький порт, в который и ввел его, как кормчий. Еще капитан не сошел с вершины утесов, а корабль уже вошел в порт, подгоняемый попутным ветром, бросил два якоря и укрепился канатом к берегу.

Лица всех светились радостью; ввести шхуну в столь надежный порт, где ее экипаж мог целую ночь отдыхать, не ощущая никакой боязни быть раздавленным и поглощенным льдами, являлось большой удачей. Но весь экипаж испытывал не одно только чувство безопасности, он нашел источник богатства, которого искал, что и освобождало его от многих опасностей и лишений. Все сошли на берег и взобрались на вершину утеса, чтобы насладиться видом всех этих животных, растянувшихся на низких утесах северной стороны острова.

Так как еще оставалось несколько часов дневного времени, то Росвель, сопровождаемый Стимсоном, оба вооруженные палками, как защитным оружием, вскарабкались на самый возвышенный центр острова. Однако они обманулись в расстоянии и скоро убедились, что им надобен для исполнения подобного предприятия целый день. Росвель только достиг подошвы центральной горы, откуда ему открылось огромное пространство на север и восток острова. Они могли составить себе довольно точное понятие как об общем виде этого уединенного обломка земли и утесов, так и об островах и островках. Очертания первого острова, о котором мы говорили, были похожи на большой треугольник неправильной формы, три главные точки которого составляли два слегка возвышенных мыса и третий, возвышавшийся на севере.

Почти весь западный или юго-западный берег был похож на стену из перпендикулярных утесов, которые возвышались на двести или триста футов над океаном. Особенно в эту-то сторону ударяли его волны, и сюда-то бушующее море прибывало льды. Два другие берега были совершенно отличны. Ветер большей частью дул к юго-западу, и так как главный берег острова был перпендикулярен его направлению, то и представлял преграду плохой погоде, в то время как положение двух других его сторон не представляло защиты. Северная сторона чаще согревалась солнцем. Восточный же и северный берега были защищены группой островов, находившихся перед ними.

Таков был общий вид острова тюленей, сколько поспешные наблюдения его настоящего хозяина позволили рассмотреть его. Приближающаяся ночь принудила их сойти с довольно опасной части горы, на которую они взобрались, и вернуться к своему экипажу на шхуну.

Г л а в а   X V

*Мы кидаемся на море, и слышится
дикий рев; матросы бледнеют и мо-
лятся; мы разбрасываем кругом себя
воду, как птица стряхивает с трепе-
щущих крыльев пену фонтана.*

Б р а й а н т

Охотники за тюленями не теряли времени. Хорошее время было коротко, и проникнуть в середину льдов и выйти из них — было делом столь большой опасности, что все принадлежавшие к шхуне понимали значение усиленной деятельности и разумного усердия.

Уже на другой день по прибытии корабля сделаны были не только все необходимые приготовления, но и убили достаточное число тюленей с мехом самого лучшего качества. Убили двух больших морских слонов почти тридцатифутовой длины. Опасности и препятствия, над которыми моряки восторжествовали, хорошо вознагради-

лись полученным жиром. Росвель считал главным предметом своей добычи меха и шкуры тюленей и был счастлив тем, что животных, платящих дань necessities и роскоши человеческой, нашел в довольно значительном количестве и мог скоро отправиться к северу. Между тем как били, сдирали шкуры и сушили, наш молодой капитан занялся второстепенным делом, имевшим своим предметом благосостояние груза и экипажа корабля.

Когда снаряжали шхуну в Ойстер-Понде, то на берегу был старый деревянный магазин, принадлежащий Пратту, который разобрали с намерением заменить его более прочной постройкой. Росвель убедил своего хозяина перенести на палубу материалы этого здания. Пратт не отказал, потому что оно могло быть полезным его экипажу. Росвель приказал спустить в море все эти материалы, и когда их пригнали к берегу и перенесли на вершину утесов, то он выбрал место для постройки деревянного дома, для сбережения этим времени, которое моряки теряли в переходе с берега на шхуну.

Найти удобное место для этой постройки было очень трудно. Гарднером был выбран уступ утеса, обращенный к солнцу, тогда как массы других утесов защищали его от самых холодных ветров. Эти естественные стены были не слишком близки, чтобы снег, который мог скатиться на них, упал на кровлю дома, но было довольно пространства между кровлей и домом, чтобы образовать обширный двор, на котором было место для всех предметов, необходимых для постоянных работ и нужд охотников за тюленями.

Много благоразумия требовалось в предпринятой охоте. Не было ничего легче, как убить большое число тюленей, но добычу надо было тащить по утесам. Стали пользоваться шлюпками, хотя, даже среди лета, северный берег острова был часто осаждаем льдом. Росвель старался не напугать этих животных слишком большим напором, а потому и посылал только одних опытных охотников. Следуя этому правилу, выиграли более, нежели если бы напали на тюленей с меньшим благоразумием.

Без большого труда втащили материалы дома на вершину утесов. Среди экипажа нашелся старый плотник по имени Роберт Смит. Притом же дюжина американцев всегда сумеют выстроить дом: навык к работе и природный ум делает их способными ко многим полезным ремеслам. Мотт, другой человек из экипажа, работал у слесаря, и он затопил печи. Наконец, остались только мелкие доделки, и эту работу окончили в конце первой недели. Дом разделили на две комнаты, из которых одна была общей залой, а другая спальней. В дом перенесли все матрасы, которые были на палубе. Было решено складывать груз на уступах утеса, находящегося на двадцать футов выше того, на котором выстроили дом. С этой стороны было легко достигнуть другого утеса, возвышавшегося не более, чем на пятнадцать футов над палубой корабля.

Таким образом прошли первые десять дней; все работали с явным усердием. Для окончания этого предварительного устройства понадобились две недели, в которые охота за тюленями продолжалась с большим жаром и успехом. Жертвы были так мало дики и так мало знали об опасности, которой угрожало им присутствие человека, что экипаж ходил между тюленями, а они, казалось, не замечали людей и не оборонялись от нападения. Старались не причинить им никакого бесполезного страха и когда убивали одно животное, то старались произвести как можно менее движения между другими. Однако через пятнадцать дней предприятие приняло такие размеры, что весь экипаж должен был им заняться, и скоро уступ утеса, находившегося под домом, был завален бочонками и кожами. Если бы надо было только убивать, сдирать кожу и сушить, то работа была бы относительно легкая; но надо было переносить продукты всей этой работы на значительное расстояние, а в некотором случае на несколько миль, и притом по утесам. Росвель Гарднер был убежден в том, что «наполнил бы» свою шхуну в один месяц, если бы было возможно бросить якорь подле утесов, посещаемых тюленями, и тем избежать потери времени, которую причинил ему перенос предметов, дол-

женствующих составить его груз. Но это было невозможно, потому что волны и лед разбили бы корабль, бросивший якорь подле северного берега острова. Иногда пользовались шлюпками, чтобы, огибая мыс, перевозить кожи и жир.

К концу третьей недели трюм был полон, и шхуна порядочно нагружена. Для той далекой широты погода была очень хорошая. На двадцать третий день со времени входа шхуны в эту бухту Росвель был у подошвы горы, недалеко от дома, устремив взгляд на тот длинный утесистый берег, на котором морские слоны и львы ходили с той же уверенностью в безопасности, как в то время, когда он увидал их в первый раз. Солнце восходило; тюлени выползали из моря и вылезали на берег, чтобы насладиться его лучами.

— Вот прекрасный случай для охоты за тюленями, капитан Гарднер, — сказал Стимсон, никогда не оставивший своего начальника. — Я уже двадцать пять лет занимаюсь этим ремеслом и никогда не встречал ни столь удобного порта для купеческого корабля, ни столь огромного стада тюленей, нисколько не пугающихся человека.

— Нам посчастливилось, Стефан, и я надеюсь, что мы наполним корабль и отправимся прежде времени льдов. Все хорошо рассчитано, мы довольно счастливы.

— Вы называете это «счастьем»? Но, по мне, есть другое слово, которое лучше этого, капитан.

— Да, я знаю, что ты хочешь сказать, Стефан, хотя я не думаю, чтобы Провидение слишком много беспокоилось о том, захватим ли мы нынче сто тюленей или ни одного.

— Но я не думаю, чтобы Провидению было угодно то, чтобы мы нынче ловили тюленей.

— Почему же, Стефан? Нынче самый лучший день с тех пор, как мы на острове.

— Это правда, нынче прекрасный солнечный день для столь высокой широты, но я думаю, что такой день не для работы. Без сомнения, капитан Гарднер, вы забыли, что нынче воскресенье?

— Ты прав, я забыл это, Стефан, но для охотников за тюленями это не причина отдыха.

— А между тем, сударь, воскресное отдохновение делает более способными для работы на следующий день.

Несмотря на свои предубеждения, Гарднер понял, что покой необходим для его людей и что было бы хорошо, если бы они могли вознести свое сердце к мысли о другом мире.

— Ну, Стефан, так как мы много работали с тех пор, как находимся здесь, то я и отдаю приказ: поди, скажи Газару, чтобы нынче не работали... Воскресенье будет и днем отдыха...

Истина заставляет нас сказать, что, отдавая это приказание, Гарднер был под влиянием мысли, что этим делал удовольствие Марии.

Стимсон, услышав подобное приказание, очень обрадовался и поспешил к лейтенанту, чтобы передать ему волю капитана. Экипаж, нуждавшийся в отдыхе, принял его с истинным удовольствием. Скоро были видны только одни матросы, умывающиеся, причесывающиеся и наряжающиеся. Им приказали не ходить по берегу, где были тюлени, боясь, чтобы какая-нибудь неосторожность не испугала животных.

Стимсон воротился к Гарднеру, и оба полезли на гору, поднимающуюся на триста футов над уровнем моря. Дорога была трудна и неровна. Они остановились на вершине горы, чтобы обозреть предметы, их окружающие. На океане виднелась белой точкой шлюпка, которая, при северо-восточном ветре, плыла к вулкану, тогда как дым этого последнего походил на маяк той страны, где обыкновенно царствует туман. Бухта находилась почти под ними, и в эту минуту капитан шхуны был поражен малостью корабля, проникшего столь далеко среди лабиринта льдов. Так далеко, как только мог обнять взгляд, океан казался белеющим и замерзшим под плавающими массами, которые несли его воды. Воздух был напитан тем холодом, который «убил лето», по выражению моряков, однако вид был удивительный.

— Вот прекрасный вид, Стефан, — сказал Росвель

Гарднер, — но мы видели бы еще лучше, если бы могли взобраться на этот конец горы и быть на этой совершенно голой вершине. Я жалею, что не принес сюда старого паруса, который водрузил бы здесь в честь Соединенных Штатов. Но что такое там, на востоке?

— Я вижу, что вы хотите показать, сударь. Я думаю, что это похоже на парус, и парус, окруженный льдом.

Нельзя было обмануться. Приметили белый парус корабля на большой поверхности ледяного поля, немного на северо-востоке острова, находящегося против бухты. Хотя паруса этого судна были подняты, но было видно, что он стеснен льдом, если не совершенно окружен им.

Лишь только Росвель заметить чужой корабль, так тотчас же узнал его. Он убедился, что это был «Морской Лев» из Виньярда, нашедший дорогу к островам. Росвель добился уже такого большого успеха и так был уверен, что «наполнит» свою шхуну вовремя, что мало заботился о соперничестве другого корабля. Напротив, на случай опасности, он желал бы иметь товарища. Лишь только он увидел шхуну виньярдцев, то уже решил: он хотел возобновить старое знакомство и помочь Дагге собрать его груз. Росвель и Стефан, отказавшись влезть на вершину, сошли с нее скорее, нежели поднялись, и через полчаса шлюпка была уже готова. Росвель сам командовал ею, оставляя своему помощнику начальство над шхуной. Стимсон сопровождал своего капитана. Лишь только они сошли с утесов, как на полных веслах поплыли с возможной скоростью, делая почти по восьми узлов в час.

Для китоловного бота Росвеля надо было более трех часов, чтобы проплыть бухту и достичь края той обширной ледяной равнины, остановленной утесами первого острова группы. Гарднер лишь только подошел к выходу, то приказал своим людям грести с наивозможной силой, хотя все они были убеждены, что подвергаются самой невероятной опасности. Шлюпка скоро достигла льдов и плыла по воде до тех пор, пока не вошла в проход, такой узкий, в котором едва могла двигаться. Наконец, Росвель достиг места, в котором обе ледяные равнины, образовавшие этот узкий проход, почти вплотную между

собой сходились. Росвель посмотрел вперед и назад, поставил шлюпку в безопасное место и пополз по льду, дав своему рулевому приказание подождать его. Лишь только он поднялся на лед, наш молодой человек вскрикнул: виньярдская шхуна довольно ясно показалась перед ним на расстоянии полумили. Она была окружена льдом и плыла с большой опасностью быть разбитой в щепы.

Г л а в а X V I

Одним прыжком он был на своем месте и плыл по голубому и глубокому морю.

«Виновная фея»

Лишь только Росвель сошел на льдину, как услышал страшный звук. Он тотчас же увидал, что внешнее давление разбило ледяную равнину на две части и что эта перемена могла быть спасением или гибелью для шхуны. Он хотел было броситься, чтобы присоединиться к Дагге, но остановился, услышав, что какой-то человек из его шлюпки его зовет.

— Эти равнины, капитан Гарднер, скоро соединяться, и наша шлюпка расплющится, если мы не вытащим ее из воды.

Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться молодому капитану в точности этого предсказания. Ледяная равнина, на которой он находился, тихо подвигалась вперед и касалась своим краем льда, находившегося против нее. Проход, по которому плыла шлюпка, заперся, и слышался треск. Давление было столь ужасно, что откалывало куски льда величиною с дом.

Нечего было терять времени, и шлюпку вытащили на лед в месте, представлявшимся более безопасным.

— Стимсон, нам будет очень трудно спустить ее на воду, — сказал Росвель, — нам придется провести здесь бессонную ночь.

— Не знаю, капитан, — было ответом. — Мне кажет-

ся, что лед разобьется подле этих утесов, и если это будет так, то шхуна, шлюпка, экипаж, — мы все войдем на дрейф в бухту, потому что я уверен в существовании потока, текущего от этой точки к нашему острову. Я заметил это во время гребли.

— Может быть, потоки идут по всем направлениям. Томсон и Тод, — продолжал Росвель, — останьтесь здесь, а мы все пойдем отыскивать виньярдскую шхуну. Она должна быть там, в проходе, и только разве случайно выйдет из него.

Росвель был прав. «Морской Лев» из Виньярда старался пройти по проходу, находящемуся между двумя ледяными полями.

Дагге был человек смывленный и смелый. Видя, что лед соединяется со всех сторон, спереди и сзади, и что не было никакой возможности выйти, он ухватился за последнее средство, которое оставалось еще для спасения корабля. Он выбрал место или косяк, образуемый ледяной равниной, находившийся под ветром и представлявший его кораблю минутное убежище. Он ввел туда свою шхуну и бросил якорь. После того он начал рубить лед, сначала топором, потом пилой, в надежде выдолбить отверстие, которое по своей величине и виду могло принять остов корабля и воспрепятствовать таким образом его разрушению.

Прошло уже много часов с того времени, как он и его экипаж работали с этой целью, когда, к их радости и большому удивлению, они вдруг соединились с Росвелем и его людьми. Дело в том, что виньярдский экипаж так был озабочен предстоявшей ему опасностью и каждый человек был так занят исполнением своей обязанности, что не заметил шлюпки до тех пор, пока Росвель не окликнул Дагге и не обнаружил своего присутствия.

— Вот истинное счастье, капитан Гарднер! — сказал Дагге, искренно пожимая руку Росвеля. — Да, счастье! Я надеялся встретить вас подле этой группы островов, на которых можно найти тюленей, потому что они наверное находятся там, где мой покойный дядюшка заставил

меня предполагать их по его морским картам, но не думал встретить вас нынешним утром. Вы видите мое положение, капитан Гарднер, страшная опасность угрожает мне.

— Вы уже предприняли некоторые предосторожности.

— Э! Но могло быть и хуже.

— Необходимо разрубить этот лед, и тогда ваша шхуна может подняться. Вы можете продолжать работать пилою и топором, а я постараюсь придать плотности бокам корабля. Покажите мне ваши запасные деревья и доски, без которых вы можете обойтись, и мы увидим, что можно из них сделать.

Хотя американские матросы менее откровенны, чем матросы английские, но знают столь же хорошо, какой благодарности заслуживают некоторые услуги. Виньярдцы почувствовали большую признательность и радость от помощи, которая подоспела к ним, и с обеих сторон начали работать с усердием.

Работа Росвеля происходила на палубе виньярдской шхуны, тогда как экипаж Дагге продолжал работу на льду.

— Какой шум! — вскричал Дагге. — Не извержение ли это вулкана?

Дагге был расположен думать, что этот звук был произведен каким-нибудь подземным движением. Но он не долго думал и сказал поспешно:

— Это лед. Я думаю, что давление разбило его об утесы этого острова. Если это так, то ледяная равнина, находящаяся под ветром, также уничтожится, лишь только подойдет к ней другая.

— Не думаю, — сказал Росвель, устремляя глаза на остров, — потому что равнина, находящаяся более под ветром, пойдет с такой же скоростью, как и ледяные горы. Это может уменьшить силу удара, но никак не полагаю, чтобы могло отвлечь его.

Мнение Росвеля скоро подтвердилось. После нескольких минут сильного беспокойства, причиненного треском самого остова корабля, он получил от скопившегося под

ним льда такое внезапное сотрясение, как будто бы он совсем освободился из своей тюрьмы; колебание было ужасно, и многие из экипажа не могли удержаться на ногах. В самом деле, шхуна была освобождена; еще одна минута, и она бы разлетелась вдребезги, а теперь она находилась в бассейне, который ее экипаж долгими часами работы ей приготовил.

— Мы ее спасем, Дагге! Мы ее спасем! — вскричал Росвель, позабыв в эту минуту великодушных усилий всякое чувство соперничества. — Я знаю, что вы хотите делать, я это тотчас же понял. Эта высокая земля есть то место, которого вы ищете, а на северном берегу этого острова есть морские слоны, львы и другие животные в довольно большом количестве, чтобы наполнить всякую шхуну, которая когда-нибудь выходила из Виньярда.

— Вот что я люблю, — сказал Дагге, дружески пожимая руку Росвеля, — охота за тюленями всегда должна производиться целым обществом, и один корабль не может проникнуть в столь высокие широты.

Что же касается Росвеля, то он немного посмеялся над мнением, выраженным Дагге об охоте за тюленями, потому что он внутренне был уверен, что виньярдец сохранил бы тайну, если бы владел ею один.

— Ну, — сказал он, — забудем прошедшее! Вы помогли мне у Гаттераса, а я здесь оказал вам кое-какие услуги! Вы, Дагге, знаете правила нашего ремесла: первый пришел, первый воспользовался. Я пришел первый и пожал летние ягоды этого дела, хотя не хочу сказать вам, что вы пришли уж совсем поздно.

— Я надеюсь, что нет, Гарднер, было бы очень мучительно потрудиться так впустую. Сколько вы собрали жира?

— Весь мой трюм полон, но мы более всего берем шкуры.

Эта новость возбудила всю жадность Дагге, что можно было заметить по бросаемым им взглядам.

— Счастье, — сказал он, — а особенно в одно лето! Но эти животные не сделались ли более дикими?

— Не более, как в тот день, с которого мы начали

охотиться. Я поручал это занятие только одним опытным людям и дал им приказание как можно менее сердить этих животных. Если вы хотите наполнить вашу шхуну, то я советую принять те же предосторожности, потому что уже приближается конец лета.

— Я проведу здесь зиму, — сказал решительным и резким голосом Дагге. — Мне стоило довольно труда открыть эту группу островов, и мы, виньярдцы, не можем представить себе возможности быть побежденными.

— Если вы проведете здесь зиму, то это дело другое, — отвечал, смеясь, Росвель. — Недостанет и «Морского Льва» из Виньярда, чтобы согреть вас, и вы на будущее лето должны возвратиться в ваших бочках или навсегда остаться здесь.

— Я надеюсь увидеть вас здесь опять, — сказал Дагге, смотря на своего товарища так, как будто уже окончательно решил выполнить свое безрассудное намерение. — Очень редко бывает, чтобы охотник за тюленями забывал страну, подобную той, которую вы описываете.

— Я могу опять прийти, — сказал Росвель, — и могу не прийти, — прибавил он, думая о Марии, потому что он спрашивал себя, может ли она не выйти за него в том случае, если он преуспеет в своем путешествии. — Это более зависит от других, нежели от меня... Но, капитан Дагге, займемся вашей шхуной. Надо, чтобы она вошла в бухту до ночи.

В эту минуту обе льдины находились в нескольких саженьях одна от другой; самая малая, или та, на которой находился корабль, быстро поплыла к бухте, тогда как самая большая была остановлена островами. Меньшая льдина много потеряла из своей поверхности от утесов, потому что разбилась о них, хотя обломок, который от нее остался, имел более мили в диаметре, а толщину несколько метров.

Что касается «Морского Льва» из Виньярда, то он находился как будто на уступе утеса. Сила большой льдины была настолько велика, что подняла его выше воды, как будто два или три человека вытащили простую

лодку на берег. К счастью для шхуны, эта сила пришла снизу. Следствием этого было то, что корабль получил очень мало повреждений.

— Если бы его можно было поднять отсюда, — сказал Дагге, — столь же легко, как мы его туда посадили, то это было бы не трудно. Но он на льду, имеющем по крайней мере двадцать футов толщины и столь же твердом, как камень.

Гарднер посоветовал употребить пилу, чтобы по концам шхуны сделать две глубокие выемки во льду, надеясь, что тяжесть корабля поможет работникам и заставит его войти, как говорят поэты, в природную стихию. В самом деле другого нечего было делать, а потому и послушались совета Гарднера. После больших усилий успели продолбить лед до воды, после чего послышался треск льда, и шхуна тихо, как будто по всем правилам науки, поднялась и спустилась в море!

Этот счастливый результат многочасовой работы совершился тогда, как ледяная равнина находилась в центре бухты. В это время Газар возвращался с вулкана и сообщил, что там в самом деле был вулкан, и вулкан действующий. Бесплодие и сильный холод характеризовали всю эту страну. При закате солнца Гарднер ввел своего товарища в порт, и оба «Морские Льва» стали на якорь один подле другого.

Г л а в а X V I I

*Утренний воздух завидует его све-
жему дыханию; волны весело танцу-
ют перед его глазами; морские птицы
щебечут порхая. О, благословенный
утренний свет.*

Д а н а

Дагге на другой день прибытия «Морского Льва» из Виньярда начал охотиться за тюленями. Убили довольно большое число этих животных, но так осторожно, что очень мало их встревожили. Дагге привез на своей шхуне

телегу, большую пользу которой скоро узнали при перевозке жира и тюленьих кож. Эта телега подвинула занятие по крайней мере на месяц. Оба экипажа, находились в самом дружеском расположении.

Через месяц Дагге сказал Росвелю:

— Вот уже первое февраля, и, без сомнения, вы скоро уедете.

— Нет, капитан Дагге, я не могу и подумать оставить кого-нибудь, особенно соотечественника, в столь ужасном краю, не зная, может ли он когда-нибудь из него выйти.

Дагге, удивленный великодушием Росвеля, хотел было предложить ему часть своей прибыли, но Росвель отказался от нее, говоря, что посоветуется с людьми ойстер-пондского экипажа и что офицеры ничего не потребуют от него за совершенно бескорыстное вспомоществование. Что касается Росвеля, то лучшая его награда, та, на которую он рассчитывал, было одобрение Марии.

Дагге принял это предложение Росвеля, как могут догадаться, очень охотно. Они согласились в этот день взойти на вершину горы, находящейся посреди острова, и после двухчасовой ходьбы по обломкам утесов, которыми остров был как будто усыпан, достигли основания конуса, который образовал последнюю вершину горы. Тут они отдохнули и немного закусили.

Удивительный вид со сверхъестественным освещением наградил наших смельчаков за их усталость, и они могли насладиться несравненною панорамой. По всем сторонам, за исключением больших бухт, виднелись ледяные горы; группа островов была окружена ими так, как будто была в блокаде. В это время господствовал южный ветер, хотя перемены в температуре были очень часты. Гарднер видел, что проход, по которому он вошел, был совершенно заперт и что можно было войти только по одному выходу, находящемуся на севере.

— Каждая минута, — сказал Дагге, — дорога для всех людей, находящихся в нашем положении.

Дагге только и думал о прибыли, которую мог извлечь из путешествия, тогда как Росвель думал об Ойстер-Понде и Марии.

Проведя целый час на этой, почти совершенно голой вершине, наши трое смельчаков принуждены были внезапною переменою погоды сойти с горы.

Всегда не так опасно всходить на гору, как спускаться. Росвель знал это очень хорошо и предложил было подождать, пока прояснится, но боялся, чтобы не пришлось долго ждать.

Наконец, он, хотя и против воли, но со всевозможной осторожностью, пошел за Дагге. Стимсон заключил шествие.

В продолжение первых десяти минут наши смельчаки подвигались с большим затруднением.

Они заметили дорогу, по которой взойшли на гору, и начали сходить по ней. Скоро увидали, сколько им надо было благоразумия, потому что тропинки от снега сделались скользкими. Дагге был смел и пошел впереди своих товарищей, говоря им, чтобы они шли за ним и ничего не боялись. Наконец, трое достигли того места, где им казалось невозможным восторжествовать над встретившимися им препятствиями. Над ними была гладкая поверхность утеса, уже покрытая снегом, а они не могли столь далеко видеть, чтобы распознать, куда идет эта наклонная поверхность. Дагге утверждал, что знает местность и что проведет их всех. По его мнению, это был утесистый уступ, и что надо было сделать большой обход, чтобы достигнуть известного ущелья, которое представляло довольно удобный путь. Они хорошо припомнили утесистый уступ и ущелье, оставалось только узнать, действительно ли тот утес находился под ними и столь близко, как предполагал Дагге, который, увлекаясь излишней смелостью, отказался от каната, предложенного ему Росвелем, сел на снег, покатился вперед и скоро исчез.

— Что с ним сделалось? — вскричал Росвель, стараясь проникнуть взглядом пространство. — Его не видеть.

— Держите веревку и дайте мне другой конец. Я пойду его отыскивать, — сказал Стимсон.

Росвель согласился на это предложение и спустил Стимсона к подошве утеса, пока совершенно не потерял

его из вида. Стимсон же, хотя исчез среди снежной бури, но давал о себе знать.

— Держитесь правее, капитан, — сказал моряк, — и поддерживайте меня канатом.

Росвель, встретив под ногами довольно ровную землю, так и сделал. Через несколько минут Стимсон потянул веревку и сказал Гарднеру:

— Капитан Гарднер, — сказал он, — я теперь на утесном уступе, и дорога не слишком плоха. Бросьте канат на снег и катитесь как можно осторожнее. Держитесь более этой стороны, я тут и поддерживаю вас.

Гарднер все это понял и, держась за веревку, достиг того места, где Стимсон был готов принять его, и последний, озабоченный той скоростью, с которой Росвель катился по склону, бросился навстречу своему офицеру. Благодаря этой предосторожности, Росвель остановился вовремя; иначе он скатился бы по утесному уступу и по склону, бывшему почти перпендикулярным.

— Что сделалось с Дагге? — спросил Гарднер, лишь только стал на ноги.

— Я думаю, сударь, что он перебросился за утес.

Это было печальным известием и особенно в подобную минуту. Но Росвель не унывал. Он вымерил пропасть веревкой, пока не убедился, что тронул ее дно на пространстве около шести сажней. Потом, крепко придерживаемый Стимсоном, он смело спустился на дно пропасти, которого он достиг почти на вычисленном им расстоянии.

Шел большой снег; хлопья были густы и крутились на утлах утесов иногда так сильно, что засыпали молодому человеку глаза. Росвель пошел по обломкам утесов.

Вой ветра почти совершенно не давал возможности различать другие звуки, хотя один или два раза он слышал или думал, что слышал крики Стимсона, находящегося над ним. Вдруг ветер перестал, а солнечные лучи распространили довольно яркий свет по бокам утесов. Через минуту глаза Росвеля встретили тот предмет, который они искали.

Дагге перекатился через тот самый уступ утеса, где

Стимсон стал на ноги, не имея никакого средства, чтобы остановиться в своем падении.

Когда Росвель нашел своего несчастного товарища, то этот последний был уже в памяти и владел всем своим хладнокровием.

— Благодаря Богу, вы нашли меня, Гарднер, — сказал он, — я уже было отчаялся.

— Благодаря Богу, вы живы, мой друг, — отвечал Росвель. — Кажется, вы только ранены?

— Более, нежели кажется, Гарднер, более, нежели кажется. Но, верно, у меня переломана левая нога, и одно из моих плеч причиняет мне много боли, хотя оно не сломано, но вывихнуто. Это очень неприятный случай в путешествии, предпринятом для охоты за морскими тю-ленями.

— Не думайте об этом, Дагге, я займусь вашими делами.

— Позаботитесь ли вы о шхуне, Гарднер? Обещайте мне это, и мой ум будет покоен.

— Я обещаю, что оба корабля останутся один подле другого до тех пор, пока мы будем свободны ото льда.

— Да, но это еще не все, надо, чтобы мой «Морской Лев» имел такой же груз, как и ваш. Обещайте мне это.

— Это как будет угодно Богу. Но вот и Стимсон. Прежде всего вас надо вытащить отсюда.

Обещания Росвеля успокоили Дагге, потому что и среди приступов боли его мысли носились над его кораблем и грузом. Теперь, когда он менее беспокоился в этом отношении, он сделался чувствительнее к страданиям тела. Но как перенести Дагге? Нога его была переломана немного выше лодыжки и ушиблена в нескольких местах. Следовательно, помочь ему на утесе, где он лежал, было совершенно невозможно, а сперва надо было перенести его на другое место. К счастью, до подошвы горы было не очень далеко, и с предосторожностью можно было достигнуть и нижней части утеса. Росвель и Стимсон подняли Дагге в сидячем положении, приказывая ему держаться за их шеи. Раненый обязан был этому обстоятельству успехом хирургической операции, совершенно

случайной, но которая для него была очень счастлива. Когда он был поднят таким образом, то кость заняла свое место, и Дагге заметил это важное обстоятельство, о котором тотчас же и сообщил Росвелю.

Матросы часто исполняют обязанности доктора, хирурга и пастора. Росвелю уже два раза случалось вправлять члены, и он немного знал, что надо было делать. Дагге сидел теперь на утесе, у подошвы горы с опущенными ногами и спиной, прислоненной к другому утесу. Лишь только его посадили так, Росвель послал Стимсона как можно скорее искать помощи.

Расправляя ногу Дагге, Росвель скоро убедился, что кость заняла свое место, и связал ее бинтами, а потом взял в лубки.

Замечательно то, что Дагге взял свой ножик и начал стругать лубки, чтобы придать им необходимую форму и толщину. Через полчаса Росвель кончил операцию.

Прошли четыре ужасных мучительных часа, прежде чем люди, за которыми пошли, достигли подошвы горы. Они привезли одноколесную тележку, которую употребляли для своза тюленых шкур по утесам и которой воспользовались для перевозки Дагге.

Г л а в а X V I I I

*Он едет туда, где едва брезжит
лето; к скалам Берингова пролива, на
голые острова Гренландии; холодные
полуночные ветры обвевают пусты-
ни, которые спят под вечными сне-
гами и приносят вместе с багровой
окраской волн долгий вой волков с бе-
регов Уналашки.*

К е м п б е л л

На другой день утром Росвель, занимаясь своими обыкновенными делами, был очень задумчив. Теперь для него ничего не значило, что Дагге находился на острове тюленей; но оставалась тайна, тайна скрытого сокровища. Если обе шкуны более не разлучатся, то как он мог

исполнить эту часть своих обязанностей, не соглашаясь на товарищество, против которого восстала бы вся нравственная и физическая природа Пратта? А между тем он уже дал слово и не мог уехать: он решился помочь «Морскому Льву» из Виньярда пополнить его кладь, предоставляя себе позднее отделаться от своего товарища по путешествию, когда оба корабля поплывут на север.

Лейтенант шхуны Дагге, хотя и хороший охотник за тюленями, был пылкого характера и уже несколько раз порицал благоразумие Росвеля. Маси, это было его имя, думал, что надо произвести общее нападение на тюленей, а потом окончить предприятие сушкой шкур. Он видал, что подобные дела совершались с успехом, и думал, что нельзя было и выбрать лучшей системы. В одно прекрасное утро, говорил он, капитан Гарднер выйдет и увидит, что его стадо отправилось на другие пастбища. Этого мнения Росвель не разделял. Его благоразумная политика дала прекрасные результаты, и он надеялся, что все это так и будет продолжаться до наполнения груза обеих шхун.

На другой день утром, в то время, когда являлись к нему все люди, он, как начальник обеих шхун, возобновил свои советы и в особенности объяснил новоприсельцам необходимость не пугать тюленей более, сколько это необходимо для дела. Ему отвечали: «да, да, капитан», как обыкновенно, и люди, по виду очень склонные повиноваться его приказаниям, отправились на утесы.

Маси считал себя законным начальником шхуны во время отсутствия Дагге и думал, что этот последний не имел никакого права подчинить его и виньярдский экипаж власти другого капитана.

— Выгода требует, чтобы с творениями обходились осторожно, — сказал, смеясь, Маси, нанося первый удар пикой тюленю; возьмите, ребята, эту игрушку и положите ее в люльку, а я пока поищу его мать.

Смех был ответом на эту шутку, и рабочие, видя с какой свободой выражались их офицеры, были расположены к шуму и неповиновению.

— Дитя в своей колыбели, господин Маси, — сказал

Джемс, бывший столь же насмешливым, как и его капитан. — Я думаю, что лучшее средство усыпить его — ударить о нахмуренные головы красавцев, расположившихся около нас.

В одну минуту утесы, находившиеся на этой стороне острова, стали театром оживленной бойни и необыкновенного шума. Газар, бывший недалеко, успел удержать людей своего экипажа, но про виньярдцев можно было сказать, что они сошли с ума.

Правда, они убили большое число тюленей, но из двадцати, которые, в страхе, искали убежища в океане, не убили ни одного. Все животные боязливо кричали. Часто видели, что стадо животных обращалось в бегство без всякой видимой причины, а следуя своему инстинкту. То же было и с тюленями, потому что утесы были пусты почти на целую милю от места побоища. Следствием этого было то, что Газару и его людям нечего было более делать.

— Вы, господин Маси, без сомнения знаете, что все это противно данным вам приказаниям, и знаете, что я принужден донести об этом.

— Пожалуй! — было ответом. — У меня только один начальник, капитан Дагге, и если вы, Газар, его увидите, то скажите ему, что у нас нынче было прекрасное утро.

— Да, да, нынче у вас руки полны, но что будет завтра?

— То же, что и нынче. Тюлени придут на берег, и мы надеемся там их встретить. У нас было нынче столько работы, сколько не было в два дня, со времени нашего прибытия сюда.

— Это правда, но что вы будете делать завтра? Однако я скажу капитану Дагге то, что вы поручаете мне сказать ему, а мы увидим, что он подумает об этом предмете.

Газар продолжал идти, покачивая головой, по мере того, как приближался. Он не ошибся в гневе Дагге. Этот опытный охотник за тюленями приказал позвать своего лейтенанта. Маси получил большой выговор и ему пригрозили отставлением от должности, если хотя еще один раз нарушит данные ему приказания.

Но зло было сделано. Охота за тюленями не была уже

более размеренным занятием, но сделалась чем-то ненадежным, переменчивым.

Через три недели после несчастного случая с Дагге его выздоровление очень подвинулось. Его кости уже срослись, а нога через месяц обещала быть столь же крепкой, какой была прежде.

Капитан голым-гольской шхуны начал ходить на костылях. С большими предосторожностями он успел сойти на уступ утеса, раскинувшегося в виде террасы над домом, на пространстве двухсот метров. Здесь-то поутру, в воскресенье, встретились Росвель и Дагге спустя три недели после их восхождения на гору.

Они оба сели у подошвы утеса и стали разговаривать о своих планах и состоянии своих кораблей. Стефан, по обыкновению, был подле своего офицера.

Росвель объявил Дагге, что его шхуна полна, тогда как виньярдская шхуна наполовину, и что теперь уже нельзя было надеяться пополнить ее груз, потому что нападение, сделанное Маси на тюленей, вызвало целый месяц остановки, и что можно увериться, что с каждым днем эти животные будут делаться дичее. Росвель кончил следующими словами:

— Подумайте, как важно для нас не оставаться здесь под столь высокой широтой после захода солнца.

— Я понимаю вас, Гарднер, — спокойно отвечал Дагге, — вы хозяин вашей шхуны, и я уверен, что Пратт был бы очень счастлив, видя вас, идущим между Шелтер-Айлендом и Ойстер-Пондом. Я несчастный калека, иначе виньярдская шхуна не медлила бы так долго.

Росвель отгадал, что его великодушие испытывается Дагге, и очень рассердился, но удержался и, несмотря на некоторые горькие слова капитана Дагге, дал ему новое доказательство своей преданности.

— Вот что я сделаю, Дагге, — сказал Гарднер, — я останусь еще на двадцать дней и помогу вам сделать ваш груз, после чего, что бы ни случилось, я отправлюсь.

— Дайте мне руку, Гарднер. Я знал, что у вас есть сердце и что оно обнаружит великодушие при удобном случае.

Росвель сам понимал, что обещал Дагге более того, что должен был обещать; чувство братства имело над ним большую власть, и он не хотел делать ничего похожего на оставление товарища по опасности в затруднительном положении. Он хорошо знал, что помогал сопернику и что Дагге, наверное, желал остаться с ним, чтобы идти с ним до того берега, где было скрыто сокровище. Но Росвель уже решился остаться еще на двадцать дней и сделать все от него зависящее, чтобы помочь виньярдскому экипажу.

Охоту за тюленями продолжали с большим порядком, нежели под управлением Маси, следовали тем же правилам благоразумия, которыми руководствовались вначале, и успех был тот же: каждый вечер, при возвращении домой Гарднера было доброе известие. Дагге никогда не был так счастлив, как в то время, когда Росвель рассказывал ему о том, как убили одного старого морского льва или слона, или пушистого тюленя.

Росвель был счастлив, видя приближающийся конец уступленных им двадцати дней.

Март был близок, и большие ночи уже наступили, однако виньярдская шхуна не была еще полна, и Дагге не мог ходить без костылей, но Росвель вечером последнего дня приказал перестать охотиться за тюленями и готовиться к отъезду.

— Вы решились, Гарднер, — сказал умоляющим голосом Дагге. — Еще бы неделю, и моя шхуна была бы полна.

— Ни одного дня более, — был ответ. — Я уже долго оставался и отправлюсь нынешним утром. Если вы хотите следовать моему совету, капитан Дагге, то сделайте то же. Зима под этими широтами наступает почти так же, как у нас весна. Я вовсе не хочу идти на авось среди льдов, когда ночи будут длиннее дней.

— Все это правда, Гарднер, слишком правда, но с каким же видом я приведу в Гольм-Голь шхуну наполовину полную?

— У вас много запасов. Идя к северу, остановитесь и ловите китов подле Фолклендских островов. Я лучше

соглашусь остаться там целый месяц с вами, нежели здесь еще день.

— Вы меня бесите, когда говорите мне об этой группе островов. Я уверен, что еще несколько недель не будет льда на этом берегу.

— Это может быть, но это никак не сделает дни длиннее и не проведет нас среди ледяных полей и гор, которые приплывут к северу. Несколько миль, которые мне надо сделать по океану, беспокоят меня более, нежели все тюлени, оставшиеся на этих островах. Но слова бесполезны, я отправляюсь завтра, и если вы рассудительны, то мы отплывем вместе.

Дагге покорился. Он хорошо знал, что было бесполезно оставаться без помощи Росвеля и его экипажа, потому что уже не мог более довериться Маси.

Все с радостью получили приказание готовиться поспешнее к отъезду, и вид домашнего очага явился в мыслях всякого.

Никогда корабли не готовились к отъезду поспешнее, чем оба «Морские Льва». Правда, что ойстер-пондский был уже готов около пятнадцати дней, но виньярдцы далеко так не подвинулись.

Где была Мария в тот день, когда Росвель дал приказание готовиться к отъезду? Чем она занималась и о чем думала! Она была счастлива в доме своего дяди, в котором она провела большую часть своего детства. Мария беспокоилась о Росвеле, только по причине столь долгого путешествия и того моря, по которому он плавал. Она знала, что время его возвращения наступило и что он должен находиться в дороге, а так как надежда есть чувство не менее деятельное, как и обманчивое, то она воображала, что он скоро приедет.

— Не странно ли, Мария, — сказал ей однажды ее дядя, — что Росвель не пишет? Если бы он понимал, что чувствует человек, собственность которого находится от него на столько тысяч миль, то я уверен, что он написал бы мне и не оставлял бы меня в таком беспокойстве.

— С кем же он мог написать, дядюшка? — отвечала его племянница со своей обычной рассудительностью. —

В антарктических морях нет ни почтовых контор, ни путешественников, которые могли бы взять его письма.

— Но он писал же однажды, и тогда были прекрасные известия.

— Он писал нам из Рио, потому что это было возможно. По моим вычислениям, Росвель должен был окончить свою ловлю три или четыре недели тому назад и уже сделать несколько тысяч миль на пути в Ойстер-Понд.

— Ты так думаешь, дочь моя, ты так думаешь! — вскричал Пратт с глазами, блестевшими от удивления. Это прекрасная мысль, и если он не остановится в своей дороге, то мы можем надеяться увидеть его через три месяца.

Мария задумчиво улыбнулась, и ее щеки сильно покраснели.

— Я думаю, дядюшка, что Росвель нигде не остановится на обратном пути в Ойстер-Понд.

— Я старался бы так думать, но самая главная часть его путешествия есть западная Индия, и я надеюсь, что он человек не способный пренебречь своими обязанностями.

— Росвель должен будет остановиться подле берегов западной Индии, дядюшка?

— Наверное, если исполнит полученные им приказания, и я надеюсь, что молодой человек не забудет ничего. Но он там не долго останется.

В эту минуту лицо Марии прояснилось.

— Если вы не обманываете, то мы можем ожидать его через три месяца.

Мария несколько времени молчала, но ее прекрасное лицо выражало счастье, которое, однако, было нарушено замечанием дяди, обращенным к ней.

— Если Гарднер, — сказал Пратт, — возвратится сюда, преуспев в охоте за тюленями и в другом деле, то есть в западной Индии, наконец, успев во всем, то я желал бы знать, согласитесь ли вы на его предложение, предполагая, что он сам несколько не переменится?

— Если он не переменится, то я никогда не буду его

женой, — отвечала с твердостью Мария, хотя ее сердце в эту минуту сильно билось.

Пратт посмотрел на нее с удивлением, потому что до этого думал, что единственная причина, по которой Мария, сирота и бедная, отказывалась с таким упорством быть женой Росвеля Гарднера, была бедность последнего.

Хотя Пратт любил Марию более, нежели признавался в этом самому себе, но, однако, не решился еще назначить ее наследницей своего богатства. Мысль разлучиться с ним была для него ужасна, а потому он не мог и подумать о завещании. Если бы он не сделал этого акта, то Мария не имела бы никакой части в его имуществе. Пратт это знал, а потому очень сильно беспокоился: в самом деле, с некоторого времени он сам заметил беспокойные признаки в своем здоровье и однажды написал: «Во Имя Бога Всемогущего, Аминь». Но это было для него большим усилием, и он остановился на этом. Однако Пратт любил свою племянницу и желал, чтобы она вышла за молодого Гарднера по его возвращении, особенно если бы он имел успех.

Г л а в а   X I X

*Бедное дитя опасности, питомец
бури, ужасны печали, изнуряющие это
мощное тело! Скалы и ветры тормо-
зят твой челнок, разбитый волнами;
твое сердце болит, твой очаг далеко.*

К е м п е б е л л

Было около полудня, когда оба «Морские Льва» подняли паруса для отплытия с острова тюленей. Все матросы были на палубе, и ничто на этой бесплодной земле не обозначало присутствия человека, исключая пустой дом и несколько деревьев, выросших на Шелтер-Айленде и Виньярде, и которые моряки теперь оставляли на утесах южного океана. Слышались песни людей, составлявших экипаж, которые были счастливы и веселы. Они только и думали о радости возвращения. Дагге был на палубе и

принял начальство над своей шхуной, хотя ходил еще с некоторой осторожностью, тогда как Росвель был везде. Целое утро ему представлялась Мария, и он ни минуты не думал об удовольствии, когда он увидит дядю и скажет ему:

— Господин Пратт, вот ваша шхуна с хорошим грузом слоновьего жира и тюленьих шкур.

Ойстер-пондская шхуна первая отчалила от берега. Ветер в этой бухте был не слишком силен, но его было вполне достаточно для движения шхуны.

Росвель, сделав в бухте около мили, дожидался другой шхуны. Через четверть часа Дагге был на расстоянии голоса.

— Ну, — сказал этот последний, — вы видите, Гарднер, что я прав, у нас довольно ветра с этой стороны и еще более со стороны земли. Нам только остается плыть среди ледяных гор, пока будет светло, и выбрать место, где бы мы могли провести ночь. Я не думаю, чтобы можно было плыть ночью среди всех этих льдов.

— Я хотел бы, — отвечал Росвель, — чтобы мы плыли как можно скорее и могли бы проплыть этот лед днем. Десять часов такого ветра, и мы будем вне льдов.

— Теперь, — сказал Дагге, — я тороплюсь так же, как и вы.

Оба корабля продолжали плыть к тому месту, которое было под ветром, туда, где виднелся большой проход во льдах и где они надеялись пройти к северу.

Так как Дагге был более опытный моряк, то оба капитана согласились, чтобы его шхуна шла впереди. Через час оба корабля вышли из большой бухты и группы островов, делая около десяти узлов в час. По мере удаления их от земли начали подниматься волны, и все предвещало ветер, хотя не очень крепкий.

Наступила ночь, и на севере заметили беловатую цепь ледяных гор, отражавших лучи заходящего солнца. Вокруг шхун было большое пространство воды, совершенно свободное ото льда и даже не было видно больших льдин. Дагге думал провести ночь под ветром плавающих гор.

Первые часы этой ночи прошли в ужасной темноте.

Дагге направился к цепи гор, не принимая других предосторожностей, кроме уменьшения парусов и деятельной бдительности. Каждые пять минут с вершины задней мачты слышались следующие слова: «Смотри вперед!». Ни один человек не сходил с палубы. Беспокойство было очень сильно, и даже последний из матросов знал, что следующие двадцать четыре часа определяют судьбу путешествия.

Дагге и Росвель беспокоились все более и более с того времени, когда должна была бы взойти луна, которая все еще не показывалась. По небу шло несколько облаков, но звезды блестели, как обыкновенно, светом хоть не ярким, но величественным. Но не было еще так темно, чтоб нельзя было различить предметов на довольно значительном расстоянии, и экипажи обеих шхун очень ясно видели вдали на очень значительном пространстве цепь плавающих ледяных гор.

Около девятого часа этой замечательной ночи густой туман, распространившийся над океаном, увеличил темноту. Это сделало Дагге еще более осторожным, и он направился к западу, чтобы не попасть в середину льдов. Росвель следовал за его движениями, и когда луна рассыпала свои приятные лучи по этой необыкновенной сцене, обе шхуны были на зыбком море менее, чем на милю от цепи гор. Скоро увидали, что водяные равнины находились подле плавучих гор и распространялись довольно далеко на юг, а потому могли составить препятствие, если не опасное соседство. Но эти равнины не были похожи на те, которые шхуна уже встретила, они были прорезаны напором волн, имели не более четверти мили в диаметре и были не крупнее обыкновенного речного льда. Соседство этих льдов заметили по шуму, производимому столкновением льдин, и который, несмотря на рев ветра, был слышен.

Наши оба капитана начали сильно беспокоиться. Скоро увидали, что Дагге был очень дерзок и без достаточной предосторожности и предусмотрительности направился к льдам.

По мере того, как всходила луна, легко было оценить

опасности, которым они подвергались. Не было ничего величественнее сцены, развернувшейся перед глазами моряков и способной представить глазам самое большое наслаждение, если бы опасность, которой подвергались обе шхуны, бывшие под ветром ледяного берега, если можно было так выразиться, говоря о плавающих массах, не была бы слишком очевидна.

Около десяти часов луна взошла над горизонтом довольно высоко; туман росую оседал на лед, на котором замерзал и помог остановить оттепель. Океан в эту минуту казался светящимся, и все предметы на нем обозначились ясно. Тогда-то моряки совершенно поняли трудность своего положения. Смелые люди обыкновенно беспечны в темноте, но когда опасность очевидна, их движения показывают более благоразумия и осторожности, нежели движения людей робких. Лишь только Дагге заметил огромные массы ледяной равнины, которые, плывя по зыбким волнам океана, сталкивались между собой и производили тот же шум, как бурун на морском берегу, он дал почти инстинктивно приказание спустить паруса и поставить корабль против ветра, по крайней мере, насколько позволяла это его конституция. Росвель заметил эту перемену маневра и, как оно незначительно ни было, подражал ему. Большие льдины, те, которые можно назвать бродягами этой великой армии, были так близко, что каждый из кораблей, проходя подле них, получил несколько небольших сотрясений от льдин, к нему более близких.

Было ясно, что корабли зашли в середину льдов и что Дагге вовремя приказал уменьшить паруса.

Следующие полчаса были полны ужасного ожидания. Замечали обломок льда за обломком, и шхуна получала толчок за толчком, пока, наконец, глазам мореплавателей не представилась ледяная равнина. Она была похожа на неизмеримую громаду, простиравшуюся на юг столь далеко, сколько мог видеть глаз. Оставалось только повернуть корабль.

Дагге, уверившись в положении дел, приказал поднять передний парус и спустил задний треугольный. В

это время обе шхуны были под своими фоками, марсе-лями и гротом с двумя рифами. Эти паруса были не слишком благоприятны для поворота корабля, потому что для этого было довольно заднего паруса; маневрировали очень старательно, и оба корабля одинаково успешно пробирались среди необозримого пространства, покрытого льдинами, и слышно было, как лед ударялся в бок кораблей.

Невозможно было принять другое направление, прежде чем шхуны не были бы окружены льдом, и Дагге, заметив на небольшом расстоянии несколько открытый проход, смело подошел к нему; Росвель следовал за ним вблизи. Через десять минут они находились на одну милю отсюда, среди ледяной равнины, что сделало безуспешными все усилия направиться к ветру. Дагге решился на этот маневр в таких обстоятельствах, которые не позволяли другого, хотя этот, может быть, не был самый лучший, к которому должно было прибегнуть. Теперь, когда шхуны так далеко проникли в ледяную равнину, вода была менее наполнена льдинами, хотя волнение океана было еще очень сильно и удары льда становились ужасными. Шум, исходящий ото льда, был столь силен, что едва можно было слышать вой ветра и то промежутками, — это был звук, похожий на шум постоянных лавин, сопровождаемый шумом, похожим на треск ледников.

Шхуны взяли на гитовы свои паруса с двойной целью: замедлить ход и для лучшей перемены их, чтобы избежать тех опасностей, которые могли встретиться. Эти перемены были часты, но с помощью смелости, бдительности и опытности Дагге успел проплыть проход уже описанный. Он был похож на канал, проведенный среди льда, образованный теми потоками, в которых никак нельзя дать себе отчета, и имел с четверть мили в ширину. Этот канал вел к ледяным горам, находившимся менее чем на одну милю. Дагге, не изучив местоположения, пошел по этому каналу, — Росвель следовал за ним. Менее чем через десять минут они находились против того величественного алебастрового города, который плавал в южном море.

Шхуны не прошли среди гор еще и одного лье, а уже почувствовали, что сила порывов ветра и движение волн сделались гораздо слабее. Но чего, может быть, и не ожидали, ледяная равнина совершенно уничтожила проходы, бывшие между горами, и единственное затруднение, которое встречали при плавании, состояло в том, чтобы выбирать проходы во льду, оставшиеся не запертыми. В это время ход обеих шхун был очень медленным, горы перехватывали ветер, хотя иногда слышали его вой в глубине ледяных пропастей, как будто он хотел вырваться и свободно царствовал над волнами океана.

Так как море было довольно свободно и ветер, исключая отверстия некоторых проходов, был не силен, то ничто не препятствовало шхунам подойти ближе одна к другой. Это было сделано, и оба капитана советовались о настоящем положении.

— Вы, Дагге, очень смелы, — сказал Росвель, и я не хотел бы плыть за вами в путешествии вокруг света. Теперь мы среди нескольких сотен ледяных гор, представляющих, признаюсь, прекрасный вид. Но как мы из них выйдем?

— Лучше быть здесь, Гарднер, — сказал Дагге, — чем среди ледяных обломков.

— Вы отчасти справедливы, но я хотел бы, чтобы каналы были немного пошире теперешних. Если какие-нибудь две из этих ледяных гор соединятся, то наши маленькие корабли расколятся, как орехи в щипчиках.

— Надо остерегаться. Вот проход, кажущийся довольно длинным и ведущий на север столь далеко, сколько мы можем желать. Если мы сможем доплыть по нему до конца, то наше возвращение в Америку кажется мне несомненным.

Гражданин Соединенных Штатов называет свою страну «Америкой по преимуществу», никогда не прибавляя названия северной, как большая часть европейских народов. Под словом Америка Дагге подразумевал восточный берег Лонг-Айленда, остров Гарднера и Виньярд.

— По моему мнению, — отвечал Гарднер, — мы не выйдем из этого льда, не сделав тысячи миль. Не думаю,

что мы постоянно будем плыть в такой ледяной пустыне, как теперь, но после подобного лета, которое мы провели, мы, Дагге, можем рассчитывать, что лед будет простирается до сорок пятого градуса, если не на несколько градусов выше.

— Это очень возможно, я сам видал льды под сорок вторым градусом и под сороковым на севере от экватора... Но, Гарднер, что это такое?

На обоих кораблях не было слышно ни одного слова, на них едва дышали. За звуком, хотя глухим, но очень сильным, последовал шум массы, погрузившейся в воду, как будто развалины какой-нибудь другой планеты упали на нее.

Все соседние горы были потрясены, как приведенные в движение землетрясением. Эта часть картины имела в одно время что-то ужасное и величественное. Некоторые из этих льдов поднимались перпендикулярно на двести футов и представляли поверхности, похожие на стены в полмили длины.

В месте, где находились в эту минуту шхуны, ледяные острова были необширны, но очень высоки, и весьма легко уступали силе ветра и волн. Между тем огромная волна вдруг вошла в проход, подняла шхуны на огромную высоту и бросила их, как пробки, на пятьдесят футов ниже на расстояние по крайней мере ста ярдов. Другие волны, хотя менее высокие и менее стремительные, следовали за этой, пока воды не приняли своего естественного движения.

— Это землетрясение, — сказал Дагге, — вулканическое извержение. Подземный толчок потряс морские утесы.

— Нет, сударь, — отвечал Стимсон с носа своей шхуны, — это не так, капитан Дагге. Одна из этих ледяных гор перевернулась и потрясла все другие.

Хотя это было настоящее объяснение происшедшего, но оно не могло представиться уму менее опытных моряков. Это была самая обыкновенная опасность среди льдов, в которой можно было дать себе отчет.

Так как повернуть шхуны назад было поздно, то

корабли продолжали с той же смелостью плыть вперед. Проход между горами был тогда совершенно прям, достаточно широк и допускал проток ветра. Вычислили, что шхуны сделали три морских мили в час, следующий за тем временем, в которое поворотилась ледяная гора.

В конце назначенного часа «Морской Лев» из Виньярда переменил свой ход и направился к западу. Проход, находившийся перед ними, закрылся и только оставался один открытый выход, к которому тихо и поплыла шхуна. Росвель был на ветре, а Дагге под ветром. Проход, в который Дагге успел направить свою шхуну, был чрезвычайно узок и грозил быстро закрыться, но если шхуна успела бы пройти это первое, столь опасное ущелье, то далее он был гораздо шире. Росвель предостерегал Дагге и говорил ему, что эти горы наверное сойдутся.

Лишь только Дагге вошел в канал, как огромная масса льда упала с вершины одной горы, закрывая позади себя проход, что заставило Гарднера как можно скорее удалиться от горы, колебавшейся на своем основании. Следующая сцена действительно имела что-то ужасное! Крики, поднявшиеся на палубе судна, находившегося впереди, показали опасность, которой оно подвергалось, но для Росвеля идти столь далеко со своей шхуну было невозможно. Он только мог спустить шлюпку в море и плыть к опасному месту.

Он это исполнил мужественно, но с душой, исполненной беспокойства, и с совершенно смущенным сердцем. Он провел свою шлюпку под сводом, образованным куском упавшего льда, и скоро находился подле корабля Дагге, этот корабль получил большое повреждение, но это не было кораблекрушение. Однако только кусок льда, отколовшийся от горы, воспрепятствовал шхуне быть разбитой в прах. Эта огромной величины глыба разделила обе горы, и так как они не могли сблизиться, то, малопомалу отдаляясь от того места, где готовы были соединиться, начали тихо поворачивать к потоку. Через час дорога освободилась, и шлюпки пробуксировали шхуну в большой широкий проход.

Голос в прерии, женский крик страдания, смешавшийся с глухим и жестоким дыханием осени.

М и с с и с   С и г у р н е й

Случай, происшедший с «Морским Львом» из Виньярда, был в конце марта, соответствующего в южном полушарии нашему сентябрю.

Пока наши моряки находились среди льдов южного моря, происходила большая перемена в мыслях Пратта и его племянницы. При отправлении капитана Гарднера думали, что его отсутствие не продолжится более одного года. Все имевшие родных и друзей на палубе шхуны так и рассчитывали, но каково же было их беспокойство, когда первые летние месяцы не возвратили смельчаков. Недели шли за неделями, а корабль не приходил, и беспокойство заменилось страхом. Пратт вздыхал при мысли об угрожавшей ему потере, находя мало утешения в прибыли, полученной от китового жира, что всегда бывает со скупцами, когда их сердцем хоть однажды овладевает мысль о прибыли. Что касается Марии, то тяжесть, лежавшая на ее сердце, день ото дня увеличивалась; улыбка, отражавшая на ее лице невинную и тихую радость, исчезла, и она более уже не улыбалась. Однако она никогда не жаловалась; она много молилась и находила все свое утешение в занятиях, соответствующих ее чувствам, но редко говорила о своей печали, разве только в минуты слабости, когда ей надо было перенести рыдания ее дяди, жалующегося на свои потери.

Здоровье Пратта от беспокойства расстроилось. Он старел не по годам, и его племянница, по этому поводу, советовалась с доктором Сэджем. Прекрасная девушка печально замечала, что ее дядя делается все более и более суетным и что его любовь к деньгам увеличилась по мере того, как жизнь от него уходила и он приближался к тому часу, в который время уступает вечности. Между тем Пратт совершенно не переставал заботиться о своих инте-

ресак, как будто был совершенно здоров. Он получал деньги и продавал лес и все, что мог продать, никогда не упуская того, что могло увеличить его прибыль. Но его сердце всегда находилось на его шхуне.

Однажды в конце ноября Пратт с племянницей находились в зале, он сидел почти скрытый в большом кресле из-за все увеличивавшейся слабости, она, по привычке, вязала. Они сидели так, что их взгляды могли охватить залив, в котором Росвель перед отъездом бросил якорь.

— Какой был бы прекрасный вид, — сказала Мария, поднимая к небу свои наполненные слезами глаза, — если бы мы увидели «Морского Льва» на якоре, подле острова Гарднера! Я иногда думаю, что это будет так, но этого никогда не случится! Я получила с Бетингом Джоом ответ на письмо, которое писала в Виньярд.

Пратт затрясся и полуобратился к племяннице, устремив на нее глаза с каким-то свирепым любопытством. Любовь к богатству возбудила в нем последние остатки скупости. Он думал о своей собственности, тогда как Мария думала о существах, находившихся в опасности. Однако она поняла взгляд своего дяди, чтобы ответить ему приятным женским голосом:

— Я не смела сказать вам, дядюшка, что не получено никаких известий ни о капитане Дагге, ни о ком-нибудь из его экипажа. О шхуне нет никаких известий с тех пор, как она отплыла из Рио. Друзья капитана Дагге столько же беспокоятся, как мы о несчастном Росвеле. Но они думают, что оба корабля остались вместе и подверглись одинаковой же участи.

— Бог да хранит нас! — вскричал Пратт с такой силой, сколько позволяла ему его слабость. — Если Гарднер позволил Дагге сопровождать себя хотя бы даже один лишний час, то он заслужил кораблекрушение, хотя самая тяжелая потеря всегда падает на судовладельца!

— Но, дядюшка, утешительнее думать, что обе шхуны находятся вместе в этих ужасных морях, нежели предполагать, что они разделились и порознь подвержены опасностям.

— Вы говорите с легковерностью, свойственной женщинам, и если бы вы знали все, то не говорили бы так.

— Вы часто так говорите, дядюшка, и я боюсь, что вы теперь заняты чем-то тайным. Почему вы не доверитесь мне и не откроете ваших мыслей? Я ваша дочь по любви, если не по рождению.

— Ты, Мария, очень добрая девушка, — отвечал Пратт, немного успокоенный жалостным тоном одного из самых приятных голосов, какой только когда-нибудь слышало человеческое ухо, — у тебя прекрасная душа, но ты ничего не знаешь об охоте за тюленями и ничего не знаешь о том, что называется бодрствованием над сохранением своей собственности.

— Я желала бы знать все подробности относительно путешествия Росвеля, — прибавила она довольно громко, потому что знала, что Пратт еще многого не открывал ей. — Сообщив их мне, вы облегчите свою душу.

Пратт несколько минут тихо размышлял.

— Надо, Мария, чтобы ты знала все, — наконец, сказал он ей. — Гарднер отправился отыскивать тюленей на островах, указанных мне Дагге, который умер около полутора лет тому назад, островах, о которых знает только один он, если верить его словам. Товарищи, с которыми он пристал к этим берегам, почти все умерли, когда он открыл мне эту тайну.

— Я уже давно подозревала это и также подозревала, что виньярдцы знали что-нибудь об этих островах, если судить по поступкам капитана Дагге.

— Да, Мария. Гарднер, кроме охоты за тюленями, имеет и еще поручение.

— Я вас не понимаю, сударь, ведь Росвель отправился на охоту за тюленями?

— Конечно, в этом нечего и сомневаться, но в дороге может быть очень много остановок.

— Вы хотите сказать, сударь, — проговорила Мария с сильным беспокойством и едва дыша, — что Росвель должен где-нибудь остановиться? Вы говорите о западной Индии?

— Послушай, Мария, посмотри — не отворена ли дверь? И теперь, дитя мое, подойди ко мне, потому что бесполезно, чтобы я то, что хочу сказать тебе, прокричал так, чтобы весь Ойстер-Понд слышал. Потом, сядь тут и не смотри такими глазами, как будто бы ты хочешь съесть меня, потому что в таком случае память может мне изменить, и тогда ты не все узнаешь. Может быть, я сделал бы лучше, если бы сохранил тайну.

— Совсем нет, если она хоть сколько-нибудь касается Росвеля! Вы мне часто советовали выйти за него замуж, и я должна знать все, касающееся его, если вы только хотите, чтоб я была его женой.

— Да, Гарднер будет превосходным мужем, и я советую тебе за него выйти. Ты, Мария, дочь моего брата, и я обращаюсь с тобой так, как будто ты была моей дочерью.

— Да, сударь, я знаю это. Но что вы хотите сказать о Росвеле и его остановках, которые он может сделать в дороге?

— Ну, надо, Мария, чтобы ты все знала, и то, что это путешествие основано на рассказе того моряка, который умер у нас в прошедшем году. Я был ласков с ним, как ты можешь припомнить, и он был благодарен. Изю всех добродетелей благодарность самая лучшая, дочь моя!

Мария вздохнула, потому что знала, как мало жертвовал он из своих доходов на помощь другому человеку. Она также вздохнула с тихой покорностью при мысли, что с таким трудом могла получить подробности, которые испрашивала у Пратта. Но Пратт решился сказать все.

— Да, Гарднеру, кроме охоты за тюленями, надо еще кое-что приобрести, еще более важное, нежели весь груз шхуны. Жир всегда будет жиром, дитя мое, я это знаю, но золото всегда есть золото. Что ты думаешь об этом?

— Итак, Росвель должен остановиться в Рио, чтобы продать жир и вырученные деньги выслать вам золотом.

— Гораздо лучше этого, гораздо лучше этого, если он в самом деле воротится! Если Гарднер воротится, дитя

мое, то я ожидаю увидеть его с большим сундуком, почти бочонком, полным золота.

Пратт, сообщая это Марии, бросил вокруг себя испуганный взгляд, как будто бы он боялся того, что слишком много сказал. Но тут была его племянница, дочь его родного брата, и это размышление его успокоило.

— Каким же образом Росвель достанет себе золота, если не продаст своего груза? — спросила, видимо, озабоченная, Мария.

— Это другой вопрос. Я тебе, дочь моя, скажу все, и ты увидишь необходимость хранить тайну. Дагге, не тот, что снарядил другого «Морского Льва», но его дядя, который умер здесь у вдовы Уайт, этот Дагге говорил мне о скрытом сокровище.

— О скрытом сокровище! Но кем же скрытом, дядюшка?

— Скрытом моряками, которые в открытом море не боятся накладывать руку на имущество других и которые оставляют добычу в безопасном месте, пока могут прийти и взять ее. По рассказу Дагге, оно состоит из самых чистых дублонов, хотя в ней и есть и несколько тысяч английских гиней.

— Итак, дядюшка, Дагге был пират? Потому что все, похищающие имущество другого, не что иное, как пираты.

— Нет, совсем не он, но тот, кто сообщил ему эту тайну, был пират и был в той же темнице, в которой сидел сам Дагге.

— Я полагаю, однако, что Росвель уверен в том, что богатство, нажитое воровством, принадлежит тому, у кого оно украдено.

— А кто такие его законные владельцы? — я вас спрашиваю. Потому что это золото было отнято у того, у другого и, наверное, у множества людей. Нет, Мария, нельзя представить ни одного требования ни на одну из этих золотых монет; они все потеряны для их владельцев и будут принадлежать тому человеку, который успеет овладеть ими и который, в свою очередь, сделается законным их владельцем.

— Мне очень прискорбно, дядюшка, знать, что Росвель обогатится таким образом.

— Ты говоришь, как молодая, легкомысленная женщина, не знающая своих собственных прав. Мы не похищали золота: те, которым оно принадлежало, потеряли его много лет тому назад, и они теперь, может быть, умерли или позабыли о нем, и они не узнают ни одной из своих монет, бывших в их собственности. Мария, дитя мое, никогда не должно повторять то, что я говорю тебе об этом предмете.

— Не бойтесь, сударь. Но я надеюсь, что Росвель никогда не дотронется до подобного богатства. У него сердце слишком благородно и слишком великодушно, чтобы обогатиться таким образом.

— Ну, ну, не говори более, дитя мое, твои мысли слишком романтичны. Дай мне несколько успокоительных капель, потому что я устал от этого разговора. Я уже не тот, что был, Мария, и не проживу долго. Возьми газету и посмотри известия, относящиеся к китовой ловле.

Мария не заставила повторять, и ее глаза скоро упали на следующий параграф:

«С прибытием «Сестер Близнецов» из Стонингтона мы узнали, что они встретили лед в южном полушарии очень далеко на севере, где уже несколько лет его не встречали. Охотники за тюленями едва проложили в нем себе дорогу, и даже корабли, по направлению к мысу Доброй Надежды, окружены льдом».

— Вот что, Мария! — вскричал Пратт. — Ужасный лед. Очень возможно, что этот лед принудил Гарднера податься назад, чтобы выждать более благоприятного времени и потом направиться к северу.

— Ах! — сказала Мария. — Зачем мы не довольствуемся благами, дарованными нам Провидением, вместо того, чтоб отправляться в такие далекие путешествия для приобретения излишних богатств?

— Может быть, в это время, — сказал Пратт, — Гарднер роет, чтобы открыть истинное сокровище, и эта причина его удерживает. Если это так, то нечего бояться льдов.

— Я слышала от вас, сударь, что это золото скрыто на берегах западной Индии?

— Не кричи так, Мария, ведь не надо же, чтобы весь Ойстер-Понд знал, где скрыто сокровище. Оно может быть и в западной Индии, а может и не быть, — в мире есть много стран.

— Не думаете ли вы, дядюшка, что Росвель напишет, если долго пробудет в этих странах?

— Ты не хотела, чтобы были почтовые конторы в Антарктическом океане, а теперь хочешь, чтобы они были на песчаных берегах западной Индии? У женщин все навыворот!

— Я об этом не подумала, сударь. Ведь корабли проходят же подле берегов западной Индии и нет ничего легче, как отдать им письмо, которое Росвель написал бы нам, если бы был уверен, что оно к нам дойдет.

— Нет, Гарднер не таков, чтобы, не кончив дела, открыть кому-нибудь, что хочет делать в западной Индии. Нет, нет, Мария, мы не будем иметь о нем известий, пока он будет в этой части света. Очень возможно, что Гарднеру будет трудно отыскивать это место, потому что в рассказе Дагге были очень темные места.

Мария ничего не отвечала, хотя считала маловероятным, чтобы Росвель проводил целые месяцы в западной Индии, так погрузившись в занятие, что не нашел бы средства написать ей, где был и что делал.

Наступила другая долгая зима и принесла с собою бури, холода, навевающие печальные мысли при виде океана.

Не проходило ни одной недели без того, чтобы Пратт не получал письма от чьей-нибудь жены, матери или сестры матроса, которые спрашивали у него о судьбе отправившихся на палубе «Морского Льва» из Ойстер-Понда под начальством капитана Гарднера.

Даже виньярдцы прислали спросить известия у Пратта, и их способ выпрашивания уже выказывал их беспокойство и ужас. Беспокойство Пратта с каждым днем увеличивалось так, что для всех его окружавших было очевидно, что эта причина, соединившись с дру-

гими, физическими, расстроила его здоровье и угрожала его жизни. Состояние его здоровья теперь походило на здоровье больного матроса, у которого он с таким трудом узнал тайну. Теперь можно было усомниться в том, что Пратт ею воспользуется лучше последнего. Мария видела это очень ясно и плакала о неведении своего дяди и о судьбе, почти уже известной, того, кого она так любила.

Г л а в а   X X I

Я также видел тебя на вздымавшейся волне, когда ночная буря шла тебе навстречу...

П е р с и в а л ь

Первое движение моряка, если его корабль приходит в столкновение с твердым телом, проверить посредством помп, сколько в корабле воды. Дагге сам занимался этим в то время, когда шлюпки Росвеля Гарднера буксировали почти лишившуюся мачты шхуну Дагге к месту, свободному ото льдов. Все бывшие на палубе, как понял Росвель, с беспокойством ожидали результата этого испытания. Этот последний держал фонарь, при свете которого можно было вычислить высоту воды; света луны было недостаточно для этого опыта. Наконец, вытащили палку, которой измеряли глубину, и посмотрели, до какой отметки она была мокрой.

— Ну, Гарднер, что вы об этом скажете? — нетерпеливо сказал Дагге. — Вода должна быть, потому что нет ни одного корабля, который испытал бы столь сильный толчок и остался бы цел.

— В вашем трюме должно быть три фута воды, — отвечал, качая головой, Гарднер. — Если это, капитан Дагге, продолжится, то вашей шхуне трудно будет остаться на воде!

— Она останется на воде, пока помпы могут работать.

— Я думаю, — сказал через несколько минут Рос-

вель, — что ветер повернул на северо-восток и дует против нас.

— Не против нас, Гарднер, по крайней мере не против меня, — отвечал Дагге. — Я постараюсь воротиться на остров, где попробую пристать к берегу и исправить повреждения моей шхуны. Вот на что могу я надеяться!

— Это очень задержит вас, капитан Дагге, — сказал Росвель.

— Я и не говорю противного, но я вернусь на остров и не прошу вас, Гарднер, провожать меня. После преданности, которую вы нам оказали, дожидаясь нас, я не могу подумать ни о чем подобном. В две недели заделаем все течи и поспешим за вами. Вы скажете в Ойстер-Понде, что мы плывем, а оттуда известие дойдет до Виньярда.

Это значило некоторым образом обратиться к чести Росвеля, и Дагге знал это очень хорошо. Благородный и решительный молодой человек был более чувствителен к обращенному к нему непрямому приглашению. Мысль покинуть товарища в опасности среди моря заглушила в нем чувство обязанности, исполнение которой он в других случаях считал бы неотложным. Пратт, а еще более Мария звали его на север; но опасности виньярдцев связывали его с их участью.

— Посмотрим, что скажет нам теперь помпа! — вскричал Росвель с нетерпением.

Скоро результат стал известен.

— Ну! Гарднер, какие новости? — спросил Дагге, наклонясь, чтобы посмотреть едва заметные отметки, обозначающие смоченную часть палки. — Обгоним ли мы течь, или течь обгонит нас? Дай Бог, чтоб было первое.

— Я думаю, Дагге, что это легко может быть, — прибавил Росвель. — Одна помпа вытягивает воды на два фута, и, по моему мнению, две соединенные помпы совершенно избавят нас от нее.

— Ну, к помпам, — вскричал Дагге, — к помпам, друзья мои!

В это время оба корабля подняли больше парусов и под влиянием нового ветра, казалось, шли к только что оставленным островам. Шхуна Дагге шла впереди, а

Газар следовал за ней на палубе «Морского Льва» из Ойстер-Понда. Росвель оставался еще на поврежденном корабле. Так прошло несколько часов. Скоро узнали, что, работая часов шесть помпами, освободили шхуну от течи. Когда Росвель уверился в этом, то сожалел гораздо менее о решении, которое ему было некоторым образом внушено. Он согласился воротиться вместе с Дагге, убедившись в том, что не было возможности довести до Рио поврежденный корабль.

Счастье, или, как говорит Стимсон, Провидение, много покровительствовало нашим морякам в их новом пути посреди ледяных гор. Подле них было много лавин, и еще другая соседняя к ним гора перевернулась, но ни один корабль не потерпел при этом никаких повреждений. Лишь только шхуны подошли к ледяной равнине, Росвель вернулся на свою палубу. Теперь он шел вперед.

Среди разбитых ледяных масс встретили гораздо более таких препятствий и опасностей, о которых прежде и не думали. Росвель очень беспокоился, чтобы шхуны не были разбиты давлением, которого не могли вынести их стены.

Скоро сделалось почти невозможным плыть далее, разве только отчалить, как сделали шхуны, в середину ледяных масс, плывущих на юг со скоростью десяти узлов в час. Таким образом провели день и ночь. Утром второго дня все мгновенно переменилось. Лед начал расходиться: почему? — об этом можно было только догадываться, хотя приписывали это различному направлению ветра и потоков. Следствием этого было освобождение шхун из темницы, и они, несмотря на лед, начали двигаться. Около полудня заметили дым вулкана, и перед заходом солнца показался самый высокий утес, весь усыпанный снегом.

Утром четвертого дня наши мореплаватели были в большой бухте вне льдов, около одной мили от маленькой губы. Скоро шхуны были в старом порте. В то время, как в него входили, Росвель смотрел вокруг себя с печалью, ужасом и удивлением. В самом деле, он жалел, что

потерял столько времени, особенно тогда. Все летние признаки исчезли, наступала холодная и морозная осень. Дом остался таким же; деревья и другие предметы, оставались такими же, какими были оставлены. К общему удивлению, не заметили тюленей. По неизвестным причинам все эти животные исчезли, нарушив расчеты Дагге. На самом деле он надеялся воспользоваться этим случаем для пополнения своего груза. Некоторые утверждали, что животные ушли зимовать на север, другие говорили, что они были испуганы и что они убежали на какой-нибудь остров, но все пришли к соглашению в том, что они ушли.

— Ну, Маси, — сказал Газар, показывая ему пустые утесы, — что вы думаете об этом? Нет ни одного животного там, где прежде их были тысячи.

Экипаж Дагге перенес свои матрасы на берег, затем свои кровати, развел огонь в печи и приготовился устроить кухню в доме, как было до оставления острова. Росвель и весь его экипаж остался на палубе.

В одну неделю законопатили много течей, но, когда хотели спустить корабль на воду, то еще осталась одна довольно значительная, с которой трудно было предпринять столь далекое путешествие. Росвель очень упорно выразил свое мнение о необходимости законопатить и эту течь.

— В таком случае, — сказал Дагге, — нужно шхуну перенести на берег и приняться за работу. Но я вижу, что эта остановка вам не нравится и что вы думаете о Пратте и Ойстер-Понде? Я отнюдь не порицаю вас, Гарднер, и никогда не скажу ни одного слова против вас и вашего экипажа, если вы даже уедете ныне после полудня.

Был ли искренен Дагге в своих словах? Он хотел казаться справедливым и великодушным, тогда как втайне старался воздействовать на добрые чувства Росвеля, так же как и на его самолюбие. Дагге был еще занят мыслью о прибыли, он не отказывался и от скрытого сокровища, из которого хотел, привязавшись к Росвелю, получить свою часть.

Росвель хотя был очень мало расположен к продол-

жению своего пребывания на этих островах, но согласился остаться там, пока не уверится, что поврежденный корабль будет в состоянии возвратиться. Это была недельная отсрочка.

В самом деле успели законопатить течь шхуны Дагге, и ее можно было спустить на воду. Лишь только это было сделано и его шхуна стояла на якоре, Дагге подошел к Росвелю и пожал ему руку.

— Я обязан вам многим, — сказал он, — все виньярды узнают это, если мы когда-нибудь возвратимся домой.

— Я очень радуюсь, если это будет так, капитан Дагге, — сказал Росвель, — потому что, говоря правду, за две недели, которые мы потеряли и которые мы потеряем прежде, чем подыдем паруса, произошли большие перемены в погоде.

Дагге старался ободрить своего товарища, но Росвель был очень счастлив, когда через двадцать четыре часа виньярдская шхуна была готова. Гарднер думал, что надо было поднимать паруса, но Дагге при этом весьма живо возражал. Сначала он указал на то, что не было никакого ветра, и когда Росвель предложил вывести обе шхуны в бухту, то отвечал, что экипажи много работали в это время и нуждаются в отдыхе. Следствие, которое могли получить, заведя шхуны в бухту, было удаление от той ледяной коры, которая каждую ночь образовывалась подле земли и которую ломали и уносили волны, лишь только начинал дуть ветер. Росвель же хотел отвести свою шхуну на одну милю от губы. Он думал, что гораздо легче провести там несколько часов, а если будет ветер, то и менее. Это объяснение удовлетворило моряков, и Росвель Гарднер, отплыв от берега, почувствовал себя освобожденным от большой тяжести. Шлюпка тихо буксировала оyster-пондскую шхуну и помогала ей выйти из губы. Когда шхуна проходила около шхуны виньярдской, Дагге был на палубе. Он пожелал доброго вечера товарищу, обещая следовать за ним утром.

Тогда явилась мысль в уме нашего молодого капитана. К чему послужит то, что он выведет свой корабль из льда, если он на другой день затрет корабль Дагге? Он

решился опять войти в губу, чтобы еще раз попробовать уговорить Дагге.

Гарднер нашел всех виньярдцев спящими. Даже сам Дагге не встал, чтобы встретить Росвеля. Было бесполезно спорить с человеком, имеющим подобные намерения. Побыв несколько минут с Дагге, Росвель воротился на свою палубу. Возвращаясь, он заметил, что лед делается все толще и шлюпка шла к шхуне через ледяную кору.

Росвель сам начал опасаться того, чтоб его не затерло льдом до выхода из губы. К счастью, легкий ветерок подул с севера, и Гарднер успел вывести свою шхуну к такому месту, где этой опасности уже не было. Тогда он позволил своим людям отдохнуть, что для них было необходимо, и офицеры поочередно дежурили на палубе.

За час до начала дня лейтенант вследствие полученного приказания разбудил Росвеля. Молодой капитан, выйдя на палубу, увидал, что ветра совсем не было и было очень холодно.

Лед пристал к снастям и стенам шхуны, хотя ночная тишина и полное безветрие были очень благоприятны для наших мореплавателей. Росвель уверился, что ледяная кора, окружавшая его в бухте, равнялась футу по толщине. Это сильно его беспокоило, и он дождался с сильным беспокойством дня, чтобы отдать себе отчет в положении Дагге.

Лишь только рассвело, все увидали, что лед покрыл бухту. Дагге и его экипаж работали пилой. Должно быть, они спохватились еще до рассвета, потому что шхуна не поднимала якоря, хотя находилась от губы на расстоянии кабельтова. Гарднер следил за движением Дагге и его экипажа через подзорную трубу, а потом он вызвал свой экипаж на палубу. Повар получил приказание приготовить теплый завтрак. Поев, Росвель и Газар сели в две китоловные шлюпки и отплыли столь далеко, насколько позволил им лед, потом они остановились на фут от борта шхуны, осажженной льдом.

Может быть, к счастью Дагге, подул ветер с севера, следствием чего было то, что волны, гонимые этим вет-

ром, скоро разорвали лед, и виньярдская шхуна могла около полудня соединиться с ойстер-пондской.

Росвель весьма обрадовался, возвратившись на свой корабль, и решил как можно скорее выйти из этого рода залива, потому что ночной опыт показал ему, что он слишком долго оставался на якоре. Дагге охотно за ним последовал.

Г л а в а   Х Х I I

*Вблизи источника Мольдерн, в
бледных лучах луны, как в ужасном
сне, увидели армию мертвых.*

Л о н г ф е л л о

— Господин Газар, — сказал Росвель, оставляя палубу, чтобы идти отдохнуть, чего ему не удавалось в течение целых суток, — поднимайте полные паруса и отправляйтесь. Мы запоздали и должны торопиться. Позовите меня, если лед будет мешать движению вперед.

Газар посмотрел с завистью на своего капитана, идущего отдохнуть, так как он сам нуждался в сне.

Стимсон также находился на палубе.

— Слушай! — кричал часовой. — Держись моря, спереди идет лед.

— Лед здесь! — вскричал Газар. — Этого мы менее всего ожидали... Где лед, Смит?

— Вот, сударь, ледяная равнина столь большая, что заперла виньярдского «Морского Льва», когда он шел к нам.

Газар с печалью увидел лед, потому что надеялся быть в открытом море, но ледяная равнина так вошла в проход, что закрыла все выходы для обеих шхун. Дагге плыл за Росвелем, и этот опытный мореплаватель не видал никакого средства плыть по ветру. Обе шхуны шли одна за другой и через полчаса заметили северный берег земли, которую так недавно оставили. В это время взошла луна, и предметы сделались более видными.

Газар окликнул виньярдского «Льва» и спросил, что надо ему делать. Было возможно, следуя как можно ближе по ветру, обогнуть мыс и таким образом уйти от ледяных равнин. По крайней мере, при этом маневре оба корабля могли бы поворотить и нашли бы проход, который бы вывел их на несколько миль по ветру.

— Капитан Гарднер на палубе? — спросил Дагге.

В это время показался Гарднер.

— У нас, Гарднер, нет времени советоваться, — сказал Дагге. — Наша дорога перед нами. Надо идти по ней или остаться здесь, где мы теперь, пока ледяная равнина не подойдет ближе к нам. Я пойду вперед, а вы следуйте за мною.

Росвелю, для осознания своего положения, было достаточно одного взгляда. Оно ему не совсем понравилось, но он не колебался.

Оба корабля продолжали идти вперед. В одну минуту оба экипажа, сознавая опасность положения, находились на палубе, хотя никого не звали, а только потому, что распространился слух, что суда подвергались большой опасности. Никто не говорил. Глаза всех были устремлены на предмет, видневшийся впереди.

Соседство утесов с одной стороны, тайное предчувствие, что будет другая ледяная равнина, породили всеобщее беспокойство. Особенно оба капитана смотрели во все глаза. Начало холодать. Два молодых моряка, которые получили приказание взлезть на мачты, заявили, что приближалась обширная равнина льда, которая раздавит обе шхуны, если они не успеют ее избежать. Это ужасное известие в одно время услышали оба капитана. Вследствие маневра, в котором Росвель показал гораздо более опытности, чем Дагге, через десять минут обе шхуны находились одна от другой почти на одну милю. Мы последуем за шхуной Росвеля Гарднера и взглянем на те усилия, которые она делала, чтобы избежать опасность.

Росвеля всего более беспокоило расстояние, на какое эта равнина распространилась на запад. Он сам залез на мачту и, благодаря довольно ясному свету луны и безоблачному небу, увидел лед, распространившийся в этом

направлении на протяжении двух миль. Ночи теперь были столь холодны, что лед образовался везде, где была вода, и наш молодой капитан думал, что обломки, оторванные волнами, соединяются вследствие холода. Росвель сошел с мачты наполовину обледеневший от ветра, который дул с юга. Он позвал своих лейтенантов и стал советоваться с ними.

— Мне кажется, капитан Гарднер, — сказал ему Газар, — что не из чего выбирать. Мы затерты льдом, из которого нам надо выбираться до рассвета, а там может представиться удобный случай к выходу, которым мы воспользуемся, а если нет, так придется здесь зимовать. — Газар говорил тихо и хладнокровно, но очень легко было видеть, что он говорил весьма обдуманно.

— Вы позабыли, господин Газар, что может быть проход по направлению к западу и что по нему мы можем достичь открытого моря. Капитан Дагге довольно далеко на западе, и мы, может быть, успеем последовать за ним. Зимовать здесь невозможно; на это есть тысяча причин и в том числе выгоды нашего судовладельца. Мы идем быстро подле равнины, но мне кажется, что можно идти еще скорее; так ли вы думаете, господин Газар?

— Боже мой, сударь, это зависит ото льда. На нашем носу несколько тонн льда.

Нельзя было сомневаться в том, что скорость бега «Морского Льва» была сдерживаема тяжестью несомого им льда. К счастью, море было не слишком бурным, что могло бы увеличить опасность.

Однако, когда замеченная вдали ледяная равнина подошла близко, и все ее рассмотрели и убедились в том, что из нее не было выхода для шхуны, вдруг открылся канал, но когда вошли в него и поплыли на северо-запад, то потеряли всякую надежду, потому что этот канал оканчивался «мешком».

Почти в то же самое время лед быстро соединился за кораблем. Хотели отступить, но было невозможно — огромный кусок льда плавал посреди «мешка», встретив сопротивление в ледяной равнине, которая была сама остановлена утесами. Росвель тотчас же увидел, что ему

нечего было делать. Он стянул все свои паруса, сколько это позволяло замерзшее полотно, поднял остроконечные якоря, которыми пользуются во время льдов, и ввел корабль в ту часть губы, где ему было безопаснее оставаться при столкновении ледяных полей.

Дагге показал в это время всю деятельность, к которой он был способен; он старался обогнуть все утесы и проплыть в свободное море, когда обширные ледяные поля, блеск которых даже приметили на палубе другого корабля, вдруг оказались перед ним и воспрепятствовали дальнейшему продвижению. Дагге старался вернуться назад. Это было не так легко, как идти по ветру, и его шхуна была облеплена льдом больше, нежели другая шхуна. Поэтому он должен был освободиться от лишнего груза, но потерял таким образом дорогое время.

Когда Дагге поднял паруса, то был остановлен ледяными полями, которые соприкасались с утесами.

Была полночь, и люди нуждались в отдыхе. Уставили дежурство, и большое число людей получили позволение идти спать; но свет луны не был довольно ясен, а при этом нельзя было решиться на что-либо смелое.

Утром Росвель увидал опасность Дагге, а Дагге опасность Росвеля. Корабли находились друг от друга почти на расстоянии мили, но положение виньярдского «Льва» было более критическим. Шхуна Дагге опиралась на ледяную равнину, но эта равнина сама уступала сильному движению, которое не уменьшалось. Лишь только Росвель заметил положение Дагге, то решился помочь ему.

В двадцать минут Росвель провел своих людей по льду; каждый человек нес топор или другой инструмент, которым намеревался работать. Идти вперед было не трудно, потому что поверхность ледяной равнины простиралась более чем на одну милю и лед, образовавший ее, был очень толст и прочен.

— Вода, находящаяся между льдом и утесами, занимает гораздо менее пространства, нежели я думал, — сказал Росвель своему товарищу Стимсону. — Она здесь не более ста метров ширины.

— Правда, сударь. Уф! Когда идешь в таком холодном климате, как этот, то скоро задохнешься. Но, капитан Гарднер, эта шхуна разобьется раньше, нежели мы можем дойти до нее. Посмотрите, сударь, ледяная равнина уже достигает утесов подле самого корабля, и это движение льда не остановится.

Росвель не отвечал. Положение виньярдского «Льва» показалось ему более критическим, нежели он думал. Вдали от земли он не мог составить себе никакого понятия о той силе, с какой ледяная равнина ударялась об утесы, на которые взлетали куски разбитого льда, как творения, одаренные жизнью.

Иногда лед ломался с треском и ледяная равнина двигалась гораздо быстрее, потом была минута остановки и появлялась слабая надежда, но теперь приходилось от нее отказаться.

— Посмотрите, сударь, — вскричал Стимсон, — виньярдская шхуна от одного толчка перескочила пространство в двадцать сажен! Быть подле утесов очень опасно, сударь!

Все остановились. Чувствовали, что они были бесильны, и тоска, овладевшая ими, сделала их неподвижными. Экипаж Росвеля видел, что виньярдская шхуна, находящаяся на расстоянии менее одного кабельтова, была подле утесов и что первый удар мог ее уничтожить. Но к их удивлению шхуна вместо того, чтоб быть разбитой льдом, поднялась вместе со льдом, поддерживаемая кусками разбитого льда, которые собрались под кораблем, и остановилась почти без повреждений на уступе утеса. Весь экипаж ее спасся. Но она была брошена на берег, в двадцати футах над поверхностью воды, на утесы, неровности которых были выровнены волнами. Если лето будет благоприятно и если повреждение на этом и остановится, то еще можно было спустить шхуну в море и возвратить ее в Америку.

Но ледяная равнина еще не остановилась, льдина шла за льдиной, лезла вдоль берега, — стена, которую Росвель и его товарищи, несмотря на свою деятельность и мужество, едва перелезли. Но когда они добрались до несчастной

шхуны, то она была буквально погребена во льдах. Мачты были сломаны, паруса разорваны, снасти рассеяны. «Морской Лев» из Виньярда был не что иное, как разбитый корабль, из которого можно было сделать только небольшое судно, если его не придется сжечь вместо дров.

Все это случилось за десять минут.

— Капитан Гарднер, капитан Гарднер, — закричал Стимсон, — нам лучше воротиться на борт, наш собственный корабль в опасности: он очень быстро дрейфует к мысу и может достичь его прежде, нежели мы возвратимся.

Стимсон не обманулся. Небольшое число экипажа Дагге и сам Дагге остались на палубе разбитого корабля, но все прочие отправились к мысу, к которому теперь направилась ойстер-пондская шхуна. Расстояние было менее одного лье, и на утесах было не очень много света. Идя по уступу верхнего утеса, было легко дойти довольно скоро. Росвель так и сделал.

Менее чем через полчаса Росвель и все сопровождавшие его достигли дома. Ойстер-пондская шхуна была от этого места менее чем на полмили. К счастью, небольшой бассейн увеличился вместо того, чтоб закрыться, но из него уже невозможно было выйти — в этой ледяной равнине не было никакого выхода. Сначала Росвель считал свой корабль погибшим, но, осмотрев местность ближе, он надеялся, что его шхуна может обогнуть утесы.

Положение наших моряков было безнадежно. В полдень в тени мерзла вода. Блещающее солнце распространяло свои лучи по ледяной панораме, но так косо, что едва можно было сносить излишек холода. Столь далеко, как только мог достичь глаз, даже с вершины мыса, виднелся один лед, исключая ту часть большой бухты, куда не проникла еще большая ледяная равнина. К югу виднелось сборище огромных гор, поставленных там, как башни, и которые закрывали все выходы с этой стороны. Вода вокруг замерзла, и новый лед образовался на всем пространстве бухты.

Когда Росвель смотрел на все это, он сильно боялся, что до наступления лета ему нельзя будет освободиться

из этого льда. Правда, южный ветер мог произвести некоторые перемены и снять эту ледяную блокаду, но это с каждой минутой делалось более и более невозможным. Зима уже началась, а если лед образовался среди группы этих островов и вне этой группы, то в течение восьми месяцев надо было отказаться от всякой надежды.

Стимсон дал обоим капитанам прекрасный совет для борьбы с холодом, который, естественно, мог увеличить-ся: он советовал перенести паруса разбитого корабля и сделать из них большие занавеси в деревянном доме, единственном убежище для наших моряков; воспользоваться кожами тюленей, принадлежащих Дагге, чтобы законопатить изнутри стены этого дома, беречь дровяной запас, который привезли с собой; ограничиться, если будет возможно, одним огнем; быть как можно опрятнее, что представляет самое лучшее средство от холода; принимать почти холодные ванны и для этого брать воду у самого входа в дом, а бочку, служащую ванной, поставить под шатер; чаще прибегать к упражнениям, чтобы тем сохранить в теле естественную теплоту, которая так необходима.

Гарднер успел ввести свою шхуну в безопасное место подле берега, а из разбитого корабля Дагге вынули все запасы, которые там находились.

Два месяца прошли быстро. Предприняли все возможные предосторожности, и дом, или скорее клетка, в которой жили оба капитана, доставляла более удобств, нежели можно было думать. Дни уже уменьшились, а ночи увеличились так, что солнце было видимо только несколько часов, в которые оно очень низко проходило над северным горизонтом. Холод все более и более увеличивался, хотя погода под этой широтой была так же переменчива, как и под нашей. Оттепелей не было, и температура была на несколько градусов ниже нуля. Между тем люди обоих экипажей привыкли к климату и признались, что они были в состоянии перенести гораздо больший холод. Ничто не могло захватить родившихся в Нью-Йорке и Новой Англии врасплох, потому что там редко проходила зима, в которую бы не приходилось

переносить столь сильного холода, как тот, который испытывали эти моряки на берегах Антарктического моря.

В эту часть года выпало гораздо более снега, нежели после. Этот снег был большим неудобством, потому что скоро образовал вокруг дома вал и засыпал пространство, служившее местом прогулки для экипажей. Они были принуждены прорывать лопатами проходы, и это дало им работу, способствовавшую сохранению их здоровья.

Дагге не совсем отказался от своего корабля, и не проходило ни одного дня, чтобы он его не посетил. Каждый день ему приходил на ум новый способ поднять паруса весной, хотя все слушавшие его были уверены в совершенной невозможности подобного плана.

Между тем Росвель сильно беспокоился об отоплении. Уже истребили большую часть привезенных с собой дров. Как ни был значителен запас, но его уже много израсходовали, и, по сделанным вычислениям, его оставалось только на половину времени, которое должно было пройти на острове. Это обстоятельство заслуживало большого размышления. Без тепла смерть была неизбежна, и не было бы средства бороться с зимней стужей по соседству с южным полюсом.

Стимсон несколько раз давал по этому поводу советы:

— Ну, сударь, вы, без сомнения, знаете, что нам остается делать. Без теплого кушанья люди не могут жить, как и вовсе без пищи. Если у виньярдской шхуны нет дровяного запаса, то нам надо сделать из нее самой запасы для отопления.

Росвель несколько времени смотрел на Стимсона с пристальным вниманием. Он совершенно одобрил эту мысль, которая была ему предложена во второй раз.

— Без сомнения, — сказал он, — но будет весьма не легко уговорить на это капитана Дагге.

— Если он останется два или три дня без теплого кофе, — отвечал, качая головой, Стимсон, — то почтет за счастье согласиться на это. В подобном климате очень естественно жечь все, что может гореть.

— Я поговорю об этом с капитаном Дагге.

Росвель сделал это, но виньярдский экипаж принял это предложение с обидой. Никогда не было столь сильного спора между обоими капитанами, как в это время, когда Росвель предложил Дагге нарубить дров из остатков его разбитого корабля.

— Человека, который наложит топор или пилу на мой несчастный корабль, я сочту за личного моего неприятеля, — сказал Дагге.

— Я был бы благодарен Богу, капитан Дагге, — сказал Росвель, помолчав немного, — если бы мы были в состоянии провести зиму под такой широтой, не употребив для отопления от обоих кораблей более того, что необходимо для спасения нашей жизни. Наверное, лучше будет начать с того, который может быть менее полезен нам.

— Пока я в силах, я буду противиться сожжению моего корабля.

Росвель удивился этому упрямству, но думал, что сама жестокость зимы восторжествует над ним.

— Холод увеличивается все более и более, — говорил через несколько дней Стимсон Росвелю. — Я встал нынче утром, когда еще все спали, и если бы на мне не было колпака и кожаного одеяла, то не мог бы выдержать холода. Если такая погода продолжится, то одной жаровни будет недостаточно и их надо будет ставить в спальне две.

— Бог знает, откуда мы возьмем дров, если капитан Дагге не отдаст нам своего корабля; мы умрем задолго до начала лета.

— Вам надо, сударь, согреться чтением Библии, — сказал, улыбаясь, Стимсон. — Вы не должны забывать, капитан Гарднер, что вы обещали одной особе, которая каждый день молится за вас, пробегать главы, ею вам отмеченные, и посвящать им терпеливое и внимательное размышление.

— Итак, ты веришь, что Иисус Христос есть сын Божий? — вскричал Росвель.

— Столько же, как и тому, что мы здесь, и настолько же, насколько желал бы быть уверенным в том, что мы отсюда выйдем.

— Откуда ты почерпнул это убеждение, Стимсон? Из своего ума или из разговора с матерью или священником?

— Моя мать умерла прежде, нежели я мог понимать ее слова, и я редко встречался с священниками. Моя вера сказала мне, чтобы я верил этому, а вера происходит от Бога.

— И я мог бы верить тому же, если бы моя вера происходила из того же источника. Но мне кажется, что я никогда не допущу того, что мне кажется невозможным.

Спор продолжался довольно долго, но не привел к тому результату, которого Стимсон желал, а Мария лелеяла в своем сердце.

Наступил месяц октябрь, соответствующий нашему апрелю. В умеренном климате эти перемены возвещают весну. Но не совсем то было на земле тюленей. Прошла только половина зимы, и суровость холода осталась та же.

Выпало такое большое количество снега, что покрыло дорогу и прекратило сообщение между разбитым кораблем и домом. Ветер был силен, отчего холод еще увеличился и сделался пронизывающим. Температура часто менялась, подымаясь иногда выше нуля, хотя также падала и ниже. В сентябре и октябре было много метелей, принесших с собой суровую зиму.

Огромные сосульки свисали с кровли дома и образовали ледяную цепь, доходившую до земли.

Росвель принужден был срубить концы мачт своей шхуны, чтобы достать дров, без которых его экипаж умер бы от холода. Место, где находилась оyster-пондская шхуна, узнавали только по высокой снежной горе, которой она служила преградой в то время, когда, уступая влиянию ветра, шла на дрейф. Но почти все части шхуны, бывшие вне воды, доски, палуба были разобраны по частям и перенесены в дом на топку печки.

Чтобы дать понятие об упрямстве другого экипажа, надобно сказать, что Дагге сделал то же. Большая часть его нежнолюбимого корабля исчезла в чулане, но этим не ограничились. Это разрушение корабля, к которому он был принужден, только увеличило его упорство. Он при-

цепился к его несчастным развалинам, как к своей последней надежде. Этот корабль, говорил он, принадлежал ему и его экипажу, тогда как другой корабль принадлежал ойстер-пондским людям. Всякий имеет право только на то, что принадлежит ему. Дрова истощались. Росвель старался заменять их жиром, а оставшиеся перенес в кухню и успел таким образом варить большую часть своих кушаний.

Около месяца до рассказываемого времени Маси, первый морской офицер Дагге, пришел в сопровождении одного матроса в дом с предложением, чтобы оба экипажа заняли поврежденный корабль, а дом разобрали на части на топливо.

Предложение Дагге было вовсе не исполнимо. На его корабле было очень мало места, и притом туда надо было перенести много вещей, необходимых для защиты себя от холода. Это было очень трудно сделать из-за дорог, заваленных снегом и льдом. А потому весьма понятно, что предложение Дагге было отвергнуто.

Маси провел ночь с ойстер-пондцами и оставил дом на другой день утром после завтрака, зная, что Дагге только и дожидался его возвращения с отрицательным ответом, чтобы начать ломку корабля. Через два дня была оттепель, происшедшая от лучей полуденного солнца, отчего лед в следующую ночь сделался, что очень естественно, крепче. Росвель и Стимсон отправились отдать визит, сделанный Маси, с последней надеждой убедить Дагге оставить разбитый корабль и перейти жить в дом. Дойдя до половины дороги, они нашли твердое, замерзшее, безжизненное тело матроса. Через четверть мили Маси найден был в таком же состоянии. Оба упали на дороге и замерзли от холода. Гарднер не без труда дошел до разбитого корабля и доложил, что видел.

Это ужасное известие не изменило мыслей Дагге. Он начал жечь свой корабль, потому что у него не было дров, и объявил Росвелю, что будет жечь корабль так, чтоб из остатков его можно было весной выстроить маленький корабль, не оставляя и теперь свою шхуну.

В некоторых отношениях поврежденный корабль, как жилище, представлял более выгод. В нем было более места для движения, ледяные пещеры, образованные глыбами льда подле корабля, были просторны и защищали от ветра, который был всего опаснее. Без сомнения, он был причиной смерти Маси и его товарища.

С приближением весны эти ветры делались сильнее.

Прошел целый месяц со времени посещения Росвеля, и в течение этого месяца не было никакого сообщения между домом и поврежденным кораблем. Был месяц сентябрь, соответствующий нашему марту; погода была ужасна.

Смерть Маси и матроса произвела большое впечатление на Росвеля, и опасность, в которой находился он сам и его экипаж, болью отозвалась в его сердце.

Он постоянно разговаривал с Стимсоном о религии, чего прежде не было, и читал и перечитывал места, отмеченные Марией, в которых особенно говорилось о Божественности Иисуса Христа.

Этот печальный месяц одинаково подействовал на умы всех. Все, читая Библию, сделались более серьезными. Евангелие отличается простотой, которая всем доступна, и произвела большое влияние на душу Росвеля, хотя он сохранил еще сомнения, основанные на гордости ума.

Вечером в октябре месяце, о котором мы говорим здесь, после одного из самых лучших полдней, какого не видали в течение многих месяцев, Росвель и Стимсон стали работать на террасе, которая была еще свободна от снега и льда. Ночь обещала быть холодной, но не была еще столь сурова, чтобы принудить Росвеля и Стимсона искать убежища.

— Надо бы, — сказал Росвель, — узнать, что случилось с виньярдцами. Мы целый месяц не имеем о них никаких известий.

— Разлука самая печальная вещь, капитан Росвель, — отвечал Стимсон, — и каждый час делает ее еще печальнее. Подумайте-ка о том, как было бы хорошо,

если бы они были с нами и во время наших вечерних и утренних чтений книги из книг.

— Это хорошая книга напоминает мне все твои мысли, Стимсон, и я желал бы иметь твою веру.

Несмотря на увеличившийся холод, Росвель остался на террасе, даже когда Стимсон оставил ее. Величественный вид развернулся перед его глазами, полярная ночь и небо, звезды которого блестели, как солнце. Росвель думал о своем ничтожестве и величии Божиим, и он преклонился перед этим величием.

Все, что говорила ему Мария, обновилось в его мыслях, и мудрые слова Стимсона принесли в его сердце плоды христианской веры.

Если бы Мария знала то, что произошло в сердце Росвеля, то ее счастье было бы столь же велико, как и благодарность Богу. Она бы увидала преграду, столь давно возникшую между нею и Росвелем, разрушившейся от единственного влияния Божественного ума, приготовляющего людей к присутствию Бога.

Г л а в а   X X I I I

Молитесь! — Лучистое солнце исчезло, и надвигается мрак ночи; он падает как завеса, под рукой Бога, укрывающая своей тенью покой отдыхающих детей. Затем склонитесь на колени, в то время как бодрствующие звезды блещут, и отдайте ваши последние мысли владыке ночи.

У з р

Между тем как душа Росвеля открывалась новой вере, которая перерождала ее, Стимсон беспокоился при мысли, что его капитан в столь суровое время был снаружи и вышел его отыскивать.

— Вы хорошо переносите холод, капитан Гарднер, — сказал Стимсон, — но вы, может быть, сделали бы лучше, если бы вошли.

— Мне не холодно, Стимсон, — отвечал Росвель, — напротив, я в хорошем расположении. Мой ум был занят, пока тело работало. Но, послушай, не слышится ли тебе голос по направлению разбитого корабля.

Известно, какое пространство проходят звуки в слишком холодное и ясное время. Экипаж слышал разговоры обыкновенным голосом почти на расстоянии одной мили, и во многих случаях старались установить сообщения между разбитым кораблем и домом посредством голоса. Отдельные слова были слышны, но невозможно было вести связного разговора.

— Теперь очень поздно, — сказал Стимсон, — чтобы думать, что кто-нибудь из виньярдцев был на ногах, а к тому же так холодно, что все должны лежать.

— Не понимаю и не нахожу, чтобы было так холодно. Ветер, кажется, повернул к северо-востоку, — будет мороз. Послушай, вот опять кричат.

В этот раз нельзя было обмануться. Человеческий голос раздавался среди ночи, ночи почти полярной, прося помощи. Единственное слово, которое слышали и поняли, было: «Помогите!» Этот крик имел что-то жалкое, как стон умирающего. Росвель почувствовал, что вся его кровь прихлынула к сердцу; никогда он лучше не понимал того, что человек находится во власти Божественного Провидения.

— Ты слышал? — сказал он Стимсону после минуты молчаливого внимания.

— Слышал, сударь. Это голос негра Джона, повара капитана Дагге.

— Ты так думаешь, Стимсон? У него хорошие легкие и может быть ему велели звать на помощь?

— У нас должно быть еще довольно припасов, но они, может быть, потушили огонь и не могут опять зажечь его.

Последнее мнение показалось Росвелю самым вероятным. Лишь только он уверился в том, что звали на помощь, то решил тотчас же отправиться к разбитому кораблю, несмотря на поздний час и чрезвычайно сильный холод.

Росвель взял с собой только одного Стимсона. Двое

стоили ста, если только дело шло о разведении огня. Взяли все, что нужно было для этого, а также и заряженный пистолет для подачи сигнала, если это понадобится, и Росвель со своим товарищем предприняли это ужасное путешествие.

Подумав о часе, погоде, цели, им предстоящей, Росвель Гарднер согласился с тем, что он решается на самое опасное предприятие в своей жизни. Движение заставило быстро обращаться кровь, и наши смельчаки почти не чувствовали холода.

— Мне кажется, что мы не доживем до того, чтоб дойти до разбитого корабля, потому что делается холоднее и холоднее, — сказал Стимсон.

Они продолжали идти. Росвель слышал еще раз крик, но этот крик было довольно трудно объяснить, он, казалось, доносился не из того места, где находился корабль.

— Этот последний крик, — сказал Стимсон, — идет от точки, которая ближе от гор, нежели мы теперь от них, и совершенно не со стороны моря. Я так уверен в этом, что советую переменить немного дорогу и посмотреть, не находится ли в опасности шедший к нам виньярдец?

Росвель согласился, потому что думал то же самое, хотя и не предполагал, чтобы выбрали негра для исполнения этого поручения при подобных обстоятельствах.

— Я полагаю, — сказал он, — что капитан Дагге скорее пришел бы сам или поручил кому-нибудь из своих офицеров, вместо того, чтобы посылать негра.

— Мы еще не уверены, сударь, что это именно негр. Несчастье извлекает одинаковые звуки из горла белого или негра. Подойдемте к горам, сударь, я вижу там что-то чернеющее на снегу.

Росвель приметил тот же предмет, и наши смельчаки ближе подошли к этой стороне.

— Ты прав, Стимсон, — сказал Гарднер, когда был подле этой точки. — Это повар! Бедняжка дошел до половины дороги между кораблем и домом.

— Он еще жив, сударь, все негры таковы. Последний

крик был с десять минут назад. Помогите мне повернуть его, и мы нальем' ему в горло водки. Немного теплого кофе оживит его.

Росвель исполнил желание Стимсона, потом выстрелил из пистолета, чтобы уведомить офицеров, оставшихся в доме. Негр еще не умер, но находился в такой большой опасности, что достаточно было нескольких минут для его смерти. Трение, произведенное Росвелем и Стимсоном, имело свое действие. Глоток водки, наверное, спас бедного малого. Пока помогали, Гарднер нашел подле него кусок мерзлой свинины, которая, как он уверился, никогда не была варена. Этого было достаточно, чтобы объяснить, что произошло с экипажем разбитого корабля.

Они были так заняты попечениями о бедном поваре, что люди из экипажа пришли гораздо скорее, чем они могли надеяться. Они были приведены Газаром и принесли лампу, горящую под глиняным сосудом, содержащим теплый кофе. Это теплое питье произвело прекрасное действие на больного и на уставших. После одного или двух глотков негр начал оживать.

Теплый кофе был ему очень полезен, и каждый его глоток возвращал ему жизнь. Когда они возвратились домой, то он уже мог думать и говорить. А так как Гарднер и Стимсон вернулись вместе с ним, то все могли слышать рассказ негра.

Он сказал, что в течение прошедшего ужасного месяца Дагге принуждал свой экипаж делать много работы. Он очень беспокоился об отоплении и дал самое строгое приказание беречь дрова как можно дольше. За огнем не смотрели, как следовало бы. Ночью виньярдцы получили приказание покрываться, сколько можно, платьями. Каюта была маленькая, и из-за большого количества людей воздух в ней был тяжелым.

Таково было положение дел, когда, возвращаясь в чулан, чтоб приготовить завтрак, он нашел огонь потухшим. В золе не было и искорки, а трут вышел весь. Это было самое большое несчастье, которое только могло в это время случиться с виньярдцами. Целый день про-

Он еще жив... Немного теплого кофе оживит его.

вели в бесполезных усилиях, чтобы достать огня. Трение не помогло, потому что оно никогда не помогает, когда температура при нуле. Можно бы было получить искры, если бы все не было твердо и холодно; на вторую ночь водка, которую еще не пили, обратилась в кусок льда. Многие из экипажа начали жаловаться на уши, носы, ноги и другие конечности, и скоро все были принуждены скрыться в постели. В течение нескольких часов послали трех людей в дом, чтобы запастись огнем или средствами зажечь его, также и за другими предметами, бывшими необходимыми для спасения виньярдцев. Повар был последним посланным. Он прошел мимо своих товарищей, все они лежали на снегу мертвыми, по крайней мере ему казалось так, потому что ни один из них не подавал признаков жизни. При виде этого ужасного зрелища негр стал звать на помощь. Он продолжал звать, пока сам, оледенев от холода и страха, не упал на снег, приходя в состояние летаргии, которая была бы его последним сном, если бы не пришел Росвель.

Наш молодой капитан вышел в этот вечер во второй раз. Его провожали один из его офицеров, матрос и Стимсон.

Холод был так силен, что Росвель был готов возвратиться, когда был на том месте, где нашли негра. Но мысль о положении, в котором находился Дагге, восторжествовала над ним, и он продолжал дорогу.

На месте, обозначенном негром, нашли одного из лучших людей экипажа Дагге. Он был мертв, а труп его был тверд, как кусок дерева.

Не теряли времени в пустых совещаниях над трупом этого человека, которого любили все ойстер-пондцы. Через двадцать минут нашли другое тело; оба трупа находились на дороге между домом и разбитым кораблем.

Росвель останавливался только на минуту, чтоб внимательно взглянуть на труп и спешил далее туда, где еще можно было развести огонь, то есть к разбитому кораблю. Через десять минут они все находились в ледяных пещерах и вошли в каюту, не смотря ни направо, ни налево, не ища никого из тех, кто должен был быть на судне;

пришедшие занялись огнем. В чулане было запасено много дров и было очевидно, что многие старались добыть огонь. Холод тихо, но жестоко проникал под одежду, и сам Росвель, моральные силы которого в этот день были в полном своем развитии, ощущал дрожь. Стимсон первый вошел в чулан, другие следовали за ним, неся факелы, полотно, напитанное жиром, и немного приготовленной бумаги. Нашли, что в каюте с затворенной дверью сделалось гораздо теплее, однако, когда Росвель посмотрел на термометр, то увидел, что вся ртуть была в шарике.

Любопытство, с которым глаза следовали за Стимсоном, старавшемся развести огонь, было очень сильно, что не трудно было заметить, — жизнь или смерть зависела от результата, а из того, как все смотрели на Стимсона, можно было видеть, какой страх замерзнуть овладел всеми. Только один Росвель осмелился осмотреть каюту. Из виньярдского экипажа заметны были только трое, хотя можно было думать, что многие были закрыты кучей одежд. Из троих вставших один был так близко подле факела, что свет освещал его лицо, которое только что виднелось из-за кож.

Этот человек сидел. Его глаза были открыты и устремлены на бывших в чулане; губы его были немного раскрыты, и Росвель сначала ждал, что он будет говорить, но неподвижные черты, застывшие мускулы моряка и странное выражение его взгляда объяснили все. Он был мертв. Трясая столько же от холода, сколько и от страха, наш молодой капитан также обратился в сторону Стимсона, чтоб посмотреть, успел ли он развести огонь.

Стимсон положил на дрова побольше полотна, напитанного жиром, и поставил лампу среди этих легко воспламеняющихся предметов. Опыт удался. Мало-помалу дерево, находящееся на очаге, начало отходить; пламя, сначала слабое, стало показываться на дубовых кусках.

К счастью, нашли раздувательный мех, и, благодаря этому полезному помощнику, дуб зажегся, и огонь дал некоторую теплоту.

Потом ощутили дрожь, с которой холод оставляет человеческое тело. А по количеству и силе этой дрожи

Росвель узнал, как близко он и его товарищи находились к смерти. Каюта была так мала, так узка и так загромождена, что почти тотчас же заметили перемену атмосферы. А так как из теплоты ничего не было потеряно, то действие было не только видимо, но даже приятно. Посмотрев на термометр, Росвель увидал, что ртуть значительно расширилась и уже поднялась из шарика вверх по трубочке.

— Слава Всевышнему за все его милосердие! — вскричал Стимсон, бросая мех в сторону. — Я чувствую теплоту огня, и эта теплота спасет еще всех живых.

Тогда он поднял крышки и посмотрел в различные горшки, находившиеся подле огня. Лед скоро таял и можно было ощутить жар огня. В эту-то минуту с одной из постелей послышался слабый голос.

— Гарднер, — говорил этот голос умоляющим тоном, — если вы имеете жалость к человеческому существу, находящемуся в страшном положении, так дайте мне глоток кофе, чтоб согреться. Ах! Как приятен его запах и как он должен быть хорош для желудка! Я три дня ничего не ел.

Это был Дагге, моряк, так давно испытанный, человек с железным здоровьем, человек, страстный к золоту, сосредоточивавший в себе всю силу, необходимую для человека, одержимого любовью к прибыли.

Лишь только Росвель узнал об участии Дагге, то поспешил ему помочь. К счастью, был горячий кофе, такой горячий, какой только может вынести человеческий желудок. Дагге дали два или три глотка этой жидкости, и звук его голоса тотчас же обнаружил то действие, которое произвел на него кофе.

— Мне очень плохо, Гарднер, — сказал капитан Дагге, — и я боюсь, что мы все здесь находимся в одинаковом состоянии. Я боролся с холодом так долго, как только может вынести природа человеческая, но мне пришлось уступить.

— Сколько осталось ваших людей, Дагге? Скажите нам, где мы найдем их?

— Я думаю, Росвель, что им более ничего не нужно

в этой жизни. Второй офицер и два матроса сидели в каюте, когда я бросился на постель, и боюсь чтобы они не умерли. Я уговаривал их также лечь, но сон уже овладел ими.

— В каюте есть трое, которые не нуждаются в помощи, потому что замерзли, но должны же быть еще. Я вижу еще двух на постелях. Что ты скажешь об этом малом?

— Душа еще не оставила тела, сударь, но она готова отправиться.

Это был молодой человек, по имени Лев, один из самых красивых и самых сильных людей экипажа. Осматривая его члены, нашли, что ни один из них еще не замерз совершенно, хотя кровообращение было готово остановиться, и довольно было одного часа подобного холода для его совершенного умерщвления. Осматривая члены Дагге, Росвель ужаснулся сделанному им открытию: ноги, голени, руки несчастного виньярдского капитана были столь же тверды, как льдины. Росвель тотчас же послал за снегом, чтобы оттирать обмороженных. Мертвые тела вынесли из каюты и положили на лед.

Экипаж «Морского Льва» состоял из пятнадцати матросов, одним меньше, чем на другой шхуне. Четверо из них умерли на дороге между разбитым кораблем и домом; три тела нашли в каюте и вытащили еще двух умерших на койках. Капитан Дагге, повар и Лев, прибавленные к прочим, составили двенадцать, только еще о трех людях из экипажа ничего не знали. Когда спросили у Льва, что с ними сделалось, то он сказал, что один из трех замерз в пещерах несколько дней тому назад, а двое прочих отправились в сарай в последнюю метель, не будучи в состоянии сносить холод в разбитом корабле. А так как эти двое не приходили еще в дом, когда Росвель вышел из него, то нельзя было сомневаться в их смерти. Итак, из пятнадцати человек, отплывших из Виньярда и презревших опасности из любви к прибыли, осталось только трое; на двоих можно было смотреть, как на находившихся в сомнительном положении. Лев был один человек из всего экипажа, который был в добром здоровье и еще мог служить.

Моя нога опирается на ледяную гору, тогда как ветер свищет кругом меня; когда ночь спустилась, мой глаз различил свет маяка. Я морская птица, морская птица, морская птица, одинокая в своем отчаянии; морская птица, морская птица, морская птица, единственное здесь существо.

Б р а н ь я р д

Когда вытащили тела из каюты и члены Дагге были обложены льдом, то Росвель посмотрел на термометр. Он поднялся на двадцать градусов выше нуля. Это уже был жар в сравнении с той температурой, которая стояла раньше, и это можно было заметить. Вышедшие люди скоро возвратились и объявили, что погода улучшилась. Через час могли видеть, что термометр, находившийся снаружи, показывал два градуса выше нуля. Эта перемена произошла от ветра, подувшего немного с юга. Моряки сняли шкуры и позволили погаснуть огню, который зажгли с таким старанием.

Когда встали утром, то было еще более перемены в погоде. Сильный ветер пригнал большой дождик. Оттепель была так же сильна, как мороз чрезмерен. В этой стране перемена погоды всегда очень скоро, от зимы к весне переход столь же быстр, как и от осени к зиме. Мы употребляем слова весна и осень в обыкновенном смысле, но в сущности эти два времени года почти не существуют в южных морях. Обыкновенно зима переходит прямо к лету, такому лету, какое только может там быть.

Несмотря на благоприятную перемену погоды, Росвель, когда вышел на другой день утром, вполне убедился в том, что лето еще не наступило. Надо было, чтобы прошло еще несколько недель, прежде чем лед с бухты исчезнет и даже до тех пор, когда можно будет спустить шлюпки в море. В одном отношении люди, находившиеся еще в живых, выиграли от ужасных потерь Дагге: запасы обоих кораблей могли теперь служить одному, и Росвель,

рассудив о случившихся обстоятельствах, уверился в том, что Провидение, может быть, сберегло переживших от больших лишений, если не от всех зол голода.

Между тем была оттепель и такая, какую можно вообразить себе в таком климате, в котором встречались все крайности. Снег, находившийся на горах, скоро начал сходить потоками в долину и, падая с различных высот, образовывал прекрасные каскады. Весь снег, находившийся на утесах, исчез, и ледяные обломки быстро начали терять свою величину. Сначала Росвель боялся за разбитый корабль, думая, что его снесет водой в море. За этим опасением скоро последовало другое, что он будет разбит огромными ледяными кусками, образовавшими пещеры, среди которых он находился и которые теперь начали менять свое положение, смотря по тому, как вода подмывала их основание. Росвель подумал презреть на несколько времени бурю и перенести Дагге в сарай на ручной тележке, но увидав потоки воды, текшие с утесов, отказался от этой мысли, как неисполнимой. Итак, ему должно было провести еще ночь на разбитом корабле.

Северо-восточный ветер, дождь и оттепель овладели всем островом, когда наши смельчаки вышли посмотреть погоду. Когда вынесли термометр на воздух, то он показывал шестьдесят два градуса, и моряки сняли вторые рубашки и самые тяжелые платья. Снег почти совершенно исчез, и лед много потерял из своих обширных размеров. Что касается дома, то он был цел и кругом его не было снега.

Росвель, поручив разбитый корабль своему второму офицеру, отправился на мыс. Лев, молодой моряк, которого Росвель спас от смерти, сопровождал его, плучив у него позволение вступить в ойстер-пондский экипаж. Оба пришли в дом прежде ночи, где нашли Газара и его товарищей очень беспокоившихся о судьбе ушедших. Рассказ о происшедшем на другой шхуне произвел большое впечатление на наших моряков, и Росвель в этот вечер прочел молитвы перед собранием.

На другой день утром ветер, дувший с севера, продолжал быть тихим. Охотники за тюленями не видали

подобной погоды с тех пор, как прибыли на остров, и действие, которое она на них произвела, их оживило и ободрило. После завтрака Росвель дошел даже до губы, чтобы видеть состояние своего собственного корабля или, скорее, того, что от него осталось. В нем находилась большая куча снега, и он дал приказание некоторым из своих людей очистить его. Около полудня весь этот снег исчез.

Лишь только освободили корабль от снега, то Росвель велел вынуть из него все в нем находящееся: остатки груза, бочки с водой и замерзшие припасы, чтобы он мог как можно легче всплыть. Так как лед наполнял все дно шхуны и был несколько футов толщиной, то сочли благоразумным прибегнуть к очистке. Опыт удался, и корабль, облегченный от тяжести, поднялся на четыре дюйма.

В этот вечер Росвель составил совет из своих офицеров и старейших матросов. Надо было узнать, оставить ли остров в шлюпках, или, сделав некоторые поправки в остовах корабля и восстановив палубу, воспользоваться этим исправленным кораблем для возвращения на север?

Поспорив, пришли к следующему решению, а именно: надобно остаться еще с месяц на месте, прежде чем можно будет пуститься в этот бурный океан, в полное море и в открытых шлюпках. А так как благоразумие советует провести еще целый месяц на острове, то очень легко посвятить его перестройке шхуны. Если же холодная погода возвратится, то, как последнее средство, сжечь эти материалы.

Итак, принялись за работу, и погода очень редко препятствовала ей. В продолжение трех недель ветер был благоприятен для возвращения хорошей погоды и шел с востока на запад, но никогда на юг. Почти каждые два дня посылали двух матросов на горы, чтобы посмотреть состояние льда.

В продолжение трех недель сделали много полезного. Дагге перевезли в дом в ручной тележке и ухаживали за ним как можно лучше.

Росвель не имел намерения перестроить корабль в

прежнем виде. Он предполагал только немного поправить его надводную часть и восстановить, сколько возможно, его палубу.

К счастью, задняя часть виньярдского «Льва» была вся еще цела; доски его были очень полезны и помогли исправить заднюю часть шхуны. Но оставалась еще палуба и вся передняя часть. Воспользовались материалами различных частей обоих кораблей и успели починить палубу довольно сносно. Почти бесполезно говорить, что снег, лежавший по прибрежным утесам скоро растаял. Все пещеры исчезли еще в первую неделю оттепели. Наконец, начали показываться тюлени, что считали хорошим признаком.

Отдаленная часть берега была уже покрыта этими животными. Увы! Этот вид уже не возбуждал более жадности в сердце охотников за тюленями. Они не думали о прибыли, но все их желания ограничивались спасением своей жизни и занятием скромного места в том обществе, в котором они были до этого пагубного путешествия.

Это вторичное появление тюленей произвело на Росвеля Гарднера большое впечатление. Его ум более и более занимался религиозными предметами, и его разговоры с Стимсоном были гораздо чаще, чем прежде, и это не потому, что его наставник в разговорах подобного рода мог открыть ему свет знания, но потому, что Росвель нашел в Стимсоне ту сильную веру, которая разрушает все сомнения.

Во время испытаний Стимсон никогда не терял бодрости.

— Мы не замерзнем, — обыкновенно говорил он, — и не умрем от голода, если на это не будет воли Божьей. Если же Бог захочет этого, так поверьте мне, друзья мои, что это послужит нашему же счастью.

Что касается Дагге, то, казалось, что он более не думал о разбитом корабле. Когда ему говорили, что тюлени опять возвратились, то его глаза сверкали и лицо выражало сильное желание, но теперь это был только отблеск некогда столь сильной страсти, отблеск, исчезавший в той ночи, сумрак которой надвигался на него.

— Как жалко, Гарднер, — говорил Дагге, — что у нас нет готового корабля, чтобы принять другой груз, в это время года можно бы наполнить огромный корабль.

— Груз у нас гораздо значительнее, нежели мы можем вынести. Нам надо оставить половину всех наших кож и весь жир. Трюм шхуны очень узок для помещения всего нашего груза. Балласт корабля я сделаю из воды и провизии, а остальное место наполню самыми лучшими из наших кож; все же другое придется бросить.

— Зачем же бросать? Оставьте здесь одного или двух человек из вашего экипажа беречь его, и по своем возвращении пошлите за ним корабль. Оставьте меня здесь, Гарднер, я готов остаться.

Росвель несколько раз разговаривал с Дагге, не скрывая от него его положения. Дагге сознал сам близость угрожающей ему смерти. Стимсон часто молился за Дагге, а Росвель, по его собственной просьбе, читал ему главы из Библии; это заставляло думать, что виньярдец более заботится о близком конце, нежели о выгодах этой жизни. Он таким и был, пока не сказали ему о возвращении тюленей.

В это время всего более занимались поправкой «Морского Льва». Хотя эта продолжительная оттепель была очень благоприятна для наших моряков, но читатель не должен считать ее за ту теплоту, которой в умеренном климате пользуются в мае месяце. Не было ни одного цветка, ни одного признака растительности, и лишь только переставал дуть северный ветер, как все замерзало. Два или три раза холод был так силен, что думали, что зима возвратилась, и в конце третьей недели прекрасной погоды порыв южного ветра снес снег и лед. Буря началась утром до восхода солнца. Дни тогда были очень долги, и все пространство, находившееся вокруг дома, было завалено кучами снега. Вся работа была брошена в эту бурю, которая могла довести несчастных охотников за тюленями до печальной необходимости сжечь еще часть почти уже конченной шхуны, чтобы не умереть от холода. Тогда-то сказали Дагге, что от обоих кораблей,

кроме употребленного на поправку шхуны, не осталось дерева, чтобы поддерживать еще огонь в продолжение сорока восьми часов.

Перепробовали все: зажгли большое число ламп, похожих на огромные факелы, из старого полотна и жира морских слонов. Таким образом достали немного тепла.

В эту-то бурю душа Дагге улетела в другой мир, чтоб дожидаться там часа, в которых предстанет на суд перед Богом. Перед смертью он был откровенен с Росвелем; все его ошибки и непредусмотрительность поразили его самого.

— Я боюсь, что слишком любил деньги, — сказал он Росвелю, менее чем за час до последнего вздоха, — но надеюсь, что не столько для себя, сколько для других. Жена и дети, Гарднер, самая сильная связь, связывающая человека к земле. Подруги охотников за тюленями привыкли к несчастным приключениям, и виньярдские женщины знают, что очень редкие из них видят подле себя мужа в старости. Бедная Бетси! Для нас обоих лучше было бы довольствоваться малым, которое мы имели, потому что теперь должно лишиться всего.

Дагге несколько минут молчал, хотя шевелил губами и, наверное, молился. Вид этого последнего издыхания был печален, но никакая человеческая помощь не могла возвратить больного к жизни. Во избежание неудобств, которые могли произойти от оставления тела в теплом месте, его вынесли на снег, на небольшое расстояние от дома, спустя час, как оно перестало дышать.

Когда Росвель увидал этого человека, так долго, вследствие любви к золоту прилипавшего к нему как пиявка, сделавшимся теперь бесчувственным трупом среди льдов антарктических морей, то усмотрел в судьбе Дагге высокое указание суетности дел человеческих. Как он мало мог предвидеть случившееся и как он обманулся в своих собственных расчетах и надеждах! Что же такое тот человеческий ум, которым он так гордился, и какое право имел он считать себя судьей всех вопросов настоящего и будущего!

Около еврейского законодателя находилась восхищенная толпа, я увидел двенадцать апостолов. О! с какими взглядами восторга и радости, с какими слезами, с каким экстазом они созерцали вновь своего возлюбленного учителя!

У и л ь   Х а у з. «День судный»

Пришлось сознаться в том, что надобно было или погасить огонь, или сжечь постели и другую мебель, находившуюся в доме. Росвель для того, чтобы дать себе отчет в продолжительности холода, вышел и прорыл себе проход среди снега, который возвышался перед домом и почти весь покрывал его.

— Я не вижу никакой перемены, Газар, — сказал Росвель, — холод только усиливается.

Посоветовались и решили, что, поужинав, лягут, закрывшись шкурами и одеялами. Думали, что лучше употребить постели на это, чем разломать, чтобы сжечь на очаге. Таким образом провели тридцать шесть часов, сохраняя тепло и противясь холоду.

Росвель проспал последние десять часов, как и большая часть его окружавших. Общее чувство оцепенения овладело всеми людьми, и ноги и колени большей части их, несмотря на наваленные одеяла, сделались очень чувствительными к холоду. Никто не знал, насколько в эту ночь упал термометр. Холод проник в дом, обращая все в лед.

Постели перестали греть, и довольно было открыть плечо, руку или ухо, чтоб отморозить их. У многих болела голова, а другие едва дышали. Даже чувствовали онемение внутри, тогда-то заснул Росвель, но не спокойным сном. Теперь все уступили снотворному влиянию, хотя многие спорили с чувством, предшествующим смерти.

Росвель и сам не знал, сколько он спал в этот раз. Когда он проснулся, то увидал в доме зажженный факел и услышал, что кто-то ворочался в чулане. Тогда его

мысли перенесли на него самого и на состояние его членов. Желая потереть ногу ладонью, он нашел ее почти не чувствительной.

Росвель сначала испугался и стал сильно тереть, пока не почувствовал возобновившегося кровообращения. Страх Росвеля был так силен, что он не обращал никакого внимания на человека, находившегося в чулане, пока тот не стал подле его постели, держа в руках чугунный горшок. Это был Стимсон, оставивший свои кожи и находившийся в добром здравье.

— Вот теплый кофе, капитан Гарднер, — сказал всегда предусмотрительный Стимсон, — ветер, по милости Господа Бога, переменялся, и пошел дождь. Теперь я думаю, что настанет настоящее лето, по крайней мере, какое оно может быть здесь.

Росвель проглотил несколько глотков кофе, почти кипевшего, и тотчас же почувствовал его благотворное влияние.

Он послал Стимсона к другим постелям. Скоро теплый кофе и трение совершенно подняли всех. Стимсон развел огонь, и в этот раз истребили все дерево, оставшееся в доме, и скоро в комнате начали ощущать действие тепла. Но перемена ветра и происшедшее улучшение в погоде, наверное, предохранили весь оyster-пондский экипаж от печальной судьбы виньярдского экипажа.

Стимсон раздал чашки кофе, кровь была возбуждена, и скоро все были на ногах.

Было уже не очень холодно, термометр поднялся на двадцать шесть градусов выше нуля, а огонь, разведенный в кухне Стимсоном, и перемена ветра подняли ртуть до сорока шести градусов.

На следующий день дождь перестал, и лето казалось возвратившимся.

Так как снег исчез так же скоро, как и явился, то все пришли в движение; ни один человек не желал еще раз спорить с холодом. Росвель думал, что суровость холода, который вынесли, более не возвратится, и что это было последнее усилие зимы. Стимсон думал так же. Подняли паруса, закрывавшие внешние части дома, и перенесли

на палубу шхуны все вещи, которые хотели увезти. Наш молодой капитан хотел знать, какова была температура на острове, и влез на самую высокую гору, на которой остановился, не дойдя и половины дороги до вершины.

Он увидал, что последний ливень смыл весь лед и всех мертвых в море. Тело Дагге исчезло вместе с кучами снега, на которые он был вынесен; волны унесли все остовы тюленей. Одним словом, утесы были столь же голы и столь же свободны, как будто на них никогда не была нога человеческая. Поэтому Росвель заключил, что последняя буря была необыкновенно сильна.

Но состояние льдов было самое важное. Шхуна могла быть готовой через неделю.

На третий день с начала оттепели ветер повернул к юго-западу и дул весьма сильно. Около шести часов Газар донес Росвелью, что вода начала течь с гор и что он боялся, чтобы канал не был осажден льдом, находившимся вне и внутри губы. Вследствие этого не надо было терять времени, если хотели воспользоваться переменной погоды. Распилили лед на пространстве ста метров. Проход был не шире самой шхуны, и очень легко поняли, что ее надо как можно скорее провести по этому узкому проливу. Все принялись за работу, и через пять часов после донесения Газара «Морской Лев» подошел к мысу на шесть или восемь раз своей длины.

В восемь часов все было на палубе, и можно было обнять взглядом канал, следовавший по всем извилинам берега. Росвель понимал всю опасность, может быть, самую большую, которой избегал до сих пор. Если бы переменился ветер, или если бы один из необъяснимых потоков бросился напротив, то шхуна наверное была бы разбита или обращена в щепы в течение двух или трех часов. Следовательно, пользоваться временем было самое важное.

Шхуна едва могла идти по каналу. Два раза были принуждены пилить лед. В два часа «Морской Лев» находился среди большой бухты в трех или четырех милях от губы, подле того места, где мыс, менее возвышаясь, поворачивал к юго-востоку. Ветер был свеж, и

через полчаса юго-восточный мыс явился взорам наших моряков. Через десять минут «Морской Лев» плыл по направлению к юго-востоку и востоку в воды, свободные ото льдов.

Хотя была только одна ледяная равнина, находившаяся на юг от островов и в близком их соседстве, но кроме нее было множество ледяных гор. Правда, плавающие горы не подходили к каналу, но целый флот их осаждал острова столь далеко, как только мог достичь взгляд. Скоро сделалось ясным, что шхуна не могла пренебрегать подобными опасностями. Если ветер будет благоприятен, то можно восторжествовать над трудностями, но могло быть и иначе. Итак, должно было искать другие способы спасения.

Надо было выбирать между двумя крайностями: первая, обогнуть группу островов, проходя на восток вулкана, где еще не был ни один человек; вторая, идти по восточному краю бухты и искать какого-нибудь прохода, по которому бы шхуна могла пройти на север. Посоветовавшись со своими офицерами, Росвель выбрал второй вариант.

В эту ночь еще встречали осколки льда, которыми океан был полон, но миновали их без всякой опасности. К счастью, ночь клонилась к концу, и солнце осветило поверхность зыблющихся волн. Ветер в продолжение трех дней дул к юго-западу. Когда наступила вторая ночь, то море было свободно ото льдов. В восемь часов утра четвертого дня заметили на волнах черную точку, и с каждой минутой эта точка делалась все явственнее.

Через час или два «Морской Лев» находился в трех милях от мыса Горн. Сколько воспоминаний возникло у Росвеля, когда он припомнил все прошедшее с тех пор, как он оставил эти дикие горы! Как бы ни было бурно море и как бы ни казалось это им страшным, моряки, идущие из более бурной и более ужасной страны, смотрели на него как на место убежища. Они знали, что не очень легко было бы провести ту зиму, но они провели ее в стране, где даже не было и топлива, если бы не привезли его с собой.

Спустя двадцать дней «Морской Лев» еще раз поднял паруса в Рио-де-Жанейро, продав весь оставшийся у него слоновий жир и купив припасов, в которых нуждался корабль. Через несколько недель шхуна находилась между низкими песчаными мелями. Искали места, чтобы бросить якорь, и, наконец, нашли, где мог остановиться корабль, и Росвель вышел на землю.

Г л а в а   X X V I

Пусть зима идет! И пусть полярное дыхание разносит мрак и порывы бури.

К е м п б е л л

Время не останавливалось в своем быстром беге, когда все эти события происходили в антарктических морях. Прошло лето, то лето, которое должно было возвратить охотников за тюленями, и осень так же оледенила надежду, как и тело. Зима не сделала никакой перемены. О Росвеле и его товарищах не узнали ничего, и в самом деле надо было чудо, чтобы получить о них какое-нибудь известие.

Мария Пратт не поминала Росвеля в своих молитвах. Она считала его умершим, и ее пуританское верование запрещало ей молиться о тех, кто уже не существует более. Во время ее молитв имени Росвеля никогда не было на ее губах, хотя не проходило и минуты, чтобы образ Росвеля не представлялся ее воображению. Он жил в ее сердце, откуда она не могла изгнать его.

Что касается Пратта, то старость, болезнь, беспокойство ума его подкосили. Страсти, владевшие им, когда он наслаждался здоровьем, обратились против него и напали на его жизненное начало, как птицы на корм. Доктор Сэдж не скрывал от Марии, что ее дядя и покровитель, наверное, не проживет долго.

Нет ничего отвратительнее корыстолюбия родственников перед смертью богатого человека. Знали, что у

Пратта было большое состояние, и думали, что оно достигало тридцати или сорока тысяч долларов, что тридцать лет тому назад считали богатством в графстве Суффолкском, и все в графстве, имевшие хотя малейшее родство с Праттом, окружили его постель. В это время общей о нем заботы, предметом которой был Пратт, Мария, ухаживавшая за ним с такой преданностью, могла показаться равнодушной зрительницей. Другие, бывшие в той же степени родства с Праттом, как и она, и двое родных, брат и сестра, бывшие в более близкой степени, имели свои притязания, от которых не собирались отказываться.

Мария была бы счастлива, если бы могла молиться у изголовья своего дяди, но пастор Уитль взял на себя эту обязанность, утверждая, что Пратт не мог оставить этот свет, не исполнив всех формальностей. Некоторые из родных, имевшие очень мало и не знавшие, что были за дела между Праттом и пастором, жаловались на слишком ясные намеки, которые делал этот последний на денежную бедность конгрегации и почти на прямую просьбу о том, чтобы Пратт завещал им что-либо и тем дал бы возможность пастору расписать храм, купить несколько новых балдахинов и переложить снова стены здания. Эта скромная просьба, шептали они, — потому что тогда шептали обо всем, — будет стоить тысячи долларов богатства, нажитого Праттом с таким старанием.

Начался апрель, обыкновенно прекрасный в приморских местах, хотя там перемены температуры случаются довольно часто. Днем, в который произошла описываемая нами сцена, окна спальни Пратта были отворены, и тихий южный ветер порхал по его бледным и морщинистым щекам.

Смерть стояла у изголовья Пратта, хотя еще жизненный источник спорил с той ужасной властью, которой покорно все человечество.

Доктор приказал, чтобы в комнате умирающего не было более двух или трех особ, и то самых близких. Между этими последними была Мария. Она не думала

уже об его скупости, об его страсти к прибыли, об его сильном самолюбии, жертвовавшим всем своему частному интересу, и так мало Божеству. В то время, как Мария была у изголовья своего дяди, ей сказали, что Бетинг Джой желал ее видеть и что он ждет ее в коридоре, ведущем в спальню. Она вышла к старому рыбаку, стоявшему подле окна, выходящего на восток и, следовательно, находившегося против Гарднер-Бея.

— Вот он, сударыня! — сказал Джой, показывая на окно, и все его лицо выражало большую радость. — Вот он! Надо тотчас же сказать Пратту, дабы тем уладить его последние минуты. Вот он! Я его тотчас же узнал.

Мария заметила корабль, плывший к Ойстер-Понду, и что он был из разряда шхун; но он был так далеко, что она не ожидала увидеть «Морского Льва», и ей казалось невозможным, чтобы это был корабль, которого она уже и не ждала.

— Что ты мне показываешь, Джой? — спросила удивленная Мария.

— Этот корабль — «Морской Лев», который мы считали давно погибшим, но который возвращается в то время, когда его хозяин оставляет землю.

Джой мог говорить целый час; он болтал две или три минуты, высунув голову и половину тела за окно, — Мария не прерывала его. Она опустила на стул, чтоб не упасть на пол.

— Джой, — сказала она, — разве ты не видишь, что эта шхуна не похожа на «Морского Льва»?

— Это правда в некотором отношении, тогда как в другом это тот же корабль. Высокие мачты переменены. Но вот парус, который я сам сделал и который должен был служить сигналом для Пратта! Нет более сомнения, это он!

Джой мог говорить еще с полчаса, не будучи прерван. Мария ушла в свою комнату, оставляя его высунувшим голову и тело в окно и делавшим свои заключения, тогда как особа, к которой он обращался, стояла на коленях и благодарила Бога.

Через час не оставалось никакого сомнения. Шхуна прошла между Ойстер-Пондом и Шелтер-Айлендом и направилась к столь хорошо известной Ойстер-Пондской набережной.

— Это необыкновенно, Мария, — вскричал задыхающимся голосом Пратт, — не странно ли, Мария, что Гарднер возвращается? Если он исполнил свою обязанность относительно меня, так это успокоит и осчастливит вечер моей жизни. Я надеюсь, что я всегда был благодарен за благодеяния Божьи, и благодарю Его теперь от чистого сердца. Если собственность дана мне, то я никогда не откажусь от нее. Меня просили сделать завещание, но я сказал им, что имею так мало, что не для чего его делать, а теперь, когда моя шхуна воюротилась, то я не сомневаюсь, что они опять будут просить меня. Если со мной что-нибудь случится, Мария, то ты можешь посмотреть бумагу, которую я дал тебе, и это удовлетворит всех их. Ты припомни, что она адресована Гарднеру. Она не слишком важна, и они немного найдут в ней, но, что бы то ни было, это последний мой акт, которого я не перемену. Но когда я подумаю, что Росвель воротился, это оживляет меня, и через неделю я буду на ногах, если только он не позабыл страны и скрытого сокровища.

Мария Пратт вздохнула, когда увидала, что ее дядя, дни которого уже были сочтены, питает такие надежды.

Что касается родных Пратта, то их алчность усилилась. Узнать, что корабль, наполненный мехами, принадлежащий Пратту, возвратился, — было довольно, чтоб смутить наследников. Но предполагать, основываясь на слухах, что этот корабль привез сокровище, — значило воспламенить их жадность.

И в самом деле, он прибыл, этот небольшой корабль, разбитый бурей, осажженный льдом и наполовину сожженный, пробежав пространство, равнявшееся полудюжине обыкновенных плаваний. Шхуна, хорошо известная читателю, плыла к берегу, на котором все человеческие существа, для которых было сколько-нибудь приличным находиться там, собрались толпой.

— Это он! — вскричал Джой. — Капитан Гарднер, здоровый и невредимый! Вон он на палубе.

Маленькая девочка ушла, унося эту новость, и скоро сообщила ее Марии, которая плакала от радости. Через час Росвель сжимал ее в своих объятиях, потому что и для самой скромной женщины в подобную минуту нельзя было выказывать холодность или осторожность. В то время, когда Росвель прижимал Марию к своему сердцу, он прошептал ей на ухо, что почитает теперь Иисуса Христа, как Сына Божия. Кроткая и прекрасная девушка слишком хорошо знала откровенность и чистосердечие характера своего возлюбленного, чтобы сомневаться в том, что он сказал ей. Эта была самая счастливая минута ее жизни.

Между тем новость достигла Пратта, и оба они были приглашены к изголовью умирающего. Прилив жизненных сил Пратта был так силен, что его наследники начали сожалеть, что она так скоро дошла до него. Только одна из многочисленного семейства, Мария Пратт, ощущала родственные и христианские чувства. Все прочие члены семейства видели в умирающем человеке только богатого человека.

— Добро пожаловать, Гарднер, добро пожаловать! — вскричал Пратт с такой силой, что молодой человек сначала не мог дать себе отчета в положении больного. — Я никак не мог отказать себе в желании видеть вас и всегда думал, что получу от вас хорошие известия. Фамилия Гарднеров такова, что на нее можно положиться, и вот почему я поручил вам командование моей шхуной.

Так как Пратт остановился, чтоб вздохнуть, то Мария печально возвратилась к мысли, что страсти этого мира еще господствуют над душой этого человека, которому, может быть, не остается и одного часа жизни. Эти впадавшие, но еще воодушевленные глаза, эти щеки, похожие на высохший лист клена, положенный на холодный и белый камень, — все это представляло печальную картину. Одна Мария сознавала неприличие этой сцены и то, как дурно делают те, которые поддерживают эти чувства, так овладевшие ее дядей. Но даже сам пастор Уитль

любопытствовал узнать, что за сумма прибавится к наследию Пратта с возвращением столь давно ожидаемого корабля. Итак, когда глаза всех были устремлены на прекрасное лицо молодого человека, стоявшего подле изголовья Пратта, когда брат, сестра, племянники, племянницы, двоюродные братья и другие дожидались, пока станет говорить Росвель, пастор ощущал не менее других беспокойство, и его лицо было очень озабочено. Лишь только Пратт перевел дух и выпил несколько укрепляющих капель, его мысли обратились на предмет, которым он занимался всю свою жизнь.

— Это друзья, Гарднер, — сказал он, — посетившие меня в небольшой болезни, которой я не так давно страдаю, и они будут счастливы узнать о нашем богатстве. Итак, Гарднер, вы привели шхуну! Что скажут сак-харборские судовладельцы, утверждавшие, что мы ее более не увидим? Вы ее привели, Гарднер... привели!..

— Только отчасти, господин Пратт. С тех пор, как мы вас не видали, с нами случилось много и хорошего, и дурного, но мы привели только самую лучшую ее часть.

— Лучшую часть, — сказал с живостью Пратт, что заставило его остановиться, — самую лучшую часть! Что же сделалось с остальной?

— Остальное мы сожгли, сударь, чтобы не умереть от холода.

Росвель рассказал в кратких, но ясных словах все случившееся, и как остатки «Морского Льва» из Виньярда были употреблены для поправки его шхуны. Этот рассказ привел Марию к постели ее дяди, и она устремила свои глаза на лицо рассказчика.

Пратт испытывал теперь самую неблагоприятную страсть: скупость, — по мере того, как говорил Росвель, его ум представлял ему все источники богатства, которые ускользали у него один за другим, пока он, наконец, не осмелился заговорить трепещущим голосом и с лицом, лишенным всякого воодушевления.

— В таком случае, — сказал он, — я могу считать

свое предприятие за ничто. Страховщики откажутся заплатить за корабль таким образом перестроенный, виньярдцы провозгласят свои права на вознаграждение, потому что вы два раза воспользовались им и употребили их материалы. Есть ли у нас груз?

— Нет, господин Пратт, все еще не так худо. Мы привезли довольно шкур, чтоб заплатить жалованье всему экипажу, чтобы окупить ваше снаряжение шхуны, не говоря уже о довольно значительной сумме. Наш меховой груз не может стоить мене двадцати тысяч долларов, кроме того, что мы оставили на острове и за которым можем послать другой корабль.

— Это другое дело, — вскричал Пратт. — Хотя шхуну можно считать разбитой и хотя расходы огромны, но я боюсь идти далее, Гарднер, скажите мне?.. Я очень слаб! Где вы остановились?.. Мария, спроси его.

— Я думаю, что дядюшка желает спросить вас, оставались ли вы подле берега западной Индии, как вам приказывали?

Мария выговорила эти слова с отвращением, потому что хорошо видела, что для ее дяди было не время думать о делах этой жизни.

— Я ничего не позабыл из ваших приказаний, сударь, — сказал Росвель, — это моя обязанность, и я думаю, что в точности ее исполнил.

— Подождите, Гарднер, — прервал умирающий, — мне надо спросить вас. Виньярдцы не имеют никакого права на эти кожи?

— Наверное, нет, сударь. Эти кожи принадлежат нам. Есть кожи, принадлежащие виньярдцам, но они свалены в нашем доме, где мы их оставили.

— Но, Гарднер, нам надо поговорить о самом важном. Не хотите ли, чтобы все вышли из комнаты на время нашего разговора?

И Пратт силился засмеяться. В комнате остались больной, Мария, Росвель и сиделка, которую нельзя было выгнать и которая считала себя вправе знать все семейные тайны.

— Дверь затворена? — сказал трепещущим голосом

Пратт, потому что его смущение, соединившееся со слабостью, волновало его тело. — Мария, притвори хорошенько дверь, это наша тайна, надо, чтобы сиделка не забыла этого.

Мария уверила его, что они были одни, и отвернулась от него, чтобы скрыть свое горе.

— Теперь, Гарднер, — сказал Пратт, — говорите мне все.

Росвель колебался отвечать, потому что тоже видел с прискорбием, что любовь к прибыли господствовала над стариком до последнего вздоха.

— Вы забыли берег? — сказал Пратт с горестью.

— Нет, сударь, нет, я исполнил свою обязанность.

— Вы нашли его? Место хорошо было означено?

— Да, — отвечал Росвель.

— Итак, вы нашли то, о чем говорил Дагге?

— Да, сударь, точно так, как обозначил Дагге.

— Ну, ну! Вы вскопали маленький бугорок?

— Да, сударь, и мы нашли ящик, описанный пиратом.

— Бьюсь об заклад, что большой укладистый ящик. Пираты редко делают что-нибудь вполсилы. Хи, хи, хи!

— Я ничего не могу сказать о величине ящика, но в нем должен был быть другой, небольшой стеклянный ящик.

— Но, что в нем-то было, об этом вы не говорите?

— Вот что, сударь, — сказал Росвель, вынимая из кармана небольшой мешок, который положил на постель подле Пратта. — Все монеты были золотые, их здесь сто сорок три; это очень тяжелые дублоны, и каждый из них стоит десяти долларов.

Пратт раскрыл рот и, в то время как схватил кошелек, хотел вздохнуть. Через минуту он умер, и есть основание думать, что демоны, возбуждавшие в нем эту страсть, возрадовались такому концу. Вид скупости при последних его минутах так опечалил Марию, что она глубоко огорчилась при виде такой его смерти.

Скажите ему, чтобы он пал на колени перед Богом, Который над ним, перед Существом бесконечным, всемогущим, перед Создателем; пусть он станет на колени, и мы станем вместе с ним.

Б а й р о н

Погребение назначено было на воскресенье, в которое занимались делами. На другой день утром «друзья» собрались в гостиной и приступили к делу, говоря, что многие из них должны возвращаться довольно далеко.

— Прежде, чем мы расстанемся, нам надо рассмотреть дела Пратта, — сказал Иов Пратт. — Между родными и друзьями должна существовать только одна любовь, и я уверен, что не имею другого чувства. Я предполагаю, — господин Иов Пратт всегда говорил только предположениями, — я предполагаю, что надо именно мне управлять делами, если только на это все согласятся. Если же хоть один будет против этого, так я ни за что не возьмусь.

Все согласились, потому что знали, что закон ему присуждает это право.

— Я никогда не думал, чтоб у Пратта было такое богатство, какое ему приписывали, хотя и предполагал, что оно доходит до десяти тысяч долларов.

— Боже мой! — вскричала двоюродная сестра, вдова, рассчитывавшая на завещание. — Я всегда думала, что у Пратта сорок или пятьдесят тысяч долларов! Десять тысяч долларов составляют не очень много для всех нас, если их разделить между многими.

— Раздел не так велик, как вы думаете, госпожа Мартин, — сказал господин Иов, — потому что ограничили самыми близкими родными и их представителями. Так как нет завещания, то все имущество должно быть разделено на пять частей, и каждая часть, по моим вычислениям, будет равняться двум тысячам долларов.

Без сомнения, это не большое богатство, но все лучше, чем ничего. Пратт был бережлив, — все Пратты таковы. Надобно заботиться о тех средствах, которые нам посылает Провидение.

— Каждый должен заботиться, как говорите вы, сударь, — сказала вдова Мартин. — Вот почему бы я хотела знать, есть ли завещание? Я знаю, что Пратт должен был подумать обо мне, и не полагаю, чтобы он оставил этот свет, не позаботившись о своей двоюродной сестре Дженни и ее вдовстве.

— Опасаюсь этого, сударыня, опасаюсь. Я никогда ничего не слыхал о завещании. Доктор сомневается, чтобы Пратт имел мужество написать акт, где бы шло дело о его смерти. Мария тоже никогда не слыхала о завещании, и я не знаю, к кому еще обратиться. Но я должен сказать, что пастор Уитль думает, что есть завещание.

— Завещание должно непременно быть, — сказал пастор, — благочестивый член церкви дал мне надежду, когда я говорил ему о нуждах этой церкви, чего бы не было, если бы он не хотел сдержать своего обещания. Я думаю, что все согласятся во мной.

— Пратт вам обещал что-нибудь? — робко спросил Иов.

— Может быть, — отвечал пастор Уитль, боясь впасть в грех лжи. — Но человек может обещать и косвенно столь же хорошо, как и прямо.

— Может быть, — спокойнее отвечал Иов Пратт, хотя улыбался тому, что причинил новое беспокойство вдове Мартин, которая боялась все более и более, чтобы, за отсутствием всякого завещания, не последовали закону о разделе.

— Я бы хотел, — сказал пастор, — чтобы поискали опять нет ли завещания.

— Я согласен на все, — сказал Иов Пратт, уверенность которого и мужество с каждой минутой возрастали. — Я соглашаюсь на все и желал бы только знать, к кому мне должно обратиться?

— Кто-нибудь из присутствующих слышал ли о том,

что умерший оставил завещание? — спросил громким голосом пастор Уитль.

Глубокая тишина последовала за этим вопросом. Спрашивали друг друга глазами, и все искатели пришли в отчаяние.

— Может быть, не лучше ли предложить вопрос каждому близкому родственнику, — прибавил пастор. — Господин Иов Пратт, вы никогда не слыхали о завещании?

— Никогда. Были минуты, в которые я думал, что Пратт хотел делать свое завещание, но полагаю, что он переменял свое намерение.

— А вы, госпожа Томас, — сказал он, обращаясь к сестре, — я предлагаю вам тот же вопрос.

— Я несколько раз говорила об этом с братом, — отвечала эта родственница, — но он никогда не давал мне удовлетворительного ответа.

Это было довольно ясно, и нельзя было надеяться получить что-либо еще от нежно любимой и единственной сестры Пратта.

— Вы никогда не слыхали, Мария, о завещании, сделанном вашим дядей?

Мария покачала головой, но не улыбнулась, потому что эта сцена была для нее ужасна.

— Итак, — прибавил пастор Уитль, — никто не слыхал о бумаге, составленной Праттом, чтобы открыть ее после смерти?

— Бумагу! — вскричала Мария. — Да, я слышала, что он говорил о бумаге; но я думала, что вы говорите о завещании.

— Завещание обыкновенно пишется на бумаге, госпожа Мария. Бумага у вас?

— Дядюшка отдал мне бумагу, приказав мне беречь ее до возвращения капитана Росвелля Гарднера, и если моего дяди не будет на сем свете, так отдать эту бумагу Росвелю.

Прекрасная девушка покраснела и, казалось, говорила с большой осторожностью.

— Так как я должна была отдать эту бумагу Росвелю,

то всегда думала, что она относится только к нему. Дядюшка говорил мне о ней даже в самый день своей смерти.

— Без всякого сомнения это завещание! — вскричал пастор Уитль с радостью. — Не думаете ли вы, Мария, что это должно быть завещание Пратта?

Мария об этом ничего не думала. Она всегда полагала, что ее дядя желал, чтобы она вышла за Росвеля, и думала, что бумага адресованная этому последнему, содержала выражение этого желания, которое для нее было важнее всего.

Мария очень мало заботилась об имени своего дяди и очень много о Росвеле. Итак, очень естественно, что она обманывалась. Теперь, когда вопрос представился ей в новом свете, то она встала и пошла в свою комнату за пакетом, который тотчас же и принесла. Иов Пратт и пастор Уитль хотели его распечатать, и первый, с удивительным проворством, успел овладеть им. Эти бумаги были сложены, как деловые, плотно запечатаны и адресованы Росвелю Гарднеру, капитану шхуны «Морской Лев», находившемуся теперь в путешествии.

Иов громко прочел надпись, хотя и с удивлением. Однако он хотел хладнокровно распечатать пакет, как будто он адресован ему самому.

Госпожа Мартин, госпожа Томас, Уитль хотели принять участие в этом, и потому они все подошли к нему, и обе женщины бросились на пакет с таким жаром, как будто хотели разорвать его.

— Это письмо адресовано мне, — сказал с достоинством Росвель, — и я один имею право открыть его. Очень странно видеть, что те, которым не адресовано письмо, хотят его распечатывать.

— Но оно от Пратта, — вскричала вдова Мартин, — и может содержать завещание.

— В подобном случае можно думать, что и я имею какое-нибудь право, — сказал довольно хладнокровно, но очевидно тревожным тоном Иов Пратт.

— Конечно! — сказала госпожа Томас. — Братья, сестры и даже двоюродные братья должны иметь преиму-

щество перед посторонним. Мы, брат и сестра Пратта, здесь и должны иметь право прочитывать все его письма.

Росвель все это время протягивал руку и устремлял на Иова Пратта взгляд, который заставлял его укротить свое нетерпение. Мария стояла подле него, как будто для того, чтоб поддержать его, но не говорила ни слова.

— Есть закон, налагающий большое наказание на тех, которые распечатывают чужие письма, — сказал смелым голосом Росвель, — и я обращусь к этому закону, если кто-нибудь осмелится распечатать мое письмо. Если это письмо писано ко мне, сударь, то я прошу его мне отдать, и во что бы то ни стало я его получу.

Росвель подошел к Иову Пратту, который отдал ему письмо не так учтиво, а вдова Мартин сделала большое усилие, чтоб завладеть им.

— По крайней мере, — сказала эта женщина, — надо распечатать его в нашем присутствии, чтобы мы знали то, что заключается в этой бумаге.

— А по какому праву, сударыня? Не властен ли я, как и все, читать мои письма, когда и где хочу? Если содержание его относится к наследству Пратта, то я тотчас же объявлю об этом. В надписи не сказано, чтобы я открыл письмо в присутствии свидетелей; но во всяком случае я это сделаю.

Итак, Росвель открыл пакет. Он сломал печать и в этом состоянии показал его всем, потом развернул акт, написанный на большом листе, где находились подписи многих свидетелей.

— Это оно, это оно, — сказал Бетинг Джой, потому что комната была наполнена людьми всякого сословия, — это так!..

— Ты его знаешь, Джой? — сказала вдова. — Братец Иов, этот человек может служить важным свидетелем.

— Знаю ли я его, сударыня? Я видел, как Пратт писал эту бумагу.

— Он видел, как Пратт писал ее! Братец Иов, этого недостаточно, чтобы подтвердить завещание, если оно сделано в пользу Марии и Гарднера?

— Увидим, увидим. Итак, Джой, ты был свидетелем,

когда Пратт писал эту бумагу или, скорее, свое завещание?

— Да, я был свидетелем.

Росвель два раза прочел акт, о котором шла речь, потом с нежностью передал его в руки Марии. Молодая девушка прочла его в свою очередь; глаза ее наполнились слезами, но она сильно покраснела, когда возвращала его своему возлюбленному.

— Ах, Росвель! — сказала она тихим голосом. — Не читайте его теперь.

Но тишина и молчание были таковы, что присутствующие не проронили ни одного слова.

— Отчего же не прочесть его теперь? — сказала вдова Мартин. — Мне кажется, что теперь-то и время его читать. Если я лишена наследства, то я хочу знать это.

— Лучше было бы, во всех отношениях, знать то, что в нем заключается, — заметил Иов Пратт, — особенно, если это завещание, капитан Гарднер.

— Это завещание покойного Пратта, написанное в законной форме, подписанное и засвидетельствованное многими свидетелями.

— Читайте завещание, капитан Гарднер, — сказал решительным тоном Иов Пратт. — Желательно было бы знать, кто назначен исполнителем. Друзья, не замолчите ли вы на минуту?

Среди мертвой тишины Росвель начал читать следующее:

«Во имя Бога Всемогущего, А м и н ь. Я, Пратт, из города Сютгольда, графства Суффолкского, штата Нью-Йорк, объявляю, будучи слаб телом, но в здравом уме, что это есть мое завещание.

Я оставляю моей племяннице Марии Пратт, единственной дочери моего покойного брата Израиля Пратта, все мое имение, какое бы оно ни было и в чем бы оно ни заключалось, в вечное и потомственное ее владение.

Я позволяю моему брату, Иову Пратту, выбрать лошадь из всех лошадей, которые после меня останутся, в награду за несчастье, случившееся с его лошастью, когда я ею пользовался.

Я оставляю моей сестре Дженни Томас большое зеркало, висящее в моей спальне на восточной стороне дома, которое некогда принадлежало нашей нежно любимой матушке.

Я оставляю вдове Катерине Мартин, моей двоюродной сестре, большую подушку, находящуюся в означенной восточной комнате, подушку, которой она так много удивлялась.

Я оставляю выше означенной моей племяннице, Марии Пратт, единственной дочери моего покойного брата Израиля Пратта, все мое имение, которым владею, равно и на что имею право, включая сюда деньги, корабли, земледельческие продукты, мебель, платья и все предметы владения.

Я назначаю Росвеля Гарднера, теперь отсутствующего, единственным исполнителем моей последней воли, если он возвратится в течение шести месяцев после моей смерти; а если он не возвратится в этот шестимесячный срок, то назначаю обозначенную мою племянницу, Марию Пратт, единственной исполнительницей моей последней воли.

Я советую означенной моей племяннице, Марии Пратт, выйти за Росвеля Гарднера, но не полагаю никакого условия для этого, позволяя моей усыновленной дочери быть свободной и делать, что она сочтет за лучшее».

Акт был составлен правильно, и нельзя было оспаривать его действительность. Мария была смущена. Она всегда была так бескорыстна, что не могла привыкнуть считать имения своего дяди своими.

Мы не станем описывать досаду других родственников умершего Пратта; нам довольно сказать, что они не оставили и иголки из того, что имели право взять.

На другой день, в который Росвель мог законно действовать, как исполнитель Пратта, он женился на Марии и сделался обладателем всех ее имуществ по сожительству, основываясь на тогдашнем американском законе, который теперь изменен.

Самым первым делом молодых было прилично упот-

ребить деньги, найденные у подошвы дерева на берегу, о котором было столько говорено. Их было немногим более двух тысяч долларов. Так как невозможно было найти законных владельцев, то дублионы были разделены между семействами, потерявшими близких на острове тюленей. Правда, части не были значительны, но сделали добро нескольким вдовам и сестрам, не имевшим покровителей на этом свете.

Росвель хотел, чтобы «Морской Лев», который отремонтировали, сделал другое путешествие под начальством Газара, чтоб привезти жир и кожи, оставленные на острове. Это путешествие было коротко и счастливо, и деньги, вырученные из продажи кож и жира, Росвель употребил на вознаграждение тех, которые более всех потерпели.

Что касается Росвеля и Марии, то они были совершенно счастливы своей судьбой. Богатство Пратта было гораздо больше, нежели предполагали. При подробной описи наследства узнали, что Мария обладала тридцатью тысячами долларов, что тогда считалось в Ойстер-Понде богатством.

Росвель Гарднер не забыл Стимсона и поручил ему начальство над тендером, плававшим между Нью-Йорком и Сютгольдом.

Единственный признак частного влияния, который позволила себе Мария, было убедить Росвеля переселиться на запад и, следовательно, удалиться от моря.

Росвель продал свою собственность и поселился в этой стране. Он сделался там самым богатым рудокопом.

Отец прекрасного семейства, любя всегда Марию, как в первый день брака, он не думал более о далеких путешествиях. Верный Богу, покровительствовавшему ему и спасшему от стольких великих опасностей, Росвель остался навсегда смиренным и твердым в своей вере, всегда христианином, подле ангела, возвысившего его до величия небесных истин и давшего ему истинное счастье на этой земле.

СОДЕРЖАНИЕ

На суше и на море. Перевод А. А. Энkvиста.	5
Колония на кратере. Перевод А. А. Энkvиста	237
Морские львы. Перевод А. А. Энkvиста	497

Фенимор Купер

Избранные сочинения в девяти томах

Том 8

Редактор *Н. Строганова*

Художественный редактор *И. Сайко*

Технический редактор *Н. Крупская*

Корректор *С. Павловская*

Подписано к печати 02.02.93. Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,12. Усл. кр.-отг. 37,38. Уч.-изд. л. 35,24.
Тираж 200 000 экз. Заказ 108.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

